

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Под редакцией
А. Л. Журавлева и А. В. Юревича

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 716 с. (Методология, история и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0365-5

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются актуальные проблемы развития психологического знания. В фокусе внимания авторов общее состояние и основные характеристики психологического знания, тенденции и перспективы его развития, типы знания в конкретных областях психологии. В процессе анализа рассматривается ряд методологических проблем. Книга адресована как профессиональным психологам, так и всем, кому не безразлично методологическое состояние этой науки.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-9270-0365-5

Содержание

Предисловие	7
<i>А. В. Юревич.</i> Вместо введения: Состав и структура психологического знания	9

Раздел I ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>В. А. Кольцова.</i> Гуманитарное знание: история и перспективы развития	37
<i>Д. В. Ушаков.</i> Анатомия психологического знания.	71
<i>В. А. Мазилев.</i> Психологическое знание и методологические проблемы психологии.	115
<i>А. В. Юревич.</i> Структура психологических теорий	141
<i>Е. Ю. Патяева.</i> Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии	160
<i>В. В. Знаков.</i> Три типа понимания мира человека — три типа психологического знания	194
<i>С. Д. Смирнов.</i> Мир чувств и чувство мира	224
<i>Т. В. Галкина, А. Л. Журавлев.</i> Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева	246

Раздел II ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Т. Д. Марцинковская.</i> Вызовы современной психологии — импульс для развития?	277
--	-----

<i>Е. А. Сергиенко.</i> От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании	308
<i>Т. В. Зеленкова.</i> Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу	332
<i>Т. В. Корнилова.</i> Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии.	368
<i>В. А. Янчук.</i> Социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии	385

Раздел III СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЯ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>И. А. Мироненко.</i> Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки	409
<i>Н. Е. Харламенкова.</i> Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности	431
<i>В. Ф. Петренко.</i> Исследования коллективного бессознательного как одно из перспективных направлений развития психологии.	454
<i>И. Н. Семенов.</i> Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества	472
<i>А. А. Грачев.</i> Психологическое знание в деятельности руководителя: гуманистический аспект.	514
<i>Д. А. Китова.</i> Знания в структуре психологической готовности личности к предпринимательской деятельности.	537
<i>Н. С. Полева.</i> Анализ интеллектуальных сетей как способ саморефлексии психологической науки	562

Раздел IV ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Д. А. Хорошилов.</i> Проблема микро- и макроуровней социального познания: настоящее и будущее.	583
---	-----

<i>Т. А. Нестик.</i> Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества: социально-психологический анализ . . .	602
<i>М. А. Гусельцева.</i> Перспективы развития психологического знания: блеск и нишета прогнозов	628
<i>К. Б. Зуев, Т. А. Нестик.</i> Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google) . . .	671
<i>Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич.</i> Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе	698
Сведения об авторах	714

Предисловие

Знание обычно определяют как адекватное отражение действительности в сознании человека, научное знание — как систему знаний о законах природы, общества, мышления, психологическое знание — как знание о сознании и других компонентах человеческой психики.

В определении научного знания через знание вообще (например, в «Википедии») нет тавтологии. Научное знание — это частный случай знания вообще, которое представляет собой более широкое понятие. Соответственно *научное* психологическое знание, о котором пойдет речь в этой книге, не исчерпывает психологического знания, которое, помимо научного, включает еще и житейское, оставшееся за пределами проведенного авторами анализа.

Научное психологическое знание разделяет ряд общих характеристик и знания вообще, и научного знания в целом, и житейского знания, но при этом оно имеет свою специфику в отношении каждого из этих видов знания, о которой и пойдет речь в настоящей книге.

Естественно, психологическая наука очень разнообразна, но еще большим разнообразием характеризуется современная психологическая практика. В таких условиях, возможно, было бы более уместно вести речь не о психологическом знании, а о *психологических знаниях*. Однако авторов этой книги объединяет убеждение в том, что разнообразие его видов не отменяет существования ряда его общих характеристик, которые дают возможность говорить о нем как едином целом, хотя, как будет показано, степень его единства и целостности оставляет желать лучшего, что традиционно является одной из главных проблем психологической науки и практики.

Проблема состояния, структуры и перспектив развития психологического знания — одна из узловых для методологии психологической науки и практики. В ней сфокусированы и другие методологические проблемы психологии, а некоторые из них специально рассматриваются в этой книге. Однако здесь представлен специфици-

Предисловие

ческий взгляд на них, предопределенный стремлением рассмотреть их именно под углом зрения состояния и перспектив развития психологического знания, что отличает данную книгу от других работ, посвященных методологии современной психологии.

Данная публикация продолжает традицию издания трудов по методологии психологии, сложившуюся в Институте психологии РАН. Продолжает она также традицию анализа постнеклассической рациональности, заложенную В. С. Степиным, который является, пожалуй, наиболее «референтным» для современных отечественных психологов специалистом по методологии науки, оказавшим на них наибольшее интеллектуальное влияние. В работе активно используются и другие идеи этого выдающегося ученого, в частности, его представления о структуре научной теории (статья А. В. Юревича о структуре психологических теорий) и др.

В жанровом плане она представляет собой *сборник научных трудов*, объединенных общей целью анализа и единым углом зрения, но, что естественно, содержащих совершенно разные позиции относительно рассматриваемых проблем.

Структура сборника определяется логикой преподнесения затронутых проблем его авторами и включает четыре основных раздела, содержательное наполнение которых, очевидно, ясно из их названия: «Общее состояние и характеристики психологического знания» (раздел I), «Основные тенденции в развитии психологического знания» (раздел II), «Состояние знания в конкретных областях психологии» (раздел III), «Перспективы развития психологического знания» (раздел IV).

По мнению авторов, книга может быть полезна не только для интересующихся методологией психологии, внимание к которой, несмотря на всевозрастающую погруженность последней в практику, усиливается (с особым удовлетворением можно отметить все более обостряющийся интерес *практической* психологии к ее методологическим проблемам), но и для тех, кому не безразличны обозначенные в названии состояние и перспективы развития психологического знания.

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Вместо введения: состав и структура психологического знания¹

А. В. Юревич

Одной из особенностей современного состояния психологической науки в России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и его носителей – психологов, с другой, ослабление попыток внести порядок в это знание и некоторое пренебрежение по отношению к методологическим вопросам. Такое сочетание не выглядит парадоксальным: если психологическое знание «покупают», а «покупают» его повсеместно и очень охотно, значит, оно того заслуживает, стало быть, нет нужды сомневаться в его адекватности и ломать голову над «проклятыми» методологическими вопросами, которые к тому же, как показывает опыт более чем столетнего развития психологической науки, все равно неразрешимы. Да и вообще отечественные социогуманитарии все более явно превращаются из производителей знания в трансляторы знания, произведенного западной наукой, в нашу социальную практику². В подобных условиях было бы странно, если бы психологи вместо того, чтобы продавать охотно покупаемый у них товар – психологическое знание (или то, что считается таковым), занялись его придирчивым анализом и выявлением его скрытых недостатков.

Тем не менее диспропорция между неудовлетворительным состоянием психологического знания и его высокой востребованнос-

1 Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-02137.

2 Отметим в этой связи, что, например, по мнению Ю. М. Плюснина, в современном обществе «презентационный» тип поведения ученого, состоящий в применении научного знания, его «разыгрывании» и коммерческом внедрении в практику, вообще вытесняет «классический» тип, заключавшийся в производстве этого знания (Плюснин, 2003). В данной связи уместно привести и мнение И. Ф. Кефели о том, что «время научных открытий сменилось временем использования плодов этих открытий, когда науке дается временная (надо полагать) отставка» (Кефели, 1997, с. 19).

тью не может не настораживать, поскольку рано или поздно может обернуться предъявлением психологическому сообществу оправданных рекламаций. А известная мысль непопулярного ныне автора: тот, кто переходит к решению частных вопросов, оставив у себя «в тылу» нерешенные общие, будет постоянно на них натываться (и спотыкаться), — актуальна и поныне. В результате постановка вопроса о том, что же представляет собой психологическое знание, как оно организовано и структурировано, вполне уместна и сейчас, когда приготовленные психологами «блюда» принято, как в рассказе одного из классиков русской литературы, «есть, не глядя в тарелку».

Трудно не согласиться и с тем, что «самая актуальная проблема психологии на современном этапе — это интеграция психологического знания» (Мазилов, 2003, с. 218), если, конечно, не понимать эту интеграцию как искусственное подведение под общий знаменатель заведомо не подводимых под него научных подходов и направлений. А *интеграция* психологического знания едва ли возможна без его систематизации, позволяющей навести хотя бы минимальный порядок в психологическом «хозяйстве».

К числу *основных структурных элементов* психологического знания можно отнести следующие¹:

- 1) базовые «идеологии» (и сопряженные с ними системы методологических принципов);
- 2) категории;
- 3) теории;
- 4) законы;
- 5) обобщения;
- 6) объяснения и интерпретации;
- 7) прогнозы и предсказания;
- 8) факты и феномены;
- 9) знание контекста (установление фактов и феноменов);
- 10) эмпирически выявленные корреляции между феноменами;
- 11) описания;

1 Представленное ниже рассечение «знаниевого поля» психологии — это, естественно, аналитическая абстракция. В действительности элементы психологического знания нередко входят в состав друг друга, пересекаются, накладываются друг на друга и т. п., и это «поле», хотя и не выглядит как «аккуратно постриженный газон» (в чем традиционно видится одна из главных проблем психологической науки), но и не разделено на изолированные «межи».

- 12) методики;
- 13) технологии;
- 14) знания, ассимилированные психологией из смежных наук.

В основании психологического знания лежат *базовые психологические «идеологии»*, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и т. д. Эти «идеологии» и соответствующий им уровень организации психологического знания называют по-разному: парадигмами, подходами, ориентациями, системами знания и др. Но в любых систематизациях психологического знания он непременно присутствует, что неудивительно: данный, наиболее крупномасштабный уровень «рассечения» психологической науки и накопленного ею знания нельзя не заметить (см., напр.: *Методология...*, 2008; *Парадигмы...*, 2012; *Субъективный подход...*, 2009; и др.).

В психологической литературе трудно найти удовлетворительное и достаточно приемлемое определение подобных – на сегодняшний день наиболее глобальных – систем психологического знания и перечисление того, что они охватывают. Психоанализ, например, определяют и как один из базовых подходов в психологии, и как теорию, и как метод, и как область психологической практики, и даже как религию современного западного общества (Беккер, Босков, 1961)¹. Каждое из подобных определений верно, но страдает неполнотой. Когнитивизм, бихевиоризм и психоанализ можно охарактеризовать и как глобальные психологические методологии или «психологические империи» (Юревич, 2000), в границах которых заключены общий образ или модель психологической реальности, основные принципы ее изучения, соответствующие теории, способы производства знания, критерии его верификации и т. д., это дает основание характеризовать глобальные системы психологического знания именно как *идеологии*, выполняющие не только познавательные, но и идеологические функции, например, функцию демаркации «своих» и «чужих».

Каждая из психологических «империй» фактически живет по собственным законам и не имеет с другими психологическими «империями» ничего общего, кроме границ (Юревич, 2000). Это дает основания говорить о том, что наиболее глобальные системы психологического знания, как и куновские парадигмы, «не-соизмеримы» друг с другом, т. е. не вписываются в единые критерии рациональности. Соответственно психология характеризуется

1 А. Р. Вудвордс назвал психоанализ «опасной религией, удушающей науку изнутри» (см.: Аллахвердов, 2003, с. 215).

как *допарадигмальная наука*, т. е. преднаука, которая станет полноценной только тогда, когда в ней будут выработаны общеразделяемые критерии рациональности и достоверности знания, психологические методологии объединятся, а конкурирующие парадигмы сольются друг с другом (Кун, 1975).

Глобальным психологическим «идеологиям», конечно, можно отказать в статусе знания, усмотрев в них не знание как таковое, а лишь «матрицу» для его производства. И они, безусловно, выполняют данную функцию, но при этом являются и собственно *знанием*, поскольку общие представления о психике как о поведении, трансформациях образа, взаимодействии сознания и бессознательного и т. д. предполагают немало знаний, которые и делают возможными переключения «фокуса» видения психологической реальности.

Психологическим категориям, как и базовым психологическим «идеологиям», тоже можно приписать вспомогательную роль, представив их как *средство выражения* психологического знания, а не знание как таковое. И действительно, казалось бы, какое знание содержится просто в обозначениях, даже если это такие термины, как сознание, личность, бессознательное, потребность, мотив и т. п.?

Однако нетрудно заметить, — и этот эксперимент любой психолог может провести над самим собой, — что каждая из подобных категорий вызывает не просто поток словесных ассоциаций, но и актуализирует целый массив знаний — об их наполнении, разнообразии трактовок, истории изучения. Конечно, это знание отчасти пересекается с другими видами психологического знания — в первую очередь, о соответствующих феноменах, однако не сводится к нему. И вполне понятно, почему психологическим категориям нередко отводится роль основных «сгустков» психологического знания и его опорных компонентов (Петровский, Ярошевский, 1998). Вся история психологической науки может быть представлена как история развития психологических категорий, а один из возможных ответов на вопрос о том, в чем же состоит ее прогресс в условиях хаотичности знания и отсутствия его кумулятивности, звучит так: «в обогащении категорий» (там же). То есть про личность или мотивацию мы сейчас знаем больше, чем знали сто или пятьдесят лет назад, и в этом — несомненный прогресс психологической науки (подробнее см.: Прогресс психологии..., 2009).

Психологические категории разнообразны по своему происхождению, однако наиболее рельефно обозначаются три их источника. *Первый* источник — обыденный опыт. Основная часть категорий, которыми оперирует научная психология, — это термины обыден-

ного языка: ощущение, восприятие, эмоции, чувства и др. Иногда они перекочевывают из обыденного языка в категориальный аппарат научной психологии без принципиальных, а иногда и вообще без каких-либо смысловых трансформаций. Иногда подвергаются на территории научной психологии своеобразной «чистке» — переопределениям (обычно множественным), погружению в новые смысловые контексты и т. д. — подобные той, которую Ф. Хайдер произвел при закладывании оснований психологии межличностных отношений (Heider, 1958). *Второй* источник психологических категорий — термины других наук. Например, ключевые категории концепции К. Левина — «поле», «валентность» и др. — откровенно позаимствованы им из естественных наук, хотя все же чаще психология заимствует категории у более близких — социогуманитарных — дисциплин. *Третий* источник психологических категорий носит «внутренний» характер. Многие из них возникают на территории самой психологии, хотя в таких «собственных» категориях психологической науки, как сублимация, каузальная атрибуция и др., как правило, тоже звучат отголоски внешнего по отношению к ней опыта.

Один из главных путей построения единой и стройной системы психологического знания, подобной системам естественно-научного знания, видится в построении *иерархической системы* психологических категорий (Петровский, Ярошевский, 1998). А установление гносеологических отношений между ними рассматривается как эквивалент установления онтологических отношений между соответствующими фрагментами психологической реальности. Такой путь объединения психологического знания — его объединение «сверху», путем «наведения мостов» между психологическими категориями — выглядит гносеологически обоснованным, хотя и чреват построением довольно произвольных конструкций.

В отличие от глобальных систем психологического знания, *психологические теории* определяются довольно часто как «системы взаимосвязанных гипотез и утверждений относительно какого-либо феномена или системы феноменов» (Shaw, Costanzo, 1970, p. 4), «системы ясных утверждений, делающих возможными предсказания относительно эмпирических явлений» (ibid., p. 7) и т. п., хотя в описание этих теорий, как правило, включается обильный материал нетеоретического (эмпирического и др.) характера, который редко вписывается в какую-либо *систему*. Такие определения звучат очень привычно, мало отличаясь от определений теории, которое есть у каждого, кто занимается наукой, и имеют общей чертой

то, что психологические теории определяются как *типовой случай научных теорий вообще*, не обладая какими-либо принципиальными отличиями от теорий в других науках (см. также: Теория и методология..., 2007; и др.).

Не подвергая в данном контексте критике это весьма спорное допущение, отметим, что психологические теории в большинстве случаев строятся в рамках глобальных психологических «идеологий» и, соответственно, в решающей мере зависимы от них. Вместе с тем психологические теории обладают и определенной, хотя и очень ограниченной, автономией от таких «идеологий», в результате чего теория, рожденная в рамках одной «идеологии», может ассимилировать элементы других, как, например, когнитивистская теория каузальной атрибуции, впитавшая в себя вполне бихевиористскую теорию Д. Бема (Андреева, 2000). Но, главное, вопрос об истинности или ложности психологических теорий обычно выносится в плоскость эмпирических верификаций и решается вне зависимости от истинности базовых «идеологий», да и вообще эти теории объясняют фрагменты опыта, успешно вписывающиеся в любые «идеологии». А теории «среднего ранга», которые современная психология явно предпочитает общим теориям, обычно строятся как систематизации отдельных областей психологического опыта, подчиненные не столько теоретическим, сколько практическим целям. Вместе с тем существуют и психологические теории, которые в принципе не могут быть изъяты из контекста соответствующих «идеологий». Наиболее яркий пример — психоанализ (как теория), ни одно из базовых положений которого до сих пор не получило эмпирического подтверждения, в результате чего принятие этих утверждений является «вопросом веры» (Аллахвердов, 2003; и др.), что объясняет характеристики психоанализа «скорее как религии, чем науки».

Психологические законы в основном устанавливаются эмпирическим путем и, как и любые научные законы, представляют собой устойчивую связь явлений. В системе психологического образования преподнесение психологических законов почему-то занимает периферическое место. Типовой психолог куда хуже знает психологические законы, чем физик — физические (что естественно), или, если взять пример из области социальных наук, экономист — экономические (что неестественно), и знает их хуже, чем, скажем, психологические теории. Поэтому есть смысл привести примеры психологических законов¹.

1 Одно из наиболее четких и компактных описаний психологических

- *Закон Фрейда–Фестингера.* Механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить ее с поверхности сознания.
- *Закон Джемса.* Сохранение осознаваемого обеспечивается только путем его изменения.
- *Закон Бардина.* Зона неразличения дифференциального признака сама является дифференциальным признаком, т. е. зависит от других признаков, используемых в опыте.
- *Закон Хика.* Чем менее вероятен предъявленный стимул или требуемая реакция, тем больше времени над этой ситуацией работает сознание.
- *Закон классификации.* Любой конкретный стимул (объект) всегда появляется в поверхностном содержании сознания в качестве некоего класса стимулов (объектов), при этом класс не может состоять из одного члена.

Мечта любой науки – представить все дисциплинарное знание в виде системы законов. Если в психологии она и осуществима в принципе, то этой науке очень далеко до ее осуществления. В то же время возможности психологии в плане выявления и формулирования общих законов нельзя недооценивать: существует немало психологических закономерностей, которые можно сформулировать в виде общих законов. А одним из главных препятствий этому служит близость научного и обыденного психологического познания, стремление психологии ради сохранения статуса науки провести с ним демаркационную линию и, соответственно, избегание ею утверждений, которые могут звучат слишком «тривиально».

К *психологическим обобщениям* можно отнести те связи, которые носят достаточно устойчивый характер, но в силу своего частного характера или каких-либо других причин «не вытягивают» на статус законов или пока не устоялись в качестве таковых (чтобы некая устойчивая связь была признана законом, научное сообщество должно *признать* ее законом, что предполагает достаточно сложный социальный механизм). Примерами таких обобщений могут служить выводы, содержащиеся в заключительной части любой диссертационной работы. Однако мы приведем примеры более «основательных» и известных психологических обобщений.

- Если в прошлом поведение человека подкреплялось в некоторой стимульной ситуации, то, чем больше нынешняя ситуация
-
- законов содержится в книге В. М. Аллахвердова (2000).

ация похожа на ту, в которой осуществлялось подкрепление, тем больше вероятность того, что будет осуществлена и соответствующая активность (Shaw, Costanzo, 1970, p. 76).

- Чем чаще в рамках определенного интервала времени человек подкрепляет активность другого, тем чаще другой будет осуществлять эту активность (ibid, p. 76).
- В процессе восприятия люди стремятся к балансу между минимизацией когнитивных усилий, с одной стороны, и удовлетворением своих основных когнитивных потребностей — с другой (Dual-process theories..., 1999, p. 74).
- Как правило¹, вероятность непосредственной актуализации установки является функцией ее доступности в памяти (ibid., p. 120).
- Как правило, люди обращают большее внимание на информацию, которая соответствует их установкам, оценивают неоднозначные события в соответствии с этими установками, лучше запоминают информацию, соответствующую им (ibid., p. 124).
- Негативные события кажутся более вероятными, когда человек пребывает в плохом настроении, чем когда он пребывает в хорошем настроении, а позитивные события — наоборот (ibid., p. 126).

Психологические обобщения различных уровней, видимо, составляют основную часть *формализованного* психологического знания, и, если проделать мысленный эксперимент, попытавшись представить себе все психологические обобщения, собранные на едином носителе — бумажном или электронном, картина получится весьма впечатляющая. Однако в большинстве случаев они «живут» лишь в том тексте, в котором сформулированы, и лишь небольшая их часть выходит за его пределы в результате либо собственной активности автора в их распространении в психологическом сообществе.

1 Зачин «как правило» очень характерен для формулировок психологических обобщений, отчетливо указывает на их вероятностный, стохастический характер и служит одним из главных отличий этих обобщений от обобщений, характерных для точных наук (для сравнения представим себе формулировки «тела, имеющие массу, как привило падают на Землю» или «Земля как правило вращается вокруг Солнца»). Весьма характерны для психологических обобщений и такие вводные слова, как «принято считать, что», а то и вообще «говорят, что» (см.: Dual-process theories..., 1999), имеющие близкий смысл, но выражающие его еще более утрированно.

шестве, либо того, что другие члены этого сообщества ссылаются на данного автора.

В этой связи психологические обобщения можно разделить на «востребованные» (распространяемые в психологическом обществе) и «невостребованные» (не выходящие за пределы конкретного текста или устного сообщения), отметим, что первые составляют «верхушку айсберга» в сравнении со вторыми. Таким образом, описанный в социологии науки процесс *социализации знания* порождает своего рода пирамиду, на вершине которой находится *публичное знание*, распространяемое в научном сообществе и разделяемое, по крайней мере, некоторой частью его членов, а в основании — *локальное знание* — те обобщения, которые не востребованы, но в любой момент могут быть актуализированы и переведены в разряд публичного знания. Соответственно, адресованные психологической науке упреки в том, что в ней существует дефицит устоявшегося знания (см.: Юревич, 2000; и др.), вызваны, прежде всего, дефицитом *публичного знания*, и эта ситуация производна от дефектов не столько производства, сколько распространения и социализации знания.

Психологические объяснения и интерпретации по своим социальным характеристикам близки к психологическим обобщениям, отличаясь от них своей когнитивной направленностью не на фиксацию связи явлений, а на ее объяснение. Поскольку объяснение является одной из основных функций науки (Никитин, 1970), а сами ученые часто признаются, что поиск объяснений приобретает в их деятельности почти параноидальный характер (Юревич, 2001), объяснения и интерпретации тоже составляют значительную часть психологического знания. К ним располагают также неписанные традиции научного исследования и оформления научных текстов: установив некоторую связь или выявив некий феномен, ученый, как правило, стремится их объяснить, и этот вид психологического знания обычно органически дополняет то «констатирующее» знание, к которому объяснения прилагаются.

Основные виды психологических объяснений в целом те же, что и в других науках: объяснение через подведение под общий закон, объяснение через сведение к теории, объяснение через указание влияющих на объясняемое событие факторов и предшествовавших ему событий, и т. д. (см.: Никитин, 1970). Вместе с тем констатации специфики объяснений в социогуманитарных науках в сравнении с науками естественными (Вригдт, 1986; Harre, 1960; и др.), распространяемы и на психологию. В частности, объяснение, подчиненное

целям понимания, здесь играет не меньшую роль, чем объяснение путем включения объясняемых феноменов в некоторую устоявшуюся систему знания, а перечисление влияющих на эти феномены факторов куда более распространено, чем объяснение путем подведения под общие законы.

Принято считать, что одним из главных недостатков психологии является принципиальная *множественность* объяснений и интерпретаций любого психологического феномена. Этот недостаток нередко выдается за «родовой дефект» всех социогуманитарных наук, отличающий их от наук естественных и технических, где любое явление, якобы, получает строго однозначную трактовку. Однако подобное представление основано на сильном смещении «точки отсчета» – большом искажении образа точных наук. Как отмечает Р. Рорти, обобщая опыт именно этих наук, любое явление может быть объяснено различными способами, и то, что выбирается в качестве объяснения, не предопределено объективным опытом и не задается некими универсальными правилами познания, а зависит от нас (Rorty, 1982). Мы, конечно, не полностью свободны в выборе способов объяснения, связаны некоторыми традициями, общими критериями рациональности и т. д. Скажем, будучи современными людьми, мы не будем объяснять заход Солнца тем, что черепаша, на которой покоится Земля, переворачивается. Но любое даже физическое явление может быть рационально, т. е. в рамках принятых в данной культуре критериев «научности», объяснено на разных уровнях. И любое объяснение представляет собой «вырезание» определенного «локуса причинности».

Любое социальное явление испытывает влияние большего количества факторов, чем явления физические, что достаточно тривиально уже хотя бы потому, что социальные явления находятся под воздействием факторов и физических, и биологических, и социальных. В результате в социогуманитарных науках, объясняющих такие явления, открывается больший простор для подобного «вырезания причинности», т. е. имеется большее количество потенциальных объяснений и интерпретаций любого феномена. Отличие от «жестких» – естественных и технических – дисциплин действительно имеется, но оно не качественное, а количественное, состоящее не в принципиальной возможности разных интерпретаций любого феномена (она имеется во всех науках), а в широте соответствующих интерпретативных полей. Соответственно *интерпретативный плюрализм* – это не недостаток системы психологического знания, а естественное выражение

особенностей предмета этой науки, его более разветвленной онтологии.

Как и любая наука, психология стремится всесторонне «обрабатывать» устанавливаемые ею факты, не только предлагая их интерпретации и объяснения, но и формулируя соответствующие *предсказания*. Правда, широко распространено представление о том, что предсказания в психологии, в отличие от предсказаний точных наук, недостоверны, неполноценны и что вообще эта дисциплина еще «не дозрела» до надежных предсказаний. Такое представление не лишено оснований, но все же не вполне справедливо. Иногда психологические предсказания ничем не уступают прогнозам точных наук, а многие психологические прогнозы не рассматриваются в качестве собственно научных из-за их чрезмерной «тривиальности», т. е. (и в этом заключен парадокс) слишком явной достоверности¹.

Приведем примеры собственно «научных» психологических предсказаний, т. е. предсказаний, которые содержатся в трудах психологов.

- Диады, члены которых физически находятся ближе друг к другу, будут более устойчивы и будут обладать лучшими возможностями достижения позитивных результатов, чем диады, члены которых физически разделены друг с другом (Thibaut, Kelley, 1959).
- Чем меньше люди, вступающие в контакт, знакомы друг с другом, тем большие трудности они будут иметь в предсказании поведения друг друга (Shaw, Costanzo, 1970).
- Чем большие подкрепления люди получают из взаимодействия друг с другом, тем устойчивее это взаимодействие (там же)

Подобные психологические предсказания, как правило, выводятся из базовых утверждений соответствующих теорий. Иногда та-

1 Можно привести такие примеры: «Если загорится ваш дом (не дай бог!), вы из него выбежите», «Если вам сообщат о смерти близкого человека, вы расстроитесь», «Если сгорят ваши сбережения в банке, вы тоже очень огорчитесь» или, напротив, «Выиграв крупную сумму в лотерею, вы обрадуетесь». Это, во-первых, именно предсказания, во-вторых предсказания достоверные (исключения возможны, но очень маловероятны), в-третьих, предсказания психологические, т. е. основанные на психологических закономерностях человеческого поведения. Однако психология не считает их «научными» из-за того, что они слишком «тривиальны» и получены не в психологических лабораториях, а путем житейского обобщения обыденного опыта.

кие предсказания сами представляют собой базовые утверждения этих теорий или, наоборот, базовые утверждения теорий заключают в себе предсказания. Так, например, одно из базовых утверждений теории справедливости звучит так: «Люди всегда стремятся к максимизации своих приобретений и к минимизации потерь». Нетрудно заметить, что в этом утверждении заключено предсказание — о том, что любой человек в любой конкретной ситуации будет вести себя соответствующим образом.

Психологические предсказания достаточно разнообразны. В первом приближении их можно разделить на две глобальные категории: а) общие предсказания (или предсказания-обобщения) и б) частные предсказания. Примеры общих предсказаний, наделенных квантором всеобщности, были приведены выше. Такие предсказания звучат как обобщения и распространяются на всех людей или, по крайней мере, на достаточно большие социальные группы. Частные предсказания относятся к конкретным людям или социальным группам и больше характерны для психологической практики. Это — предсказания о том, как будут восприняты действия того или иного политика, как поведет себя та или иная группа потенциальных потребителей нового товара и т. п.

Частные предсказания могут быть связаны с общими предсказаниями разными типами связей. Иногда они представляют собой простое логическое следствие общих прогнозов. Например, можно сформулировать прогноз о том, что данный политик будет стремиться получить более высокий пост в каком-то органе как простое следствие общего предсказания о том, что все люди во всех ситуациях стремятся к максимизации своих выигрышей. Но значительно чаще восприятие или поведение, являющееся объектом прогнозирования, носит *комплексный характер*, и частный прогноз строится на основе взаимодополнения ряда предсказаний общего характера, к тому же дополненного неформализованным личностным знанием того, кто его строит.

Хотя прогнозы о том, как люди поведут себя в той или иной ситуации, обычно вытекают из каких-либо других видов психологического знания — теорий, обобщений и др. (особенно это касается общих прогнозов-обобщений), их вполне можно считать самостоятельной разновидностью психологического знания, обладающей как практической, так и познавательной ценностью и являющейся необходимым дополнением других его видов.

Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» *эмпирического* знания психологии.

От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее¹ постоянно, по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности. Например, тот факт, что объем непосредственной памяти равен 7 ± 2 элемента, во-первых, обладает достаточной воспроизводимостью в рамках обозначенного диапазона, во-вторых, важен для психологической науки и практики, а также имеет большое значение для предсказания возможностей человека и для познания механизмов непосредственной памяти.

Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило, бывают зафиксированы в специально организованных условиях психологического исследования. Описанный факт был установлен экспериментально, причем не в одном, а в многочисленных экспериментах. Некоторые из психологических фактов и феноменов могут быть установлены только в специально организованных условиях, а зафиксировать их в обыденном опыте практически невозможно. Но даже если некое психологическое явление рельефно проявляется в обыденной практике, для того чтобы приобрести статус факта или феномена психологической науки, оно должно быть воссоздано и продемонстрировано в специальных условиях. Так, скажем, явление беспричинной агрессии известно достаточно давно, но для придания ему статуса научного феномена понадобился эксперимент С. Милгрэма (см.: Шихирев, 1999). Да и вообще одной из закономерностей формирования эмпирического знания в психологии является то, что эта наука, как правило, не признает обыденные наблюдения и обобщения в качестве научных фактов, а стремится перевоссоздавать их в условиях психологического экс-

1 Употребленные в этой фразе оговорки «относительно», «достаточно», «более или менее» служат своего рода «фирменным знаком» психологических феноменов и их отличием от феноменов, скажем, физических. Однако и физические феномены обладают лишь относительной воспроизводимостью. Вспомним классическое «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». А любое физическое явление всегда в чем-то отличается от другого аналогичного физического явления. Скажем, любой дождь всегда чем-то отличается от любого другого дождя.

перимента. Такое перевоссоздание и переопределение в терминах научной психологии служит для обыденных наблюдений своего рода пропуском на ее территорию (см.: Взаимоотношения..., 2015).

Некоторые факты и феномены психологической науки, такие как объем непосредственной памяти, по существу, являются ее эмпирическими обобщениями, а граница между ними и другими видами психологических обобщений весьма условна. Тем не менее факты и феномены всегда привязаны к конкретному опыту в отличие от обобщений всегда очень наглядны, носят констатирующий, а не объяснительный характер и явно имеет смысл разделять эти два вида психологического знания.

Что же касается различий между двумя наполнителями данной категории психологического знания — фактами и феноменами, то они очень релятивны. Одни и те же явления иногда называют фактами, иногда — феноменами. В то же время можно уловить тенденцию относить к категории феноменов наиболее «интересные» факты, содержащие элементы неожиданности и парадоксальности, противоречащие как здравому смыслу, так и предшествовавшим установлению этих феноменов научным представлениям о человеческой психологии. Можно сказать, что феномены — это своего рода «привилегированные» факты, признанные особо значимыми и интересными для психологии, а следовательно, прошедшие оценочную процедуру социализации знания.

Психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как *знание контекста* установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления.

Иногда в необходимости такого дополнения усматривают проявление «ненадежности» эмпирического знания психологии и его главное отличие от эмпирического знания точных наук. Мол, когда физик утверждает, что все тела, обладающие массой, падают на Землю, ему нет нужды уточнять, где, когда и при каких условиях эта закономерность была установлена, а психолог непременно должен указывать, какими методами и в какой стране проводилось исследование, насколько многочисленной была выборка, кто входил в ее состав и т. д.¹

Подобное представление верно лишь отчасти. В неклассической, а тем более в современной — постнеклассической (Степин,

¹ Отметим, что подобная релятивность дисциплинарного знания, его большая зависимость от социокультурного контекста расценивается как свойство и других социогуманитарных наук (Ядов, 2003; и др.).

1989) — науке описание результатов наблюдения всегда предполагает и описание *условий* этого наблюдения, внеконтекстуального знания, абсолютно независимого от контекста его установления, вообще не существует. Так что принципиальной, качественной разницы между психологией и точными науками в этом плане не существует. Однако количественная разница, безусловно, есть. Любой психологический феномен проявляется по-разному (или не проявляется вообще) в зависимости от внешних и внутренних условий. Так, феномен неспровоцированной агрессии может проявляться, а может — не проявляться, объем нашей непосредственной памяти варьируется в пределах формулы 7 ± 2 в зависимости от нашего самочувствия, психологического настроения, сконцентрированности и т. п. И размеры зависимости от контекста в психологии, как и в других социогуманитарных науках, существенно больше, чем в науках естественных и технических (см. также: Новое в науках..., 2015; и др.).

В принципе из-за большой зависимости любых психологических феноменов от условий их проявления знание контекста можно было бы объединить со знанием самих феноменов, которые всегда контекстуально обусловлены. Тем не менее это разные виды знания хотя бы потому, что, с одной стороны, знание о феноменах всегда, в том числе и в точных науках, существует в виде, абстрагированном от знания контекста, с другой, знание контекста может быть обобщено и отчуждено от знания о феноменах, например, в виде обобщений о том, как внешние и внутренние условия влияют на протекание психических процессов.

Существенную часть психологического знания составляют и эмпирически выявленные *корреляции между феноменами*, которые представляют собой наиболее простой и удобный для психологической науки способ упорядочивания и организации психологической феноменологии. И неудивительно, что приращение эмпирического знания идет в психологии главным образом этим путем, большой редкостью являются, например, диссертации, в которых вообще не приводятся коэффициенты корреляции.

Увлечение психологов установлением корреляций общеизвестно. Именно они представляют собой главный продукт союза психологии с математикой, в котором психология традиционно видела залог своей «научности». А слова, сказанные Д. Картрайтом в 1970-е годы: «Может создаться впечатление, что психология вообще осталась бы не у дел, если бы не существовало метода анализа вариаций» (Cartright, 1979, p. 87) — справедливы и по сей день. Психологическая наука может быть охарактеризована как «фабрика по произ-

водству корреляций», а типовое психологическое исследование, выполненное в соответствии с позитивистскими стандартами «научности», представляет собой вычисление корреляций между зависимыми и независимыми переменными, и именно на этих корреляциях базируются вытекающие из него обобщения.

Корреляции весьма эфемерны – в том смысле, что измерение корреляций между любыми двумя переменными в двух разных исследованиях наверняка даст несколько различающиеся результаты. В итоге, как пишет В. М. Аллахвердов, «психологи-эмпирики, к сожалению, весьма редко проверяют, насколько, например, корреляции, обнаруженные ими в одном исследовании, воспроизводимы в другом. Но, видимо, догадываются, что такая проверка, скорее всего, привела бы их к удручающим результатам» (Аллахвердов, 2003, с. 195). Однако, во-первых, собственно знанием, видимо, следует считать сам факт наличия корреляций, а не конкретные коэффициенты корреляции, которые уникальны в каждом конкретном случае их измерения. Во-вторых, это «скользящее», *релятивное* знание, сильно зависимое от контекста его установления. Но не более релятивное, чем большинство других видов знания в психологии и в других социогуманитарных науках.

Корреляции принято считать «сырым» или первичным психологическим знанием, его «полуфабрикатом», поскольку они должны быть осмыслены, обобщены, проинтерпретированы в терминах стоящих за ними причинных связей. Однако после построения на базе корреляций знаний более высокого уровня – интерпретаций, обобщений и т. д. – корреляции не утрачивают самостоятельного смысла, тоже оставаясь психологическим знанием. Нередко они становятся и «публичным» знанием, подвергаясь обсуждению, проверке и переинтерпретациям.

Несмотря на то, что повсеместное вычисление корреляций превратилось в психологии в некий ритуал, основанный не только на культе математики, но и на давно устаревших позитивистских стандартах производства научного знания и соответствующем образе науки (Юревич, 2000), они продолжают играть очень важную роль. Установление корреляций, если осуществляется в достаточно продуманном смысловом контексте, содействует как приращению психологического знания, так и приданию ему более связного вида. В определенном смысле можно сказать, что корреляции «склеивают» различные фрагменты психологического знания, соединяя его если не в единое целое, то, по крайней мере, во внутренне согласованные локусы.

Теоретически можно предположить, что в результате накопления корреляций с помощью установления корреляций «всего со всем» можно построить единую систему психологического знания, которая в таком случае была бы создана чисто эмпирическим путем. Однако подобный прогноз, скорее всего, вызовет лишь заслуженную иронию, а корреляции пригодны для того, чтобы «склеивать» знание в пределах его локальных систем, соотнесение и объединение которых требует принципиально иного подхода.

В отличие от вычисления корреляций, *психологические описания* представляют собой малоформализованный способ установления связей между психическими явлениями (и фиксации самих явлений). Их иногда рассматривают как наиболее простой вид психологического знания и продукт первого этапа психологического познания. Однако нередко эти описания являются, напротив, конечным, а не начальным продуктом комплексного психологического анализа, включающего применение специальных методов. Например, такие социально-психологические исследования, как выполненное Дж. Хомансом (Homan, 1961), признанные в психологической науке «классическими», увенчиваются именно описаниями комплексных психологических ситуаций, и подобные описания уместно считать не начальным, а завершающим этапом исследовательского цикла. Таким и более простым, описаниям трудно отказать в статусе *знания*. Они всегда аналитичны, содержат элементы обобщений, акцентируют скрытые компоненты изучаемых явлений, вскрывают их механизмы, достаточно систематизированы и обладают другими атрибутами научного знания.

Сложнее обстоит дело с психологическими описаниями, авторы которых не являются профессиональными психологами. Так, широко распространено мнение о том, что наиболее удачные психологические описания принадлежат не психологам, а писателям. По мнению Ф. Хайдера, например, лучшие описания психологических ситуаций даны Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским (Heider, 1958). Психологи гуманистической ориентации считают подобные описания полноправной частью научного психологического знания. По мнению же психологов позитивистской ориентации, эти описания — все-таки «что-то другое», хотя и, безусловно, полезное для научной психологии.

В целом же описания пронизывают в психологии, как, впрочем, и в любой другой науке, весь исследовательский цикл (симптоматично словосочетание «описание результатов исследования»), а не являются лишь его отправным пунктом, входят в состав всех

прочих элементов психологического знания, представляют собой его составляющую, не элиминируемую никакими позитивистскими процедурами. Степень же формализации и языки психологических описаний производны от общих «идеологий» психологического исследования, от теоретических, методологических и других ориентаций психологов.

Исследовательский инструментарий научной психологии — *методы психологического исследования* — тоже можно включить в состав психологического знания. Хотя в позитивистских традициях принято считать, что методы любой науки — это не само знание, а лишь *средство* его получения, вся постпозитивистская рефлексия науки убедительно демонстрирует, что это не так.

Во-первых, любой метод представляет собой *знание о том, как получить знание*, т. е. одновременно и само знание, и средство его получения, и при этом содержит значительный пласт информации об условиях его получения — о том, при каких обстоятельствах проявляется тот или иной феномен, какие факторы влияют на его проявление, как можно нивелировать их влияние и т. п. Подобная информация сродни знанию контекста, но отличается от него более «активным» характером, представляя собой знание об условиях проявления того или иного феномена *в контексте воздействия на него со стороны экспериментатора*. Кроме того, абсолютно стандартизированных методов вообще не существует, любой из них представляет собой ноу-хау, предполагающее значительную долю неформализованного «личного знания» (Полани, 1984). Наиболее ярким примером и здесь может служить психоанализ, который в плане его воздействия на западное общество имеет много общего с религией, а в плане особенностей его применения больше напоминает неповторяющееся искусство.

Во-вторых, как уже отмечалось выше, любой метод всегда «теоретически нагружен», построен в некоторой смысловой системе, выражающей базовые смыслы соответствующей теории и научной «идеологии», и, как хорошо известно из истории науки, даже результаты простого наблюдения описываются и интерпретируются в системе определенных, заданных общей теорией, смыслов. Соответственно, психологические методики представляют собой конкретизацию и операционализацию того знания, которое содержится на уровнях психологических теорий и «идеологий». Эти операционализации, выведенные из более общих положений, тоже представляют собой новый вид знания — подобно тому, как становятся новым знанием выведенные из общих утверждений гипотезы

в случае их эмпирического подтверждения. Но при этом они содержат и некоторое дополнительное знание, например, о том, как общие положения теорий «работают» в исследовательской практике, обеспечивая теориям обратную связь с этой практикой, в результате которой они нередко подвергаются если не опровержениям (как хорошо известно из философской методологии науки, сами по себе эмпирические факты «не опасны» для теорий – Фейерабенд, 1986; и др.), то во всяком случае уточнениям и коррекциям.

Таким образом, исследовательские методы психологии служат не только *средством* получения знания, а сами содержат в себе разнообразные виды психологического знания, являясь его важной «операционализированной» разновидностью.

То же самое можно сказать и о методах прикладной психологии, которые часто называют «психологическими технологиями», хотя они имеют не только технологическую составляющую (подробнее см.: Соснин и др., 2011). *Психологические технологии* – это тоже операционализированный вид психологического знания, имеющий много общего с методическим знанием психологии, однако отличающийся от него по целевому назначению: если в методах психологии содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях – о том, как его *применять для решения практических задач*.

Накопление технологий сейчас является одним из магистральных направлений развития психологического знания. Как пишет А. Ш. Тхостов, в психологии «жалкое состояние теории стало еще более очевидным на фоне бурного развития инструментальных технологий» (Тхостов, 2002, с. 34). Что неудивительно, ведь, как справедливо отмечает В. А. Лекторский, практическое психологическое воздействие возможно и вне науки, и вне теории (Лекторский, 2001), заработать на нем можно существенно больше, и поэтому подавляющая часть отечественного, да и зарубежного психологического сообщества развивает именно технологии, а не фундаментальную психологическую науку и тем более не теорию.

Психологические технологии сейчас широко распространены в самых различных сферах социальной практики (см.: Журавлев и др., 2016; и др.), а двадцать пятый кадр, детектор лжи и психотропное оружие (независимо от того, существует ли оно), благодаря беллетристике настолько прочно укоренились в массовом сознании, что стали в нем одними из главных символов психологии как науки. Если для профессиональных психологов их наука ассоциируется, прежде всего, с психоанализом, бихевиоризмом и т. д., то для обыва-

теля — именно с детектором лжи или психотропным оружием. Однако массовое сознание всегда усваивает наиболее яркое, а потому нетипичное. Приведенные примеры как раз не характерны для психологических технологий, поскольку эти технологии, как правило, не имеют материальных носителей, предполагают значительную долю неформализованного личностного знания и выглядят скорее как ноу-хау, чем как собственно технологии. О том, как привести к власти политика или улучшить психологический климат организации, можно написать книгу и не одну, эксплицировав в ней некоторую часть соответствующего ноу-хау, но это знание нельзя представить в виде четкой и стройной технологии, подобной двадцать пятому кадру. Кроме того, сейчас уместнее говорить о психологической составляющей *комплексных социальных технологий* (точнее, тоже ноу-хау), а не о собственно психологических технологиях.

Психологические технологии находятся в довольно сложных и неоднозначных отношениях с другими видами психологического знания, иногда доходящих до отсутствия всяких отношений, и их уместнее считать операционализацией более фундаментальных видов психологического знания лишь с достаточной долей условности. Большинство из них строится в рамках общих психологических «идеологий», разделяя основополагающие принципы последних, поэтому различают психоаналитически ориентированную терапию, бихевиоральную терапию, гештальттерапию и др. Однако соответствующие системы технологий строятся путем операционализации не только лежащих в их основе общих систем психологического знания, но и личного опыта психотерапевтов, здравого смысла и мн. др. Отношения же психологических технологий с базовыми системами психологического знания весьма релятивны, что дает основания констатировать раскол или «схизис» между исследовательской и практической психологией (Василюк, 2003), хотя в нынешних условиях, когда большинство отечественных «академических» психологов вынуждены подрабатывать в качестве практиков, глубину этого «схизиса» не следует и переоценивать. Происходит его если не когнитивное, то, по крайней мере, социальное преодоление, поскольку одни и те же люди занимаются и наукой, и практикой, в результате чего ярко описанная Ф. Е. Василюком «диссоциированность» (там же) психологического сообщества постепенно отходит в прошлое.

В плане накопления знания, *заимствованного у смежных наук*, психология не является уникальной дисциплиной. В состав любого дисциплинарного знания входит знание, позаимствован-

ное данной наукой у других научных дисциплин, причем, как правило, менее развитые науки заимствуют знание у более развитых, и, чем моложе дисциплина, тем больше в составе накопленного ею знания удельный вес знания «заимствованного».

Естественно, любая наука заимствует знание в основном у смежных дисциплин, изучающих схожие объекты. Соответственно, «заимствованное» знание психологии — это преимущественно знание, позаимствованное ею у философии, социологии, биологии, педагогики, а также у «науки наук», точнее, у «универсального языка» всех наук — у математики. В этом легко убедиться на примере структуры психологического образования. Любой курс по истории психологии имеет в своем составе объемную философскую часть: история психологических идей обычно отмеряется от Платона и Аристотеля, проходит через философские системы Сенеки, Лукреция Кара, Б. Спинозы и др. Социально-психологические курсы охватывают социологические системы О. Конта, Ч. Спенсера и т. д., и, по общему признанию, этого недостаточно: концепции М. Вебера, П. Сорокина и др. тоже давно пора включить в систему психологического образования. Целый ряд разделов психологии, таких как психофизиология и нейропсихология, широко используют биологическое знание, считая его «своим». Описанные выше корреляции опираются на математическое знание о том, как их измерять. На стыке психологии и математики возникла математическая психология, на стыке психологии и социологии — социальная психология, на стыке психологии и педагогики — психология педагогическая. Список подобных примеров можно долго продолжать, в чем, разумеется, нет большой необходимости (см.: Психология..., 2003; и др.).

Следует лишь отметить, что «заимствованное» знание практически никогда не ассимилируется научной дисциплиной в его исходном виде, а всегда «переваривается» ею в контексте ее собственных категорий и объяснительных принципов, что превращает это знание из «чужого» для этой дисциплины в «свое» для нее. Скажем, знания психологов о человеческом мозге, позаимствованные у биологов, включены в контекст соответствующих психологических знаний, например, о высших психических функциях, что делает эти знания в значительной степени «психологизированными». То же самое происходит и с другими видами «заимствованного» знания, которое всегда является знанием *данной* науки, позаимствованным ею у других дисциплин, но творчески переработанным ею и выраженным в системе ее собственных смыслов.

В условиях характерного для современной науки нарастания тенденции к меж- или кросс-дисциплинарности в психологии возникают целые области *междисциплинарного знания* (Журавлев, 2007; и др.) — например, политическая психология, — которые в своей основной части укомплектованы знаниями смежных наук. Такие области сейчас служат главными каналами междисциплинарных влияний, через которые осуществляется как междисциплинарный «импорт», так и междисциплинарный «экспорт» знания, а соответствующие его области приобретают характер, скорее, не меж-, а кросс- или наддисциплинарных.

Беглое рассмотрение структуры психологического знания, помимо выполнения собственно систематизаторских целей, позволяет сделать ряд *выводов* относительно его характера и строения.

1. В структуре этого знания можно выделить компоненты, в общем-то являющиеся стандартными составляющими любого научного знания и служащие «строительными лесами» системы познания в любой науке. Вместе с тем в психологии и строение этих «лесов», и вид некоторых из их «ступеней» обладает спецификой. Например, большое значение имеют базовые «идеологии», знание контекста и др., которые для многих наук мало актуальны.
2. Психологическое знание выглядит довольно-таки *бессистемно*. Выстроить какую-либо *единую* «пирамиду» этого знания пока не представляется возможным. В принципе можно построить несколько таких «пирамид» на идейно-методологических основаниях бихевиоризма, когнитивизма, психоанализа, гештальтпсихологии и др. Но любая из подобных «локальных пирамид», скорее всего, окажется очень неустойчивой, ибо знание, накопленное в рамках каждой из этих идейно-методологических ориентаций, трудно уложить в единую систему. А некоторые элементы психологического знания, например, инструментальные технологии, могут вообще остаться за пределами таких пирамидальных конструкций.
3. Психологическое знание *релятивно*, причем можно выделить три основных слагаемых этой релятивности. Во-первых, то, что считается знанием в рамках одних психологических школ и направлений, далеко не всегда признается таковым в контексте других, т. е. психологическое знание «привязано» к определенному идейно-методологическому контексту его производства. Во-вторых, оно «привязано» к определенному объекту и к той социокультурной (макро- и микро-) среде, в которую он по-

гружен, а знание, полученное применительно к одной культуре, часто оказывается неприменимым к другим культурам. В-третьих, психологическое знание ситуативно и «привязано» к определенному времени: скажем, коэффициенты корреляции, измеренные на одной и той же выборке, спустя некоторое время, всегда оказываются несколько другими.

4. Психологическое знание в значительной мере зависимо от процесса его *социализации*, т. е. от оформления психологического опыта в соответствии с определенными правилами. Не всякое психологическое знание признается собственно знанием, а, чтобы стать таковым, оно должно пройти достаточно длительную «социальную обработку», на которую далеко не у всех психологов, в том числе и у исследователей, хватает сил, времени и возможностей. В результате реальный массив психологического знания намного превосходит «официальное» знание научной психологии. Во многом поэтому создается впечатление, иногда верное, иногда — неверное, будто, например, практикующие психологи в своей работе опираются не на научное знание, а на смесь интуиции и обыденного опыта.
5. В то же время все это не означает, что психологическое знание эфемерно и мало похоже на то, что принято считать знанием в точных науках. Психологическое знание — это тоже Знание (да простит читатель такую тавтологию), но, во-первых, знание плохо организованное, во-вторых, знание «скользящее», изменяющееся вслед за его постоянно изменяющимся объектом. В то же время неорганизованность, релятивность и бессистемность психологического знания не следует абсолютизировать, а тем более демонизировать.

В принципе любая книга по психологии — это определенным образом *организованное* психологическое знание, а его абсолютно хаотическое нагромождение встречается разве что в тезисах конференций, да и то лишь в том случае, если составители тезисов не дают себе труда его систематизировать. В то же время это организованность особого рода, отличающаяся от типовой организации знания в точных науках и определяющаяся не столько онтологией изучаемых объектов (хотя и ею тоже), сколько потребностями познающего субъекта — в основном, потребностями психологического общества — в облегчении понимания и изучения этих объектов.

Релятивность психологического знания тоже не следует переоценивать. При всем его «скользящем» характере в нем остаются инвариантные и неизменные компоненты, например, психо-

логические законы, хотя их инвариантность и неизменность тоже не вполне таковы (вспомним 7 ± 2), как их принято понимать в естественных науках.

У специалистов, озабоченных состоянием психологического знания, имеются три варианта (у всех прочих психологов, составляющих основную часть психологического сообщества, есть и четвертый вариант, описанный в начале этой статьи – просто не задумываться о состоянии психологического знания). Либо смириться с «вечным кризисом» психологической науки, воспринимая ее как науку, находящуюся на допарадигмальной стадии развития и списывая все ее недостатки на ее недостаточную развитость. Либо ожидать формирования единой парадигмы, о которой давно мечтает психологическое сообщество, которая объединит психологическую науку и придаст психологическому знанию организованный, устойчивый и надситуативный характер. Либо попытаться найти нетрадиционные варианты организации психологического знания, не глядя с перманентной завистью вслед точным наукам, которые, кстати, не так «точные», как принято считать в среде завидующих им гуманитариев.

Литература

- Аллахвердов В. М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддъяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Вригдт фон Г. Х.* Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986.

- Кефели И. Ф.* Наука до и после ИТР // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов / Под ред. С. А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. Вып. XI. С. 19–24.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Мазилев В. А.* Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии / Под ред. В. В. Новикова. Ярославль: МАПН, 2003. С. 205–237.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Никитин Е. Н.* Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Плюснин Ю. М.* Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 74–95.
- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V международной научно-практической конференции. Казань: Отечество, 2011. С. 158–163.
- Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Вместо введения: состав и структура психологического знания

- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Юревич А. В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
- Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
- Ядов В. А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в психологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–19.
- Cartright D.* Contemporary social psychology in historical perspective // Social psychological quarterly. 1979. V. 42. P. 82–93.
- Dual-process theories in social psychology / Eds S. Chaiken, Y. Trope. N. Y.: Guilford Press, 1999.
- Harre R.* An introduction to the logic of science. L.: Macmillan, 1960.
- Heider F.* The psychology of interpersonal relations. N. Y.: Plenum Press, 1958.
- Homans G. C.* Human group. N. Y.: Plenum Press, 1961.
- Rorty R.* Consequences of pragmatism. Minneapolis: University Of Minnesota Press, 1982.
- Shaw M. E., Costanzo P. R.* Theories of social psychology. N. Y.: McGraw-Hill, 1970.
- Thibaut J., Kelley H. H.* The social psychology of groups. N. Y.: Academic Press, 1959.

Раздел I

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Гуманитарное знание: история и перспективы развития

В. А. Кольцова

Введение

С начала XX столетия наступает «новая эра» в развитии науки. Она ознаменовалась окончанием единовластия естественной парадигмы в науке и связанной с ней сциентистской стратегии исследования, когда монолит естественно-научного знания в научном пространстве оказался потеснен, наряду с ним появляется и сначала робко, а затем все сильнее заявляет о себе гуманитарное научное знание. В психологии это связано с появлением гуманистического направления, интенсивным развитием исследований в области персонологии, исторической психологии, психоистории и др.

В связи с этим возникает вопрос о специфике гуманитарного знания, его сущности, особенностях его объекта и методов исследования, о его соотношении с естественно-научным знанием.

Сущность гуманитарного знания

В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение гуманитарного знания: «Гуманитарный. О науках: относящийся к изучению культуры и истории народа в отличие от наук о природе» (Ожегов, 1983, с. 133).

Уже отсюда следует, что гуманитарное знание имеет особый объект — «мир человека», существующий и развивающийся в культурном и социально-историческом пространстве. Оно изучает человека не с позиций его телесной организации, не как «физическое тело», а как воплощающего в себе человечески значимое содержание. Как отмечал М. М. Бахтин, гуманитарное знание — знание о человеке, а не о безгласной вещи или естественном явлении. Гуманитарные науки имеют дело с особой реальностью — субъективно насыщенной и субъективно опосредованной, представленной

в «зеркале» человеческого осознания и переживания, того, что ценно и значимо для человека в его прошлом, настоящем и будущем. Человек, в отличие от физической вещи, — не бесстрастное существо. Он носитель сознания, субъективного взгляда на любые рассматриваемые им явления, интенций, ценностей, значений и индивидуальных смыслов (см.: Ананьев, 2000; Методология комплексного человекознания..., 2008; Новое в науках в человеке..., 2015; и др.). И именно в этом качестве он выступает в гуманитарном знании, поэтому включение в процесс познания субъективного, смыслового и ценностного измерения составляет суть и особенность гуманитарного знания.

Познающий субъект в гуманитарном исследовании не ограничивается, подобно естествоиспытателю, выявлением фактов, но — что очень важно — также интерпретирует их с позиций собственного мировоззрения, своей системы ценностей и отношений, имеющегося у него интереса к познаваемому и тем самым наделяет их своеобразным личностным смыслом. Соответственно важнейшими для гуманитарного знания являются методы интерпретации и понимания.

Поскольку гуманитарные науки имеют дело с человеком и созданными им творениями, то они существуют в диалоговой форме. Познавая человека как активное, деятельное существо, исследователь с необходимостью вступает с ним в диалог, позволяющий понять его уникальный внутренний мир, присущие ему мысли и представления, чувства и эмоции, интенции и ценности. При этом одновременно изменяется, преобразуется и познаваемый, и познающий. Исследуя созданные человеком культурные ценности, в процессе мысленного диалога с их творцами исследователь раскрывает воплощенный в них психический мир их создателей. Диалогичность — базовый признак гуманитарного познания.

Гуманитарные науки по своей направленности и способам исследования познаваемой реальности относятся к наукам синтетического типа: они имеют дело с целостным человеком «во плоти и крови» (или целостной социальной общностью), а не с отдельными аналитически выделенными его составляющими (см.: Психология человека..., 2009; Развитие психологии..., т. 1–2, 2012; и др.). И в этом заключается их огромное преимущество, состоящее в преодолении раздробленности представлений о человеке и его внутреннем мире. На смену изучения абстрактного человека, «человека вообще» приходит исследование конкретного человека в его реальном бытии, социальной, культурной и исторической обусловленности.

Таким образом, нарушая важнейший канон естественно-научного исследования — строгая объективность при минимизации или исключении субъективной составляющей, — гуманитарное познание существенно расширяет пространство научной мысли.

Практическое значение гуманитарного знания заключается в его воспитательной функции — обеспечении развития сознания человека, формирования его мировоззрения, системы отношений к действительности, другим людям, себе, понимания мира и собственного места в нем.

Учитывая ключевую роль «человеческого капитала» в развитии общества, его инновационных преобразованиях, следует признать важность гуманитарного научного знания как существенного ресурса в решении стоящих перед обществом задач. Просвещая человека, формируя его мировоззрение и личную позицию в социуме, гуманитарные науки обеспечивают успешное развитие современного общества, определяют его стабильность, социально-психологическое и морально-нравственное благополучие (см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Доверие и недоверие..., 2013; Современная социальная реальность..., 2014; и др.).

История становления и развития гуманитарного знания

Гуманитарное знание имеет длительную историю развития, являясь исходно первичным, зародившимся у истоков становления человеческого познания. Само понятие «гуманитарное знание» переводится с греческого как «образованность», «эрудированность», «воспитанность». Оно имело предельно широкий смысл, отражающий одновременно как получение знаний, так и морально-нравственное воспитание человека; было ориентировано на совершенствование личности.

В период Античности гуманитарное знание воплощалось в философии — универсальной науке, рассматривающей все стороны и уровни бытия — космос, природу, общество, человека. Его природа и назначение обсуждались в работах Исократы, получили развитие в диалогах Сократа и его учеников — Ксенофонта и Платона, в трудах Аристотеля и Цицерона, а также многих других античных мыслителей.

Так, известный афинский ритор V–IV в. до н. э., создатель школы словесности и общеэллинского литературного языка, автор наставительных речей, обращенных к правителям и народу, Исократ считал своей задачей не только обучение риторике, но и формиро-

вание добродетелей людей, полагая, что знания побуждают к правильным поступкам.

Моральная традиция познания восходит к древнегреческому мыслителю Сократу (V в. до н. э.), впервые осуществившему поворот от натурфилософского изучения природы к познанию человека. В учении Сократа знание неразрывно связано с нравственным развитием личности: добродетели личности проистекают из знания. Осознавая этические понятия, заложенные в душе, — добро, справедливость, истина и др. — человек превращает их в собственные личностные свойства, обретает нравственные добродетели как регуляторы своих действий и поступков. Соответственно знание того, что есть добро, мужество, справедливость, делает человека добрым, мужественным, справедливым.

Идеи Сократа легли в основу взглядов его ученика и последователя Ксенофонта (V–IV в. до н. э.), автора воспоминаний о жизни и мученической смерти своего великого учителя. Мысли Сократа развиваются и иллюстрируются Ксенофонтом в «Киропедии», в которой он описывает воспитание и деятельность идеального, с позиции сократовского учения, правителя — Кира Старшего. Воспитанный на идеях Сократа, Кир Старший предстает в изложении Ксенофонта как «философ на троне», а значит, мудрый политик, мужественный военачальник, заботливый попечитель о благе народа, нравственный человек, подающий пример своим подданным.

Платон (V в. до н. э.), являясь учеником Сократа, концептуально осмыслил его идеи, положив их в основу созданного им учения об идеальном мире и бессмертии души. Говоря о «чистом разуме» души, не исчезающем со смертью тела, а сохраняющем свою жизнь в идеальном мире, он включает в его структуру не только рациональное знание, но и моральные добродетели.

Таким образом, на начальном этапе развития знание носило описательный характер, опиралось на жизненный опыт, наблюдения и логические рассуждения. Целью знания признавалось развитие разума как высшей части души человека, нравственное совершенствование личности. Уже здесь проявились те черты, которые в ходе дальнейшего развития познания прочно закрепляются за гуманитарным знанием: центрированность на человеке как главном предмете исследования; описательность; наличие наряду с рациональным компонентом морально-этической составляющей.

Занятия наукой рассматривались как высшая ценность, высшее благо и высшее добро, способ приобщения души к высшему, божественному, ее «очищение». Утверждалось, что знания обогащают

человека, просвещают и воспитывают. Согласно Платону, достигнув высшей ступени познания (интуитивного надрационального знания), душа обретает способность непосредственного созерцания вечных идеальных истин, открытых только «чистому» разуму. Совершенствование личности и критерии ее оценки связывались непосредственно с ее знаниями: самая совершенная душа, по Платону, – просвещенная, обогащенная знаниями душа философа.

Не случайно поэтому в период Античности получают развитие такие отрасли гуманитарного знания, как этика (руководство по добродетельной жизни), логика (самопознание разума, правила научных размышлений), риторика (способность правильного выражения мысли), история (воспитание человека на примере героических деяний прошлого).

В средневековый период гуманитарное знание было представлено, прежде всего, метафизикой, описывающей «начала начал», первопричины всего сущего, лежащие за пределами чувственного мира и недоступные человеческому разуму, а также схоластикой, ставящей задачу рационального обоснования божественных истин и использующей для этого изощренные методы доказательства. Утверждение о различии предмета исследования теологии и философии сочеталось с признанием философии «служанкой богословия».

В русле схоластики особую трактовку получила наука. В качестве предмета ее исследования определялись конкретные вещи, а цели – выявление общего и сущего в них (божественного замысла). Подчеркивались значение чувственного научного познания для решения практических задач, роль науки в руководстве жизнью человека. Отмечался нравственный смысл научного знания: оно возвышает личность, является средством обретения ею мудрости, способствующей познанию не только реальных явлений, но и мира божественных истин. Утверждалось, что научное знание, с одной стороны, обращено на изучение реальных вещей, с другой, призвано восходить к познанию и созерцанию сущего в разнообразии явлений мира. Тем самым, несмотря на религиозный характер рассуждений, выкристаллизовывались рациональные идеи в понимании сущности науки: исследование реальных явлений, восхождение от их чувственного познания к выделению их сущности, практическое значение научного знания, его нравственный смысл – развитие и совершенствование личности.

В период Возрождения, вновь обратившего мыслителей к античной мудрости, делается попытка рассмотрения и оценки гуманитарного знания. Итальянский философ Вико Джамбаттиста (1668–

1744), автор учения о единой для всех народов циклической истории развития и теории «рационализованного богословия», впервые ставит вопрос об отличии человеческой истории от естественной, указывает на роль человека в историческом процессе. В своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он критически оценивает субъективизм и пристрастность в интерпретации исторических событий, присущие некоторым нациям, чрезмерный рационализм философского знания, а также характерные для гуманитарных наук его времени методы экстраполяции.

Интересной является его мысль о практическом значении, как пишет Вико, «общественной необходимости или полезности для народов» научных знаний как источнике их возникновения. Подчеркивается воспитательная роль научного знания: просветляя душу, оно направляет человека «к выбору наилучшего» (Вико, 1994, с. 43). Дальнейшее развитие научного знания, сопровождающееся все более глубоким познанием законов физического мира, выдвинуло проблему осмысления особенностей и различия гуманитарных и естественных наук.

В философско-психологическом знании эта проблема была поставлена немецким философом XVIII в. Хр. Вольфом (1697–1754), одним из родоначальников философского просвещения в Германии, сторонником и популяризатором идей Лейбница, автором учения о психических способностях.

В качестве способов познания всего сущего (реального и божественного мира, человека, души) Вольф выделял «разумные мысли», логическое, доказательное, опирающееся на строгую систему понятий рассмотрение исследуемых явлений. В научном знании он видел основной источник просвещения, образования, воспитания, нравственного совершенствования человека, подчеркивал его практическое значение как условия достижения человеческого блага, призывал к формированию у людей рационального, доказательного мышления.

Вольф дифференцировал психологическое знание на эмпирическое (опытное) и теоретическое (описательное), что нашло отражение в изданных им трудах, носящих соответствующие названия: «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734). Рациональная психология, по его мнению, призвана выводить факты и явления из «существенных основ», эмпирическая психология – описывать эти факты и явления.

Следующий важный шаг в осмыслении и реализации дифференцированного подхода к наукам гуманитарного и естественно-

го цикла (что особенно важно — применительно к психологии) осуществил известный немецкий ученый, создатель первой в мире лаборатории экспериментальной психологии и Института экспериментальной психологии В. Вундт (1832—1920), воплотивший данную идею в разработанной им программе развития «двух психологий» — «физиологической психологии» (естественно-научной, эмпирической, экспериментальной) и «психологии народов», представляющей собой гуманитарную ветвь в психологической науке. В основе этого разделения лежали различия в объектах и методах их изучения. Объект исследования физиологической психологии — низшие, элементарные психические процессы, изучаемые методами интроспекции и эксперимента; объект психологии народов — высшие психические процессы, реконструируемые по продуктам духовной деятельности народа.

Вундт попытался преодолеть грань между экспериментальной психологией и историей, синтезировать их в рамках особой науки, в которой психология получает возможность овладеть богатейшим эмпирическим материалом исторических наук, а история обретает в с помощью психологии надежные теоретические основы знаний о человеке и обществе, получает доступ к выявлению «психологических мотивов» изучаемых ею исторических процессов. Вундт утверждал, что игнорирование историками научной психологии побуждает их «сочинять свою собственную психологию», носящую дилетантски-спекулятивный характер (Вундт, 1914, с. 1—2). Союз описательного (гуманитарного) и точного экспериментального знания представляется ему логически обоснованным и необходимым, открывающим новые перспективы для развития.

Немецкий философ, глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд (1848—1915) вводит разделение наук на номотетические, законополагающие, изучающие закономерные проявления большого класса явлений, и идеографические, исследующие отдельные явления в их уникальности и неповторимости. Номотетическое знание, согласно Виндельбанду, характерно для естествознания, игнорирующего самостоятельную ценность отдельных частных случаев и рассматривающего их только в качестве отражения и проявления общих закономерностей. Гуманитарные науки, наоборот, концентрируют внимание на изучении отдельных случаев (событий), делая предметом исследования их индивидуальные проявления. В отличие от естественных наук, опирающихся на теоретические положения и эмпирические данные, философия (как и гуманитарные знания в целом), согласно Виндельбанду, ос-

новывается на оценочных умозаключениях, познании, прежде всего, «должного», включает априорные общезначимые ценностные компоненты (Виндельбанд, 1995).

Продолжая традицию рассмотрения соотношения гуманитарного и естественного знания, немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства, ученик и последователь В. Виндельбанда Г. Риккерт (1863—1936) кладет в основу их дифференциации особенности метода и объекта исследования. Соответственно, в качестве метода гуманитарных наук определяется индивидуализирующий метод, описательный по своей природе и направленный на изучение отдельного конкретного объекта. Метод естественных наук — номотетический, генерализирующий, обобщающий, направленный на подведение единичных явлений под общую закономерность.

Благодаря описательной методологии, гуманитарное знание относится Риккертом в большей степени к искусству, чем к науке.

Гуманитарные и естественные науки имеют и разные объекты исследования. У естественных наук — это природные явления; у гуманитарных — культура как совокупность единичных уникальных явлений (Риккерт, 1911).

«Смысловым ядром» культуры, ее системообразующим основанием, по Риккерту, являются ценности. Все явления, связанные с ценностями и включающие их в себя, определяются им как благо. Утрачивая ценности, явления культуры превращаются в ценностно-нейтральные явления природы. Отсюда следует, что гуманитарные науки, изучающие культурные феномены, отличаются ценностной нагруженностью.

Согласно Риккерту, психика — предмет исследования естественно-научной психологии; она не может изучаться в рамках гуманитарных наук. Адекватным природе последних объектом исследования является не психика, а дух, выступающий выражением ценностной сущности культуры.

Таким образом, в отличие от Вундта, ориентированного на осуществление синтеза гуманитарного (исторического) и естественного знания, представляемого психологией, Риккерт, наоборот, отвергает какие-либо точки пересечения между ними.

Методология гуманитарного знания получила развитие в герменевтике. У ее истоков стоял Ф. Шлейермахер (1769—1834), в работах которого выделяется такая специфическая черта гуманитарного познания, как его диалогический характер. В центре исследования ученого стоит проблема понимания текста и его создателя. Пони-

мание рассматривается как постоянный переход от целого к части и от части — к целому, т. е. фактически ставится вопрос о «герменевтическом круге» (Шлейермахер, 2004).

Душевный мир автора, по Шлейермахеру, включается в герменевтический круг понимания. Наряду с объективным («грамматическим») выделяется субъективный («психологический») аспект понимания. Соответственно понимание предполагает перенесение, «вчувствование» в психологическое пространство индивидуальной жизни создателя произведения, раскрытие как сознательной, так и бессознательной стороны его творчества, что, в свою очередь, само опирается на объективную интерпретацию его текстов. Шлейермахер видит задачу психологической интерпретации в том, чтобы через понимание автора понять смысл его произведения, причем более глубоко, чем это было доступно ему самому.

Выделенным Шлейермахером видам интерпретации соответствуют различные методы: объективная интерпретация, использующая метод сравнительного анализа значений какого-либо слова и установления его смысла в конкретном контексте, и психологическая интерпретация, выражающаяся в мгновенном постижении, угадывании значения слова на основе учета поля значений, характерного для рассматриваемого автора.

Немецкий философ, историк культуры и литературовед В. Дильтей (1833–1911) создал учение о духе как области гуманитарного знания. Науки о духе (Geisteswissenschaft), по Дильтею, имеют особый предмет — общество, историю и человека как общественно-историческое существо. Их задачи состоят, во-первых, в изучении психологических закономерностей, лежащих в основе создания культуры (науки, религии, искусства), во-вторых, в исследовании самих этих продуктов культуры как «кристаллизованных объективаций психологических закономерностей». Науки о духе он относит не к объяснительным, а к понимающим (гуманитарным) областям знания (Дильтей, 1987).

Обоснование специфики гуманитарного знания, согласно Дильтею, строится на его противопоставлении естественным наукам. Основным отличием последних является ориентация на познание внешнего явления, которое не дано человеку непосредственно, а поэтому и знание о нем носит гипотетический и относительный характер. Естественные науки расчленяют целостные явления и исследуют их аналитически, что соответствует их объяснительной исследовательской стратегии. Эти же тенденции, по его мнению, характерны и для объяснительной психологии, разлагающей

психическую жизнь человека на совокупность отдельных элементов. Моделью объяснительной психологии, по Дильтею, выступает ассоциативная психология.

Не отвергая правомерности существования естественно-научного познания, Дильтей в то же время ограничивает его рамками объективно-эмпирического подхода.

Гуманитарная описательная наука имеет дело с иным объектом — внутренним опытом человека, его целостной душевной жизнью, которую она стремится понять как духовный феномен. Соответственно, психология должна изучать не телесно-чувственные данные, а внутренний опыт человека, его переживания; не отдельные психологические способности, а человека во всей его жизненной полноте; не человека вообще как носителя гипотетических элементарных структур, а конкретного человека в его исторической обусловленности, в связи с историей культурных ценностей. Таким образом, Дильтей отказывается от объяснения и заменяет его описанием как основным методологическим средством познания целостной душевной жизни. Он считает, что описательная психология должна стать реальной, содержательной наукой в отличие от гипотетических объясняющих естественных наук (Дильтей, 1924). Согласно Дильтею, природа объясняется, а душевная жизнь постигается.

Переживание, по Дильтею, — основной показатель целостной душевной жизни; в нем, как в капле, сосредоточена вся феноменология психического мира человека в ее соотношении с исторической средой. Оно «сопринадлежит» исходно человеку и в этом смысле противопоставляется восприятию и представлениям, что, по сути, приводит Дильтея к отрицанию предметности и объективного содержания сознания. Объективная действительность, таким образом, преобразуется из причины, порождающей психические явления, в часть субъективного психического мира человека, поглощается им. Критикуя данную позицию, С. Л. Рубинштейн указывает, что «признание основной формой психики переживания субъекта, которому переживание «непосредственно принадлежит», направлено, очевидно, на то, чтобы включить мир в целостность переживания и таким образом растворить объективность первого в субъективности второго». Рубинштейн подчеркивает, что в концепции Дильтея «структура душевной жизни непосредственно дана в переживании, а не является продуктом опосредованного знания. Психология, которая ставит себе целью познание структуры психической жизни, может поэтому строиться на описании» (Рубинштейн, 1989б, с. 347–348).

Ставя вопрос о понимании человеком себя и других людей, их внутреннего мира, Дильтей доказывает его опосредование духовной субстанцией — объективным духом, т. е. тем общим основанием, которое присуще народу и на котором строится его жизнь. Тем самым фактически он обращается к рассмотрению психологии народа как предмету гуманитарного знания. В составе объективного духа как общего состояния народа Дильтей выделяет право и религию («однородные связи», характеризующиеся устойчивой структурой), общее языковое пространство (общие значения слов), единые нормативные правила («культурные круги»), предъявляющие требования к поведению членов сообщества и делающие его доступным для понимания. Культурно-историческая среда, таким образом, выступает в качестве посредника в понимании людьми друг друга. Культурно-историческая обусловленность человека, определяющая содержательное единство индивидов, и апелляция к объединяющему всех членов сообщества объективному духу позволяют человеку по аналогии со своим внутренним миром познавать и понимать других людей (подробнее см.: *Историогенез...*, 2016).

Дильтей обосновывает и метод понимания души народа — единство логического и иррационального через озарение, вживание, вчувствование, перенесение своего Я в пространство чужой душевной жизни. Таким образом, понимание гуманитарного знания у Дильтея основывается на его противопоставлении естественно-научному и в отличие от последнего, носящего объяснительный характер, оно, во-первых, является описательным, во-вторых, включает ценностные характеристики духовной жизни, в-третьих, строится на основе принципов индивидуализации исследуемых объектов, в-четвертых, ориентировано не на аналитическое, расчленяющее, а на целостное познание душевной жизни.

Признанным лидером герменевтики является Г. Г. Гадамер (1900—2002), определяющий ее как основу всей философской мысли. Гадамер отстаивает приоритет гуманитарного знания, выступает за переход от «мира науки» к «миру жизни». Он стремится не просто восстановить гуманитарное знание в его правах в качестве сферы научной мысли, но и считает необходимым «отыскивать и оправдывать, соразмерять с искусством и историей новый масштаб истины» (Гадамер, 1991, с. 9). Особенно ярко гуманитарная ориентация Гадамера выражается в том, что основным предметом его рассмотрения становится искусство, которое, согласно его определению, выступает как «подлинный органон философии, если не ее соперник, предвосхищающий ее во всем», обогащает философию, преодоле-

вает ее опустошенность, расширяет границы постигаемого ею жизненного опыта и познания истины (там же). Более того, искусство выступает у него в качестве своеобразного эталона и для философии, и для гуманитарных наук.

В основе разработки проблемы понимания как метода гуманитарного знания у Гадамера лежит идея его целостности, реализуемая в виде модели герменевтического круга: «Процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла» (Гадамер, 1988, с. 345). Представляет интерес введение им в процесс понимания в качестве его исходного и пускового момента, задающего динамику всего его дальнейшего развития и включенного во все его этапы, авторской установки, характеризуемой Гадамером как «набрасывание смысла»: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но и этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл» (там же, с. 318). Речь идет о предварительном понимании смысла — «предпонимании», «предмнении», «предрассуждении» интерпретатора, которое вступает во взаимодействие с текстом, тем самым утрачивая в ходе герменевтического процесса свою произвольность, переходя на более высокий уровень переосмысления. «Предпонимание» отражает тот герменевтический опыт, или, как пишет Гадамер, исходно присущий исследователю «горизонт», который встречается с иным «горизонтом», воплощенным в тексте, сливается с ним, обеспечивая тем самым понимание. «Предпонимание» отражает не только личный герменевтический опыт исследователя, но и ту историческую традицию («предание»), в рамках которой он существует и формируется.

Особенно зримо активная позиция исследователя проявляется в диалектике вопросов и ответов. Вопрос, задаваемый интерпретатором, согласно Гадамеру, занимает ключевое место в процессе понимания: «Кто хочет мыслить, должен спрашивать» (там же, с. 441). Вопрос отражает интерес субъекта понимания и направлен на постигаемое. Постановка вопроса открывает исследователю бытие постигаемого, а его характер и адекватность «опрашиваемому» определяет глубину возникающей смысловой коммуникации интерпретатора и текста. Этим определяется важное требование: ставя вопрос, надо учитывать особенности познаваемой реальности,

стремиться к установлению контакта с ней. Таким образом, в отличие от естественно-научного познания, ориентированного на максимальное нивелирование личностной установки исследователя, герменевтическое учение Гадамера рассматривает субъектную активность исследователя в качестве необходимого компонента процесса понимания.

Особенность герменевтического понимания (как и гуманитарного познания в целом) состоит в его диалогичности. Исследователь, занимая активную позицию, формулируя вопросы, в то же время внимательно «вслушивается» в текст, вступает во взаимодействие с ним, соотнося с ним свой интерес и активность. «Скорее тот, кто стремится понять текст, готов его выслушать и позволяет ему говорить» (там же, с. 321). Отсюда логически следует вывод Гадамера: «Понять означает прежде всего понять само дело» (там же, с. 349). «Дело» определяется им как нерасторжимое единство текста и интерпретатора, реализующееся в процессе их взаимодействия.

Интересно решается Гадамером и вопрос о ценностях, принципиальный для понимания природы гуманитарного знания. Гадамер не отвергает проблему ценностей, но считает правомерным использование лишь тех из них, которые не привнесены в понимание извне, а возникли непосредственно в самом процессе герменевтического познания. Из этого следует, что цели и ценности выступают не как исходные субъективные аспекты познавательной деятельности, а как объективный результат поиска и понимания смысла. Таким образом, понимание, согласно Гадамеру, наряду с познавательным, включает также моральный аспект; оно вооружает человека опытом, расширяет его «личные горизонты», приводит к снятию внутренних когнитивных диссонансов, формирует историческое мышление субъекта, погружая его в разные культурные круги.

Наконец, сугубо гуманитарную трактовку в работах Гадамера получает проблема истины. Высшая истина у него воплощена в прекрасном, которое определяется им как благо, сущее, гармония, единство этического и логического, полнота понимания. Не случайно именно искусство, творящее прекрасное, выступает у него эталоном мудрости и знания.

Гадамер не только не ставит задачи создания метода герменевтического исследования, но и считает постановку этого вопроса логически неоправданной, ибо истинность метода, как и все другие аспекты понимания, связывается им с герменевтическим познанием как сугубо творческим процессом, исключаящим какие-ли-

бо априорные предписания. Но при этом многие высказанные им положения имеют большую методическую ценность для гуманитарного познания: идеи субъектной активности интерпретатора, контекстного целостного понимания, диалектики вопросов и ответов, взаимодействия смысловых полей, «горизонтов» понимающего и понимаемого.

Для немецкого ученого, одного из основоположников дифференциальной психологии В. Штерна (1871–1938) принципиален вопрос, имеет ли право индивидуальное и уникальное, включая человеческую индивидуальность, быть предметом научного исследования. В отличие от тех, кто единственным предметом научного познания считает «общезначимые естественно-научные закономерности», Штерн настаивает на необходимости введения в науку «принципа индивидуальности». Он говорит, что культура – воплощение «общих значений, норм и идеалов», но они проявляются в форме индивидуальных феноменов, действий и способностей, «совершенно неповторимых в своем бытии». И как раз эта неповторимость и исключительность определяет их особое значение как предмета научного исследования.

Штерн подчеркивает, что «идеографическое исследование не исключает установления причинных отношений, однако здесь они приобретают другую форму: не закономерное отношение, а индивидуальное воздействие и подверженность воздействию – вот что становится главной проблемой» (Штерн, 1998, с. 93).

В своей работе «Дифференциальная психология и ее методические основы» (1900) он выделяет наряду с естественно-научными гуманитарные направления в психологии, представляющие пограничную область, лежащую на стыке психологии и истории. Штерн вскрывает особенности методов, используемых в русле гуманитарного подхода. В частности, к числу гуманитарных он относит биографический метод, изучающий исторического индивида, «бытие и деяния которого выкристаллизовались во что-то застывшее, представляющее собой уже самостоятельное влияние, поддающееся теперь исследованию» (там же). Речь идет о психобиографических исследованиях, разрабатывающихся в русской (В. М. Бехтерев, И. А. Сикорский, В. Ф. Чиж, П. П. Ковалевский) и зарубежной (Э. Эриксон, А. Маслоу, Р. Дилтс, Д. Ландрем и др.) психологии.

Штерн считает, что «индивидуальные психографии» – мост, соединяющий психологию с идеографическими, гуманитарными науками, а также с науками о культуре. Он высоко оценивает познавательные возможности историко-биографического исследования:

«Ведь благодаря этому укрепятся и станут более тесными отношения между психологией и историей, до сих пор все еще слишком слабые. Если в рамках этой пограничной области психология будет заимствовать у истории материалы и методы, то со своей стороны она предложит ей новые воззрения и результаты» (там же). Особенность психографического метода проявляется в том, что он направлен не на «анализ по горизонтали» — выявление представленности какого-либо одного признака у многих индивидов, а на «анализ по вертикали», включающий изучение целостной психологической структуры одного индивида на основе множества различных признаков.

В другом своем труде — «Личность и вещь» (1906) — Штерн еще более четко выражает мысль о неправомерности противопоставления естественно-научного (объективного) и индивидуализированного путей познания и доказывает, что эти подходы связаны друг с другом по принципу дополнительности.

В отношении к человеку это проявляется чрезвычайно убедительно и ярко. Как предмет естественно-научного рассмотрения человек выступает в виде частного случая проявления общих законов; в отношении же с культурой «он творит и переживает как индивидуальность». Отсюда Штерн делает принципиальный вывод о том, что номотетический и идеографический методы исследования не могут выступать как основание разделения научных дисциплин; «это скорее две точки зрения, а не две области исследования; достаточно часто при решении одной и той же проблемы происходит их взаимодействие, а иногда даже и объединение» (Штерн, 1998, с. 96). Яркое подтверждение тому, согласно Штерну, — медицина (добавим, психиатрия и психология). Ставя задачу познания законов протекания и лечения болезней, она является естественной наукой. Но взаимодействие врача с больным означает изучение частного, отдельного индивидуального случая, являющегося неповторимым и уникальным, несмотря на свое типичное протекание. «Диагноз — это идеографическое познание; терапия — индивидуализированное действие. Медик, проводящий «патографию», очень близок по своим ориентациям к чисто историческому (идеографическому) познанию индивидуальности» (там же). Штерн считает, что психология должна, подобно медицине, завоевать и отстоять право на осуществление идеографического изучения индивидуальности. Он высказывает пророческую мысль о трудности решения этой задачи, говорит о наличии ее активных оппонентов, как внутри самой психологии (среди ученых, убежденных в «чисто естест-

венно-научном статусе психологии»), так и в гуманитарных науках (представители которых хотят «оградить свою собственную область от вторжения естественно-научного подхода»). Следует отметить, что проблема эта не решена в психологии и сегодня, и гуманитарные исследования, включая историко-психологические (см.: Историческая психология..., 2004; и др.), все еще выступают в роли «падчерицы», не допускаемой в общее пространство психологической науки.

Штерн считает однобокими, односторонними и упрощенными как естественно-научные модели, рассматривающие человека в виде некоего единства путем сведения сути личности к какому-либо одному главному признаку или типу, так и попытки представить индивида в виде пестрой, раздробленной и не составляющей целостности совокупности признаков. Он отстаивает понимание индивидуальности как «единства в многообразии». Воссоздание же реальной сложности и многогранности индивидуального бытия требует, согласно Штерну, совокупных усилий естественных и гуманитарных научных подходов.

Обоснование научности гуманитарного знания применительно к исторической науке дается французским историком М. Блоком (1886–1944). Он отвергает попытку включения истории «в рамки физических закономерностей», построение ее, согласно обоснованной О. Контом модели естественных наук, фактически отрицающей в силу якобы невозможности ее рационального познания, главную проблему исторического исследования – «реальные факты человеческого свойства», индивидуально-личностный фактор в развитии человечества. Критически оценивает он также взгляд на историю как на «некую эстетическую игру или, на худой конец, гигиеническое упражнение, полезное для здоровья духа» (Блок, 1986, с. 12). История, согласно Блоку, относится к разряду наук о человеке – в этом ее специфика, и она должна не только «стыдиться» своей оригинальности, но и активно ее отстаивать и развивать. Опору данной позиции ученый видит в великих открытиях XX в., перестроивших научную парадигму: кинетической теории газов, эйнштейновской механики, квантовой теории. Их важность для перспектив развития гуманитарных наук состоит, по его мнению, во внедрении в научное сознание мысли, «что некая область познания, где не имеют силы евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной... что определенность и универсальность – это вопрос степени», поэтому нецелесообразно «навязывать всем

объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон не может быть применен вполне» (там же, с. 13–14).

В современной зарубежной психологии альтернативой сциентистским естественно-научно ориентированным направлениям выступает гуманистическая психология, утверждающая уникальность и неповторимость человека и противопоставляющая экспериментальному пути исследования личности идеографические методы ее изучения (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Оллпорт, Ш. Бюллер и др.). Такая же исследовательская стратегия представлена в различных психотерапевтических направлениях, имеющих дело с уникальными жизненными обстоятельствами и психическими переживаниями конкретного человека. Методология идеографического анализа лежит также в основе одного из направлений исторической психологии – психоистории.

Стремление к гуманитаризации психологического изучения человека и преодолению ограниченности сциентистских подходов академической эмпирической психологии, прежде всего, когнитивизма, характеризует программу «культурной психологии» Дж. Брунера (Bruner, 1990). Чрезвычайно позитивным является стремление Брунера расширить пространство изучаемой психологической феноменологии за счет включения в сферу научного анализа обыденного сознания. Как пишет В. А. Шкуратов, новая наука о человеке, обосновываемая Брунером, «должна кардинально отличаться по своей общественной ориентированности от существующей. Обращение к этнометодологии, заимствующей приемы обыденного сознания, сопровождается критикой сциентизма и научного снобизма. Ученый не может быть свободным от жизненных ценностей, он не возвышается над культурным нормотворчеством, а участвует в нем. Поэтому... культурная психология имеет в обыденном сознании не столько свой объект, сколько фундамент, и выступает не разоблачителем ментором, а идеологом и демократическим критиком общества, в котором существует» (Шкуратов, 1997, с. 126). Парадигмальному, доказательному способу познания Брунер противопоставляет нарративный, повествовательный, включающий отражение человеческой уникальности, действий людей, движимых целями и мотивами, в связи с нормами общества и культуры. Нарратив повествует об отдельных уникальных случаях и событиях, совокупность и связи которых позволяют выявить лежащие в их основе ментальные нормы культуры. Шкуратов апеллирует к мнению Брунера, определяющего нарратив как исходную, первичную фор-

му выражения человеческой ментальности, предшествующую эволюционно более поздним логическим способам выражения и объяснения. У ребенка она возникает на самых ранних этапах жизни, задолго до овладения логикой. В примитивных обществах нормы и схемы нарратива, отражающие коллективный обыденный опыт, выступают в качестве основной опорной точки решения задач.

В отечественной науке наррадигмальный подход как основа гуманитарной психологии обосновывается и развивается одним из создателей современной исторической психологии в нашей стране В. А. Шкуратовым. Понятие «наррадигма» используется им для объяснения динамики и особенностей гуманитарного повествовательного знания, фаз развития и смены различных его моделей.

Серьезно дискутируется в зарубежной науке вопрос о применимости критериев научности, используемых в области естествознания, к гуманитарному познанию. В работе В. А. Канке (2000) рассматриваются альтернативные варианты решения этого вопроса. Первое мнение, представленное К. Гемпелем и К. Поппером, отражает стремление выделить и обосновать универсальный идеал научного знания, применимый в равной мере и к естественным, и к гуманитарным наукам. В частности, в качестве единой модели научного познания предлагается метод дедуцирования объясняемого положения из некоего универсального закона. Иная позиция, как отмечает Канке, представлена учеными, отрицающими возможность выведения унифицированных критериев научности и использования норм естествознания в историческом исследовании в силу специфики его предметной направленности – реконструкции мотивов, намерений людей, единичных событий и действий. В связи с этим отвергаются объяснительные возможности метода подведения указанных явлений под единый генерализованный закон. В этом плане Канке ссылается на взгляды Г. Х. фон Вригга, считающего, что интенции, намерения людей и другие ментальные явления недоступны непосредственному выявлению и верификации, поскольку они вплетены в поведение, действия, слиты с ними и не могут верифицироваться в чистом виде, вне зависимости от них. Он требует осторожного отношения к ментальности как предмету научного исследования и ратует за поиск и использование ее объективных коррелятов. Говоря о способах научного обоснования в гуманитарном знании, он отводит особую роль логическому доказательству – логической взаимосвязи высказываний, логически непротиворечивым интенциональным связям.

В. А. Канке делает вывод, что спор по поводу особенностей исторического объяснения свидетельствует об ограниченности «прямолинейного переноса идеалов естественно-научного, особенно физического знания, в область гуманитарных наук». Рассмотрение проблемы критериев научности, по его мнению, требует учета специфики изучаемых явлений, что, однако, не исключает необходимости ее решения применительно к гуманитарным наукам: «...и здесь знание должно обосновываться, подвергаться проверке и использоваться на практике» (там же, с. 160).

В отечественной науке проблема гуманитарного знания глубоко исследована философом, культурологом, теоретиком европейской культуры и искусства М. М. Бахтиным (1895–1975). Развивая понимание гуманитарного знания как книжной учености, Бахтин в качестве основного его конструкта выделяет «текст» (высказывание, знаковую систему), носитель и выражение мыслей человека, его субъективных переживаний. «Гуманитарные науки, — пишет Бахтин, — науки о человеке и его специфике, а не о безгласной вещи, ее естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...» (Бахтин, 1986б, с. 477–478). Данное определение вытекает из понимания Бахтиным сущности и формы выражения психического, близкого к определению, предложенного Л. С. Выготским. Бахтин считает, что психика имеет знаковую форму бытия и не может существовать вне знакового материала. Тем самым Бахтин вскрывает одну (хотя в действительности не единственную) форму бытия и опосредствования психики, кладя ее в основу своей культурологической концепции.

Отсюда же вытекает и определение гуманитарной науки как текстового знания. Благодаря тексту, созданному неким мыслителем в определенное историческое время, возникает возможность понять и расшифровать не только уникальный строй его мысли, но также присущие ему чувства, эмоции, ценности. Через тексты, возникшие в определенном культурном контексте, исследователю раскрывается и сама культура.

Бахтин критически оценивает абстрактно-теоретические научные схемы номотетического знания, фактически утрачивающие конкретного человека — творящего, создающего культурные ценности. Человек, согласно его мнению, должен выступать главной точкой отсчета и основным предметом изучения: «Все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотнесении с че-

ловеком, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности» (там же, с. 509). Не случайно в качестве единицы анализа в своем исследовании Бахтин выделяет поступок человека как сугубо индивидуализированное и уникальное явление (Бахтин, 1986а). Основной же сферой изучения индивидуально-личностной природы творящего субъекта, по его мнению, выступают искусство, литература, когда она приобретает наиболее яркие и отчетливые формы воплощения. Таким образом, от изучения поступка Бахтин переходит к исследованию мира художественных творений, создаваемых человеком. Он разрабатывает теорию литературоведческого исследования культуры, позитивный и практический смысл которой состоит, по его мнению, не только в ее нацеленности на изучение прошлых эпох, но и в возникающем на этой основе осмыслении собственной культуры и характерного для нее типа человека.

Предметом особого внимания Бахтина было воссоздание лежащего в основе произведений искусства диалога автора и созданных им героев, столкновения и взаимодействия разных культурных сознаний: «Дело не только в появлении автора в поле изображения, — дело в том, что и подлинный, формальный, первичный автор (автор авторского образа) оказывается в новых взаимоотношениях с изображаемым миром: он находится теперь в одних и тех же ценностно-временных измерениях, изображающее авторское слово лежит в одной плоскости с изображенным словом героя и может вступать с ним (точнее, не может не вступить) в диалогические взаимоотношения и гибридные сочетания» (Бахтин, 1986б, с. 415). Акцентирование внимания на диалоге определяет интерес Бахтина к произведениям Достоевского, которые буквально пронизаны диалогами, представляют своеобразную художественную вершину психологического полифонизма. Диалогичность — это императив, норма, главный признак гуманитарной мысли: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия», — пишет Бахтин (Бахтин, 1972, с. 434). Он доказывает, что чужие сознания «нельзя созерцать, анализировать, определять, как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них — значит говорить с ними, иначе они тотчас поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» (Бахтин, 1979, с. 116). Эти идеи Бахтина имеют не только методическое значение, но и вносят серьезный вклад в изучение проблемы диалогичности мышления и психики человека. Серьез-

ное осмысление содержащихся в литературном наследии Бахтина психологических идей представлено в работах А. Г. Асмолова, В. А. Шкуратова, Г. М. Кучинского, Л. Радзиховского и других отечественных психологов.

Возвращаясь к определению Бахтиным особенностей гуманитарного знания, можно сказать, что для него это пространство существования психического мира человека, его мыслей, воплощенных в слове, тексте, живое многоликое «говорящее бытие». Гуманитарная наука относится им к понимающей сфере знания, включает понимание как исходное и необходимое методологическое основание, предопределяющее логику гуманитарного исследования: сначала необходимо понять и только на этой основе изучать. Она является областью культурологического исследования, характеризуется своей включенностью в реальную жизнь культуры, ее насущные проблемы, стремлением осмыслить их и отразить. А это определяет особую позицию ученого-гуманитария, не допускающую объективистской отстраненности от изучаемого явления, наоборот, предполагающую его непосредственную включенность в его жизнь.

В работах Л. С. Выготского (1896–1934) гуманитарная линия в развитии психологии получила выражение в попытке включения психологии в контекст культуры, рассмотрения высших психических функций как продукта культурного развития, интериоризации социальных отношений. Знак у Выготского – граница, отделяющая варварство от истории культуры, цивилизации. Сама история культуры рассматривается через призму развития знаков. Высшие формы психики характеризуются как культурные, исторические, социальные.

Роль Выготского в решении проблем гуманитаризации психологии определяется его стремлением не противопоставить, а объединить естественные и гуманитарные подходы на основе материалистической методологии. Критикуя академическую психологию «с ее образом „рационального человека“ вне культуры и истории» (Асмолов, 1996, с. 31), он в то же время единственный путь развития психологии видел в превращении ее в 1) практически ориентированную, обеспечивающую управление психикой и контроль над ней, 2) подчиняющую цели своего развития решению прикладных задач, 3) экспериментальную науку (Выготский, 1982). Идеалом научности для Выготского выступал «не Шекспир в понятиях, как для Дильтея, но психотехника – в одном слове, то есть научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой,

к искусственному управлению поведением» (там же, с. 389). С точки зрения Выготского, причиной раздвоения психологии является «принцип практики», который, воздействуя на нее, приводит к разделению на две науки, но в перспективе он же станет основой создания и развития единой материалистической психологии: «Практика и философия становятся во главу угла» (там же, с. 393). В разрыве с интроспекцией и создании единой и цельной психологической теории («одной психологии») видит Выготский путь выхода из кризиса психологии. Представляется, что введение системы культурных знаков и значений в его концепции имело целью не создание особой гуманитарной психологии, а расширение границ и углубление объяснительного потенциала психологической науки, развивающейся на основе единой естественно-научной методологии.

Дальнейшее углубление синтеза гуманитарных и естественно-научных подходов в психологии представлено в работах последователей учения Л. С. Выготского – А. Р. Лурии, В. П. Зинченко, М. Мамардашвили, А. Г. Асмолова, С. Тулмена, Б. С. Братуся и др.

Идея взаимодействия гуманитарного и естественно-научного знания в целостном изучении человека получила убедительное обоснование в русле концепции комплексного человекознания Б. Г. Ананьева (1907–1972).

Характеризуя развитие научных знаний о человеке, Ананьев выделяет в нем две противоположные тенденции, выражающиеся, с одной стороны, в преодолении культивируемых субъективно-идеалистическими концепциями антропоцентризма и антропоморфизма, с другой стороны, в параллельном развитии противоположных процессов – «антропологизации и гуманизации системы научного познания, превращения человека... в одну из самых общих проблем всей современной науки» (Ананьев, 2000, с. 33). Это создает почву для развития целостного знания о человеке и формирования разных способов и путей его познания. Проблема человека становится центральной и осевой проблемой всей системы научного знания, а человекознание, соответственно, определяется как новая метанаучная дисциплина, охватывающая все многообразные отношения человека с миром. Его целью является построение «синтетических характеристик человеческого развития» (там же, с. 6). В этом контексте непротиворечиво взаимодействуют и взаимодополняют друг друга естественные и гуманитарные науки, изучающие человека под разными углами зрения (см.: История отечественной и мировой психологической мысли..., 2006, 2010; и др.).

Важные методологические положения, касающиеся определения особенностей гуманитарного знания, содержатся в работах С. Л. Рубинштейна (1889—1960). Интерес к данной проблеме возник у ученого еще в годы студенчества и его научной деятельности в Марбургском университете, где одной из основных методологических проблем философской школы, возглавляемой Г. Когеном и П. Наторпом, было определение соотношения и путей взаимодействия естественных и гуманитарных наук. Этой проблеме была посвящена и докторская диссертация Рубинштейна, в которой он критически оценивает попытки решения данной задачи в русле неокантианского учения. Как пишут К. А. Абульханова и А. В. Брушлинский, то, что Рубинштейн владел марксистской методологией познания, сказалось на его поисках «выхода из тупика марбургской школы — на путях не абстрактного, а конкретного метода (в духе гегелевского и марковского принципа восхождения от абстрактного к конкретному), содержательно интегрирующего качественно различные области знания» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989, с. 5).

Исходными методологическими основами решения данной проблемы для Рубинштейна становятся, с одной стороны, критика идеализма, отрицающего независимое от сознания человека существование бытия, с другой стороны, отказ от примитивно-материалистической трактовки познания в русле позитивистского подхода как чистой рецептивности, исключающей активную роль субъекта. «На этой основе Рубинштейн стремится преодолеть справедливо критикуемый им конфликт между объективностью знания и творческой самодеятельностью субъекта. По его мнению, между ними нет антагонизма: объективность не только не исключает, а, наоборот, предполагает творческую самодеятельность, поскольку объективное знание не должно быть пассивным созерцанием непосредственной данности; оно является конструктивным, т. е. конструируется, создается, формируется в ходе творческой самодеятельности» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1997, с. 441).

Решение вопроса о специфике гуманитарного знания, по мнению Рубинштейна, опиралось на выделяемые им критерии научности. Так, отличие науки от других форм человеческой мысли в ее социальности, тесной связи с жизнью, практичности («роли науки в общеэкономической жизни»), «идеологической ценности» (Рубинштейн, 1989в, с. 332). Наука — феномен коллективного творчества; она разрушает барьеры между людьми, создавая единый мир интеллектуальных и моральных ценностей как основы духовного общения людей, и в этом смысле характеризуется необходимос-

тью и всеобщностью. «Знание — универсально, наука — социальна» (там же). Являясь постоянно развивающимся, диалектическим процессом, научное творчество движется через преодоление внутренних противоречий и антиномий между «объективной достоверностью и субъективной истиной», несовершенством эмпирических знаний и рационализмом, диалектичностью и «априорностью знаний», стремлением достичь абсолютной истины и отсутствием «окончательной в себе завершенной системы», отсутствием абсолютной истины и признанием объективной истины, критическим переосмыслением знания и уже существующей сложившейся системой знания.

Наряду с диалектичностью, объективностью и «социализированностью» в качестве важнейшей характеристики научного знания (и, соответственно, критерия научности) выделяется его доказательность. Она требует «критической проверки», «верификации» и «обоснования». Для нее характерно «стремление все подвергнуть проверке, начать с начала... не принимать на веру!» (там же, с. 333). Критичность — это важнейший принцип научного знания, заставляющий «беспрерывно отвергать, отрицать... Во имя признания содержания научного знания на каждом шагу отрицается принцип научного знания!» (там же, с. 334).

Основная цель науки — достижение объективного истинного знания. Подчеркивается преобразующая роль знания: «Знание (идея знания) не просто «отрицает», дублирует наличное содержание мира, а изменяет, преобразует его не только в практическом смысле, как у Маркса, но даже самим фактом своего существования, который вводит в мир новый элемент и который может быть настолько значимым, что он может преобразовать одним фактом своей наличности» (там же). Познание и закрепляет то, что есть, и изменяет существующее.

Непременный признак научного знания — его системное строение: «Наука определяется как система, каждый элемент которой определен своими отношениями к другим элементам той же системы» (Рубинштейн, 1989а, с. 337). Рубинштейн подчеркивает, что только включением элемента знания в систему науки и определением его функций в ней создается понятие. «Стоит извлечь его из системы и понятие перестает быть понятием, превращаясь из понятия — логического содержания — в представление, т. е. субъективное содержание сознания» (там же). Таковы, с точки зрения С.Л. Рубинштейна, критерии точного знания, которым должно соответствовать любое знание, претендующее на статус научного.

Рубинштейн рассматривает вариант понимания специфики гуманитарной науки в целом и гуманитарного направления психологии в частности, представленный в учениях Дильтея и Шпрангера, относящихся к наукам о духе. Он указывает, что «„наука о духе“ — это... термин, который приблизительно однороден термину „гуманитарные науки“. Он относится не специально к психологии, а к целому ряду наук» (Рубинштейн, 1989б, с. 346). Но использование этого термина, по мнению Рубинштейна, обозначает не просто отнесение психологии к гуманитарным и социально-историческим наукам; он обретает в учениях сторонников этого направления глубокое идеологическое содержание.

Сравнение концепций Дильтея и Шпрангера приводит Рубинштейна к выводу об их принципиальных различиях. Психология духа Дильтея характеризуется им как течение неогегельянства, отрицающее главное достижение Гегеля — его диалектику — и возрождающее метафизические идеи абсолютного духа. Сосредоточивая свое внимание на рассмотрении переживания как главного проявлении целостности душевной жизни человека, Дильтей разрывает фактически его связи с объективной действительностью, превращает переживание в непосредственную данность сознания, что приводит к выделению описания как единственного метода его изучения. Шпрангер подвергает критической оценке исходный постулат Дильтея — о признании непосредственного переживания в качестве основного предмета психологии и доказывает, что переживания, как и все другие явления внутреннего мира человека, не даны первично, а обусловлены внешними объективными воздействиями. Согласно Рубинштейну, «критика непосредственного переживания и противопоставление психологии, которая хочет сделать его своей исходной точкой, той мысли, что психологический факт не является первичной непосредственной данностью, что он может быть определен лишь соотношением с чем-то объективным, является одним из основных и наиболее интересных положений Шпрангера» (там же, с. 351–352).

Но при этом коренное противоречие Шпрангера Рубинштейн видит в его попытке кардинально разделить и противопоставить «мир тел» и «мир значений и ценностей», природу и культуру, оторвать психическое от физического (физиологического). Основной реальностью, определяющей субъективный мир человека, у него становится культура в ее духовном содержании — как воплощение надындивидуального объективного духа. Объективный дух как основание развития субъективного духовного мира человека трактуется

Шпрангером как совокупность вневременных и неразвивающихся ценностей и значений, что фактически приводит к отрицанию высказанной им идеи об историчности сознания. Характеризуя взгляды Шпрангера, Рубинштейн пишет, что «вместо единства внутреннего и внешнего здесь между внутренним и внешним устанавливается чисто внешнее распределение ролей. Общая направленность на ту или иную область определяется изнутри, конкретное же содержание развития определяется извне. Активного соотношения субъекта с объектом не существует. Субъект — это сосуд, в который содержание вливается извне, но это сосуд, от установки которого зависит, с какой стороны, в каком направлении в него содержание вольется» (там же, с. 356–357).

С. Л. Рубинштейн критически оценивает оба рассмотренные им варианта построения гуманитарного знания и основу его научности видит в раскрытии и объяснении подлинной связи между субъектом и культурой, предлагая путь решения данной проблемы: «Для того чтобы понять активную роль субъекта в историческом созидаании культуры, нужно было сохранить конкретного реального субъекта из плоти и крови, у которого осмысленность соотношений с культурой была бы не противопоставлена его реальному бытию и деятельности, а включена в них; для того чтобы подлинно реализовать ту мысль, что сознание индивидуума определяется объективным содержанием культуры, нужно было не превращать это последнее в метафизическую абстракцию, а понять его как исторический продукт реального общественного развития» (там же, с. 362–363).

Важной представляется также мысль Рубинштейна о том, что задача гуманитарного знания не ограничивается лишь раскрытием специфики индивидуального случая как особого и единичного явления — это лишь один, но не завершающий этап в его логическом развитии. Конечная же задача состоит «не в жизнеописании отдельного индивида, его единичности, а в том, чтобы от единичного перейти к всеобщему, от случайного к необходимому, от явления к существенному в них. Для теоретического психологического исследования изучение индивидуальных случаев является поэтому не особой областью или объектом, но средством познания. Через изучение индивидуальных случаев в их вариативности психологическое исследование должно идти к истинной своей цели — к установлению все более общих и существенных закономерностей» (Рубинштейн, 2002, с. 41). Примечательны в этом отношении следующие слова ученого: «У одних больше индивидуального,

но нет объективации... у других – объективация, научность, но он вытравил в себе проблемы всей жизни, биение большого сердца – биение жизни и потому нет индивидуального. Лишь когда соединяется одно и другое, возникает сознание подлинного, великого – оно должно вобрать в себя все переживания, все сокровенное, все порывы большого сердца, поглотить весь заряд его душевной энергии и дать ему совершить объективацию» (Рубинштейн, 1997, с. 459).

Таким образом, говоря о гуманитарном знании, С.Л. Рубинштейн, во-первых, признает его специфику, состоящую в рассмотрении особой сферы бытия человека – его взаимодействия с миром культурных ценностей и особой формы детерминации психического – ценностной; во-вторых, обосновывает необходимость его построения как объективной области знания на основе реализации онтологического подхода в понимании структуры бытия и принципа субъекта как основного источника его создания и преобразования; в-третьих, рассматривает сам мир культурных ценностей и значений в его обусловленности общественными основами исторического процесса; в-четвертых, снимает противоречие идеографического и номотетического подходов и видит задачу и особенности гуманитарного знания как в рассмотрении отдельных уникальных явлений, так и в раскрытии того существенного и закономерного, что проявляется в них и определяет их природу.

Проблема соотношения естественно-научного и гуманитарного знания в современной психологии продуктивно разрабатывается В.М. Аллахвердовым (Аллахвердов, 1993, 2000). Естественно-научная парадигма, согласно его мнению, имеет два основания – логику и опыт. Причем опытное исследование приобретает в естественных науках больший вес, чем логические умственные построения и подчиняет себе логику рассуждения. Опора на опытные, точно проверенные данные превращает естественно-научное знание в «наиболее проверенное, наиболее достоверное» (Аллахвердов, 2000, с. 59). Аллахвердов подчеркивает эффективность естественно-научного познания в раскрытии явлений реальности, отмечает, что современное знание о мире во многом обязано естественным наукам.

В его работах выделяется ряд характеристик естественно-научного знания, вытекающих из принципа достоверности и эмпирической подтверждаемости: 1) ограниченность пределов предметно-феноменологической области только экспериментально проверяемыми явлениями; 2) специфика научного языка, задающего определенные ограничения в развитии науки; 3) открытость

к изменениям как следствие опровержения эмпирически неподтвержденных положений; 4) укорененность в актуальном поле научного знания и общественной практики; 5) способность к серьезным научным достижениям и открытиям; 6) возможность известных отступлений от логики, обусловленных как нелогичностью исследуемых естествознанием явлений реальности, так и творческими интенциями субъектов познания; 7) использование различных приемов доказательства (повторение исследований на других испытуемых, в другое время и другом месте).

В отличие от этого в гуманитарной науке требование повторяемости результатов неприменимо в силу уникальности изучаемых ею феноменов. Однако Аллахвердов не считает критерий повторяемости непреложным и директивным требованием научной доказательности, ибо «фактом вполне может быть неповторимое уникальное явление, в достоверности которого практически никто не сомневается» (там же, с. 63). Такие бесспорные факты не требуют специального подтверждения. С его точки зрения, повторение эксперимента является одним, хотя не главным и не единственным приемом проверки и подтверждения достоверности факта. Он выделяет вид гипотез, являющихся обобщением многочисленных, по сути, житейских наблюдений, приводящих к рациональным заключениям (пример – вывод о том, что объем кратковременной памяти лежит в пределах 5–9 запоминаемых стимулов).

Представляет интерес рассмотрение Аллахвердовым различных критериев разграничения гуманитарного и естественного знания. Недостаточной для решения этого вопроса он считает констатацию специфики исследуемой ими предметной области (в одном случае природа и материальные объекты, в другом – культура, духовные явления). Спорной представляется ему также идея о том, что гуманитарные науки имеют дело с уникальными объектами, в то время как естественные науки изучают «общее и обезличенное». Аллахвердов считает, что естественные науки тоже рассматривают уникальное, а гуманитарные науки выявляют общие закономерности (например, закономерное влияние протестантизма на хозяйственную жизнь). Более того, трудно разрешимой ему представляется сама проблема разграничения уникального и общего. Дискуссионным является также определение зоны гуманитарного знания на основе выделения специфичного для нее «метода эмпатического понимания», ибо «сам по себе этот метод не может ничего объяснить. Я могу понять автора средневековой саги. Но как мне узнать, правильно ли я его понял?.. этот метод может быть эврис-

тически полезным, выступая в качестве критерия правдоподобия, но и только» (там же, с. 76–77).

Признавая, что указанные характеристики присущи гуманитарным наукам в большей степени, чем естественным, главный критерий их различия Аллахвердов видит в другом – в целях исследования и способах обоснования: «Если задача естественных наук состоит в том, чтобы найти истину, то в гуманитарной науке любые предметы и явления, прежде всего, рассматриваются как тексты, которым может быть приписан смысл. Задача гуманитарных наук в этом, собственно, и состоит – постигнуть смысл происходящего» (там же, с. 77). А этим, на его взгляд, определяется главная трудность гуманитарного исследования. Любой текст может иметь огромное число смыслов, и его многозначность, а также сложность выбора единственно правильного смысла обуславливают отсутствие строгости и доказательности в выводах гуманитарных наук, базирующихся на результатах интерпретаций: «...как ни убедительны рассуждения в гуманитарных науках, интерпретации, доказываемые этими рассуждениями, никогда нельзя считать единственно возможными. В отличие от естественных наук невозможно даже представить себе, какой опыт в принципе мог бы какую-либо из них подтвердить или опровергнуть» (там же). Аллахвердов ставит вопрос: как определить правильность интерпретации, какой критерий позволяет установить большую точность того или иного толкования? Он приводит ряд примеров истолкований, характерных для гуманитарного знания, свидетельствующих о «свободе интерпретации», обусловленной наличием системы факторов, опосредующих выявление смыслового содержания текста. К числу важнейших факторов он относит профессиональные и личностные установки интерпретатора.

Указанные замечания, однако, не приводят автора к отрицанию научности гуманитарного знания. Более того, он делает заключение о сходстве методологических принципов естественной и гуманитарных наук. Так же как в естествознании, утверждающем логическое совершенство природы, наличие в ней строгой причинности и возможность ее рационального постижения и объяснения, исследователи текстов «исходят из «предвосхищения смыслового совершенства». По их мнению, расширение контекста и усилия толкователя должны привести, в конце концов, к постижению стройного и единственного смысла этого текста» (там же, с. 87). Идея смыслового совершенства текста означает признание, что в тексте нет ничего случайного – ни в его фразеологическом строении, ни в рече-

вых оборотах, ни в языковой структуре. Все имеет определенный смысл, который должен быть расшифрован и понят. Отличие же реализации принципов логического и смыслового совершенства Аллахвердов видит в степени их достижимости: в естественных науках это выступает как обязательная и реально осуществимая задача; в гуманитарном знании смысл текста нередко остается закрытым для исследователя (в силу, например, утраты каких-то фрагментов текста и невозможности получить искомую информацию каким-либо иным образом).

Специфичны и приемы, и способы научного исследования и основания, используемые в рассматриваемых сферах знания: «В естественной науке обязательно строятся логически совершенные идеализированные объекты (принцип идеализации). А в гуманитарной – идеализированных объектов не существует. Ученый вынужден все тексты и явления проверять через возможность собственного осмысления, рассматривает их через призму собственных идеалов и ценностей, что, конечно же, не повышает объективность результатов размышлений ученого» (там же, с. 88).

Сходство выявляется автором в критериях оценки научности факта. Так же, как в естественных науках, где научность факта определяется его логическим объяснением в контексте научной теории, гуманитарная наука выдвигает требование его правдоподобия и осмысленности в «целостной картине, когда этот факт приобретает смысл» (там же).

Определенные аналогии усматриваются им также в принципах подтверждения гипотез в естественных и гуманитарных науках. Так же как естественно-научное знание, осуществляющее дополнительную проверку следствий, вытекающих из гипотезы, путем привлечения нового экспериментального материала, гуманитарные науки используют прием включения в исследование новых текстов и их интерпретации. Различие же в том, что в естественных науках выявление соответствия новых фактов и теорий уже ранее полученным выступает в качестве обязательного требования, в гуманитарных же науках, где роль данных выполняют тексты, требуется обязательное соответствие новой интерпретации старым текстам. Автор делает вывод, что в гуманитарных науках «основным критерием выбора данной конкретной интерпретации является принятая научным сообществом традиция, определяющая, какую интерпретацию следует считать наиболее правдоподобной» (там же, с. 94).

Хотя построения гуманитарных наук более произвольны сравнительно с естественно-научными, однако и они имеют определен-

ные способы научной доказательности. «Во-первых, построения гуманитарной науки обязаны учитывать (не обязательно соответствовать!) уже имеющиеся интерпретации, а потому ученый-гуманитарий обязан не только знать, что сказали другие по интересующей его проблеме, но и выразить свое отношение к сказанному. Во-вторых, новая интерпретация должна позволять увидеть новый смысл не только той информации, которая изначально подлежала интерпретации, но и какой-либо другой, до этого не привлекавшейся к интерпретации. Наконец, в-третьих, предложенная интерпретация должна быть оценена научным сообществом как убедительная или хотя бы правдоподобная» (там же). Признаками гуманитарных исследований являются: ссылки на авторитеты, знание разных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели.

Аллахвердов считает в равной степени неправомерными утверждения, как об отсутствии стремления гуманитарного знания к получению истинного знания, так и об игнорировании естествознанием задачи понимания смысла достигнутого им истинного знания. Он пишет о взаимопроникновении методов этих наук в научные пространства друг друга. Это приводит к выводу, что вообще, строго говоря, ни одна наука не является чисто естественной или гуманитарной. Ни один способ описания реальности не является единственно возможным и исчерпывающим; «естественно-научное и гуманитарное описание не только не противоречат друг другу, но и друг друга взаимно дополняют», хотя в каждой науке преобладают определенные нормы доказательства и обоснования. Что касается гуманитарной науки, то ей, как и естественно-научному знанию, присущи и логические рассуждения, и поиск фактов. Особенно актуально это для психологии, лежащей на стыке гуманитарных и естественных наук. Важно лишь каждый раз «отдавать себе отчет, каким языком в каждом конкретном случае мы пользуемся, заранее зная, что именно будет результатом исследования, и никогда не путать между собой разные языки и каноны обоснования» (там же, с. 103).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать гуманитарное знание как развивающееся в русле требований научной достоверности, имеющее специфический объект (целостный человек как носитель культурных ценностей), регулируемое системой

норм и предписаний (наррадигмальность, диалогичность, ценностное содержание, текстовый характер, ориентированность главным образом на выявление индивидуально-своеобразных явлений и раскрытие смыслов), использующее различные приемы доказательства (включение в контекст, ссылка на авторитеты, учет и рассмотрение различных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели) и критерии оценки достоверности (логическая непротиворечивость, совпадение результатов интерпретации с данными других исследований, принятие их научным сообществом).

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Основные этапы развития концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 139–457.
- Аллахвердов В. М.* Опыт теоретической психологии. СПб.: Печатный двор, 1993.
- Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс (Экспериментальная психология. Т. 1). СПб.: Издательство ДНК, 2000.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000.
- Асмолов А. Г.* Социальная биография культурно-исторической психологии // А. Г. Асмолов. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Психолог. Педагог. Психоисторик. М.—Воронеж, 1996. С. 14–31.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986а.
- Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986б.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / Пер. и комм. А. А. Губера; ред. Т. А. Янковенко. М.—Киев, 1994.
- Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995.
- Вундт В.* Естествознание и психология. СПб., 1914.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.

- Гадамер Г. Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гадамер Г. Г.* Философия и герменевтика // Г. Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 9–15.
- Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе (фрагменты) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.
- История отечественной и мировой психологической мысли. По-стигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. IV Московские встречи: Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- История отечественной и мировой психологической мысли ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Канке В. А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1983.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
- Риккерт Г.* Ценности жизни и культурные ценности // Эон. Альманах старой и новой культуры. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 1994.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Наука и действительность (основы точного знания) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989а. С. 336–343.
- Рубинштейн С. Л.* Психология Шпрангера как наука о духе // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989б. С. 345–363.
- Рубинштейн С. Л.* Размышления о науке // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989 в. С. 332–335.
- Рубинштейн С. Л.* Строки, написанные сердцем // С. Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 459–461.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.
- Шкуратов В. А.* Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. Сер. «Памятники психологической мысли». М.: Наука, 1998.
- Bruner J.* Acts of Meaning. L., 1990.

Анатомия психологического знания¹

Д. В. Ушаков

Психологи нередко признают свою науку менее точной и определенной, чем «образцовые» дисциплины типа физики, ссылаясь при этом на большую сложность своего предмета. Будто бы даже А. Эйнштейн говорил Ж. Пиаже, что психология настолько сложнее физики, что он, Эйнштейн, в психологии, наверно, ничего бы не смог открыть. Ниже будет сделана попытка показать, каким образом сложность структуры предмета психологии влияет на особенности психологического знания и способы работы с ним.

Структура предмета психологии

Возьмем элементарный объект физики, который можно назвать «точечным». Это объект, который рассматривается как не обладающий внутренней структурой. Точечный объект действует в соответствии с определенными законами, которые относятся ко всем или большому классу объектов, различающихся лишь параметрами. Теннисный мяч и планета одинаково движутся под действием закона всемирного тяготения, однако различаются по такому параметру, как масса. Точечные объекты, конечно, не обладают структурой в качестве идеальных объектов мысли, соответствующие же им объекты реального мира структурой обладают, возможно, во всех случаях².

Далее физика рассматривает объекты, состоящие из взаимодействующих точечных объектов, каковы, например, Солнечная система или идеальный газ. Для того чтобы их описать, могут требо-

1 Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 17-78-30035.

2 Это справедливо, если следовать рассуждениям Лейбница или Канта о невозможности простых предметов. По мнению Канта, наличие простых предметов входит в одну из антиномий чистого разума.

ваться очень сложные математические модели, ведь даже задача трех тел не имеет аналитического решения в общем случае. Тем не менее исследование таких объектов — один из «коньков» физики, которой во многих случаях удается добиться хорошего соответствия экспериментальных данных и предсказаний математических моделей, описывающих внутрискруктурные взаимодействия.

Условием успешного описания такого рода объектов является относительная простота их поведения, а именно это поведение должно описываться небольшим числом переменных. Например, в модели идеального газа можно изменять две переменных — объем и температуру — и следить за тем, как изменяется третья — давление. Однако для объектов, которыми занимается психология, характерно чрезвычайное разнообразие поведения в разных ситуациях, или, другими словами, большое количество степеней свободы.

Представим, что мы проводим эксперимент в целях определить устройство объекта с большим числом степеней свободы, а именно сложного автомата. Например, конкретизируем, что имеем дело с машиной Тьюринга, наблюдаем ее внешнее поведение, знаем даже внутренние состояния и хотим вычислить заложенные в ней правила перехода¹. Сделать это для неизвестной машины мы можем только методом полного перебора, скомбинировав все внутренние состояния со всеми возможными внешними стимулами. Если машина достаточно сложна, как хотя бы среднестатистический современный персональный компьютер с программным обеспечением, то задача становится трудновыполнимой. Если же еще и внутренние состояния машины нам полностью или частично неизвестны, то задача скорее всего превращается в невыполнимую.

Разнообразие же поведения человека можно оценить уже хотя бы на примере вербальной сферы. Из десятков тысяч слов родного языка можно образовать колоссальное множество текстов, которые люди способны понимать и сами генерировать.

Как возможно экспериментальное познание объектов такой сложности? Ответ однозначен: необходимым условием являются предварительные знания об объекте.

1 Машина Тьюринга состоит из ленты и перемещающегося по этой ленте управляющего устройства, которое может считывать символы с ленты и вписывать вместо них новые. Это устройство имеет определенные внутренние состояния, а его поведение определяется матрицей правил, которая предписывает в случае считывания некоторого символа и пребывания при этом в соответствующем внутреннем состоянии совершить определенное действие.

Если нам известно, например, что испытываемая нами машина Тьюринга является калькулятором, т. е. способна правильно выполнять все арифметические операции, то тогда исследование ее устройства становится для нас уже вполне реальным.

Хотя научная психология нечасто признает, что ее достижения невозможны без жизненных знаний, все же, к счастью, про человека в обыденной жизни нам известно многое, и часто удается неплохо предсказывать и объяснять поведение людей. Только за счет этого знания и возможен научный подход к столь сложному объекту, как человек¹. Рассмотрим основные источники этого знания.

Первый источник – предсказание поведения человека на основе его разумности, способности и склонности мыслить и действовать на основании понимания ситуации. Рассмотрим следующий пример. В ходе итальянской кампании А. В. Суворова в августе 1799 г. русско-австрийская армия столкнулась с примерно равной или чуть уступающей ей по силам французской, которая расположилась на очень выгодной для обороны возвышенности в районе города Нови. Суворов приказал атаковать левый фланг противника небольшими силами, чтобы выманить его на равнину. Молодой французский командующий генерал Жубер прискакал на левый фланг, отбил атаку, но был сражен пулей, перед смертью скомадовав: «Наступайте, все время наступайте!». Командование принял находившийся по случаю при армии генерал Моро, вероятно, второй после Бонапарта по таланту французский военачальник того времени. Он отменил приказ Жубера и вернул войска на исходные позиции. Суворов, по преданию, воскликнул: «Моро понимает меня-старика, а я радуюсь, что имею дело с умным полководцем». Это, впрочем, не помешало ему в последующем упорном сражении разгромить французов.

Действия командиров в этом сражении понятны, поскольку мы понимаем задачи, которые они решали, и их рефлексивные рассуждения. Фактически это означает, что рациональный наблюдатель, понимающий ситуацию, может предсказать действия агента, в той или иной степени разбирающегося в этой ситуации. Полное понимание этой ситуации, как у Моро, характеризует агента как умного.

1 Фактически изложенное представляет собой разновидность «парадокса индукции» Серля: для сложных объектов индуктивное познание возможно только при наличии у познающего предварительного знания об этих объектах.

В других случаях это понимание частичное, как у Жубера. Предвидя возможность частичного понимания, можно осуществить военную хитрость, заманив противника в ловушку. В этом смысле можно понять поведение умного человека, менее умного (как действующего на основании ограниченной ориентировки), но не умалишенного.

Понимание поведения людей в этой ситуации, как это ни кажется на первый взгляд странным, зависит от знания не психологии, а предмета деятельности. Понять смысл приказов Суворова или Моро способен скорее военачальник, чем психолог, потому что эти приказы следовали логике предмета. В этом смысле Я. А. Пономарев говорил о том, что психология не занимается содержанием мышления: в «железобетонном», по его выражению, мышлении лучше разбирается инженер-строитель, а не психолог. Оказывается, таким образом, что рациональное поведение людей хорошо известно из практики жизни, но само по себе не представляет интереса для научной психологии. Однако для психологии оно открывает огромное поле деятельности. В предмет научной психологии попадают все механизмы, которые обеспечивают познавательную деятельность, а также различные виды отклонения от рациональности (см., напр.: Пономарев, 2010; Современные исследования..., 2015; Творчество..., 2011; и др.). Психология познавательных процессов исходит из очень простых вещей, известных нам по опыту реальной жизни, — из того, что такое видеть, слышать, вспоминать, воображать, считать и т. д.

Второй большой источник жизненных знаний о психике — то, что можно назвать логикой чувств и желаний. Возьмем еще один маленький и почти случайный литературный пример. Речь идет о похожей на мальчика и застенчивой девушке-подростке м-ль Вентейль. «Когда [м-ль Вентейль] грубым своим голосом говорила, как она рада нас видеть, то чувствовалось, что застенчивая сестра внутри нее краснеет от этих слов нетактичного мальчугана: как бы мы не подумали, что она напрашивается к нам в гости!» (Пруст, 1992, с. 104).

В этом примере нет рациональной логики, а присутствует то, что может быть названо логикой чувств. Девушка говорит соседям любезную фразу, направленную на то, чтобы вызвать у них определенные положительные чувства. Однако после того как фраза произнесена, она понимает, что в ней может читаться другой смысл: навязывание своего общества людям, которым, может быть, это общество обременительно. То, что произнесенная ею фраза недостаточно тактична (недостаток такта скорее можно ожидать от мальчугана, чем от девушки), заставляет м-ль Вентейль смутиться,

стараясь при этом не показать смущения — «застенчивая сестра внутри нее краснеет».

Фраза м-ль Вентейль (как и вообще действия человека) имеет символический смысл, она была предназначена никак не для того, чтобы передать информацию о чувстве радости, которое девушка заметила в себе в определенный момент. Фраза направлена на то, чтобы представить положение вещей таким образом (один человек рад видеть других), который вызывает в слушающих определенные чувства (благодарность за хорошее расположение, ответные положительные чувства). Это и есть логика чувств, которая предполагает, что определенные ситуации закономерно порождают в людях соответствующие чувства.

Далее получается, что та же фраза может быть интерпретирована по-другому, поскольку сам факт изложения ситуации можно истолковать как просьбу: я рада вас видеть — предоставьте, пожалуйста, мне возможность радоваться, встречаясь с вами. Эту интерпретацию м-ль Вентейль осознает только после того, как фраза сказана. Девушке начинает казаться, что она предстала в неблагоприятном свете перед окружающими. Эта ситуация по той же логике чувств вызывает у нее смущение.

Логика чувств представляет собой, по-видимому, сильно недооцененный научной психологией предмет исследования. Вероятно, это связано с большой интуитивной понятностью этой логики, не вызывающей желания пространно пересказывать то, что понятно само собой людям с развитыми чувствами, или, пользуясь более научной терминологией, эмоциональным интеллектом. Между тем логика чувств представляет собой мощную систему, которая многое определяет в реальном поведении человека. Чувства порождаются прототипическими ситуациями, а комбинирование этих ситуаций приводит к сложным чувствам, в которых в зависимости от личностных особенностей человека возобладает одна или другая сторона. Различие видения людьми ситуаций, а также различная выраженность чувств внутри их сложных сочетаний определяют различия поведения как индивидуумов, так и групп.

В совокупности рациональность и логика чувств и желаний образуют основу как наших жизненных знаний о людях, отраженных богатой психологической семантикой естественных языков, так и психологическую основу истории и литературы. Так, региональную политику Цезаря мы, следуя за Моммзеном, можем объяснить глубоким проникновением в суть устройства Римского государства, т. е. в терминах рациональности, а его согласие идти на уступ-

ки во втором триумвирате — личным благородством, т. е. исходя из сферы чувств¹.

О художественной литературе иногда говорят, что в ней больше психологии, чем в научной психологии. Это утверждение можно расценить как частично справедливое, если учесть, что в литературе, как, например, в приведенном выше эпизоде, большое место занимает логика чувств, а в научной психологии она, напротив, оказывается вне пределов исследования. Так, понятия научной психологии не позволяют нам разобраться, например, в приведенном выше эпизоде из романа Пруста. При этом, конечно, наука разработала такие области психологии, до которых литературе совершенно нет дела, например, модели запоминания бессмысленных слогов. Пафос приведенного выше утверждения заключается в том, что сведения о психологии людей в литературе более жизненны, чем в сухой науке. Это в определенной мере справедливо, но не означает недостаточной полезности научной психологии для жизни.

Особой сферой практики, где востребовано систематическое понимание двух указанных сортов опыта, является психотерапия.

Третий источник жизненных знаний о психике может быть назван случайными жизненными наблюдениями. Поясним и это примером. По известной легенде, К. Левин отметил, что в берлинских кафе официанты хорошо помнят еще не выполненные заказы, но легко забывают те, что уже выполнены. На этом основании его аспирантка Б. В. Зейгарник провела знаменитый эксперимент, в котором был документирован феномен, связанный с забыванием намерений. В данном случае неважно, действительно ли Левин сделал эти наблюдения в кафе, но трудно представить, что этот феномен не был взят из жизненного опыта. Ведь во всех случаях вряд ли эксперимент Зейгарник был построен без предварительной гипотезы, а ее не могло подсказать что-то уже существовавшее к тому времени в науке.

Этот третий источник знаний в отличие от первых двух не характеризует каких-то обязательных свойств людей. Без характеристик первых двух родов, т. е. без ума и без чувства, мы, в сущности, не опознаем человека в качестве человека. Сумасшедшим призна-

1 Ср.: «[Историк] занимается только теми событиями, которые представляют собой внешние выражения мысли, и только в той мере, в какой они выражают мысли. В сущности он занят только мыслями; их внешние выражения — события — занимают его лишь постольку, поскольку они раскрывают перед ним мысли, являющиеся предметом его научного поиска» (Коллингвуд, 1980, с. 207).

ется тот, кто имеет отклонения по этим характеристикам. Однако характеристики третьего рода для нас не только необязательны — мы даже удивляемся им, когда с ними в первый раз сталкиваемся. И, обнаружив у человека отсутствие эффекта Зейгарник, мы точно уж не будем на этом основании признавать его сумасшедшим. Эти характеристики относятся к каким-то своего рода швам, стыкующим основные части поведения человека, швам, которые природа постаралась по возможности скрыть.

Третий источник присутствует и в художественной литературе, где рассыпаны наблюдения писателей над жизнью. Но еще более систематически он представлен в религиозной литературе, где можно встретить развернутые, тонкие и точные описания, например, искушения. А вот в исторических описаниях он составляет скорее побочный продукт.

Итак, три источника дают нам до всякого научного знания ориентировку в поведении человека, и именно они позволяют ученым-психологам выдвигать разумные гипотезы об их объекте.

Первичное формирование феноменологии научной психологии

Психологам-экспериментаторам со времен Г. Эббингауза и Л. Фехнера удавалось как бы вырывать некоторые пласты явлений, известных нам в реальности, и делать их предметом научного исследования. Этот процесс заслуживает особого рассмотрения.

Прежде всего, можно предположить, что ученые, принадлежа к определенному историко-культурному контексту, обращают внимание на специфические явления, оставляя без внимания другие. Это обстоятельство стало предметом обсуждения в социальной психологии. Например, С. Московичи, обосновывая необходимость самостоятельных путей развития европейской социальной психологии, писал: «Истинные достижения американской социальной психологии заключались... в том, что в качестве предмета исследования и объекта ее теорий были взяты проблемы *ее собственного* общества. Ее достижениями явились как ее методы и средства, так и формулирование проблем американского общества в социально-психологических терминах и их рассмотрение в качестве объекта научного исследования» (Московиси, 1984, с. 210).

Фактически в процитированном фрагменте Московичи рассуждает как раз о том, что психологи переносят в научный план проблемы окружающей их действительности. Речь идет о том, что эти проблемы (или явления) должны быть вначале названы, т. е. пере-

ведены в систему понятий, с которыми и происходит дальнейшая научная работа¹.

Система понятий на том или другом этапе психологической проработки соотносится с экспериментальными моделями, после чего становится возможным развертывание доказательной исследовательской работы.

Механизмы перевода явлений, отмечаемых в повседневной действительности, в научный план достаточно многообразны. Так, если вспомнить упоминавшийся пример К. Левина, то можно заключить, что в ряде случаев экспериментатор ухватывает в действительности готовую закономерность². Для того чтобы превратить эту гипотетическую закономерность в научно обоснованную, экспериментатор затем воспроизводит ее в контролируемых условиях, например, в лабораторном эксперименте³.

Однако в других случаях экспериментаторы стремятся создать как бы поле для проявления закономерностей, не предопределяя заранее их конкретный вид. Например, вероятно, Эббингауз, зная из жизненного опыта о феномене забывания, не имел заранее ясного представления о виде кривой забывания, а в эксперименте создал условия, чтобы характер этой кривой проявился. Из дейст-

- 1 Безусловно, играют роль и личностные особенности, и интересы ученых. В этом плане шутка о том, что в психологии каждый занимается тем, чего ему не хватает, не лишена смысла.
- 2 Интересно при этом, в какой степени усмотрение некоторой закономерности в повседневной действительности подготовлено теоретическими взглядами ученого. Во всяком случае у К. Левина эффект запоминания незавершенного действия хорошо укладывался в его общую теорию поля применительно к личностной проблематике. В то же время этот феномен получает хорошую интерпретацию и помимо психологии поля.
- 3 Хороший экспериментатор в этом смысле должен заранее, из опыта жизни обладать «имплицитной теорией» объекта, с которым он работает. Возможно, его эксплицитная теория никогда не достигает уровня имплицитной теории. Так, почему-то эксперименты, изобретенные Ж. Пиаже, имели тенденцию совпадать с предсказаниями его эксплицитной теории, в то время как другие исследователи нашли немало несоответствий. Не в том ли дело, что имплицитная теория, на основании которой Пиаже строил свои эксперименты, но которую никогда в полной мере не смог прояснить, была точнее его эксплицитно сформулированных утверждений? Возможно, впрочем, и более прозаичное объяснение: результаты, не совпадавшие с теорией, у Пиаже были, но не публиковались.

вительности должен был быть выхвачен сам замысел изучить процессы заучивания и забывания. Такой подход преобладал на ранних стадиях развития экспериментальной психологии. Сегодня такого рода заходы выглядят в значительной мере исчерпанными, поэтому исследователи, вносящие в науку новую феноменологию, обычно уже имеют в виду определенную гипотезу перед проведением эксперимента.

В некоторых случаях, вероятно, феномен выступает побочным продуктом. Возможно, например, что Эббингауз проводил свой эксперимент в целях установить кривую забывания, а позиционную кривую обнаружил неожиданно, как побочный продукт. В ряде случаев открытие новых феноменов в психологии в качестве побочного продукта точно документировано: так, например, было с фи-движением у М. Вертгаймера.

Таким образом, работа психологов по первичному схватыванию закономерностей в этом плане оказывается подобна работе лингвистов, которые эксплицируют закономерности, которые уже имплицитно содержатся в употребляемом людьми языке. Однако если у лингвистов дальнейшая верификация этих закономерностей происходит на материале того же реально употребляемого языка, то психологи часто воспроизводят эти закономерности в экспериментальной реальности (см.: Процедуры и методы..., 2016; Современная экспериментальная..., 2011; и др.).

Формирование объяснительных моделей и «вторичной феноменологии»

Выявление закономерностей, которым подчиняется поведение человека в разных ситуациях, дополняется поиском объяснительных моделей для этих закономерностей. Так, получив позиционную кривую воспроизведения в памяти, необходимо предложить объяснение ей, что делается, например, путем введения предположений о блоках кратковременной и долговременной памяти и т. д. Таким образом, обнаруженные в исследованиях закономерности поведения объясняются внутренними структурами, или конструктами.

Эти внутренние структуры ненаблюдаемы: например, о существовании кратковременной или долговременной памяти мы заключаем на основании поведения испытуемых, а не путем непосредственного наблюдения или исследования субстрата¹. Про ту же

1 В самом принципе объяснения психология поступает примерно так, как и физика. Однако в физических системах поведение составляю-

кратковременную память в настоящее время трудно определить, с одним или многими областями головного мозга она связана, какими нейронами реализуется и т. д. Однако это ничуть не убавляет значимость этого и ему подобных понятий, без которых объяснение, предсказание и т. д. экспериментальных данных было бы невозможным (см.: Междисциплинарные исследования памяти, 2009; и др.). Затем уже эти понятия могут быть связаны с нейрофизиологическим субстратом, социальными условиями развития и т. д.¹ Обнаружение такой связи имело бы очень большое значение, поскольку ее отсутствие увеличивает степень произвольности конструкторов, создаваемых психологами. Бурное развитие нейрофизиологии дает надежды на поддержку объяснительных моделей психологов, однако не менее важной представляется и обратная связь — наличие психологических моделей поведения, которые позволяют понимать нейрофизиологические данные².

Таким образом, можно зафиксировать, что психология выявляет эмпирические закономерности поведения людей и объясняет их с помощью конструкторов, которые в минимальной степени опираются на внешние, помимо целей объяснения поведения, соображения и данные.

щих их элементов если не всегда фактически изучено, то должно быть описано хотя бы правдоподобно. Устройство газа как множества свободно перемещающихся частиц обосновывается соображениями, выходящими за рамки свойств газов, в частности путем реального наблюдения молекул.

- 1 Ж. Пиаже в известной и переведенной на русский язык статье противопоставляет «абстрактное» сведение (т. е. объяснение эмпирически установленных закономерностей через гипотетические структуры, существование которых никаким иным путем не удостоверяется) «физиологическому», «социальному» и т. д. сведениям (Пиаже, 1966). Представляется, однако, что для современной психологии непосредственное объяснение выявленных закономерностей поведения через физиологию или социальные взаимодействия нехарактерно. Такое объяснение происходит только через опосредствующее звено в виде гипотетических процессов и механизмов, которыми занимается психология.
- 2 В этом плане характерно развитие нейроэкономики, которая воспользовалась моделями из экономической психологии в исследованиях с применением техник нейровизуализации. Однако и понимание функционирования интенсивно изучаемого сегодня коннектома головного мозга вряд ли возможно без моделей тех функций, которые коннектом реализует, т. е. без психологических моделей.

Поскольку модель по определению обладает большей степенью общности, чем закономерность, эта модель позволяет предсказать новые закономерности, которые могут подвергаться проверке. Принципиально важный момент заключается в том, что применение объяснительных моделей запускает процессы их верификации (или фальсификации, если следовать К. Попперу), задавая тем самым новый способ работы с эмпирией. Эти процессы предполагают выдвижение новых гипотез, вытекающих из моделей, и их эмпирическую проверку. В результате происходит установление нового круга эмпирических закономерностей, которые мы называем вторичными в том смысле, что они не непосредственно «подсмотрены» у действительности, а выведены в контексте движения внутри научных понятий. Так, например, если феномен удержания в памяти незавершенного действия может быть отнесен к первичной феноменологии, то проведенные Ю. Кулем на его основе исследования ориентация на действие или состояние относятся к феноменологии вторичной.

Подавляющее большинство современных эмпирических работ по психологии, бесспорно, выстроены в логике существующей системы научных понятий и устанавливают то, что названо выше вторичными эмпирическими закономерностями. При этом нельзя сказать, что установление первичных закономерностей «выше» или ценнее, чем работа над вторичными. Ничуть нет, разница заключается в типе работы, но и то и другое — необходимые элементы научного движения.

Выявление вторичных закономерностей является основным способом проверки моделей. Так, например, из трехкомпонентной модели памяти следует, что предъявления списка слов из гомотонов должно приводить к исчезновению эффекта первичности, а отсроченное воспроизведение — эффекта недавности. Результаты соответствующих экспериментов совпали с предсказаниями теории.

Эмпирическая многоаспектность

Выявляемые психологами закономерности оказываются чрезвычайно многочисленными и «фасеточными». Они относятся к разным ситуациям и интерпретируются в не связанных между собой понятиях. Например, закономерность позиционной кривой или минимальной группы лежат в разных плоскостях, отличающихся как порождающими их ситуациями, так и способами реагирования.

Психологи, конечно, признают, что все эти закономерности порождены деятельностью одного и того же существа, но те подструктуры психики, которые вводятся для объяснения позиционной кривой (кратковременная и долговременная память, процессы переноса из одной в другую и т. д.), не имеют ничего общего с теми, что используются для объяснения минимальной группы (социальная категоризация, отнесение себя к социальной категории, механизмы поддержания самооценки и т. д.).

Это обстоятельство само по себе было бы совершенно нормально, если бы психологам удалось создать синтезирующие модели, которые объединяли бы в целое различные локальные модели как описывающие подструктуры, по отношению к которым можно установить целостную структуру. Однако такого рода синтезирующие модели в психологии сильно отстают от локальных, что решающим образом влияет на облик нашей науки в настоящее время. Мы не располагаем научными описаниями целого, в котором долговременная и кратковременная память соседствуют с механизмами поддержания самооценки. Психологи, прекрасно справляющиеся с локальными моделями, не структурируют целое человеческого субъекта, а набрасывают в него, как в мешок, различные не связанные между собой гипотетические механизмы, призванные объяснить поведение в разных ситуациях.

Получается как бы разбиение человека на разные предметы познания, исследование которых происходит независимо: изучение минимальной группы в социальной психологии ничего не добавляет к изучению позиционной кривой. В результате концептуальное поле современной психологии образовано множеством моделей. Их число установить достаточно сложно, но интуитивно кажется, что счет давно уже идет не на сотни, а на тысячи относящихся к разным областям психологии моделей.

Образовалось то, что Я. А. Пономарев назвал эмпирической моноаспектностью: «Огромная масса эмпирических работ становится необобщаемой; эта масса представляет конгломерат знаний, который захлестывает науку, лишая ее способности к обобщению: наука оказывается не в состоянии осмыслить, использовать порождаемый ею конгломерат знаний во всем его потенциальном богатстве» (Пономарев, 1983, с. 41). Представляется, что это описание Пономарева хорошо характеризует состояние современной науки, если понимать под обобщением и осмыслением эмпирических данных возможность находить им место в общей структуре человеческой психики.

В результате особенностью психологической науки становится существование двух пунктов притяжения, двух системообразующих центров научных понятий. Вокруг одного центра происходит образование операционализируемых понятий, позволяющих создавать модели среднего уровня, проверяемые в эксперименте, вокруг другого строятся понятия, рисующие целостный образ человека.

Основная проблема заключается в том, что полной стыковки двух полюсов у психологов до настоящего времени не получается. Психологический эксперимент очень ограничен во времени и пространстве. Экспериментальная ситуация по масштабу как «единица разложения поведения» несоизмеримо меньше реальных событий жизни человека, поэтому результатом психологического эксперимента всегда оказывается небольшой фрагмент связей переменных нашей психики, положение которого в системе целого экспериментом не выявляется и остается предметом спекуляций. Это означает, что по итогам психологического эксперимента мы строим модели, основанные на понятиях, которые хорошо поддаются операционализации, но оказываются неопределенными в плане соотношения с общей «архитектурой» человеческой психики.

Такая ситуация приводит к очевидным проблемам. Приведем лишь один пример – схизму психологической теории и практики (Журавлев, Ушаков, 2011, 2012а, б). Ведь, например, психотерапия, имея дело с целостным человеком, редко получает возможность воспользоваться локальными закономерностями, установленными в хорошо контролируемом эксперименте. В свою очередь, психотерапевты пользуются такими теориями, которые проверки не допускают. В результате возникает разрыв, который не идет на пользу ни одной из сторон.

Все же нельзя сказать, что ситуация в психологии является кризисной. В фундаментальном плане идет постоянное накопление фактов и локальных моделей, позволяющих все точнее предсказывать поведение человека в тех или иных ситуациях и оценивать индивидуальные особенности (см., напр.: Прогресс психологии..., 2009; Новое в науках..., 2015, Принцип развития..., 2016; и др.). На основании теоретико-экспериментальных исследований решаются и некоторые практические проблемы в области образования, эргономики и т.д. (см.: Актуальные проблемы..., 2015; Взаимоотношения..., 2015; и др.).

Во всех случаях принципиального прорыва, который мог бы сделать психологию наукой XXI в., как прочат футурологи, обеспечил бы на новом качественном уровне выполнение ею как ми-

ровозреческой, так и практической функций, можно ожидать только от нахождения способов синтеза, открывающих возможность соединить отдельные локальные модели внутри интегративного взгляда на психику человека. Рассмотрим, как в психологии действует «тайная пружина» стремления в этом направлении.

Границы применимости объяснительных схем

Перераспределение границ объясняемых разными моделями эмпирических областей постоянно происходит в результате внутренней динамики, заложенной в объяснительные схемы. Часто модель в определенный период времени выступает монополистом, безальтернативно объясняя какой-либо фрагмент эмпирии. Такие модели стремятся к экспансии на соседние области эмпирии.

В других случаях несколько моделей направлены на объяснение одной и той же эмпирии, и тогда они выступают прямыми конкурентами друг другу. Это обычно характерно для моделей, создаваемых в близкое время, когда ориентация происходит на одинаковую эмпирию.

Казалось бы, на этой основе в психологии могли бы сложиться процессы, характерные для «нормальной науки» (по Т. Куну): в результате конкуренции моделей, где производство вторичной эмпирии выступает основным способом выявления победителя, могли бы выдвинуться общепризнанные объяснительные схемы. Так бы, вероятно, и произошло, если бы границы между областями были бы незыблемыми и раз навсегда установленными.

Проблема заключается в том, что фрагменты реальности вырезаются ножницами научного анализа для превращения в экспериментальные парадигмы и объяснительные схемы произвольно, без теоретического обоснования. В результате различные объяснительные схемы перекраивают карты объясняемых областей на свой лад. Например, теория умственных моделей Ф. Джонсон-Лэрда и теория дарвиновских алгоритмов Л. Космидес в некоторых случаях предлагают альтернативные объяснения одних и тех же явлений, например, влияние тематического содержания на решение задач (Вейзоновской задачи выбора и т. д.). Однако в других случаях применима лишь одна из этих теорий. Так, теория Джонсон-Лэрда в отличие от теории Космидес может описывать решение силлогизмов, зато последняя позволяет объяснить когнитивные феномены в случае социальных обменов, чего не может первая. Таким образом, области объяснения для этих теорий могут быть представлены

в виде пересекающихся кругов. Аналогичное соотношение можно наблюдать, например, для теорий внимания, связанных с селекцией и конъюнкцией признаков, теорий мотивации достижения и внутренней мотивации и т. д.

Сила объяснительных моделей во многом определяется способностью к объяснению феноменов, возникающих в используемых экспериментальных парадигмах. При изобретении новых парадигм бонусы получают те модели, которые способны объяснять и предсказывать новые данные. В результате нередко складывается ситуация, когда модель выходит из употребления не потому, что ее опровергли, а потому, что интерес сместился к новым экспериментальным парадигмам, а модель оказалась им не релевантна.

В поисках «архитектуры» целого

Сказанное ставит перед психологами трудный вопрос о том, какое место занимают описываемые локальными моделями структуры и процессы в контексте неизвестного нам целого организации человеческой психики. Фактически каждая локальная модель имеет свои «стыковочные узлы», т. е. понятия, которыми она обращена к целому психики и через которые призвана в это целое вписаться. Если речь идет о какой-либо когнитивной структуре, например памяти, то ее стыковка определяется тем, откуда она черпает информацию и куда передает, под каким управлением находится, как взаимодействует с мышлением и т. д. Если о системе личностных черт, то необходимо определить, как они воздействуют на поведение, взаимодействуя с ценностями и установками, какими структурами реализуются и т. д. Можно сказать в общей форме: ни один объект, описываемый локальными моделями психологов, не способен функционировать вне целостной психики.

Синтез возможен на основе представления об «архитектуре» целостной системы, внутри которой отдельные локальные модели заняли бы свои законные места. В психологии было предложено фактически два проекта такой архитектуры.

Первый проект связан с теорией модулярности Дж. Фодора (Fodor, 1983). Теория модулярности выступает как логический ответ на познавательную ситуацию, в которой объективно оказалась психология, на проблему фасеточности. В пределе программа Фодора направлена на то, чтобы свести значительную часть психологической реальности к деятельности независимых друг от друга модулей, для описания каждого из которых нужна своя особенная,

не связанная ни с чем другим модель. Модули независимы, срабатывают автоматически, поэтому и изучать их можно независимо от всего остального. Теория Фодора максимально упрощает «стыковочные узлы» моделей. Эти узлы сводятся фактически к автоматической активации модуля при поступлении релевантной информации и передаче информации от одного модуля к другому.

Это очень удобно для исследования, поскольку локальные модели оказываются не промежуточным этапом, через который надо перейти, чтобы двигаться к общему знанию, а конечным пунктом получения позитивного знания.

Однако теряют не всегда там, где светло. Даже Фодор, выделяя как наиболее удобный объект познания модули, тем не менее признает также наличие инстанции, не сводимой к модулям. Характерно, что, когда проблема этой инстанции становится очевидной, Фодор вообще склонен отказаться от попыток изучать ее и предлагает обратиться к понятию гомункулуса.

Другой проект связан с пониманием отношения конкретного поведения человека, описываемого локальной моделью, к архитектуре целого, которое может быть описано термином Н. А. Бернштейна «ограничения степеней свободы». Действуя в определенной ситуации, человек ориентируется на некоторые контексты, исключая другие. Этим определяется круг процессов, объясняющих поведение человека в конкретный момент времени. Однако этот круг процессов не является модулем в смысле Фодора, поскольку в его случае нельзя говорить об автоматическом и неосознанном характере работы.

Такой подход предполагает, что модель процессов, объясняющих деятельность человека в данных условиях, может быть получена из общей модели при условии, что в специфической ситуации (лабораторной или реальной жизненной) задействованы некоторые структуры и процессы, в то время как другие отторжены.

Фактически подход, связанный с ограничением степеней свободы, применяют глобальные модели когнитивной системы, такие как АСТ Дж. Андерсона. Эта модель включает долговременную память в виде ассоциативной сети и набора схем, а также систему «правил продуцирования». В зависимости от задачи на передний план выходят разные компоненты модели, что и позволяет когнитивной системе предъявлять «разные лица» в различных ситуациях.

Все же модель Андерсона при всех ее достоинствах не может объяснить сколько-нибудь значительную часть психологической эмпирии с точностью, приближающейся к той, которой облада-

ют локальные модели, разработанные под эту эмпирию. Проявляется эффект специализации: для решения специфической задачи лучше всего подходят системы, приспособленные только для ее решения. Современная психология сконцентрирована на решении множества специфических задач, что приводит к формированию локальных моделей.

Сложность вопроса об архитектуре усугубляется непонятностью путей ответа на него. Проблема синтеза моделей связана с принципиально особым способом работы. Испытанное психологами вырывание частей из действительности здесь ничего не дает.

В психологии возникает потребность в своего рода лапласовском уме, т. е. всеобъемлющем интеллекте, который мог бы принимать в расчет всю совокупность мыслимого. Но только в отличие от физики в психологии эту совокупность составляют не координаты и импульсы всех частиц во Вселенной, а все возможные проявления человеческой психики, ее разрозненные части, связанные глобальной архитектурой.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что структура предмета психологической науки¹ такова, что она провоцирует нашу науку на превращение в собрание не связанных между собой моделей разрозненных объектов, теряя образ единого человека. Это свойство в современной психологии заметно уже при беглом взгляде на любую ее область — фрагментированность теоретического пространства бросается в глаза.

Функционализм

Интересным феноменом в контексте сказанного выступает функционализм, которого только ленивый не придавал поношению, но который тем не менее и сегодня продолжает свое существование. Дело в том, что функционализм основывается на необходи-

1 В действительности структура предмета психологии содержит несколько серьезных трудностей, о которых речь не шла. Здесь не обсуждалась, например, проблема субъективных состояний (квалиа) и сознания. Не обсуждалось и то, что психология занимается тем, что Г. П. Щедровицкий называл популяционными объектами, т.е. объектами, имеющими общее происхождение и общую структуру при различии параметров. Это свойство вводит в психологическую науку дополнительное измерение индивидуальных различий. Однако уже названных особенностей достаточно, чтобы понять причины разрозненности психологического знания на нынешнем этапе.

мости формальной классификации научных феноменов. Классификация — задача мало связанная с собственно научным поиском, но важная для его инфраструктуры — формирования учебных курсов, учебников, научных подразделений, классификаторов фондов, программ конференций и т. д. Для всего этого требуется внятное членение научного поля дисциплины. Если бы психология располагала ясным представлением об архитектуре своего предмета, такое членение могло бы происходить на основании внутренних закономерностей и связей предмета изучения. Однако в отсутствие общепринятого представления об архитектуре основой этого членения могут выступить только внешние признаки — функции.

В результате основным способом категоризации по внешнему сходству в психологии выступил функционализм. Так, феномены запечатления, воспроизведения и забывания различных объектов по внешнему сходству были сгруппированы в общую категорию памяти.

В то же время эмпирическое исследование выявляет большую гетерогенность процессов, стоящих за явлениями одной и той же категории. Эта гетерогенность проявляется и в том, что явления, относимые к одной и той же категории, ведут себя по-разному, и в том, что явления, относимые к разным категориям, сближаются. В случае памяти в рамках единой категории по-разному проявляют себя, например, кратковременное, долговременное и сверхкратковременное хранилища. Во многих случаях сближаются явления, исходно относимые к сферам памяти, внимания, восприятия и т. д.

Таким образом, функционализм — столь же закономерное явление в развитии психологического знания, как и его последующая критика. Функционализм закономерен, когда психология занимается работой с локальными моделями. Его преодоление, о котором психологи говорят уже чуть ли не столетие, возможно лишь при условии выработки общепринятой глобальной теории, которая могла бы задать гомогенность концептуального поля.

Тенденции синтеза психологического знания «снизу вверх»

Стремление к синтезу локальных моделей весьма сильно в исследовательской практике. Главные события при этом происходят по принципу «снизу вверх»: в виде объединения локальных моделей в более крупные, способные объяснить большие группы данных. Подробно эти процессы были рассмотрены автором в другой работе (Ушаков, 2005). Здесь они будут описаны более коротко.

Синтез снизу вверх развивается примерно по следующей схеме. Формируется пул моделей, между которыми разворачивается взаимодействие. Тенденция к единообразию связана, с одной стороны, с определением моделей-победителей, а с другой стороны, к построению «концептуальных мостов» между ними.

После появления достаточного объема эмпирических данных образуется возможность создания новых оснований для группирования психологических явлений — сходство эмпирически обнаруженных закономерностей функционирования. Тогда происходит создание первых моделей, которые сближают феномены на основе их внутренних закономерностей, в результате чего приобретают как бы срезовой характер. Метафорически это можно выразить как проекцию единого многомерного объекта изучения на различные плоскости. В отличие от объединения объектов по внешним признакам объединение по проекциям основывается на сходстве закономерностей функционирования, в результате чего становится доступным создание полноценных моделей, постулирующих внутренние структуры за внешним поведением. В этом плане различные виды внешне несходного поведения оказываются отнесены к ведомству одних и тех же внутренних структур. Например, в теории Ж. Пиаже на одной и той же стадии когнитивного развития за счет одних и тех же механизмов появляются феномены, относящиеся к собственно интеллекту (например, решение задачи сериации), памяти (запоминание транзитивных отношений), мировоззрению (например, оценка характера причинности), моральным суждениям (оценка действий другого человека) и т. д.

Проблема срезовых моделей, однако, заключается в том, что их объяснительные возможности зиждутся на абстрагировании от ряда свойств объекта, как бы приравнивании переменных к нулю.

Далее срезовые модели обнаруживают тенденцию к синтезу. Автором была предложена схема, описывающая процессы синтеза научных теорий в определенной области (Ушаков, 2005). Она рассмотрена на двух примерах. Один из области психологии — развитие исследований интеллекта и мышления. Другой пример из области физики — создание теории относительности на базе выглядевших до этого разделенными механики и электродинамики. Сопоставление физики и психологии показательно. Выше особенности предметов этих двух наук противопоставлялись. Аргументировалось, что предмет изучения психологии ввиду его сложности распадается на множество независимо друг от друга изучаемых частей. В физике это в общем случае не так. Однако электродинамические

и механические явления еще в конце XIX в. воспринимались физиками как в корне разнородные и несводимые друг к другу. Падающий с Пизанской башни камень и ток, индуцируемый движущимся магнитом в проводнике, относились к разным классам явлений природы, и не предполагалось обнаружить единство законов. Тем не менее революция в физике начала XX в. позволила обнаружить это единство. К сожалению, психология не зашла столь далеко по пути синтеза даже столь очевидно родственных объектов, как интеллект и мышление. Тем не менее в упомянутой работе было показано, что начало движения в сторону синтеза в психологии происходит аналогично. Всего в этом движении было выделено пять этапов.

Первый этап, предшествующий возникновению ситуации многомерного синтеза, связан с освоением наукой новых пространств и возникновением на них первичных, или «классических», теорий. В психологии интеллекта таких областей было три: развитие интеллекта, функционирование процессов мышления и индивидуальные особенности интеллекта. Все три плана относятся к изучению одного и того же процесса решения задач, но взятого в разных отношениях.

Поворотным моментом в исследовании развития интеллекта стало возникновение теории Ж. Пиаже, которая, зародившись в 1920-е годы и пройдя три (Ушаков, 1995) или четыре (Pascual-Leone, 1987) этапа развития, в 1960-е годы стала доминирующей в своей области. Пиаже сумел разработать особый тип эксперимента, собрать огромный эмпирический материал и обобщить его в виде масштабной теории стадий. Однако сделано это было ценой ряда фундаментальных абстракций. Теория Пиаже, описывая интеллектуальное развитие, полностью абстрагируется от индивидуальных различий и от процессов, приводящих к решению задачи. Критерием отнесения к стадии для него всегда являлся результативный аспект — ответ ребенка.

Анализ классических исследований в области психологии мышления показывает, что они тоже осуществлялись в абстрагировании от других сфер изучения интеллекта — в данном случае развития и индивидуальных различий. Работы, выполненные, например, О. Зельцем, Н. Мейером или К. Дункером, рассматривают мышление как независимое от того, кто думает, — ребенок или взрослый. Закономерности типа дункеровской смены гештальтов общи для профессора математики, трехлетнего ребенка или келлеровского шимпанзе. Не меняет дела и более поздняя информационная пара-

дигма поиска в проблемном пространстве, который оказывается общим механизмом мышления на всех этапах когнитивного развития.

Основой исследований индивидуальных различий интеллекта стало понятие о его структуре, идущее от Ч. Спирмена и соотносящее различные интеллектуальные способности в терминах корреляционной близости. Структура интеллекта по умолчанию рассматривается как характеризующая все возрастные группы, причем способности берутся в абстракции от процессов решения задач, а просто в связи с результатами их решения.

Таким образом, продуктивность исследования в каждой из описанных научных областей достигнута введением фундаментальных абстракций, как бы «уплощением» многомерного предмета за счет приравнивания к нулю его протяженности в иных измерениях, кроме рассматриваемого. До определенного момента эти абстракции весьма плодотворны, поскольку позволяют наладить эффективный исследовательский процесс.

В рассматриваемой сфере физики в основе ситуации многомерного синтеза оказались включенными две области: механика и электродинамика. Эти области также сформировались фактически путем абстракций, «уплощения» многомерного предмета. Так, классическая механика довольно точно описывает движения тел, если их скорости малы по сравнению со скоростью света. Поскольку в реальной жизни мы имеем дело именно с такими скоростями, абстракция классической механики хорошо соответствует нашему повседневному опыту.

На *втором этапе* выявляются проблемы внутри каждой области, обычно связанные с фактами, не находящими объяснения в рамках классической теории. Эти проблемы являются расплатой за «уплощение» предмета: неучтенные измерения рано или поздно врываются в тщательно охраняемое плоскостное отображение объекта и проявляются в нем необъяснимыми аномалиями.

Для пиажеанства эти факты связаны в первую очередь с различными феноменами декаляжей, т. е. неодновременности появления в онтогенезе функций, которые оцениваются теорией как структурно одинаковые. Если обратиться к предпосылкам и идеализациям, приводящим к возникновению проблемы декаляжа, то вновь возникает тема индивидуальных различий и процессов функционирования, выводимых за рамки пиажеанства. В самом деле декаляжи делятся на коллективные, т. е. свойственные всем детям на определенном отрезке когнитивного развития, и индивидуальные — разным детям свойствен **разный** порядок прохождения этапов в раз-

ных областях когнитивного развития. Индивидуальные декаляжи указывают на необходимость включения в модель индивидуальных различий. Коллективный декаляж означает, что задачи, имеющие одну и ту же логическую структуру, но разное содержательное оформление, оказываются разными по трудности для детей, а это означает, что дает сбой абстракция от процессов решения задач. Проблема декаляжа подчеркнула, что для понимания последовательности онтогенетического становления различных интеллектуальных функций нужно не только описать их структуру, но и процессы, механизмы, стоящие за их реализацией.

В психологии мышления не возникло необъяснимого явления, подобного декаляжу. Однако трудности, порожденные отсутствием синтеза, приходят с другой стороны – в связи со сложностью создания объемлющей теории, дроблением некогда единой теории на мини-модели решения отдельных задач или их классов. Теории в области психологии мышления все более становятся теориями решения одной задачи или определенного класса задач. Переход к локальным моделям, в пределе – моделям решения одной задачи является логическим следствием исключения проблематики развития из области мышления. В самом деле вряд ли этот и подобные ему споры можно разрешить, если не посмотреть на проблему в более широком контексте – способность к решению задач определенного рода не есть инвариант когнитивной организации человека, она формируется в общем контексте развития субъекта. Таким образом, логичным представляется вывод, что универсализация получаемых закономерностей в психологии мышления может происходить путем анализа связи и преемственности способов мышления, формируемых в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, а также путем учета индивидуальных особенностей выработанных способов.

Нарисованную картину дополняет анализ исследований индивидуальных особенностей интеллекта, который у своих истоков абстрагировался от развития и процессов решения задач. Вследствие такого способа определения факторы в структуре интеллекта оказываются эфемерными, лишенными субстанции в том смысле, что остается не очень ясным, какими процессами они формируются. Ведь нельзя же предположить, что способности людей существуют сами по себе, а не опираются на различные психические, в том числе когнитивные процессы. Мы небезосновательно склонны считать, что люди способны решать те или иные задачи, потому что у них в достаточной степени работают психические процессы,

с помощью которых эти задачи решаются. Отсюда возникают явления нестабильности структуры интеллекта в зависимости от методов вращения, применяемых тестов и выборки.

Однако логика корреляционного метода и его производных, в частности факторного анализа и линейно-структурных моделей, плохо приспособлена для того, чтобы не просто устанавливать связи способностей, но и идентифицировать стоящие за ними процессы. Следовательно, возникает необходимость в создании теоретических схем, способных связывать факторы с процессами. Наиболее естественная схема, состоящая в том, что за каждым фактором стоит один или несколько процессов переработки информации, оказывается на практике неработающей, в результате чего все современные модели структуры интеллекта лишь гипотетически увязывают факторы с процессами.

С этим связана и другая проблема факторных моделей – невозможность окончательного выбора между разными вариантами. Сегодня наиболее респектабельной считается модель Кэрролла, в том числе в ее усовершенствованном варианте под названием СНС. Однако некоторые ученые продолжают утверждать, что альтернативная модель VPR объясняет факты лучше. Есть свои сторонники и у берлинской модели интеллекта, а также у триархической модели и ряда других. Эти разногласия трудно разрешить путем проверки альтернативных факторных моделей, поскольку проведение эмпирического исследования по всем существующим вариантам тестов в практическом смысле нереально. Однако их можно было бы снять, если бы была ясна процессуальная природа факторов.

Аналогичный момент появления затруднений, вызванных исходной абстракцией, легко зафиксировать и для классической ньютоновской физики. Там наиболее неприятным и непонятым фактом оказалась независимость скорости света от скорости движения системы отсчета. В опыте Майкельсона-Морли выяснилось, что скорость света Солнца не зависит от того, направлено ли вращательное движение Земли в той точке, где скорость света измеряется, навстречу свету или от него.

На *третьем этапе*, наступающем после осознания невозможности объяснить появившиеся факты в рамках старой теории, начинаются попытки ассимиляции фактов, найденных в рамках одного среза, с помощью понятий, возникших в рамках другого. В физике начала века такого рода попыткой стала, например, теория подвижного эфира. Если скорость света не зависит от движения Земли,

можно предположить, что свет распространяется с постоянной скоростью относительно наполняющего все космическое пространство, но при этом подвижного эфира, который захватывается Землей при ее вращении. Эфир вращается вместе с Землей, поэтому скорость света относительно Земли, как и относительно эфира, всегда одинакова. Еще и сегодня со словами типа «В эфире Радио-7 на семи холмах» до нас доходят отголоски этой старой теории.

Теория подвижного эфира пыталась в рамках понятий старой динамики объяснить феномены, выходящие за ее пределы. В методологическом плане она подобна неоструктуралистским теориям в сфере интеллекта. Неоструктурализм использует понятия информационного подхода для объяснения явлений, связанных с когнитивным развитием. В неоструктурализме переходы между стадиями связываются с увеличением «мощностей» по переработке информации, в частности – с рабочей памятью (Халфорд, 1997; Case, 1987; Demetriou, Efklides, 1987; Fisher, Farrar, 1987; Pascual-Leone, 1987; Halford, 1996). Также характерными чертами этого направления являются попытки учесть индивидуальные различия и произвести спецификацию различных когнитивных областей.

Сравнение с ныне явно устаревшей теорией подвижного эфира не означает уничижительной оценки неоструктурализма. Речь просто идет о том, что аналогичные по смыслу попытки ассимиляции новых фактов при помощи старого понятийного аппарата в новых его комбинациях являются закономерными на определенном этапе многомерного синтеза. Современная психология интеллекта как раз находится на этом этапе, а неоструктурализм – на ее переднем крае. Физика же давно двинулась за пределы теории эфира и перешла к следующему этапу.

Следующий, *четвертый этап* является решающим в плане развития многомерного синтеза. Он может быть охарактеризован как нахождение ядерного соотношения в изучаемом предмете. В обсуждаемой области физики этот шаг был сделан А. Пуанкаре, показавшим, что математическим смыслом преобразования Максвелла является сохранение при движущейся системе отсчета инвариантности не отдельно пространства или отдельно времени, а так называемого пространственно-временного промежутка. Таким образом, появилась основа синтеза в рамках единой теории явлений механики и электродинамики и объяснения доселе непонятных феноменов.

Выделенное ядерное соотношение приводит в движение всю систему понятий в соответствующей сфере науки. Некоторые из этих

понятий вообще исчезают из научного лексикона (например, эфир), другие наполняются новым содержанием (например, пространство и время). Наконец, появляются принципиально новые понятия. Эта работа в области физики, выполненная А. Эйнштейном, привела к созданию теории относительности в том виде, как мы знаем ее сегодня, и завершила *пятый этап* системного синтеза.

Здесь можно подытожить анализ процессов синтеза «снизу вверх» в психологии. Эти процессы запускаются после того, как формируются разработанные в плане экспериментальных данных и объяснительных моделей научные области, которые образованы на основе абстракций, как бы «уплощающих» многомерный объект. Так, классические работы в области мышления и интеллекта были выполнены на основе последовательного отделения друг от друга интеллектуального развития и функционирования процессов мышления, а также того и другого от проблематики индивидуальных различий. Вначале такое отделение было весьма продуктивным и позволило накопить богатый эмпирический материал и объяснительные схемы. Однако в определенный момент абстракция исчерпала себя, что стало проявляться в виде проблем — аномальных фактов или же невозможности создания достаточно объемлющих теоретических моделей. На этой стадии возникают попытки применения принципов, заимствованных из одной области, к феноменологии другой. Однако подлинное решение заключается в том, чтобы увидеть объект как многомерный и предложить адекватную такому видению модель.

Синтез «сверху вниз» и глобальные метафоры

Синтетическое движение «снизу вверх» в психологии обладает достоинством неотрывно следовать фактам: более крупные модели строятся на базе более мелких эмпирически обоснованных моделей и сами тотчас же имеют возможность опереться на эмпирию. Однако движение «снизу вверх» идет весьма трудно, поскольку продвигается как бы ощупью, поскольку, как отмечалось выше, объект столь большой сложности очень трудно или даже невозможно исследовать, не обладая заранее знанием о нем. Это заранее данное знание позволило экспериментаторам выявить первичные закономерности поведения их объекта, но вряд ли без использования этого предварительного знания, чисто эмпирически возможен синтез моделей локальных закономерностей в целостное научное представление о человеке.

В связи с этим в психологии всегда в большей или меньшей степени, иногда в исчезающее рудиментарной форме, существовало синтетическое движение «сверху вниз»: от целостного образа человека к моделям отдельных его проявлений. Необходимость этого второго движения ощущается психологами весьма настоятельно, поскольку именно оно дает основание для выбора той или иной архитектуры, общей системы понятий, на которой могли бы базироваться теории первого уровня. Однако проблема связана с тем, как обеспечить рациональное обоснование для целостного образа человека. Ведь именно рациональность обоснования делает теорию и понятие научными, а не художественными, идеологическими или просто шарлатанскими. Для локальных моделей рациональность обоснования заключена в процедурах эмпирической проверки, а в отношении целостного образа человека это заведомо невозможно.

В связи с этим на уровне целостного образа вместо теорий используется то, что получило название метафор — например, компьютерной метафоры. Метафора определяет, как предположительно должна быть организована психика человека или ее часть, например, когнитивная система. Однако в отличие от теории она не содержит рационального обоснования этого предположения. Обоснованием служит общая убедительность подобия. Например, компьютер может решать некоторые задачи из числа тех, что решает человек. Почему бы не представить когнитивную систему человека хотя бы частично по подобию архитектуры компьютера, которую мы сами создали, а потому знаем?

Благодаря этому ходу мысли приобретает респектабельность целый ряд понятий, которые обозначают структурные элементы компьютера. Например, рабочая память логически становится одной из необходимых структурных единиц, а ее объем — важной характеристикой когнитивных способностей человека. Дальше находятся эмпирические соответствия этому понятию, например, в виде способности удерживать какое-то количество информации, совершая параллельно дополнительные действия.

В результате силой компьютерной метафоры вызывается из небытия структура, понятие о которой, вероятно, не возникло бы без этой метафоры, а также ряд экспериментальных ситуаций, составивших вместе с понятием благодатное поле для исследований в соответствии с лучшими канонами науки.

Однако уже на следующем шаге возникает вопрос о том, как концептуализировать рабочую память, причем формируются две про-

тивоположные точки зрения. Одна рассматривает рабочую память как структуру, куда информация попадает, а потом выходит, а другая — как один из этапов активизации следа события в памяти. Эти варианты отсылают к разному пониманию целого когнитивных процессов, одно из которых следует компьютерной метафоре, а другое — скорее биологической. При этом эмпирические исследования не приносят решительного успеха ни одному, ни второму пониманию.

Метафора, таким образом, — это теория особого рода, которую можно назвать недоопределенной. Определены некоторые отношения между объектами, в то время как другие остаются неопределенными, поэтому внутри одной метафоры могут сосуществовать различные теории: например, SOAR А. Ньюэлла и АСТ-R Дж. Андерсона являются весьма различными моделями, реализующими, однако, одну и ту же компьютерную метафору.

Сказанное отражает, насколько метафоры оказываются продуктивными на этапе генерации новых понятий и экспериментальных схем, но при этом не способны прояснить ситуацию выбора между теоретическими альтернативами. Это понятно: метафоры по своей природе бездоказательны, они дают материал для фантазии психологов, но не позволяют что-либо надежно обосновывать.

Глубинной основой убедительности метафор чаще всего выступает представление о целесообразности. Работа психики в духе компьютера выглядит целесообразной. Собственно люди и создали компьютеры для того, чтобы решать некоторые задачи, доступные психике. Именно так мы и представляли бы устройство машины, способной к когнитивной деятельности.

Например, в своем учебнике по когнитивной психологии памяти Р. Клацки, вводя понятия, например, кратковременной и долговременной памяти, опирается на образ верстака: то, что нам постоянно нужно в процессе работы, держится на верстаке, а остальное у нас складировано на полках. То, что мы держим на верстаке, соответствует кратковременной памяти, а то, что убрано на полки, — долговременной.

Поскольку мы из жизненного опыта понимаем, что лучше раздельно складировать то, что требуется немедленно, и то, что потребуется в неопределенном будущем, то легко предполагаем, что, для когнитивной системы тоже экономнее всего некоторую важную в данный момент информацию держать в непосредственном доступе, а другую информацию припрятать, чтобы она ждала своего часа. Память разделена на кратковременную и долговременную, поскольку это целесообразно и экономит когнитивные усилия.

Целесообразность скрыто подразумевается как принцип организации когнитивной системы. Мы склонны считать, что человек организован целесообразно. Не было бы легких, не мог бы дышать; не было бы почек, не очищалась бы кровь и т. д. В связи с психикой целесообразность выступает в форме разумности. Психика устроена определенным образом и включает какие-то процессы для того, чтобы мы были разумными существами. В конечном счете психологи интуитивно готовы принимать утверждения, обосновывающие устройство когнитивной системы человека тем, что благодаря этому устройству человек способен вести себя разумно.

Менее ясно назначение чувств. В наш рациональный век они склонны восприниматься как странный придаток когнитивной системы, если не атавизм, доставшийся нам от животных предков. Возможно, поэтому когнитивная психология приобрела столь большие права во многих сферах от детского развития до социального поведения.

Целесообразность как основание метафор устройства психики при всех ее достоинствах имеет и серьезные ограничения. Во-первых, человек, исходя из представления о целесообразности, пока не способен сконструировать вычислительную машину, которая выполняла бы функции живого мозга. Не приходится ожидать, что наука на этом же основании априорно выведет архитектуру психики. Во-вторых, далеко не факт, что человеческая психика во всех своих проявлениях устроена целесообразно. Возможно, что эволюция при ее создании руководствовалась и другими соображениями, например, наличным материалом.

Функция метафор в научно-исследовательской практике заключается в том, чтобы транслировать метафорически заданное представление об устройстве целой психики на уровень локальных моделей. Использование метафор приводит к тому, что становится respectable определенным вид объяснительных схем, как, например, в случае с компьютерной метафорой приобретают respectable объяснительные схемы в составе различных блоков переработки информации, аналогичных тем, что применяются или в принципе могут применяться в компьютерах. Эвристическая функция этих объяснительных схем заключается в том, что научное сообщество начинает активно выискивать такие формы поведения человека, которые могут найти себе объяснение с помощью соответствующих схем. При этом конструируются соответствующие им экспериментальные ситуации, что производит перераспределение в потоке формируемой фактологии.

Созидание метафор и терминов, выходящих за рамки локальных моделей, происходит как побочный продукт деятельности новаторов, предлагающих локальные модели, которые соответствуют новым канонам в плане вписывания в контекст человеческой психики. Так происходило формирование когнитивной психологии, когда такие исследователи, как Д. Бродбент, У. Найсер и др., стали формулировать модели, основанные на новой системе понятий.

Они смогли убедить сообщество, что их модели привлекательны — эвристичны и в то же время достаточно правдоподобны, что вызвало готовность подражать их примеру. При этом обосновывалась адекватность конкретных моделей, но не всего подхода в целом. Более того, обоснование этой адекватности было совершенно локальным, оно не подразумевало конкуренцию с терминами, порожденными иными метафорами.

Систематическая работа в обратную сторону, от образа целого к проработке экспериментальных идей, не рассматривается как научная.

Все сказанное подводит к заключению, что метафоры — достаточно серьезный канал, влияющий сверху вниз на создание локальных моделей. Проблема, однако, заключается в том, что невозможно оценить адекватность метафоры, понять, не ведет ли она в заведомый тупик, ориентируя исследование в дебри, отдаляющие от продуктивного понимания предмета. В этом плане прояснить ситуацию могла бы только рефлексия, которая, однако, превратила бы метафору в теорию.

Роль языка

Прежде всего следует отметить, что любой научный язык, описывающий объекты внешнего мира, связан с теорией. Например, понятие силы на языке ньютоновской механики существенно отличается от понятия силы, употребляемого в естественном языке. Определение понятий происходит в результате формирования теории, внутри которой они приобретают однозначность. В естественном же языке понятие силы многозначно, исходит из разных контекстов, где оно присутствует, и часто организовано вокруг прототипа.

Научная дисциплина, организованная вокруг четко сформулированных и взаимосвязанных теорий, может обладать своей однозначно определенной системой понятий. В психологии же на нынешнем этапе при наличии множества локальных объектов не существует единого теоретического пространства, внутри кото-

рого отдельные понятия могли бы приобрести однозначные определения.

Тем не менее общепонятный язык, выходящий за пределы локальных моделей, необходим по нескольким причинам. Начнем с того, что при формулировке локальных моделей во многих случаях, хотя, вероятно, не во всех, существует необходимость обозначить механизмы «подключения» локальных процессов к целому психики. Возьмем, например, понятие имплицитного научения, определением которого является то, что оно происходит помимо цели. Тем самым в понятие имплицитного научения заложено понятие цели, а значит, предполагается, что есть субъект, ставящий цель и т. д. Все это означает, что, как только психологический язык предоставляет нам слово «цель» и мы соглашаемся им пользоваться, мы принимаем достаточно сложную и неочевидную теорию. Эта теория лежит «выше» исследуемой локальной модели в том смысле, что относится к более общим характеристикам архитектуры психики и является условием возможности этой модели, поскольку придает смысл понятиям, на которых модель построена.

В силу единства психики, проявляющегося в единстве сознания, личности и т. д., язык психологии по необходимости должен быть глобальным, способным обозначать все стороны психики, а значит, содержать в себе ее глобальную имплицитную теорию.

Далее понятия, выходящие за рамки локальных моделей, фактически разрабатывают то, что выше было обозначено как метафоры. Например, то же понятие цели, необходимое для определения имплицитного научения, оказывается достаточно приемлемым для научного сообщества в силу той же компьютерной (или — в данном случае — программной) метафоры, которая вполне толерантна к возможности целеполагания как феномену, допускающему возможность программной реализации.

При этом одна и та же метафора может иметь разные понятийные воплощения. Например, та же компьютерная метафора может реализовываться в коннекционистских понятиях распределенных сетей и в то же время в понятиях переработки символической информации.

Наконец, языки, выходящие за рамки локальных моделей, необходимы для обеспечения коммуникации внутри научного сообщества. Сосуществование метафор, а также наличие различных разработок одной и той же метафоры открывают поле для более или менее мирного сосуществования целого ряда языков, на которых могут формулироваться локальные модели. Эта коммуника-

ция основывается на том, что исследователи способны понимать своих коллег, развивающих другие локальные модели. Наиболее естественным образом коммуникация происходит у исследователей, не только работающих в рамках единой метафоры, но и использующих общий язык. Между приверженцами разных метафор коммуникация сложнее, и в этом смысле метафоры играют роль куновских парадигм. Однако психологическое образование в целом учит способности переходить с одного языка на другой.

Таким образом, понятия психологических языков по необходимости встроены не в однозначно сформулированную теорию, а вытекают из неформализованного образа, или эскиза, характеризующего в целостности тот объект, лишь на локальные модели которого отваживаются исследователи. Психологические языки подобны естественным и отличаются от языков «точных» наук в том плане, что не все термины в них однозначно определены. За счет связи с метафорами научные языки оказываются смесью обыденных представлений о психологии с терминами, введенными в результате разворачивания операциональных теории, разбавленной вкраплениями из других областей человеческой культуры: компьютерного дела, искусства и т. д.

За образ целого никто не принимает на себя ответственности, поскольку его утверждения прямо не формулируются, а присутствуют лишь подспудно, в словоупотреблении. Мы используем термины (типа термина «цель»), подобно словам народной песни, их происхождение нам неизвестно, причем неизвестно по той причине, что рациональное обоснование его невозможно и отдельный ученый не может связать свое имя со столь шатким концептом. Но когда большинство членов сообщества использует такой термин, то использование его со ссылкой на традицию становится безопасным для каждого отдельного исследователя.

Отсюда проистекает характеристика языков психологии, которая может быть названа нерелексивностью: многие термины введены вне процедуры контроля и обоснования, состоящей для эмпирической науки в обосновании обозначаемых понятиями конструкторов как наилучшего способа объяснения для эмпирических данных.

Скорее, в языках психологии вводятся целые системы понятий, каждое из которых не поддается верификационным процедурам, однако вся система в целом оказывается достаточно удобной для формулировки моделей и описания экспериментальных данных. Так, когнитивизм вводит целую систему понятий, таких как «переработка информации», ее «хранилище», «символы», «рас-

пределенные сети», «декларативное и процедурное знание» и т. д. Эта система обосновывается не рефлексивно, как в случае локальных моделей, а фактически за счет прагматических соображений: эвристичности, удобства пользования и общей респектабельности. Это отсутствие рефлексивности тесно связано с отсутствием персональной ответственности за метафоры и общие термины языка.

В связи с описанным характером психологического языка в локальные модели оказываются заложены термины, характеризующие значительно более глобальные свойства протекания нашей душевной жизни, чем те, что описываются внутри самой модели. Причина этого кроется в несоотнесимости масштабов целостной психики, которая включает систему понятий языка в целом и феноменов, регистрируемых в отдельном исследовании. Верификация осуществляется в рамках отдельного исследования, при этом целостная структура психики не ставится под вопрос: одни и те же экспериментальные данные могут получить объяснение на основе разных целостных структур.

Метатеория

Радикальный проект синтеза психологического знания заключается в смене способов его производства, а именно в подъеме рефлексивности на верхние этажи психологического знания и преобразовании их из метафорически-эвристических в теоретические. Выделим два уровня теории в психологии.

Первый уровень — это теории, которые объясняют те или иные виды поведения за счет особенностей человека. Например, теория Пиаже объясняет, почему ребенок в определенном возрасте решает некоторые задачи и не решает другие, вводя понятие стадий развития интеллекта. Определенные виды социального поведения объясняются за счет социальной категоризации, когнитивного диссонанса, атрибуции и т. д. Фактически все существующие экспериментально фундированные теории относятся к этому классу. Теории личности, социального поведения, когниций, мотивации и т. д.

Эти теории имеют эмпирическое обоснование — их адекватность аргументируется опорой на факты, а противоречие фактам служит основанием отвержения. При этом теории первого уровня не отвечают на вопрос «Почему люди такие?». Почему люди проходят стадии развития интеллекта, по Пиаже? Почему, например, у них есть эмоции — радости, грусти, ненависти и т. д.? Их могло бы не быть. Или они, может быть, могли бы быть другими.

Ответы на эти вопросы составляют предмет теорий второго уровня. Но теории, апеллирующие к рациональным основаниям, к вопросу «Почему?», уже в силу этого обстоятельства не могут основываться на фактах, хотя противоречие фактам (вопреки гегелевскому «Тем хуже для действительности») может служить основанием для предположения об ошибках при построении рационального основания. Именно такого рода теории могли бы быть основой синтеза, однако их проблематичность связана с отсутствием на сегодняшний день таких способов обоснования, которые могли бы расцениваться научным сообществом как доказательные.

Из сказанного следует, что наиболее радикальный подход к синтезу психологического знания заключается в создании адекватной и дееспособной теории второго уровня, которая может быть средством выработки представления об общей архитектуре психики. Как же видится сегодня эта теория второго уровня?

Выше уже отмечалось, что эта теория призвана ответить на основной вопрос, почему психика людей устроена так, как она устроена. Этот вопрос фактически равносильен такому: могла ли психика людей или других разумных существ быть устроена не так, как мы это наблюдаем у человека? Но современное общенаучное видение состоит в том, что люди с их психикой порождены эволюцией. Следовательно, ответы мы должны искать на пути анализа эволюции, причем не только биологической, но и социокультурной, анализа причин, по которым она порождает существа, обладающие психикой, различные структуры взаимодействия этих существ вплоть до социальных институтов и культуры и т. д.

Конечно, реализовать такой проект очень сложно. Более подробно автор писал о нем в другом месте (Ушаков, 2016). Здесь же стоит проанализировать подобный проект с позиции проблемы научного знания, стоящей в этой статье, и трудностей в синтезе психологического знания. Анализ обнаруживает, что в контексте структуры психологического знания и современной организации психологической науки на пути реализации такого проекта встают серьезные трудности.

Теории второго уровня есть, например, в физике и биологии. Так, у физиков иногда возникает вопрос, почему физические законы мира таковы. Еще Леонард Эйлер в свое время пытался вывести законы физики из законов сохранения. Почему, например, выполняется второй закон Ньютона? Потому что этого требует принцип сохранения. А принцип сохранения необходим, потому что благодаря ему мир продолжает оставаться самим собой при происхо-

дядем взаимодействию тел. Тела взаимодействуют и изменяются, но мир продолжает оставаться все тем же. Все же ни Эйлеру, ни кому-то после него не удалось показать, что физические законы не могут быть другими. По всей видимости, можно вообразить физические миры и с другими законами — не такими, как наши.

У Лейбница еще до Эйлера была несколько другая идея: мир таков, каков он есть, потому что он лучший из возможных. Физические законы, говорил Лейбниц, — это «привычка Бога». «Привычка» означает, что обычно Бог производит события в мире по законам физики, но может действовать и помимо них. Это было сказано в контексте возможности чудес.

В биологии дело обстоит иначе. Вполне можно обсуждать, почему живые существа и их психика устроены так, как они устроены, оставаясь на почве естественных наук, например, рассуждать на тему, как биологические объекты с их возрастающей упорядоченностью вписываются в физический мир, подчиненный второму началу термодинамики.

Физика, следовательно, находится по другую сторону баррикад от психологии и биологии. Иных физических законов в опыте человека быть не может. А другую жизнь или других разумных существ мы хоть и не встречали, но в принципе встретить можем. Например, океан Соляриса или какая-то другая жизнь не на белковой основе, может быть, где-нибудь во Вселенной и существует.

В этом плане проблема теории второго уровня стоит в психологии так, как и в биологии. В биологии вопрос о том, почему биологическое устройство такое, а не другое, ставится в связи с так называемой теоретической биологией. Здесь можно вспомнить трагическую фигуру нашего соотечественника Эрвина Бауэра или другое, гораздо более известное имя — Конрада Уоддингтона.

Бауэр проповедовал идею, что жизнь, работа живых существ происходят за счет неравновесия. Живые существа находятся в состоянии устойчивого неравновесия. Это определенный ответ на вопрос, почему живые существа такие, а не другие. Они такие, поскольку их органы, клетки и т. д. реализуют принцип устойчивого неравновесия.

Но все-таки остается вопрос, которым Бауэр, кажется, не задавался: почему существует жизнь, которая реализует принцип устойчивого неравновесия? Уоддингтон же этот вопрос ставил эксплицитно. Он спрашивал, например, мыслимо ли существование биологической топологии, которая могла бы объяснить, почему существуют большие классы животных с двумя, тремя или четырьмя

парами конечностей или же неопределенным их числом, как у многоножек, но неизвестно ни одной крупной группы животных с шестью или семью парами конечностей?

Дальше он рассуждает, что лучевая асимметрия бывает трехлучевая, пятилучевая, но не бывает семилучевой. Почему?

Уоддингтон сподвиг известного математика Рене Тома, который написал на эту тему книгу, переведенную на русский язык, малопонятную настолько, что сам Уоддингтон в предисловии к этой книге сказал, что он мало что понимает из того, что там написано. Тем не менее такой ход, в котором ставится вопрос, почему живые существа устроены таким образом, очень продуктивен. И то, что он продуктивен, видно на примере самого Уоддингтона, который фактически на кончике пера ввел понятие эпигенетики, которая сегодня находится на вершине популярности и является предметом абсолютно конкретных исследований.

Каким же образом можно подойти к этой проблематике? Как объяснить, почему человек устроен таким образом, а не другим? В принципе, конечно, ответить на этот вопрос очень сложно, поскольку как в биологии мы не имеем другой разумной жизни, так и в психологии мы не имеем других разумных существ. Если бы мы были психологами из некой распространенной по всему Космосу цивилизации, которая бы знала, что в Альфа-центавре, например, живут другие разумные существа, которые обладают такими-то и такими-то свойствами и такими-то и такими-то эмоциональными процессами, мы могли бы всерьез обсуждать, а почему их психические процессы, свойства или состояния, скажем, эмоции, бывают такими-то и такими-то, а не бывают другими. Поскольку мы этого не имеем, а имеем только одну жизнь и одно разумное существо, один вид разумного существа — человека, то мы эти вопросы можем ставить только в теоретической плоскости и, к сожалению, не можем переводить их в плоскость эмпирического изучения.

Однако именно этот теоретический подход и может дать основу для рефлексивного синтеза психологического знания по принципу «сверху вниз», поскольку он позволяет дедуцировать локальные модели из общих принципов организации.

Роль организации научного сообщества

Как бы ни казался теоретически привлекательным синтез в направлении «сверху вниз», реальное психологическое исследование в подавляющем большинстве состоит в производстве и проверке ло-

кальных моделей, дополненных отдельными попытками синтеза «снизу вверх». Современная психология, особенно западная, сделала однозначный выбор в пользу операционализируемых понятий как базовых, от которых единственно только и может отталкиваться научная психология. Целостный образ человека не очень заботит профессиональных психологов.

Почему же психологическое сообщество готово платить высокую цену за соответствие моделей экспериментальным данным? Смысл этого выбора вполне понятен и серьезен, и он лежит в плоскости принципов организации научного сообщества. Научное сообщество обладает функцией поощрять одни действия ученых и наказывать за другие. В том числе оно может поощрять или наказывать за определенные виды экспериментирования и теоретизирования.

Работа с локальными моделями, привязанными к эксперименту, сообщает науке характер конвейера и формирует ощущение поступательного движения. Экспериментоцентрическая система понятий позволяет оформить научную деятельность в виде выдвижения и проверки различных предсказаний, вытекающих из моделей. Научная работа оказывается четко очерченной и благодарной: одни исследователи выдвигают модели и разрабатывают экспериментальные ситуации, где применение этих моделей дает адекватное предсказание, другие имеют возможность высказывать сомнение относительно этих моделей и подтверждать свои сомнения в иных экспериментальных ситуациях. Все научное сообщество, таким образом, оказывается взаимосвязанным, создается контроль и обратные связи; в оценке, насколько это возможно, максимизируется объективный фактор — наука приобретает характер хорошо организованного предприятия.

Собственно в превращении психологии в хорошо организованное предприятие и заключался смысл проведенной в США бихевиористской революции. Отбрасывание данных интроспекции — только лежащее на поверхности следствие этой более глубокой тенденции. Интроспекция отбрасывалась бихевиористами не по соображениям определенного решения проблемы соотношения души и тела, непосредственно наблюдаемых нами в себе душевных проявлений и психофизиологических механизмов, а потому, что данные самонаблюдения плохо поддаются конвейерной переработке в режиме индустриального разделения труда.

Начиная с бихевиористской революции идеал точной эмпирической «конвейерной» психологии не очень быстро, но неотвратимо захватил почти всю науку. Вначале ему противостояли неанглю-

зычные европейские традиции, в первую очередь, в стране — родине и лидера первых десятилетий экспериментальной психологии — Германии. Однако события 1933 г., когда свои посты покинула 1/3 профессоров психологии, а затем послевоенная чистка в отношении тех, кто запятнал себя связями с нацистами, прошли катком по немецкой психологии, которая во второй половине XX в. сильно сдвинулась в сторону американской. Более традиционный европейский облик еще сохраняет психология латиноязычных стран (Франции, Швейцарии, Италии, Испании и т. д.), однако и она постепенно преобразуется под влиянием численного и идейного превосходства мирового «мейнстрима» (Ушаков, 1995).

Это победное движение американского подхода в психологии образовано сложным переплетением факторов от чисто научных до геополитических. Геополитическая победа англо-американской науки над немецкой в период 1933—1945 гг. — это, хотя и существенный, но один из аспектов, скорее сопутствующий фактор, а не причина.

Важно оценить, в чем состояла более теоретичная альтернатива, предлагавшаяся американскому подходу европейской наукой. Эта альтернатива заключалась в построении целостных образов человека, но с помощью достаточно случайных средств. К чему реализация этой альтернативы приводила на практике, хорошо описано в «Историческом смысле психологического кризиса» Л. С. Выготским. Психологическая идея, согласно его анализу, формируется на основе «фактического открытия более или менее крупного значения», затем «растягивается на более обширный материал», трансформируя понятийный строй научной отрасли, доходя в конце концов до мировоззренческого значения и выявляя свой первоначально скрытый идеологический заряд (Выготский, 1982, с. 302—305).

Столь широкие объяснительные подходы, как, например, принцип поля, не являются по сегодняшним меркам, построенным по американским стандартам организации психологии, достаточно точными для объяснения конкретных экспериментальных данных. Поэтому ныне в ходу более локальные и за счет этого точные модели.

Общие принципы не могут объяснить результатов эмпирических исследований психологов, они их лишь иллюстрируют. Возьмем, например, классические эксперименты В. Келера на приматах. В них не ставится таких гипотез, о подтверждении или опровержении которых можно было бы однозначно заключить по поведению животного. Рассуждения Келера при этом не имеют столь конкрет-

ного характера, чтобы на их основе можно было бы точно прогнозировать что-либо в поведении испытуемых, но вместо этого они довольно расплывчато описывают некие размытые контуры возможных механизмов.

Такого рода теоретизирование допускает, что другой ученый на основании своих исследований создаст другое столь же приблизительное описание, которое и противопоставит первому. Тогда теории будут строиться рядом друг с другом, подобно музыкальным или литературным произведениям.

Способ построения целостного образа путем раздувания конкретного эмпирического открытия до всеобщего принципа, безусловно, малоперспективен. Он может привести к успеху только в случае чудесной удачи. Но поскольку чуда не происходило, глобальный образ человека оказывался построенным на непрочной основе. В том плане для характеристики психологии периода до середины 1930-х годов, когда она строилась на европейской основе, был применен образ Приама на развалинах Трои – царя, разрушенного города, жители которого перебиты врагами или увезены в плен. Это фактически образ науки, построенной на недостаточно прочной основе и легко уничтожаемой путем последовательной критики. В этом смысле альтернатива эмпирического конвейера обещает лучшие перспективы. Движение снизу вверх на каждом шагу имеет серьезное обоснование, и накопленные факты уже не могут быть уничтожены, подобно Трое.

Таким образом, конвейерная наука победила довольно слабого соперника, который не мог противопоставить ей действительно серьезных достижений в деле создания прочно обоснованного целостного образа человека.

Другим фактором победы американской модели является принятие естественной науки как образца, что не учитывает, как обсуждалось в начале статьи, особенностей сложного объекта психологической науки. В то же время оценка со стороны научного сообщества в целом представителей других дисциплин является важным моментом для психологического сообщества. А в естественных науках связь теории, эксперимента и практики построена по-другому.

Кроме того, конвейерная модель науки хорошо вписывается в социальную организацию на основе меритократии, где должны существовать четкие, трезвые критерии заслуг в разных сферах жизни, в том числе в науке. Такой четкий критерий, предлагаемый конвейерным подходом, – создание проверяемых моделей.

В то же время конвейерный тип науки обнаруживает большую гибкость, способность использовать различные объяснительные схемы, далеко выходящие за пределы исходных антименталистских установок бихевиоризма. Интересен в этом плане феномен когнитивизма, который перенял эстафету у бихевиоризма в качестве основного носителя американской психологической парадигмы. Когнитивизм, с одной стороны, продолжил бихевиористскую линию чистоты эксперимента, а с другой стороны, на основе компьютерной метафоры ввел новые правила организации понятий, в том числе реставрировав апелляцию к менталистским структурам. Компьютерная метафора оказалась тем инструментом, который позволил развить более сложный и гибкий способ создания операционализируемых понятий, на основании чего уже возможно возрождение менталистских моделей. Таким образом, в появлении когнитивизма вслед за бихевиоризмом можно усмотреть определенную эффективность движения «снизу вверх», хотя и достигнутую в результате очень длительных усилий.

В исследовании всегда присутствует тот или иной вид редукционизма, который, однако, расценивается как допустимый или недопустимый. Критерии допустимого масштаба редукционизма формируются внутри научного сообщества. Редукционизм допускается как расплата за достижение чего-то более существенного. Например, возможность точного математического моделирования является тем бонусом, который в принципе при некоторых условиях может оправдать редукционизм принимаемых идеализаций.

Вопрос всегда стоит о том, насколько цена оправданна. Например, возможность предсказания траектории снаряда или ракеты является оправданием использованных идеализаций.

В случае психологии бонус на стороне локальных моделей — возможность объяснения экспериментальных данных. Однако платить за это приходится высокую цену.

Теоретическое пространство в психологии сужено по сравнению, например, с пространством в физике, где его респектабельность определяется математизацией. Тенденцией последних лет в психологии тоже является математизация, однако она значительно более хрупка, поскольку в основе моделей лежит поведение значительно более гипотетических элементов, чем в физике. Более того, в психологии в противоположность физике математизация и развитие теории не воспринимаются как связанные, а порой и оказываются противоположно направленными процессами: математизация происходит в отношении локальных явлений, а тео-

ретизирование, напротив, стремится к глобализации. В результате свертывания теоретического поля работа психолога оказывается тесно связанной с экспериментом.

С точки зрения отдельного ученого, организация науки выступает положительным подкреплением одних видов поведения и отрицательным — других. Например, когда психологи изучают структуру интеллекта или феномен сдвига риска, ежегодно они выдают многочисленные публикации, в которых сообщается о проведенных исследованиях, которые подтвердили одни и не подтвердили другие модели. Это обстоятельство дает основание заключить, что работа действительно ведется и делается это людьми квалифицированными, т. е. умеющими соблюдать все правила, принятые в научном сообществе. В наши дни мало кто может позволить себе работать над одной книгой одиннадцать лет, не выдавая в это время никаких результатов, как И. Кант при написании «Критики чистого разума». А именно такого рода работа и могла бы потребоваться сегодня для продвижения в области теорий второго уровня.

Место российской психологии

Западная психология сделала однозначный выбор в пользу операционализируемых понятий как базовых, от которых единственно только и может отталкиваться научная психология. Отечественная психология по причине своей относительной замкнутости в советский период прошла мимо «конвейерной революции» и сохранила интерес к целостному образу человека. Более того, работе с этим образом в рамках рубрики «Методология психологии» было отведено некоторое почетное, даже элитное место (см.: Методология комплексного..., 2008; Психология человека..., 2009; и др.).

Традиционная советская психология в связи с описанными выше особенностями социального заказа находилась в прямо противоположном положении. Идеологические соображения, создание определенного целостного образа человека в мире было неизмеримо важнее, чем достижение рабочей обстановки на научном конвейере. Отсюда движение «сверху вниз» от целостного (естественно — марксистского) видения проблемы человека было важнее, воспринималось как более престижное (если угодно — как привилегия и в то же время долг психологического начальства) по сравнению с движением вверх от эмпирии. В результате традиции нашей психологии существенно богаче, чем западной, в отношении холисти-

ческих понятий (см.: Развитие психологии в системе..., 2012; и др.). Именно ход мысли «сверху вниз» отличает в том числе и наиболее глубокие эмпирические отечественные работы.

Однако когда «железный занавес» пал, советская психология предстала перед западными коллегами в достаточно беспомощном виде. Они подошли к нам с интересом и настороженным вниманием, однако по приоритетным для них вопросам мы не смогли в то время сказать ничего существенного, а наши вопросы их не заинтересовали.

Так, Р. Солсо, не самый, впрочем, крупный представитель американского когнитивизма, написал, что в российской психологии он нашел то же, что и Ч. Дарвин на Галапагоссах: в условиях изоляции развились прихотливые и чудовищные виды.

Приходилось, правда, слышать и позицию авторитетного немецкого психолога профессора Густава Линерта, который, задавая вопрос, откуда придет новая парадигма психологии, сам и отвечал: не из США, оттуда пришла старая, она придет из России. Однако это мнение — экзотика, причем оно не относилось к уже сделанному, а представляло прогноз, ожидание будущего.

Откуда же холодность наших западных коллег к теоретическим изысканиям советской психологии? Дело заключается в принципиальной разнице понятийного строя российской и западной психологии и в том, что образы человека, разработанные отечественной психологией, не были подкреплены той аргументацией, которая была бы способна убедить зарубежных психологов. Обоснованный таким образом ход мысли «сверху вниз» не оказался всерьез интересным для коллег с Запада. В их традиции по вполне рациональным основаниям перспективность исследования оценивается по возможности порождения на его основе экспериментальных исследований и описывающих их текстов. Сам по себе теоретический ход мысли, пусть даже и работающий на создание целостного образа человека, не является продуктом, способным вызвать резонанс при конвейерной организации науки. Он может оказаться лично интересным для кого-то из западных профессоров, стать предметом размышления на досуге у камина, но это не тот жанр, который способен сегодня спровоцировать поток работ, а следовательно, привести к высоким показателям цитирования.

Менее жесткие по сравнению с западными критерии оценки работ являются, с одной стороны, проявлением нашей расхлябанности и допускают прорыв низкокачественной научной продук-

ции, но, с другой стороны, они же открывают и больший простор для появления действительно нового (Александров, 2005). Возможно, особенности отечественной психологии могут помочь ей получить преимущества того хромого верблюда, который при повороте оказывается впереди каравана.

Литература

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 7. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Александров Ю. И. О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 155–158.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Выготский Л. С. Собр. Соч. В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика: взгляды с разных сторон // Психологический журнал. 2012а. № 2. С. 127–132.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлева, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцевой, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 9–71.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука. 1980.
- Междисциплинарные исследования памяти. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Московиси С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 208–228.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.

- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. Т. 1. М.: Прогресс. 1966. С. 157–194.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука. 1983.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Ред.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М.: ООО «ТНД „Арис“», 2010.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: По направлению к Свану. М.: Крус, 1992.
- Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Современная экспериментальная психология. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ушаков Д. В.* Проблемы и надежды франкоязычной когнитивной психологии // Иностранная психология. 1995. № 5. С. 5–8.
- Ушаков Д. В.* Системность в психологии интеллекта – теория, подход, методология // Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 236–261.

Д. В. Ушаков

Ушаков Д. В. Теоретическая психология и принцип универсального эволюционизма // Вестник СПбГУ. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2016. Вып. 1. С. 25–34.

Юревич А. В. Три источника и три составные части психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 3–18.

Психологическое знание и методологические проблемы психологии¹

В. А. Мазиллов

...Нет ничего необычного в том, что после долгой разработки какой-то науки, когда думают, что она бог весть как далеко ушла, кому-нибудь наконец придет в голову вопрос: да возможна ли вообще такая наука и если возможна, то как? Ведь человеческий разум столь склонен к созидаанию, что уже много раз он возводил башню, а потом опять сносил ее, чтобы посмотреть, крепок ли ее фундамент. Никогда не поздно взяться за ум; но если понимание приходит поздно, то труднее бывает его использовать.

Иммануил Кант

Психологическое знание как методологическая проблема

Актуальность проблемы знания в психологии видится в том, что без ее конструктивного обсуждения практически невозможно дальнейшее продвижение в сфере методологии. Сложность этой проблемы состоит, как представляется, в том, что в ней сплетены в единый узел все нерешенные вопросы психологии. Это означает, что, пытаясь обсуждать вопросы, связанные с проблемой психологического знания, авторы вынуждены каким-то образом развязывать хотя бы частично возникшие узлы. Похоже, что разрубить не получится — порвутся связующие нити (Мазиллов, 2015, с. 508)... Это продвижение будет возможно, на наш взгляд, когда будут решаться в комплексе — параллельно и взаимосвязанно — методологические вопросы разного уровня.

1 Работа выполнена в соответствии с госзаданием Минобрнауки РФ «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества» № 25.8407.2017/8.9 и при поддержке РФФИ, грант № 15-06-10716.

Психологическое знание — тема многогранная и многоплановая, это, в частности, совокупное содержание психологической науки (хотя и не только). Не подлежит сомнению неуклонное развитие системы психологического знания (см.: Журавлев и др., 2016; и др.). Исторический подход, благодаря которому осуществляется целостность и непрерывность развития психологии, свидетельствует о прогрессе в понимании механизмов психического: существуют базовые психологические категории и понятия, фундаментальные психологические проблемы, составляющие в совокупности то ядро, которое обеспечивает преемственность в психологической науке на всем протяжении ее развития (см.: Кольцова и др., 2016).

Знание, по определению И. Т. Касавина, — «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения структурирования и осмысления объекта в процессе познания» (Касавин, 2009, с. 246). Он же отмечает, что «в самом общем виде знание можно определить как творческое динамическое измерение сознания, поскольку всякое сознание существует в форме знания (К. Маркс). Знание выступает как объективная идеальная форма всякой деятельности и общения, как их возможная форма в том смысле, что оно представляет собой предпосылку расширения горизонта человеческого бытия. Знание есть не только преобразование опыта в сознание путем структуризации, обозначения его элементов, не только фиксация опыта в социальной памяти. Оно является способом трансформации знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им новой формы, т. е. нового смысла и значения. Знание выступает как осмысление человеком контекстов своего опыта. В таком случае всякий тип знания выступает как смысл, вносимый в специфическую реальность (в производственную практику, в социальную регуляцию, в ритуальный культ, в языковой текст). Знание позволяет различать эти реальности и контексты опыта друг от друга как возможные сферы реализации человеческих способностей» (Касавин, 2009, с. 247).

Представляется, что описываемые философией науки аспекты знания пока в должной степени не проанализированы применительно к психологии (см., напр.: Новое в науках..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; и др.). Вероятно, этим должна бы заниматься философия психологии. Но философии психологии, разрабатываемой философами, почти нет, а сами психологи тоже не торопятся осваивать это пространство в полном объеме (Мазилев, 2016).

Можно сказать, что применительно к психологии пока еще не сделаны методологические выводы из фундаментального исследования В. С. Степина (Степин, 2000).

В психологии существуют уровни знания, которые чрезвычайно важны, в частности, для историко-психологических реконструкций. Первый уровень – знание на уровне идеи. Второй уровень – знание предметное. На этом уровне идея прорабатывается, явление подвергается исследованию, выявляются структура, функция, процессуальные характеристики, генезис. Это уровень концептуализированного знания. Наконец, третий уровень – операциональный, когда определяются процедуры, позволяющие воспроизводить явление, измерить, описать его (см., например: Процедуры и методы..., 2016; Современная экспериментальная психология..., 2011; и др.).

Понятно, что, если не различать четко эти уровни, можно допустить существенные анахронизмы. Скажем, применительно к Древней Греции можно сказать, что античные греки «знали все». Для уровня идей, возможно, констатация верная, но, конечно, не для операционального уровня.

Осложняет историко-психологические исследования то, что в развитии психологии в каждый момент времени сосуществуют разные потоки психологического знания. По крайней мере, можно говорить о философской, академической (научной) и практико-ориентированной психологии. Перечень, понятно, неполный, поскольку важно учитывать наличие донаучной (имплицитной) психологии, которая тоже развивается во времени, трансперсональной и пр. Вряд ли стоит пояснять, что обычно это не учитывается в исследованиях и изложениях истории психологии, в итоге мы получаем знание в лучшем случае неполное.

Тем не менее все это психологическое знание, и в перспективе оно должно быть каким-то образом соотнесено. Интеграцию знания в данном контексте мы обсуждать не будем (см.: Взаимоотношения..., 2015; Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.).

Как уже было отмечено, существует множество методологических аспектов проблемы научного психологического знания. Ни коим образом не претендуя на полноту и всеохватность проблемы, выделим некоторые моменты, которые, на наш взгляд, имеют первостепенную значимость в решении сложной проблемы научно-психологического знания, поэтому требуют незамедлительного обсуждения и исследования.

1. В чем состоит специфика психологического знания?
2. В чем состоит специфика научного психологического знания?
3. Каковы критерии научного психологического знания?
4. В чем состоит специфика теоретического психологического знания?
5. В чем состоит специфика эмпирического психологического знания?
6. Как соотносятся научно-психологическое знание и знание ненаучное и внеаучное?
7. Как соотносятся научно-психологическое знание и знание, сформировавшееся в практико-ориентированной психологии?
8. Каковы общие закономерности развития научно-психологического знания?
9. В чем состоит прогресс в развитии научно-психологического знания?
10. Какова структура психологического знания, каковы особенности входящих в не компонентов?
11. Какова система категорий современной психологии, характеристика ее понятийной сетки?
12. Какова характеристика уровней, видов и форм психологического знания?
13. Каковы закономерности и наиболее существенные характеристики дифференциации и интеграции психологического знания?
14. Как соотносятся субъективное психологическое знание и знание объективное (третий мир, по К. Попперу)?

Этот список легко продолжить. Справедливости ради отметим, что как выше сформулированные, так и не сформулированные в настоящем тексте вопросы изучены явно в разной степени: одни исследованы значительно лучше, чем другие. Например, система категорий и понятий современной психологии исследована достаточно подробно, в том числе в трудах М. Г. Ярошевского, А. В. Петровского и В. А. Петровского, другие же, как вопрос о соотношении субъективного психологического знания и знания объективного, по сути, еще даже и не поставлены. Как мы полагаем, это должно быть предметом теоретического осмысления философии психологии и объектом развернутых эмпирических исследований (Мазилев, 2016), но о такого рода работах нам, к сожалению, пока не известно.

Необходимо отметить, что все эти вопросы представляются взаимосвязанными, и решать их предстоит в комплексе. При этом очевидно, что среди методологических вопросов психологического знания есть такие, которые стоит считать особо важными, определяющими.

1. Психологическое знание, его обоснование, оценка в значительной степени зависят от того, как квалифицируется сама психологическая наука. Иными словами, является психология естественной наукой либо социогуманитарной, как полагают ныне, или же некоторые упорно утверждают, что она занимает особое место (как считали Б. Г. Ананьев, Б. М. Кедров, Ж. Пиаже и др.). Подчеркнем, что правильное решение этого вопроса имеет не только методолого-теоретическое значение, связанное с определением места психологии в системе наук и, соответственно, взаимными отношениями между психологией и классами наук (по Кедрову, естественными, социальными и философскими). Несомненное значение того или иного решения этого вопроса можно состоит также в том, что отнесение психологии к той или иной группе наук «автоматически» определяет стандарты научного знания, применяемые к психологии (поскольку они приняты в этих классах наук).
2. Психологическое знание напрямую, что совершенно очевидно, зависит от того, как понимается и трактуется предмет психологии.
3. Ценность психологического знания в значительной степени определяется тем, насколько оно доступно для потенциального пользователя, насколько удачно это знание организовано и представлено. Можно полагать, что в современной психологии задача упорядочивания, каталогизации и интеграции психологического знания является одной из самых актуальных. Поскольку интеграция психологического знания выступает несомненной ценностью в психологическом сообществе, представляется перспективным анализ форм, механизмов и методологических средств этой интеграции.

Этим вопросам (за исключением первого) и будет посвящена наша статья. О специфике психологии и сомнениях в адекватности ее категоризации как социогуманитарной дисциплины мы уже писали (Мазилов, 2016а), поэтому оставим этот вопрос за пределами обсуждения в настоящей статье.

Поскольку наша публикация посвящена методологическим аспектам проблемы психологического знания, уместно заметить, что, на наш взгляд, сами психологические понятия, квалифицирующие научное знание, в психологии проанализированы пока еще недостаточно. В рамках настоящей статьи покажем это на примере понятия «факт».

Таким образом, структура статьи будет выглядеть следующим образом: второй раздел будет посвящен важнейшему компоненту научно-психологического знания – анализу проблемы факта в психологии. В третьем разделе мы остановимся на проблеме предмета психологии. Как нами уже отмечалось, трактовка предмета психологии накладывает отпечаток на содержание и структуру психологического знания. Четвертый раздел статьи будет посвящен проблеме интеграции психологического знания.

Факт как методологическая проблема

В современной психологической науке существует явная недооценка роли методологии психологии. Это заключение может показаться ошибочным: налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издается довольно значительное число книг и статей по методологическим вопросам и проблемам (см., напр.: Принцип развития..., 2016; Прогресс психологии..., 2009; Теория и методология..., 2007; и др.). Тем не менее в современной психологической литературе имеет место устойчивая недооценка роли методологических аспектов психологического знания в целом. Иными словами, должным образом методологически не проработаны многие понятия, активно используемые в психологии. Понятие «факт» в этом отношении не является исключением.

Термин «факт» активно используется в современной психологии, что является абсолютно естественным, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению то, что отношение к фактам на разных этапах развития психологии существенно различалось. Если воспользоваться периодизацией М. С. Роговина, то окажется, что факты становятся значимы только на этапе научной психологии: в донаучной психологии говорить о фактах можно лишь условно, в философской психологии фактам не уделялось сколько-нибудь существенного внимания (Роговин, 1969).

Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, наука «о фактах». Сыграл свою роль и позитивизм, в котором «факт» был одним из ключевых понятий. На авансцену научной психологии «факт» вышел в тех версиях психологии, которые использовали субъективный метод. Очень скоро обнаружилось, что для получения «настоящего» (т. е. соответствующего ожиданиям исследователя) «факта» стихийного самонаблюдения недостаточно,

необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В. Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались специальные процедуры, позволявшие вычленять те аспекты опыта, которые полагались значимыми в соответствии с теоретическими представлениями данной школы.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме факта традиционно отводили существенно меньшее внимание. Это обстоятельство важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема факта не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что в советской психологии проблема факта не была популярна, так как опосредствованный метод, являвшийся ведущим в психологическом исследовании, был в основе объективным (метод объективного и опосредованного изучения).

Если в психологии проблеме факта «не повезло», то на первый план она вышла в философских направлениях, которые продолжали традиции позитивизма. Через логический позитивизм проблема факта в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии проблема факта оказалась в значительной степени «вытесненной» из исследовательского пространства категориями «явления» и «сущности», соотношением эмпирического и теоретического уровней познания.

Итак, обратимся к психологии и попробуем выяснить, в чем именно состоит проблема факта. Большой психологический словарь сообщает, что факт «в обыденном смысле синоним понятия «истина», т. е. знание, достоверность которого несомненна, в более узком смысле — результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований» (Еникеев, 2008, с. 578).

Вот здесь и появляются многочисленные вопросы. Действительно ли факт в психологии не допускает «нескольких истолкований»? Как быть в тех случаях, когда один факт оценивается различными психологами по-разному, например, когда кто-то считает нечто очевидным фактом, но другой имеет по этому поводу совсем иное мнение?

Есть основания для того, чтобы начать обсуждение факта как методологической проблемы современной психологии.

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся

теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология — одна из самых «проблемных» наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б. Ф. Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Многообразии проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ» (Ломов, 1984, с. 3).

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение *классов проблем* целесообразно осуществлять в соответствии с *видами психологического знания*. М. С. Роговин и Г. В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид — знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид — знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике — «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии в каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8). Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т. д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней тех или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений соответствует теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, ко-

гда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи — авторы «революционных» концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение — это не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов — функция не воображения, а мышления (А. В. Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны.

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. На *феноменологическом уровне* определяются потенциальные *пространства психической реальности*. Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, их объясняющие. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, а кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется с помощью теоретического осмысления. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленения на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один и тот же феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детермини-

рующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, так как многообразие психологических теорий хорошо известно даже психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Двум первым уровням соответствуют два класса проблем: феноменологические и теоретические.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим уровнем — методологическим. Связь эта такова, что *методологический уровень* является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (следовательно, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы — наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем — *проблемы историко-психологические*, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М. С. Роговин и Г. В. Залевский отмечали, что в «знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания...» (Роговин, Залевский, 1988, с. 10). Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является «сердцевинной» психологического знания вообще, поскольку в конечном счете именно она определяет существенные характеристики «предметного» знания (и феноменологии, и теории) и «истории» (как она будет интерпретироваться).

До сих пор мы обходились без упоминания термина «факт». Где его место на рассмотренной выше схеме? Как можно видеть, психо-

логический факт появляется тогда, когда происходит взаимодействие феноменологии и теории: *феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом.*

Обратимся к примеру. Давно было известно каждому специалисту, занимавшемуся дрессировкой животных, что животные со временем способны реагировать на такие раздражители, которые лишь ассоциативно связаны с определенной реакцией организма. По сути, это условный рефлекс. Как нам известно из истории психологии, феномен условного рефлекса открывался неоднократно. Потребовались наблюдения и выводы И. П. Павлова (обратившего внимание на то, что слюна у животного начинает выделяться до кормления при виде служащего, который обычно приносит еду); Е. Б. Твитмайера (определившего, что подопытные при исследовании коленного рефлекса начинают реагировать на раздражители, отличающиеся от исходного, т. е. удара молоточком); В. М. Бехтерева («Бехтерев обнаружил, что рефлекторные движения, например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец» – Шульц, Шульц, 2002, с. 268), чтобы феномен воплотился в научный факт – условный рефлекс (Павлов), особый рефлекс (Твитмайер), сочетательный рефлекс (Бехтерев)...

Актуальность проблемы факта состоит в следующем. Психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По справедливому выражению классика науки, факты – воздух ученого (И. П. Павлов). Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее «нескольких толкований», является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Главное препятствие состоит в том, что факт при таком подходе не выступает (и не может выступать) основанием, объединяющим исследователей, дающим основу для конструктивного диалога, на уровне *эмпирическом* затрудняет формирование фактологической основы науки, лишая возможности его дополнительного анализа как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, тем самым делая невозможным разработку стандарта для его описания в психологии. На уровне *теоретическом* недооценка данной проблематики приводит к тому,

что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне *методологическом* отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволит принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали совершенно различные описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме факта «не повезло» в психологии, особенно в отечественной. Впрочем, это никак не означает, что проблема не исследовалась совершенно. Кратко остановимся на том, как проблема факта отражается в философии, психологии и философии науки.

Во избежание недоразумений подчеркнем: не должно создаваться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования, затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Среди исследователей назовем Г. И. Челпанова, Н. Н. Ланге, М. Я. Басова, Л. С. Выготского, В. Н. Ивановского, С. Л. Рубинштейна, К. Н. Корнилова, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, Л. И. Анцыферовой, Б. Ф. Ломова, Я. А. Пономарева, О. К. Тихомирова, Д. Н. Узнадзе, А. А. Леонтьева, Б. М. Теплова, Е. В. Шороховой, К. К. Платонова, М. С. Роговина и др.

В современной психологии отсутствуют специальные исследования, посвященные факту в психологии. Этот момент достоин акцентирования, поскольку оказывается, что структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до настоящего времени по сути не раскрыта и не изучена.

Это касается и зарубежных психологических исследований. Проблема факта, естественно, затрагивается в работах, посвященных методологии психологического исследования (Ж. Пиаже, Ф. Макгиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин, Д. Гудвин и др.), проблемам объяснения (Fodor, Swart, Sammins, Brown и мн. др.) и вопросам философии психологии (M. Bunge, R. Argila, J. Bermudez и др.). В доступной нам литературе обнаружить специальных исследований, посвященных анализу строения психологического факта, нам не удалось.

Психологическая специфика, естественно, не раскрывается и в философских исследованиях проблемы факта. Специальные философские работы, посвященные анализу факта, существуют и представляют для психологии значительный интерес (в первую очередь, в плане установления его общей архитектоники). Речь идет о работах таких исследователей, как В. А. Штофф, Л. С. Мерзон, В. С. Швырев, В. М. Капустян, С. Ф. Мартынович, В. С. Степин, Г. Ф. Хрустов, Э. М. Чудинов, А. И. Ракитов, А. Л. Никифоров, С. В. Илларионов и др.

Конечно, нельзя не назвать работы зарубежных представителей философии науки Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Флека, Т. Куна, П. Фейерабенда, Н. Р. Хэнсона, Б. Латура, Э. Пьеринга и др.

И все-таки не бывает правил без исключений. Выше отмечалось, что психологам не свойственно заниматься разработкой проблем методологии факта. Приходится констатировать, что специальные исследования практически отсутствуют. В целом это справедливо, хотя всегда найдутся и исключения, и причины, которые эти исключения объясняют. Среди психологических исследований хотелось бы выделить методологическое исследование И. И. Ивановой и В. Г. Асеева. Работа была посвящена методологии и методам психологического исследования, поэтому авторы просто не могли пройти мимо проблемы факта, на получение которого нацелено эмпирическое психологическое исследование. Остановимся несколько подробнее на этом исследовании.

Исследователи справедливо отмечают: «Прежде всего, встает важный методологический вопрос об определении внутреннего содержания и структуры психологического факта как основной единицы первичного эмпирического и научного материала, о его месте и роли в психологическом исследовании» (Иванова, Асеев, 1969, с. 220). И. И. Иванова и В. Г. Асеев обращают внимание на важную деталь, осложняющую разработку проблемы: «С одной сторо-

ны под эмпирическим фактом имеется в виду отдельное явление действительности, получившее адекватное отражение в познании. В этом наиболее широком смысле факт служит элементарно необходимым компонентом, основой научного исследования. Вместе с тем и именно поэтому факт в этом смысле является лишь сырым материалом, который еще должен быть подвергнут дальнейшей обработке: анализу, изучению, интерпретации, поскольку наука не призвана регистрировать единичные, уникальные явления, а изучает устойчивые, повторяющиеся, предвидимые связи и закономерности. С другой стороны, под фактом подразумевают всякую достоверно установленную связь, зависимость, закономерность. В этом втором смысле он выступает уже как полноценный продукт научного исследования, достигнутый результат, осуществленная, хотя и частная цель науки» (Иванова, Асеев, 1969, с. 220). Авторы совершенно справедливо обращают внимание на то, что двойственное понимание факта оказывается иногда источником серьезных недоразумений, путаницы, поэтому необходимо различать факт эмпирический и факт научный: «Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется» (Иванова, Асеев, 1969, с. 220). Авторы видят основное различие в следующем: если научный факт обыкновенно дает знание о наличии устойчивой детерминационной связи, дает возможность в определенных пределах предвидеть реальные явления, открывать закономерности их возникновения и развития, то в эмпирическом факте реально действующие закономерности проявляются далеко не однозначно: «Ввиду высокого уровня интеграции психических процессов отдельный эмпирический факт получает свое действительное место, свой психологический смысл и значение только в зависимости от уровня и характера интеграции психических явлений. Один и тот же поступок может быть совершен как под влиянием импульсивного мотива, так и в результате сознательного решения. Эмпирический факт в связи с этим не имеет однозначного смысла, значения, механизма и оказывается психологически многозначным» (Иванова, Асеев, 1969, с. 220).

Характеризуя эмпирический факт, авторы отмечают: «Он представляет собой внешнее воплощение целого ряда закономерностей самых разных уровней регуляции психики, от сознания до автома-

тических, неосознаваемых процессов. В эмпирическом психологическом факте заключены не элементарно простые, естественно выделенные, изолированные, «чистые» факторы, связи, зависимости. В нем фиксируется сплав огромного качественного богатства психологических механизмов, стоящих за внешним проявлением. Психологический факт исключительно сложен по своим внутренним механизмам, по своему психологическому смыслу, по своей детерминации. Многозначность, многоплановость эмпирического факта в психологии (действия, поступка и т. д., зарегистрированные в наблюдении, тесте, самонаблюдении) связана не только со сложностью строения психики как системы вообще» (Иванова, Асеев, 1969, с. 221).

Другой концепцией, где подробно анализируется проблема факта в психологии, причем именно в методологическом контексте, является работа А. В. Юревича (2010, см. также статью А. В. Юревича в данном сборнике «Вместо введения: Состав и структура психологического знания»). В исследовании Юревича решается фундаментальная задача выявления строения психологического знания, в котором определенное место занимают и собственно факты.

Возникает вопрос, что препятствует новому пониманию факта? Основное препятствие, на наш взгляд, состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен рассматриваться, трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, т. е. в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методолого-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации.

В наших работах конца 1990-х годов было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло (Мазилев, 1998, 1999, 2000). Резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. Актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу

создания общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотносенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотношении видится новый резерв методологических исследований и разработок (Мазилов, 2007, 2005, 2011, 2013в).

Психологическое исследование, включающее факт, соотносенный с методологическими категориями в едином смысловом пространстве, основывается на концепции когнитивной методологии психологии. *Когнитивная методология психологии* – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии.

Обратимся к основной идее когнитивной методологии: общая схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (трех уровней: идеологического, предметного и процедурного), эмпирический материал, объяснение (объяснительная категория, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», т. е. теория служит основанием для постановки новой проблемы. Общая когнитивная методология представляет собой универсальную модель, позволяющую свести в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории. Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции когнитивной методологии психологии.

Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Обратимся к философии науки, которая в отличие от методологии психологии уделяет этим вопросам достойное внимание. Как считал Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» (Кант, 1964, с. 85), поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

«Факт – от *лат. factum* – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода

предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе» (Никифоров, 2010, с. 157). Нас будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы «эмпиризм – рационализм». Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки (Никифоров, 2010, с. 157–158). Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» (Никифоров, 2010, с. 158). В другой работе Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» (Никифоров, 2008, с. 75–76). «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» (Никифоров, 2008, с. 76). Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт,

прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» (Никифоров, 2008, с. 73). «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественно-научный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием, и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте (Никифоров, 2008, с. 73). «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента — материально-практического. Под „материально-практическим компонентом“ факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» (Никифоров, 2008, с. 74).

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт (по крайней мере, факт психологический, но данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет уровневое строение.

Напомним характеристику предтеории, так как она чрезвычайно важна для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений учебного, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, «опредмеченная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения (Мазилев, 1998).

Вернемся к проблеме факта. В структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями.

Есть основания говорить об искусственной интеграции, когда действия некоторых представителей сообщества целенаправленны, ориентированы на получения интегративного результата.

Можно назвать достаточное количество возможных механизмов такой интеграции:

1. Формулирование общей теории того же уровня, обобщающей результаты других исследований.
2. Формулирование теории более высокого уровня.
3. Использование комплексного подхода.
4. Использование системного подхода.
5. Использование новых подходов (например, синергетического).

Есть и другие механизмы, можно привести конкретные примеры их использования (см., напр.: Журавлев, 2007; и др.). Кстати, как можно видеть, существуют явные и несомненные перемены в использовании рассмотренных подходов: некоторые вообще канули в Лету; про синтез подходов теперь говорить не очень принято, так как стало понятно, что в этом случае требуется указать механизм осуществления, то, *как* это делается, а выполнить это требование весьма затруднительно, иные были очень популярны в свое время (сейчас пик популярности остался позади), другие только входят в научную моду, и настоящая проверка их возможностей еще впереди.

Коммуникативная методология, которая представлена в настоящей работе, рассматривается нами как один из возможных инструментов целенаправленной интеграции.

Можно назвать два направления ее использования: методолог и историк психологии может использовать ее для упорядочения и организации психологического знания. Это собственно работа по интеграции психологического знания. Вторым направлением использования этой методологии является практическое ее применение в процессе проведения исследования для улучшения понимания позиций других авторов. Использование идей коммуникативной методологии в преподавании истории психологии также достаточно перспективно.

Как свидетельствует опыт (и история психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструмен-

ты, обеспечивающие взаимопонимание (и на этой основе интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой попытку создания такого инструмента.

В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т. е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии (см.: *Парадигмы в психологии...*, 2012; *Принцип развития...*, 2016; и др.) различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Настоящая работа, в частности, посвящена одной из важнейших методологических проблем современной психологии – разработке аппарата коммуникативной методологии. Без решения этой проблемы невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно ее неразработанность не позволяет находить точки сближения между различными подходами и направлениями в психологии.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию. Подчеркнем, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Как известно, в психологии в настоящее время отсутствуют общепринятые универсальные теории, не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи

вынуждены пользоваться *совокупностью* различных концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Существует несколько значимых препятствий, мешающих интенсивному развитию коммуникативной методологии.

Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов (подробнее см.: История отечественной и мировой психологической мысли..., 2006, 2010, 2016). Правда, для того чтобы это осознать, необходимо изменение установки.

Смысл коммуникативной методологии состоит в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно. Оказывается, что между концепциями, которые в целом казались несоизмеримыми, можно обнаружить много сходств и различий. В качестве дополнительного средства используется процедура выявления и сопоставления подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия из сравниваемых концепций.

К примеру, очень показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. Для С.Л. Рубинштейна базовой категорией является «процесс», тогда как для А.Н. Леонтьева – «структура». Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда (в представлении, например, В.А. Бодрова), для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи (в представлениях А.Л. Журавлева). Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии (Мазиллов, 2015, 2014) позволяет заключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд.

Роль коммуникативной методологии чрезвычайно велика в решении задачи интеграции психологического знания. Интеграция научно-психологического знания и, более широко, психологической науки является одной из самых актуальных задач психологии XXI в. Как показали наши исследования, механизмов естествен-

ной (стихийной) интеграции недостаточно, поэтому нужна помощь со стороны науки в виде целенаправленной интеграции. Коммуникативная методология как раз и выступает в роли одного из инструментов интеграции.

Велика роль коммуникативной методологии и в решении историко-психологических задач. Использование коммуникативной методологии и акцентирование сходства, а не только различия в психологических теориях и подходах позволило по-новому организовать преподавание истории психологии (Мазилев, Слепко, 2015).

Для осуществления сколько-нибудь масштабной интеграции необходимо использование коммуникативной методологии и изменение установок психологического сообщества.

Подобного рода заключения могут вызвать со стороны некоторых коллег обвинения в прожектерстве. Оценивая перспективы этого подхода (заметим, сформулированного значительно мягче, чем в настоящем тексте), одна из уважаемых коллег сравнила его с известным способом вытаскивания себя из болота, предложенным некогда бароном Мюнхгаузеном.

Пессимизм относительно изменения менталитета коллег по цеху разделять не хочется. Впрочем, согласно высказыванию папы Пия VI (по другому, естественно, поводу), проблема имеет два решения: реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся. Мечты иногда сбываются. Хочется верить, что рано или поздно психологи будут лучше понимать друг друга. В заключение отметим, что изменение установок членов психологического сообщества — процесс длительный и трудный.

Литература

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии.

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

Еникеев Б. Н. Факт // Большой психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. СПб., 2008. С. 586.

Журавлев А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддъяков, Юревич А. В. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Иванова И. И., Асеев В. Г.* Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 218–245.
- История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. IV Московские встречи: Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- История отечественной и мировой психологической мысли ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ, 1992.
- Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
- Касавин И. Т.* Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. С. 246–247.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.
- Лавский В. В.* Вступление // Античная мудрость. Ростов-н/Д.: Феникс, 2010. С. 3–21.
- Леонтьев Д. А.* Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 2006. С. 134–147.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мазилев В. А.* Камни и нити // Мазилев В. А. Стены и мосты. Ижевск: ERGO, 2015. С. 5–8.
- Мазилев В. А.* Психология: возвращение к Демокриту // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 178–188.

- Мазилев В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
- Мазилев В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мазилев В. А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Мазилев В. А.* Интегративные тенденции в психологии: гештальт-психология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2005а. Вып. 1 (9).
- Мазилев В. А.* Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. 2005б. Вып. 1 (3). С. 38–40.
- Мазилев В. А., Сленко Ю. Н.* История психологии: учебно-методический комплекс дисциплины. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.
- Мазилев В. А.* Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.
- Мазилев В. А.* Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 157–168.
- Мазилев В. А.* Факт в современной психологии: методологические проблемы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 21–36.
- Мазилев В. А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87–96.
- Мазилев В. А.* Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
- Мазилев, В. А.* О предмете психологии // *Мазилев В. А.* Методология и история психологии: Научный журнал. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазилев В. А.* Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского гос. ун-та имени Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. № 4. Т. 19. С. 28–32.
- Мазилев В. А.* Предмет и задачи психологии // Общая психология: Учебник / Под ред. А. В. Карпова. М.: Гардарики, 2002. С. 5–23.
- Мазилев В. А.* Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58–73.
- Мазилев В. А.* Стены и мосты. Ярославль, 2004.

- Мазилев В. А.* Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / Под ред. В. В. Новикова, И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. С. 207–225.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. Вып. 1.
- Мазилев В. А.* Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013б. Т. 2. № 2. С. 149–155.
- Мазилев В. А.* Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. 2013а. Т. 2. № 3 (Психолого-педагогические науки). С. 186–194.
- Мазилев В. А.* Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: V Всероссийская научно-практическая конференция / Под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 57–59.
- Мазилев В. А.* На пути к философии психологии // Методология современной психологии. Вып. 6 / Под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. М.–Ярославль: ЯрГУ–ЛКИИСИ РАН–МАПН, 2016. С. 185–215.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Никифоров А. Л.* Факт // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М. 2010. С. 157–158.
- Никифоров А. Л.* Философия и история науки. М.: Идея-Пресс, 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.

- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Роговин М. С., Залевский Г. В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.
- Современная экспериментальная психология: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Спиркин А. Г., Юдин Э. Г., Ярошевский М. Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.
- Шадриков В. Д.* О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 1. Т. 1. С. 5–19.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.
- Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
- Юревич А. В.* Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль. 2005. С. 377–397.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Юревич А. В.* Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. № 6. Т. 29. С. 3–12.
- Encyclopaedia Britannica. L., 1963. V. 18. P. 482.
- Mazilov V. A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M.–Yaroslavl: IAPS. 1997. С. 126–135.

Структура психологических теорий¹

А. В. Юревич

Центр психологических теорий

Вычленение стандартной структуры психологических, как и всех прочих социогуманитарных теорий, осложняется типовой формой их изложения. Если естественно-научные теории излагаются четко и компактно и выражаются, например, посредством математических формул, то социогуманитарные — в виде многотомных произведений, в которых собственно теорию нелегко вычленить из сопутствующих ей суждений и размышлений. Однако даже в таком нормативно аморфном контексте стандартная структура психологических теорий прорисовывается вполне различимо. Ее наиболее отчетливо проступающие элементы — *центр и периферия*, т. е. некоторые базовые идеи и утверждения, образующие ядро теории, и вспомогательные по отношению к нему опыт и когнитивные конструкции.

Следует отметить, что наличие центра и периферии свойственно и естественно-научным теориям, вследствие чего подобное строение можно считать свойством научных теорий вообще, а все существующие в философской методологии науки представления об их структуре так или иначе отдают должное центр-периферийным отношениям. И. Лакатос, например, выделяет «жесткое ядро» и «защитный пояс» (Lakatos, 1970), В. С. Степин — «фундаментальную теоретическую схему» и «вспомогательные теоретические схемы» (Степин, 2000), нечто подобное делают и другие исследователи, и в подобных дифференциациях отчетливо проступает центр-периферийная иерархия. Такие представления о структуре научных теорий, выработанные на материале естественно-научных, преимущественно физических теорий, в какой-то мере распространяемы и на социогуманитарные науки. Но если иерархическое построение

1 Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-02137.

в виде центра и подчиненной ему периферии характерно как для естественно-научных, так и для социогуманитарных теорий, то наполнение и конкретный характер взаимоотношений между этими элементами достаточно специфичны для разных видов наук (см., например: Новое в науках..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007).

К центральным компонентам психологических теорий можно отнести: а) *общий образ психологической реальности*, б) *центральную категорию*, в) *соответствующий феномен*, г) *набор основных понятий*, д) *систему отношений между ними*, которую, по терминологии В. С. Степина, можно назвать «*сеткой отношений*» (Степин, 2000), е) *базовые утверждения*.

Общий образ психической реальности обычно задается сквозь призму центральной категории теории (психика – это деятельность, психика – это отношение, психика – это трансформация образов, психика – это поведение, психика – это бессознательное и т. п.), которая «снята» с соответствующего феномена. Эта сквозная связь очень рельефно представлена, например, в теории деятельности, где она приобретает почти тавтологический характер: центральный феномен данной теории – особым образом понятая деятельность, центральная категория – тоже деятельность, и она же задает образ психики как деятельности. Но и в тех случаях, когда, скажем, центральная категория теории и ее центральный феномен не совпадают друг с другом, три выделенных компонента тесно взаимосвязаны. Так, ключевая категория когнитивизма – образ, бихевиоризма – действие, психоанализа – мотив (Ярошевский, 1974), в то время как их центральными феноменами можно считать, соответственно, мышление, поведение и бессознательное, однако ключевая категория задает видение центрального феномена (например, мышления – как трансформации образа) и общую трактовку психологической реальности. Это влияние реализуется и в обратном направлении – от общего представления о психике к вычленению центральной категории, да и вообще в данном случае нельзя обозначить какие-либо однонаправленные векторы воздействия. В то же время иногда последовательность формирования трех описанных компонентов теории прослеживается достаточно четко, как, например, в случае теории каузальной атрибуции, в процессе построения которой сначала был вычленен соответствующий феномен – причинная интерпретация поведения, затем ему было дано имя – каузальная атрибуция, а впоследствии вся социально-психологическая реальность была представлена в виде вариантов атрибуции (см.: Андреева, 1997).

Отношения между образом реальности, центральной категорией и центральным феноменом органичны, но не безоблачны, и podczas их параллельная эволюция может порождать внутренне противоречивые конструкции. Вообще типовой траекторией развития психологических теорий является поэтапное: а) осознание важности некоторого психологического феномена, б) формирование соответствующей категории, в) оформление видения всей психологической реальности сквозь призму этой категории – своего рода «натягивание» данной категории на всю психологическую реальность, г) утрата категорией в процессе ее «растягивания» первоначально строгой, да и вообще какой-либо предметной отнесенности, размывание связи с соответствующим феноменом.

Подобную эволюцию психологических теорий описал еще Л. С. Выготский, объяснив ее так: «Путь этот предопределен объективной потребностью в объяснительном принципе, и именно потому, что такой принцип нужен и его нет, отдельные части принципа занимают его место» (Выготский, 1982, с. 309). Осознание Выготским порочности такого пути не уберегло теорию, основы которой он заложил, от его повторения: категория деятельности, довольно-таки искусственно «растянутая» на всю психологическую реальность, утратила и свой начальный объяснительный потенциал, и строгую предметную отнесенность, ведь, по словам того же Выготского, когда «объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону, содержание его столь же стремительно падает до нуля» (там же, с. 308). Э. Г. Юдин, например, убедительно продемонстрировал расхождение в этой теории деятельности как феномена и деятельности как объяснительного принципа, а также явную несостоятельность попыток «втиснуть» в него всю психологическую реальность (Юдин, 1978). Деятельность как объяснительный принцип, формирующий образ всей психологической реальности, оказалась совершенно не той деятельностью, которая существует в виде психологических феноменов, а дополненная представлениями о бессубъектной деятельности и т. п., предстала чем-то весьма абстрактным, если не абсурдным. «В результате, – считают А. В. Брушлинский и В. А. Поликарпов, – понятие и принцип деятельности оказались теперь предельно неопределенными» (Брушлинский, Поликарпов, 1990).

Таким образом, центральный феномен теории, ее центральная категория и образ изучаемой реальности, объединенные связью, могут вступать в противоречия друг с другом, обострение же этих противоречий может приводить к тому, что теория фактически

ки отмирает и считается «живой» вследствие чисто социальных обстоятельств, например, нежелания сторонников теории признать исчерпанность ее когнитивных ресурсов.

Наборы основных понятий различных психологических теорий — их категориальные тезаурусы — в значительной мере пересекаются, что естественно, поскольку эти теории при всех их различиях и форсированной дистанцированности друг от друга все же принадлежат к одной дисциплине и оперируют схожими терминами. Так, основные понятия теории деятельности — действие, операция, личность, сознание, мотив, потребность и т. д. — присутствуют и в категориальном аппарате других теорий: действие и потребность занимают видное место в понятийном аппарате бихевиоризма, операция — когнитивизма, сознание и мотив — психоанализа, личность — теорий гуманистической психологии. Очевидны и значительные пересечения понятийных аппаратов этих теорий, в особенности наиболее близких, относящихся к одной парадигме. Однако следует подчеркнуть, что, хотя понятийные аппараты различных психологических концепций всегда пересекаются, *они никогда полностью не совпадают друг с другом*, и именно поэтому набор основных понятий можно считать специфическим признаком каждой конкретной теории (см., напр.: Субъективный подход..., 2009; Головей и др., 2017).

Основные понятия теории всегда подчинены ее центральной категории, и эта подчиненность выражена достаточно отчетливо¹, имея разнообразные проявления — от частоты употребления соответствующих терминов до определения ключевых категорий на основе центральной. Гораздо труднее прочертить границу тезауруса основных понятий на его другом — «нижнем» — полюсе, вы-

1 Настолько отчетливо, что может быть принята за тождественность, слияние соответствующих понятий. Так, например, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский пишут: «То, что на категориальном языке обозначается как образ, в различных психологических концепциях выступает под именами: „ощущение“, „восприятие“, „значение“, „представления“, „идеи“, „информация“ и др. То, что в категориальном плане трактуется как «мотивация», охватывает феномены, которые выражаются через понятия „стремление“, „влечение“, „волевой импульс“, „потребность“, „инстинкт“, „аффект“ и др.» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 134–135). В первом случае центральная категория соответствующих теорий — естественно, «образ», во втором, — «мотивация» («мотив»), а все прочие — основные понятия, подчиненные центральному категориям.

членив их из множества всех прочих терминов, которыми оперируют сторонники теории. Возможно, критериями для решения этой непростой задачи могут служить, во-первых, опять же частота употребления соответствующих терминов (о которой можно судить как интуитивно, так и на основе строгих процедур контент-анализа), во-вторых, включенность понятий в базовые положения теории¹. Вместе с тем следует признать, что, если центральная категория теории всегда заметно возвышается над ее основными понятиями и, как правило, *выносится в название теории* (теория деятельности, теория установки, теория каузальной атрибуции и др.), то эти понятия не имеют четкой границы с другими терминами данной науки, а иногда и смежных наук, в результате чего построить полный категориальный тезаурус той или иной концепции, как правило, не удастся (см.: Личность и бытие..., 2008; Методология комплексного человекознания..., 2008).

Зато всегда можно выделить «верхнюю» часть их понятийного тезауруса, непосредственно примыкающего к центральной категории. Вообще основные понятия теории в большинстве случаев не только подчинены ее центральной категории, но и сами организованы в иерархическую структуру, которая, правда, в большинстве случаев выглядит очень нестрогой. Наиболее часто эта структура выстраивается путем вычленения некоторой наиболее важной части равноправных понятий и подчинения им всех остальных. Иногда, но реже и понятия, входящие в эту наиболее важную часть, ставятся в иерархические отношения, например, путем их определения друг через друга: «мотив – это предмет потребности» (что делает категорию мотива вторичной по отношению к категориям предмета и потребности).

Подобные иерархические связи сливаются в «сетку отношений» между основными понятиями. Следует отметить, что далеко не всегда отношения между понятиями фиксируются в четких или вообще каких-либо определениях. Часто они вообще никак не эксплицируются, однако имплицитно присутствуют и могут быть выявлены с помощью специальной методологической рефлексии².

- 1 К перечисленным критериям можно добавить и то, что основные понятия теорий, в отличие от большинства рабочих терминов, авторы обычно определяют. Таким образом, наличие определений тоже способно служить индикатором основных понятий.
- 2 Наиболее обстоятельный результат подобной рефлексии – попытка построить некую «тотальную сетку» психологических категорий, предпринятая в книге А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (1998).

Базовые утверждения теорий в гуманитарных науках вычленимы тоже не без труда, в чем состоит одно из их главных отличий от естественно-научных теорий. Впрочем, в данном плане социогуманитарные теории можно разделить на два типа, к одному из них принадлежат теории традиционного – аморфного – типа, которые очень трудно свести к ограниченному набору строгих утверждений, в результате чего они даже адептами часто понимаются по-разному, ко второму – более современные концепции, авторы которых стремятся формулировать их в виде ограниченного набора четких постулатов. Пример теорий первого типа – все та же теория деятельности, примеры концепций второго типа – сформулированные в американской психологии с американской конкретностью теория каузальной атрибуции и теория справедливости. Причем в основе последней лежит понятие справедливого обмена, выраженное математической формулой:

$$\frac{I_1}{O_1} = \frac{I_2}{O_2},$$

где O_1 и O_2 – результаты, достигаемые участниками взаимодействия, I_1 и I_2 – их вклады (и, соответственно, в качестве справедливого трактуется взаимодействие, результаты участников которого пропорциональны их вкладам).

Но все же значительно чаще психологические, как и все прочие социогуманитарные теории, формулируются в аморфном виде, в результате чего их базовые утверждения трактуются неоднозначно. В тех же случаях, когда данные утверждения формулируются четко и однозначно, они обычно звучат как весьма тривиальные констатации, подобно одному из базовых постулатов теории справедливости: люди всегда стремятся к максимизации своих выигрышей (см.: Юевич, 1981). Кажущаяся тривиальность подобных утверждений вызывает критику за то, что они лишь обобщают обыденный опыт, а не выражают научное знание, а это подрывает и репутацию соответствующих теорий в качестве собственно научных. На самом же деле базовые утверждения социогуманитарных теорий выполняют очень важную и вполне научную роль, точнее, набор ролей: они развивают и систематизируют образ психической реальности, заданный центральной категорией, генерализуют содержащийся в ней объяснительный импульс и т. д.

Периферическая область теорий

Периферическую область психологических теорий можно разделить на два компонента: а) *собственно теоретический*, б) *эмпирический*. Теоретическая «периферия» включает *вспомогательные утверждения теории и систему их аргументации*, эмпирическая — *подкрепляющий теорию эмпирический или обыденный опыт*.

Вспомогательные утверждения теорий в социогуманитарных науках соотносимы с тем, что В. С. Степин, говоря о точных науках, называет «частными теоретическими схемами», отмечая, что «последние конкретизируют фундаментальную теоретическую схему применительно к ситуациям различных задач и обеспечивают переход от анализа общих характеристик исследуемой реальности и ее фундаментальных законов к рассмотрению отдельных конкретных типов взаимодействия, в которых в специфической форме проявляются указанные законы» (Степин, 2000, с. 126). Однако специфика социогуманитарных дисциплин побуждает к существенной корректировке данного понятия, о необходимости которой пишет тот же автор: «Разумеется, применение уже развитых методологических схем в новой области предполагает их корректировку, а часто достаточно радикальное изменение соответственно специфике той или иной научной дисциплины» (там же, с. 305). Вспомогательные утверждения теорий в гуманитарных науках отличаются от частных теоретических схем точных наук, прежде всего, своей аморфностью и недостаточной упорядоченностью, которые, во-первых, не позволяют говорить об этом малоупорядоченном множестве общих утверждений как о четких *схемах* (а стало быть, диктуют необходимость корректировки соответствующего понятия), во-вторых, делают их вычленение еще более сложным, чем вычленение базовых утверждений. Кроме того, в социогуманитарных дисциплинах вспомогательные утверждения теорий имеют отношения с их базовыми утверждениями не столько логической, сколько *терминологической дедуктивности*, объединены в основном терминами, а не содержанием. В типовом случае они охватывают всю совокупность утверждений общетеоретического характера, которые автор теории — индивидуальный или коллективный — формулирует в процессе ее построения. В то же время некоторые из таких утверждений могут постепенно путем накопления их повторений отливаться в достаточно стабильную и монолитную часть теории. Например, одно из излюбленных утверждений советских социальных психологов о том, что все социально-психологические процессы су-

ществуют и эволюционируют только в контексте совместной деятельности, можно считать одним из базовых утверждений теории деятельности, выросшим из вспомогательного утверждения (Значение идей А. Н. Леонтьева..., 1983; Совместная деятельность..., 1988).

Эмпирический компонент периферии социогуманитарных теорий в общем сопоставим с тем эмпирическим опытом, на который опираются естественно-научные теории и который прочно ассоциируется с ними, как, например, эксперимент Майкельсона-Морли с теорией относительности. Однако эмпирическая периферия социогуманитарных концепций куда более широка, отношения с ней их ядерной – центральной – части более сложны и разноплановы. А все разнообразие психологической эмпирии с позиций каждой конкретной теории делится на две части – на а) «свою» и б) «чужую» эмпирию.

Каждая из этих частей эмпирической периферии, в свою очередь, тоже делится на две. «Своя» эмпирия – во-первых, на тот эмпирический опыт, на который опираются базовые и вспомогательные утверждения теории, т. е. на ее своего рода «опорную» эмпирию, во-вторых, на результаты эмпирических исследований, выполненных на основе данной теории, и выявленные в этих исследованиях феномены – эмпирию «надстроечную». Вторая часть «своей» эмпирии по объему существенно превосходит первую, поскольку практически каждая психологическая теория порождает целое направление эмпирических исследований, которое подчас разрастается настолько, что теория «не поспевает» за ним, т. е. оказывается неспособной обобщить полученные данные¹. Эта часть «своей» эмпирии, конечно, может использоваться (и используется) для выполнения той функции, которую выполняет первая часть – подтверждения теории, для чего, естественно, имеются все предпосылки, поскольку результаты эмпирических исследований, направленных на подтверждение теории, обычно интерпретируются на ее же основе, – хорошо известная и в естественных науках ситуация теоретико-эмпирического «круга»². Но все же их основная

- 1 Яркий пример – теория каузальной атрибуции, которая к концу 1970-х годов, когда каузальная атрибуция наряду с группами и аттитюдами превратилась в одну из трех наиболее интенсивно разрабатываемых областей социально-психологической проблематики, оказалась неспособной обобщить и осмыслить множество новых фактов, которые были обнаружены в ее же русле.
- 2 Наиболее выразительный результат – это судьба «решающих» экспериментов в социогуманитарных науках, призванных разрешить

функция другая — экспансия теории, ее распространение на все более широкую область эмпирических феноменов, что в социогуманитарном сообществе эквивалентно укреплению позиций теории и рассматривается как аналог ее развития. А как только экспансия теории заканчивается, начинается ее стагнация, вскоре переходящая в деградацию, выражающуюся в значительном уменьшении количества сторонников выполненных на ее основе эмпирических исследований и т. д. Иначе говоря, когда теория не растет, подпитываясь все новым эмпирическим опытом, она постепенно если и не умирает, то вырождается, но если она, напротив, «съедает» слишком много, утрачивая первоначальный объяснительный потенциал и предметную отнесенность, ее ожидает та же участь.

К «чужой» для теории эмпирии относятся феномены и результаты эмпирических исследований, выявленные и полученные на основе других концепций. Она может быть разделена на, во-первых, *релевантную*, во-вторых, *иррелевантную эмпирию*.

Релевантная эмпирия — это результаты эмпирических исследований, полученные в рамках других концепций, но «задевающие» данную теорию, находящиеся в области ее «жизненных интересов». Наиболее радикальный, хотя и редкий в реальности случай ее формирования — это получение в русле других концепций данных, которые могут поколебать позиции данной теории, противореча ее базовым утверждениям. Ни активно развивающаяся теория, находящаяся в стадии своего рода теоретической «пассионарности», ни стагнирующая и поэтому вынужденная постоянно защищаться от «пассионирующих», не может этот опыт проигнорировать, особенно если ее соперница заостряет его. Его надо либо «отбить», либо ассимилировать, переинтерпретировав выгодным для себя образом. Типовые приемы для этого — в общем те же, что и в ес-

спор соперничающих теорий в тех редких случаях, когда они вопреки сложившейся традиции «несоизмеримости» и обитания на своих собственных территориях, все же находят какие-либо точки пересечения. Так, когнитивизм и бихевиоризм некогда повздорили по вопросу о том, что же первично — установки или поведение, это весьма напоминает небезызвестный вопрос о яйце и курице. Все без исключения «решающие» эксперименты, выполненные в русле когнитивизма, продемонстрировали первичность установок, а все без исключения эксперименты, осуществленные в рамках бихевиоризма, зафиксировали первичность поведения. С тех пор психологи стали воздерживаться от «решающих» экспериментов, хотя отдельные попытки их проведения все же иногда предпринимаются.

тественных науках, хотя и с большим удельным весом чисто социальных и идеологических инструментов.

Но все же чаще эмпирически установленные факты попадают в сферу релевантной для теории эмпирии не потому, что опасны, а потому, что *интересны* для нее, представляя собой эмпирический материал, который потенциально может быть использован для ее экспансии и укрепления ее позиций. «Чужая» эмпирия активно ассимилируется теорией и в тех случаях, когда ей не хватает «своей», собственной эмпирии, например, в условиях, когда национальная наука по тем или иным причинам развивается преимущественно в теоретическом, а не в эмпирическом русле. Скажем, советские психологические теории на первом этапе своего развития, когда собственной эмпирии им явно не хватало, активно использовали факты и феномены, выявленные зарубежными психологами в рамках концепций бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа. Как правило, теория переинтерпретирует и ассимилирует «чужую» эмпирию не в защитных целях, а ради удовлетворения постоянной потребности в эмпирической подпитке, аналогичной потребности живых организмов в питании.

Случаются и ситуации, когда теория не просто подпитывается «чужой» эмпирией, но и использует ее в качестве первоначального источника своего питания, вырастая из ее переинтерпретации. Так, например, концепция Д. Бема, утверждающая, что установки выводятся нами из наблюдения за своим поведением, а также дополняющая ее очень популярная парадигма «ложной обратной связи»¹ возникли в результате переинтерпретации Д. Бемом — бихевиористом по происхождению — результатов эмпирических исследований, выполненных в русле когнитивистской теории когнитивного диссонанса (Вem, 1965)². Далее эта теория породила «свою», очень

1 Ее суть состоит в том, что человеку сообщают ложную информацию о поведенческих и физиологических реакциях, которая существенно влияет на его эмоциональные состояния. Так, например, мужчины в качестве наиболее привлекательных оценивают фотографии тех женщин, предъявлению которых сопутствует фиктивная информация о более интенсивных сердечных сокращениях (Baumrind, 1985).

2 Например, данных о том, что за меньшую плату люди иногда работают лучше, чем за большую (которые, естественно, не должны наводить на крупномасштабные социально-экономические обобщения). Д. Бем объяснил данный факт тем, что, работая за малую плату, мы осознанно или неосознанно задаем себе вопрос: «А почему же мы все-таки работаем?» и отвечаем на него: «Наверное, потому что эта

обильную эмпирию, но ассимиляция «чужой» эмпирии прочно запечатлелась в ее родословной.

Иррелевантная для теории «чужая» эмпирия — это эмпирические данные и феномены, выявленные в русле других концепций и не входящие в зону ее «жизненных интересов». Иррелевантность основной части «чужой» эмпирии служит оборотной стороной наличия у каждой теории «своей» эмпирии. Эта эмпирия порождена данной теорией, накоплена в результате исследования важных именно для нее проблем, описана в ее категориях, проинтерпретирована на ее основе и часто вообще не имеет смысла вне ее рамок. Соответственно, для других теорий она иррелевантна, т. е. не вписывается в их смысловое поле, неинтересна, незначима и вообще как бы не существует для них. Подобная ситуация встречается и в естественных науках при сосуществовании несоизмеримых парадигм, но все же она характерна, прежде всего, для наук социогуманитарных, являясь результатом их разобщенности на «государства в государстве», каждое из которых живет по собственным законам, включающим общие правила получения, интерпретации и верификации эмпирических данных (Юревич, 2000).

Иногда, правда, игнорирование «чужой» феноменологии происходит не из ее иррелевантности, а, напротив, из высокой релевантности и нежелательности, т. е. из *отрицательной релевантности*, как в случае Галилея, противники которого попросту отказывались смотреть в изобретенный им телескоп, или Б. Ф. Скиннера, который с гордостью признавался в том, что не читает журналы, публикующие неудобные для бихевиористов данные. Однако в социогуманитарных науках иррелевантность «чужой» эмпирии значительно чаще не имеет под собой скрытой отрицательной релевантности, а означает ее существование в совершенно ином смысловом поле — как разговор на незнакомом нам языке, который обычно воспринимается нами как бессмысленный шум.

Скрытая область теорий

Структуру психологических теорий можно было бы описать как состоящую из центра и периферии, которые включают описанные компоненты и ими исчерпываются, если бы в методологической рефлексии науки не существовало традиции, заложенной работа-

работа нам нравится», что усиливает мотивацию, т. е. выводим свои установки из интерпретации своего поведения (Вет, 1965).

ми М. Полани и его последователей (Полани, 1985). Но подобно тому как в структуре любого формализованного знания имплицитно присутствует некое неформализуемое, неявное знание, причем их пропорция обычно оценивается в соотношении 1 : 10 (DeMaу, 1992), любая научная теория, в особенности социогуманитарная, тоже всегда включает некоторый неявный компонент. Этот компонент можно условно назвать скрытой областью теории, имея в виду, что она эксплицируется лишь путем специально организованной рефлексии (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2016), а в официальной жизни теории практически всегда остается за кадром.

Описанное М. Полани личностное знание нередко трактуется таким образом, будто оно играет важную роль в *процессе* построения научных теорий, но утрачивает эту роль, когда данный процесс заканчивается, оставаясь вне готовых форм научного знания, таких, как теории. Если бы это было верно, то научные концепции во всех случаях представляли бы собой четко очерченные, полностью формализованные и абсолютно однозначно воспринимаемые когнитивные конструкции. Однако в действительности едва ли найдутся хотя бы два человека, которые абсолютно одинаково понимали бы, скажем, теорию деятельности¹, и именно в расхождении способов ее понимания (и развития) коренится основная причина противостояния двух научных школ отечественной психологии — последователей А. Н. Леонтьева и последователей С. Л. Рубинштейна. Любая теория включает в себя множество неявных смыслов и имплицитных утверждений, понимание которых всегда индивидуально и осуществляется на уровне личностного знания, что и порождает главную причину расхождения смысловых полей при восприятии теорий.

Таким образом, личностное знание не только играет важнейшую роль в *процессе* построения научных теорий, но и *составляет существенную часть самих теорий, а также образует неизбежных фон их восприятия*. Вместе с тем скрытая область научных теорий заполнена не только этим знанием. Приведем еще раз мнение физика Р. Герох, много сделавшего для развития теории относительности: «С моей точки зрения, теории состоят из неисчислимого количества

1 В этом любой психолог легко может убедиться на собственном опыте. Вместе с тем экспликацию различных пониманий одной и той же теории можно было бы сделать и предметом эмпирического изучения, заложив таким образом основания нового (относительно нового, как и все новое) направления исследований — *эмпирической методологии науки*.

идей, аргументов, предчувствий, неопределенных ощущений, ценностных суждений, и так далее, объединенных в своеобразный лабиринт. Именно это скопление называется «теорией» (Geroch, 1978, p. 183). В данной характеристике не только оттенена роль неформализуемых элементов теории, но и обозначено, что они не сводятся только к *знанию*, включая и компоненты, которые собственно *зна*ниями, да и вообще когнитивными назвать нельзя.

Здесь уместно напомнить о том, что все ключевые методологические установки, заложившие основания науки Нового времени, — рационализм, прагматизм и др., как и любые *социальные установки*, имели не только когнитивный, но также эмоциональный и поведенческий компоненты. Например, рационализм проистекал из стремления подчинить стихию чувств господству разума (Гайденок, 1987; Косарева, 1989), т. е. был не только системой идей, но и выражал определенные желания, представлял собой сгусток коллективных эмоций, а длительное господство рационализма и эмпиризма в западной культуре было бы невозможным без соответствующей эмоциональной основы и закрепления в поведенческих образцах. То же самое можно сказать и о любой методологии, например, о позитивизме, которая как система исследовательских установок тоже имеет не только когнитивную, но и эмоциональную, а также поведенческую составляющую, что делает отнюдь не абстрактными метафорами такие понятия, как, например, «методологические эмоции» (Юревич, 2000). А, поскольку в любой теории запечатлена соответствующая методология¹, то ее не-когнитивные компоненты становятся и составными частями соответствующих концепций, в результате чего их неформальная часть формируется не только личностным знанием, но также эмоциями и образцами поведения, всегда имеющими личностную окраску.

В принципе это утверждение хотя и звучит несколько необычно, но выражает неэксплицированную очевидность и даже тривиальность для философской методологии науки, вытекающую из логики ее ключевых понятий. Так, любая психологическая теория задает определенную исследовательскую традицию, исследовательская же традиция, согласно трактовке этого понятия Л. Лауданом

1 Это особенно заметно в случае психологических теорий, являющихся не просто теориями, разработанными на основе определенной методологии, а органическим сплавом теории и методологии. И симптоматичны такие характеристики: «Теории — это правила» (Franklin, 1982), предписывающие, что и как делать исследователю, т. е. теории определяются через функции, свойственные методологии.

и его последователями, явно не сводится только к ее когнитивному содержанию (Laudan, 1977). То же самое можно сказать о парадигмах и других «единицах» развития науки, теснейшим образом сопряженных с научными теориями. Все они являются органическим единством: а) знания — явного и неявного, б) эмоционально закрепленных мотивов и намерений, в) поведенческих образцов, т. е. основных компонентов социальной установки.

И все же при достаточной универсальности подобной структуры научных теорий их эмоциональная составляющая наиболее выражена в социогуманитарных науках. И дело даже не в тесной связи последних с идеологией, в результате которой в утверждениях теории подчас бывают запечатлены определенные идеологические стремления (пример марксизма слишком тривиален), а в том, что *в состав любой социогуманитарной теории имплицитно входит некоторый эмоционально-личностный опыт ее автора*. Именно поэтому все психологические теории в значительной мере выражают личностно-психологические особенности их авторов (Richards, 1987). Они предстают как генерализованные на других людей экспликации внутреннего мира их авторов и их собственных психологических проблем. В частности, многочисленные психобиографии З. Фрейда и его личные признания демонстрируют, как остро он переживал, скажем, страх кастрации или эдипов комплекс. Не остается сомнений в том, что введение соответствующих понятий было проекцией его личных психологических трудностей, а метафоры были почерпнуты им из той специфической культуры, в которой он сформировался. Можно осуществить любопытный умственный эксперимент, представив себе, что основоположник психоанализа был... женщиной. Интересно, как бы в этом случае выглядели в его теории страх кастрации или эдипов комплекс?

В общем вывод о том, что в состав психологических теорий входит не только личностное знание, но и личностные *переживания* автора и именно из рефлексии над переживаниями эти теории зарождаются, должен звучать как вполне банальное обобщение опыта психологической науки.

Понятие о неявной области научных теорий нуждается в расширении и в другую сторону: эта область, помимо личностного знания, включает не только личностные переживания и образцы поведения, но и знание, переживания и образцы поведения *надличностные*. Отметим здесь, что если в философской методологии науки неявное знание в основном ассоциируется с личностным, то в социологии науки — в работах Д. Блура, Б. Барнса, Д. Маккен-

зи и др. — акцент делается на том, что научное знание, в том числе и естественнонаучное, «конструируется в стенах лабораторий», являясь выражением исследовательских традиций, идей и смыслов, специфических для каждой научной группы (Современная западная социология науки, 1988). Это позволяет говорить о специфическом *групповом знании* (Аллахвердян и др., 1998; Ушаков, Журавлев, 2016), так же принципиально неформализуемом, как и личностное знание, но к последнему не сводимом. Групповое знание тоже входит в состав неформализуемой составляющей научной теории, а его удельный вес особенно велик в тех случаях, когда теория коллективно разрабатывается (что случается очень редко) или коллективно развивается (что бывает почти всегда). В результате формируются некие коллективные тезаурусы понимания теорий, показывающие, в частности, что сторонники определенных концепций всегда понимают их не так, как противники, и что одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными научными школами (см.: Прогресс психологии..., 2009)

При этом также возникают соответствующие эмоции и формируются образцы поведения, которые как исследовательские традиции чаще носят не столько индивидуальный, сколько коллективный характер. Это характерно не только для таких эмоций, как, скажем, эмоциональная привязанность к «своей» теории, героическая решимость защищать ее при любых обстоятельствах, своеобразная идентификация с нею (Eiduson, 1962), не слишком теплые чувства к ее противникам, в общем-то внешние по отношению к самой теории, но ощущения и чувства, составляющие ее *внутреннюю* ткань. Так, один из аргументов когнитивистов в упомянутом выше споре с бихевиористами состоял в том, что можно «физически ощущать» первичность установок по отношению к поведению, хотя в логике этого спора было неясно, что именно первично — само это «ощущение», даже если оно действительно возникает, или желание подтвердить свою теорию путем вызывания у себя соответствующего ощущения (кстати, вторая возможность более органично вписалась бы в логику когнитивизма, ибо означала бы первичность установки).

Таким образом, в неявной области психологических теорий можно уловить а) *личностный* и б) *групповой компоненты*, в свою очередь, разделив каждый из них на *когнитивную*, *эмоциональную* и *поведенческую* части. Разумеется, и существование этой области, и ее ключевые компоненты не служат привилегией социогуманитарных наук. Многочисленные упоминания соответствующих понятий можно встретить в работах методологов науки, относящихся

Таблица 1
Структура психологических теорий

Области теории	Центральная	Периферическая		Скрытая	
	Образ реальности	Теоретическая периферия	Система аргументации	Личностная	Личностное знание
	Центральная категория				Вспомогательные утверждения
	Центральный феномен	Эмпирическая периферия	«Своя» эмпирия	Опорная эмпирия	Групповая
Базовые категории	«Чужая» эмпирия		Надстроечная эмпирия	Групповое знание	
Компоненты	«Сетка отношений»	Эмпирическая периферия		Групповая	Коллективные эмоции
	Базовые утверждения				

ся к естествознанию. Однако, во-первых, сама область неявного знания в социогуманитарных теориях существенно шире, во-вторых, удельный вес ее эмоционального компонента заметно больше, чем в естественно-научных теориях. И именно данные обстоятельства делают теории, разрабатываемые в социогуманитарных дисциплинах, куда более аморфными, мало определенными и допускающими различные понимания.

Дабы структура психологических теорий, описанная в настоящей статье, тоже не предстала в аморфном и мало определенном виде, характерном для самих этих теорий, ее целесообразно отобразить в виде схемы, которая, хочется надеется, если и не устранил, то, по крайней мере, сведет к минимуму индивидуальные и групповые вариации ее понимания.

Литература

- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки. Учебное пособие для вузов. М.: Флинта, 1998.
- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. Минск: Изд-во «Университетское», 1990.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) М.: Наука, 1987.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Значение идей А. Н. Леонтьева для развития марксистской социальной психологии / Под ред. Г. М. Андреевой. М.: Педагогика, 1983.
- Косарева Л. М.* Социокультурный генезис науки Нового времени. М.: Наука, 1989.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Социально-психологические методы фасилитации совместного анализа опыта и обмена знаниями // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, А. Н. Поддья-

- ков, А. В. Юревич. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 357–377.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
- Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-центр, 2007.
- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.
- Современная западная социология науки / Под ред. А.А. Игнатъева, В.Ж. Келле. М.: Наука, 1988.
- Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: URSS, 2000.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Социальная психология знания как новая отрасль (вместо введения) // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, А. Н. Поддьяков, А. В. Юревич. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–15.
- Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.
- Юревич А. В.* Критический анализ американских социально-психологических концепций «справедливого обмена» // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 158–166.
- Юревич А. В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Наука, 1974.
- Baumrind D.* Research using intentional deception: Ethical issues revisited // American psychologist. 1985. V. 40 № 2. P. 165–179.
- Bem D. J.* Self-Perception Theory // L. Berkowitz (Ed.). Advances in Experimental Social Psychology 1972. V. 6. P. 1–62.
- De May M.* The cognitive paradigm. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Eiduson B. T.* Scientists, their psychological world. N. Y.: Basic Books, 1962.
- Franklin C. W.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston: Little, Brown and Company, 1982.

Структура психологических теорий

Geroch R. General relativity from A to B. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978.

Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the growth of knowledge. 1970. P. 149–186.

Laudan L. Progress and its problems. Toward a theory of scientific growth. Berkley: Univ. of California Press, 1977.

Richards G. Of what is history of psychology a history // British journal for the history of science. 1987. V. 20. № 65. P. 201–211.

Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии

Е. Ю. Патяева

Как известно, представления о том, что такое научное знание и каким оно может и должно быть, изменяются по мере развития науки и философии. В частности, были выделены классический, неклассический и постнеклассический идеалы научной рациональности, определяющие основания науки и нормативные стратегии получения знания (Мамардашвили, 1984; Степин, 2006). Переход от классической рациональности к неклассической и постнеклассической активно обсуждается в методологических дискуссиях в современной психологии (см., напр.: Петренко, 2004; Леонтьев, 2005; Корнилова, Смирнов, 2007; Ключко, 2012; Гусельцева, 2015). При этом прежде всего речь идет об отнесении к неклассическим или постнеклассическим тех или иных психологических *концепций* и *подходов*. Логично предположить, что переход от классической рациональности к неклассической и постнеклассической будет приводить и к изменению существенных *особенностей получаемого научного знания*. И здесь возникают два вопроса, которые и являются центральными для настоящей статьи: каковы особенности знаний, получаемых в горизонте каждого из идеалов рациональности? И соответственно, существуют ли *конкретные психологические знания* (факты, закономерности, интерпретации и т. д.)¹, которые можно соотнести с классической, неклассической и постнеклассической рациональностью? Поиск ответа на поставленные вопросы мы начнем с описания классического, неклассического и постнеклассического идеалов научной рациональности и определения специфических особенностей конкретных знаний, которые обусловлены каждым из них.

¹ Речь идет о знаниях, полученных не только в исследовательской, но также и в практической психологии (о соотношении этих типов знания см.: Патяева, 2015).

Идеалы рациональности и особенности соответствующего им знания

В отечественной философии науки представлены две концепции идеалов рациональности: концепция классического и неклассического идеала рациональности М. К. Мамардашвили (1984) и концепция классического, неклассического и постнеклассического идеалов рациональности В. С. Степина (2006).

Для М. К. Мамардашвили принципиальным критерием различения классической и неклассической рациональности является отношение познающего субъекта к феномену сознания как источнику внутренней самопроизвольной активности потенциально-го объекта познания, его всевозможных желаний, хотений, своих собственных представлений о мире, о себе и о том, что происходит в ходе исследования, и т. д. Классический идеал рациональности, сложившийся в естествознании XVII–XVIII вв., исключает феномен сознания (как источник всего «субъективного») из научного рассмотрения: изучаемые объекты подчиняются действию законов природы, их поведение принципиально полностью предсказуемо и доступно для изучения познающим субъектом как неким абсолютным наблюдателем, находящимся как бы вовне и наблюдающим все происходящее со стороны. Неклассический же идеал рациональности возник в ситуации кризиса классической рациональности в начале XX в. К кризису привело обнаружение, прежде всего, в релятивистской и квантовой физике, но также и в психоанализе З. Фрейда и ранее в теории идеологии К. Маркса – ряда эффектов, которые показывают неустранимую связь наблюдаемых феноменов с позицией наблюдателя, обладающего сознанием и осуществляющего те или иные познавательные процедуры. Таким образом, сознание наблюдателя и его исследовательскую деятельность оказалось невозможным полностью отделить от наблюдаемых им явлений.

В. С. Степин подходит к проблеме смены типов научной рациональности с несколько иной стороны – он опирается на анализ глобальных научных революций, соотносимых, прежде всего, с историей естествознания. Научную революцию конца XIX–начала XX в. он связывает с переходом от классической рациональности к неклассической, научную революцию конца XX–начала XXI в. – с переходом от неклассической рациональности к постнеклассической. Одним из принципиальных моментов смены типа рациональности от классической к неклассической и постне-

классической для него выступает рассмотрение объектов познания как систем разного масштаба сложности: как простых, сложных и саморазвивающихся.

Эти две концепции во многом дополняют друг друга. Поэтому ниже мы попытаемся дать обобщенную характеристику идеалов рациональности и соответствующих им типов знания, учитывающую оба подхода.

Классический идеал научной рациональности, основывающийся на достижениях механики XVII в., характеризуется в этих концепциях очень сходно. Его ключевая идея состоит в том, что объект познания рассматривается как принципиально полностью доступный внешнему наблюдению. Иными словами, это «физический объект» (по М. К. Мамардашвили), или «простая система» (в терминологии В. С. Степина), полностью лишенный всего, что можно назвать «внутренним» или «субъективным», т. е. того, что принципиально недоступно внешнему наблюдателю: желаний, стремлений, свободной воли, собственной картины мира и т. д. Объективность научного знания достигается здесь путем исключения из описания и объяснения всего, что относится к субъекту познания и процедурам его познавательной деятельности. Предполагается, что любой конкретный субъект познания равен в качестве такового любому другому субъекту познания и получаемое знание воспроизводимо любым другим субъектом. При этом сам акт получения знания понимается как принципиально не изменяющий познаваемый объект.

Познание определяется как наблюдение и экспериментирование «с объектами природы, которые раскрывают тайны своего бытия познающему разуму. Причем сам разум наделялся статусом суверенности. В идеале он трактовался как дистанцированный от вещей, как бы со стороны наблюдающий и исследующий их, недетерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов» (Степин, 2006, с. 316). Изучаемые объекты рассматриваются преимущественно в качестве «малых (или простых) систем», которые характеризуются относительно небольшим количеством элементов, их силовыми взаимодействиями и жестко детерминированными связями. Свойства целого практически полностью определяются его составом и свойствами и состояниями его частей. Основными категориями научного мышления выступают *вещь* (или *объект* как относительно устойчивое физическое тело), *процесс* (исходно понимаемый как перемещение объектов в пространстве с течением времени), *часть, целое, свойство, состо-*

яние, причинность (в лапласовском смысле¹), пространство и время. Позднее в состав базовых категорий вошло еще и *развитие*.

В. С. Степин предлагает схематично представить научную деятельность «как отношения „субъект—средства—объект“ (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств)» (там же, с. 325). В случае научной деятельности, определяемой классическим идеалом рациональности, все внимание исследователя оказывается сосредоточено лишь на одном из звеньев этой триады — исключительно на объекте познания (рисунок 1). А все, что относится к субъекту познания, средствам и операциям его деятельности, полностью элиминируется из описания и теоретического объяснения. «Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций» (там же, с. 326).

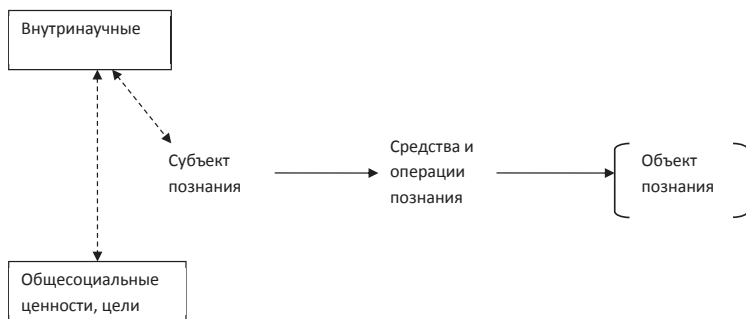

Рис. 1. Схематическое изображение научной деятельности в русле классического идеала рациональности (Степин, 2006, с. 326). В скобках выделена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

Таким образом, знание, соответствующее классическому идеалу рациональности, обладает следующими характеристиками:

- описывает объект познания как существующий сам по себе, безотносительно нашего взаимодействия с ним;

1 Т. е. как однозначная детерминированность.

- объект выступает как принципиально полностью доступный для внешнего наблюдения, не обладающий никакими «внутренними», или «субъективными», желаниями, стремлениями, размышлениями и намерениями, которые могли бы повлиять на результаты исследования;
- полученное знание можно воспроизвести в любой точке пространства и времени;
- объект познания полностью может быть описан с помощью категорий *вещь, процесс, часть, целое, свойство, состояние, причинность* (в лапласовском смысле), *пространство, время, развитие*;
- полученное знание не учитывает детерминированность исследователя и процесса познания мировоззренческими установками и ценностями;
- полученное знание не учитывает тех изменений в жизни познаваемого объекта, которые познающий субъект может вносить своей познавательной деятельностью.

Классический идеал рациональности безраздельно господствовал в науке на протяжении XVII–XIX вв. Научная революция конца XIX–начала XX в., которая привела к рождению неклассической рациональности, ни в коей мере не отменила его, а лишь ограничила сферу его деятельности.

Неклассический идеал научной рациональности тесно связан с научной революцией конца XIX–начала XX в., прежде всего, с возникновением квантовой и релятивистской физики (Мамардашвили, 1984, с. 2–3; Степин, 2006, с. 318–319). «Если в классической физике идеал объяснения и описания предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом» (Степин, 2006, с. 318). Использование тех или иных средств и операций познания приводит, во-первых, к получению принципиально различных, но в равной мере истинных картин изучаемой реальности и, во-вторых, к существенным изменениям в жизни изучаемого объекта. Поэтому неклассический идеал рациональности допускает «истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности» и предполагает «такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности» (там же). Учет связей

между знаниями об объекте и характером средств и операций познавательной деятельности рассматривается в качестве важного условия объективно-истинного описания и объяснения мира. Схематическое изображение научной деятельности, соответствующей этому типу рациональности, представлено на рисунке 2.

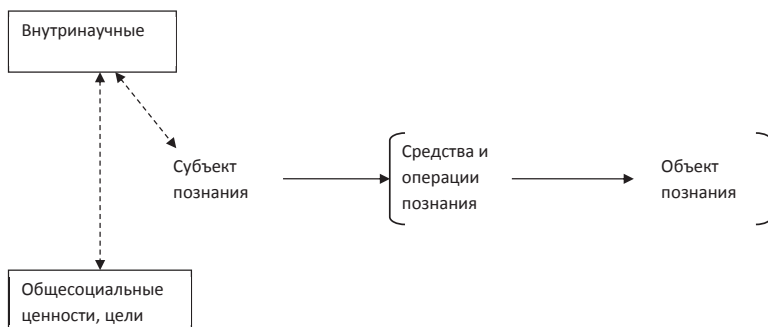

Рис. 2. Схематическое изображение научной деятельности в русле неклассического идеала рациональности (Степин, 2006, с. 327). В скобках выделена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

Сам объект познания начинает рассматриваться уже не как простая система, но как сложная саморегулирующаяся система. В отличие от простых систем «такие объекты характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и варибельных подсистем, массовым стохастическим взаимодействием элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы» (там же, с. 318). Кроме того, «представления о соотношении части и целого применительно к таким системам включают идеи несводимости состояний целого к сумме состояний его частей. Важную роль при описании динамики системы начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного. Причинность не может быть сведена только к ее лапласовской формулировке — возникает понятие «вероятностной причинности», которое расширяет смысл традиционного понимания данной категории. Новым содержанием наполняется категория объекта: он рассматривается уже не как себестождественная вещь (тело), а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния и изменчивый в ряде других характеристик» (там же, с. 319–320).

Важное различие в характеристике неклассического идеала рациональности между концепциями М. К. Мамардашвили и В. С. Степина состоит в следующем. В. С. Степин делает акцент на включении в круг внимания исследователя (и в формулирование получаемых в итоге знаний) средств и операций познавательной деятельности, а также на переходе от понимания объекта как «простой системы» к пониманию его как «сложной системы». Для М. К. Мамардашвили же существенно еще и то, что в круг познаваемого теперь включаются и «объекты», обладающие сознанием, т. е. «субъективным» (или «внутренним») миром. Иначе говоря, на месте объекта познания могут оказываться *субъекты*. И они могут каким-то образом относиться к субъекту познания и к процессу познания, могут «экранировать» свои субъективные переживания от исследователя и иным образом влиять на процесс получения знания, поэтому для М. К. Мамардашвили принципиальным примером неклассической науки выступает не только квантовая физика, но одновременно и психоанализ З. Фрейда, и теория идеологии К. Маркса. При этом психоанализ вполне соответствует схеме неклассической научной деятельности, по В. С. Степину (рисунок 2), в том смысле, что в фокусе внимания З. Фрейда с самого начала оказывается не только человек как таковой, но и сам процесс психоанализа — взаимодействия психоаналитика и пациента. В то же время здесь есть не только одностороннее воздействие «субъекта познания» на «познаваемый объект», но и обратное воздействие (прежде всего «сопротивление» и «перенос») (рисунок 3)¹. Более детально обсуждение вопроса о соответствии психоанализа идеалам рациональности мы продолжим ниже.

В целом знание, соответствующее неклассическому идеалу рациональности, обладает следующими характеристиками:

- знание об объекте четко соотнесено с особенностями средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом, в итоговое знание в явном виде входит описание самой познавательной деятельности (процедур исследования);
- использование тех или иных средств и операций познания приводит к получению принципиально различных, но в равной мере истинных, картин реальности;
- существенно различные научные описания одной и той же реальности рассматриваются как взаимно дополнительные по отношению друг к другу;

¹ Теория идеологии Маркса соответствует, скорее, постнеклассической рациональности, по В. С. Степину, однако ее рассмотрение не входит в задачи настоящей статьи.

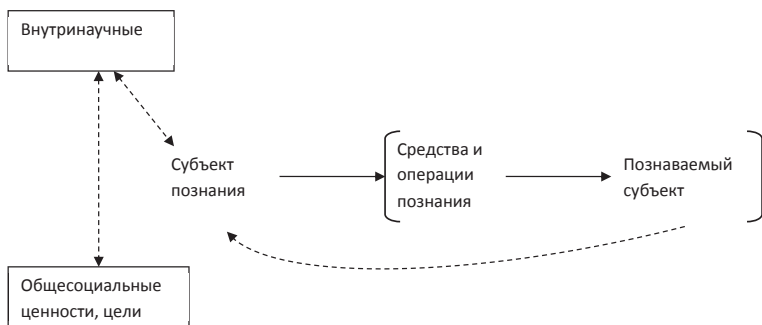

Рис. 3. Схематическое изображение второго варианта научной деятельности в русле неклассического идеала рациональности (случай психоанализа). В скобках выделена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

- использование тех или иных средств и операций познания приводит к существенным изменениям в жизни познаваемого объекта, которые должны учитываться в теоретических описаниях и объяснениях;
- познаваемый объект рассматривается как сложная саморегулирующаяся система и как процесс, изменчивый в ряде своих характеристик;
- к числу базовых категорий добавляется *расширенное понятие причинности*, включающее в себя вероятностную причинность, при описании объекта познания важную роль начинают играть категории *случайности, потенциально возможного и действительного*.

Наконец, *постнеклассический идеал научной рациональности* В. С. Степин связывает с научной революцией конца XX—начала XXI в., когда объектом научного познания стали не просто сложные, но *саморазвивающиеся открытые системы*. В том числе и «человекообразные системы», включающие в себя субъектов, обладающих сознанием как источником собственной целенаправленной активности. В частности, имеются в виду природные комплексы, в которые включен в качестве одного из компонентов и сам человек, сложные человеко-машинные комплексы, медико-биологические объекты. При этом действие познающего субъекта не является чем-то внешним для изучаемой системы, а «включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Включаясь во взаимодействие, человек уже имеет дело не с жесткими предметами

и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей». Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан» (Степин, 2006, с. 322). Саморазвивающаяся система обладает собственной историей и ее поведение принципиально вариабельно, что ведет к широкому применению новых способов описания и предсказания ее состояний, в частности, к построению сценариев возможных линий развития системы с выделением точек бифуркации.

Изменяются представления и о стратегиях эмпирического исследования, и о воспроизводимости результатов эксперимента. Если системы рассматриваются как представители того или иного типа, обладающие одним и тем же начальным состоянием, то эксперимент должен учитывать вероятностные линии их эволюции. Если же мы имеем дело с уникальными исторически развивающимися системами, то классический эксперимент становится принципиально невозможным, ибо сам акт «приготовления» начального состояния для эксперимента уже «меняет систему, направляя ее в новое русло развития, а необратимость процессов развития не позволяет вновь воссоздать начальное состояние» (там же, с. 324).

Принципиально важно, что при изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается неразрывно связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такой системы, т. е. с решением практических задач, которые ставятся в горизонте тех или иных ценностей, поэтому «с системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия» (там же). Так что исследование уже не может ориентироваться на идеал ценностной нейтральности: «объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» (там же).

Таким образом, «постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных

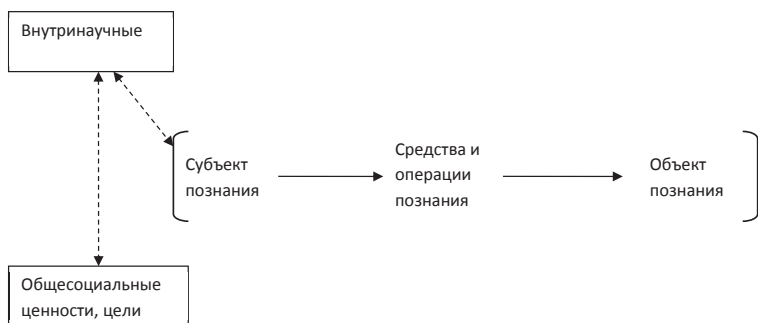

Рис. 4. Схематическое изображение научной деятельности в русле постнеклассического идеала рациональности (Степин, 2006, с. 327). В скобках выделена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

целей с внеучными, социальными ценностями и целями» (там же, с. 327). Схематическое изображение этого типа научного познания представлено на рисунке 4.

В. С. Степин подчеркивает, что «техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска» (там же, с. 328). И предпосылкой получения объективно-истинных знаний об уникальных, исторически развивающихся системах, в которые включен и сам человек, становится обязательная экспликация ценностей — не только внутринаучных (поиск истины), но и общесоциальных и общекультурных.

Основными характеристиками научного исследования в эпоху постнеклассической науки становятся, по мнению В. С. Степина, универсальный эволюционизм, новые мировоззренческие ориентиры цивилизационного развития (переход от технократизма и покорения природы к сотрудничеству с природой) и «социокультурная размерность» научного знания. В этой связи он отмечает близость мировоззренческих ориентиров постнеклассической науки (и цивилизации в целом) с рядом положений традиционных восточных учений, в частности, с даосским принципом «у-вэй» («недеяния»), понимаемым не как отсутствие действия, а как действие, вписывающееся в естественные ритмы жизни системы, соответствующее природе вещей (там же, с. 370–372). Еще один чрезвычайно важный аспект традиционных восточных учений, который перекликается с современными поисками новых ценностей и стратегий человечес-

кой жизнедеятельности, — это взаимосвязь нравственности и истины. Если в новоевропейской философии «процесс постижения истины уже сам по себе полагался нравственным деянием» и научная истина была обособлена от этики, то «в восточных учениях такого обособления никогда не было», истина рассматривается там как принципиально связанная с нравственностью и зависящая от нее (там же, с. 372). В. С. Степин подчеркивает, что «истинное знание, с точки зрения восточных мудрецов, заключается не в исследовании объектов с целью овладения ими, а в достижении единения с миром. Познать вещь можно, только следуя дао, рассматриваемого как естественный путь вещей и одновременно как нравственный путь, который должен пройти человек. Дао открывается только нравственным людям, и только оно способно привести людей к совершенству» (с. 372). «Для того чтобы истина открылась человеку, ему необходимо нравственное самовоспитание. Активность человека, направленная на постижение внешнего мира, и его активность, направленная на совершенствование своего внутреннего мира, должны быть согласованы и предполагают друг друга» (с. 373).

Таким образом, знание, соответствующее постнеклассической рациональности, обладает следующими особенностями:

- объект познания рассматривается как открытая и саморазвивающаяся система, обладающая своей историей и множеством возможных путей эволюции;
- действия познающего субъекта не являются чем-то внешним для жизни познаваемой системы, но включаются в жизнь системы и всякий раз изменяют поле ее возможных состояний;
- субъект познания имеет дело не с «жесткими» объектами и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей», так что перед ним каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы, причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан;
- принимается во внимание уникальная история объекта познания как саморазвивающейся системы и принципиальная вариативность поведения такой системы, что требует применения новых способов описания и предсказания ее состояний, в частности, построения сценариев возможных линий развития системы с выделением точек бифуркации;

- исследование неразрывно связано с определением стратегии и возможных направлений эволюции объекта познания, т. е. с решением практических задач;
- знание должно эксплицитно включать в себя ценностное измерение, в том числе рефлексию ценностей субъекта познания (отказ от идеала ценностной нейтральности научного исследования).

Следует подчеркнуть, что появление каждого нового типа рациональности не отменяет предшествующего и не приводит к полному исчезновению его представлений и методологических установок, а лишь ограничивает сферу его действия, суживая ее до определенных типов проблем и задач. Кроме того, возможны исследования и знания промежуточного и смешанного характера, совмещающие методологические представления и установки двух смежных идеалов рациональности одновременно.

Рассмотрение концепций идеалов рациональности М. К. Мамардашвили и В. С. Степина приводит нас к еще одному важному вопросу. Дело в том, что ни один из этих авторов не анализирует детально методологию гуманитарных наук как таковых и не соотносит гуманитарные науки, исходно имеющие дело с пониманием и интерпретацией человека (заведомо обладающего сознанием) и его произведений, ни с одним из идеалов рациональности. Строится ли гуманитарное знание в горизонте классической, неклассической, постнеклассической или какой-то иной рациональности? В. С. Степин, затрагивая вскользь этот вопрос, указывает, что постепенно происходит сближение методологических установок естественных и гуманитарных наук (и приводит в качестве примера анализ «духа капитализма» Максом Вебером). М. К. Мамардашвили рассматривает ряд примеров, позволяющих соотнести гуманитарное знание с неклассической рациональностью, однако остается неясным, с одной ли и той же неклассической рациональностью мы имеем дело в случае квантовой физики и в случае, скажем, теории идеологии К. Маркса. Для психологии этот вопрос о гуманитарной рациональности имеет принципиальное значение, поэтому, прежде чем переходить к рассмотрению психологического знания, попробуем понять, на какой идеал или на какие идеалы научной рациональности ориентировано гуманитарное познание. Соотносится ли методология гуманитарного познания с классической, неклассической или постнеклассической рациональностью?

Проблема гуманитарной рациональности

В понимании методологии гуманитарного познания мы будем исходить из основополагающей работы М. М. Бахтина (1979). Если естественно-научное познание имеет дело с объектом, или «вещью», то гуманитарное — с «личностью» (субъектом), заведомо обладающей сознанием и внутренним миром и выражающей свой внутренний мир в поступках, общении, текстах и т. д. Иными словами, предметом гуманитарных наук является «выразительное и говорящее бытие», которое само себя раскрывает, «никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» (Бахтин, 1979, с. 410).

Таким образом, если естественно-научное познание можно, вслед за В. С. Степиным, представить схематичной формулой «Субъект—Средства—Объект», то гуманитарное познание должно быть представлено формулой «Субъект—Средства—Другой Субъект» (см. рисунок 5). Это принципиально изменяет и сам процесс познания, и особенности получаемого знания. Вещь (объект) не имеет собственного внутреннего мира и может быть целиком раскрыта односторонним актом познающего субъекта. Иначе обстоит дело с познанием субъекта (личности), обладающего своим собственным сознанием, своим собственным кругозором — здесь начинается «взаимодействие кругозора познающего с кругозором познаваемого» (там же, с. 410). В этом случае познание включает в себя диалог и вопрошание, предполагающее готовность познаваемого субъекта к самораскрытию. «Вопрос задается здесь познающим не себе самому и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» (там же, с. 409).

В этом отношении психоанализ З. Фрейда, где деятельность субъекта познания направлена на «познаваемого субъекта» (рисунок 3), занимает промежуточное положение между гуманитарным познанием и естественно-научным. Ибо образцом для Фрейда выступали естественные науки и само сознание он стремился понять как жестко детерминированное работой универсальных психических механизмов¹. Соответственно, кругозор познаваемого человека (пациента) рассматривался не как уникальный и неисчерпаемый, а как типовой (все проходят через эдипов комплекс и т. д.) и пол-

1 Например, он писал в 70 лет: «Моя жизнь была посвящена одной цели — „понять, как устроен психический аппарат, как взаимодействуют и противодействуют силы в нем“» (цит. по: Ялом, 2008, с. 83).

ностью «прозрачный» для познающего субъекта (психоаналитика). В этом смысле пациент как познаваемый субъект заведомо не «равномошен» психоаналитику как познающему субъекту, психоаналитик заранее знает о нем все самое существенное, ведь пациент проходит тот же принципиальный путь развития и осознания себя, который уже прошел психоаналитик. Тогда как в ситуации гуманитарного познания другой субъект уникален, неисчерпаем и обладает своим собственным кругозором, ни в коей мере не сводимым к кругозору субъекта познания.

Наше отношение и наши действия по отношению к другому субъекту являются существенно иными, чем по отношению к объекту как вещи: субъекта мы понимаем, соглашаемся или не соглашаемся с ним, приказываем ему, требуем от него, вопрошаем его, спорим с ним и т. д. Иными оказываются и базовые категории гуманитарного познания. В их число входят *текст, знак, значение, смысл, слово, язык, содержание, форма, ценности, понимание, интерпретация, контекст, диалог, личность, событие, ответственность, встреча, бытие* (Бахтин, 1979).

Вполне очевидно, что гуманитарное познание ни в коей мере не укладывается в рамки описанного выше классического идеала рациональности, сложившегося в естествознании¹. В то же время оно явно отличается и от той неклассической рациональности, которая соотносится в первую очередь с релятивистской и квантовой физикой – с тем, что познание направлено здесь на субъекта, обладающего сознанием (на «человекообразную систему» в терминологии В. С. Степина), и, соответственно, познание требует использования существенно иных базовых категорий.

Еще один очень важный момент состоит в том, что идеалы гуманитарного познания также не остаются неизменными в ходе истории. К сожалению, мы не имеем возможности рассматривать здесь их развитие сколько-нибудь детально, поэтому ограничимся различением классического гуманитарного познания и новейшего, постмодернистского (иногда также называемого постсовременным и постнеклассическим)², ибо это различие находит свое воплощение и в психологическом знании.

1 Во избежание путаницы ниже мы будем называть его *классическим естественно-научным идеалом рациональности*.

2 Строго говоря, постмодернистские концепции знания относятся не только к гуманитарному знанию (см., напр.: Лиотар, 1998), однако рассматривают они, прежде всего, именно его. Отметим также, что термин «постмодернизм» имеет разные значения. В настоящем

Классическое гуманитарное познание направлено на понимание определенной области человеческой реальности, будь то средневековая европейская культура (Гуревич, 1972), поэтика древнерусской или ранневизантийской литературы (Лихачев, 1979; Аверинцев, 1977), сущность и значение игры как источника культуры (Хейзинга, 1992) или что бы то ни было еще. Исследователь ставит своей целью как можно глубже проникнуть в изучаемый материал и реконструировать существенные особенности жизни другого субъекта (в качестве такового может выступать отдельный человек, группа людей, культура целой эпохи и т. д.) и его картины мира. При этом он стремится собрать все доступные данные об изучаемой области и связать их воедино, выстроить их возможно более глубокую и целостную интерпретацию на основе своих теоретических представлений, которые могут существенно изменяться в ходе самой работы.

При всех отличиях от классической естественно-научной рациональности классическое гуманитарное познание объединяет с ней позиция познающего субъекта: он остается за скобками (рисунок 5).

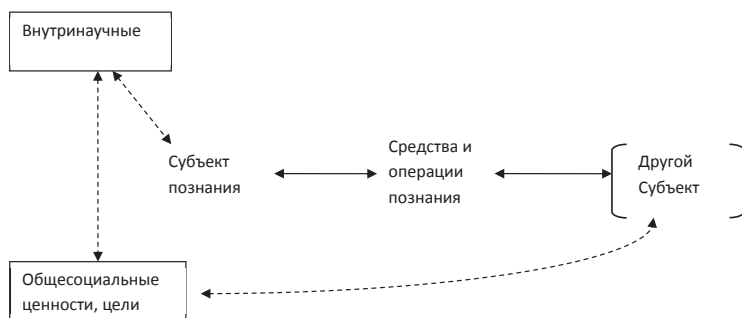

Рис. 5. Схематическое изображение научной деятельности в русле классической гуманитарной рациональности. В скобках выделена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

контексте мы используем его вслед за Ж.-Ф. Лиотаром как характеризующий социальное и культурное развитие постиндустриальных обществ. В этом понимании он оказывается следующим этапом после модерна (как «современного» состояния общества), охватывающего европейское Новое время и соотносимого с индустриальными обществами (XVII–XX вв.). Модерну, т. е. «современным» обществам, в свою очередь, предшествуют общества традиционные. Классическая европейская наука возникает именно в Новое время, поэтому и классический, и неклассический идеалы рациональности соотносятся с модерном («современностью»).

Постмодернистское же гуманитарное познание рождается под знаком кризиса и деконструкции всех «больших нарративов», всех систем мысли и миропонимания — идеологий (в том числе идеологии сциентизма, или «веры в науку»), философских и этических систем и научных метатеорий (вроде структурализма или теории систем) (Лиотар, 1998). Уделяется самое пристальное внимание критике и деконструкции сложившихся оснований знания и анализу позиции субъекта знания, возможно, в еще большей степени, чем постнеклассический идеал рациональности в понимании В. С. Степина. При схематическом его изображении мы должны включить в скобки не только субъекта познания, но и все ценностные основания его деятельности (см. рисунок 6).

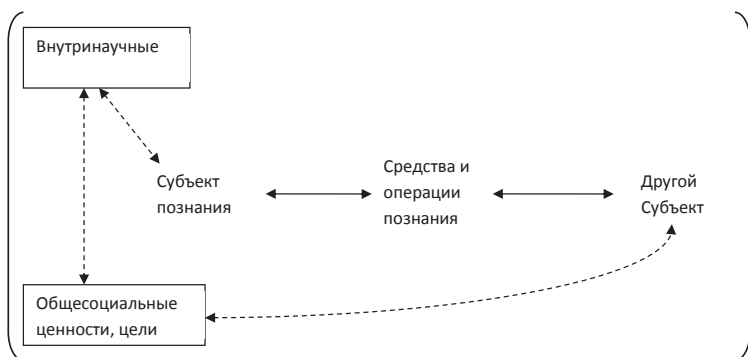

Рис. 6. Схематическое изображение научной деятельности в русле постмодернистской гуманитарной рациональности. В скобках заключена область, на которой сосредоточено внимание субъекта познания

Сам язык, в том числе и язык науки, перестает считаться чем-то сам собой разумеющимся и подвергается тщательному анализу: «..., общепотребительный язык» — вещь не невинная и не нейтральная. Это язык западной метафизики, и он несет в себе не просто значительное число презумпций всякого рода, но, главное, презумпций, неотделимых и, как ни мало им уделяется внимания, завязанных в систему» (Деррида, 2007, с. 26). Ставится задача разобрать, деконструировать основополагающие концептуальные оппозиции и презумпции науки и выйти за их рамки (Деррида, 2007).

Вопрос о легитимизации научного знания непосредственно связывается и переплетается с вопросом о власти, государстве, обществе и богатстве (Лиотар, 1998; Фуко, 1996; и др.). Изменяется ста-

тус знания: «В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо, становится вопросом об управлении» (Лиотар, 1998, с. 28).

Ориентация классического научного мышления (как естественно-научного, так и гуманитарного) на систематичность и целостность сменяется недоверием к «системам» и признанием ценности разногласий и множественности интерпретаций: «Инновация появляется всегда из разногласия», — подчеркивает Ж.-Ф. Лиотар (1998, с. 12). «Множество интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации», — вторит ему П. Рикёр (1995, с. 8). Постоянное пересматривание оснований своего мышления, постоянное изменение своей мысли становится важным принципом интеллектуальной работы (Фуко, 1996, с. 309). «Ньютоновская антропология», с которой соотносятся, в частности, структурализм и теория систем (Лиотар, 1998, с. 11), сменяется взаимодействием множества различных «систем отсчета», каждая из которых критично и рефлексивно относится к своим собственным ценностям и основаниям.

К классическим категориям гуманитарного познания добавляются и выходят на первый план новые: *власть, дискурс, деконструкция, позиция, сеть, симулякр, конституирование знания и опыта* (Лиотар, 1998; Фуко, 1996; Деррида, 2007; Рикёр, 1995, 2008а, б; и др.). Ключевым выступает уже не противопоставление естественно-научного и гуманитарного познания, а противопоставление, с одной стороны, позитивизма, с другой — критического, рефлексивного и герменевтического знания, которое всегда прямо или косвенно ставит и обсуждает вопрос о ценностях и целях (Лиотар, 1998, с. 41).

Таким образом, постмодернистский стиль мышления вполне соответствует постнеклассическому идеалу рациональности, как его описывает В. С. Степин: познаваемый объект заведомо рассматривается здесь как «человекоразмерная» саморазвивающаяся система, в которую включен и сам исследователь со своими ценностями, презумпциями и способами познания, причем его познавательная деятельность явным образом влияет на эволюцию системы в том или ином направлении. Более того, постмодернистский стиль мышления представляет собой более сильную, последовательную и расширенную версию постнеклассического идеала рациональности по сравнению с той его версией, которую описывает В. С. Степин, поскольку здесь созданы интеллектуальные средства для более полного и всестороннего анализа ценностных и иных оснований на-

учной деятельности, «человекоразмерных» систем, роли научной деятельности («производства знания») в функционировании и развитии всей системы социальной жизни. Ниже, рассматривая психологическое знание, мы будем иметь в виду прежде всего именно эту – расширенную – версию постнеклассической рациональности.

Подведем промежуточные итоги. Наш анализ идеалов рациональности и соответствующих им видов научного знания привел к различению уже не трех, но четырех существенно отличающихся друг от друга идеалов научной рациональности: классического естественно-научного, классического гуманитарного, неклассического и постнеклассического (постмодернистского). Обратимся теперь к психологическому знанию и рассмотрим, в горизонте каких идеалов научной рациональности оно может строиться.

Особенности применения идеалов научной рациональности к анализу психологического знания

Как бы ни трактовался предмет психологии, объектом ее изучения с самого начала выступает человек и «человекоразмерные» системы (группы, процессы общения и взаимодействия людей и т. д.). Известно, что в качестве самостоятельной науки психология возникает как наука о сознании, исходя из этого, можно было бы ожидать, что она с самого начала будет ориентироваться на гуманитарный идеал рациональности и способствовать складыванию неклассической и постнеклассической рациональности. Однако в период становления психологии в умах ученых безраздельно господствовал классический естественно-научный идеал рациональности, в результате психология определилась как «двойная» наука: признанный основатель научной психологии В. Вундт создает две психологии параллельно – «экспериментальную» по образцу физиологии и «психологию народов» по образцу языкознания и истории культуры. Примерно в это же время принципиальную необходимость существования двух психологий обосновывает и В. Дильтей: «объяснительная психология» должна ориентироваться на нормы естественно-научного познания, «описательная» – на нормы познания гуманитарного. И далее эти две ориентации сосуществуют на протяжении всей истории психологии как самостоятельной науки. При этом в академической психологии с самого начала доминировала (и во многих областях психологии продолжает доминировать) ориентация на классический естественно-научный идеал научной рациональности. Впрочем, рост популярности качествен-

ных методов исследования в последние десятилетия может привести к некоторому восстановлению равновесия.

Ценой создания экспериментальной психологии сознания по образцу естественных наук стало «урезание» самого сознания в работах В. Вундта и его последователей: оно превращается в объект, лишенный активности и самопроизвольности и практически полностью аналогичный объектам («вещам»), изучаемым естественными науками. Анализ и осмысление человеческого сознания осуществляется с помощью категорий, заимствованных из естествознания: в нем выделяются элементы, объем, интенсивность, пороги ощущения и т. д. Точнее говоря, в интроспективной психологии сознание не просто «урезается» и превращается в объект, но как бы расщепляется на объект («познаваемое Я») и субъекта («познающее Я»), который наблюдает за сознанием-объектом. При этом сознание-объект доступно нашему исследованию, сознание-субъект принципиально не доступно познанию (Джемс, 1902).

Такое расщепление сознания закрепляется в методологии психологического экспериментирования, где вводится требование «наивности испытуемых», т. е. их принципиальной неосведомленности о целях и содержании исследования ради того, чтобы их осознанное отношение к исследованию не «испортило» его результаты. В итоге в экспериментальной психологии закрепляется «урезанное» понимание сознания как квазиестественного объекта, а реальный, обладающий сознанием человек во многих случаях сводится к «лабораторным препаратам от человека» (Пузырей, 2005).

Иная ситуация складывается в практической психологии, где взаимоотношения и взаимодействие человека-клиента с психологом всегда оказываются в фокусе внимания психолога. Это приводит к возникновению новых специфических видов знания, соотнесение которых со знаниями, получаемыми в исследовательской психологии, представляет отдельную задачу (Роджерс, 1994; Патяева, 2015).

Рассмотрим теперь, какие конкретные психологические знания можно соотнести с каждым из четырех идеалов научной рациональности.

Психологические знания, строящиеся в логике классического естественно-научного идеала рациональности

Большинство знаний, вошедших в психологические учебники и публикующихся в научных психологических журналах, принадлежит именно к этому типу. Кривая Эббингауза, разнообразные

иллюзии восприятия, параллелограмм развития, влияние установок на восприятие и поведение, конформизм, фундаментальная ошибка атрибуции, черты личности и их корреляции, уровень притязаний, когнитивный диссонанс — все эти и многие другие явления и закономерности описаны полностью в логике классического естественно-научного идеала рациональности. Все эти «объекты» рассматриваются как существующие безотносительно к нашему исследованию и принципиально полностью «прозрачные» и доступные для наблюдения «извне». Необходимым условием получения этих знаний было превращение участников исследований в «наивных испытуемых», как бы не обладающих сознанием, чтобы их собственные представления, желания и стремления никак не повлияли на результаты исследования. Влияние ценностей и установок исследователя на получаемое знание не рассматривалось, как не рассматривались и те изменения в жизни объекта познания, к которым могло приводить исследование.

Интересной особенностью современного психологического знания является возможность соединения ориентации на классический естественно-научный идеал рациональности с конструктивизмом. При всех различиях в понимании конструктивизма (см.: Конструктивизм..., 2008; Фаликман, 2017) в основе конструктивистской позиции «лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений» (Касавин, 2008, с. 65), так что конструктивистская позиция в целом подразумевает анализ средств познания и, таким образом, соотносится с неклассической рациональностью. Однако в психологии (в частности, в когнитивной психологии) возникает более сложная методологическая конструкция: в качестве активно конструирующего образы и понятия рассматривается *познаваемый субъект* (субъект в качестве объекта познания) — тот, кого изучает исследователь. Сам же исследователь (собственно познающий субъект) и конструирование им средств и процедур познания оказываются за рамками анализа, в полном соответствии с классической естественно-научной рациональностью (ср. рисунок 1). Именно познаваемый субъект, изучаемый исследователями, является тем, кто конструирует определенное понимание окружающего мира (Ж. Пиаже), упорядочивает свой опыт с помощью личностных конструктов (Дж. Келли) и схем (Ф. Бартлетт, У. Найссер), проверяет гипотезы относительно текущего воздействия на органы чувств (Р. Грегори) и решает другие многочисленные познавательные зада-

чи (обзор конструктивистских позиций в когнитивной психологии см.: Фаликман, 2017). При этом в большинстве случаев познаваемый субъект по-прежнему ставится в позицию наивного испытуемого, не имеющего права голоса при обсуждении и планировании его собственной деятельности, а его взаимоотношения с исследователем (познающим субъектом) оказываются за рамками анализа.

Психологические знания, строящиеся в логике классического гуманитарного идеала рациональности

Исследований гуманитарного типа, направленных на понимание, описание и анализ внутреннего мира других людей и выявление его особенностей, в психологии намного меньше, чем исследований и знаний классического естественно-научного типа. Возможно, это связано с тем, что такое исследование сложнее осуществить, оно предъявляет большие требования к исследователю. Ведь не случайно, что из двух психологий, созданных В. Вундтом, именно его экспериментальная психология вошла во все учебники, а его лаборатория стала образцом для организации аналогичных психологических лабораторий в разных странах, экспериментальная психология оказалась более понятной и доступной для воспроизведения. Не случайно и то, что методологическая позиция В. Дильтея, обосновавшего необходимость существования (наряду с «объяснительной» естественно-научной психологией) описательной понимающей психологии гуманитарного типа, оказала намного более сильное влияние на развитие психологии, чем его собственные конкретные работы в русле описательной психологии, которые вряд ли можно признать удачными.

Среди достаточно известных психологических исследований, отвечающих классическому гуманитарному идеалу рациональности, следует назвать реконструкцию Л. Бинсвангером «жизненных миров» пациентов психиатрической клиники при опоре на экзистенциальную аналитику М. Хайдеггера и «Письма Дженни» Г. Олпорта, составившего психологический портрет женщины средних лет на основе изучения более 300 ее писем. В значительной мере классическому гуманитарному идеалу рациональности соответствует и активно развивающаяся в настоящее время феноменологическая психология. В центре внимания ее представителей находится изучение внутренних переживаний человека — таких, например, как «чувство понятости» (А. ван Каам), «чувствуемый смысл» (Ю. Джендлин), переживания людей при столкновении

с уличным криминальным насилием (Ф. Вертц и К. Фишер), религиозные переживания представителей разных конфессий, и др. (см.: Улановский, 2016).

Интереснейшие психологические исследования, выполненные в горизонте классической гуманитарной рациональности, принадлежат американскому психологу и психотерапевту Роберту Джею Лифтону. С помощью многочисленных интервью, анализа письменных свидетельств и документов он изучал изменения внутреннего мира людей и структуры личности в разного рода бесчеловечных ситуациях: военнопленных, подвергавшихся различным техникам «переформатирования сознания» (Lifton, 1961), жертв атомной бомбардировки Хиросимы (1967), ветеранов войны во Вьетнаме (1973), нацистских врачей, участвовавших в геноциде евреев (1986). В частности, в последней из упомянутых работ Р. Дж. Лифтон поставил перед собой цель понять врачей, служивших нацизму, понять, как они пришли к тому, чтобы стать соучастниками массовых убийств, как произошла трансформация тех, кто призван лечить, в тех, кто убивает. Проанализировав собранные данные¹ и имеющиеся документальные свидетельства, автор выделяет и описывает ряд важных феноменов. Прежде всего, это *социализация к злу, медиализация убийства* (представление убийства разных групп людей как «лечение нации») и *формирование удвоенного «я»*, т. е. возникновение у человека второго, относительно автономного «я» (*освенцимского «я»*). Именно это удвоение «я» делает для человека возможным участие в убийствах («селекции»), отсутствие при этом мук совести – и ощущение себя при этом «добропорядочным человеком» в сфере действия исходного «я» (например, быть заботливым и любящим отцом). Лифтон убежден, что «психологическое исследование всегда представляет собой моральное предприятие, точно так же, как моральное суждение неизбежно включает в себя психологические допущения» (Lifton, 1986, р. 12). При этом он подчеркивает, что выявленные им феномены могут возникать не только в исключительных условиях нацистской Германии, но и в ряде ситуаций современной жизни.

Важно отметить, что наряду со знаниями, которые четко вписываются в классическую естественно-научную или гуманитарную рациональность, в психологии имеются и знания смешанного ти-

1 Лифтон провел многочасовые интервью с 29 бывшими высокопоставленными нацистскими врачами, 12 бывшими представителями других профессий на службе у нацизма и 8 бывшими узниками Освенцима, работавшими в медицинских блоках.

па. С одной стороны, это знания, получаемые с помощью методов, которые К. Коффка (1998, с. 369–374) называл комбинированными «объективно-субъективными», которые включают в себя как внешнее наблюдение, эксперимент и измерение, так и самоотчеты испытуемых, раскрывающие их внутренние переживания. Ярким примером здесь могут служить исследования творческого мышления, проведенные К. Дункером. С другой стороны, это знания, получаемые с помощью интерпретации думающим и чувствующим субъектом каких-либо «объективных» структур, выделенных с помощью количественных методов, например, в экспериментальной психо-семантике (ср.: Петренко, 2004).

Психологические знания, строящиеся в логике неклассического идеала рациональности

Как мы уже обсуждали, неклассический идеал научной рациональности предполагает четкую соотнесенность знания об изучаемом объекте с используемыми нами процедурами получения знания. Исследователь осознает, что разные познавательные процедуры будут давать существенно различные и при этом в равной мере истинные картины изучаемой реальности, которые рассматриваются не как альтернативные, но как взаимно дополнительные. Кроме того, в итоговых теоретических описаниях и объяснениях должны быть учтены те изменения в жизни объекта познания, которые происходят в результате нашей познавательной деятельности. А сам этот объект познания рассматривается как саморегулирующаяся система и как изменчивый процесс, в описании которого важную роль играет вероятностная причинность и категории случайного, возможного и действительного.

Применительно к психологии нам представляется важным добавить ко всем этим характеристикам еще и тот принципиальный момент, который подчеркивает М. К. Мамардашвили: признать, что нашим «объектом познания» выступает субъект, обладающий сознанием и своим собственным видением ситуации, своими собственными целями и устремлениями. Соответственно, он может так или иначе относиться к исследователю и к исследованию, может скрывать от нас или открывать нам свои субъективные переживания, и все это будет существенно влиять на те знания, которые станут итогом нашей деятельности.

С учетом сказанного тезис М. К. Мамардашвили о том, что психоанализ З. Фрейда являет собой воплощение неклассического

идеала рациональности, вызывает сомнения. Да, в психоанализе детально рассматривается и учитывается процедура получения знания, учитывается влияние акта получения знания на жизнь субъекта, однако никакой взаимодополнительности описаний в психоанализе нет. З. Фрейд вполне недвусмысленно ориентировался на классическую естественно-научную рациональность, и описание происходящего самим человеком (пациентом) отнюдь не рассматривал как столь же истинное, как и описание психоаналитика, выступающего в роли субъекта познания. Описание человеком своих переживаний и событий своей жизни рассматривается психоаналитиком лишь как исходный материал для анализа. Да и детерминизм в психоаналитической картине мира вполне лапласовский: каждый человек проходит одни и те же стадии психосексуального развития, предустановленные человеческой природой, каждый человек подвергается действию вытеснения и проекции, в ходе психоанализа всегда возникают сопротивление, перенос и контрперенос и т. д. Да, человек рассматривается Фрейдом как обладающий сознанием, но это сознание выступает как жестко обусловленное различными «психическими механизмами», поэтому представляется более точным относить психоанализ Фрейда к некой смешанной форме рациональности, соединяющей отдельные принципы классического естественно-научного, классического гуманитарного и неклассического идеалов.

Гораздо более близкой к неклассическому идеалу рациональности представляется позиция К. Роджерса. Именно он не только рассматривает влияние нашего способа получения знания на особенности получаемого знания, но и выявляет взаимодополнительность «научного» и «психотерапевтического» знания (Роджерс, 1994). Человек выступает для Роджерса не объектом анализа, но партнером по диалогу, который раскрывает себя и свое сознание – свои чувства и переживания, свое видение себя самого и своей жизни, если психологу удастся создать благоприятные условия для этого. В ходе диалога осознание человеком себя может углубляться и развиваться (яркий пример этого: Роджерс, 2009), благодаря этому и сам человек (клиент), и психолог получают новое знание, которое может быть разным по содержанию (см.: Патяева, 2015). Сходную позицию мы находим и в экзистенциально-гуманистическом подходе Дж. Бьюдженталя (2007), где «внутреннее чувство» человека (будь то клиент или психолог) рассматривается как источник принципиально важных знаний, не менее (а иногда и более) истинных, чем «объективное» описание и профессиональная интерпретация.

Если от практической психологии перейти к исследовательской, то очень интересная ситуация сложилась с «эффектом Зейгарник» (Зейгарник, 2001) и другими экспериментальными работами школы К. Левина. Эффект Зейгарник, вошедший в учебники психологии, представляет собой знание, отвечающее классическому (естественно-научному) идеалу рациональности: незаконченные действия запоминаются в 1,9 раз лучше, чем законченные. Однако обращение к тексту работы Б. Зейгарник дает основание говорить о неклассической позиции автора. Во-первых, здесь в явном виде учитывается сознание испытуемых: результаты напрямую зависят от того, как они сами воспринимают законченность или незаконченность выполняемых заданий, как они относятся к опыту в целом и какие чувства испытывают к экспериментатору. Во-вторых, результаты напрямую связаны с действиями экспериментатора, который сознательно ведет себя по-разному с разными испытуемыми, учитывая их представления об эксперименте и их отношение к экспериментатору.

Аналогична ситуация и с другими работами школы К. Левина, в частности, с исследованием психического насыщения А. Карстен (2001), исследованием ситуативного генезиса гнева Т. Дембо (2001), и более поздним исследованием влияния стиля лидерства на групповые процессы (Левин, 2000а). Характерно, например, замечание Т. Дембо, о важности наблюдения в ходе опытов не только за испытуемым, но и за самим экспериментатором, который рассматривался как часть ситуации (Дембо, 2001, с. 537). Исследовательница описывает разные варианты взаимодействия экспериментатора и испытуемого, вплоть до открытой борьбы и действий испытуемого на зло экспериментатору. Вообще в работах Б. Зейгарник, Т. Дембо и А. Карстен представлена богатая феноменология взаимодействия испытуемых и экспериментатора и описываются разнообразные феномены, которые могут оказаться важными в самых разных психологических экспериментах вроде «прорыва» испытуемого через внутренние и внешние барьеры, «аффективного упрощения цели», «разрушения гештальта», «мысленных прегрешений», сотрудничества и скрытого соперничества с экспериментатором. Дембо обращает внимание и на влияние самих экспериментальных процедур на протекание изучаемого процесса, выделяет различные степени «присутствия» испытуемого в экспериментальной ситуации. «Познаваемый объект» описывается именно как процесс, а не «вещь», выделяются разные варианты протекания этого процесса. Не случайно, что впоследствии К. Левин при-

ходит к идее действенного исследования (Левин, 2000б; Леонтьев, Патяева, 2001), где ко всем этим моментам добавляется анализ влияния исследования на жизнь людей, принимающих в нем участие, и оно становится частью практической работы по разрешению социальных проблем.

Еще одно исследование, которое может описываться в духе как классической, так и неклассической рациональности – это знаменитый эксперимент С. Милгрэма (2016)¹. Если коротко сформулировать результаты этого эксперимента как тот факт, что в зависимости от экспериментальных условий от 30% до почти 100% испытуемых подчиняются противоречащему их совести приказу авторитетного человека, то это будет знание вполне классического естественно-научного типа. Однако авторское описание проведенных исследований (и даже их изложение в учебниках – см., напр.: Майерс, 2009) обнаруживает многие признаки неклассической рациональности, такие, как признание сознания испытуемых источником их собственной активности и отношения к происходящему, разный ход эксперимента и варьирование поведения экспериментатора в зависимости от занимаемой испытуемыми позиции, анализ влияния исследования на жизнь испытуемых, эксплицитное обсуждение ценностной позиции исследователя.

Таким образом, как в практической, так и в исследовательской психологии накоплены знания, соотносящиеся с неклассическим идеалом научной рациональности. Однако граница между ориентациями на классический и неклассический идеалы рациональности оказывается в психологии менее четкой, чем, скажем, в физике: результаты исследований, выстроенных с соблюдением норм неклассического идеала рациональности, могут как бы «сворачиваться» в знания классического типа («эффект Зейгарник», «психическое насыщение», «подчинение авторитету» и т. д.).

Психологические знания, строящиеся в логике постнеклассического идеала рациональности

Переход от неклассического к постнеклассическому идеалу научной рациональности предполагает осознание и признание того обстоятельства, что мы сами как познающие субъекты являемся частью той реальности, которую мы изучаем, и не обладаем привилегиро-

¹ Интересно отметить, что, по мнению Ф. Зимбардо, написавшего предисловие к книге С. Милгрэма (2016), исследования Милгрэма являются продолжением традиции К. Левина.

ванной «системой отсчета». Эта познаваемая нами реальность, в которую мы включены, представляет собой открытую саморазвивающуюся систему со своей историей, неизбежно влияющей на нас как исследователей, со множеством возможных путей эволюции, которые могут быть изменены фактом нашего исследования и его результатами. В этой ситуации становится обязательной рефлексия тех ценностей, которые стоят за нашей познавательной деятельностью, так что получаемое знание эксплицитно включает в себя ценностное измерение. Мы как исследователи отдаем себе отчет в социокультурной обусловленности наших ценностей, познавательных установок и процедур, тщательно рефлекслируем и деконструируем все «сами собой разумеющиеся» предпосылки нашего исследования (или нашей практической психологической работы).

В результате этого получаемое нами знание неизбежно должно быть более сложно устроено, чем при ориентации не только на классический, но и на неклассический идеалы рациональности (ср. рисунки 1 и 2 с рисунками 4 и 6). Оно должно представлять собой особую *систему знания*, описывающую «познаваемую систему», в которую входит и сам исследователь (познающий субъект). В эту систему знания будут входить знания и о «познаваемом субъекте», и о взаимодействии с ним исследователя (в том числе и о ценностных аспектах этого взаимодействия), и о дальнейших возможных сценариях развития «познаваемой системы», и о возможных действиях различных входящих в нее субъектов, и о том, как наше исследование и его результаты могут повлиять на сценарии развития системы.

Такая постнеклассическая позиция осознанно воплощается, например, в нарративной практике, которая в значительной мере опирается на философию постмодернизма (см., напр.: Фридман, Комбс, 2001; Кутузова, 2004; Москвичев, 2015а, б). В своем теоретическом анализе представители нарративного подхода делают акцент на рефлексии и анализе социальных и политических практик и культурных дискурсов, в поле которых мы живем и которые составляют социокультурный контекст всей нашей исследовательской и практической деятельности, влияя на наши ценности и базовые представления. Тем самым представители нарративного подхода с самого начала принимают во внимание ту «большую систему» человеческой жизни, в которую включены и психологи, и те люди, которые обращаются к ним за помощью, и те жизненные ситуации, в которых у людей возникают те или иные проблемы. И, осознавая связь психологических проблем с социальным контекстом, в кото-

ром возникают психологические проблемы, и одновременно свою включенность в этот социальный контекст, нарративные практики отказываются от концепции ценностной «нейтральности» психолога и считают необходимым эксплицитное занятие этической позиции. В систему знания, создаваемую нарративными практиками совместно с людьми, которые обращаются к ним за помощью, входят, прежде всего, не знания о психике и ее механизмах, а знания следующего содержания:

- а) знания о человеческой жизни (о проблемах, доминирующих историях, уникальных эпизодах, ценностях и смыслах, отношениях власти, дискриминации, ресурсах и т. д.);
- б) знания о возможностях изменения жизни в желаемом направлении (о предпочитаемых историях, историях победы, о становлении позиции автора своей жизни);
- в) знания о возможных действиях и позициях психолога, помогающих человеку, семье или сообществу справляться с теми проблемами, которые перед ними встают (Фридман, Комбс, 2001; Кутузова, 2004; Уайт, 2010; и др.).

Если обратиться к исследовательской психологии, то наиболее ярким примером конкретной системы знаний, реализующей постнеклассический идеал научной рациональности, мне представляется книга Ф. Зимбардо «Эффект Люцифера» (2014) вместе с дополняющим ее интернет-проектом¹. Зимбардо соединяет здесь в единую систему знаний три линии анализа. Во-первых, это результаты его знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента. Очень важно, что он включает в фокус анализа не только поведение и чувства испытуемых («охранников» и «заключенных»), но также и поведение и чувства членов своей исследовательской команды, в том числе и свои собственные, при этом занимает отчетливую ценностную позицию в отношении своего собственного поведения в ходе исследования. Во-вторых, это исследование возникновения злоупотреблений и пыток в тюрьме Абу-Грейб в Ираке, где Ф. Зимбардо выступал не только приглашенным экспертом, но и защитником одного из обвиняемых. Анализ того, как ситуации жестоких злоупотреблений стали возможны, приводит автора к обсуждению системы власти, благоприятной для возникновения такого рода ситуаций. Не снимая ответственности с военных полицейских, пытавших заключенных, он возлагает ответственность за создание условий, при-

1 <http://www.lucifereffect.com/guide.htm>.

ведших к жестоким злоупотреблениям и пыткам, на высшее военное командование и администрацию Дж. Буша. Один из ключевых его тезисов состоит в том, что «„плохие системы“ создают „плохие ситуации“, создающие „плохих людей“: они провоцируют даже самых хороших из нас вести себя очень плохо» (Зимбардо, 2014, с. 631). Наконец, в-третьих, это рассмотрение стратегий сопротивления и противостояния обезличивающему влиянию социальных ситуаций, которые Зимбардо рекомендует читателям книги для практического использования.

Таким образом, выстраивается картина социальной реальности, включающая в себя:

- а) «систему», или социальный макрокосм, т. е. общество в целом с определенной системой власти, делающей возможным возникновение ситуаций злоупотреблений;
- б) разного рода социальные ситуации (ситуации обладания властью, ситуации социального давления и т. д.), возникающие в этом макрокосме;
- в) описание поведения и чувств людей в различных экспериментальных и реальных социальных ситуациях;
- г) этическую оценку этого поведения и этическую оценку действий руководителей системы;
- д) возможные стратегии сопротивления влиянию социальных ситуаций.

При этом мы все – и автор исследовательского проекта, и его читатели – включены в систему как социальный макрокосм, можем подвергаться давлению различных социальных ситуаций и можем им подчиняться либо тем или иным способом противостоять их давлению. И само описание системы, ее определяющей роли в возникновении ситуаций злоупотребления и насилия, примеров сопротивления давлению ситуации и возможных стратегий сопротивления дает нам как включенным в социальный макрокосм субъектам знание, которое расширяет спектр наших возможностей действовать в данном социальном макрокосме. Тем самым это описание представляет собой не просто формулирование знания, но одновременно и воплощение этической позиции автора и его практическое действие, направленное на преобразование «плохой системы» в «хорошую» и на уменьшение частоты возникновения «плохих ситуаций», «плохих действий» и «плохих людей».

Интересно также, что исследование Ф. Зимбардо показывает возможность включения классического знания в постнекласси-

ческое: Стэнфордский тюремный эксперимент исходно планировался в русле вполне классической естественно-научной рациональности как обычный эксперимент, фиксирующий личностные и ситуационные переменные и направленный на выявление влияния ряда ситуационных переменных на поведение испытуемых. Собственно и его результаты в плане влияния роли и ситуации на поведение (Зимбардо, 2014, главы 1–5) вполне вписываются в нормы классической естественно-научной рациональности. Однако эксперимент вышел из-под контроля исследователей (глава 6), и это побудило их обратиться к рефлексии более широкого социального контекста, к анализу социальной системы, в которую включены и они сами (главы 7–11).

Итоги

Таким образом, мы можем теперь ответить на поставленный в самом начале статьи вопрос о существовании в психологии конкретных знаний (фактов, закономерностей, результатов исследований, интерпретаций и т. д.), соотносимых с разными идеалами научной рациональности.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что мы пришли к необходимости выделять не три, а четыре различных идеала научной рациональности: *классический естественно-научный, классический гуманитарный, неклассический и постнеклассический (постмодернистский)*. Каждому из них соответствуют научные знания, обладающие специфическими особенностями. Данный перечень идеалов рациональности представляется нам минимальным; вполне возможно, что идеалов рациональности больше и следует выделять, например, разные варианты постнеклассической рациональности, однако этот вопрос заслуживает отдельного исследования.

Далее, мы нашли примеры конкретных психологических знаний, соответствующие каждому из этих четырех идеалов рациональности. Таким образом, с точки зрения ориентации на идеалы научной рациональности современное психологическое знание неоднородно. При этом специфической особенностью воплощения в психологии классического естественно-научного идеала рациональности выступает своеобразное «урезание» феномена сознания и превращение его в особый объект, обладающий квазифизическими характеристиками (вроде объема сознания или выделения его элементов). Важно также, что результаты исследований, выполненных в логике неклассического идеала рациональности, могут «сворачивать-

ся» в краткие формулировки (вроде описаний «эффекта Зейгарник» или «подчинения авторитету») и восприниматься как знания классического естественно-научного типа.

Мы также обнаружили, что знание постнеклассического типа представляет собой сложноорганизованную систему, в которую может входить несколько существенно различных «пластов» знания. В частности, ими могут быть знания классического типа, рефлексия позиции исследователя в социальной макросистеме, экспликация его ценностей, описание возможных сценариев действия социальных субъектов (в число которых могут входить и исследователь, и читатель результатов исследования), и т. д.

Существенным представляется и тот факт, что в логике неклассического и постнеклассического идеала рациональности могут строиться знания и в исследовательской, и в практической психологии. (Вполне вероятно, что это относится и к знаниям, которые строятся в логике классического естественно-научного и классического гуманитарного идеалов рациональности, однако этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.)

Сам факт сосуществования в современной психологии знаний, строящихся в логике четырех различных идеалов научной рациональности, ставит перед нами проблему: каковы границы адекватности каждого из идеалов рациональности при изучении человека и «человекоразмерных систем»? Каким образом исследователь может определить, целесообразно ли ему ориентироваться на классический естественно-научный идеал рациональности как наиболее простой, или же следует предпочесть тот или иной более сложный идеал рациональности? Эти и связанные с ними вопросы ждут дальнейших исследований.

Литература

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.
- Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373, 409–412.
- Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 2007.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972.
- Гусельцева М. С.* Культурно-деятельностная эпистемология как основание интеграции исследовательской и практической пси-

- хологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 179–213.
- Дембо Т.* Гнев как динамическая проблема // К. Левин. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 534–570.
- Деррида Ж.* Позиции. М.: Академический проект, 2007.
- Джемс В.* Научные основы психологии. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня, 1902.
- Зейгарник Б.* Запоминание законченных и незаконченных действий // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 427–495.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Карстен А.* Психическое насыщение // К. Левин. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 496–533.
- Касавин И. Т.* Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 63–72.
- Клочко В. Е.* Парадигмальная динамика психологической науки как процесс усложнения психологического мышления // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 106–135.
- Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2007.
- Коффка К.* Основы психического развития // В. Кёлер, К. Коффка. Гештальт-психология. М.: АСТ, 1998.
- Кутузова Д. А.* Нарративные средства достижения психотерапевтических целей. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2004. № 1. С. 99–109.
- Левин К.* Эксперименты в социальном пространстве // К. Левин. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000а. С. 198–214.
- Левин К.* Действенное исследование и проблемы меньшинств // К. Левин. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000б. С. 366–385.
- Леонтьев Д. А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 51–71.

- Леонтьев Д. А., Патяева Е. Ю.* Курт Левин — методолог научной психологии // К. Левин. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 3–22.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.—СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.
- Майерс Д.* Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2009.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Милгрэм С.* Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Москвичев В. В.* От редактора. Развитие нарративной практики в России // Журнал практического психолога. 2015а. № 2. С. 5–17.
- Москвичев В. В.* Нарративный подход в пространстве помогающих практик // Журнал практического психолога. 2015б. № 2. С. 18–35.
- Патяева Е. Ю.* Специфика знаний в практической и исследовательской психологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 146–178.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 71–87.
- Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М.: Academia, 1995.
- Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Академический Проект, 2008а.
- Рикёр П.* Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008б.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Роджерс К.* Личность и теория личности в индирективной психотерапии // Психология личности / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея, В. В. Архангельской. М.: Астрель, 2009. С. 144–156.
- Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
- Уайт М.* Карты нарративной практики. М.: Генезис, 2010.
- Улановский А. М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. 2-е изд. М.: Смысл, 2016.

- Фаликман М. В.* Методология конструктивизма в психологии познания // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.06.2017).
- Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. М.: Класс, 2001.
- Фуко М.* Забота об истине // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Ка-сталь, 1996. С. 307–326.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. М.: Прогресс–Прогресс-Академия, 1992.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Римис, 2008.
- Lifton R. J.* Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of “Brainwashing” in China. N. Y.: Norton, 1961.
- Lifton R. J.* The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. N. Y.: Macmillan, 1986. URL: <http://www.lucifereffect.com/guide.htm> (дата обращения: 16.07.2017).

Три типа понимания мира человека — три типа психологического знания¹

В. В. Знаков

В российской психологии категория «мир человека» получила содержательное наполнение и развитие главным образом в трудах С. Л. Рубинштейна. По Рубинштейну, мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотносена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования. Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Иначе говоря, мир человека не одномерный. Он многомерен и состоит, по меньшей мере, из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Говорить о полноценном человеческом бытии можно, только учитывая пребывание человека одновременно во всех реальностях — иначе мир человека как целое разрушается, утрачивает свою холистическую природу.

Другими словами, но по сути та же идея многомерности мира выражена в экзистенциальном анализе, в котором исследуются три модуса мира: «Как мы уже говорили, экзистенциальные аналитики определяют три модуса мира, то есть три одновременно существующих аспекта мира, которые характеризуют бытие в мире каждого из нас. Первый модус — *Umwelt*, его буквальное значение „мир вокруг“; это биологический мир, который в наше время обычно называют окружающей средой. Второй модус — *Mitwelt*, буквально „с миром“; это мир существ одного вида, мир близких нам людей. Третий модус — *Eigenwelt*, „свой мир“; это мир самости» (Мэй, 2004, с. 145). Модус *Umwelt* включает адаптацию и приспособление, но в нем отсутствует влияние (на погоду, высоту потолка в помещении и др.). В модусе *Mitwelt* наиболее значимой категорией яв-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

ляется слово «взаимоотношения». В межсубъектных взаимодействиях взаимоотношения всегда основаны на изменениях и развитии людей (Сергиенко, 2017). Мир человека включает в себя смыслы и значения, которые разрабатываются посредством взаимоотношений, взаимодействия субъектов. *Eigenwelt*, или собственный мир, – модус, который предполагает осознание человеком себя. Это не просто субъективные внутренние переживания, а та основа, призма, сквозь которую мы рассматриваем мир. *Eigenwelt* выражает мое понимание того, что значит для меня что-то в этом мире, – море, компьютер или другой человек. «Должно быть понятно, что эти три модуса мира всегда взаимосвязаны между собой и всегда обуславливают друг друга. Так, например, в каждый момент я существую в *Umwelt*, биологическом мире. Но то, как я отношусь к своей потребности во сне, к своему пребыванию на свежем воздухе или к любым другим инстинктам, какое значение я придаю всему этому, является существенным и обуславливает мое восприятие и сознание того или иного аспекта *Umwelt*. Люди живут одновременно как в *Mitwelt*, так и в *Eigenwelt*. Это отнюдь не три разных мира, а три синхронно существующих модуса мира» (Мэй, 2004, с. 148–149).

Когда психологи говорят о понимании человеком мира в целом и отдельных его ситуаций, событий и т. п., то они имеют в виду все три модуса – *Umwelt*, *Mitwelt*, *Eigenwelt*. Понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания, также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание (Фуко, 2007), понимания-интерпретации – конвенциональное (Lagattuta et al., 2010; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006), понимания-постижения – духовно-практическое (Адо, 2005). В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Цель статьи – проанализировать три типа знания, которые являются психологическими основаниями понимания событий и ситуаций в трех реальностях мира человека.

Типы понимания

Названные выше типы понимания не являются чем-то уникальным, проявляющимся только в психологических исследованиях. Очень сходные по содержанию типы понимания можно обнаружить в разных науках. Например, А. П. Огурцов, анализируя общие для социогуманитарных наук традиции и способы понимания мира, выделяет формы и этапы интерпретации понимания в философии. Он отмечает, что в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279). Иначе говоря, речь идет о понимании как познавательной способности: деятельности рассудка, противопоставляемого разуму; понимании как процедуре герменевтического истолкования; понимании как способе бытия человека в мире: выборе одной из возможностей существования.

Экономист Е. В. Балацкий анализирует три способа познания, лежащих в основе естественно-научного, социального и интуитивного знания, и дает характеристики методологической основы каждого из них – формальной, диалектической и холистической логики (Балацкий, 2015).

Философ В. Н. Порус предлагает трехчленную структуру понимания художественного текста: «Первый тип: „понимание“ – выяснение или усвоение смысла того, что понимается. Выясненный смысл становится знанием: понять текст – значит знать его смысл. Второй тип: „понимание“ есть интерпретация, наделение смыслом. Интерпретация есть акт творчества, инициированный текс-

том, но поддерживаемый сознанием свободы субъекта, совершающего этот акт. Третий тип: „понимание“ есть процесс со-творения смысла художественного текста, в котором автор текста и понимающий субъект участвуют на равных, вовлекая в это участие всю совокупность культурных факторов» (Порус, 2016, с. 84).

Очень похожая структура обсуждаемого феномена представлена в работе психолога О. Л. Обуховой, осуществлявшей диагностику качества понимания информационного текста.

В ее основу положены представления о трех типах понимания текста:

- воссоздающее понимание – способность читателя восстанавливать в воображении те реалии жизни, которые изображены в тексте; оно ориентировано на эксплицитную информацию текста;
- рефлексивное понимание – способность читателя реконструировать авторскую логику; оно ориентировано на имплицитную информацию текста;
- творческое понимание – способность читателя переносить идеи текста на реалии, не описанные в этом тексте.

«Задача *воссоздающего понимания* – соотносить отдельные единицы информации с реальностью; вычленять содержащиеся в тексте основные события и устанавливать их последовательность; сравнивать между собой объекты, описанные в тексте, выделяя их существенные признаки; понимать информацию, представленную разными способами (словесно, в виде таблицы, схемы, диаграммы); связывать единицы информации в целостную картину и пр.

Задача *рефлексивного понимания* – выделить авторскую логику, восстановить систему понятий, в которых автор осмыслил описанную реальность; формулировать выводы, основываясь на содержании текста, находить аргументы, подтверждающие вывод; умение критично отнестись к авторской логике и пр.

Задача *творческого понимания* – использовать авторскую фактологию и логику для конструирования своих собственных знаний и идей, не упомянутых в тексте, но основанных на прочитанном» (Обухова, 2016, с. 209).

Даже не осуществляя детального анализа, нетрудно обнаружить если не тождество, то явное содержательное сходство описанных выше типов с пониманием-знанием, пониманием-интерпретацией и пониманием-постижением. Конечно же, в понимании разных типов есть нечто общее, но есть и особенное. В макромире человека,

в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний. В современной науке аксиомой является положение о том, что объективная действительность включает в себя сознание познающего ее субъекта. В частности, в эмпирической реальности человек имеет дело с онтологическими данностями, т. е. реально существующими объектами и предметами. Тогда какую роль в понимании реальностей мира человека играют сознание и психика понимающего мир субъекта? Эта роль, условно говоря, гносеологическая, связанная с различными точками зрения на объекты и предметы, а в науке — с разными теориями. Однако различные точки зрения строятся на общем фундаменте значений. По мнению А. А. Леонтьева, «действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, „переведенная“ на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности...» (Леонтьев, 2001, с. 16). Именно значения как форма идеального существования действительности являются общим основанием понимания реальностей.

Теперь проанализирую отличительные признаки, характеристики типов понимания.

Характеристики понимания-знания. Можно выделить по меньшей мере три характеристики этого типа понимания.

1. Психологическими основаниями понимания предметов, событий и ситуаций являются «предметные значения» (Леонтьев, 2001) и знания. Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. И это неудивительно: высказывание «Расстояние от Москвы до Парижа по прямой — 2487 километров или 1544 мили» имеет для всех образованных людей одинаковое значение, но в нем потенциально не содержится личностного отношения, индивидуального смысла (для порождения смысла нужны дополнительные высказывания). Другое дело, что в метрической и американо-британской мерах длины выражены неодинаковые значения, т. е. формы идеального существования действительности.

2. Понимание-знание основано на познавательном знании, на одинаковом для всех людей значении высказываний. Именно поэтому оно не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. И в этом — залог взаимопонимания при обсуждении очевидных, легко проверяемых фактов. Вместе с тем психологам следует ясно осознавать, что далеко не во всех ситуациях человеческого бытия, которые оказываются предметами психологических исследований, люди делают истинные или ложные утверждения. Более того, можно утверждать, что подавляющее большинство проблем и целых предметных областей психологии невозможно понять по типу понимания-знания. Это относится к социальным представлениям, стрессу, совести, оптимизму и мн. др.
3. Существуют различия в понимании объектов макро- и микромира. В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности — сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. М. Феррарис определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. Он иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления — прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

С методологической точки зрения сложнее обстоит дело с пониманием микромира. В этом контексте одним из самых научно значимых оказывается вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых

сущностей современной физики: являются ли они реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). Другими словами, это вопрос о том, что, например, бозон Хиггса существует в природе до того, как его предсказала теория? В физических экспериментах его открыли или создали, как утверждают социальные конструкционисты? Аргументация последних такая: открытия и бозона Хиггса, и других элементарных частиц были бы невозможны не только без физических теорий, но и без армии экспериментаторов, построивших суперколлайдер, технологий, сконструировавших экспериментальные установки, и мн. др. Иначе говоря, предварительное осмысление проблемы определяет конкретное видение результатов ее решения. Вместе с тем очевидно и обратное: природная детерминация просматривается даже в сложных социальных конструктах. Например, болезнь — это отклонение от нормального функционирования организма, как бы оно ни трактовалось в разных культурах. Обсуждая вопрос о том, идет ли речь о создании или открытии микрообъектов в ходе экспериментов, Е. А. Мамчур высказывает мнение, с которым я полностью согласен: «Мне думается, что социальные конструктивисты делают в данном случае довольно типичную для современной философии науки ошибку: *они смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы — эпистемологический (иногда говорят эпистемический) и онтологический*. Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтологическом смысле. Между тем социальные конструкционисты, оставаясь в рамках онтологического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны обнаруживаются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т. е. само сущее» (Мамчур, 2017, с. 112–113).

Внутренние условия понимания-знания — вербальные и образные знаки. Понятийная структура понимания-знания эмпирической реальности строится на знаках, но не включает символы. Внутренние условия понимания субъектом мира, конечно же, потенциально содержат предпосылки для того, чтобы понимающий субъект оперировал как знаками, так и символами. Однако при понимании событий и ситуаций эмпирической реальности субъект оперирует только однозначными знаками (указателями на объекты и предметы) и знанием, которое может быть истинным или ложным (и потому для определения его истинности/ложности удо-

влетворительной оказывается корреспондентная теория истины). Понимание-знание эмпирической реальности основано на значении, не предполагающем возможности различий в его интерпретации во время коммуникации людей. Однозначность соответствует знаку и противоречит психологическому содержанию символа. С. В. Никоненко полагает, что «знаки необходимы исключительно в функциональном отношении для тех сфер, где требуется искусственно установленная однозначность и устранение разночтений» (Никоненко, 2016, с. 52). А. Н. Веракса считает, что в отличие от символов о знаках можно говорить тогда, когда отсутствует интерпретация, а следовательно, и множественность вариантов понимания (Веракса, 2015). Н. В. Кулагина отмечает, что «любой знак обычно обладает устойчивым значением и противится множественности его истолкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания (Кулагина, 2006, с. 4). Символы этими авторами рассматриваются как то, что предполагает и требует множественной интерпретации, эмоционального отклика и переживания понимаемого. Знаки необходимы исключительно в тех областях мира человека, в которых нужно искусственно задать однозначность и устранить множественность истолкований и разночтений в понимании событий и ситуаций. Например, по металлическим знакам на бамперах легковых автомобилей можно однозначно отличить «BMW» от «Toyota», «Nissan» от «Renault» и т. д. И наоборот: если каждый водитель, увидев дорожный знак «проезд запрещен», начнет искать его возможные бесчисленные символические смыслы, то обстановка на дорогах быстро превратится в непредсказуемую.

Области практической реализации понимания-знания. Сегодня понимание-знание, пожалуй, наиболее заметно проявляется в «журналистике факта»: тогда, когда мы смотрим на мир человека как «общество информирования». В таком обществе очень значимыми становятся журналистские расследования, в результате которых обнародуются факты, до этого неизвестные большинству людей (Уотергейтское дело, «приключения» Б. Клинтона с М. Левински, неизвестные факты из жизни М. Касьянова, опубликованные «Новой газетой» и т. п.). Еще одна отличительная особенность общества информирования (оно сформировалось в середине прошлого века) проявилась в рекламном бизнесе. В рекламах товаров, например холодильников, подчеркивалось качество продуктов, их техническое совершенство, надежность и долговечность. Понимание-знание рекламных объявлений отражало направлен-

ность рекламодателей на информированность покупателя, помогающую ему выбрать хороший товар по оптимальной цене. В целом в обществе информирования понимание-знание было направлено на действительность, которую люди воспринимали и представляли как внешнюю по отношению к себе.

Характеристики понимания-интерпретации. Анализ понимания как интерпретирующей деятельности — это тенденция, проявляющаяся не только в психологии, но и в других науках (Демьянков, 1983). Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. *Интерпретации — это конкретные способы понимания; чем их больше, тем выше степень полноты понимания.* Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Интерпретация субъектом ситуации основана не столько на установленных эмпирических фактах, сколько на личностном знании о мире. Интерпретация — это репрезентация не всей ситуации (это невозможно), а только одной из точек зрения на нее, которая, по мнению субъекта, является правильной и оптимальной для понимания. Иначе говоря, интерпретация социальной реальности основана не только на эмпирических фактах, но и на применяемых знаниях, нормах и представлениях о правильном описании действительности. Следовательно, интерпретация неразрывно связана с индивидуальными способами конструирования мира: она направлена на акцентирование внимания партнеров по общению на таких деталях ситуации, которые кажутся ценными и значимыми субъекту, но могут быть не замечены собеседниками. Сам субъект, познающий и понимающий мир, является не бесстрастным фиксатором «объективной» действительности; он выступает в роли посредника, герменевта, толкователя ситуации для других людей. С психологической точки зрения интерпретация, в частности художественного текста, представляет собой своеобразное взаимодействие двух миров: внутреннего мира литературного произведения и мира читателя. Это означает, что понимание-интерпретация строится на основе взаимодействия интерпретации понимающим субъектом событий и ситуаций и его самоинтерпретации.

Внутренние условия понимания-интерпретации — когнитивные символы. Понимание социокультурной реальности основано не на знаниях, а на мнениях, оно предполагает множественность интерпретаций разных вариантов значений одного и того же объекта или предмета. Эти варианты могут отражать уже символическую, но пока еще когнитивную природу понимаемого. Почему ко-

гнитивную? Потому что такие символы основаны на соотношении не с одной, а со многими сторонами мира человека, и это нередко ставит понимающего субъекта в ситуацию выбора одной из множества альтернатив. Когнитивный символ включает в себя знак, отнесенность к предметному содержанию, но вместе с тем потенциально содержит многообразие смыслов, потому что может указывать на разные объекты. Позволю себе каламбур: фамилия Знаков является не знаком, а символом, потому что, согласно социальным сетям, у меня есть однофамильцы. Необходимо отметить, что любые символы рассматриваются многими учеными как то, что требует множественной интерпретации, эмоционального отклика и переживания понимаемого.

При оперировании когнитивными символами субъект, понимающий мир, имеет дело с разными ментальными пространствами, при этом понимание социальных ситуаций предполагает установление связей между ними. Например, в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера для описания событий и ситуаций используется конструкт «ментального пространства», состоящего из концептуальных структур мыслящего субъекта. В процессе понимания, в частности, метафор их смысловая репрезентация возникает в психике понимающего субъекта в результате наложения нескольких ментальных пространств, объединяемых понятиями метафоры (Fauconnier, Turner, 2008). Теория ментальных пространств (mentalspacetheory), разработанная Ж. Фоконье, впоследствии была развита М. Тернером. Методологическим основанием теории стала логика возможных миров (отмечу, что именно на этой логике строится психологическое содержание понимания-интерпретации разных фрагментов мира человека). Смысл предложения рассматривается в качестве порождения возможного мира, в котором описанная ситуация воспринимается как реальность. Согласно теории, смысл любого предложения может быть порожден посредством анализа ментальных пространств понимающего мир субъекта. Ментальное пространства — это когнитивные структуры или сценарии, которые при чтении текста спонтанно и неосознанно актуализируются в уме рецепторов. Ж. Фоконье выделял ментальные пространства двух типов: пространства базы (они включают объекты, понятные всем собеседникам) и пространства-конструкторы, содержащие объекты, на основании которых люди могут порождать новые пространства. Именно такие пространства используются для выхода за рамки реальной действительности и стимулируют воображение, гипотезы, фантазии.

Ментальные пространства в виде сценарных репрезентаций играют большую роль также при понимании переносного смысла шуток. В современной психологии юмор рассматривается как неотъемлемая составляющая творческого мышления, потому что «процессы, лежащие в основе понимания и продукции юмора, по многим признакам сходны с процессами решения творческих (инсайтных) задач» (Коровкин, 2015, с. 174). Как и для решения творческой задачи в целом, для понимания юмора мыслящему субъекту необходимо почти мгновенно переструктурировать репрезентацию отраженной в шутке или задаче ситуации. В результате понимания юмора и решения творческих задач возникает инсайт (Kozbelt, Nishioka, 2010). Переструктурирование необходимо потому, что и в шутках, особенно в анекдотах наблюдается смысловое противоречие между сценариями. Понимание связано с поиском таких способов разрешения противоречия, которые проявляются в виде «внезапной» смены репрезентаций, сценариев, фреймов. (Говоря о кажущейся мгновенности возникающего понимания, не следует забывать о феномене немгновенного инсайта, открытом в психологии мышления Брушлинским – 2006.)

Обсуждая противоречивые концептуальные репрезентации, одни психологи говорят о двух ментальных пространствах (Щербакова, 2010), другие пишут о необходимости для понимания переключения с одного фрейма на другой (frame switching – Hong et al., 2000). Конфликтное сосуществование в любом юмористическом высказывании двух противоречащих друг другу концептуальных репрезентаций можно проиллюстрировать на примере новогодней шутки: «Дорогая редакция, скажите, пожалуйста, Дед Мороз существует или нет? А то мама говорит, что существует, а жена смеется». Начало шутки отсылает читателя к привычному для любого взрослого ментальному пространству, фрейму детского вопроса, а заключительная фраза парадоксальным образом обнаруживает, что спрашивающий вовсе не является ребенком. Понимание вопроса не как серьезного, а именно как юмористического происходит путем перехода внутри ментальных пространств, переключения с одного фрейма на другой.

Области практической реализации понимания-интерпретации. В самых разных областях современной жизни человеку нужно устанавливать связи между различными ментальными пространствами. Например, в журналистике актуальной является проблема различения реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда про-

интерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В современном медиапространстве существует не только журналистика факта, но и журналистика мнений. Она наиболее эффективна при воздействии на аудиторию, интересующуюся аргументированным обоснованием разных точек зрения на события (присоединение Крыма к России – это аннексия или справедливое исторически оправданное воссоединение братских народов?). Особенно притягательной для читателя журналистика мнений оказывается тогда, когда факты неочевидны или трудно интерпретируемы. Типичным в этом смысле является название одной из статей: «Что означает арест губернатора Н. Белых: рабочий процесс или сигнал элите». Белых не отрицал факта получения 400000 евро, однако эти деньги были, как он утверждает, не взяткой, а внебюджетным финансированием развития города Кирова. Какая версия соответствует действительности – предмет активных обсуждений в интернете. В контексте практики применения понимания-интерпретации уместно вспомнить и о том, что реклама стала рассматриваться как коммуникация, направленная на достижение взаимопонимания между продавцами и покупателями (Лебедев-Любимов, 2002). Интерпретация рекламных сообщений становится необходимой потому, что, согласно современной точке зрения, они не только информируют о товарах и услугах, но одновременно трансформируют их в образы сознания покупателей. Образы становятся неотделимыми от фактических сведений о качествах рекламируемого товара.

Характеристики понимания-постижения. В современной психологии большое значение уделяется анализу событий и феноме-

нов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т. п. Описания субъектом таких феноменов и самооценки своего понимания уже невозможно характеризовать в терминах истинности или правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо правдивый, либо неправдивый. В рамках экзистенциальной исследовательской традиции оценка правдивости высказываний испытуемых считается важной потому, что, обращаясь внутрь себя, своего экзистенциального опыта, человек остается самим собой только до тех пор, пока он искренен и правдив. Сказав неправду, он отчуждает свою подлинную сущность, начинает рассматривать себя как бы со стороны. С экзистенциальной точки зрения он перестает быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды. Это такой удобный себе и окружающим образ Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью. Как показали эмпирические исследования, понимание правды включает в себя немало невербализованных и иррациональных компонентов. Такое понимание основано на вере в правдоподобие того, что говорится; представлениях о справедливости в межличностных отношениях; убежденности в собственной искренности и др. Очевидно, что веру, справедливость, искренность нельзя описать, только руководствуясь рассудком, рациональными способами рассуждений: значимую роль при этом играет интуитивное постижение.

Постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, а мэр мегаполиса — о состоянии абсолютно всех коммуникаций в городе. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует

говорить о его понимании на основе постижения. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание в таких случаях осуществляется по типу понимания-постижения. Оно характеризуется тем, что понимание может основываться даже на неосознаваемых и неизвестных сторонах понимаемого. «Можно понимать что-то, не осознавая, что понимаешь, и даже не будучи знакомым с предметом. Возможно, это звучит парадоксально, но весь смысл глубоких, общих объяснений состоит в том, что они охватывают не только знакомые ситуации, но и неизвестные. Если бы вы были современным математиком и впервые столкнулись с римскими цифрами, возможно, вы бы сразу не осознали, что уже понимаете их. Сначала вам бы пришлось узнать определенные факты о том, что это такое, а потом поразмышлять над этими фактами в свете имеющегося у вас понимания математики. Но сделав это, вы могли бы, оглядываясь, сказать: „Да, в римской системе цифр для меня нет ничего нового, кроме фактов“» (Дойч, 2015, с. 22–23).

Внутренние условия понимания-постижения – экзистенциальные символы. В психологических механизмах понимания-постижения ключевую роль играют экзистенциальные символы. Мы живем в мире, неотъемлемыми свойствами, объективными атрибутами которого являются познавательные и экзистенциальные тайны (Знаков, 2016). В культуре тайны, присутствующие в экзистенциальном опыте людей, воплощаются в символах. Экзистенциальные тайны входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Что такое памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны? Это простые и понятные символы советской власти. А символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывно связаны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и не-

изъяснымы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141). Содержательная связь символов с тайнами неудивительна, потому что символ по своей сути — это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью, т. е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности любого экзистенциального символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надындивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понима-

ния символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления: «Символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это — со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу «со-» превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Области практической реализации понимания-постижения. Общество информирования и потребления постепенно трансформировалось в «общество переживаний» (Erlebnisgesellschaft – Schulze, 2005). Немецкое слово die Erlebnis переводится как событие, которое кто-то пережил и которое произвело на него сильное впечатление. Сегодня на всей планете наблюдается стремление людей к получению нового и неожиданного эмоционального опыта, связанного с коллективными действиями и переживаниями. За примерами не нужно далеко ходить. Один из них – проходящие во всем мире флэшмобы, заранее спланированные массовые акции, в которых большие группы людей появляются в общественных местах, выполняют заранее оговоренные действия и затем расходятся. Изменилась идеология рекламы: от информирования о превосходных качествах товара к ее соответствию представлениям потребителя о лучшей прекрасной жизни. Например, объективно в Москве и других городах в отличие от сельской местности внедорожники не нужны, однако средства массовой информации заполнены сообщениями о приключениях отпрысков богатых родителей на «Геледвагенах»...

В обществе переживаний главным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. В современном социогуманитарном познании представления о прекрасном в значительной степени утратили эстетический и этический смыслы. «Современники имеют склонность представлять себе прекрасное как самостоятельную реальность, не зависящую от добра и зла, тогда как для греков, напротив, применительно к людям, это слово обычно подразумевает нравственную ценность, например, в текстах Платона и Ксенофона, цитируемых М. Фуко» (Адо, 2005, с. 286). Сегодня прекрасное рассматривается скорее под аксиологическим углом зрения: это благо, к которому должен стремиться человек. В познавательных и экзистенциальных взглядах

дах на мир человека все большую роль начинают играть ценности. Именно в ценностных представлениях воплощаются «проекты хорошей жизни», которые становятся целями достойного человеческого бытия. Показательным примером могут служить бурные дискуссии о реновации жилья в Москве, сносе хрущевок и переселении их жителей в новые дома. Дискуссии сделали явным тот факт, что для москвичей жилые здания — не просто квартиры, это некие ценности, которые сформировались у жильцов в прошлом и экстраполируются на будущее. Такие ценности воплощаются в бытовых деталях: окна с видом на парк, близость друзей и приятных соседей и т. п.

Сегодня происходит трансформация подходов к познанию и пониманию реальности в современной журналистике: на смену рационалистическим установкам журналистского творчества приходят ментальные конструкции, основанные на личном знании (Мансурова, 2014). Журналистские тексты о социальных событиях становятся человекоцентрированными, в них появляется все больше описаний переживаний, чувств, рефлексии и личного опыта людей. Доступность источников информации отодвинула на второй план необходимость журналистских расследований, освободила журналистов от утомительных командировок и поисков данных. «На полосы газет и журналов, на сайты престижных СМИ хлынули потоки откровений, полных чувств и удивлений» (там же, 154). В наше время интернет заполнен гипертекстами по любому поводу, читателю легче согласиться с каким-либо пусть даже субъективным утверждением, чем позволить убедить себя строгой логикой и аргументацией. «Информация в коммуникационной системе уже доступна и интертекстуальна (вспомним вал публикаций о виновности/невиновности в коррупции губернатора Н. Белых. — В. З.), журналисту достаточно лишь сослаться на какой-либо факт, намекнуть, процитировать известную фразу, чтобы стать социальным «навигатором» и реализовать функцию выявления социального смысла в приемлемой форме» (там же, с. 156). Все чаще суть отражаемой реальности преломляется сквозь призму личной позиции журналиста, который отказывается от прямых оценок и решений проблемы. В журналистике доминирующим стало суждение о том, что люди имеют дело не столько с фактами, сколько с предметами их интереса. В результате «объективность и беспристрастность журналистского воспроизведения реальности, еще недавно ценимые как качества адекватности творческого процесса, однозначно уступили социальным и аксиологическим аспектам его результатов. На смену

традициям рационализма, положенным в основу журналистского метода постижения жизни, пришло «личностное знание» (там же, с. 155). Возникает дискурс сопереживания, в котором решающую роль играют не познание, а постижение, эмоциональная сопричастность и личностная включенность. Неудивительно, что такая журналистика апеллирует не к познанию, а к пониманию-постижению.

Домены социального знания

При психологическом анализе понимания человеком явлений, событий, ситуаций, относящихся к трем реальностям, ученые обращаются к различным доменам социального знания. Теория доменов социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006) в современной методологии социогуманитарного познания занимает заметное место. Теория доменов предлагает модель того, как люди определяют, оценивают и согласуют области социального знания при вынесении суждений о социально значимых действиях. В теории выделяются три области – моральная, конвенциональная и персональная. Моральный домен социальных знаний включает вопросы справедливости, законности, права. Конвенциональный домен связан с традициями и обычаями. Персональный домен включает проблемы личного выбора, индивидуальной свободы действий. К. Б. Ричардсон с соавт. приводят примеры, связанные с различными областями знаний. Удар одним ребенком другого по голове во время игры, причинение неспровоцированного вреда – моральный домен. Разговор в классе без поднятой руки (нарушение правил поведения) – конвенциональный домен. Необычно длинные волосы – типичный пример личного выбора (персональный домен). Обнаружено, что дети, подростки и взрослые используют различный набор критериев, чтобы оценить нарушения моральных и конвенциональных норм. При этом оказывается, что люди рассматривают действия и ситуации, связанные с персональным доменом, иначе, чем связанные с моральным или конвенциональным (Richardson et al., 2012). Исторически так сложилось, что наибольший массив эмпирических исследований, направленных на обоснование теории доменов социального знания, представлен в психологии развития. В них показано, что в ходе интеллектуального и морального развития совсем маленькие дети опираются в основном на знания о себе (персональные знания). Дети постарше и многие взрослые ориентируются на общественные ожидания и общепринятые правила (конвенциональные знания).

И лишь небольшое количество взрослых чаще всего руководствуются универсальными этическими принципами (моральные знания).

Научные представления о доменах социального знания непротиворечиво согласуются с описанием психологических оснований понимания мира человека. При этом моральный домен целесообразно соотносить с пониманием-знанием, конвенциональный — с пониманием-интерпретацией, а персональный — с пониманием-постижением. Соответственно их можно и нужно соотносить с познавательным, конвенциональным и духовно-практическим типами психологических знаний.

Познавательное знание

Психологическое содержание понимания-знания строится не на духовном знании, а на познавательном (Фуко, 2007). Такое понимание возникает у субъекта тогда, когда оно основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. Для психологов принципиальное значение имеют качественные характеристики, особенности знания, играющие ключевую роль в понимании фактов эмпирической реальности. В этом случае знание о реальности дает возможность понимающему субъекту *только отличать истинные высказывания от ложных*. Однако он не может ответить на более сложные вопросы, которые требуют рефлексии, обращения внутрь себя, соотнесения понимаемого с личностным знанием: *почему* существует истинное и ложное и как можно отличить одно от другого. Такое знание, которое адекватно отражает эмпирическую реальность, но ничего не изменяет в познающем ее субъекте, из которого он ничего не может извлечь для собственного преображения, М. Фуко называл «познавательным» (Фуко, 2007). Он считал, что истинное знание недоступно такому субъекту, какой он есть. Истина не дается человеку простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени.

По формальным (но не содержательным) признакам строения и функционирования в мышлении и общении для описания понимания фактов эмпирической реальности наиболее подходящим является моральный домен социального знания. Моральный домен очень напоминает понимание-знание. Он включает не только знание правил и норм того, чего не следует делать, но также идентификацию действий, относительно которых люди могут обладать

личной свободой и контролем. У морали и понимания есть общий базис — долженствование. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость — это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак — выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Неудивительно, что понимание морали как должного можно рассматривать как применимое, прежде всего, к моральному домену социального знания.

Кроме того, в отличие от нравственности конкретного человека мораль как форма общественного сознания, включающая обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, имеет для каждого человека значение, но не имеет личностного смысла. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обобщаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро — определенный набор связей» (Лурия, 1979, с. 53). Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается *одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл*. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и др.

Конвенциональное знание

Для описания психологического содержания конвенциональных знаний принципиально важными являются результаты исследований, направленных на анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член

сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего intersубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различается. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т. е. разделяют – возможно, в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообщая, что предполагает постоянный обмен информацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

В западной психологии изучаются психологические основания intersубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekäle, 2011), здравоохранению (Kessel et al., 2011), службам занятости (Kohansal et al., 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является статья Д. Ю и Р. Чжоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. Опыт и знания, накопленные в преподавательской и научной деятельности, остаются надолго и имеют ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они при-

знают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Конвенциональные знания — это результат не только отражения мира человека, но и созидательной работы, творчества коллективного субъекта, творящего смыслы в социальном пространстве. Современные психологические исследования позволяют утверждать, что осмысленное знание — порождение не только индивидуально-го сознания, но и коллективного разума. Соответственно смысл — атрибут психики конкретного субъекта, но вместе с тем он есть продукт меж- и надындивидных или трансперсональных отношений. Осмысленное знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание — это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия (Gergen, 1985). Сегодня «индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, — это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения — не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, — это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. Согласно психологии восприятия, познаваемый объект предоставляет свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71).

Для психологии понимания и психологии человеческого бытия представления об интерсубъективной природе понимания являются очень важными. И такие представления проникают не только в научные труды, они имеют и организационные формы. Например, в Европе есть ассоциация содействия межкультурному

взаимопониманию (Association for Promoting Intercomprehension – APIC). Представления об intersубъективной природе вербальной коммуникации воплощены главным образом в обучении пониманию иностранных языков. Приемы и техники «интерпонимания» основаны на апелляции к способностям людей, говорящих на языках, принадлежащих к одной языковой группе (например, романской – испанский, итальянский, португальский), понимать чужой, ранее не изучавшийся язык. «Интерпонимание» – это новая техника обучения и общения, не требующая использования третьего языка (сейчас обычно это английский) людьми, говорящими на родственных языках. Интерпонимание минимизирует усилия по пониманию чужого языка; оно основывается на уже существующих, но неиспользованных знаниях субъекта; привлекает знание своего языка, чтобы помочь пониманию связанного с ним чужого; развивает мультиязыковые знания, которые легче приобрести. Развитие навыков понимания речи на разных языках предполагает определенную методологию, которая направлена на приобретение стратегических компетенций. В процессе изучения языка интерпонимание на основе диссоциации, разобщении двух различных лингвистических компетенций, связанных с пониманием (чтение, аудирование) и производством (речь, письмо), позволяет учащимся приобретать глобальную языковую компетенцию. Это происходит при выявлении лексического, синтаксического, культурного сходства языкового материала, подлежащего пониманию (Lungu, Cizer, 2013).

В этом контексте неудивительно, что для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение на дороге, принятое в разных странах.

Формирование правил и стереотипов поведения происходит в детстве путем сопоставления с личностными предпочтениями и общественными нормами поведения. Например, К. Б. Ричардсон с соавт. обсуждали с детьми такую проблему: «Джон хочет по-

играть с группой девочек в куклы, но две девочки говорят, что ему нельзя играть, потому что он мальчик». 80 процентов детей считали, что исключение Джона недопустимо, и ответ часто мотивировался моральными соображениями (отчуждение причинит вред). Тогда детям предлагалась другая ситуация: девочка и мальчик оба хотят играть с девочками в куклы; кого должна выбрать группа? В этом случае некоторые дети обращались только к одному из доменов («Надо выбрать девочку, потому что мальчикам не нравятся куклы» – конвенциональный домен). Другие соотносили разные системы знаний: «Надо выбрать мальчика, чтобы дать ему шанс поиграть (моральный домен), даже если он может не знать, как играть с куклами» (конвенциональный домен). В описанных условиях испытуемым нужно было соотнести информацию о целях группы и ее функционировании, проблемы равенства и справедливости, а также учесть психологическое состояние персонажа. В первом случае дети в основном отвергали возможность исключения мальчика из группы, исходя из моральных соображений. Во втором, более сложном сценарии, испытуемые осознавали, что психологический ущерб (либо девочке, либо мальчику) будет следствием любого выбора. Приблизительно половина детей выбирала девочку для игры, и, следовательно, гендерные стереотипы или проблемы идентичности группы становились более существенными при принятии решения. Исследователи также проверяли, придерживались ли дети своих начальных суждений, сталкиваясь с моральным или конвенциональным контраргументом. Оказалось, что дети охотнее изменяют свой выбор, если изначально выбрали стереотипный ответ – девочку (61% детей). В этом случае, возможно, происходила активация репрезентативной системы. Вместо того чтобы строго опираться на стереотипное представление о невозможности включения члена аутгруппы, с возрастом дети использовали все большее количество форм рассуждений для размышления о допустимости социального отчуждения. Это согласуется с точкой зрения о том, что развитие гибкой репрезентативной системы происходит с возрастом, и она наиболее активна при оценке таких комплексных сценариев, в которых необходимо учитывать контекст, а не просто обращаться к системе опыта и единственному домену знаний (Richardson et al., 2012).

Очевидно, что в описанных выше интересных и научно-продуктивных направлениях психологических исследований ученые ищут истоки формирования конвенционального знания не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъект-

ных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Результатом взаимодействий становится обогащение научных представлений о конвенциональном домене социогуманитарного знания. Конвенциональное знание является субъективным, выражающим личные предпочтения и ценности понимающего мир субъекта. Одновременно в своих интересующих основаниях оно объективно, и эта объективность служит основой для взаимопонимания в общении.

Духовно-практическое знание

Наличие в мире человека объективно непостижимого, существование таких событий и ситуаций, которые можно понять только на основе экзистенциального опыта, а не рационального знания, в психологической науке способствовало возникновению нового этапа исследований субъекта (Знаков, 2017). Их общим социогуманитарным контекстом послужили размышления М. Фуко и П. Адо (Адо, 2005; Фуко, 2007), а конкретно-психологическим – публикации А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2003). Основой научных взглядов названных ученых стали два принципиальных соображения: 1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, превзойти самого себя; 2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») с процедурным (знаю «как»). Отсюда в психологии следует не субъектный, а субъектно-деятельный подход А. В. Брушлинского. В философии – идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами создания являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005).

Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия, «духовность» и «практика», я называю третий тип психологического знания духовно-практическим. Для меня, как и для названных ученых, духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более

глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект деятельности, общения, созерцания и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Для раскрытия смысла духовно-практического знания необходимо обратиться прежде всего к феномену «духовного знания» (Фуко, 2007). Именно с помощью такого знания наиболее точно можно охарактеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» созвучна рубинштейновскому пониманию человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни,

человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное — «это не *над*психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (Брушлинский, 2003, с. 50).

Таким образом, интеллектуальность, нравственность субъекта и его направленность на приобщение к необыденным формам бытия проявляются в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях.

Согласно Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им индивид возвышается к жизни объективного Духа, то есть снова помещает себя в перспективу Всего („увековечить себя, себя превосходя“»)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название „духовные упражнения“ в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия.

В психологических исследованиях духовность нередко рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности — истину, добро, красоту. Появление у человека

хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию. Применительно к психологическим исследованиям можно сказать, что мотивационной основой духовно-практического знания является интенциональный компонент экзистенциального опыта (Знаков, 2016, с. 170), выражающий направленность и интеллектуальных, и нравственных усилий субъекта на преобразование своего бытия. Иллюстрацией этого положения может служить высказывание: «Нравственность — это не столько то, что мы знаем, сколько то, что мы делаем» (Далай-лама, 2016, с. 125).

Итак, понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной — мнение и смысл, в экзистенциальной — переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания, также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание, понимания-интерпретации — конвенциональное, понимания-постижения — духовно-практическое. В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Литература

- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.—СПб.: Степной ветер—ИД «Коло», 2005.
- Балацкий Е. В.* Три способа познания // *Общественные науки и современность.* 2015. № 2. С. 130—144.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Веракса А. Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // *Вопросы философии.* 2016. № 1. С. 51—58.
- Далай-лама.* Больше, чем религия. Этика для всего мира. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016.

- Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
- Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Знаков В. В. Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–17.
- Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- Коровкин С. Ю. Фасилитация решения творческих задач: юмор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 2. С. 172–182.
- Кулагина Н. В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология 2006. № 1. С. 3–10.
- Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Леонтьев А. А. Значение и смысл // Мир психологии. 2001. № 2 (26). С. 13–20.
- Мамчур Е. А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
- Мансурова В. Д. «Личностное знание» журналиста в проекции его рациональной субъективности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. № 5 (31). С. 153–160.
- Мохирева С. В. Реальное событие и вербальный факт в текстах российских сми // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
- Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Никоненко С. В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник СПбГУ. Сер. 17. «Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение». 2016. Вып. 3. С. 47–53.
- Обухова О. Л. Диагностика качества понимания информационного текста // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 4. С. 208–217.
- Огурцов А. П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин; уч. секр. А. П. Огурцов. М., 2001. Т. 3. С. 279–283.
- Порус В. Н. Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 84–96.
- Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 5–18.

Три типа понимания мира человека

- Сухачев В. Ю.* История без субъекта // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
- Федоров Н. А.* Психологические потенциалы символа // Вестник Омского ун-та. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 24–30.
- Феррарис М.* Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145–159.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Щербакова О. В.* Интеллектуальные действия, опосредующие понимание комического // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 13 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 224–235.
- Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Ed. by R. W. Gibbs. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
- Hong Y., Morris M. W., Chiu Ch., Benet-Martinez V.* Multicultural Minds: A Dynamic Constructivist Approach to Culture and Cognition // American Psychologist. 2000. V. 55. № 7. P. 709–720.
- Kozbelt A., Nishioka K.* Humor comprehension, humor production and insight: An exploratory study // Humor: International Journal of Humor Research. 2010. V. 23. Iss. 3. P. 375–401.
- Lagattuta K. H., Nucci L., Bosacki S. L.* Bridging theory of mind and the personal domain: children's reasoning about resistance to parental control // Child Development. 2010. V. 81. № 2. P. 616–635.
- Richardson C. B., Mulvey K. L., Killen M.* Extending Social Domain Theory with a Process-Based Account of Moral Judgments // Human Development. 2012. V. 55. № 1. P. 4–25.
- Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt am Main–N. Y.: Campus Verlag, 2005.
- Smetana J.* Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Handbook of moral development / Ed. by M. Killen, J. G. Smetana. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2006. P. 119–154.

Мир чувств и чувство мира¹

С. Д. Смирнов

Когда мы употребляем термин «образ мира» (картина, модель, схема и т. п.), мы явно или неявно акцентируем три основных аспекта, которые можно назвать коннотативными значениями. Во-первых, подчеркивается когнитивный характер этого образования. Разумеется, при более детальном анализе и уточнении термина мы неизбежно укажем на наличие аффективной окраски, пристрастности образа, наличие в нем элементов отношения, переживания и т. п. Во-вторых, основное содержание любого образа полагается в его объективных компонентах, дающих возможность адекватно ориентировать субъекта в реальности, прежде всего во внешнем мире. В-третьих, если речь идет именно об образе мира, подчеркивается интегральность, целостность, «объемность» этого конструкта. В зависимости от задач мы можем дробить, детализировать до бесконечности любой образ, но он всегда остается условно выделенным элементом образа мира и берется в контексте этого целого. Мир образов бесчисленными взаимосвязями и взаимовлияниями встроен в целостный «образ мира» и только в интересах анализа мы их «вырезаем», на время забывая об одних связях и влияниях в интересах более полного изучения других. При этом механизм взаимосвязей и взаимовлияний отдельных психологических образований все чаще рассматривается в контексте идей холизма, как движение от целого к частям, деталям в оппозиции идеям атомизма, постулирующим изначальность движения от элементов к целому. Элементы скорее «выдифференцировываются» из первоначальной синкретической и плохо дифференцированной (диффузной) целостности, нежели являют собой первичные образования, вступающие затем в сложные связи и отношения, образуя тем самым новую целостность.

1 Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 15-06-10404.

Виды и функции эмоций

Все три обозначенных выше аспекта образа мира тесно взаимосвязаны и приобретают новое звучание и объединяющее их сквозное начало, если рассмотреть те психологические процессы и состояния, которые обеспечивают соединение, взаимное прорастание их друг в друга. Многие авторы постулируют в качестве такого активно действующего и всеобщего начала психической реальности, наиболее концентрированно выражающего субъективную составляющую психики, эмоциональные процессы и явления в самом широком смысле (эмоции, чувства, аффекты, страсти, настроения, эмоциональный тон, эмоциональная окраска любых переживаний, образов, мыслей, действий и других психологических конструкций). Представление о синтезирующей роли эмоций делает их общим фундаментом, на который могут проецироваться и с которым могут вступать во взаимодействие психические образования разных уровней и модальностей, в том числе и познавательные. Эту мысль В. К. Вилюнас связывает с необходимостью признания психологического принципа «панэмоциональности» (Вилюнас, 1984). О единстве аффективного и интеллектуального говорили Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и мн. др.

Приобрели широкую известность и получили эмпирическую верификацию идеи В. Вундта о трех биполярных осях, позволяющих локализовать в трехмерном пространстве чувственный тон любого ощущения: «удовольствие—неудовольствие» (вариант названия «приятное—неприятное»), «напряжение—разрешение (расслабление)», «возбуждение—успокоение». При этом он обратил внимание на то, что если ощущения «диспаратны», качественно строго разграничены (например, зрительные ощущение ни при каких условиях не могут переходить в слуховые), то чувства (в смысле эмоции) могут переходить друг в друга (менять качество) при постепенном изменении интенсивности через промежуточные формы, через зону безразличия. Это и позволяет приводить к общему знаменателю многие ощущения, получать их равнодействующую. Благодаря этому простые чувства объединяются, взаимно модифицируя друг друга, в свою очередь модифицируясь общей равнодействующей, и все это в рамках одной и той же «эмоциональной непрерывности».

Вундт одним из первых психологов сформулировал идею, согласно которой эмоциональные переживания выступают синтезирующей основой субъективного образа, организуют, строят его

как целостность. Синтез идет от «частичных» чувств к чувствам второго, третьего и высших порядков, образуя цельное (слитое) чувство. Ценность чувств возрастает (усиливается) при их усложнении, а углубление является результатом все более глубокого познавательного проникновения в мир и его практического освоения. Ощущения — объективный, а простые чувства — субъективный элементы одного и того же состояния сознания, но в каждом конкретном случае они представлены с разным удельным весом. При этом, если чувственный тон слабый, безразличный, то «ощущения идут впереди чувств», что имеет место, прежде всего, в генетическом плане (плане развития); а когда чувственный тон сильный — именно он выступает в роли доминирующего начала и вызывает ощущения (представление, например), что имеет место, как правило, в плане актуалгенеза или в плане функционирования. Многообразие чувств принципиально больше многообразия ощущений (Вундт, 2015а, б).

Основатель Лейпцигской школы гештальтпсихологии Ф. Крюгер сделал следующий важный шаг от атомизма В. Вундта к холизму, к идее целостности и доминирующей роли целого в психической жизни. Согласно Ф. Крюгеру, именно «эмоциональные явления суть комплекс-качества переживаемого общего целого, глобальной целостности опыта» (Крюгер, 1984, с. 112). «Отдельные ощущения, восприятия, отношения, воспоминания, отчетливые мысли <...> иначе говоря, весь организованный опыт отщепляется в начале от диффузных эмоциональных состояний и всегда остается под их господством в функциональном отношении. Они остаются глубоко встроенными в эмоциональное, которое как бы заполняет пустоты в наличной целостности опыта и составляет общий фон для всего, что сколько-нибудь выделяется. Эмоция представляет собой материнскую первооснову прочих видов психических явлений и наиболее благоприятную почву для них» (там же, с. 112—113). Чувства определяют закономерности всех остальных психических процессов.

Согласно этому автору, эмоциональные переживания — не только изначальный, но и единственный носитель целостности. Они позволяют любой когниции оставаться частью единого мироощущения индивида. Целостные качества (гештальт-качества) — это диффузные комплексы, из которых лишь вторично могут быть выделены их моменты (стороны). Развитие идет от слитных структур комплекс-качеств к более расчлененным структурам, но последние никогда не бывают столь же расчлененными, как куски физичес-

кой материи (там же, с. 111). Любые качественные изменения в мире воспринимаются, прежде всего, «эмоциоподобным» образом¹, а затем уже осуществляется собственно когнитивная обработка нового опыта. Эмоциональное переживание каким-то образом охватывает, пронизывает все прочие психические явления и выступает в качестве основной характеристики всего внутреннего мира человека. Это позволяет выделить три фундаментальных характеристики потока эмоциональной жизни: универсальность (присутствует всегда и в любом психологическом явлении), качественное богатство (разнообразии), изменчивость и лабильность (там же, 1984, с. 113). Именно этот поток можно назвать эмоциональной тканью, носителем субъективного отношения, присутствующего в любом психологическом феномене или акте. «В каждом случае эмоциональное переживание прилаживаются к тому, что находится в сознании одновременно с ним или соседствует с ним во времени <...> всегда настойчиво стремится к тому, чтобы окрасить все явления нашей внутренней жизни» (там же, с. 117).

Какую же функцию выполняет эмоциональная окраска и как эта функция связана с интенсивностью окраски, модальности и выраженности субъективного отношения ко всему происходящему во внешнем и внутреннем мире человека? Проблема функций тесно связана с проблемой классификации, выделения типов, видов, а также форм протекания эмоциональных состояний. Нужно также принять во внимание двойную обусловленность эмоций — внутри потребностями, а извне воздействиями, вызванными изменениями в окружающей среде.

Эмоции (в самом широком смысле — все виды эмоциональных состояний и процессов), по мнению исследователей, выполняют самые разнообразные функции:

- *Побуждающую, стимулирующую; активизирующую, мобилизующую* (иногда говорят о дезорганизирующей или дезорганизационной функции эмоций, но ее можно рассматривать как противоположный полюс мобилизующей);
- *Регулирующую, презентирующую* потребности субъекту, *оценочную*, или *оценивающую* положительное (отрицательное или амбивалентное) отношение события или объекта к потребности;

1 Аналогичный феномен Е. Ю. Артемьева (1980) назвала «первовидением».

- *Предвосхищающую* угрозу или пользу (частный случай – *эвристическая*, предвосхищающая или наводящая на искомое решение задачи¹);
- *Синтезирующую* (о которой говорилось в начале статьи);
- *Отражающую успешность* процесса выполнения деятельности, *экспрессивную* (информирования другого о своем эмоциональном состоянии и эмоциональное заражение другого), *мнемическую* (закрепления в памяти);
- *Актуализирующую опыт прошлого, аварийного выхода из ситуации* (аффект).

П. В. Симонов добавляет к этому перечню *подкрепляющую, переключающую, отражательную* (в широком смысле слова), *компенсаторную* (замещающую) функции (Симонов, 2002). А. Н. Леонтьев отмечает, что эмоция может ставить перед субъектом «задачу на смысл» – отчего возникла такая эмоция? (Леонтьев, 1971). Есть основания считать одной из функций эмоций презентацию в сознании результатов процесса выдвижения и проверки гипотез (Тихомиров, 1969; Четвериков, 2013).

Любой перечень функций эмоций будет неполным и условным. Они выделены по разным основаниям и в контексте решения разных исследовательских задач. Но то общее, что есть во всех проявлениях эмоций – это квинтэссенция, наиболее концентрированное выражение субъективной стороны, субъективного (внутреннего) момента, по выражению Н. Грота, любого взаимодействия человека с миром (Грот, 1984). По С. Л. Рубинштейну, «чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» (Рубинштейн, 1989, с. 140). Исходный интегральный конструкт, т. е. та единая синкретическая целостность, из которой «выдифференцируются» все виды эмоциональных процессов и явлений, а также формируются и отрабатываются все их функции, можно назвать генетически первичным «чувством мира» по аналогии с понятием «образ мира», из которого выкристаллизуются все познавательные составляющие психики, олицетворяющие объективное начало в познании и освоении мира человеком. С. Л. Рубинштейн справедливо замечает, что «нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но о единстве эмоцио-

¹ Развернутое описание и экспериментальная верификация этой функции даны в работах, выполненных под руководством О. К. Тихомирова (1969).

нального, или аффективного и интеллектуального внутри самих эмоций и внутри самого интеллекта» (там же, с. 151). Я бы сказал, что фактически мы имеем дело с единым биполярным конструктом «чувство мира—образ мира», причем в первом полюсе акцент сделан на субъективной, а во втором на объективной составляющей (на обоих полюсах присутствует каждая из них, но в разной пропорции, и название подчеркивает именно доминирующий компонент).

«Чувство мира» не является общепринятым психологическим понятием, но потребность в нем становится все острее. Дело в том, что близкие к нему понятия мировоззрение, миропонимание и даже мироощущение делают акцент на когнитивной составляющей нашего целостного отношения к миру. Ближе всего по содержанию к понятию чувство мира стоит понятие мироощущения. Недаром говорят о пяти чувствах или о шестом чувстве, имея в виду модальности ощущений. Термин «чувствительность» как величина, обратная порогу ощущения, описывает одну из характеристик именно ощущений. Тем не менее еще В. Вундт категорически настаивал на том, что ощущения — это объективные, а простые чувства — субъективные элементы одного и того же состояния сознания. Даже внутренние органические ощущения, такие как голод, жажда, усталость, боль, В. Вундт считал качественно отличными от чувств. Хотя после работ В. П. Зинченко *об объективности субъективного и субъективности объективного* (Зинченко, 2010) проблема уже не может трактоваться однозначно в русле вундтовского понимания.

Правильнее было бы сказать, что ощущения представляют собой синкретическое единство объективных и субъективных элементов с доминированием первых, а в чувствах наоборот: субъективные элементы доминируют, преобладают. И, чтобы выделить в мироощущении его чувственную окраску, Ф. Е. Василюк использует словосочетание «эмоциональное мироощущение» (Василюк, 1984, с. 103). Возможно, более точно можно было бы описать субъективную компоненту образа мира как «мирочувствие», но этот термин пока еще чужероден современной системе психологических понятий и имеет меньше шансов прижиться.

В своих работах (Смирнов, 1985, 2003; и др.) я неоднократно подчеркивал, что любой образ есть не что иное, как, прежде всего, актуализация, а затем уже модификация, уточнение, порой исправление той или иной части исходного образа мира (на другом языке

эта же идея изложена в работах К. Поппера¹ и многих других авторов). Аналогичную картину мы наблюдаем и на втором, преимущественно субъективном полюсе выше названного биполярного конструкта – чувстве мира. Все начинается с врожденного (это не значит, что только генетически обусловленного) целостного, нерасчлененного чувства мира, которое затем развивается, дифференцируясь, обогащаясь, приобретая новые качества и функции в процессе жизнедеятельности, приобщения к культуре, накопления жизненного опыта. Но на основе чего складывается первичное целостное чувство мира, с которым индивид появляется на свет? Мы вернемся к этому вопросу позже, но сначала кратко рассмотрим типы (классы) эмоциональных состояний и процессов, а также более подробно предвосхищающую функцию эмоций, в том числе при добывании научных знаний, на первый взгляд, наиболее очищенных от эмоций.

Согласно С. Л. Рубинштейну, природу и функцию эмоций определяет тот факт, что в эмоциональных процессах устанавливается связь «между ходом событий, совершающихся в соответствии или вразрез с потребностями индивида, ходом деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в целом, с другой» (Рубинштейн, 1989, с. 141). Он выделяет три основных уровня развития эмоциональной сферы личности с ростом многообразия конкретных видов эмоций и чувств при переходе от низших уровней к высшим. На первом уровне эмоциональные состояния носят непредметный характер (физические чувствования) – это уровень органической аффективно-эмоциональной чувствительности, связанной по преимуществу с органическими потребностями. Они могут выражаться в эмоциональной окраске отдельных ощущений или выражают общее более или менее разлитое самочувствие индивида и носят неопредмеченный

1 «Если бы не было нелепым давать здесь какие-то оценки, я сказал бы, что 999 тысячных знания, имеющегося у организма, унаследованы или врождены, и только одна тысячная состоит из модификации этого врожденного знания. <...> пластичность, нужная для таких модификаций, тоже врожденная. Отсюда следует фундаментальная теорема: Всякое приобретенное знание, всякое обучение состоит в модификации (быть может, в отвержении) некоторых форм знания или предрасположения, имевших место ранее, а в конечном счете врожденных предрасположений» (Поппер, 2002, с. 76).

характер (беспредметная тоска, тревога или радость). На втором уровне опредмеченность чувства выводит его на более высокую степень осознания, т. е. появляется осознанное переживание отношения человека к миру. Чувства дифференцируются в соответствии с предметной сферой, в которой они проявляются (интеллектуальные, эстетические, моральные, социальные и т. п.). К третьему уровню автор классификации относит мировоззренческие (более обобщенные и отвлеченные) чувства – чувство прекрасного, возвышенного, трагического, комического и др. Отдельно выделены аффекты, страсти, настроения (разлитое общее и довольно длительное состояние, имеющее личностный, а не предметный характер).

С точки зрения А. Н. Леонтьева, собственно эмоции носят «отчетливо выраженный ситуационный характер», могут предвосхищать ситуации и события, которые еще не наступили, а чувства имеют «отчетливо выраженный предметный характер» и могут удерживаться в течение длительного времени, представляя собой одну из своеобразных эмоциональных констант (Леонтьев, 1971) (см. рисунок 1).

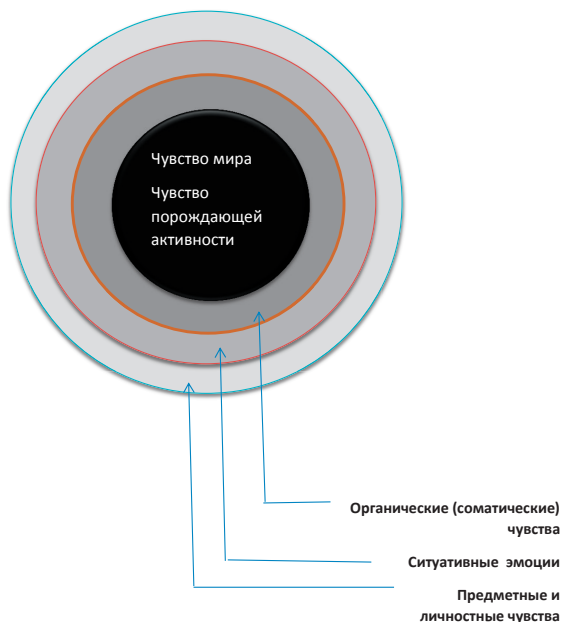

Рис. 1. Компоненты чувственной (аффективной) ткани психики с обозначением последовательности их возникновения в онтогенезе при движении от центра к периферии круга

Личностное знание и эмоции

Если большинство авторов прямо или косвенно выделяют предвосхищающую функцию эмоций, то можно ли говорить об эмоциях как об одной из форм знания. Для приближения к ответу на этот вопрос, рассмотрим идеи М. Полани (крупного специалиста в области физической химии и философа) о личностном знании, в котором важное место отводится эмоциям как носителям предзнания. Если К. Поппер говорит о предзнании в форме организмических (генетически заданных или врожденных) предрасположений как необходимом условии появления новых знаний (обучения), то М. Полани — о приобщении к личностному знанию другого человека в ходе непосредственных контактов с ним (общение или совместная деятельность). Рассмотрим его идеи более подробно.

Личностное знание — вид научного знания, которое запускает, направляет и регулирует научную деятельность по добыванию артикулированного и объективированного научного знания, но само при этом нами почти не осознается (чаще всего мы не можем дать о нем отчет), тем не менее этот вид знания может транслироваться другим через некоцептуализированные формы передачи знания — демонстрацию, подражание, прямое заимствование в реальной, совместной деятельности и в непосредственном, лицом к лицу общении. Можно выделить следующие характеристики и одновременно варианты личностного знания: латентное, скрытое, неявное, имплицитное, неартикулированное, глубинное, некоцептуализированное, периферическое, трудно рефлекслируемое и др.

Человек всегда знает больше, чем может сказать — утверждает М. Полани. С другой стороны, «те, кто слушают с сочувствием, могут открыть для себя то, что они в противоположном случае никогда бы не поняли» (Полани, 1985, с. 218). Вслед за ним можно выделить компоненты личностного знания:

- *Вера* — коренная предпосылка всякого знания, в том числе и научного. Если человек верит или не верит в истинность проверяемой гипотезы, результаты его исследования будут разными;
- *Страстность* (пристрастный вклад, добавка, которую мы неизменно вносим во всякое знание), *эмоциональная нагрузка*;
- *Чувство прекрасного* (понятие красоты специфично в разных науках и практиках, например, в спорте, в искусстве);

- *Навыки* научной деятельности, научная сноровка, искусство измерения, искусство наблюдения, мастерство исследователя (экспериментатора);
- *Интеллектуальный порыв, отношение к науке, отношение к жизни, к другим людям, моральные установки, вся система ценностей, эвристические приемы творческой деятельности*, характерные именно для данного ученого, его *поведение, казалось бы, в типовых ситуациях.*

Это и есть тот «питательный бульон», из которого вырастает новое эксплицитное, ясно осознаваемое знание. Личностное знание является неотъемлемым элементом парадигмы научного знания, и усвоение всякой новой парадигмы, вхождение в число ее приверженцев предполагает принятие определенных субъективных составляющих, характерных для ее создателей. Особенно ярко этот феномен проявляется в развитии и угасании научных школ, когда чаще всего с уходом из жизни их основоположников (научных лидеров) постепенно заканчивается и жизнь самой научной школы, поскольку ее важнейший элемент — личностное знание — может передаваться только в непосредственном контакте учителя и учеников. Невозможна полная формализация субъективных компонентов знания, в котором только и может воспроизводиться новое поколение творцов. Ясно, что основным механизмом приобщения к такого рода «питательному бульону» служит не только, а часто и не столько передача формальных знаний, сколько эмоциональное заражение (экспрессивная функция), втягивание харизматической личностью в свою орбиту «плеяды» обращаемых в новую «веру» учеников. Определенную роль здесь могут играть элементы суггестии.

Важны тончайшие особенности поведения и эмоциональных реакций: что ценно? что важно? что вызывает восторг и безоговорочное принятие, а что брезгливость и отвержение? Радость и умиление, гнев и ярость, удивление и отчаянье — весь спектр человеческих переживаний сопровождает процесс поиска истины, направляемой интеллектуальными эмоциями, выполняющими роль предвидения, предвосхищения будущих результатов научного поиска. М. Полани особо подчеркивает роль «видения»: «Науки открывают новое знание, однако новое видение, которое при этом возникает, само не является этим знанием. Оно *меньше*, чем знание, ибо оно есть догадка; но оно и *больше*, чем знание, ибо оно есть предвидение вещей, еще не известных, а быть может, и непостижимых в настоящее время» (там же, с. 197).

Оппозиция «объективированное (или объективное) знание — личностное знание» близка оппозиции «значение — личностный смысл (события, предмета, ситуации и т. п.)» как составляющих сознания, по А. Н. Леонтьеву. Различие полюсов именно в том, что один из них максимально очищен от субъективных компонентов, а другой насыщен ими, прежде всего, в форме эмоционального переживания, пристрастного отношения к миру. И эта эмоция выполняет функцию предвосхищения, порождая предрасположение, предзнание, которое еще необходимо верифицировать с помощью объективированных процедур, чтобы перевести это предзнание в ранг объективного знания. А. Пуанкаре говорил, что, когда он делает изобретения в области математики, то им движет чувство красоты — то, что красиво чаще всего верно (но требует проверки гармонии алгеброй — не обманчива ли эта красота, не приняли ли мы «красивость» за подлинную красоту); а то, что некрасиво, заведомо не верно и не нужно тратить силы на проверку (Пуанкаре, 1970). Ясно, что чувство красоты у математика совсем не такое, как у художника, поэта, футболиста или кораблестроителя, хотя что-то общее имеется. Рассказывают, что А. Н. Туполев, освобожденный из тюрьмы для выяснения причин неудачных попыток поставить на крыло очередной самолет, посмотрел на него и произнес свой вердикт: «Не полетит». «Почему?» — спросили у него. «Некрасивый», — ответил он. И это чувство красоты, задающее направление для научного поиска — свое в каждой профессии и развивается в течение всей профессиональной жизни у каждого подлинного профессионала. Оно синтезирует в себе все формы опыта, и его нельзя передать как готовое знание, но нужно терпеливо и направленно выращивать у каждого специалиста в ходе совместной живой продуктивной деятельности и личностного, открытого и одновременно глубинного общения.

Когда ученый пишет статью, у него есть чувство соразмерности отдельных ее частей, весомости приводимых аргументов, уместности того или иного пассажа или примера. Он чувствует нарушение логики, даже когда еще не понимает в чем состоит это нарушение, чувствует противоречивость отдельных положений и т. д., и т. п.

Однажды мой коллега сказал про одного из авторов, что, когда читаешь его статьи, возникает такое чувство (ощущение), будто ешь суп без соли. Речь, конечно, шла о том, что в работах нет ничего существенного или нового, а просто повтор общеизвестных истин и пр. Но передаваемое этой метафорой чувство объединяет опыт из совершенно разных областей жизни, как бы выделяя

отношение в чистом виде без привязки к тому, что это отношение вызвало.

Разумеется, все сказанное справедливо не только в отношении научной, но и любой другой, в том числе практической деятельности. Все это регулируется нашими чувствами, которые обеспечивают предвосхищение результата, оценку его отклонения от замысла и возможных путей достижения желаемого результата. Заслуга М. Полани не в каких-то открытиях принципиально новых фактов, а том, что он отрефлексировал, отыскал место личностного знания и указал на огромную роль эмоций и чувств внутри максимально рационализированной и требующей предельной логической строгости научной деятельности. Тем большую роль личностное знание играет в обыденной жизни, в социальных отношениях, в искусстве. Но если в науке логическое, рациональное занимает господствующие позиции, а эмоциональное, чувственное работает на радио, служит средством построения строгого научного знания, предварительные «данные» чувственного начала подвергаются обязательной верификации¹ (проверке гармонии алгеброй), то в повседневной жизни, в социальных отношениях, в искусстве последнее слово часто остается именно за чувствами, эмоциями, а попытки дать им логическое обоснование не всегда уместны или часто звучат слабо, неубедительно. Это не значит, что не встречаются талантливые аналитики (критики), способные давать рационалистические объяснения эмоциональных эффектов в жизни и искусстве.

Но чаще всего невозможно (да и не всегда нужно) строить логические объяснения того, за что человека любят, чем вызван конкретный всплеск эмоций и т. п. Во многих случаях именно за эмоциями остается последнее слово, и они не нуждаются в каком-нибудь оправдании. Более того, часто приходится использовать рациональные возможности нашей психики для достижения тех или иных эмоций, и тогда разум выступает на службе чувственного начала. Разумеется, эмоциональная жизнь имеет свои собственные внутренние закономерности, существенно отличающиеся от жизни рациональной. Это становится особенно очевидным, когда эмоции достигают максимальной выраженности (говорят, что человека «захлестывают эмоции»), и человек становится глух к рациональным

1 Вспомним приведенные выше слова А. Пуанкаре: то, что красиво, возможно, истинно (необходимо проверить, не обманка ли это, не принять красоту за настоящую красоту), но то что некрасиво, даже не стоит проверять.

аргументам. Резко возрастает эгоцентризм, растет нескритичность, падает чувствительность к формально-логическим противоречиям, деформируется система ценностей, появляются пренебрежение достоверным знанием, наблюдаются симптомы дезорганизации поведения и т. п.. Как правило, все это возникает в ситуациях фрустрации, когда не удается достичь значимых целей и удовлетворения потребностей в рамках рационально обоснованного поведения или устоявшихся, привычных путей достижения нужного результата. Редукция фрустрирующих факторов приводит к тому, что эмоции уходят в тень, опять становятся «серыми кардиналами» нашей жизни, управляя ею в основном из-за кулис. Но и в обычной жизни рациональное начало во многих, если не в большинстве, случаев уступает эмоциональному там, где они входят в противоборство, как в случае вредных привычек (курения, алкоголизации и др.), нарушения врачебных рекомендаций, иррациональных или даже опасных для жизни поступков и т. п.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что там, где эмоции (чувства) и разум функционируют содружественно (в частности, в познавательной деятельности), они как бы бегут впереди разума и логики, прокладывая им пути для превращения имплицитного, эмоционального предзнания в эксплицитное, артикулированное знание; при этом мера его рефлексии и артикуляции будет зависеть от запросов деятельности, достигая максимальной величины в случае научно-исследовательской деятельности, когда речь идет о научном знании. И эта схема работает как на уровне актуалгенеза (функциональный анализ), так и на уровне онтогенеза (генетический анализ). Но если в функциональном анализе мы, как правило, можем примерно проследить, на какой почве, из какого опыта рождается эмоциональное предвосхищение, то в раннем онтогенезе нам остается только апеллировать к «врожденным предположениям» в терминологии К. Поппера. Действительно, в литературе накапливается все больше аргументов в пользу решающей роли предвосхищения на самых ранних стадиях онтогенеза психических функций. Е. А. Сергиенко, подытоживая исследование по этой теме, делается вывод, что «предвосхищающую¹ схему можно срав-

1 Когда говорят об антиципации, то кроме слова «предвосхищение» используют слова «предвидение», «предсказание», «предчувствие». Иногда дифференциацию этих терминов связывают с типом ведущей модальности человека (зрительной, слуховой, тактильной). Но если в слове «предчувствие» «чувство» трактовать не как синоним «ощущения», а как синоним «эмоции», а эмоцию как поставщика пред-

нить скорее с генотипом, чем с фенотипом» (Сергиенко, 2006, с. 109), поэтому, отвечая на сформулированный выше вопрос — можно ли считать эмоцию (чувство) одной из форм знания, хочется дать положительный ответ, имея в виду знания-предрасположения, о которых так категорично говорит К. Поппер.

Гипотеза соматических маркеров А. Дамасио

Прежде чем попытаться сформулировать предположение об онтогенетически первичных формах чувства человека, необходимо рассмотреть получившую широкую известность и экспериментально проработанную теорию Антонио Дамасио о сущности и предвосхищающей функции эмоций в принятии решений человеком или «гипотезу соматических маркеров» (Damasio, 2003).

Уже сами названия некоторых его работ (например, «Чувство происходящего», «Чувствующий мозг» и др.) настраивают на представления о центральной роли чувств в психической регуляции жизни и, прежде всего, в принятии решений. Можно сказать, что нами движет осознанное или бессознательное предвосхищение того, «как я буду чувствовать себя, если сделаю это», т. е. поступлю так или иначе. Здесь следует сразу оговорить, что А. Дамасио предлагает не совсем традиционный критерий для разведения понятий эмоция (emotion) и чувство-переживание (feeling). Чувства — это эмоции, которые осознаются, в которых человек может дать себе отчет. Но осознание не является обязательным условием для того, чтобы эмоция выполнила функцию антиципации при принятии решений. Мышление не является функцией исключительно мозга, ум равным образом воплощен в нашем теле и даже в рациональном принятии решений эмоции и чувства играют ключевую роль.

Эмоция определяется как ансамбль изменений в теле и мозге, вызванных особой подсистемой мозга, реагирующей на восприятие объекта, события или ситуации, значимые для человека в контексте решаемых им жизненных задач. Внешние воздействия, вызывающие эмоцию, называются «первичными индукторами» (или эмоциональными стимулами), а воспоминания, образы, знаки первичных индукторов называются «вторичными индук-

знания, то получаем двухэтажную конструкцию «предпредзнания» для обозначения той ситуации, когда у нас еще нет чувства, обеспечивающего предзнание, но мы чувствуем, что скоро оно появится.

торами эмоций». Возникающие при этом эмоциональные изменения включают в себя изменения в теле: внутренние (выбросы эндокринных желез, пульс, давление, тоника мышц) и внешние (поза, мимика, поведение – бегство, борьба, замирание и т. п.), а также изменения в состоянии мозга – выделение нейротрансмиттеров, модификацию соматосенсорных карт, поток сигналов от различных участков тела к соматосенсорным областям. Все эти изменения ярче выражены при воздействии первичных индукторов (они могут быть врожденными или возникнуть в результате научения) и слабее, если появляются вторичные индукторы. Мозг запоминает, маркирует эмоциональное состояние тела (создает соматический маркер) в момент его реакции на индуктор. Когда человек решает выбрать то или иное действие, организм «вспоминает» свое состояние в той ситуации, к которой предполагаемое действие может привести, и это действие начинает восприниматься как привлекательное или отталкивающее еще до того, как эмоция осознается (превращается в чувство). Но эмоция срабатывает независимо от того, будет ли она осознана, хотя в случае осознания эффект будет более гарантированным, а при его отсутствии останется интуитивной подсказкой, которой человек может довериться, а может и проигнорировать ее. Эмоции, имеющие отношение к решаемой задаче, способствуют более эффективным решениям, а не имеющие – мешают, уводят в сторону.

Эмоциональность – это наша способность ощущать внутренний резонанс, откликаться на «лимбически ведомые» всплески – маркеры («чувствую нутром», «внутри что-то ёкнуло», «почувствовал смутное подозрение») и как-то их интерпретировать. Эта способность постоянно востребована в нашей повседневной жизни. Чисто эмоциональные решения (без перехода на стадию рационально аргументированного выбора) незаменимы в случаях лимита времени, высокой неопределенности ситуации, многочисленности факторов, требующих учета и т. п. Например, при снижении неопределенности задачи ведущую роль начинает играть интеллект, что экспериментально показано на задачах из Айова-теста (Корнилова, Чумакова, Корнилов, 2017). По Дамасио, именно интуиция обеспечивает интеграцию эмоциональных последствий прошлых взаимодействий с миром так, чтобы можно было оценить, будет ли результат того или иного взаимодействия с объектом положительным или отрицательным.

Гипотеза А. Дамасио согласуется со многими эмпирическими данными, полученными автором и другими исследователями

(см. обзор: Медведева, Ениколопова, Ениколопов, 2013), в частности, с результатами опытов на людях, имеющих повреждения различных областей мозга. В то же время ряд авторов высказывают критические замечания по ряду ее положений, но в любом случае она весьма эвристична и существенно продвинула исследования в области эмоциональной регуляции принятия решений. Давая высокую оценку работам А. Дамасио, можно высказать два замечания.

Во-первых, человек, устроенный по модели Дамасио, — чисто реактивное (пассивное и адаптивное) существо, полностью зависящее от внешних воздействий, если речь идет о первичных индукторах эмоций. Они или врожденные, или приобретенные, случайно появившиеся в нашей жизни и вызвавшие сильные ощущения, но такие индукторы всегда остаются внешними. Вся надежда на вторичные индукторы, но сила их воздействия гораздо меньше и, главное, повисает в воздухе вопрос, чем определяется продуцирование вторичных индукторов эмоций, что детерминирует наши «вспоминания», воображение, построение знаков и символов, выступающих в роли вторичных индукторов. Ведь эмоции, презентующие нам наши потребности, должны сами побуждать и направленно генерировать нашу активность, а не просто осуществлять селекцию полезного и вредного из всего, что по случаю воздействует на нас. Что побуждает нас целенаправленно изменять мир, а не просто адаптироваться к нему? Какие эмоции и при каких условиях презентуют потребности в личностном росте, в самоактуализации, в новизне и т. д.?

Второе замечание относится к вопросу, который вслед за Вундтом и Крюгером ставили многие авторы: какой эмоциональный конструктор составляет ту самую изначальную недифференцированную целостность, из которой затем вычлняются частные эмоциональные образования и которая придает целостность, выступает стержнем всей психики человека. Набор отдельных соматических маркеров остается разрозненной мозаикой, рисунок которой меняется от случая к случаю в зависимости от внешних индукторов. Есть ли какая-то структура (иерархия, гетерархия или структурированная сеть), в которую маркеры встраиваются? Взаимодействуют ли они друг с другом? Утверждается лишь, что релевантные задаче маркеры (эмоции) помогают решению задачи, а нерелевантные мешают. Разумеется, можно сказать, что это вопросы для будущих исследований и развития теории, но без попыток двигаться в эту сторону многие положения просто повисают в воздухе.

Чувство мира и эмоциональная (аффективная) ткань психики

Для поиска ответов на поставленные вопросы нужно обратиться к раннему онтогенезу, где, как мы уже отмечали, ярко выражена способность к антиципации, хотя есть только первичные индукторы и их круг очень узок. Как этот круг расширяется, что обеспечивает преемственность и целостность эмоциональной жизни, роста и обогащения эмоциональности, каковы индивидуальные варианты ее развития? Есть все основания полагать, что новорожденный обладает наряду с когнитивными предрасположениями (предзнаниями), о которых мы говорили выше, первичным чувством мира, из которого развивается все многообразие эмоциональной жизни взрослого человека. Несомненно, что многие составляющие этого чувства обусловлены не только генетически, но зависят и от условий внутриутробного развития; что это чувство еще весьма аморфно, синкретично, недифференцированно, но в нем уже заложены фундаментальные константы, определяющие ход процессов будущего взаимодействия с миром, становления индивидуальности и развития качеств человека как субъекта, как личности. Можно полагать, что речь идет о таких аспектах чувства мира, которые осуществляют преднастройку отношения к нему как опасному или безопасному, требующему полного подчинения или активности, постигаемому (открытому для познания) или не постигаемому, закрытому, податливому или сопротивляющемуся, коварному или доброжелательному и т. п.

Чувство мира как совокупность основных параметров нашего отношения к нему, в ходе жизни дифференцируется, обогащается, углубляется, приобретает сугубо индивидуальные и неповторимы черты у каждого человека, но оно всегда (корме особых случаев психической патологии) сохраняет определенную целостность, неизменность в каких-то стержневых моментах при неизбежной эволюции с возрастом и по мере накопления жизненного опыта, а также в зависимости от условий жизни, социального статуса и т. п. Не только психические, но и соматические заболевания порой приводят к радикальным перестройкам чувства мира и этому сопутствует, как правило, смена образа жизни. Но чувство мира всегда выступает одной из главных детерминант, задающих направление нашего развития, и одновременно стабилизирующих линию жизни, приводящих к единому знаменателю порой разрозненную мозаику наших чувств, поступков, переживаний, принимаемых решений и т. п. Этому понятию необходимо придать ста-

тис важной психологической категории, развернуть исследования параметров чувства мира, закономерностей его развития в онтогенезе, способов диагностики и методов коррекции (при необходимости), создать типологию индивидуальных вариаций этого конструкта. Есть основания полагать, что все это будет содействовать решению многих актуальных проблем психологической науки.

В методологическом плане чувство мира, будучи заложенным в самые начала человеческого бытия, помогает понять источники (или истоки) активности человека. Чувство — это всегда отношение, и человек рождается с таким отношением, которое он реализует в форме активности. В. П. Зинченко использует понятие «чувство порождающей активности» (введенное М. М. Бахтиным для описания процессов порождения слова), распространяя его на другие формы активности. «Чувство порождающей активности имеет универсальный характер и далеко выходит за пределы порождения речевого высказывания. Выше речь шла о чувственной ткани образа и биодинамической ткани движения и действия. И та, и другая ткань является чувствующей. И в этой чувствительности в большей или меньшей степени присутствует эмоциональная составляющая (ср. *emotion* и *e-motion*)» (Зинченко, 2010, с. 103). В. П. Зинченко в одной из последних своих книг «Сознание и творческий акт» обращает внимание на то, что многие авторы внесли вклад в развитие метафоры «ткань (материя) сознания» в дополнение к метафоре «потока сознания» У. Джемса. У метафоры ткань присутствуют «субметафоры» — «узор», «орнамент», «канва», «шов», мандельштамовский текстильный слой («утолщение» метафоры порождает «ковровую ткань психики или сознания»). Сам В. П. Зинченко и в теоретических, и в экспериментальных работах широко использовал понятия «биодинамическая ткань» движения или действия, «чувственная ткань образа (здесь чувство — синоним ощущения), «аффективная или эмоциональная ткань» переживания и др. Но строя свою трехслойную структуру сознания и помещая в бытийный (экзистенциальный) слой первые два вида «ткани», он не нашел места в своей структуре третьему виду — аффективной или эмоциональной ткани. Разъясняя причину такого решения В. П. Зинченко отмечает, что этот вид ткани латентно присутствует во всех слоях, в том числе, собственно, в биодинамической ткани и чувственной ткани сознания, поэтому его нельзя выделить в особую структурную единицу. «Аффективная ткань действия (опыта), как и аффективная ткань значений и смыслов (мысли), участвуют в становлении и функционировании бытийного и рефлексивного слоев сознания.

<...> Еще более отчетливо аффективная сфера представлена в духовном слое сознания» (там же, с. 265).

Владимир Петрович обладал удивительной, можно сказать, завораживающей способностью вовремя и к месту извлекать психологические мысли из философских и художественных текстов (чаще поэтических) или давать им психологическую интерпретацию. И хотя порой поэтические и философские экскурсы уводили читателя несколько в сторону от основной развиваемой автором идеи, читатель прощал ему эти отклонения в переключке психологических, философских и поэтических форм человеческой мысли, удивляющихся своей живой многогранностью и богатой метафоричностью. Его цитату из Бориса Пастернака «в рамках сознания сила называется чувством» (там же, с. 113) можно было бы сделать эпиграфом к настоящей статье, настолько точно она отражает основную идею статьи. Осталось только немного расширить рамки — в психологии «сознание» и «человеческая психика» практически синонимичны. И тогда можно сказать, что при рождении в мир приходит сильный человек; человек, наделенный чувством, «чувством мира», и именно эта сила становится одной из первых и главных детерминант развития всех остальных подструктур человеческой психики.

Заключение

Отвечая на повторяющийся в статье вопрос, о том, что же все-таки является синтезирующим началом психики, придающим ей целостность и роль исходной клеточки, начальной единицы психического, содержащей в себе в зародышевом (свернутом) состоянии все «органы» психики и выступающим в качестве внутренней детерминанты ее развития, можно назвать именно «чувство мира». Оно является, как минимум, биполярным конструктом, содержащим в себе в синкретическом единстве субъективное (чувственное) и объективное (когнитивное) начала. При этом в каждом из этих полюсов, как мы уже говорили, ссылаясь на С. Л. Рубинштейна, содержится оба начала, но в разной пропорции (с разной представленностью). По мере психического развития полюса расходятся, наблюдается как бы деление исходной клеточки. Полюс с доминированием объективных составляющих вырастает в «образ мира», но он остается с выраженным субъективным компонентом при доминировании объективного¹. А из субъективного полюса вырастает роскошный

1 Если из знания (в любой форме) полностью вычесть субъективный полюс, субъективное начало, то образуется чисто объективное зна-

букет сильных и расчлененных эмоций, чувств, настроений, страстей, аффектов, но он сохраняет целостность, уникальность, неповторимость отношения к миру.

Любое чувство, любой эмоциональный процесс остаются элементами единого чувства мира, несущим на себе его печать, его родовые качества. Зачаточный (зародышевый) образ мира по необходимости присутствует с самого начала, без него не может существовать и субъективный полюс. Ведь чувство как отношение может быть только отношением к чему-то иному. Чтобы выделиться, субъективное начало должно себя чему-то противопоставить. И роль такого «прообраза мира» выполняют врожденные знания (кому-то удобнее их называть «предзнания» или «предрасположения», по К. Попперу). Они зафиксированы в самом устройстве организма (тела, мозга, всех систем жизнеобеспечения). Уникальность и неповторимость этого устройства порождает уникальный и неповторимый прообраз мира, и чувства мира, в которое этот прообраз входит одним из полюсов. Столь же уникальными остаются выросший из прообраза «образ мира» с объективной доминантой и чувство мира с доминантой субъективной, делающей решающий вклад в формирование индивидуальности и личности человека, его субъектности в другой терминологии.

Именно в акте полагания прообраза мира в качестве некой данности и проявляется первая форма активности живого существа на начальных стадиях жизни¹. Вспомним изложенную в начале статьи идею В. Вундта о том, что сильные чувства могут порождать ощущения, а слабые оказываются в подчиненном положении по отношению к ощущениям, а также идею «чувства порождающей активности», которую В. П. Зинченко заимствовал у М. М. Бахтина и придал ей более широкое звучание. В русло этих идей хорошо вписывается гипотеза о роли эмоций в презентации субъекту результатов выдвижения и проверки гипотез. Работы А. Дамасио дают богатый материал для построения гипотез о том, как могут

ние, которое К. Поппер назвал Миром 3. Он может существовать автономно (мир логического содержания книг, компьютеров и других носителей информации), но не может развиваться без человека (Поппер, 2002, с. 78).

1 Разумеется, прообраз и образ мира животного гораздо беднее, поскольку беднее (проще) устройство его организма, но он оказывается адекватным именно для его образа мира, в расчете на его формы жизнедеятельности. В этом смысле представляют интерес работы К. Э. Фабри об образе мира у рыб (Фабри, 1988).

выглядеть механизмы зарождения и развития чувства мира (и его составляющей — прообраза мира) с субъективным (чувственным) и объективным (познавательным) полюсами и какие силы приводят к разведению и дальнейшей содружественной работе этих полюсов на последующих этапах формирования всех органов психики.

Литература

- Артемяева Е. Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Вилюнас В. К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 3–28.
- Вундт В.* Основы физиологической психологии. М.: Либерком, 2015а.
- Вундт В.* Очерк психологии. М.: Терра, 2015б.
- Грот Н.* Психология чувствований // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 64–82.
- Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А.* Интеллект и успешность стратегий прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 4 (в печати).
- Крюгер Ф.* Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 108–118.
- Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1971.
- Медведева Т. И., Ениколопова Е. В., Ениколопов С. Н.* Гипотеза соматических маркеров Дамасио и игровая задача (IGT): обзор // Психологические исследования. 2013. № 6 (32). С. 10. URL: <http://psychology.ru/index.php/num/2013v6n32/912-medvedeva32.html>.
- Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Поппер К. Р.* Объективное знание. М.: УРСС, 2002.
- Пуанкаре А.* Математическое творчество // Ж. Адамар. Исследование процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио. 1974. С. 135–145.

Мир чувств и чувство мира

- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии в 2 т. М.: Педагогика. 1989. Т. II.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Симонов П. В.* Информационная теория эмоций // Общая психология. Тексты / Под ред. В. В. Петухова. Т. 2. М.: Генезис, 2002. С. 480–487.
- Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1985.
- Смирнов С. Д.* Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления // Мир психологии. 2003. № 4 (36). С. 18–31.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1969.
- Фабри К.* Введение в общую и прикладную ихтиопсихологию. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1988.
- Четвериков А. А.* Функции // Когнитивная психология: Феномены и проблемы / Под ред. В. Ф. Спиридонова. М.: УРСС, 2014.
- Damasio A. R.* Looking for Spinoza: joy, sorrow and feeling brain. Orlando, FL: Harcourt, 2003.

Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева¹

Т. В. Галкина, А. Л. Журавлев

Введение

Накопление и развитие *психологических знаний* происходило в разных науках и сферах человеческой деятельности. Психологические знания могут иметь разные источники. Слова «психология» и «психологический» встречаются не только в научной психологии, но и в обыденной жизни, искусстве и др. Психология – весьма широкое понятие, которое применяется к разным видам человеческой практики и знания. Традиционно выделяют два типа психологических знаний: *ненаучные* и *научные знания*. Ненаучные психологические знания, в свою очередь, обычно делят на *житейскую психологию, иррациональную психологию (или парapsихологию) и искусство*. Научное психологическое знание включает в себя *академическую и практическую психологию* (см.: Взаимоотношения..., 2015; и др.). Выделенные типы психологического знания отличаются по методам получения знаний, особенностям их построения, способам выражения и обоснования, а также критериям истинности.

Говоря о типах научных знаний, часто выделяют также описательное, эмпирическое и теоретическое знание. Есть и другие классификации типов знания.

В середине XIX в. философ О. Конт, основатель позитивизма, предложил свою концепцию развития человеческого знания. Он выделил три последовательно сменяющиеся одна другую формы знания: *религиозное* (основанное на традиции и индивидуальной вере), *философское* (основанное на интуиции автора той или иной концепции, рациональное, но умозрительное по своей сути), *позитивное* (научное знание, основанное на фиксации фактов в ходе целенаправленного наблюдения или эксперимента). Конт полагал,

¹ Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2016-0002.

что человечество последовательно меняет формы знания, вырастая, как подросток, из одежды, которая стала тесной, а не как модница, меняющая платья старого фасона на последний крик моды, но при этом оставляющая платья в шкафу на всякий случай. Старые формы человеческого знания (религиозное и философское), по О. Конту, должны неизбежно отмереть и стать предметом исследования историков культуры. Однако ни XX, ни XXI в. не отвергли ни философское, ни религиозное знание. Значит, речь идет не о смене одного знания другим, а об их равноправном сосуществовании. Различные формы знания существуют и развиваются и параллельно, и взаимодействуя, но в определенные периоды исторического развития цивилизации доминируют те или иные формы знания.

Я. А. Пономарев, хорошо знавший историю философии, глубоко изучивший историю психологии, безусловно, был хорошо знаком как с теорией позитивизма Конта, так и с другими подходами к проблеме развития научных знаний, в частности, такими, как критический реализм К. Поппера или теория научных революций Т. Куна. Существующие теории развития научного знания вызывали у Пономарева вопросы уже на ранних этапах его творческого пути, однако проблемой развития и типов психологического знания ученый вплотную занялся только в конце 1970-х годов, когда им был сформулирован сначала принцип, а потом и универсальный закон ЭУС («этапы—уровни—ступени») (Пономарев, 1983, 1990, 2006, 2010). Пономарев стал изучать развитие научного знания на материале более других наук известной ему психологии, используя при этом принципы, извлеченные им из изучения развития мышления у детей. Интересно отметить, что в точности такой же путь прошел и Ж. Пиаже, хотя его работы в этой сфере не были переведены на русский язык и вряд ли были известны Пономареву (Ушаков, 2006, с. 100–103). Возможно, оба ученых пришли к похожим выводам благодаря тому, что их интересы и образование не были связаны только с психологией (Пиаже был биологом по образованию, а Пономарев учился в МГУ одновременно на двух факультетах — физическом и психологическом, но, в конце концов, надо было определяться, и он блестяще закончил психологический факультет, но тяга и интерес к физике не прошли бесследно, оставив серьезный отпечаток на его исследованиях и трудах в области психологии).

Пиаже говорил, что сфера его занятий — не психология, а «генетическая эпистемология», т. е. наука, которая имеет своей целью исследование закономерностей роста и развития человеческих знаний, а изучение роста знаний и представлений ребенка в рамках детской

психологии — лишь часть этого обширного предмета. Проблематика *развития науки* является логическим продолжением в рамках исследований по генетической эпистемологии, но, безусловно, выходит за рамки психологии, являясь общенаучной проблемой.

Постоянным интересом Пономарева были общие проблемы мироздания, в рамках которых психология — это лишь одна, хотя и важная часть. Именно поэтому, когда появилась возможность, ученый с легкостью вышел за рамки сугубо психологических проблем в область общенаучных, не теряя, однако, связи с основной темой своих исследований по психологии творчества.

В трудах Пономарева представления о *типах психологического знания* и их развитии основаны на схеме специфического механизма общественно-исторического познания. В свою очередь, данная схема построена путем экстраполяции результатов опытов по изучению психологического механизма поведения на область общественно-исторического познания. Это позволило ученому сконструировать этапы развития специфического механизма общественного познания и их трансформации в структурные уровни организации (Пономарев, 1983, с. 15).

Отметим, что генетико-эпистемологический подход, содержащийся в работах Пиаже и Пономарева, противоречит традиционному взгляду на науку, согласно которому наука на протяжении истории подчиняется определенным закономерностям (например, сменам парадигм в виде научных революций). Научное знание, следовательно, меняется, но эта эволюция (и даже революции!) не приводит к смене типов мышления. Генетико-эпистемологический подход ставит под сомнение это положение, предлагая свое: меняется сам тип знания, степень связанности понятий с конструктивной деятельностью научного сознания (для Пиаже) или отношения идеальных теоретических моделей с практикой (для Пономарева). Фактически вопрос ставится следующим образом: изменяются ли в ходе развития науки только знания или же меняются сами *механизмы* порождения знаний? Согласно генетическому подходу, в процессе развития науки меняются механизмы ее функционирования, при этом функционирование науки следует рассматривать не как константу, а как функцию ее зрелости. Таким образом, достаточно очевидно, что генетическая эпистемология противостоит логическому позитивизму, критическому реализму, теории научных революций.

Несмотря на перспективность (прогрессивность) и научную обоснованность, генетический подход не получил поддержки ни у исто-

риков науки, ни у философов, ни у логиков. Не хватило даже мощного авторитета и широкой известности Пиаже, чтобы сделать из генетической эпистемологии серьезную альтернативу другим, «агентическим» подходам к истории науки. Отметим сразу, что работы Пономарева, увы, также не оказали серьезного влияния на науковедов, методологов и историков науки. Почему же так произошло? Попробуем разобраться.

Цель данной статьи — показать, как решается проблема типов психологического знания в трудах Пономарева, высказать свои предположения о возможных причинах агностицизма в современном познании, осветить логику развития философско-психологической системы научных представлений ученого, приведшую его к созданию авторской теории типов психологического знания, и, наконец, обрисовать некоторые перспективы развития третьего — действенно-преобразующего — типа знания в области психологии.

Я. А. Пономарев о возможных причинах агностицизма в современном познании

Яков Александрович Пономарев, выдающийся психолог, глубокий мыслитель, методолог и философ, блестящий экспериментатор в области психологии творчества, безусловно, занимает особое место в отечественной психологической науке. Ученый не раз подчеркивал, что его концепция носит общепсихологический и общенаучный характер, а проблематику творчества, которой он занимался всю жизнь, можно рассматривать просто как область приложения, необходимую для позиционирования себя определенным образом в психологическом сообществе (Пономарев, 2010; Галкина, Журавлев, 2016а и др.; Журавлев, Галкина, 2010; и др.).

Созданная Пономаревым философско-психологическая теория является крупнейшим достижением современной отечественной гуманитарной науки. Значимость его работ велика, но, к сожалению, до сих пор многие его идеи остаются не до конца понятыми и недостаточно разрабатываются. Интересным является то, что сам Пономарев дал свое объяснение этому и подобным явлениям (Пономарев, 2006, с. 278–279; Пономарев, 2010, с. 268–269; Журавлев, Галкина, 2016, с. 275–276). Будучи не просто ученым, а глубоким мыслителем, строящим мировоззренческую систему, он, анализируя проблему типов психологического знания, пытался отрефлексировать, какое знание порождает сам. Причина непонимания и неприятия в 1970–1980-е годы создаваемой им теории, по его

мнению, кроется в доминирующем (господствующем) в обществе типе знания или иначе — неразвитом до оптимального уровня (чтобы понять ту или иную идею, концепцию, открытие и т. п.) *гносеологическом механизме общественного познания*. Этим же, с его точки зрения, объясняется и невозможность сейчас разгадать фундаментальные загадки мироздания. Почему агностицизм, который отвергается прогрессивными идеологиями, фактически имеет место в нашем познании? Пономарев пишет, что разгадка очень просто может быть найдена, если согласиться с предложенной им идеей о гносеологическом механизме общественного познания, который не просто «придуман», а построен путем экстраполяции этапов развития психологического механизма индивидуального познания. Данный же механизм, в свою очередь, был открыт благодаря результатам *экспериментального* изучения Пономаревым развития у детей внутреннего плана действий, иначе — способности действовать «в уме» — СДУ (Пономарев, 1967, 1976, 2006; Галкина, 2006, 2010, 2011; Галкина, Журавлев, 2016б; и др.). Из представления Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания следует очень простой вывод: до сих пор общественное познание не могло избавиться от агностицизма по той причине, что в основе этого познания лежал (и, увы, до сих пор лежит) *неразвитый* гносеологический механизм (Пономарев, 2010).

В принципе познать сущность явления можно, только опираясь на оптимально развитый гносеологический механизм общественного познания, а такой опоры до сих пор еще не было создано. Индивид, имея возможность достичь оптимального уровня развития механизма индивидуального познания (в частности пятого, высшего уровня развития СДУ), мог бы раскрыть фундаментальную загадку, но у него не хватает исходных базовых знаний. Здесь нужны усилия науки и общества, должен быть достигнут соответствующий уровень развития общественного познания, т. е. в соответствии с теорией Пономарева *третий — действительно-преобразующий — тип знания* (с характерной для него реализацией *принципа взаимодействия и междисциплинарных исследований*) (Пономарев, 2006, 2010). Его же во времена создания Пономаревым своей философско-психологической теории не было. Именно поэтому, когда предлагаются идеи, приближающиеся к разгадке фундаментальных тайн, общество вначале оказывается не способным их принять, с недоверием и сомнением воспринимает их. В соответствии с теорией Пономарева, происходит это из-за несовершенства господствовавшего в обществе типа знания — второго, эмпирическо-

го. В этом и состоит ответ на вопрос: почему философско-психологическая система научных представлений Пономарева только сейчас становится понятной и, наконец, востребованной? Происходит долгожданный и предсказанный ученым переход психологического типа знания к новому и перспективному — действенно-преобразующему. Идеи Пономарева, по своей сути, относятся к третьему типу знания, тем самым опережают господствовавший тогда второй — эмпирический — тип знания и не соответствуют ему, и поэтому с таким трудом понимаются и зачастую не принимаются научным сообществом.

Труды Пономарева — это кладезь новых идей и философско-методологических находок, имеющих общепсихологическое и общенаучное значение, осмысление и разработка которых с позиций нового действенно-преобразующего типа знания может поднять социогуманитарные науки и связанные с ними социальные практики на новый уровень.

Объем данной статьи не позволяет подробно рассматривать и анализировать все научные представления в рамках философско-психологической теории Пономарева (подробно о разных аспектах и положениях его теории см.: Галкина, 2006, 2010, 2015; Галкина, Журавлев, 2016а, б и др.; Журавлев, Галкина, 2010, 2015, 2016). Выделим только *основные положения* созданной Пономаревым теории и покажем логику развития его научных идей, чтобы понять, как ученый пришел к созданию своей *теории типов (и этапов развития) психологического (в целом научного) знания*.

Логика развития основных научных идей Я. А. Пономарева

Перечислим *основные положения философско-психологической теории* Пономарева: открытие факта неоднородности результата действия человека, выделение в нем прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продуктов, выявление психологического механизма интуиции; введение в психологию принципа взаимодействия; учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене — внутреннем плане действий (ВПД) (или способности действовать «в уме» — СДУ); открытие сначала принципа, а затем универсального общепсихологического закона ЭУС («этапы—уровни—ступени») — закона преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий; теория типов психологического (научного) знания и разработка идеи эксперимен-

тальной методологии; обозначение перспектив развития не только психологии творчества, но и психологической науки в целом (Пономарев, 2006; Журавлев, Галкина, 2016).

Пономарев, еще будучи студентом, в своей дипломной работе фактически завершил первый цикл экспериментального исследования творческого мышления, сделав свое первое открытие в психологической науке. Он экспериментально установил факт неоднородности результата действия человека, т. е. наличие в нем прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого, связанного с работой интуиции) продуктов. Этот факт, по его словам, укрепил в нем веру в роль *взаимодействия* (в частности, взаимодействия логического и интуитивного в едином процессе творческого мышления), а также натолкнул на разработку представлений о логическом *механизме взаимоотношения взаимодействия и развития*. Это уже имело прямое отношение к дальнейшей разработке ученым системного подхода, как в отношении психологии творчества, так и методологии психологической науки в целом.

Проводя циклы экспериментальных исследований в области решения творческих задач взрослыми людьми, интуиции и логики в процессах мышления, а также интеллектуального развития детей, Пономарев открыл не только психологический феномен побочного продукта деятельности, но и выявил закономерности развития способности действовать «в уме» – СДУ (иначе внутреннего плана действий – ВПД). Эта способность является базовой для развития других познавательных способностей и, по справедливому замечанию В. Н. Дружинина, выступает своеобразным g-фактором интеллекта (Дружинин, 1999). В то же время СДУ является и центральным звеном психологического механизма творчества и поведения человека в целом. Эта способность необходима для успешного осуществления практически любой деятельности, поведения и взаимодействия людей, поскольку лежит в основе прогнозирования, целеполагания, разработки целенаправленных и целесообразных способов достижения цели. Данная способность обеспечивает успех в нахождении интуитивных решений, их вербализации и формализации (Пономарев, 1976, 2006 и др.; Галкина, 1986, 2006, 2011, 2015 и др.).

В результате многочисленных исследований Пономарев выявил существование пяти (гипотетически шести) этапов развития способности действовать «в уме» (СДУ). Эти этапы качественно отличаются один от другого, но в то же время пластично взаимосвязаны. Первый этап является фоновым, исходным – здесь дети

не могут действовать «в уме» в масштабах требований, предъявляемых конкретной методикой¹. На втором этапе развития СДУ задачи решаются, но только во внешнем плане, а во внутреннем плане возможна лишь репродукция уже готового решения. На третьем этапе появляется способность манипулировать представлениями вещей, но еще не удается в достаточной мере подчинить эти манипуляции требованиям словесно поставленной задачи. На четвертом этапе такое подчинение оказывается возможным: найденное решение кладется в основу плана повторных действий, каждое из которых теперь строго соотносится с требованиями задачи. Пятый этап характеризуется полным развитием СДУ: с самого начала «в уме» строится план, вся программа и система действий (Пономарев, 1967, 1976 и др.).

Занимаясь разработкой проблем психологии творчества, умственного развития детей и методологии психологии, Пономарев фактически проводил свои исследования по двум направлениям: (1) исследовал закономерности решения творческой задачи интеллектуально развитыми взрослыми, у которых способность действовать «в уме» (СДУ) достигла полного (или почти полного) развития (Пономарев, 1960, 1976, 2010); (2) изучал особенности развития и формирования этой способности – СДУ – у детей (в ранних его работах данная способность называется – ВПД – см. Пономарев, 1967). Сопоставление результатов этих исследований позволило ему прийти к открытию, что формы поведения детей на разных этапах развития способности действовать «в уме» оказались подобными формам поведения взрослых на соответствующих фазах (ступенях) решения творческих задач. Это дало возможность Пономареву сделать вывод, что этапы онтогенеза способности действовать «в уме» не исчезают бесследно, а преобразуются в структурные уровни организации механизма, с помощью которого решаются творческие задачи. Таким образом, он увидел, что этапы развития ребенка в онтогенезе, формы его поведения подобны формам поведения взрослого человека, решающего творческую задачу. Такое сопоставле-

¹ Для определения этапа развития способности действовать «в уме» как в работах Я. А. Пономарева (1967; 1976), так и его учеников и последователей (Галкина, 1986, 2006, 2011, 2015 и др.; Хуснутдинова, 1993; Пономарев, Пастернак, 1995; Пономарев, Галкина, Кононенко, 1997; Хайкина, 1998; Кононенко, 2004; и др.) была использована разработанная им и частично модифицированная (в целях конкретных эмпирических исследований) методика «Игра в классики», подробно описанная в вышеупомянутых работах.

ние результатов позволило Пономареву сформулировать сначала принцип развития, а затем универсальный закон ЭУС («*этапы-уровни-ступени*»). Согласно этому закону, любой психический процесс (позже Пономарев говорит о любой системе) в своем становлении проходит определенные *этапы* развития, которые не исчезают бесследно, а превращаются в структурные *уровни* его организации и выступают в виде функциональных *ступеней* решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) для человека ситуациях. В общем виде эти функциональные ступени решения творческих задач являются функциональными ступенями дальнейших развивающих взаимодействий.

Открытие закона ЭУС дало возможность Пономареву выработать структурно-уровневое представление о *психологическом механизме творчества и поведения* (Пономарев, 1976). Он пишет, что результаты проведенных им опытов с детьми и взрослыми позволяют схематически изобразить центральное звено психологического механизма интеллекта, творчества и поведения в целом в виде двух проникающих одна в другую сфер. Внешние грани этих сфер можно представить как абстрактные пределы мышления – интуитивный и логический. «Снизу» таким пределом оказывается интуитивное мышление, где действия выполняются преимущественно во внешнем плане, они неосознанны, невербализованы, эмоциональны, процесс и продукт здесь не расчленены. «Сверху» находится логическое мышление человека. Действия здесь строятся по жесткому внутреннему плану, они осознаются, вербализованы, процесс и продукт оказываются расчлененными. Важнейшей особенностью данного психологического механизма является *единство* логического и интуитивного, осознаваемого и неосознаваемого, рационального и эмоционального, прямого и побочного продуктов деятельности. Согласно Пономареву, логическое и интуитивное существуют у человека только вместе в виде двух взаимопроникающих сфер (Пономарев, 1976, 2006). Таким образом, психологический механизм творчества и поведения представлен иерархией этапов – уровней развития способности действовать «в уме», которую ученый считает центральным звеном психологического механизма поведения человека в целом.

К описанию и форме представления схемы психологического механизма творчества и поведения (позже Пономарев называет это и «механизмом психологического познания») он обращается неоднократно вплоть до последних дней своей жизни, пытаясь довести до совершенства рисунок и формулировку схемы. Так, в «Послед-

них записках из „Научного дневника“, Яков Александрович, говоря об уровнях психологического механизма, предлагает окончательную формулировку: «Первый (уровень) охватывает (включает в себя) лишь нижние уровни развитого механизма; второй – присоединяет к нижним средние, третий – и высшие» (Пономарев, 2010, с. 270). Из этой цитаты и названия схемы «механизм психологического познания» можно видеть собственную экстраполяцию своих взглядов из психологии творчества и умственного развития ребенка («механизм индивидуального познания») на уровень общепсихологический и общенаучный.

Открыв и сформулировав закон ЭУС (Пономарев, 1976), продолжая разрабатывать концепцию структурно-уровневой организации психики, ученый вплотную занялся вопросами *методологии* психологии (Пономарев, 1983, 1990, 2006). Так, теоретическим результатом серьезного осмысления всей истории психологии творчества стало выдвижение Пономаревым теории этапов развития психологического знания. Проанализировав эволюцию предмета психологии, он показал необходимость и пути развития нового – третьего – типа психологического знания.

Творческим итогом многолетних исследований и размышлений Пономарева стало его (практически завершенное) научное произведение «Перспективы развития психологии творчества» (Пономарев, 2006). В этой работе им четко и ясно показано развитие его научных взглядов, их общепсихологический и общенаучный характер, а также возможность экстраполяции в различные области психологии ряда основных положений его концепции (в частности, закона ЭУС). Здесь же Пономарев уделяет особое внимание собственной трактовке системного подхода, его предмета и двух ветвей системных исследований – конкретно-синкретической и абстрактно-аналитической (Пономарев, 2006, с. 277–278). Согласно его точке зрения, системный подход, как общенаучная методология, является совокупностью накопленных знаний, так или иначе связанных с представлением о генеральном механизме движения, который и есть предмет системных исследований (Пономарев, 2006, с. 281). Таким образом, предметом науки, с позиций системного подхода, по мнению Пономарева, становится *взаимодействующая система*.

Особое внимание ученый уделяет выдвижению и разработке идеи, так называемой, *экспериментальной методологии*, связанной с абстрактно – аналитическим направлением системных исследований, и являющимся главным атрибутом нового, третьего, гипотетически выведенного им, действенно-преобразующего типа зна-

ния. Главным *признаком* экспериментальной методологии является использование психологического эксперимента как средства решения методологических проблем. Пономарев придавал большое значение экспериментальной методологии, по всей видимости, потому, что таким образом обосновывался новый метод построения психологического знания. Пономарев считал, что путь к экспериментальной методологии ему проложило открытие *подобия форм* поведения на этапах онтогенеза ребенка и ступенях решения творческих задач (Пономарев, 2006, с. 278). На основе открытия «*факта подобия*» вслед за представлением о психологическом механизме решения творческих задач у него появилось представление о психологическом механизме индивидуального познания, затем всего поведения и, более того, идея о гносеологическом механизме общественного познания (Пономарев, 2006, с. 227).

Таким образом, теория Пономарева о *типах* (этапах развития) *психологического* (в целом — научного) *знания* явилась логическим продолжением построенной им общепсихологической и общенаучной системы, кратко выраженной в законе ЭУС (Пономарев, 1983, 2006).

Проблема типов психологического знания и их эволюции в трудах Я. А. Пономарева

Разрабатывая свою теорию типов психологического знания, Пономарев пишет, что существует большое количество различных факторов, направляющих современное развитие психологии, но его исследование проведено с позиции лишь одного из факторов, а именно фактора противоречия между типом социальной стимуляции психологии и типом накопленных психологией знаний (Пономарев, 1983, с. 3). В понятие «тип социальной стимуляции психологии» им вкладывается, прежде всего, характер потребности общества, общественного производства в психологическом знании. Выражение же «тип знания» достаточно часто используется в психологической литературе. Так, например, говорят об описательном, эмпирическом и теоретическом знаниях, при этом интуитивно понятны различия между этими типами, но их логический анализ, по мнению Пономарева, нельзя считать завершенным. Он пишет, что тип описательного знания всегда «отягощен» какой-либо теорией и с позиции данной теории ведется и интерпретация описанного. Но ведь достаточно очевидно, что само по себе описание всегда присутствует в качестве необходимой составляющей в любом типе знания,

и поэтому нельзя категорически противопоставлять описательное ни эмпирическому, ни теоретическому. Уже в силу этих наиболее ясных причин термин «описательный» целесообразно заменить термином «созерцательно-объяснительный». Точно так же и эмпирическое знание невозможно лишить элементов теории. Пономарев сохраняет наименование «эмпирический» для второго уровня иерархии типов знания, но для третьего уровня предлагает свое название — «действенно-преобразующий» вместо «теоретический». Таким образом, эмпирическое знание занимает место связующего звена между созерцательно-объяснительным и действенно-преобразующим типами знаний. Эмпирический тип знания опирается на созерцательно-объяснительный, вырастает из него и подготавливает появление действенно-преобразующего, включаясь в него (Пономарев, 1983, с. 4). Пономарев далее пишет, что каждому типу социальной стимуляции соответствует определенный тип знания, но вместе с тем известно, что такое соответствие достаточно противоречиво: смена типа социальной стимуляции обычно опережает появление нового типа знания.

Пономарев выделяет шесть основных этапов развития общественного познания, соответствующих аналогичным этапам онтогенеза психологического механизма поведения (Пономарев, 1983, с. 15–25). Соответствие между научным знанием и интеллектом ребенка проведено через аналогию оппозиций «теория — практика» и «внутренний план действия — внешнее действие». Подобно тому, как в начальный период жизни ребенка внутренний план действия не вычленен из внешних действий, в период зарождения науки теория не отделена от практики, Пономарев говорит в этом случае о «прапрактике».

Кратко опишем выделенные Пономаревым *этапы развития специфического механизма психологического познания*. *Первый этап* — появление условий для новой формы организации исходной системы, развивающейся затем в единство теории и практики («прапрактика»). *Первый этап* — решение прапрактических задач — связан со становлением общества. *Второй этап* — возникновение внешних изобразительных моделей. На этом этапе появляется новая форма реальности — область внешних моделей. Это своего рода первобытное искусство, предшествующее возникновению первобытной науки. *Третий этап* — возникновение знаковых моделей и появление условий формирования логики практической деятельности. Здесь появляются условия преобразования единства предыскусства и предпрактики в простейшие формы теории и практики. На третьем этапе

возникают образования, которые представляют собой исходные компоненты современной теории и практики и их единства. *Четвертый этап* — развитие непосредственного единства теории и практики — характеризуется расчлененным отражением в области внешних моделей продуктов практики и тех преобразований, которые происходят внутри предмета практики; таким образом, в предмете вычленяется объект (т. е. та сторона предмета, которая вступает в познавательное взаимодействие). Развитие логики практической деятельности открывает широкие возможности деятельности в модельной области. *Пятый этап* — формирование генетической логики, появление условий опосредствованного единства теории и практики — характеризуется тем, что в области внешних моделей расчленяются отражения внутрипредметных взаимодействий. Здесь появляется особая форма практики — «модельная практика», представляющая собой научный лабораторный эксперимент, необходимый для выявления законов внутрипредметных взаимодействий. *Шестой этап* — опосредствованное единство теории и практики — специфичен синтезом закономерностей внутрипредметных взаимодействий с целью построения аналитико-синтетических моделей явлений, формирования конкретных, но уже не синкретических, а аналитико-синтетических знаний.

Итак, аналогично тому, как Пономарев выделяет этапы развития психологического механизма поведения, превращающиеся затем в структурные уровни организации системы и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий, он конструирует и вышеописанные этапы развития специфического механизма общественного познания и их трансформации в структурные уровни его организации. Шести этапам развития знания, по Пономареву, соответствуют *три типа знания* — *созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий*. Пономарев не сводит понятие типа знания к понятиям этапа или структурного уровня, или функциональной ступени механизма общественного познания. Он понимает *тип знания как некоторое состояние развивающейся системы наук или отдельно взятой науки*, рассматриваемое, прежде всего, с позиции специфического механизма общественно-исторического познания (Пономарев, 1983, с. 37–38). Для выделения конкретных типов знания Пономарев упрощает общую, созданную им на основании экспериментально полученных данных картину этапов развития и их трансформированного выражения в структурных уровнях организации. Он поступает следующим образом: берет группы этапов, тяготеющих к двум крайним

(низшей и высшей) позициям поэтапной схемы развития познавательного механизма современных знаний, и группу этапов, тяготеющую к средней части этой схемы.

Группа этапов средней части схемы объединяет все звенья в единую цепь, выражающуюся во взаимопроникновении смежных образований друг в друга, которое обеспечивает их неразрывное единство. С точки зрения Пономарева, такая выделенная им триада является наиболее удобной, соответствующей полученным в данной области знаниям и яркой формой репрезентации отличающихся друг от друга типов знания. Каждый из более развитых типов знаний включает в себя предшествующие типы в их трансформированном виде.

Итак, согласно представлениям Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания, существуют определенные типы как психологического, так и любого другого научного знания, развитие которых происходит путем перехода от *созерцательно-объяснительного типа знаний* к *эмпирическому* и далее — к *действенно-преобразующему*.

Кратко опишем выделенные Пономаревым *типы психологического (научного) знания* (Пономарев, 1983, с. 38–43; Пономарев, 2006, с. 216–220). *Первый тип знания* (генетически первичный) — *созерцательно-объяснительный (синкретический)* — побуждается любознательностью и мировоззренческими потребностями общества, характерным для него является непосредственная связь с житейским опытом. Исследователь здесь активно и намеренно *не вмешивается* в ход изучаемых событий. Он фиксирует, описывает, а затем пытается объяснить наблюдаемые явления. Для науки этот тип важен как фундамент, без которого невозможно ее дальнейшее развитие. Постепенно в недрах исходного типа обнаруживаются зачатки нового *второго типа* — *эмпирического (многоаспектного)*, впервые открывающего возможность приобретения собственно научных знаний. Эмпирический тип характеризуется, прежде всего, тем, что исследователь активно и целенаправленно *вмешивается* в ход изучаемых явлений. Успехи проводимых эмпирических исследований оцениваются практикой. Его характерной особенностью является множество эмпирических теорий, связанных с эмпирической многоаспектностью и слабой обобщаемостью знаний (огромная масса эмпирических работ представляет конгломерат знаний, которые переполняют науку, лишая ее возможности обобщения — наука оказывается не в состоянии использовать все полученные знания во всем их потенциальном богатстве). Несмотря на то, что число

эмпирических исследований продолжает расти, темп подлинного развития науки практически замедляется, иногда приобретая даже обратное движение. Это приводит к тому, что в недрах эмпирии формируется новый *третий тип знания* – *действенно-преобразующий (системный, структурно-уровневый)*. К основным характеристикам этого типа знания можно отнести следующие: происходит упорядочивание эмпирической многоаспектности, выделяется предмет исследований, его место в системе комплексного изучения явления и взаимосвязей со смежными структурными уровнями его организации; успехи эмпирических исследований оцениваются моделированием; связь с реальной практикой становится опосредствованной; выделяются два полюса знания: абстрактный и конкретный (Пономарев, 1983, с. 136).

Особый интерес для Пономарева представлял именно этот третий, гипотетически выделенный им, действенно-преобразующий тип знания. Он подчеркивал, что для этого типа знания большое значение приобретает реализация именно абстрактно-аналитической ветви системного подхода: опора на принцип взаимодействия, описание абстрактно выделенных свойств вещей и объектов, выявление генезиса событий, возможность формулировать и решать именно теоретические задачи. При этом Пономарев указывал, что действенно-преобразующий тип знаний не ограничивается абстрактно-аналитической стороной. На основе синтеза абстрактно-аналитических законов создаются аналитико-синтетические модели явлений и вскрываются соответствующие им конкретные законы. Отметим, что именно эти конкретные законы и аналитико-синтетические модели явлений после необходимой эмпирической доводки превращаются в руководства для практических действий (Пономарев, 2006, с. 220).

Стратегия и перспективы действенно-преобразующего типа психологического знания

В работах Пономарева особое внимание уделяется *стратегии исследований*, характерной для *действенно-преобразующего типа знания*. Пономарев, знавший и ценивший идеи Б. Ф. Ломова (первого директора Института психологии АН СССР – ныне ИП РАН, – где в то время работал Пономарев), подчеркивал, что *основной стратегией* здесь является *комплексный, системный подход*, опирающийся на структурно-уровневую теорию, в основе которой лежит *принцип взаимодействия*, при этом отличительной особенностью научных

исследований в рамках этого типа знания является их *междисциплинарный* характер (Ломов, 1996, 2006; Пономарев, 1983; 2006, с. 220–221, с. 242).

Удивляет то, как Пономарев смог гипотетически в середине 1980-х годов предположить, что наука в XXI веке обратится к разработке тем, связанных именно с действенно-преобразующим типом знания, и психологи будут обосновывать необходимость проведения именно таких исследований (Журавлев, 2007; Кольцова, 2004; Методология комплексного..., 2008; Психология: современные направления..., 2003; Юревич, 2000; и др.).

Пономарев писал, что одним из *критериев* перехода научного знания к действенно-преобразующему типу является *междисциплинарный, системный, комплексный* характер исследований. Представители разных наук (медицинских, педагогических, психологических, экономических, политических и др.) уже давно осознают, что вариант самостоятельного развития науки имеет явные ограничения. Практикующие исследователи убедились в том, что невозможно эффективно решать стоящие перед ними задачи, не привлекая либо накопленные знания в других науках, либо представителей соответствующих научных дисциплин для совместных исследований. Реализация принципа междисциплинарности становится одним из критериев оценки уровней фундаментальности, масштабности и современности того или иного исследования (Журавлев, 2002, с. 83–84).

Отмечается, что характерной чертой развития современной науки в целом, и психологии в частности, является *интеграция* разных областей знания в *целостном* изучении человека (Кольцова, 2004, с. 3–4). В последнее время возрастает стремление к расширению сферы научного исследования, включению в него, наряду с научным знанием, обыденной мысли, освоению результатов познания психической реальности в русле житейской практики человека, в искусстве, мифологии, религии. Рассмотрение различных вненаучных форм развития психологического познания обнаруживает их огромную роль в изучении психического мира человека. В. А. Кольцова подчеркивает, что психологическая наука не имеет права и далее отворачиваться от этого богатейшего и пока еще не освоенного психологического материала (там же, с. 392–393).

Еще одним подтверждением *интегративной тенденции* в развитии современной психологической науки является бурное развитие так называемой поп-психологии, выступающей «универсальным интегратором» всех подходов к пониманию человеческой

психики и воздействия на нее, сформировавшихся в истории человечества (Юревич, 2007). Указывается, что научная психология всегда обладала большой зависимостью от психологии здравого смысла или житейской психологии, хотя в своем стремлении стать подлинной наукой старалась нивелировать или, по крайней мере, минимизировать ее влияние. Потребности общества в психологическом знании вынуждают научную психологию расширять свое исследовательское поле, а также искать новые формы выражения и репрезентации психологического знания (там же, с. 13).

Для развития психологической науки не менее важным является возвращение к научному наследию прошлого. Его анализ с новых позиций дает ориентиры не только для более адекватной оценки истории психологической науки в контексте современного научного сознания, но и может помочь выйти на новые уровни понимания различных психических явлений (Ломов, Кольцова, Степанова, 1991).

Таким образом, мы видим, что есть не только четкое осознание специалистами необходимости перехода психологической науки к новому действенно-преобразующему типу знания, но и реальные возможности и попытки постепенно сдвигать ее в сторону третьего типа.

Итогом глубоких методологических обобщений Пономарева стала предложенная им *экспериментальная методология*, характерная для действенно-преобразующего типа знания. Главным ее признаком, как уже указывалось выше, является использование психологического эксперимента как средства решения методологических проблем и задач (Пономарев, 2006, с. 158, с. 278; Александров, Максимова, 2006, 2015).

Пономарев писал, что переход науки к действенно-преобразующему типу знания, развитие экспериментальной методологии, опора в исследованиях на принцип взаимодействия помогают формулировать четкие взаимоотношения между общей психологией и смежными с ней областями знания, в том числе и прикладными отраслями психологии, функция которых состоит в содействии реализации психологических законов в комплексных исследованиях конкретных проблем (Пономарев, 1983, с. 148). Это теоретическое положение уже реализуется и развивается во многих современных исследованиях (Журавлев, 2007; Кольцова, 2004; Методология комплексного ..., 2008; Психология: современные ..., 2003; Юревич, 2000; и др.).

Развитие и экстраполяция ряда положений философско-психологической теории Пономарева (*принцип взаимодействия, закон ЭУС, факт подобия форм и экспериментальная методология*) прослеживаются в работах отечественных психофизиологов, в частности, И. О. Александрова и его коллег (Александров, 2006; Александров, Максимова, 2006, 2015; и др.). В этих работах показано соответствие *принципа взаимодействия/развития* синтетической теории эволюции: взаимодействие объектов приводит к их видоизменению; происшедшие взаимодействия фиксируются в структурах взаимодействующих объектов (Александров, 2006, с. 24). Системно-эволюционный подход, в рамках которого проводятся эти исследования, эксплицитно вводит понятие структуры как фиксированного этапа развития, что согласуется с *законом ЭУС* Пономарева (там же, с. 10). По мнению современных исследователей, развивая *экспериментальную методологию* как новый метод построения психологического (или любого другого) знания, можно подойти к формулировке принципа реконструкции, который позволит на основе эмпирических измерений свойств объекта реконструировать свойства предмета исследования (Александров, Максимова, 2006, с. 330). *Подобие* предмета и объекта исследования – основание реконструкции, завершающим этапом которой становится переход от свойств объекта исследования к атрибутам предмета исследования. Значение реконструированного в исследовании факта состоит в том, что он позволяет дедуцировать новые следствия из теоретической гипотезы (для будущих исследований), переформулировать ее или отвергнуть, обосновать необходимость введения новых теоретических конструкторов и т. д. (там же, с. 345). Введение в науку *экспериментальной методологии* дает совершенно новые возможности для теоретико-методологических обобщений: используя открытый Пономаревым «*факт подобия форм*», эмпирически изучая объекты исследования, ученые могут делать выводы относительно предмета исследования, который в отличие от объекта не поддается прямому эмпирическому исследованию с использованием конкретных методик. Таким образом, *предмет* исследования, по Пономареву, – логическая, теоретическая конструкция, а *объект* – конструкция эмпирическая. Такой взгляд на предмет и объект исследования отличается от традиционного, существующего в рамках эмпирического типа знания, и является характерным именно для действенно-преобразующего. Пономарев пишет, что для дальнейшего развития науки необходимо как можно быстрее сдвинуть тип знания системных исследований (хотя бы в пре-

делах психологической науки) в сторону третьего типа, а такому сдвигу может и должна способствовать экспериментальная методология. «Именно в этом и состоит неоспоримое достоинство экспериментальной методологии: она преобразует умозрительную философию в экспериментальную, превращая ее тем самым в науку о всеобщих законах Универсума, раскрывающихся при изучении генерального механизма движения» (Пономарев, 2006, с. 283).

Как уже упоминалось выше, одной из ключевых в теории Пономарева является введенная им *категория взаимодействия*, превратившаяся затем в методологический принцип. В своих работах он последовательно и настойчиво объясняет различие в понимании категорий взаимодействия и деятельности: в понятии взаимодействия подчеркивается не только активность субъекта по отношению к объекту, но и возможное обратное влияние объекта на субъект (Пономарев, 1960, 1976, 1983, 2006, 2010 и др.). Подобное понимание взаимодействия было положено в основу при разработке целого ряда других научных направлений исследования, в частности, психологии управленческого взаимодействия (Журавлев, 2004) и психологии совместной деятельности (Журавлев, 2005). Принципиально важно то, что и в управлении людьми, и в совместной деятельности «объектом» воздействия выступает другой субъект.

Идеи Пономарева о периодизации становления психологии творчества и структурно-уровневой организации творческого процесса, введение в структуру психологического механизма творчества *рефлексии* (помимо интуиции), а также возникший еще при его жизни (1990-е годы) *социальный заказ*, в соответствии с которым центром внимания постепенно становился человек активный, стремящийся быть субъектом деятельности, поведения и общения, — все это способствовало разработке нового научного направления в психологии — *психологии рефлексии* (Пономарев, Семенов, Степанов, 1986; Найденов, 2006; Семенов, 2006, 2015; Степанов, 2006; и др.). Исследования Пономарева и его коллег в области психологии творчества и рефлексии, реинтерпретация и концептуально-методологическая эволюция его основных идей способствовали разворачиванию комплекса работ по внедрению полученных результатов в различные *социальные практики*: управление, государственную службу, образование, социальную работу, рекламу, политический, организационный и личностный тренинг, консультирование и т. д.

Исследования, направленные на изучение *рефлексивной* составляющей в качестве базового элемента саморазвития субъекта, связаны с появлением *нового социального заказа общества* — перейти

от познания субъектом глубин внутреннего мира к его преобразованию и самопреобразованию (Попов и др., 2016).

Идеи Пономарева о побочном продукте деятельности и его трансформации нашли воплощение в теоретико-экспериментальных исследованиях Ч. М. Гаджиева, направленных на изучение *группового творчества* (Гаджиев, 1977; Пономарев, Гаджиев, 1983). Полученные результаты имели широкий резонанс и *успешное практическое внедрение*. Была показана возможность распределения функций между участниками творческого процесса, выявлена ролевая структура коллектива изобретателей, включающая так называемых «активаторов», «генераторов», «резонаторов» и «критиков» идей. Распределение и согласование ролей повышает эффективность группового творчества, при этом сама ролевая структура динамична и мера структурирования различна на разных этапах творчества.

На основе изученных рефлексивных и интуитивно-рефлексивных механизмов группового творчества были разработаны различные методы стимулирования эффективной совместной творческой деятельности, а также модели и формы организации сотворческого проектирования (Растяников и др., 2002; Степанов, 2006; Семенов, 2006; Найденов, 2006; Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010, 2011; и др.).

Исследования, связанные с изучением механизмов группового творчества, помимо вклада в общую теорию психологии, безусловно, имеют *выраженное значение для социальной практики*, в частности, для науки, образования, бизнеса и др. (Ушаков, Журавлев, 2016; Психология управления, бизнес..., 2016; и др.).

В настоящее время интенсивно развивается новая междисциплинарная отрасль психологической науки – *социальная психология творчества*. Ее возникновение было бы невозможно без классических работ Пономарева и Гаджиева в области группового творчества (Гаджиев, 1977; Пономарев, Гаджиев, 1983). Именно работы Пономарева и Гаджиева явились первыми конкретными исследованиями в отечественной психологии, выполненными на примере таких форм совместного творчества, как коллективное изобретательство и групповое решение творческих задач. Эти работы впервые сместили внимание исследователей и практиков с индивидуальной креативности на креативность коллективную как групповой феномен. В 1950–1980-е годы основное внимание уделялось способам повышения *индивидуальной* креативности. В последние же тридцать лет основные усилия ученых и практиков направлены на повышение *групповой* креативности, т. е. креативности малых групп и органи-

заций в целом (Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010; и др.). В рамках социальной психологии творчества понятие креативности стало сближаться с понятием инновации (создание новых товаров, услуг и обеспечение их поддержки и внедрения в деятельность организации) (Нестик, Журавлев, 2011). Исследования в области социальной психологии творчества подтвердили *универсальность методологического принципа взаимодействия*, сформулированного Пономаревым. Стало очевидным, что проявление креативности практически невозможно вне социального взаимодействия, т. е. креативность является не только индивидуально-психологической (как традиционно считалось в общей психологии), но и социально-психологической, групповой характеристикой. Творчество стало рассматриваться как *совместная деятельность*, так как индивидуальное творчество всегда является продуктом взаимодействия индивида с широкой социальной, а не только предметной средой.

Одно из центральных мест в теории Пономарева занимают его идеи, связанные с разработкой *концепции о центральном звене психологического механизма творчества и поведения человека – способности действовать «в уме» (СДУ)* (Пономарев, 1967, 1976). Проведенные исследования продемонстрировали возможность экстраполяции научных взглядов Пономарева в отношении способности действовать «в уме» из области психологии творчества в общую психологию и психологию личности (Галкина, 1986, 2010, 2011; и др.). Было показано, что *уровень развития СДУ*, влияя на процесс решения широкого круга задач, в том числе и различных задач на самооценку, определяет особенности формирования и функционирования механизма саморегуляции личности, объединяя в себе как когнитивные, так и личностные характеристики в их неразрывном единстве; тесно связан с особенностями развития речи и двигательных навыков; играет определенную роль в развитии креативности, а также специальных способностей (в частности, музыкальных) (Галкина, 2006, 2015; Галкина, Алексеева, 1991; Галкина, Журавлев, 2016а, б; Кононенко, Галкина, 2007, 2010; Пастернак, 2001; Пономарев, Пастернак, 1995; Пономарев, Галкина, Кононенко, 1997; Хайкина, Галкина, 1998; Хуснутдинова, 1993; и др.). Таким образом, эмпирически было подтверждено гипотетическое предположение Пономарева о том, что СДУ – это не только важнейшая характеристика интеллектуального развития, но и центральное звено психологического механизма поведения человека в целом (Галкина, 2010, 2015; Галкина, Журавлев, 2016б; и др.).

Время показало, что научные представления Пономарева о СДУ открывают широкие возможности в области практической психологии образования и педагогики в плане развития не только общих способностей, отвечающих за формирование самых различных знаний, умений и навыков, но и специальных способностей, креативности и одаренности (Кононенко, Галкина, 2007, 2010; Галкина, 2010; Журавлев, Галкина, 2016; Рубцов и др., 2009).

Рассмотрим еще один пример, подтверждающий идеи Пономарева о третьем — действенно-преобразующем — типе знания.

Разработка проблем, связанных с различными аспектами здоровья человека, в последнее время приобретает все большую актуальность. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что тема «Психологическое здоровье» признана сегодня одной из приоритетных среди современных разрабатываемых психологических проблем. Однако при всей важности ее разработки и признании значимости в данной области остается еще много вопросов, требующих пристального внимания специалистов. Это касается, прежде всего, терминологического и методического аспектов исследований. Так, до сих пор нет четкого определения «психологического здоровья», нет и адекватного методического аппарата для его исследования. Обращение академической психологии к изучению этой проблемы, а также анализ ее состояния позволяют утверждать, что разработка данной темы является прямым подтверждением положения Пономарева о типах психологического знания и его прогноза о необходимости перехода научных исследований к действенно-преобразующему типу знания. Проблема психологического здоровья, безусловно, носит междисциплинарный, комплексный характер. По различным аспектам этой проблемы накоплен богатый эмпирический материал, т. е. она характеризуется эмпирической многоаспектностью (по Пономареву). В настоящее время перед академической наукой стоит задача, обобщив полученные результаты и профессионально отрефлексирав их, выйти на новый уровень научного знания по данной проблематике, иначе наука в этой области знания просто не будет развиваться.

Еще одним интересным моментом является возможность применить к разработке этой проблемы открытый Пономаревым «*факт подобия*» и предложенный И. О. Александровым и Н. Е. Максимовой *метод реконструкции* (Александров, 2006; Александров, Максимова, 2006, 2015), а также *идеи об эксплицитных и имплицитных концепциях*. Изучить само психологическое здоровье и непосредственно выявить его структуру представляется в настоящее время

чрезвычайно сложной задачей, а вот изучив *представления субъектов о психологическом здоровье*, можно через метод реконструкции и имплицитные концепции выйти на разработку структурно-уровневой концепции этого психологического феномена. Первые исследовательские шаги в этом направлении уже сделаны (Артемцева, Галкина, 2016а, б; Галкина, Артемцева, 2014, 2016).

Обобщая существующие данные о содержании понятия «психологическое здоровье», которое, безусловно, имеет сложное уровневое строение, мы также видим возможность экстраполяции положений структурно-уровневой концепции Пономарева. Согласно системному подходу, один уровень структуры того или иного феномена обязательно связан переходными элементами с соседним, он не может не пересекаться в определенной своей части с выше/нижележащими. Каждый уровень обязательно включает в себя определенные свойства, качества другого – соседнего. Пономарев неоднократно подчеркивал это важнейшее методологическое положение психологической науки (Пономарев, 1983, 2006; Журавлев, Галкина, 2016). Не вызывает сомнения, что это в полной мере относится и к разработке проблемы психологического здоровья.

Заключение

Д. Дидро писал, что необъятную сферу наук он себе представляет как широкое поле, одни части которого темны, а другие освещены. Труды ученых имеют своей целью или расширить границы освещенных мест, или приумножить на поле источники света. Одно свойственно творческому гению, другое – проципательному уму, вносящему улучшения. Возьмем на себя смелость утверждать, что Яков Александрович Пономарев был творческим гением, расширяющим границы научного знания. И созданная им философско-психологическая теория – подтверждение этому. Время – лучший судья правомерности, достоверности той или иной идеи, теории, открытия. Сегодня мы видим непосредственные подтверждения гипотетических идей Пономарева о третьем действенно-преобразующем типе знания в виде таких активно развивающихся научно-практических направлений, как социальная психология творчества (Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, Журавлев, 2010, 2011), рефлексивно-гуманитарная психология и педагогика творчества (Найденов, 2006; Растяников и др., 2002; Семенов, 2006; Степанов, 2006); психология образования одаренных (Рубцов и др., 2009; Кононенко, Галкина,

2007, 2010), психология саморазвития и здоровья (Попов и др., 2016; Галкина, Артемцева, 2014, 2016; Психология здоровья, 2006; Шувалов, 2012; и др.). Эти и другие междисциплинарные отрасли психологической науки, безусловно, производят знание, относящееся к третьему – действенно-преобразующему типу (см. также: Современные исследования..., 2015; Творчество..., 2015; и др.).

Более пристальное внимание современных ученых к трудам Пономарева и созданной им философско-психологической системе научных представлений, переосмысление его новаторских идей, касающихся, в частности, теории типов психологического знания и перспектив развития психологической науки, позволит поднять разработки ученого на новый уровень методологического обобщения, имеющего общенаучное значение, и будет способствовать их реализации в разных областях и современной науки, и общественной практики.

Литература

- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Экспериментальная методология Я. А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 329–351.
- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Эволюционная эпистемология Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 12–23.
- Артемцева Н. Г., Галкина Т. В.* Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 182–194.
- Артемцева Н. Г., Галкина Т. В.* Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, 23–25 ноября 2016 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 121–126.
- Взаимодействия исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Гаджиев Ч. М.* Исследование психологического аспекта комплексной проблемы коллективного изобретательства: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1977.
- Галкина Т. В.* Психологический механизм решения задач на самооценку: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1986.
- Галкина Т. В.* Исследование центрального звена психологического механизма поведения // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2006. С. 531–548.
- Галкина Т. В.* Развитие концепции Я. А. Пономарева о центральном звене психологического механизма поведения // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы Всероссийской конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–34.
- Галкина Т. В.* Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Галкина Т. В.* О некоторых возможностях экстраполяции научных взглядов Я. А. Пономарева // Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 410–427.
- Галкина Т. В., Алексеева Л. Г.* Диагностика и развитие креативности // Развитие и диагностика способностей. М.: Наука, 1991. С. 170–178.
- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.* Общее и особенное в представлении о психологическом здоровье личности // Естественно-научный подход в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 805–811.
- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.* Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и независимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 352–381.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: развитие концепции Я. А. Пономарева // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2016б. № 1. С. 22–26.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
- Журавлев А. Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. № 6. С. 83–86.

- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (Теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарева // Я. А. Пономарев. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М.: ООО «ГИД „Арис“», 2010. С. 6–54.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Роль теории Я. А. Пономарева в развитии гуманитарных наук (к 95-летию со дня рождения ученого) // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 5–19.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Философско-психологическая система научных представлений Я. А. Пономарева: истоки, основные положения, перспективы // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы Всероссийской конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 264–279.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кононенко М. А.* Соотношение общих и специальных компонентов одаренности в музыкально-исполнительской деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кононенко М. А., Галкина Т. В.* Музыкально-исполнительская одаренность: соотношение общих и специальных компонентов // Музыкальная психология и психотерапия. 2007. № 2. С. 70–90.
- Кононенко М. А., Галкина Т. В.* Диагностика креативности у начинающих музыкантов-исполнителей // Как учить музыке одаренных детей. М.: ИД «Классика XXI», 2010. С. 97–108.
- Ломов Б. Ф., Кольцова В. А., Степанова Е. И.* Очерк жизни и научной деятельности Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927) //

- Бехтерев В. М. Объективная психология // Памятники психологической мысли. М.: Наука, 1991. С. 424–444.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Найденов М. И.* От «первичной модели» группового субъекта творчества — к «побочному продукту» групп-рефлексивной услуги // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 455–481.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Совместное творчество: состояние и перспективы исследований // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 309–320.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196.
- Пастернак Н. А.* Способность действовать «в уме» как механизм произвольной регуляции поведения личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Пономарев Я. А.* Психология творческого мышления. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
- Пономарев Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М.: Педагогика, 1967.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарев Я. А.* Тенденции развития психологии творчества: место введения. К теории психологического механизма творчества // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: Наука, 1990. С. 3–37.
- Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М.: ООО «ТИД „Арис“», 2010.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 279–295.

- Пономарев Я. А., Галкина Т. В., Кононенко М. А.* Музыкальная одаренность: исследование общих компонентов // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 95–114.
- Пономарев Я. А., Пастернак Н. А.* Влияние способности действовать «в уме» на данные психологического тестирования // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 6. С. 43–54.
- Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 158–159.
- Попов Л. М., Ибрагимова. Е. Н., Устин П. Н.* Концепция психологии творчества Я. А. Пономарева и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.
- Психология здоровья: учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: коллективная монография. Тверь: Изд-во Тв. ГУ, 2016.
- Растяников А. В., Степанов С. Ю., Ушаков Д. В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. М.: Пер Сэ, 2002.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В.* Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
- Семенов И. Н.* Взаимодействие интуитивистики и рефлексии в философии и общей психологии творчества Я. А. Пономарева // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 438–452.
- Семенов И. Н.* Взаимодействие Я. А. Пономарева и М. Г. Ярошевского в развитии психологии творчества и рефлексии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 45–54.
- Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Степанов С. Ю.* Психология творчества и рефлексии в современных социальных практиках // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 482–511.

- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. С. Белова и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Ушаков Д. В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–142.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Социальная психология знания как новая отрасль (вместо введения) // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, А. Н. Поддъяков, А. В. Юревич. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–15.
- Хайкина М. В.* Взаимосвязь между уровнем развития способности действовать «в уме» (СДУ) и особенностями развития речи и двигательных навыков: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1998.
- Хайкина М. В., Галкина Т. В.* Взаимосвязь между способностью действовать «в уме» и особенностями развития речи и двигательных навыков // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 26–41.
- Хуснутдинова Л. Г.* Исследование речемыслительной креативности личности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1993.
- Шувалов А. В.* Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.
- Юревич А. В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.
- Юревич А. В.* Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.

Раздел II

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вызовы современной психологии — импульс для развития?¹

Т. Д. Марцинковская

Социально-психологическая транзитивность

Говоря о вызовах времени, представляется необходимым выделить основной вызов современности и связанные с ним проблемы, встающие и перед людьми, и перед психологической наукой.

Мне представляется, что основным вызовом и основной проблемой, встающей перед нами, является *транзитивность*.

Социальная транзитивность характеризуется не только множественностью, т. е. одновременным существованием нескольких вариантов социального мира в одном временном и пространственном континууме, но и постоянным изменением этих вариантов в непредсказуемом направлении и с неопределенным содержанием. Неопределенность во многом фундируется изменчивостью, так как связана с происходящими многоаспектными изменениями, имеющими веерный характер. Таким образом, можно говорить о транзитивности как множественности, изменчивости и неопределенности макро- и микросоциальных пространств. Множественность в данном случае связана, в первую очередь, с расширением мультикультурного пространства социализации. Глобализация и массовые миграционные процессы увеличивают культурную, лингвистическую, социальную множественность, которая еще больше усиливает изменчивость, казалось бы, привычного окружения.

Сложность в определении психологических характеристик транзитивности связана с тем, что транзитивное общество, по определению, является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках — философии, культурологии, социологии, психологии.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Междисциплинарность понятия «транзитивное общество» отражается в различиях его понимания и интерпретации в исследовательских подходах социологов, философов, культурологов и т. д. (Дубовская, 2014; Асмолов, 2015). В то же время, говоря об особенностях социализации и идентичности в современном транзитивном мире, необходимо обратиться именно к психологической составляющей понятия «транзитивное общество», которая включает в себя не только социальные трансформации, но и их влияние на изменения социальных ценностей и представлений, размытость норм и установок. Психологический анализ понятия «транзитивное общество» позволяет выделить основные черты, определяющие его собственно психологическое содержание (Марцинковская, 2015а).

Вызовы транзитивности для психологии многоаспектны; это и проблема уходящего времени-пространства, и связанная с ней проблема «уходящей природы» в самом широком понимании этого термина. Людям всегда было сложно примириться с новыми временами и социальными трансформациями, однако никогда этот разрыв между новым и старым не был так глубок, и никогда еще будущее не казалось таким неопределенным. При этом необходимо помнить, что транзитивность является не только социальной, внешней, но и психологической, духовной. Поэтому большой разрыв возникает между субъективными и объективными пространствами и временами, отношением и к ним, и к изменениям, в них происходящим.

Можно констатировать, что разные аспекты транзитивности связаны с разными трудностями для человека. Так, изменчивость и неопределенность – с нарушением целостности идентичности, как ее отдельных составляющих, так и временной перспективы (Марцинковская, Марцинковская, 2014а; Киселева, 2017). Множественность затрудняет выбор группы идентификации и направления, пространства социализации. Полученные в наших исследованиях данные (Марцинковская, Юрченко, 2016) показывают, что три составляющих транзитивности являются крайне сложными для построения адекватных моделей социализации в мультикультурном пространстве. Можно предположить, что неопределенность и изменчивость увеличивают гетерохронность и социального, и персонального пространства-времени именно в мультикультурном, а не в монокультурном пространстве. Таким образом, множественность выборов увеличивает сложность ситуации настолько, что во многом исключает возможность поиска рациональных стратегий личностного развития.

Новая ситуация транзитивности характерна для всех поколений, хотя, конечно, наиболее значимой она становится для молодежи и подростков. При этом молодыми людьми, детьми транзитивность осознается как естественная ситуация, в которой происходит процесс их взросления и вхождения в окружающий мир. Это осознание не отрицает рефлексии происходящих трансформаций, нестабильность и неопределенность ценностей, эталонов и норм. Но такая ситуация не вызывает у молодежи того эмоционального дискомфорта, с которым связана транзитивность для старшего поколения.

Вызовы-следствия социально-психологической транзитивности

- *Нарушение гармоничного взаимоотношения между социализацией и индивидуализацией*

Соотношение между стремлением к укорененности в группе (обществе) и одновременно стремлением к персонализации, личностному росту является важным условием личностного развития. При транзитивности трудности связаны с увеличением тревоги и напряженности, следствием чего становится стремление «спрятаться от трудностей», найти убежище в группе (неважно, большой или малой), увеличение конформности. Противоположная динамика связана с доминированием персонализации вплоть до конфликтов с окружающими (негативизм) и/или дауншифтингом.

- *Изменение межпоколенной трансмиссии*

В связи с серьезными трансформациями и текучестью норм возрастной разрыв между поколениями уменьшается. При этом социальные, экологические, культурные и этнические факторы оказывают все большее влияние на процесс образования новых поколений и временные границы между возрастными когортами. Нарушение межпоколенной трансмиссии происходит и из-за несовпадения информационных предпочтений.

- *Изменение роли информационного пространства и обезличенность информации*

Существует большая разница между информационными выборами и доверием к информации между возрастными когортами, особенно в разных регионах. В больших городах этот разрыв особенно велик, так как молодежь выбирает в качестве ведущего источника информации Интернет, которм и доверяет больше, чем TV. Взрослые

и пожилые люди, напротив, выбирают телевидение как основной источник информации, которому больше всего доверяют. Сложности с доверием к поступающей из разных источников информации связаны и с тем, что увеличение роли СМИ, их трансформация в один из институтов «текучей» социализации приводит к обезличенности и обобщенности поступающей информации, к увеличению напряженности и эмоциональному дискомфорту.

- *Нарушение гармоничного соотношения между гибкостью — постоянством ценностей*

Материалы многих исследований показывают, что в ситуации транзитивности нарушается (существенно понижается) способность людей гибко изменять свои ценностные ориентации, соотносясь с новыми социокультурными реалиями, оставаясь тем не менее в рамках определенных важных для них ценностных эталонов. Можно говорить о том, что в этом случае ядро и периферия ценностей постоянно меняются, не давая людям возможности ни правильно понять и оценить происходящие изменения, ни адаптироваться к ним.

К характеристике этих вызовов и возможных путей решения задач, поставленных ими, мы еще вернемся. Но сначала хотелось бы дать общую характеристику причин возникновения транзитивности и ее феноменологии.

Основные причины появления транзитивности

Ситуация транзитивности связана с несколькими причинами:

- сменой веков;
- изменением картины мира;
- появлением нового технологического и информационного пространства.

Смена веков. Рубежи веков, начиная с Нового времени, рефлексировались и учеными, и художниками как определенный перелом, переход (иногда трагический разрыв) к новым реалиям, новым социальным и мировоззренческим концепциям, новым подходам в построении знания. Недаром многие художники ассоциировали последние десятилетия веков с осенью, а первые — с весной. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на ускоряющийся темп жизни и постоянные изменения, сама ситуация смены времени, возможно, именно вследствие постоянных трансформаций затянулась уже почти на 15 лет. И сейчас многие все еще воспринимают настоящее

время как «вывихнутый» век, в котором разорвано прошлое и настоящее. Поэтому для человека сложно воссоединить отдельные звенья его жизни в целостную картину.

Распад связи времен проявляется не только в нарушенной целостности жизни отдельного человека, но, что не менее важно, целостности общества, в котором изменились ценности и стереотипы, изменились даже этнические и географические образы родных мест. Именно это и делает время в восприятии людей «неестественным, вывихнутым», стимулирует ностальгию по стабильному прошлому и неприятие (иногда даже агрессивное отторжение) настоящего. Эта эмоциональная нестабильность зрелого поколения настолько глубока, что заражает и молодых, особенно тех, кто по разным причинам трудно адаптируется в ситуации постоянной неопределенности.

Неопределенность связана с изменчивостью, текучестью, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах. Эта ситуация приводит к необходимости найти в себе те внутренние, духовные способности, которые помогут противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) идентичность человека, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобрела актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на социальном, а на культурном основании.

Изменение картины мира. Изменение картины мира проявляется, прежде всего, в новых представлениях о пространстве и времени, т. е. возможностях человека попасть в разные точки земного шара и продолжительности (вечности) его жизненного пути. Скорость перемещения сделала безграничное пространство прошлого воспоминанием. С другой стороны, понимание того, что жизнь оканчивается сегодня и жить надо «здесь и сейчас», сделало время ограниченным по сравнению с пониманием вечной жизни прошлого. Новые средства передвижения и общения, а также новые представления о жизни и смерти детерминируют существенные трансформации в этих представлениях.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но и затрагивают все стороны взаимодействия разных культур – от обмена технологиями и совместных научных раз-

работок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля — как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как казалось раньше. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни, легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур, а в науке — к междисциплинарности в построении концепций.

Изменение картины мира имеет амбивалентный характер, оказывая как позитивное, так и негативное влияние на становление личности современных людей. Расширение межгрупповых и межличностных контактов приводит к тому, что люди узнают о новых культурах, усваивают новые языки и обретают новые ценности. Это, безусловно, расширяет представления о мире и помогает социализации в транзитивном мультикультурном пространстве. Одновременно происходит и некоторое размывание прежде четких норм поведения и ценностных ориентаций. Появляются и новые мотивы, и новые смыслы, что может как упрощать, так и усложнять (изменять) смысл собственной жизни. При этом может нарушаться целостность идентичности и жизненного пути людей, приводя к личностному кризису. В то же время обретение новых возможностей для саморазвития, новых вариантов и новых контекстов индивидуализации и социализации в других группах с другой культурой и другими ценностями становится более рельефной именно в ситуации транзитивности.

Появление нового технологического и информационного пространства. В настоящее время можно констатировать цивилизационные, а не только социальные изменения, что связано с появлением не просто новой техники, но и новой технологии, нового технологического пространства. Это приводит к новому видению мира, точнее, к новой картине, образу мира, новой феноменологии восприятия и мышления.

Новые технологии стали неотъемлемой частью жизни современных людей, причем влияние становится все более масштабным и всеобъемлющим. Мы входим в другую эпоху, возможно, в новую цивилизационную эру, когда технологическое общество уже перешло в следующую стадию, на которой техника не явля-

ется чем-то внешним для человека. Человек воспринимает машины уже не столько как механизмы, но как часть нашей среды, часто как продолжение наших психических способностей, а не только как орудия труда. Можно, видимо, говорить о том, что технические средства интериоризуются людьми, определяя специфику их восприятия мира, взаимодействия с предметами, общения с окружающими. Современные средства связи и передвижения трансформировали и сам пространственно-временной континуум, и наше представление о нем. Нам действительно уже не дано предугадать результаты воздействия нашего слова, так как оно отзывается часто совершенно в другом измерении, другой части света, на другом языке.

Информационное пространство не может рассматриваться изолированно от общего пространства социализации человека, оно входит в общую структуру поля социализации. Информационные технологии, в частности виртуальное пространство Интернета, становятся важными институтами социализации и детерминантами появления новой идентичности.

Разделяя понятия информационного пространства как общего социокультурного пространства, в котором живут, общаются и действуют люди, и понятия информационного поля, представляющего конкретный источник или группу источников информации, целесообразно выделить несколько критериев, на основании которых можно разделить источники информации на группы. Такими критериями могут быть:

- степень влияния и/или степень доверия к информации;
- форма представленности информации (визуальная, вербальная, аудиоинформация);
- принадлежность к определенным информационным группам (печатный или электронные, фильмы, книги, журналы, музыка и т. д.);
- содержание информации (здоровье, развлечение, хобби, мода, косметика, автомобили и т. д.),
- целевая направленность информации (возрастная, гендерная, профессиональная, и т. д.) (Марцинковская, 2010).

Феноменология транзитивности

Анализ понятия «транзитивное общество» показывает, что такое общество характеризуется следующими феноменами:

- кардинальными социальными трансформациями;
- глобализацией, которая ведет к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов;
- усилением социальной неопределенности, связанной, прежде всего, с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном, изменяющемся мире;
- увеличением продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текущей социализации;
- расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи.

Увеличение миграции приводит к необходимости межличностно-го взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей в новых условиях жизни, неприятия или пассивного отторжения той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности, приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках.

Текучесть и изменчивость ценностей и норм во многом является причиной нарастания тревожности и напряженности людей, которым становится сложнее адаптироваться к постоянно меняющимся «правилам игры». Следствием этого становится и тот факт, что процесс социализации происходит на протяжении всего жизненного пути, поэтому в настоящее время говорится о принципиальной непрерывности процесса социализации. В контексте идеи о непрерывности процесса социализации появляется термин «ресоциализация». При этом современная многомерная культура предполагает «жидкую» социализацию, в которой возможно многоаспектное и не направленное воздействие, а результат может быть отсроченным, латентным.

Эти изменения приводят к необходимости пересмотра понятий «идентичность» и «социализация» и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания.

Говоря об особенностях идентичности в транзитивном, постоянно изменяющемся мире, необходимо подчеркнуть, что проблема

идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения. Эти проблемы, переходя в личностный, трансцендентальный план, ставят во главу угла основной вопрос – что же будет с человеком, сохранит ли он себя как целостную личность в новых условиях?

Трансформации процесса социализации, разведение процесса и результата (социализированности) приводит к изменению соотношения персональной и социальной идентичности. Это связано, прежде всего, с тем, что в транзитивном обществе баланс идентичностей является неустойчивой характеристикой, постоянно смещающейся то в одну, то в другую сторону. Поэтому часто, особенно при широком веере возможностей выбора группы идентичности, доминирует именно личностная, персональная, а не социальная составляющая. Человек получает возможность сформировать (создать), исходя из своих представлений о значимой и соответствующей его индивидуальности группу, в которой социальная идентичность почти тождественна персональной. Интернет-общение и сетевые сообщества также стимулируют создание новых соотношений между персональной и социальной идентичностями, которые связаны уже не только с реальными, но и виртуальными группами. Рассматривая идентичность с этой точки зрения, можно констатировать, что с расширением Интернет-общения происходит увеличение области мнимой и виртуальной идентичности. Существенно возрастает и роль самомониторинга, который дает человеку возможность не только для самокатегоризации, но и для самопредъявления, демонстрации как реальных, так и мнимых качеств, существование которых доказывается не в реальном взаимодействии, но в рассказе о себе.

В современной ситуации общения развивается феномен нарративной идентичности, проявляющийся в том, что в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом (Андреева, 2012). Этот факт непосредственно отражается и в игре идентичностей – возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях, что часто повышает осознанность ролей и себя в них. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой, помогают найти разные варианты «игры» со своей идентичностью.

При нахождении-создании группы идентичности (как реальной, так и особенно виртуальной) происходит самоподтверждение выдуманных (или появившихся в «игре») личностных характеристик, а традиционная связка «категоризация—самокатегоризация» трансформируется в «самомониторинг—самоподтверждение».

Важным моментом является тот факт, что в ситуации изменений и неопределенности, целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. Это актуализирует понятия лингвистической и социокультурной идентичности. Инкультурация, принятие и присвоение культуры — важный фактор, определяющий успешность социализации в новых условиях. Родная культура, язык остаются неизменными в изменяющемся мире, поэтому инкультурация дает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, позволяет найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Говоря о роли языка в развитии идентичности, необходимо помнить о том, что в данном случае понятие «язык» используется в самом широком смысле слова и не может отождествляться с речью. При этом в понятие языковой формы вкладывается не лингвистическое или философское, а психологическое содержание, аналогичное современному нарративному подходу, рассматривающему человека как текст.

Соединение двух линий развития — социализации и индивидуализации — приводит в современной ситуации к появлению разных вариантов устойчивых субкультур, в которых реализуется и формируется новый баланс персональной и социальной идентичности.

Методология как основание развития психологии в ситуации транзитивности

Развитие психологии связано, на мой взгляд, прежде всего, с изменением ее методологии. Трансформации, происходящие в психологии, доказывают назревшую потребность в методологии современной психологии, создании гибкой и легко трансформируемой сети категорий и исследовательских конструкторов, которые могут изучать различные аспекты психики, изменяя их и изменяясь вместе с ними. Таким образом, можно утверждать, что современные парадигмы отличаются проницаемыми границами и возможностью переструктурирования, т.е. это не замкнутый эталон определенной

школы, но открытая форма. При этом важным моментом становится не только методологическая рефлексия ситуации, но и возможность найти какие-то устойчивые связи в этой текучей современности и сконструировать как теоретическую, так и исследовательскую парадигму и инструментарий для изучения транзитивного общества (Аллахвердов, Гришина, 2013; Гришина, 2011).

Теоретическая парадигма является в некотором роде образцом при осмыслении и интерпретации знаний, конструировании (создании) образа окружающей действительности. Такая парадигма может быть жесткой, с четким набором иерархических инвариант (матрица), что и понималось под теоретической парадигмой до недавнего времени. Некоторые ученые (напр.: Фейерабенд, 2007; Лакатос, 2008) не пересматривали само понимание парадигмы как образца, но переосмысливали абсолютную/относительную достоверность/недостоверность полученного при ее помощи знания. Сегодня можно говорить о том, что гибкая и сложно сконструированная парадигма вбирает в себя несколько гармонично связанных между собой (что очень важно для ее работоспособности) подходов к пониманию, интерпретации материала, полученного при изучении, анализе разных сторон окружающей действительности и в разных условиях. Они могут дополнять и частично перекрывать друг друга, как бы поворачиваясь к окружающему разными сторонами. При этом эпистемологическая парадигма сочетается с социальной, но не детерминируется ею.

Исследовательская парадигма определяет набор методов, задающих образец исследования, точнее, создания дизайна исследования. В настоящее время нужно говорить скорее не о гибкости этих парадигм, а о необходимости преодолеть их частичную размытость и связи несочетаемых элементов/методов. В отличие от теоретических эти парадигмы не зависят от социальных, точнее, зависят только в той мере, в которой социальный контекст фундирует выбор объекта исследования, но не его дизайна.

Прикладные парадигмы очень близки к исследовательским с точки зрения объекта изучения, однако в этом случае социальный контекст исследования намного важнее, так как необходимо оценить значимость исследования для конкретной ситуации. При этом следует не столько грамотно сочетать разные методы, сколько грамотно использовать конкретный образец, набор методов в определенной ситуации и к определенному объекту.

Конкретизируя содержание эпистемологической и социальной парадигм, можно отметить, что именно для транзитивности

в эпистемологии важно не только содержание предлагаемого образца (знаний и методов), но и обоснование интерпретации полученных знаний об окружающей действительности. В социальной парадигме все более важным становится обоснование научным сообществом адекватности именно этой парадигмы в совокупности с умением быстро переходить от одной парадигмы к другой или сочетать их.

Для решения этой проблемы, прежде всего, нужно осознать, что современные парадигмы — это не жесткие конструкты, но скорее гибкие и изменчивые гештальты. Можно говорить, что изменение социального контекста сегодня подразумевает и гибкость эпистемологического аспекта парадигмы (т. е. множественность вариантов содержания образца и особенно представлений о предмете и методах исследования). Таким образом, можно говорить о том, что в современной методологии парадигма представляет собой не замкнутый эталон, но открытый гештальт с проницаемыми границами и возможностью переструктурирования. При этом изменяется теоретическая парадигма, которая включает в себя разные дисциплины и разные аспекты психологического знания, особенно исследовательская, которая может совмещать в себе разные подходы, поэтому в настоящее время главной особенностью современной методологии становятся разнообразные исследовательские конструкты, которые меняются, модифицируются, вбирая в себя новые факты и новые аспекты действительности. Ценность этих конструктов определяется гармоничным сочетанием в их содержании постоянства и изменчивости. Их важной характеристикой является гибкость и соотнесенность и с транзитивной действительностью, и друг с другом. Можно говорить скорее не о разных отдельных конструктах, а о гибком гештальте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим.

Методологические проблемы при изучении транзитивного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и ре-интерпретации полученных материалов. С этой точки зрения, можно говорить о том, что транзитивность общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках (Марцинковская, 2014b, 2015a).

Как и в физике, где к законам И. Ньютона с необходимостью добавляются и законы А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга (Гейзенберг, 1977) и других ученых, в транзитивном обществе другая ситуация диктует появление других закономерностей функциони-

рования и развития психики, а также ее феноменологии, которая и фиксируется в исследованиях. Аналогию дополняет и тот факт, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения.

Особенно ясно необходимость новой методологии и нового исследовательского инструментария видна при изучении виртуальной идентичности и информационной социализации. Это связано с тем, что информационное пространство Интернета является не только новым полем поиска информации и общения, но и новой моделью формирования идентичности и ее изучения.

Психологический хронотоп

Необходимость новых исследовательских конструктов и новых теоретических подходов связана с тем, что мы входим в другую эпоху, возможно, в новую цивилизационную эру. Меняется ощущение собственной жизни, ее целостности и границ возможных изменений, трансформируются способы выражения своих переживаний.

С моей точки зрения, целесообразно говорить не об отдельном пространстве или времени (как не об отдельных парадигмах), но о целостном хронотопе как пространственно-временном континууме, который включает социальное и индивидуальное пространство–время. Как уже упоминалось во второй главе, основной характеристикой, отличающей психологический хронотоп от биологического (Ухтомский, 2008) или литературного (Бахтин, 1975), является то, что ведущей здесь становится эмоциональная составляющая. Таким образом, основным элементом психологического хронотопа становится переживание своего места в объективном пространстве и времени и отношение–переживание отдельных составляющих этого хронотопа в единицу времени жизни, на определенном этапе жизненного пути. Психологический хронотоп содержит не два, а четыре измерения: время личностное (субъективное), социальное (объективное) и пространство личностное (субъективное), социальное (объективное).

Это сложная конструкция в стабильные периоды относительно устойчива и для человека его время и пространство корреспондируют с социальным «его-социальным» временем и пространством. В транзитивном обществе по сравнению со стабильным существует большая гетерохронность между личностными и социальными составляющими хронотопа.

При этом объективное и субъективное время и пространство могут значительно не совпадать и даже с трудом связываться друг с другом. Более того, может происходить субъективный разрыв времени и пространства, т. е. я в этом пространстве, но не в этом времени; я в этом времени, но не в этом пространстве; я и не в этом пространстве, и не в этом времени. Таким образом, гетерохронность может иметь все четыре изменения хронотопа. Отделение-разделение времени от пространства создает эмоциональный дискомфорт — людям неуютно, неопределенно в этом пространстве и этом времени, они уходят в другое, что усиливает дискомфорт и разрыв времени—пространства. Когнитивный компонент этот разрыв между личностным и социальным пространством и временем не компенсирует, так как в этом случае в оценке ситуации ведущую роль начинают играть эмоции, а не разум. Часто даже когнитивно сложным людям трудно оценить все варианты возможного развития событий. Можно даже говорить о том, что когнитивная составляющая увеличивает гетерохронность, так как позволяет увидеть разные варианты развития социальной и личностной переменных и усиливает сложность и неопределенность оценки событий и себя в них. Если для исследователя эта сложность есть положительный момент, то для самого человека, его оценки жизни и ее целостности, так же как для прогнозирования своего будущего, — отрицательный.

Можно говорить о четырех вариантах развития человека в ситуации транзитивности, причем для простоты представим этот процесс только в плоскости двух континуумов социального пространства. В этом случае одна ось показывает отношение к социуму, способность индивида противостоять/зависеть от давления среды. Вторая ось отображает степень интенциональности и структурированности мотивов человека (см. рисунок 1).

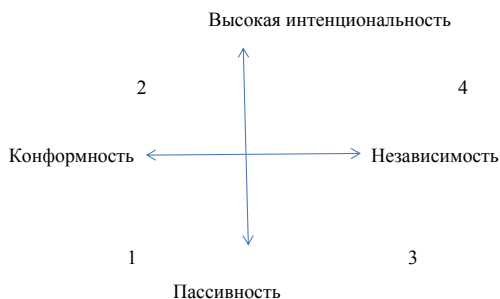

Рис. 1. Четыре варианта развития человека

В первом случае основанием для формирования представлений о себе и оценки себя становится стремление к сохранению консервативных, проверенных ценностей и эталонов, несмотря на внешние трансформации. Во втором случае фундаментом представления о себе становятся устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства, которые, однако, могут быть не очень востребованы актуальной ситуацией. Третий вариант развития связан со стремлением к осознанию своей индивидуальности, смысла и целей своей жизни. Четвертый вариант – со стремлением сконструировать (переконструировать) окружающее пространство с тем, чтобы оно гармонично соотносилось с внутренним миром человека.

Во всех этих вариантах развития наиболее важным моментом является возможность поддержания конгруэнтности образа Я с образом мира и, соответственно, адекватности этого образа мира реальности. Можно говорить о предпочтениях с этой точки зрения второго пути, так как мир культуры (эстетическая парадигма) относительно стабилен даже в эпоху кардинальных трансформаций. В то же время с точки зрения личностной активности или целостности осознания своего жизненного пути, видимо, должен быть отдан приоритет третьему и четвертому выборам, т. е. стремлению к построению «миропроекта», выбора такого пути, который был бы созвучен и адекватен собственной индивидуальности, однако с необходимостью поддержания консенсуса с внешним миром, с обществом, либо активному варианту построения того же «миропроекта», но уже не во внутреннем плане, не в экзистенциальной сфере, но во внешнем окружающем мире.

При этом традиционное для российской психологии разделение понятий «личность» и «субъект» может рассматриваться именно в континууме первой оси, в то время как по второй оси (интенциональности и структурированности мотивов) они начинают сближаться друг с другом. По-видимому, именно относительно точки совпадения этих понятий можно говорить о важности термина индивидуальность, так как именно индивидуализация процесса духовного и социального развития приводит и к высокой интенциональности, и к вариативности в выборе направления реализации этой интенциональности.

В качестве примера индивидуального соотношения между размышлением и действием можно привести героев пьесы У. Шекспира «Гамлет». Если Лаэрт действует, не раздумывая, то Гамлет, напротив, размышляет, не действуя. И в том, и в другом случае своих целей они не достигают. Поэтому наиболее адекватным является

здесь поведение Фортинбраса, который и размышляет, выбирая разные пути осуществления своей цели, и активно действует, достигая в результате этой цели.

Введение в эту плоскостную систему временного пространства и разных уровней детерминации делает даже достаточно стройную систему гетерогенной и неопределенной, доказывая, что в ситуации транзитивности возможны другие закономерности.

При этом вопрос о роли искусства в объяснении развития ценностей и мотивов человека является во многом *terra incognita*, хотя сама по себе проблема культуры как образующей личности исследуется многими авторами в разных парадигмах и дискурсах.

Представляется, что вопрос о роли культуры может быть рассмотрен и с другой стороны – как фактора, влияющего на разные аспекты процесса создания, восприятия произведений искусства. С точки зрения междисциплинарных связей данный подход также представляется интересным, так как позволяет свести воедино науку и искусство в рамках исследования связей между творцом – произведением искусства и зрителем.

Система «творец–произведение–зритель» в классической психологии

Вопрос об отношениях между художником и зрителем имеет давнюю историю и рассматривался еще в рамках классической психологии.

Говоря о классической психологии, необходимо подчеркнуть, что в ней рассматривалось преимущественно связь отдельных элементов системы: творец–зритель, произведение–зритель, зритель–творец, т. е. это не большая система, а минимум три отдельные системы. В первом варианте творец влияет на зрителя, а зритель – только реципиент. Во втором произведение влияет на зрителя, который также является преимущественно пассивным реципиентом. В третьем варианте зритель может выступать в роли заказчика, который влияет на творца. В психологии в большей мере рассмотрена именно вторая связка, при этом одним из центральных понятий для Т. Липпса, К. Штумпфа, и Г. Челпанова было «вчувствование», рассматриваемое ими с разных оснований. Их концепции были тесно связаны с физическим и психофизиологическими теориями того времени, прежде всего, с трудами Э. Вебера, Г. Фехнера, Э. Маха и других ученых. Они отражались и в представлениях художников, в их картинах и музыке.

Т. Липпс и К. Штумпф (Липпс, 1909; Штумпф, 1927) писали о важности интенциональной направленности зрителей, проекции своего эмоционального состояния на воспринимаемый предмет. В концепции Челпанова «вчувствование» связывалось не столько с интенциональностью и эмпатией, сколько с законами энергетизма и идентификации. Он подчеркивал, что зритель получает эстетическое удовольствие от того, что включает в произведение личностные смыслы и мотивы, часто не осознаваемые им самими восприятия и не зависящие от намерений художника. Уже во второй половине прошлого века А. Леонтьев также отмечал важность личностных смыслов для эстетического удовольствия, однако он считал, что эти смыслы закодированы как раз художником, который воздействует на зрителя, передавая им свои смыслы в виде значений, вложенных в произведение.

Система «творец—произведение—зритель» в рамках культурно-исторических парадигм

Говоря о культурно-исторической парадигме, необходимо выделять ее разные варианты – теоретические и исследовательские. Теоретические могут в данном случае рассматриваться как способы интерпретации и включают в себя науковедческий подход к исследованию развития науки и появлению определенной научной концепции, лингвистический и искусствоведческий подходы, кросс-культурный подход. Последний вариант теоретической культурно-исторической парадигмы плавно переходит к исследовательским конструктам.

Для более объемного анализа возможные варианты реализации культурно-исторической парадигмы могут быть рассмотрены в рамках конструкта психологического хронотопа. При этом могут сопоставляться не только влияние общего историко-культурного контекста, но и роль персонального (субъективного) пространства и времени в содержании работ ученых и художников.

Варианты культурно-исторического анализа в пространстве хронотопа

Изучая развитие теорий языка, интересно проинтерпретировать тот факт, что В. Гумбольдт (1985) изучал преимущественно структуру языка, виды слова, в то время как В. Вундт, говоря о немецком языке, связывал его с психологией народа. Возможным вариантом

интерпретации в данном случае является тот факт, что в начале XIX в. задача объединения страны диктовала важность учета возможных вариантов формирования единой языковой традиции, создания кодифицированного варианта литературного немецкого языка. Возможно, эта задача стала и связующим звеном между трудами В. Гумбольдта и творчеством И. В. Гёте и Ф. Шиллера. Это также подтверждает плодотворность содружества науки и искусства при решении важных вопросов. В XX в. Вундт уже рассматривает язык как основание лингвистической (или социокультурной) идентичности, что важно уже не для структурирования, а для самоопределения нации.

Интересен тот факт, что в трудах отечественных ученых данная линия анализа получила продолжение. В работах А. А. Потебни центральными моментами были вопросы, связанные с ролью языка в становлении культурного самосознания, а также различия между формами слова и видами речи (Потебня, 1976). Проблема развития народности и культуры занимала значительное место в его творчестве, он отмечал важнейшую роль языка в структурировании национальной идентичности и с этой точки зрения при всем различии подходов его взгляды корреспондируют со взглядами Вундта.

Потебня подчеркивал, что в осознании себя частью своего народа главную роль, с его точки зрения, играет язык, так как говорить, по его мнению, значит связать свою мысль с мышлением своего племени или народа, т. е. овладение языком ведет к осознанию эстетических и нравственных идеалов, поэтому оно связано с социализацией и инкультурацией личности, хотя и не тождественно этим процессам. Психическое развитие культурного человека происходит путем присвоения внешних, общественных знаний, языка, норм, традиций, идеалов, которые хранятся в культуре данного народа и которые, переходя во внутренний план, формируют личность.

К этому положению мы еще вернемся, здесь же хочется подчеркнуть, что связь языка с эстетикой и нравственностью была развита в работах Г. Г. Шпета, который, выделяя внутреннюю форму художественного произведения, подчеркивал роль языка в структурировании самосознания творца и зрителя (Шпет, 2007). Шпет писал о важности междисциплинарного подхода к изучению искусства, в частности, прозы и поэзии. Варианты междисциплинарного подхода к поэзии получили интересное развитие в современных исследованиях (Поэзия, 2015)

Шпет также неоднократно подчеркивал, что язык является орудием труда и творчества человека, выступая в то же время и знаком

определенного социума. Человечество в процессе своего развития создает социально-культурный мир, существующий помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. Поведение человека является некоторым знаком как для других людей, так и для него самого. Одним из важнейших знаков как раз и служит речь, анализ внутренней формы которой дает возможность понять и индивидуальный мир человека, и коллективный внутренний мир группы людей, народа, его искусство (Шпет, 2007).

Таким образом, Шпет пришел к выводу о том, что сознание индивида имеет культурно-исторический характер, важнейшим элементом которого является слово. В статье «Проблемы современной эстетики» он писал, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам этот мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, «внешнее» в предметах культуры – картинах, архитектуре, музыке, особенно языке. Таким образом, подчеркивал он, искусство является орудием и указывает на особый смысл, функцию предмета. Так Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духовных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте.

Анализируя возможность использовать конструкт хронотопа для исследования трансформаций языка художников, можно отметить, например, трансформацию стиля и даже тематики картин П. А. Нилуса – от «кринолинного стиля», ностальгически идеализирующего галантный век, к ностальгии по уходящему Парижу, духу богемного искусства, исчезающего после Первой мировой войны, и, наконец, к знаменитой «белой серии» натюрмортов.

Интересны также изменения стиля и колорита письма Н. И. Фешина и Б. Д. Григорьева после эмиграции. Здесь уже отражается и изменение персонального времени и социального пространства. С одной стороны, объективное перемещение в другие города и страны, что не могло не отразиться на колорите картин. С другой – существенное несовпадение социального и персонального времени у обоих художников, для которых переживания зафиксировали определенные моменты уходящего времени, для них все еще остающегося близким. Эта гетерохронность ярко отражается в их полотнах, передавая смыслы творцов зрителям.

Повороты времени, развитие культуры как общего ментального контекста повлияло не только на гуманитарные, но и на естественные науки, например, математику и физику. При этом стоит под-

черкнуть важность социальной транзитивности при возникновении кризисов и кардинальных поворотов именно в точных науках. Так, неевклидова геометрия Н. И. Лобачевского разрабатывалась ученым в период серьезной ломки старых традиций и образа традиционного мира, причем получила широкое признание только спустя несколько десятилетий, в конце XIX в., когда ощущения кризиса стабильного традиционного мира стали явственными для многих. В этом случае можно говорить о том, что сам Лобачевский осознал изменения своего персонального пространства и своего времени намного раньше, чем многие другие. Это во многом было обусловлено и фактами жизни ученого, и трансформацией его микропространства. И, конечно, обостренным чувством современности, которое уже с юности отмечали окружающие и которое стимулировало его поиски новых форм евклидовой математики.

Еще отчетливее влияние времени и отличия в ощущении слома времен разными учеными проявилось в разнообразных концепциях квантовой физики, которые появились в начале XX в.

Как и евклидова математика, механика И. Ньютона на протяжении веков считалась незыблемой истиной, которую не могут поколебать никакие трансформации, происходящие в мире. Но стабильность мира оказывается химерой, и на рубеже XIX–XX вв. появляются совершенно новые представления о мире социальном, о нормах и культурных стереотипах, влияющих на поведение людей. Одновременно с новыми социальными идеями и новыми культурными эталонами возникают и новые идеи о мире естественном и физических законах. Новые материалы доказывали, что законы физики Ньютона не отражают закономерности, действующие в микромире частиц. Факты, добытые при исследовании рентгеновского излучения и фотоэффекта, доказывали существование других законов и требовали разработки других представлений о физике частиц. И эти иные концепции появились в работах как теоретиков, так и экспериментаторов. Однако представляется, что при стабильной социальной ситуации ни теория относительности А. Эйнштейна, ни планетарная модель атома Э. Резерфорда не появились бы на свет и уж во всяком случае не были бы так быстро приняты научной общественностью.

Однако мир физической реальности ожидали новые изменения, анализ которых показывает, что в научных открытиях отображаются не только изменения социального пространства и времени, но и различия в персональных аспектах психологического хронотопа.

Теория относительности и ядерная физика, поколебав представления о стабильности общих законов, не затронули фундаментальную научную идею о жесткости причинно-следственных отношений. Однако дальнейшее развитие квантовой физики привело к необходимости пересмотра и этого постулата. И здесь, помимо логики становления научного знания, в содержании вариантов квантовой механики начали сказываться уже культурные, ментальные и личностные факторы. Прежде всего, это коснулось именно представлений о стабильности/нестабильности и отрицания или принятия случайности, на первый взгляд, отрицающей закономерности.

Работы М. Планка показали, что излучение испускается не непрерывно, а порциями (квантами). Исследования Л. Бройля и Э. Шредингера в области волновой механики позволили выявить многие закономерности новой области физики. Особенно важным в этом плане является уравнение волновой функции Шредингера, которое описывает изменение квантового состояния объектов. Одновременно появляется копенгагенская теория Н. Бора и В. Гейзенберга, в которой доказывалось, что главным отличием микромира является вероятностная природа происходящих там процессов (феномен корпускулярно-волнового дуализма). Таким образом, если уравнение Шредингера свидетельствовало о возможности выявления причинно-следственных связей и в микромире, то Бор и Гейзенберг отрицали такую возможность. Они показали, что в процессе взаимодействия микрообъекта с атомами измерительного прибора происходит редукция волновой функции измеряемого микрообъекта, т. е. сведение суперпозиции к одному состоянию. Такой результат не следует из уравнения Шредингера. Эти различия в результатах были связаны не только с установками ученых на неизбежность логики и в микромире, но и с установкой на традиционное исследование объекта вне связи с окружающим. В то же время с точки зрения копенгагенской интерпретации квантовая механика описывает не микрообъекты сами по себе, а их свойства, проявляющиеся в макроусловиях, т. е. рассматривается не изолированный микрообъект, но в связи с окружающим, внутри системы «объект—измерительный прибор—экспериментатор». Именно в этом случае и не подтверждается уравнение Шредингера.

Дальнейшее развитие квантовой механики связано с распространением именно копенгагенской теории, что объясняется не только очевидным нарушением многих логических, причинно-следственных связей, разрушивших миф о стабильности мира, но и тем,

что становится явной необходимостью исследовать корпускулярно-волновой дуализм в рамках большой системы, не изолирующей, но соединяющей в целое частицу, прибор и наблюдателя.

Возможно, что современная ситуация транзитивности общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках, т. е. многие законы стабильного общества здесь не работают. Аналогию дополняет и тот факт, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения. В то же время представляется не менее важным и тот факт, что в современной ситуации связи между отдельными людьми, группами, странами становятся более значимыми и явными, что дает основания и для продолжения аналогии с микромиром, вводя понятие большой системы для анализа социального мира (Марцинковская, 2015b).

Творец–произведение–зритель в контексте большой системы

Рассмотрение связи творец—произведение—зритель в контексте большой системы, включающей социальную ситуацию, личностные особенности и культурную специфику, имеет плюсы и минусы. Минусы связаны с тем, что в нее включается много переменных параметров и параллельных, взаимоисключающих друг друга воздействий, что всегда сложно для изучения, предполагающего скорее анализ и расчленение отдельных переменных и только затем их синтез между собой. В то же время любая большая система придает стабильность и устойчивость параметрам и позволяет рассмотреть разные контексты и разные возможности соединения элементов внутри системы.

Автор многомировой интерпретации Х. Эверетт (Everett, 1957) считал, что объединение наблюдателя и измерительного прибора в систему приводит к эффекту классичности, т. е. кажущейся устойчивости данной системы. Если соотнести эту интерпретацию с анализом системы творец—произведение—зритель, можно увидеть, что важнейшими подходами к анализу такой системы становятся варианты интерпретации разнообразных связей между творцами, зрителями-слушателями и произведениями или способы влияния отдельных элементов системы друг на друга. При этом интерпретация и влияние хотя и рассматриваются как разные дискурсы объяснения связи культуры и личности, но жестко не разделяются между собой. Фактически рассмотрение связей внутри такой системы

может проводиться в контексте информационной интерпретации, т. е. зритель, извлекая из произведения информацию, меняет систему, которая теряет часть заложенной в произведении информации, получая взамен другую, вложенную в нее зрителем.

Зритель проводит интерпретацию, исходя из своих знаний и/или переживаний. Воздействие происходит благодаря гибкой внутренней форме, при этом разные искусства, взаимодействуя с наукой, развивают свою форму-язык, наиболее адекватно воздействующую на реципиента. Гибкая внутренняя форма дает возможность такого воздействия, но для этого необходимо соединение (владение) разными языками не только искусств, но и науки. Именно в этом случае интерпретация превращается во влияние. Таким образом, рассматривая преимущественно интерпретационную сторону или влияние, исследователи не должны ограничиваться изучением одностороннего влияния во взаимодействии внутри триады.

Можно говорить о том, что уже в начале XX в. в работах ученых ГАХН начали изучать взаимосвязь между интерпретацией и влиянием произведений искусства, исследуя взаимодействие внутри триады. При этом констатировалось, что время не только отображается в искусстве, но само искусство может рассматриваться как отражение времени. Можно говорить и о том, что появление новых форм искусства связано с тем, что изменившиеся условия жизни делают необходимым изменение способов предъявления художественных произведений для того, чтобы не потерять возможность эмоционального воздействия на людей.

Анализ социальной ситуации и содержания концепций, разрабатываемых учеными в начале XX в., показывает, что ощущение разлома эпох, разрыва «связи времен» и предчувствие новых потрясений и кардинальных трансформаций стимулировало развитие персоналистических концепций, ориентированных на анализ духовного мира человека и его взаимоотношений с окружающим. В то же время понимание важности преодоления этого кризиса и осознания своего места в мире способствовали развитию гносеологии, направленной, в первую очередь, на познание себя и через себя – мира.

Закат Европы рассматривался не только О. Шпенглером как кризис того общества, в котором формировалась и культура, и общество, и человек. Но именно это ощущение кризиса способствовало появлению персоналистических концепций, так как до этого психология вплетала изучение, точнее, рассмотрение личности в общие теории познания и социального обустройства мира. Можно

сказать, что в начале XX в. кризис культуры начал восприниматься как кризис личности, поэтому ученые фокусировали внимание на социальной и духовной сущности человека, его взаимоотношениях с миром. При этом личностный кризис рассматривался с разных позиций – и как конфликт взаимоотношений личности и общества, и как конфликт души и тела. Этот подход стимулировал развитие и социальных наук, и психиатрии, и психоанализа.

При этом к традиционным методам исследования добавляются и активно разрабатываются новые методы, в большей или меньшей степени связанные со стремлением понять полуосознанные и/или бессознательные процессы, происходящие в душе человека – клиническое наблюдение, проективные методики.

Вопрос о соотношении интерпретации и влияния при создании и восприятии художественных произведений (как и продуцировании научных концепций) остается актуальным. Свидетельством является уже упомянутая коллективная монография, посвященная междисциплинарному подходу к изучению поэзии (Леонтьев, 1998; Поэзия, 2015). В искусстве для исследования системы в дискурсе интерпретации чаще всего использовалась литература и театр, в то время как для обоснования влияния – музыка и пластические искусства, живопись.

При этом роль культуры, в том числе и информационной культуры, как связующего, синергетического фактора проявляется теперь в развитии взаимоотношений личности и общества, в структурировании своего жизненного пути, своей идентичности, поэтому культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды. С этой точки зрения вопрос о соотношении интерпретации и влияния при создании и восприятии художественных произведений (также как и продуцировании научных концепций) становится особенно актуальным.

Связь науки и искусства

Открытия художников стали достоянием ученых, например, при создании теста Люшера, в котором определенные цвета связываются с конкретным эмоциональным состоянием, или теста Роршаха, где ориентация при описании бессюжетных, абстрактных образов связывается не только с эмоциями, но и личностными качествами людей.

Появляются данные, которые показывают, что сам по себе световой поток, даже без его связи с формой, содержит основания для структурирования информации, получаемой из внешнего мира (Gibson, 1988). При этом предполагается, что чувствительность человека является непрерывной функцией, а не следует принципу «все или ничего», и при различении сигнала и «шума» (например, фона и образа картины) люди устанавливают некоторый критерий вероятности появления того или иного сигнала или образа.

Таким образом, можно говорить о том, что в работах художников (живописцев, музыкантов) отражаются современные для них научные концепции, и, наоборот, работы артистов помогают подтвердить научные данные. Как картины Л. Чиголи отразили в своих образах представления Г. Галилея о строении мира, так и полотна В. Кандинского и Д. Поллока, музыка А. Шенберга выразили (и подтвердили) идеи У. Найсера, Д. Брунера, Г. Гибсона о факторах, детерминирующих процессы восприятия и внимания.

Стремление осознать время, характерное для художников Серебряного века, уже во второй половине XX в. выразилось в попытках его зафиксировать, удержать хотя бы внешние контуры былого. Это отчетливо проявилось, например, в работах сына З. Серебряковой Александра, который оставил много картин, посвященных реконструкции старых особняков, восстановлению утраченных интерьеров. Характерно, что задуманные первоначально именно для кристаллизации переживаний прошлого времени, его духа и «плоти», эти работы впоследствии стали неоценимым подспорьем и для реставраторов, когда некоторые здания стали восстанавливаться, и для историков искусств. В данном случае научные и художественные интересы оказались тесно связаны между собой.

Очень характерной для иллюстрации связи между научными и художественными исканиями является творчество П. Флоренского как с точки зрения уникальности своего содержания, так и с точки зрения связи с российскими и мировыми традициями и задачами времени. Уникальность данной концепции – в стремлении соединить математические, биологические, психологические и философские подходы, синтезировав на их основе концепцию красоты, одновременно и абстрактную, поликультурную, и конкретную, связанную с реальностью. Обобщенный и целостный подход к проблеме прекрасного проявляется в концепции Флоренского в том, что он соединяет природное и искусственное, естественное и рукотворное как разные аспекты и грани образа прекрасного в сознании человека (Флоренский).

Абстрактно-математические и логические изыскания не были чужды и символистам, и «мирискусникам». Однако у них, как и у Флоренского, обращение к математике связано, безусловно, не с желанием разрушить, но, наоборот, с созидательной интенцией. Они также стремились к синтезу разных искусств, что ярко проявилось, в частности, в подходе к созданию спектаклей С. П. Дягилевым. А Скрябин и Флоренский в своих научных трактатах и музыкальных произведениях делали попытки реализовать синтетическое цвето-музыкальное произведение.

Таким образом, союз науки и искусства интуитивно создавался творческими людьми в разные эпохи, но только на рубеже XIX–XX вв. необходимость такого синтеза была осознана.

Наиболее выпукло роль искусства в становлении личности, внутреннего мира человека была раскрыта в трудах С. Л. Рубинштейна. Он считал культуру ведущей детерминантной конструирования личного пространства, одной из важнейших образующих личности, субъекта, как сферу наиболее полной и адекватной самореализации человека. Именно пространство культуры стало для него одним из важнейших пространств саморазвития человека.

Рубинштейн подчеркивал, что восприятие окружающего имеет личную отнесенность, «человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, а иногда не только смотрит, но и рассматривает или всматривается, не только слушает, но и прислушивается» (Рубинштейн, 1989, с. 266). Таким образом, создается мир, имеющий конкретное значение для конкретного человека, с его способностями, опытом, сферой деятельности.

Для более наглядной иллюстрации неповторимости личного пространства Рубинштейн часто приводил примеры своеобразного видения мира творческими людьми – художниками, музыкантами. Отмечая сходство Мусоргского, Глинки и Римского-Корсакова в том, что мир для них и воспринимался, и воссоздавался посредством музыкальных образов, он отмечал и огромную разницу в колорите и строении этого музыкального пространства, так как Мусоргский и Глинка связывали звук с речью, в то время как Римский-Корсаков – с цветом.

Как уже отмечалось выше, Рубинштейн рассматривал культуру как средство построения внутреннего мира, который в какой-то степени являлся пространством, дающим возможность не только развития, но и сохранения своей самости, укрытия от внешнего мира. При этом в его концепции воздействие культуры–природы–

искусства не разделяется и происходит непосредственно, т. е. это не опосредование природного бытия культурным, которое дает возможность человеку встать на новую ступень, новый уровень развития, но непосредственное впитывание, восприятие всех воздействий внешнего мира, которые, переживаясь субъектом, дают пищу для становления мира внутреннего. В свою очередь, этот внутренний мир, стремления и опыт человека помогают ему непосредственно, чувственно выделять во внешнем мире именно те его элементы, которые созвучны миру внутреннему. Рубинштейн писал о том, что природа, музыка, вселенная, соединяясь в круговороте стихии, создают гармонию. И эта гармония непосредственно входит в сознание человека именно тогда, когда его чувства открыты миру (Рубинштейн, 2012).

Копинг-стратегии в ситуации транзитивности

Тот факт, что ситуация транзитивности затрагивает различные возрастные и социальные группы, актуализирует значение исследования конкретных поведенческих стратегий в сложных, неоднозначных ситуациях, а также факторов, способствующих формированию стратегий совладания с этими ситуациями в различные периоды онтогенеза.

Сравнительный анализ детерминант, влияющих на выбор стратегии совладания в стабильном и транзитивном обществе, дает возможность выявить некоторые важные отличия. Коротко остановимся на них.

В стабильной ситуации выбор копинг-стратегии зависит главным образом от индивидуальных и личностных особенностей и социальной ситуации развития человека. При этом ценности, нормы и способы поведения, в том числе и в сложных ситуациях, передаются в процессе социализации от старших к младшим. В транзитивном обществе процесс передачи знаний происходит очень гибко, в соответствии с закономерностями «жидкой» социализации и зависит не только от микропространства, но и от макропространства, например пространств большого и малого городов.

В стабильном обществе уровень сложности ситуации оценивается исходя из степени гетерохронности и дисбаланса социальных и персональных параметров хронотопа. В транзитивном мире эта гетерохронность присутствует всегда, поэтому сложность ситуации оценивается в зависимости от соотношения внутри персонального пространства и времени в целом.

Если говорить преимущественно о личностных детерминантах, то в стабильном обществе выбор вариантов стратегий совладания зависит от таких качеств, как эмотивность, локус контроля, интенциональности интеллекта.

В транзитивной ситуации выбор стратегий совладания зависит от соотношения персональной и социокультурной идентичности, от толерантности к неопределенности, когнитивной сложности и гибкости.

В стабильном обществе большое значение имеет эмоционально окрашенный и личностно отнесенный опыт, в информационном и транзитивном обществе — наряду с собственным опытом все большую роль начинает играть безличная и обобщенная информация.

Возможные варианты ответов на вызовы транзитивности и развития психологии

Выше уже говорилось о том, что в основе дальнейшего развития психологии лежат методологические изменения, а также введение новой проблематики в контекст психологических исследований.

Прежде всего, важными представляются исследования разных аспектов и различных ролей культуры — искусства и науки. Можно говорить о том, что в стабильные периоды наиболее значимая роль искусства состоит в кристаллизации переживаний и представлений людей об окружающем мире и о себе. В стабильные периоды зарождаются и укрепляются связи между наукой и искусством и вырабатываются новые языки искусства и науки, в том числе и новые представления о языке вещей. Произведения искусства, связываются с психологией повседневности, так как быт, повседневная жизнь людей отражается (кристаллизуется) в произведениях искусства.

Психология повседневности может стать, на мой взгляд, одним из ведущих направлений междисциплинарных исследований в психологии и смежных дисциплинах. Интересно проследить сложные, часто амбивалентные связи культуры с бытом, повседневностью. Прежде всего, можно отметить, что языки искусств (прежде всего, пространственных искусств) в разные периоды по-разному соотносятся с языком вещей. Первобытное искусство возникло в древности, когда вещи начали терять свое утилитарное значение. Постепенно, уже в наскальной живописи, они и по форме, и по презентации потеряли утилитарность. И начали терять ее все больше, заменяя внешнюю форму внутренней, которая приобрела психологическую наполненность. Так, не только портретная

тождественность уступала место сходству психологическому, но даже внешнее соответствие натюрморта и, тем более, пейзажа, наполнялось настроением, отношением автора к своему произведению. В связи с этим значение приобретала и возможность передать это отношение, мысли и чувства автора, зрителям-слушателям. Это приводит к изменению техники, языка искусства. И в живописи, и в музыке, и в литературе слово-образ-мелодия начинали терять укорененность и связывались с внутренней и внешней формой. Слово-образ-мелодия как бы потеряли привычность, «утилитарность», приобретая совершенно новую форму, при этом уже в современном искусстве вещи, напротив, все в большей степени начинают приобретать форму художественную.

Даже поверхностный анализ связи научных и художественных концепций в определенное время показывает, что прогностические возможности искусства часто будят научную фантазию, стимулируют открытия ученых, а наука дает объяснения прозрениям художников.

В современной психологии идеи о связи культуры с психикой, развитием мышления человека и даже с мозговой организацией становятся все более распространенными, т. е. культура может рассматриваться как фактор, направляющий развитие человека, при этом в продуктах культуры отражаются предельные возможности людей определенной эпохи (как кристаллизация идей и переживаний и как материал для будущих исследований).

В ситуации транзитивности роль культуры возрастает именно с точки зрения ее прогностических возможностей. Необходимо отметить, что тенденция, направленная на исследования прогностической роли культуры актуализируется в современной науке. Появляются работы, которые посвящены анализу роли артефактов и культурных практик в развитии психики, при этом подчеркивается и прогностическое значение вещественных и духовных элементов культуры для психического развития.

Не менее важен и перспективен для дальнейшего развития психологии и анализ культуры и субкультуры, их связи с идентичностью и социализацией людей. Это даст возможность увидеть, как социальные кризисы переходят в кризисы личностные, находя отражение в новых формах искусства и научных теориях, а новые социальные нормы и стереотипы, новые представления о жизни кристаллизуются в новую повседневность.

Отражение в произведениях искусства и научных концепциях эмоционального состояния, мыслей и переживаний творцов в раз-

ные периоды времени и в разных пространствах — важная и перспективная линия исследования для психологии. Не менее важно, что это путь к изучению всегда сложной связи личностной и социокультурной идентичности.

Развитие виртуального пространства ставит перед исследователями задачу анализа того, как это отражается на структуре и содержании мышления, эмоционального и личностного развития людей. Такова еще одна перспективная линия в развитии науки, которую можно представить как разветвленную социальную сеть.

Литература

- Аллахвердов М. В., Гришина Н. В. Модель имплицитной теории доверия: экспериментальная проверка // Вест. С.-Петербур. ун-та. Сер. 12. «Психология. Социология». 2013. Вып. 4. С. 28–35.
- Андреева Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. // Психологические исследования. 2012. № 5 (26). С. 1.
- Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература 1975.
- Гейзенберг В. Природа элементарных частиц // УФН. 1977. Т. 121. Вып. 4. С. 657–677.
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гришина Н. В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вест. С.-Петербур. ун-та. Сер. 12. «Психология. Социология». 2011. Вып. 4. С. 109–116.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. № 7 (36). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.06.2017).
- Киселева Е. А., Марцинковская Т. Д. Социализация в мультикультурном пространстве // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 2.
- Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.
- Леонтьев Д. А. Введение в психологию искусства. М.: Смысл, 1998.
- Липс Т. Эстетика // Философия в систематическом изложении. СПб., 1909.

Вызовы современной психологии – импульс для развития?

- Марцинковская Т. Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
- Марцинковская Т. Д.* Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014b. Т. 7. № 36. С. 1.
- Марцинковская Т. Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015a.
- Марцинковская Т. Д.* Роль идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде // Вопросы психологии. 2014a. № 6. С. 3–14.
- Марцинковская Т. Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015b. № 8 (42). С. 1.
- Марцинковская Т. Д., Юрченко Н. И.* Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 9.
- Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Поэзия. Опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. М.: Смысл. 2015.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Ухтомский А. А.* Лицо другого человека. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.
- Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.
- Флоренский П. А.* Избранные труды по искусству. М.: Искусство, 1996.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Наука, 1993.
- Шпет Г. Г.* Философия и психология культуры. М.: Наука. 2007.
- Штумпф К.* Происхождение музыки. Л.: Искусство, 1927.
- Everett H.* Relative State Formulation of Quantum Mechanics // Reviews of Modern Physics. 1957. V. 29. P. 454–462.

От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании

Е. А. Сергиенко

В современной психологии наметилась тенденция перехода от все более дифференцированного типа знаний к интегративному. Эта тенденция возникла не случайно, она отражает эволюцию психологического знания. Психологическое знание развивается в русле общенаучных изменений, отрефлексированных как в работах философов (например: Степин, 2000; Бауман, 2008; Хабермас, 2003; Постнеклассика: философия, наука, культура, 2009; и др.), так и психологов (Гусельцева, 2013; Марцинковская, 2015; Гусельцева, Изотова, 2016; Парадигмы в психологии..., 2012; Теория и методология психологии..., 2007; и др.). Анализ изменений в принципах научного знания показал переход типов рациональности от классического (сосредоточенного на объекте исследования, нацеленного на объективное знание, лишено субъективизма) к неклассической рациональности (изучающей взаимодействие объекта и субъекта) и постнеклассической (направленной на получение знаний в контексте современности и ценностей исследования). Смена типов рациональности соответствует и изменившемуся миру – нарастанию сложности, неопределенности, разнообразия, текучести происходящих процессов (Асмолов и др., 2013; Гусельцева, 2013, Леонтьев и др., 2015, Марцинковская, 2012; Россия в глобализирующемся мире..., 2007). На современном этапе развития науки происходит и переход от конструктивных стратегий познания – парадигм – к полипарадигмальности. «Под полипарадигмальностью мы понимаем стихийную или произвольную конфигурацию исследовательских парадигм, эволюционно возникающую для решения задач в условиях нарастающей многомерности и сложности предмета познания» (Гусельцева, Изотова, 2016, с. 74). М. С. Гусельцева утверждает, что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности происходит переход от борьбы методологий в разных психологических школах к большей то-

лерантности, когерентности исследований, к поиску консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики (там же).

Традиционные психологические ведущие школы (культурно-историческая теория, теория деятельности в варианте А. Н. Леонтьева и варианте С. Л. Рубинштейна) теряют жесткость своих принципов, становятся проницаемыми для влияний других подходов и теорий, более гибкими и открытыми, отвечая на преобразования научного знания, требования современного мира. «Современная парадигма отличается проницаемыми границами и возможностью переструктурирования: это не замкнутый эталон определенной школы, но открытая форма, что также соответствует идеологии открытого общества» (Марцинковская, 2015, с. 41). При этом изменяются и теоретические подходы, которые впитывают влияние других теорий не только в своей области, но и в других дисциплинах. Еще более преобразуются исследовательские подходы, в которых совмещение и сочетание разных методов, имеющих самые разные теоретические основания, становится распространенным явлением в психологической науке.

От отдельных категорий к сетям

Как справедливо отмечает Т. Д. Марцинковская, «принцип развития активно фундирует пересмотр старого подхода к построению категориального строя» (Марцинковская, 2016, с. 113). Она обосновывает необходимость смены матричного принципа организации категорий, который уже не отражает динамики их изменений, на сетевой. Именно сетевой принцип организации научных категорий характерен для постнеклассического этапа развития науки (Гусельцева, 2009).

По мнению Марцинковской, сетевой принцип организации категорий позволяет проследить их взаимосвязи, законы и тенденции развития, возможность встраивания новых. Она приводит пример: «категория «образ» может быть представлена такими понятиями как «образ Я», «образ мира», «образ себя в мире», «образ себя в глазах других» и т. д. Эта сеть понятий пересекается с другой сетью, идущей от категории «личность»: «персональная идентичность», «социальная идентичность», «групповая», «культурная», «гендерная» и т. д., — непосредственно примыкающей к группе понятий, связанных изначально с категорией «отношения». На пересечении этих сетей выстраивается новая категория — социализа-

ция, связывающая, в свою очередь, все эти сети с переживанием, которое также разделяется на социальные и персональные переживания, соотносимые и с разными видами образа, и с разными видами идентичности, и с разными видами отношений» (Марцинковская, 2016, с. 125). В переходе к сетевому принципу категоризации в психологии автор видит саморазвитие и самодвижение научного знания, т. е. реализацию принципа развития в самой методологии (см. также: Принцип развития в современной психологии, 2016).

Автор приводит метафорическое описание общей картины современной психологической науки – как «сети» и «невода». Если сетевой принцип применим к изучению отдельных проблем, образующих систему знаний, то «невод» образует единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений), собирая их воедино, не давая растекаться в разные стороны.

Нельзя не согласиться с мнением Марцинковской, которая, анализируя разнообразие и изменение исследовательских конструктов, появление новых (например, социальная психология науки, социальное познание, модель психического), указывает, что «исследовательская значимость этих конструктов связана с тем, насколько они открыты для изменений при одновременном сохранении своих структуры и ядра. Их важными характеристиками являются гибкость и соотнесенность и с транзитивной действительностью, и друг с другом, т. е. можно говорить скорее не о разных, отдельных конструктах, но о гибком гештальте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим» (Марцинковская, 2015, с. 41).

Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе «материала»: теорий и подходов, равнозначности и составе ячеек в «сети» и «неводе». Этот вопрос сопряжен с субъектностью самого научного знания, ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от которого зависит и выдвижение гипотезы, и ее экспериментальная проверка, и интерпретация, дальнейшее место в выбранной «сети» категорий и в «неводе» теорий. Возможно, именно такое положение отвечает метамодернизму, предполагающему поиск творца (Гусельцева, 2016).

Взаимовлияние разных подходов в психологии

Ярким примером взаимовлияния различных парадигм становится анализ, проведенный по некоторым современным подходам (Сергиенко, 2016).

А. Г. Асмолов, И. Д. Шехтер, А. М. Черноризов, авторы программы, направленной на поиск целостного анализа феномена жизни, в котором разнообразие, специализация и симбиоз являются универсальными феноменами, отмечают: «В последнее время в биологических, социальных и ментальных науках все острее ощущается дефицит синтетических концепций. На роль синтеза претендуют синергетика, постмодернистские трактовки эволюции, а также системный и сетевой анализ развития сложных систем. Вместе с тем остается недооцененным уникальный пласт подходов к эволюции как росту разнообразия, намеченный в классических исследованиях В. И. Вернадского (1994), И. И. Шмальгаузена (1968), М. М. Ковалевского (1997), А. Бергсона (1909), В. А. Вагнера (1928), А. Н. Северцова (1967)...» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2013, с. 3).

Системно-эволюционный подход в психологии также широко реализуется и входит как неотъемлемая часть в системно-субъектный подход, направленный также на создание унитарной концепции психического развития. Кроме того, разработка системно-эволюционного подхода реализуется также в работах Ю. И. Александрова и его коллег (2009). Несмотря на своеобразие и авторскую уникальность этих разработок, важно подчеркнуть, что эволюционный принцип анализа становится общим мостом в разработке сложных проблем природы психического.

Именно реализация эволюционного принципа анализа привела к сходным предположениям, как было показано выше, об антиципирующем характере психической организации, ее усложнении через саморазвитие.

Сложная проблема сознания с точки зрения школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева и школы С. Л. Рубинштейна решалась различно. Однако в последних работах Асмолова, Шехтера и Черноризова намечены с позиций историко-эволюционного подхода представления о взаимопомощи, предвидении, усложнении систем, которые также раскрываются в рамках системно-эволюционного и системно-субъектного подходов. Здесь вся логика развития наук о человеке, достижения в разных областях также способствуют «наведению мостов» между школами и разными парадигмами (см. также: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов в постнеклассической науке, 2007).

Проведенный сравнительный анализ историко-эволюционного и системно-субъектного подходов показал сходство аргументов в вопросах соотношения физиологического и психического, сис-

темности организации психического, его антиципирующего характера. Но здесь есть и существенные различия. Обосновывая положение о психическом разнообразии в развитии биологических, социальных и ментальных систем, в историко-эволюционном подходе Асмолова, Шехтера и Черноризова нет места такому понятию, как *субъект*, который и является носителем максимальной уникальности, сознания, источником саморазвития и порождения смыслов (подробнее см.: Личность и бытие: субъектный подход..., 2008; Субъектный подход в психологии, 2009). Анализ и значение категории субъекта как стержневой для раскрытия мультидетерминации психического развития предпринят в специальных работах автора (Сергиенко, 2011, 2012, 2015). Расширение принципа субъектности в психологии позволяет не только теоретически объединить разные уровни разработки психологии индивидуальности человека (от субъекта познания до субъекта экзистенциального выбора), но и усилить гуманистический смысл психологического знания, его практических приложений в координатах современной культуры (см., например: Журавлев и др., 2016).

Взаимопроникновение подходов можно проиллюстрировать также на примере соотношения категорий «индивид», «личность» и «индивидуальность».

Согласно историко-эволюционному подходу, индивид — это представитель человеческого вида в координатах природно-биологических систем. Развитие индивида происходит на основе его генетических программ. Личность же рассматривается как социальное качество человека, приобретаемое в процессе социальных взаимодействий, т. е. социокультурные ориентиры становятся ведущими. Понятие индивидуальности связано с уникальностью и своеобразием человека, в которой он выступает как субъект своего развития, жизни в целом (Асмолов, 2007).

Однако сравним понимание Б. Г. Ананьевым соотношения данных категорий.

Именно Ананьев различал понятия «индивид», «личность», «субъект деятельности». Индивид — это представитель человеческого вида, системы его природных свойств. Первичные природные свойства: конституциональные, нейродинамические, билатеральные особенности, половой диморфизм. Вторичные свойства — темперамент, структура организации потребностей, задатки, сенсомоторная организация.

Личность — это система социальных отношений, в которой человек становится социальным существом.

Субъект деятельности — это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной) деятельности. Отсюда человек как субъект характеризуется операциональными механизмами, тогда как индивид — функциональными механизмами, а личность — мотивационными механизмами, включающими потребности индивида и ценностные ориентации. Интеграция этих трех подструктур образует неповторимую индивидуальность человека. Онтогенез развития человека можно представить как последовательность переходов от одной системы к другой с нарастающей интеграцией: Индивид→Личность→Субъект деятельности→Индивидуальность (Ананьев, 1967).

Сравнение двух подходов историко-эволюционного и комплексного (предтечи системного), очевидно указывают, что данные идеи, сформулированные Ананьевым, впитались и стали общими для обеих концептуальных схем.

Представление о движущих силах психического развития — ключевая проблема дискуссий между культурно-исторической теорией, теорией деятельности Леонтьева и теорией деятельности Рубинштейна.

Не обсуждая сути и деталей спорных представлений, которые достаточно хорошо известны, укажу только на то, что современное представление о мультидетерминации психического развития включает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре — человек как саморазвивающаяся система; это позволяет подготовить «переправу» между разными парадигмами и определяет мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития наук (подробнее см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; Психология: современные направления..., 2003).

В одной из последних статей Г. Готтлиб (Gottlieb, 2007) обосновывает метамодель развития, названную Вероятностным эпигенезом (ВЭ) (Probabilistic epigenesis), которая формулирует общие принципы процессов онтогенетического и эволюционного развития. Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетическую активность, поведение, физические, социальные, культурные влияния внешнего мира) и генетико-средовые взаимодействия в реализации всех фенотипов.

Модель вероятностного эпигенеза контрастирует с идеями преддетерминизма, где генетическая активность вызывает созревание

определенных структур, которые начинают функционировать: генетическая активность → структура → функции.

Значение данной модели для понимания детерминации психического развития состоит, во-первых, в том, что ВЭ постулирует бидирекциональные отношения внутри и между уровнями: нейрональные и другие структуры начинают функционировать до их полной зрелости, а их активность (спонтанная или вызванная) играет определяющую роль в процессе развития. Существуют доказательства, что генетическая активность подвержена влияниям нейрональных, поведенческих и внешних событий. Безусловно, модель ВЭ Г. Готтлиба соответствует идеям эпигенетического ландшафта Уоддингтона. Однако именно эта модель заостряет вопрос о корректности поиска генетических предикторов психического развития.

Второе значение данной модели состоит в том, что подчеркивается важность принципа неопределенности в развитии и роль уникальности индивидуального опыта.

Третье ее значение — это непрерывность генетико-средового взаимодействия, включающего непрерывность как нейронального, так и поведенческого развития. Данная модель фактически согласуется с представлениями о вероятностном и неопределенном характере развития индивида. Понятно, что в настоящее время никакие общие модели не могут предсказать развитие индивидуальности человека.

Это означает, что разработка методологических основ психологии требует еще больших усилий и консолидации различных психологических школ, подходов в попытках «сетью и неводом» охватить все многообразие исследований и парадигм, приблизиться к пониманию детерминант психического развития, к обобщающим и разнообразным теориям развития психики. На пересечении разных «оптик видения» процесса развития может возникнуть сочетание плюрализма и «наведения мостов» между парадигмами.

С этой точки зрения представление о соотношении индивида, личности, индивидуальности дает представление об изменениях в системе индивидуальной организации субъекта, «удельного веса» различных составляющих психического развития: генетических, биологических, средовых, социокультурных.

Как уже отмечалось, современное психологическое знание тяготеет к переходу к все более интегративным понятиям, что отражает взаимовлияние разных подходов, накопление знаний, невозможность описания феноменов в линейном измерении. Это

тенденция к поиску стереоскопической оптики психологических явлений и процессов. Рассмотрим на примере трех категорий развитие данной тенденции.

Психология выбора

В значимой для психологической науки монографии «Психология выбора» Д. А. Леонтьева, У. Ю. Овчинниковой, Е. И. Рассказовой и А. Х. Фам (2015) представлена целостная концепция психологии выбора, которая отражает тенденцию поиска интегративных знаний в психологии. На наш взгляд, она также демонстрирует взаимовлияние и взаимопроникновение современных психологических подходов, дает стереоскопическое видение данного феномена.

Первая задача, которая стоит при введении подобного конструкта, — это его сравнение с подобными категориями и описание его специфичности. Сопоставление категории выбора с принятием решения показало значимые отличия. Во-первых, результатом *принятия решения* становится решение, тогда как выбор совершается в жизни и завершается действием. Во-вторых, принятие решения связано с критерием оптимальности, тогда как выбор не имеет явных заданных критериев, что означает гибкость и неподконтрольность возможных изменений критериев в процессе самого выбора. В-третьих, принятие решений «может быть отчуждено от субъекта: оно может быть делегировано как другому человеку, так и „умной машине“ — экспертной системе. Этого нельзя сказать про выбор как жизненный процесс» (Леонтьев и др., 2015, с. 85). И наконец, ключевым отличием выбора от принятия решения является принятие ответственности за реализацию решения. Поэтому, несмотря на пересечения обоих понятий, выбор может осуществляться произвольно, и возможно несоответствие между намерением при принятии решения и ответственным действием, снимающим неопределенность.

В отличие от *самодетерминации*, которая также тесно связана с процессом выбора, последний локализован в определенный момент времени, устраняя неопределенность альтернатив, тогда как самоопределение — внутренний процесс, который хотя и может проявляться в определенных выборах, но ими не ограничивается.

Выбор нельзя отделить и от процессов *саморегуляции* деятельности, охватывающих самые разные аспекты от простого или более автоматического выбора до экзистенциального.

Авторы предлагают уровневую классификацию видов выбора: простой выбор, смысловой и экзистенциальный. Простой выбор больше походит на принятие решений, он более автоматизирован и направлен на оптимизацию (например, решение задач на уровень притязаний). Смысловой выбор происходит при ясных альтернативах, но неоднозначных критериях (например, потребительский выбор). Субъект выбирает, что лучше для него, соотнося со своими желаниями, намерениями, планами. Экзистенциальный выбор происходит в отсутствии альтернатив и критериев (например, выбор профессии). Критерии правильности экзистенциального выбора неприменимы, вся ответственность за выбор лежит на субъекте. С понятием экзистенциального выбора связана проблема риска в его субъективных и объективных составляющих. Риск рассматривается как необходимая составляющая выбора, и чем он сложнее, тем выше неопределенность и соответственно риск предпочтения одного из решений и устранение других возможных альтернатив.

Выбор также предполагает и цену, которую необходимо заплатить, материальную и нематериальную (собственные ресурсы, возможности и т. п.). Для оценки предлагается понятие «экзистенциальный расчет» как осознание цены, которую субъект платит за совершенный выбор. Он состоит из ресурсов (материальных, физических, психических), знаний и умений как вложений целеполагания и целедостижения, отношения и репутации (социальная поддержка, связи), самоотношение (сохранение и укрепление представлений о себе, своих возможностях, самоуважение).

Обсуждая готовность к выбору, авторы связывают ее с личностным потенциалом, системой, отвечающей за саморегуляцию отношений личности с миром, считая ее стержнем или каркасом личности. «К ключевым характеристикам относятся самодетерминация, жизнестойкость, ориентация на действие и самоэффективность. Личностный потенциал включает три подсистемы: потенциал самоопределения (способность субъекта действовать в неопределенности); потенциал достижения (способность успешного достижения целей) и потенциал сохранения (способность субъекта противостоять внешним давлениям, сохраняя свою целостность).

Авторы экспериментально показывают возможности предложенной концепции на примере разных видов выборов, разных возрастных категорий респондентов, анализируют индивидуальные особенности в деятельности.

Авторы утверждают деятельностно-процессуальную концепцию выбора как теоретическое основание их исследования, включаю-

шую в себя и культурно-историческую теорию, и экзистенциальную парадигму. Однако полагаю, что данная концепция представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа. Стереоскопическая оптика психологии выбора дает представление о взаимодействии личностных и субъектных составляющих, личностного потенциала как основы субъектного выбора, саморегуляции, самодетерминации, самоэффективности. Процесс выбора – это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями «субъект» и «личность», хотя не разводят их.

Таким образом, в психологической концепции выбора можно выделить признаки постнеклассической методологии: с характерным нарастанием неопределенности, фокусом на внутренних сложных процессах самоопределения, саморазвития, подчеркиванием процессуальности, текучести воспринимаемой жизни, ее контекстуальности. В ней объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы.

Все приведенные аргументы свидетельствуют об интегративности концепции выбора в психологии и самом современном уровне ее разработки на этапе постмодерна в науке.

Контроль поведения как субъектная регуляция

Многие психологи, изучая развитие и реализацию человеком своих способностей, личностных достижений, успешность адаптации к социальной и культурной среде, акцентировали свое внимание на отдельных психических феноменах: личности, Я-концепции, интеллектуальном потенциале человека, социальной компетенции и т. п. Однако только последние два десятилетия проблема саморегуляции стала центральной в психологии. Изучение саморегуляции, возможно, станет ключевым конструктом, позволяющим перейти к интегративному изучению человека, его возможностям не только адаптироваться к миру, но и изменять мир вместе с собой.

Проблема становления саморегуляции поведения интенсивно разрабатывается в различных психологических школах и направлениях. Эта проблема остается ключевой в понимании организации индивидуальных особенностей человеческой деятельности, возможностей регуляции функциональных состояний, своеобразия жизненного пути личности. Большинство авторов раскрыва-

ют возможности индивидуальной модификации поведения, делая упор или на регуляцию эмоциональных состояний, или на возможности когнитивного контроля, или на развитие произвольности действий ребенка.

Часто проблемы индивидуальных различий представляются как самостоятельные вопросы, отделенные от общей психологии. Однако, как отмечал еще в 1946 г. Курт Левин, проблема общих законов и индивидуальных различий изучается как несвязанные, противоположные вопросы. Но проблемы индивидуальных различий и общих законов тесно переплетены: общие законы и индивидуальные различия являются двумя аспектами одной проблемы. Они существенно зависят друг от друга и исследование одного не может происходить без изучения другого (Левин, 2001).

В полной мере это положение относится к проблеме саморегуляции. Необходимо совмещать в исследовании как поиск общих, универсальных закономерностей, так и их индивидуальных проявлений.

Нами был предложен конструкт «контроль поведения», который, с одной стороны, отражает общие характеристики саморегуляции, а с другой – является индивидуальной характеристикой человека.

Данный конструкт основан на трех положениях.

Первое, мы исходим из единства, неразрывности когнитивных, эмоциональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации. Второе принципиальное положение состоит в том, что именно субъект как носитель психического реализует взаимодействие данных компонентов. Третье положение – субъект всегда индивидуален. Это означает, что организация трех компонентов контроля поведения у каждого человека будет обладать своей спецификой.

Таким образом, *контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.* Уровень развития данной интегративной характеристики определяется уровнем развития человека как субъекта, отражающего степень интегративности всех его психических свойств. Эффективность контроля поведения связана с возможностями реализации психических ресурсов для решения жизненных задач, значимость которых определяется субъектом, им же отбираются осознанно и/или неосознанно стратегии их решения. Соотношение стратегий решения может указывать

на профиль контроля поведения, на ресурсы функционирования которого они опираются.

Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля.

Используя термин «контроль поведения», мы хотим подчеркнуть именно психологический уровень в организации регуляции, поскольку термин «регуляция» используется очень широко: регуляция напряжения, кровяного давления, регуляция питания и т. д. Термин «саморегуляция» указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который, мы считаем, имеет предшествующие базовые уровни. Однако особенности более низких уровней регуляции поведения являются предшествующими в формировании зрелых форм. Более того, индивидуальность человека возникает не вдруг, а формируется постепенно, опираясь на его генетико-средовую уникальность: его индивидуальный генотип и его уникальный средовой опыт приводит к становлению индивидуальности человека. Эта индивидуальность предполагает наличие определенных *ресурсов*, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, ментально планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию эмоций своих и Другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий.

Аргументом в обосновании выделения трех основных областей в контроле поведения являются представления Л. М. Веккера (1998) о триаде когнитивных, эмоциональных и регулятивно-волевых психических процессов.

В монографии, посвященной контролю поведения, было представлено детальное обоснование конструкта «контроль поведения», рассмотрены базовые принципы, лежащие в его основе: единство познания, эмоций и воли; раскрыты основания представлений о субъекте как системообразующем факторе индивидуального паттерна саморегуляции, ресурсный характер контроля поведения (Сергиенко и др., 2010).

***Составляющие контроля поведения:
когнитивный контроль, эмоциональная регуляция,
контроль действий/воля***

Многие исследователи, изучающие системы регуляции поведения, ограничиваются выделением контроля эмоций и когнитивного контроля, подразумевая, что произвольный и волевой контроль входят в систему контроля импульсивного поведения, объединяющего когнитивные и эмоциональные компоненты.

Однако приведем кратко аргументацию выделения произвольного/волевого контроля как подсистемы контроля поведения. Становление произвольности в раннем развитии, где исполнительные функции (тормозный контроль, рабочая память и когнитивная гибкость) в своем развитии ведут к становлению произвольности, подчинению действий цели, гибкому планированию решения задач проходит долгий эволюционный путь развития и означает не только когнитивный прогресс внеситуативного ментального моделирования, дающего выигрыш в управлении поведением, но и обретение способности человека к рациональному выбору и свободе воли. Эволюция познания связана с эволюцией выбора в том смысле, что индивид становится все более способным к селекции поведенческих возможностей и модификации собственных действий (Tomasello, Call, 1997). Животные, которые регулируют свое поведение, находят больше пищи и более успешны в репродукции. Но только люди выбирают на основе будущего краткосрочного и долгосрочного интереса. Рациональный анализ является особенностью человеческого выбора. Ни одно даже высокоразвитое животное не делает рационального анализа, хотя они бывают высококреативны в определенных ситуациях. Рациональный анализ предшествует свободе воли. Как указывает Дж. Серл (Searl, 2001), рациональный анализ бесполезен без свободы воли: логика нужна только тогда, когда человек стремится сделать что-то наилучшим образом. Способность изменять собственное поведение так, чтобы максимизировать ситуационный выигрыш, достичь долговременного преимущества, поддерживая значимые стандарты, становится высокоадаптивным свойством человеческой саморегуляции.

Таким образом, произвольность в организации собственного поведения, свобода выбора и действия (свобода воли) составляют неотъемлемую часть контроля собственного поведения.

Контроль поведения как индивидуальный ресурс

Идея анализа проблем саморегуляции как некоторого ресурса человека представлена в ряде зарубежных и отечественных работ (Леонтьев, 2006; Корнилова, 2007; Холодная, 2002; Петровский, 2007; Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007; Psychology of self-regulation, 2009; и др.).

Так, в работах Д. А. Леонтьева (2002, 2011), А. Г. Асмолова (2001), Б. С. Братуся (1999) утверждается личностная детерминация процессов регуляции и саморегуляции человека, когда смысловые образования начинают играть ведущую роль.

Т. В Корнилова (2007), анализируя проблему принятия решений, указывает на значение интеллектуально-личностного потенциала.

М. А. Холодная (2002) выдвинула гипотезу о произвольном и непроизвольном интеллектуальном контроле. Изучая когнитивные стили как индивидуальные способы познавательного анализа и преобразования воспринимаемого материала, она показала, что «когнитивные стили — это особый тип интеллектуальных способностей сравнительно с традиционными интеллектуальными способностями, измеряемыми с помощью психометрических тестов интеллекта» (там же, с. 176). Таким образом, в приведенных выше гипотезах и взглядах разных исследователей можно выделить представления об интеллектуальных ресурсах, интеллектуально-личностных ресурсах человека, которые используются в регуляции активности человека. Однако в данных представлениях ресурсы фактически ограничены интеллектуальными, что в более детальном виде представлено в гипотезе М. А. Холодной, а эмоциональная и произвольная регуляции становятся производными от когнитивного контроля. Более того, понятие о множественности ментальных структур нам представляется избыточным и недостаточно обоснованным, поскольку трудно себе представить существование отдельных психических структур для произвольного и непроизвольного когнитивного контроля, убеждений, предпочтений, умонастроений, когнитивных схем, понятий, способов переработки информации.

В современной зарубежной психологии также существует представление о саморегуляции, основанной на ресурсах человека. Это модель силы ресурсов (Strengthmodel) Р. Бауместейстера, Б. Шмейчеля и К. Вогс (Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007).

Модель силы ресурсов сопоставима с моделью самоуправления Е. Хиггинса (Higgins, 1996) и моделью обратной связи С. Ка-

вера и М. Шейера (Carver, Scheier, 1981), а также идеями З. Фрейда об энергетических способностях саморегуляции.

Подробное рассмотрение именно этой модели было необходимо для нас, во-первых, потому, что она довольно интенсивно применяется в исследованиях в общей и социальной психологии, во-вторых, и это главное, данная модель касается ресурсов саморегуляции, что перекликается с нашим подходом к контролю поведения, но только с внешней стороны.

Достоинствами указанной ресурсной модели является, во-первых, попытка интегративного подхода к процессам саморегуляции. Во-вторых, отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека. В-третьих, адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта. Здесь следует заметить, что термин Self (самость) ближе по своему значению понятию субъекта, чем личности, как полагает Д. А. Леонтьев и многие другие авторы. Основанием для такого суждения могут служить работы С. Л. Рубинштейна (2003), А. В. Брушлинского (2003), М. Фуко (2007).

Недостатками модели силы ресурсов, на наш взгляд, является прежде всего упрощенность представлений о саморегуляции как истощении. Это напоминает гидравлическую модель мотивации К. Лоренца. Специфика процессов саморегуляции теряется за упрощенным пониманием эго-истощения и снижения общих ресурсов. Многочисленные доказательства авторов также собраны на материале достаточно простых и единичных действий людей, которые часто искусственно вырваны из контекста их жизнедеятельности, реальных интересов и возможностей.

Здесь и возникает самый серьезный вопрос о понимании ресурсов. Если ресурсы — это просто некоторая энергия или сила, то в данной модели она существует в виде почти физической энергии батарейки, которая ограничивает возможности саморегуляции субъекта. Если это ресурсы субъекта, то они в данной модели не операционализированы и сведены лишь к энергетической составляющей человеческого функционирования, т. е. никак не специфичны для регуляции субъекта.

Наше понимание контроля поведения, которое опирается на ресурсы субъекта, адресовано прежде всего индивидуальным ресурсам. Поскольку субъект интегрирует все индивидуальные ресурсы человека, то *системообразующим фактором* всей системы регуляции выступает именно субъект. Под индивидуальными ресурсами мы полагаем особенности интеллектуальных, когнитивных способностей анализировать и упорядочивать внешнюю и внутрен-

ную среду, создавать ментальные модели ситуации и событий, ментально оперировать внутренними моделями и представлениями, подготавливать решения, способность гибкого когнитивного контроля. Обозначая данную подсистему контроля поведения как *когнитивный контроль*, мы включаем в нее как особенности меры интеллекта (в смысле совокупности способности перцептивного анализа и синтеза, памяти, обобщения и образования понятийных структур и когнитивных схем, ментальных моделей, способности к умозаключениям, упорядочиванию знаний, т. е. все те способности, которые описываются понятием интеллекта), так и стилевые когнитивные способности, обозначаемые традиционно как когнитивные контроли.

Второй подсистемой контроля поведения мы полагаем *эмоциональный контроль*, который также опирается на индивидуальные ресурсы субъекта. Люди отличаются различной эмоциональностью, интенсивностью эмоций, эмоциональной лабильностью, эмоциональной импульсивностью, различной способностью «читать» эмоции других людей и понимать свои, доминирующей окрашенностью настроения. Индивидуальные особенности эмоциональности описываются в психологии в рамках темпераментальных и характерологических черт. Все это позволяет предполагать существование эмоциональных индивидуально различных ресурсов. Эмоциональная регуляция тесно связана с когнитивным контролем и волевой регуляцией, обоснование чего было дано выше.

Наконец, третья подсистема контроля поведения — *произвольный/волевой контроль* также опирается на индивидуальный ресурс человека. Становление произвольности исполнительных действий, поведения, подчинение определенным целям, стандартам, смыслом проходит длительный путь развития в онтогенезе человека. Однако, как мы обсуждали выше, произвольность связана с развитием префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации. Индивидуальность развития данной системы показана, например, в работах Фокса (Fox, 1994).

При этом выраженность выделенных ресурсов имеет сугубо индивидуальный паттерн, т. е. соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлено у каждого человека в разных соотношениях. Например, может быть высокий уровень когнитивных ресурсов, средний — эмоциональных и низкий — волевых. Это предположение ведет к гипотезе о своеобразии контроля

поведения и своеобразии предпочитаемых стилей саморегуляции. Данное предположение также приводит к гипотезе связанности контроля поведения с психологическими защитами и типами совладающего поведения, поскольку все эти механизмы саморегуляции базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека (подробнее см.: Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011).

Жизнеспособность и контроль поведения

Обосновывая системное качество жизнеспособности субъекта, А. В. Махнач указывает на принятое в настоящее время определение *жизнеспособности*, включающей три группы обобщающих категорий: индивидуальные характеристики, поддержку семьи и внешнюю поддержку (Махнач, 2016). В целом подобное выделение теоретически и экспериментально обосновано, однако, субъектная индивидуальность в той или иной степени будет определять возможность и эффективность внешней и семейной поддержки. Кроме того, личностные координаты (смысловые ориентиры, установки, предпочтения) и индивидуальные возможности субъекта (степень его понимания ситуации, состояние внутренних ресурсов – контроля поведения, переживания ситуации) приводят к разному пониманию и использованию такой поддержки. Этот вопрос требует пристальной разработки, поскольку именно ответ на него может привести к действительно системному представлению о жизнеспособности.

Наши исследования контроля поведения показали, что роль индивидуальных ресурсов человека чрезвычайно высока для понимания его жизнеспособности, если понимать ее как *потенциал адаптации* (Сергиенко, 2016). Так, женщины, травмированные искусственным прерыванием беременности, отличаются несогласованной системой контроля поведения, использованием деструктивных способов защиты и совладания, а также слабыми компенсаторными связями между этими адаптивными механизмами, что указывает на снижение их жизнеспособности и сохранение выраженных показателей постстрессового состояния (см.: Психология повседневного и травматического стресса..., 2016).

Женщины в ситуации ожидания родов (стрессовой ситуации) также демонстрировали разный уровень индивидуальных ресур-

сов. Низкий уровень контроля поведения тесно связан с деструктивным развитием системы «мать—плод». При этом предиктором снижения в организации контроля поведения была повышенная чувствительность к кортикостероидам, обусловленная генетико-молекулярным своеобразием. Следовательно, внутренние ресурсы выступали как основа снижения жизнеспособности в стрессовой ситуации предстоящих родов (Чистякова, Савостьянов, Сергиенко, 2013).

Исследование контроля поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности может рассматриваться как попытка сопоставить взаимодействие внутренних ресурсов с внешними условиями. При жесткой регламентации деятельности, контроль поведения оказался более согласованным в своих составляющих (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль), но в меньшей степени связанным с субъективным благополучием и личностными ориентирами, тогда как люди нерегламентированных профессий в большей степени подчиняют свое поведение эмоциональной регуляции и личностным смыслам, т. е. ориентируется в большей степени на внутренние координаты своей профессиональной деятельности. Это может быть обусловлено тем, что жизнь людей нерегламентированных профессий тесно связана с самоорганизацией. От того, как они смогут построить свою работу, будет зависеть и успех выполняемой деятельности, и материальный достаток, и дальнейшее профессиональное развитие и т. д. Поэтому регуляция своего поведения в рамках данных профессий приобретает особую значимость и оказывается напрямую связанной с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем и субъективным возрастом (Павлова, Сергиенко, 2016).

Полагая уровневую модель организации жизнеспособности, авторы фактически включают данную способность в высокоуровневую организацию индивидуальности человека (Лактионова, 2013; Леонтьев, 2006). В нашей модели соотношения субъекта и личности в контексте системно-субъектного подхода функции субъекта (когнитивная — понимания, регулятивная — контроль поведения и коммуникативная — субъект-субъектные и субъект-объектные взаимодействия) реципрочно связаны с функциями личности: когнитивной — порождение смыслов, смысложизненных ориентаций, регулятивной — переживание, коммуникативной — выбор социальных объектов, значимых других. При этом на разных этапах развития единой системы «субъект — личность», данные функции вы-

ражены специфически и образуют своеобразие индивидуальности, согласно возрастным уровням организации, социальным условиям и событиям. При таком решении не возникает вопроса только о зрелых формах жизнеспособности и жизнестойкости, а лишь об уровневых их характеристиках. В представлениях о регуляции и саморегуляции можно привести примеры иерархических моделей, охватывающих разные уровни психической организации (Дикая, 2003; Бодров, 2007; Прохоров, 2005, 2009; и др.). В таком случае, говоря о жизнеспособности как интегративной способности к адаптации, можно предположить, что контроль поведения становится ее индивидуальным ресурсом, включенным в иерархическую психическую организацию индивидуальной (субъектно-личностной) регуляции.

Рассматривая контроль поведения как основу жизнеспособности, автор попыталась также с системно-субъектных позиций подойти к разработке сложнейшей проблемы индивидуальных вариантов человеческой регуляции. Обращение к интегративным понятиям жизнеспособности и контролю поведения отражает поиски психологов на постнеклассическом этапе развития психологической науки.

Таким образом, контроль поведения как интегративная категория, возникла не случайно. Она отвечает вызовам психологической науки, накоплению значительного психологических знаний о регуляции и саморегуляции поведения и деятельности человека, его внутренних состояний. Данная категория — это попытка объединить в одном конструкте разнообразные и разноуровневые представления.

В гипотезе о контроле поведения можно выделить признаки постнеклассической методологии, где видение настроено прежде всего на внутренние, уникальные ресурсы, которые становятся основой выбора и регуляции деятельности субъекта. Личность и субъект же включены в сложную систему реципрокных отношений, где смыслы, установки, ценности личности, ее личностный потенциал становятся целеполагающей инстанцией, тогда как субъектная регуляция (контроль поведения) ее индивидуальным и уникальным исполнением т. е. действующим, активным началом. В гипотезе объединяются разные уровни осознанности, произвольности, открытости систем изменениям и адаптивным возможностям, но в индивидуальном, уникальном варианте. При рассмотрении контроля поведения как регулятивной функции субъекта центр принятия решения и выбора перемещается в большей степени на вну-

тренний психологический уровень. Это не означает, что в ситуациях вынужденного выбора, автоматического выбора роль субъекта становится незначительной. И вынужденный, и автоматический выбор принадлежат субъекту, только при разной конфигурации организации системы регуляции, вовлеченности разных уровней и разных ресурсов.

Заключение

Сравнивая отдельные интегративные категории в психологии, психологию выбора, контроля поведения, жизнестойкости, следует отметить, что, хотя их авторы придерживаются своих подходов (деятельностно-процессуального – Д. А. Леонтьев, системно-субъектного – Е. А. Сергиенко и структурно-функционального – А. В. Махнач) в психологической науке, все рассмотренные категории отражают поиск новых обобщающих моделей анализа психологических феноменов. Нарастание объема знаний в разных областях психологической науки, возрастание сложности анализируемых явлений, необходимость междисциплинарности и трансдисциплинарности в анализе обуславливают поиск новых обобщающих концептов, которые представляют собой фактически гипотезы, отражающие теоретико-методологические подходы. Несмотря на отличающийся ракурс анализа и методологические основания, в них можно выделить и общие моменты, характерные для настоящего этапа научного знания. Это интегративный и системный характер гипотез, обращение к категории субъекта, попытка выйти на анализ не лабораторного человека, а человека в своей жизнедеятельности, делающего свой выбор, анализ вероятностных решений в обыденной жизни от простого до экзистенциального выбора, явно представленный сетевой характер понятийного аппарата. Кроме того, гипотезы и обобщающие ключевые понятия теоретически и эмпирически тщательно обоснованы. Все эти объединяющие признаки свидетельствуют о современном постнеклассическом этапе поисков. «В плане же организации научного знания постнеклассическая рациональность отличается движением от предметов к проблемам, а в настоящее время – к интегральным тематическим полям исследования» (Гусельцева, Изотова, 2016, с. 71). Рассмотренные концепции, эксплицированные в новых понятиях психологии выбора, контроле поведения, жизнеспособности, можно охарактеризовать как переходы к интегральным тематическим полям исследования.

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3–14.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бодров В. А. Психологические механизмы адаптации человека // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 42–61.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Веккер Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Гусельцева М. С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование). М.: Акрополь, 2013.
- Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. С. 31–51.
- Гусельцева М. С., Изотова Е. И. Позитивная социализация детей и подростков. Методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.
- Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддъяков А. Н., Юревич А. В. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Корнилова Т. В. Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции. / Под ред. В. И. Моросановой. М. – Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 181–194.
- Лактионова А. И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 109–126.
- Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев Д. А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 2 / Под ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.
- Леонтьев Д. А., Овчинникова У. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Марцинковская Т. Д.* Принцип развития в дискурсе персонологической и возрастной психологии // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2016. С. 116–134.
- Марцинковская Т. Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Павлова Н. С., Сергиенко Е. А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Петровский В. А.* Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.—Ставрополь: Изд-во ПИ РАО—СевКавГТУ, 2007. С. 151–171.
- Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб.: ИД «Мирь», 2009.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы и закономерности. М.: Пер Сэ, 2005.
- Прохоров А. О.* Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Интернет-журнал Психологические исследования. 2009. № 5–7. 18. URL: с. <http://www.psystudy.ru/index.php/pum/2009n5-7/223-sergienko7.html> (дата обращения: 18.07.2017).
- Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2016).
- Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 3–18.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Степин В. С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Чистякова Н. В., Савостьянов К. В., Сергиенко Е. А.* Эндогенные механизмы когнитивного контроля в регуляции функциональной системы «Мать–Плод» // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.2014).
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука. 2007.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учебное пособие. М.: Пер Сэ, 2002.

От дифференциации к интеграции подходов и категорий

- Aleksandrov Yu. I.* Cognition as systemogenesis // Anticipation: Learning from the Past: The Russian/Soviet Contributions to the Science of Anticipation / M. Nadin (Ed.). Springer, 2015. V. 25. P. 193–220.
- Baumeister R. F., Schmeichel B. J., Vohs K. D.* Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent // Social psychology: Handbook of basic principles (2nd ed.) / A. W. Kruglanski, E. T. Higgins. 2007. P. 516–539.
- Carver C. S., Scheier M. E.* Attention and self-regulation: a control theory approach to human behavior. N. Y.: Springer-Verlag, 1981.
- Fox N. A.* Dynamic cerebral processes underlying emotion regulation // The development of emotion regulation: biological and behavioral considerations / N. A. Fox (Ed.). Monographs of Society for Research in Child Development. 1994. V. 59. 2–3 Serial. № 246. P. 152–166.
- Higgins E. T.* The “self digest”: self-knowledge serving self-regulation functions // Journ. of Personality and Social psychology. 1996. V. 71. P. 1062–1083.
- Psychology of self-regulation: cognitive, affective and motivational processes / J. P. Forgas, R. Baumeister, D. M. Tice. N. Y.: Psychology Press, 2009.
- Searle J. R.* Rationality in action. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Tomasello M., Call J.* Primate cognition. N. Y.: Oxford University Press. 1997.

Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу

Т. В. Зеленкова

И результат этого исследования таков: мы видим сложную сеть сходств, накладывающихся друг на друга и не пересекающихся. Иногда это полные сходства, иногда сходства в деталях.

(Витгенштейн, 2011)

Начало пути

В конце XX столетия первые «революционные» шаги к осмыслению состояния российской психологической науки были сделаны Ф. Е. Василюком (1996), который четко обозначил ее расщепление на психологическую науку и психологическую практику. Это было одним из первых толчков, породивших в начале первого десятилетия настоящего века целую волну методологической рефлексии, на гребне которой стали видны и другие расхождения, грозившие разорвать некогда целостную психологию на отдельные куски, создавая «фронты» для естественно-научной и гуманитарной парадигм, для зарубежных и отечественных концепций, для монистического и плюралистического подходов к объяснению психического и просто для отдельных психологических теорий и школ. Эти «фронты», к сожалению, остаются и до сих пор, хотя определенные шаги к ослаблению напряженности между ними, несомненно, есть.

Прежде всего, развернувшийся в начале 2000-х методологический дискурс коснулся самых «ядерных» для отечественной психологии вопросов: предмета психологии (Чуприкова, 2004; Смирнов, 2006; Карицкий, 2006; Мироненко, 2017), психофизической и психофизиологической проблем (Кричевец, 2005; Чуприкова, 2005), теории отражения и конструктивизма (Петренко, 2002; Никольская, 2010), соотношения естественно-научного и гуманитарного подходов (Юревич, 2005, 2007; Александров, 2005; Мироненко,

2006), количественных и качественных методов (Улановский, 2006; Петренко, 2016); национального и интернационального (Юревич, 2009). Наиболее остро стоял вопрос, связанный с противостоянием монизма и плюрализма (Смирнов, 2005; Соколова, 2006, 2009; Мясоед, 2006; Мироненко, 2007; и др.).

Этот дискурс позволил экстерниоризовать созревающие внутри психологического сообщества глубинные переживания по поводу наличия кризиса и инициировать попытки осмысления возможных путей интеграции неуправляемой пролиферации психологических теорий и практик.

Затянувшиеся методологические дебаты на тему кризиса в психологии явили на свет сомнения в самом ее существовании, поставив вопрос о кризисе идентичности российских психологов, остро переживающих расставание с марксизмом как платформой, объединяющей отечественных психологов как в самой науке, так и в области профессиональных коммуникаций (Двойнин, 2016). Трудно согласиться со сторонниками взглядов о том, что постперестроечное время, связанное с нахлынувшей волной так называемой свободы от идеологии и не создавшее еще никакой альтернативы, породило у психологов ощущение потери опоры и безусловную реакцию страха, как у младенцев Дж. Уотсона, что якобы явилось пусковым моментом и одной из причин ответа сообщества психологов на эту стрессовую ситуацию. Более вероятно, что ощущение кризиса у российских ученых связано с переживаниями возможной утери значимости богатого наследия отечественных психологических школ в связи с бурным распространением влияния западных течений, преимущественно ориентированных на практику.

Но и это не может быть единственным фактором, повлиявшим на начало и ход методологических дискуссий о кризисном состоянии психологии, которые показали некую точку бифуркации в ее развитии, состояние перехода от стадии постмодернизма к постпостмодернизму (метамодернизму). Как мы уже отмечали ранее (Зеленкова, 2015), этот период характеризуется, прежде всего, динамикой «раскачивания» между многочисленными полюсами модерна и постмодерна. Вот почему иногда создается впечатление, что психология идет назад. Однако у такого «раскачивания» есть своя функциональная роль: оно создает поле для интеграции единства и множественности, авторского контроля и общедоступности, мастерства и концептуализма и т. д., практически во всех областях науки и практики, в том числе и в психологии. Поэтому раздробленность психологического знания — вовсе не кажущаяся

ся, она является закономерным этапом всеобщего эволюционного процесса, в котором дифференциация предшествует интеграции.

Глубокий методологический анализ различных направлений, теорий, концепций с необходимостью выявил идею поиска интегративных оснований (интеграторов), в качестве которых выдвигаются сущности разного порядка. Так, например, анализ отношений между естественно-научной и гуманитарными парадигмами показал не такую уж глубокую пропасть между ними. В роли «моста» между ними может стать зарождающаяся технологическая парадигма, выполняющая функцию парадигмального синтеза (Юревич, 2008).

Еще одно подобное решение, показывающее роль теории в интеграции двух концепций, имеющих практическую направленность, предложено К. Уилбером. Он приводит пример эффективного синтеза транзакционного анализа и гештальт-терапии путем создания необходимого *теоретического* звена между ними и показывает, что синтез этих подходов является более эффективным, чем каждый из них по-отдельности (Wilber, 1978). Несмотря на то, что речь идет о психологической практике, именно теоретическое звено стало «мостиком», благодаря которому оказался возможен синтез указанных выше концепций.

Одним из наиболее часто предлагаемых путей к интеграции отечественного психологического знания является попытка выделить «главную» школу, которую предполагается развивать в качестве интегративной теории. В зависимости от научных предпочтений в качестве такой системы взглядов выдвигается либо культурно-историческая теория (Л. С. Выготский), либо общепсихологическая теория деятельности (А. Н. Леонтьев). Однако, как убедительно показывает С. Д. Смирнов, деятельность «не может быть единственной парадигмой научного знания, как не может претендовать на эту роль и любая другая категория...» (Смирнов, 1993, с. 99).

В отечественной школе принято объединять эти теории в единую концепцию (Соколова, 2011; Асмолов, 2014). Однако такое объединение оказывается возможным только на другом, более высоком уровне методологии, например, как теории, относящиеся к «марксистской» психологии (Петухов, 1999). Иначе же один автор «тянет» этот «союз» в сторону Л. С. Выготского, другой – в сторону А. Н. Леонтьева. Интеграция на уровне психологии требует поиска конкретных точек разногласий и точек соприкосновения основных положений психологических теорий, как это показано у С. Д. Смирнова. Так, например, объединению концепций Л. С. Вы-

готского и А. Н. Леонтьева препятствует несводимость отношений между людьми к процессам деятельностного типа (Смирнов, 1993). Однако их объединяет генетический подход к изучению психики.

С. Д. Смирнов обозначил два основных подхода к пониманию и изучению психики: генетический и функциональный. Их можно соответственно рассматривать как две оси интегративного пространства: «вертикальную» (диахроническую) и «горизонтальную» функциональную (синхроническую). Первая – генетическая – характерна и для культурно-исторической теории и для теории деятельности А. Н. Леонтьева. Вторая – для деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна, концепций Д. Н. Узнадзе, Н. А. Бернштейна. Абсолютизация какого-либо из этих подходов приводит к уподоблению исследователя существам, живущим на плоскости и пытающимся увидеть третье измерение. Именно поэтому, как пишет С. Д. Смирнов, «когда мы с помощью понятийного аппарата, выработанного в рамках генетического подхода, пытаемся описать реализующие деятельность механизмы, возникают существенные трудности», поэтому неправомерно абсолютизировать генетический подход (Смирнов, 1993, с. 96). Так, например, для того чтобы объединить теорию установки Д. Н. Узнадзе, которая отражает функциональный («горизонтальный») аспект, и теорию деятельности А. Н. Леонтьева, являющуюся по сути генетической («вертикальной»), пришлось довольно искусственно расширить понятие деятельности, включив в него любое взаимодействие, любую активность (Асмолов, 2002).

Функциональный подход относится к трансляционным, генетический – к трансформационным. Они оба «нераздельны и неслиянны», обуславливают друг друга и принципиально несводимы друг к другу. Первый создает условия для трансформационного скачка второго, без которого невозможно функциональное развитие на новом уровне. Трансформация (каждый генетический уровень) испытывает на себе влияние всех предыдущих трансляций (функционального развития каждого уровня), и наоборот. Об этом в плане влияния диахронии на синхронию очень точно сказал британский теоретик современного искусства Уилл Гомперц. Прочитируем его рассуждения об отличии фотографии от картины художника, которые, на первый взгляд, обе дают только синхронический срез: «...фотография ловит лишь мгновение. В то время как пейзаж, портрет или натюрморт, которые, казалось бы (также. – Т. З.), увековечивают мгновение, на самом деле являются результатом дней, недель, а для многих художников (таких как Сезанн, Моне, Ван Гог,

Гоген и Хокни) — и лет пристального созерцания предмета. Это результат осмысления огромного объема информации, опыта, наблюдений и пространственных исследований, который проявляется (диахрония. — Т. 3.) в цвете, композиции и атмосфере произведения (Гомперц, 2017, с. 106).

Е. Е. Соколова (2011) рассматривает психологию деятельности (при условии ее дальнейшей разработки) как основу для интеграции науки и практики. Нельзя не согласиться, что огромный багаж теоретико-методологической базы деятельностной психологии и ее изначальная направленность на социальную практику, решение практических проблем человека в обществе действительно имеют мощный потенциал для развития целостного системного знания в психологии, однако под словом «практика» здесь опять подразумевается только ее часть — практическая (прикладная) психология. Тезис «нет ничего практичнее хорошей теории» иллюстрирует именно этот аспект практики.

В современной же психологии (и мы не можем это отрицать) сформировалась еще и собственно психологическая практика, которая отличается от прикладной психологии прежде всего тем, что направлена на человека не как на обобщенного представителя тех или иных социальных групп, а как конкретного человека с его индивидуальным жизненным пространством. И теоретические основы такой практики формируются изнутри ее самой (по большей части в виде эвристик и обобщений), доказывая свое право на существование демонстрацией реальной и действенной психологической помощи человеку и подтверждая тезис «Нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996).

Психологическая практика вовсе не сводится, как с некоторым пренебрежением утверждает Е. Е. Соколова, к «тренировкам» или «симптоматическому лечению»: это изменение психической реальности конкретного человека в процессе интересубъектных отношений с психологом на основе взаимопонимания. Мы живем не в «Солнечном городе», а в жестких социальных условиях современного мира, в которых неизбежно появление душевных переживаний и страданий (см., например, статьи А. В. Юревича о психологическом и нравственном состоянии современного российского общества — 2015, 2016). И мы не можем игнорировать душевные страдания отдельного человека. Поэтому в задачи практического психолога входит не только создание условий для предотвращения психологических проблем (профилактика), но и оказание помощи в преодолении этих проблем.

На сегодняшний момент этот аспект практики в русле отечественной психологической традиции представлен системой «понимающей психотерапии», разработанной Ф. Е. Василюком (2007). Только соединив вместе два, казалось бы, но только на первый взгляд, совершенно противоположных тезиса «Нет ничего практичнее хорошей теории» и «Нет ничего теоретичнее хорошей практики» мы можем говорить об их интеграции.

Разнообразие путей интеграции

Идеи интеграции психологического знания глубоко осмысливались в работе В. В. Петухова (1999), который, опираясь на К. Мадсена, обозначает две волны интеграции в мировой психологии. Первая, не затронувшая нашу стану – в конце 1940-х годов – должна была объединить психоанализ, бихевиоризм и гештальтпсихологию; вторая, начавшаяся в конце 1980-х годов – гуманистическую, когнитивную, марксистскую и др. (Петухов, 1999). Марксистской психологией, отмечает автор, в мировой психологической науке называют отечественную научную школу деятельностного подхода. Именно вторая волна должна была породить новую объединяющую парадигму, основанную на «системной и информационной теории» (цит. по: Петухов, 1999, с. 237) во главе с когнитивной психологией. Препятствуют этой интеграции «наивные дискуссии между «гуманистическими» и «когнитивными» психологами о приоритете изучения личности или познания, которые как бы „разрывают“ *общую психологию на части...*» (там же, с. 240). При этом когнитивная психология, включая в себя (ассимилируя) другие школы – гуманистическую и марксистскую – тоже должна измениться (аккомодировать) и рассматривать объединенную биологически-социо-гуманистическую концепцию человека. Таким образом, заключает В. В. Петухов, «общепсихологическая теория деятельности, взятая полностью, занимает достойное место внутри мировой психологии на рубеже XX–XXI веков» (там же, с. 238). Тем самым В. В. Петухов интуитивно (как исследователь, изучающий психологию творчества) обозначил целостное интегративное пространство научного психологического знания. Заметим, что психология деятельности (марксистская психология) является очень важной, но все же «одной из» единиц этого пространства, не обязательно главной.

Движение к интеграции российского психологического знания, как показывают публикации последних 10–15 лет, проходит по разным направлениям: от интегрирования двух–трех психологичес-

ких концепций до попытки объединить психологию с другими науками о человеке, природе и обществе (Асмолов, 2008).

В основе интеграции лежит поиск путей конвергенции знания, областей соприкосновения различных теорий для их дальнейшего развития. Прежде всего, имеет место объединение таких концепций, которые, работая вместе, могут сделать перспективный вклад в исследовательском и практическом направлении. Так, для рассмотрения человека в его «психосоматическом единстве» в рамках методологии синдромного анализа потребовалась система взглядов школы Л. С. Выготского – А. Р. Лурии (Зинченко, Первичко, 2014). В основу разработки образовательных стандартов нового поколения были положены идеи культурно-исторического и деятельностного подходов, объединяющие теоретические положения Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и П. Я. Гальперина (Асмолов и др., 2007). Культурно-деятельностная психология (школа Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии) как методология и «особое интеллектуальное движение» рассматривается в работе А. Г. Асмолова (2014).

Возможность интеграции экзистенциальной психологии в академическую науку рассмотрена Д. А. Леонтьевым, который показал не только теоретические основания для такого объединения, но и проанализировал потенциальную возможность рассмотрения экзистенциальной психологии в качестве зоны ближайшего развития психологической науки (Леонтьев, 2016).

Существенный вклад в процесс движения к интегральности психологического знания сделан В. В. Знаковым (2014). Основываясь на понятии многомерности мира человека, он обозначает, прежде всего, синхронический аспект человеческого бытия и обосновывает существование трех реальностей, в которых живет человек: эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Этим реальностям соответствуют три направления (традиции) психологических исследований – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Рассматривая психологическое знание в рамках психологии понимания, В. В. Знаков строит классификационную схему, описывающую способы понимания, основания понимания и тип понимания в каждой из названных областей, что является чрезвычайно ценным для психологической практики, обеспечивая ориентировочную структуру для рефлексии и саморефлексии специалиста-практика.

Прослеживая эволюцию знания в истории психологии и обозначая тем самым его диахронический аспект в гуманитарной об-

ласти знания, в том числе и психологии, В. В. Знаков констатирует два важнейших сдвига в ее развитии. Первый — «от когнитивизма с его идеей истинности знания к конструктивистской психологии, представители которой фактически отказались от чисто позитивистской истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта» (Знаков, 2014, с. 26). Вторым — «сдвиг от языка к опыту», имея в виду сдвиг в сторону экзистенциального опыта, который является основой «духовного знания», понимаемого в русле взглядов М. Фуко как постижение себя, своего внутреннего мира (там же).

Однако шаг к экзистенциальному опыту лежит не только на пути к «духовному знанию», которое, как показал американский философ К. Уилбер, на современном уровне развития психологии полностью описать невозможно, но которое можно исследовать методом «case study» (Уилбер, 2016). Придавая большое значение исследованию уникальных разовых событий, В. Ф. Петренко ставит вопрос о разработке особой психологической методологии анализа единичных случаев и критериев достоверности уникальных проявлений, отмечая «смещение акцентов в познании с ориентации на „открытия“ на ориентацию на интерпретации» (Петренко, 2016, с. 57).

Анализируя «верхние этажи» психологического знания, А. Н. Кричевец тоже высказывает сомнение в возможности только методами психологии во всей полноте изучить «вершинные» смыслы, в частности, их генезис. Они могут достигаться и другими способами, либо мы можем создавать условия для поиска «вершинных смыслов», которые «не следует рассматривать как результат усвоения культурно закрепленных смыслов» (Кричевец, 2005, с. 16). Человек открывает их сам, но для этого он должен приложить духовные усилия.

Рассматривая движение психологического знания от одного уровня развития человека к другому, он снимает вопрос о социальной детерминации психики: «Переход от стадии к стадии осуществляется физически, физиологически и социально недетерминированным образом в процессе социализации» (Кричевец, 2005, с. 17). Этим обозначается вероятностный, контекстный характер развертывания каждого уровня. Общество, как правило, только создает условия, в которых с определенной вероятностью порождаются и развиваются те или иные психологические теории.

К. Уилбер провел историческое исследование основных гносеологических принципов, уделяя главное место психологии и сосре-

доточившись на проблеме научности психологического знания. Охватывая весь спектр познания от простого эмпиризма, где человек познает в основном чувственный мир (отношение субъект—объект), к ментальной феноменологии, где главное значение имеет диалог (отношение субъект—субъект), и далее до трансцендентального уровня, который он в соответствии с древними традициями («*philosophia perennis*») называет «оком духа», Уилбер строит универсальную интеграционную модель для синтеза естественно-научного и гуманитарного знания, включая психологическое (Уилбер, 2016).

В соответствии с выделенными уровнями он четко различает источники психологического знания, получаемые как теоретическим путем, так и в результате психологической практики. Эмпирические, основанные на фактах источники монологического, объективного знания. Рациональные, выводимые из разума с помощью логики — диалогического, субъективного знания. Духовные, созерцательные — источники трансцендентального знания.

Дифференциация источников психологического знания необходима для понимания принципов выстраивания интеграционного процесса и избегания ошибок в интерпретации данных. Так, попытки изучить явления более высокого уровня с помощью инструментария нижележащего приводит к частичности психологического знания. В связи с этим самое трудное, отмечает К. Уилбер, — это верификация данных трансцендентальных исследований.

Значительный шаг на пути к интеграции психологического знания сделан М. С. Гусельцевой (2015). В качестве интегрирующей парадигмы ею выдвигается культурно-аналитический подход, в русле которого становится возможным новый в российской науке, объемный тип интеграции, охватывающий эволюционные линии развития гуманитарных аспектов психологического знания во взаимосвязи с культурологическим. Это создает картину «стереоскопического» видения истории психологии и более глубокого понимания как причин, так и возможных перспектив развития психологического знания в контексте социогуманитарных наук.

Однако культурно-аналитический подход М. С. Гусельцевой, хорошо построенный в отношении интеграции знания на «верхних этажах» методологии (философском, общенаучном и конкретно-научном), недостаточно проясняет картину, складывающуюся на инструментальном уровне: не совсем ясно, как именно функционирует обозначенный инструментарий (рефлексивно-диалектический анализ, культурно-психологический анализ и синтез) в качестве интеграторов разных аспектов познания.

При всей значимости культурно-аналитического подхода для истории психологии этот важный шаг – только один из нескольких, которые необходимо сделать для полной интеграции психологического знания.

К дискуссии о монизме и плюрализме

Упомянутые выше дискуссии между сторонниками монизма и плюрализма больше всего имеют место там, где встают вопросы о месте культурно-деятельностного подхода в системе психологического знания и перспективах его развития, вопросы, сопровождаемые беспокойством о том, «есть ли будущее у теории деятельности?» (Соколова, 2011). Для большей аргументации своих позиций, несмотря на кажущуюся однозначность, скрывающуюся за словами «монизм» и «плюрализм», эти понятия в последнее время начинают нагружаться определением «системный», нередко маскирующим их подлинный смысл. Появляются «системный монизм» (Соколова, 2009), «системный плюрализм» (Столович, 2000). С другой стороны, проводятся разграничения монизма и монотеизма (Асмолов, 2014), плюрализма и эклектики (Столович, 2000).

Согласно классическому определению этих понятий, приведенному в философском энциклопедическом словаре, монизмом называют «способ рассмотрения многообразия явлений мира в свете одного начала, единой основы (субстанции) всего существующего и построение теории в форме логически последовательного развития исходного положения». Плюрализм – «позиция, согласно которой существует несколько или множество независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия, оснований или форм знания» (Философский..., 1983). Слово «системный» абсолютно ничего не добавляет, а скорее, наоборот, засоряет эти понятия, хотя слово «системный» – это своего рода «оберег» для того, чтобы плюрализм отличали от эклектики, а монизм не смешивали с марксизмом или тоталитаризмом.

Монистически ориентированные теории в российской психологии (теория деятельности, культурно-историческая теория) создали огромную базу психологического знания, потенциал которой в настоящее время еще полностью не раскрыт. Все они опирались на марксизм, искренне разделяя и развивая его мировоззренческую основу. Однако резкая смена идеологии в постперестроечную эпоху «вместе с водой выплеснула и ребенка» – марксистскую составля-

ющую в психологии начали стыдливо замалчивать и, чтобы сохранить наследие, насыщать образовавшийся вакуум транзитивными свойствами. Поскольку важнейшей составляющей марксизма была диалектика, в культурно-деятельностной психологии стали искать следы идеализма, выделяя в ней воззрения Гегеля, Канта, находя в ней черты экзистенциальной психологии и пр., т. е., по сути дела, занимаясь скрытым редукционизмом и упрощением, разрушая тем самым уникальность, значимость культурно-деятельностной психологии и принижая ее ведущую роль для психологии XX в. Общая основа советской психологической науки разрушилась, психология начала распадаться на отдельные ветви. Нельзя было изымать то, что уже вошло в историю. Нужно было сохранять марксистское ядро и дополнять эти школы.

Плюралистические тенденции стали возникать, с одной стороны, в связи образовавшимся чувством потери опоры на нечто общее и надежное, с другой стороны — это была и дань времени. Все мировое сообщество перешло на стадию постмодернизма, характерные черты которого, отмечаемые как многоаспектность и многополярность взглядов, отсутствие единой основы и пр., стали контекстом для развития наук, культуры, искусства и всего общества в целом. Мир стал стремиться к нарастанию разнообразия, что не прошло мимо внимания психологов и было отмечено как культурный путь эволюции (Асмолов, 2008).

Многообразие и разнородность современной российской сферы психологии, отмечает В. Л. Данилова, не только имеет место, но и усугубляется и закрепляется системой профессиональной подготовки психологов, которая ориентирована, прежде всего, на классический тип рациональности и не направлена на средства ориентации выпускников в современной ситуации многообразия различных «психологий» и «психопрактик» (Данилова, 2010). Хотя здесь мы можем привести в пример обстоятельную работу И. Н. Карицкого (2002), в которой интегрированы десятки видов психологических практик и которую можно использовать при подготовке психологов. Вот «готовое средство для самоорганизации познавательного субъекта в психологии».

Интеграция — это путь к сохранению разнообразия, но далеко не всего, а того, что обладает *определённым потенциалом*. В этом ее отличие от глобализации, которая навязывает законы биологического выживания всему социуму и уничтожает разнообразие, поворачивая назад, вступая на путь не эволюции, а инволюции под прикрытием технологических достижений.

На самом деле и монизм, и плюрализм — это способы получения знания, сменяющие друг друга на разных социально-культурных этапах развития, которые неизбежно проходит психология в процессе эволюции. Когда идет дифференциация (как закономерный этап, способствующий поиску вариантов развития), необходим плюрализм. Когда идет этап интеграции, нужен монистический подход. Невозможен ход эволюции по какому-то одному из этих путей.

Разнообразие порождает широту позиций и взглядов, творческий поиск в ситуации неопределенности и вариативность выбора путей дальнейшего развития психологического знания. Вот здесь как раз и вступают в силу законы синергетики. Именно здесь начинается первичная интеграция, объединение теорий по принципу «бутстрапа», согласно которому объединяются только те объекты, которые взаимно и достаточно сильно притягиваются друг к другу, имеют общие точки соприкосновения (см.: Зеленкова, 2009). Плюрализм вовсе не означает полнейшей толерантности при восприятии разных теоретических позиций: перед включением той или иной теории в систему знания она должна быть критически осмыслена с точки зрения ее ценности и места в этой системе.

И если мы говорим об интеграции, то ее системность заключается в том, что более поздний этап должен включать в себя все достижения предыдущего. А для этого нужен диалог, а не противостояние. Необходимость такого диалога А. Г. Асмолов называет аксиомой номер один, поскольку одной из сторон кризиса нашей науки является именно «разрыв диалога между классикой и современностью» (Асмолов, 2014, с. 7). Одним из путей преодоления подобного разрыва, на наш взгляд, можно считать общую модель интеграции психологии, предложенную Е. А. Климовым в «гипотезе метёлок» (Климов, 1992). В свете развития психологического знания она представляет собой описание особой формы интегративного процесса, характерного для сложных саморазвивающихся систем современной эпохи.

Размышления о профессии психолога и изучение ее культурно-исторического становления позволило Е. А. Климову выдвинуть гипотезу о специфической форме развития этой профессии, которое идет «не «циклами», не «по спирали», не «по возрастающей» и не «по нисходящей», а иначе — «путем возникновения и изживания... определенного рода сменяющих друг друга объемлющих систем; при этом в принципе любая очередная система зарождается в недрах предыдущей еще задолго до того, как та изживет себя» (там же, с. 6–7). Эта гипотеза показывает движение к интеграции

исторически возникших и развивающихся направлений деятельности психолога, разрыв между которыми констатируется сегодня в отечественной методологии — теоретической и практической.

Модель этого процесса, представленная в виде графического изображения восходящей цепи «метёлок», располагающихся ортогонально друг к другу, не является частной моделью, приложимой к объяснению только профессиональной деятельности психолога. Поскольку под понятием «объемлющая система» Е. А. Климов подразумевал определенное мировоззрение, то, по сути, раскрывая эту гипотезу, он описал форму общего интегративного процесса, основанного на парадигмальном холярхическом включении парадигм в систему психологического знания.

Ни одна из «метёлок» (парадигм) не может возникнуть без опоры на предыдущий этап, несмотря на то, что каждая из них развивается независимо (ортогонально) относительно своей опоры. Е. А. Климов показывает непрерывность этого процесса, подчеркивая, что каждая «метёлка» вырастает из самого центра предыдущей в период ее максимального расцвета на фоне противоречий, порождающих множество диалогов, конфликтов, дискуссий. В этот период возникают различные «ветвления» — точки бифуркации, которые и служат точками роста. Благодаря новым взглядам на психическую реальность, начинает зарождаться новая, ортогональная ветка, которая строится в сознании людей как максимально независимая от предыдущей. Эта ветка, как считают ее адепты, отвергает прежнюю. Но на самом деле то, что они «неизбежно заимствуют из прошлого, переобозначается и переосмысливается в контексте (на языке) новой системы», включается и трансформируется ими (там же, с. 8).

Эта цепочка неразрывна, поскольку все это — стадии непрерывного эволюционного процесса развития видов деятельности психолога, каждая из которых превосходит и включает все предыдущие. Е. А. Климов предвосхитил появление интегративного движения, появившегося вслед за состоянием раздробленности и полипарадигмальности психологического знания.

Об интеграции методологических принципов

Интегративные тенденции в отечественной психологии проявляются также по линии методологических принципов. Так, развитие понятия образа мира, как показано в современных российских исследованиях (Смирнов и др., 2016), требует интеграции методоло-

гических принципов активности и неопределенности. Предполагается, что функциональная роль образа мира состоит в создании ««оси контроля» становления динамических регулятивных систем, открытых с точки зрения их состава и процессуальных иерархий» (там же, с. 10). В современных условиях увеличение разнообразия мира, вариативности форм поведения и деятельности вызывает возрастание неопределенности, которое вызывает необходимость организующего начала, снижающего энтропию, поэтому функциональная роль образа мира имеет определяющее значение для регуляции деятельности и познания человека.

Прогностическая функция дополнительно обеспечивает процесс эволюционного изменения образа мира в соответствии с основными этапами психического развития человека путем динамики «многоуровневой системы гипотез, которые непрерывно генерируются человеком навстречу миру», показывая, «в каком направлении он изменится в близком или более далеком будущем» (там же, с. 10). Процесс эволюционной трансформации образа мира описывается также в работе А. Г. Асмолова (2008), где указываются три уровня этого преобразования: в биогенезе образ мира порождается как пространство биологических смыслов, в социогенезе — как пространство значений, в персоногенезе — как пространство личностных смыслов (Асмолов, 2008).

Таким образом, можно сказать, что дальнейшее научное исследование образа мира может быть направлено на интеграцию функционального и генетического подходов к пониманию и изучению психики.

Поскольку образ мира является неотъемлемой частью психики человека, имеет смысл предположить, что он, так же как и психика, эволюционирует по структурным уровням ее развития. Обратимся к интегральной психологии Кена Уилбера, где он, интегрировав более 100 психологических теорий и практик, построил целостную систему психологического развития человека, обозначив основные уровни этого развития от плеромного до недвойственного (Уилбер, 2004). Согласно теории Уилбера, процесс перехода от одного уровня к другому осуществляется путем дифференциации и интеграции достижений всех предыдущих уровней (холархически). Соответственно и образ мира на каждом уровне трансформируется, включая в себя все структуры ядра и периферии, сформированные на предыдущих уровнях в силу своей регулятивной и прогностической функции, обеспечивая приспособление человека к новым условиям развития.

Переход на новый уровень совершается благодаря ядерным структурам, которые образуются на текущем уровне как результат упорядочивания неопределенности. На новом уровне они становятся периферическими, обеспечивая средства и фоновый порядок при освоении этого уровня.

Таким образом, психологическое знание об образе мира и концепция К. Уилбера об уровнях психического развития являются взаимодополняемыми, и есть перспектива интеграции достижений западной психологии развития и деятельностной концепции, включающей понятие образа мира.

Базовые понятия холярхического подхода к интеграции психологического знания

Интеграционные процессы, все больше и больше охватывающие отечественную психологию, реализуются в самых разнообразных формах. Это может быть иерархия, гетерархия, сетевая структура и др. Как нами отмечалось в других работах (Зеленкова, 2015), в условиях зрелого постмодернизма интегративные структуры эволюционируют от иерархических систем к сетевым и холярхическим, которые, в силу огромного объема и возрастающей сложности психологического знания, являются более продуктивными для его организации.

Сетевые структуры в силу своей гибкости, подвижности, открытости и способности к самоорганизации находят самое широкое применение в общественной практике. Так, например, яркие представители сетевого подхода agile-технологии, завоевавшие первоначально мир программирования и ставшие основой эффективной деятельности в бизнесе, теперь распространяются на образование (как педагогические технологии) и научную деятельность. agile-технологии рассчитаны на совместную деятельность проектной группы по разработке как теории, так и продуктов, имеющих практическую ценность.

Интеграционные процессы в сфере психологического знания тоже довольно часто начинаются с сетевых, объединяя различные теории и практики и одновременно оставляя их самостоятельными. Однако прогресс в интеграции идет в сторону более сложных систем, которые, используя холярхическое включение, могут иерархически упорядочить и объединить психологическое знание. В основе таких систем лежит понятие холона.

Термин «холон» (от *gr.* holos — целое, on — часть, частица) впервые был предложен А. Кестлером в его работе «Дух в машине» (Кест-

лер, 1993) в качестве основы теории открытых иерархических систем. Холоном он называет саморегулирующуюся открытую систему, которая одновременно проявляет и свойства *целого*, и свойства *части* в зависимости от условий функционирования. Эта дихотомия, которую Кестлер назвал «двумя лицами Януса», проявляется на всех уровнях открытой иерархической организации любого типа. С помощью *части* холоном способен строить сеть, с помощью *целого* — интегрироваться в более крупное *целое* и создавать вложенные иерархии холонов различных уровней, которые К. Уилбер назвал холархиями (Уилбер, 2004). В этом смысле противопоставление ризомы и дерева, проводимое в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари (Делез, 2010), неконструктивно. В соответствии с принципом дополнительности, ризома и дерево — это *часть* и *целое* одного и того же холона. Если смотреть на *часть* — становится видна сеть, если смотреть на *целое* — дерево. В современном естествознании подобные системы называют бутстрэп-системами, элементами которых являются «взаимно-детерминирующие сущности, образующие с целым дуальную эмерджентно возникающую и относительно устойчивую пару. Кроме того, любые выделенные элементы либо существуют все вместе, либо не существуют совсем» (Казанский, 2009).

Остановимся подробнее на сущности понятия «холоном». В каком смысле холоном проявляет себя одновременно и как целое, и как часть? Кестлер пишет: «Человек не является чем-то изолированным — он холоном, который проявляет Янусо-подобную сущность в зависимости от того, рассматриваем ли мы человека как «смотрящего внутрь себя», и тогда он выступает как самодостаточное уникальное целое, или как направленного вовне, и тогда он выступает как зависимая часть» (Koestler, 1967, с. 56).

Здесь необходимо некоторое пояснение по поводу понимания терминов «часть» и «целое». Когда речь идет о некоей форме или структуре объекта, то эти понятия употребляются традиционно: любое целое состоит из частей, а части образуют некое целое; объект является и самостоятельной единицей, и частью более обширного целого. Введение Кестлером понятия «холоном» как некоей целостности, способной быть одновременно и частью, и целым, предполагает еще одно качественно иное понимание «части» и «целого» — *холономное*. Оно связано с переходом к использованию этих терминов в том смысле, как они могли бы характеризовать, например, свойства электрона, одновременно являться и частицей, и волной в соответствии с принципом дополнительности Бора, согласно которому один и тот же объект может иметь взаимоисключающие свойства

в зависимости от условий эксперимента. Это предполагает переход к использованию понятий «часть» и «целое» таким образом, чтобы они могли бы характеризовать проявление холона одновременно и с внешней, и с внутренней сторон.

Холон как *целое* проявляется в форме непрерывного, внутреннего, скрытого, а холон как *часть* — дискретного, внешнего, явленного. В связи с различием традиционного и холономного понимания терминов «часть» и «целое» при дальнейших рассуждениях второе понимание мы будем выделять курсивом.

Отметим, что сам Кестлер, определив понятие «холон», не уточняет различия традиционного и холономного значений терминов «часть и целое», контекстуально употребляя их то в том, то в другом значении. Так, например, рассуждения Кестлера о структуре холона сопровождаются традиционной трактовкой: в целое входят части. Когда же речь идет о процессах в холоне, о динамике его развития, то «каждый из функциональных холонов... рассматривается как имеющий определенную меру индивидуальности со всеми атрибутами двуликого Януса: частичностью и целостностью. Степень их интегрированности в унифицированную личность варьируется смотря по обстоятельствам, но никогда не будет абсолютной» (Кестлер, 1993, с. 117). Здесь «мера индивидуальности» — это мера «целостности», а атрибуты двуликого Януса — это *часть* и *целое*, как две стороны холона, проявляющиеся в зависимости от обстоятельств. Похожие догадки о Янусо-подобной сущности восприятия были и у Л. С. Выготского, когда он писал: «Смысловое восприятие есть обобщенное восприятие, т. е. восприятие, составляющее часть более сложной структуры, подчиняющееся всем основным структурным законам. Но наряду с тем, что оно составляет часть непосредственно видимой структуры, оно одновременно составляет часть и другой, мыслимой, структуры, поэтому очень легко парализовать это смысловое восприятие или затруднить его» (Выготский, 1984, с. 359).

Внешнее действие (например, проговаривание мысли) Кестлер связывает с «действием функциональных холонов придаточного частичного характера» и процессом партикуляризации (обособлением и отделением в ущерб *целому*), а внутреннее действие (мысль) соотносит с единством и целостностью опыта и с интегративными процессами — «интерпретацией и генерализацией входов» (Кестлер, 1993, с. 116).

Как указывает Кестлер, «каждый живой холон имеет двойную тенденцию — сохранить и утвердить индивидуальность, но в то же

время функционировать как интегрированная часть существующего или эволюционирующего целого» (там же, с. 110). В этом утверждении он позиционирует, с одной стороны, свойство холона как *целого* – интегрировать мир, который его окружает, с другой – свойство холона как *части*, которое заключается в том, чтобы быть интегрированным в другое, более обширное целое (мир).

Если отдельный холон интегрирован каким-либо другим целым (проявляется как *часть*), он несвободен и является зависимым от более обширного целого. Поэтому холон либо строит жесткие внешние границы, самоутверждаясь и сохраняя свою автономию внутри этого целого, либо размывает границы, сливаясь с этим целым и тем самым переходя на более низкий эволюционный уровень (например, когда человек сливается с толпой). Автономность и самоутверждение вызывают собственнические эмоции и эмоции агрессивно-защитительного типа, которые «сужают поле сознания... стремятся сузить свободу выбора» (Кестлер, 1993, с. 120). «*Часть*» проявляет себя так же, как «отдельность», по А. Богданову: она всегда окружена границами и означает «*перерыв* каких-либо активностей (сопротивлений), с которыми встречается наша деятельность» (Богданов, 1989, с. 169). Функционально *часть* обеспечивает процессы синергетики, в результате которых взаимодействие холона с внешней средой порождает новые формы, уничтожает старые. И. Пригожин и И. Стенгерс отмечали, что в сильно неравновесных условиях система начинает приобретать принципиально новые свойства – воспринимать внешние поля, в результате чего появляется возможность отбора конфигураций (Пригожин, 2003, с. 150).

Если же холон проявляется как *целое*, он свободен и независим от других целостностей и поэтому открыт для них. Он строит гибкие внутренние границы, позволяющие ему включать (интегрировать) то, что находится вовне, стремится выйти за пределы самого себя, проявляя самопревосходящие эмоции, которые расширяют поле сознания, «имеют тенденцию к свободе от выбора» (Кестлер, 1993, с. 120). Функционально *целое* обеспечивает эволюцию холона за счет процессов кибернетики, в результате которых отбирается и закрепляется только необходимое для его дальнейшего развития.

Независимо от того, проявляет ли себя холон как *часть* или как *целое*, в нем постоянно происходят процессы обмена, однако характер этого обмена разный. В *части* обмен выражен внешне и подчиняется закону постоянства энергии, меняются только формы. В *целом* действуют психологические законы: в результате обмена содержание удваивается – это и «работает» на эволюцию.

Эти различия уместно охарактеризовать с помощью известного афоризма Бернарда Шоу о яблоках и идеях, в котором говорится, что если два человека обменяются яблоками, то у каждого из них останется по одному яблоку (это свойство *части*), но если два человека обменяются идеями, то у каждого из них будет по две идеи (это свойство *целого*).

Рассуждая о «традиционном» и «холодном» понимании *части* и *целого*, необходимо иметь в виду уровень организации того объекта, в отношении которого будут применяться эти понятия. К. Уилбер, описывая свойства холона, заостряет внимание на невозможности целого существовать без какой-либо своей части. При этом он приводит пример с молекулой воды, которая не может существовать без кислорода или водорода, тогда как отдельно эти элементы вполне могут быть автономными (Уилбер, 2004). Здесь понятия *части* и *целого* выступают в традиционном ключе, причем целое не является суммой частей, а образуется эмерджентно. Однако уже на уровне клетки этот пример не срабатывает: клетка может существовать без одной митохондрии, а обратное невозможно. Поэтому на уровне более простой неживой материи уместно традиционное понимание: объект является и самим собой, и частью более крупного объекта. Когда же мы переходим на уровень живого, существенно более сложного, с необходимостью проявляется и первое, и второе понимание. Физически человек является частью природы. Психологически природа является частью человека.

Представления о холярхической целостности в отечественной науке

Идеи, аналогичные кестлеровскому пониманию холона, можно встретить в философских работах А. Ф. Лосева (1990), М. Бахтина (1975), Р. Якобсона (1985, 1996). В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев пишет: «Выразительное бытие есть всегда синтез двух планов, одного — наиболее внешнего, очевидного, и другого — внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого. <...> Обе стороны и тождественны — до полной неразличимости... и различны — до полной противоположности... Итак, выражение есть синтез и тождество внутреннего и внешнего, самождественное различие внутреннего и внешнего» (Лосев, 1990, с. 422–423). И далее: «Более „внутреннее“ есть и более общее, а более „внешнее“ есть и более частное. Точно так же можно сказать, что более внутреннее есть более отвлеченное, а более „внешнее“ есть более конкретное, или что бо-

лее „внутреннее“ есть более идеальное, смысловое, а более „внешнее“ есть более реальное, образное» (там же).

Лосев доказывает, что миф как целостность не является по отдельности ни схемой (внутренним, *целым*), ни аллегорией (внешним, *частью*). Он есть символ (*холон*), где «самый факт „внутреннего“ отождествляется с самым фактом „внешнего“, между „идеей“ и „вещью“ здесь не просто смысловое, но – вещественное, реальное тождество» (там же, с. 428).

Сходным образом, анализируя культурное явление или отдельный культурный акт как целостность, М. М. Бахтин называет его «автономной причастностью» или «причастной автономностью», обозначая тем самым нераздельные и неслиянные свойства этой целостности как *целого* (автономная причастность) и как *части* (причастная автономность). «Та или иная возможная или фактически наличная творческая точка зрения, – пишет Бахтин, – становится убедительно нужной и необходимой лишь в соотношении с другими творческими точками зрения: лишь там, где на их границах рождается существенная нужда в ней, в ее творческом своеобразии, находит она свое прочное обоснование и оправдание (целое. – Т. 3.); изнутри же ее самой (часть. – Т. 3.), вне ее причастности единству культуры, она только голо-фактична, а ее своеобразии может предстать просто произволом и капризом» (Бахтин, 1975, с. 24–25).

Целое рассматривается им через связи с другими явлениями культуры: «Только... в непосредственной отнесенности и ориентированности в единстве культуры, явление перестает быть просто наличным, голым фактом, приобретает значимость, смысл, становится как бы некоей монадой, отражающей в себе все и отражаемой во всем» (там же). Аналогичную мысль мы видим у А. Н. Леонтьева, который пишет, что в реальном мире «определенность целостной вещи выступает через ее связи с другими вещами, а не посредством ее «оконтуривания»» (Леонтьев, 1983, с. 256).

В своей работе «Часть и целое в языке» Р. Якобсон дает характеристику нескольким типам отношений между целым и частью, каждый из которых играет существенную роль для понимания языка. Как подчеркивает Якобсон, «постоянное внимание к разнообразным формам отношений между целым и частью поможет шире раздвинуть рамки нашей науки» (Якобсон, 1985, с. 305). Его рассуждения включают оба понимания части и целого, о которых говорилось выше. Первое – структурное – описывается им в виде «многоэтажной иерархии целого и частей» от морфемы до дискурса (язык как холархия). Второе – сущностное (голономное) – как свойст-

во холона быть одновременно и *частью*, и *целым*: «С реалистической точки зрения язык... должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть» (там же, с. 303). *Целое* выступает как «модель отношений» или замысел (внутренняя компонента), *часть* — как конкретное воплощение, зависящее от контекста (компонента внешняя, направленная на взаимодействие с контекстным окружением и наполненная конкретным содержанием), поэтому, учитывая бесконечность контекстов, один замысел может иметь бесконечное число воплощений.

Указывая на двойственную природу языка, Р. Якобсон описывает на лексическом уровне два вида структурной организации отдельных языковых единиц (комбинацию и селекцию) как две дихотомии, в каждой из которых одновременно функционируют два противоположных процесса: комбинация/контекстная композиция и селекция/субституция. Реализация этих процессов при построении речевого акта раскрывается Якобсоном аналогично функциональным ролям *части* и *целого* в холоне (Якобсон, 1996). Так, например, селекция обеспечивает условия для активного порождения речи субъекта вовне, отбирая языковые единицы и проявляя свойства *части*, а субституция создает условия для понимания речи адресанта при помощи синонимичного или антонимичного замещения языковых единиц и генерирования смыслов (свойства *целого*). При афазии, если наблюдается дефект селекции (*части*), пациент понимает речь собеседника и может поддержать беседу, однако он «испытывает особые трудности, если заставить его воспроизвести... монолог» (там же, с. 34–35). А при дефекте субституции (*целого*) он может генерировать много разных слов, не понимая их внутреннего сходства, объединяя слова по пространственной смежности.

Идеи холоноподобной целостности можно проследить в философско-психологической работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир». В ней С. Л. Рубинштейн говорит о том, что ценность человеческой индивидуальности раскрывается только при рассмотрении индивида «как единства единичного, особенного и всеобщего» (Рубинштейн, 2003, с. 405), где единичное и особенное — это его *часть*, всеобщее — *целое*. Тогда отношения человека и мира предстают как отношения двух холонов: «Мир, каков он для человека, — это его объективная характеристика» (там же, с. 404). Здесь человек предстает как *целое*, а мир как *часть* единого холона «человек» (человек включает в себя объективный мир). Далее С. Л. Рубинштейн продолжает эту мысль, представляя «мир как бытие, преобразованное человеком и вбирающее в себя человека и всю совокупность от-

ношений с ним связанных» (там же). Здесь мир предстает как *целое*, а человек — как *часть* единого холона «мир» (и мир включает в себя человека), т. е. первую мысль С. Л. Рубинштейна можно было бы дополнить перифразой: «Человек, каков он для мира, — это его субъективная характеристика».

Поэтому вместе человек и мир тоже составляют холон, и если обратиться к иллюстративному моменту, то лучше всего отношения между ними выражаются известным символом Тайцзы, означающим в классической китайской философии предельное состояние бытия и именуемому символом Великого предела (Дао). Поясним сказанное. На изображении символа человек как холон представлен темным правым полем (*целое*) и темной точкой на светлом фоне в левой половине (*часть*); мир — светлым левым полем (*целое*) и светлой точкой на темном фоне в правой стороне (*часть*). Применяя выражение Р. Якобсона, скажем так: каждое поле является *totum pro parte* (целое вместо части), каждая точка — *pars pro toto* (часть в качестве целого) (Якобсон, 1985, с. 305). Все вместе — «нераздельность и неслиянность» человека и мира. *Нераздельность* проявляется в черных и белых точках, *неслиянность* — в существовании границы между светлым и темным полями.

Целое человека (темное поле) — это его внутренняя, субъективная сторона, *часть* (темная точка на светлом фоне) — внешняя, проявляющаяся в мире через деятельность, поведение. Это то, как человек отражается в мире и влияет на мир. Человек для мира предстает как *часть*, он материален и субъективен.

Целое мира (светлое поле) — объективное, *часть* (светлая точка на темном фоне) — проявляется через образ мира и архетипические структуры. Это есть то, как мир отражается в человеке и влияет на него. Мир для человека предстает как *часть*, она объективна, но имеет нематериальную форму. Объективный характер образа мира проявляется в основном в амодальности его ядерных структур, представленной в значениях (Леонтьев, 1983; Смирнов, 1981; Петухов, 1984). Об объективном характере архетипических структур свидетельствуют работы К. Юнга, В. Паули (1975).

Процесс взаимодействия этих холонов по-разному мыслится представителями западной и отечественной психологической науки, что ясно показано С. Д. Смирновым в критике стимульно-реактивного подхода к построению образа и ответного действия (Смирнов, 1981). По логике западного подхода: от объективного мира (*его целое*) — к поведению и деятельности человека (*его часть*), далее — к психическому отражению (*целое человека*) и затем — к построе-

нию картины мира. С точки зрения культурно-исторической теории и теории деятельности мы имеем, по меньшей мере, *два этапа* и, соответственно, две схемы взаимодействия. В доречевой период: от деятельности (*часть*) в объективном мире (*его целое*) — к построению образа мира (*его часть*) и далее — к формированию психики (*целое*) и снова к деятельности. Активность ребенка в предметном и социальном мире является пусковым моментом. В процессе этой активности начинается «вычерпывание» образа объективной реальности (Леонтьев, 1983). С началом речевой активности «у ребенка создается устойчивая картина мира, упорядоченного в предметном отношении, впервые расчлененного с помощью речи. Перед ребенком раннего возраста впервые возникает не слепая игра известных структурных полей, которая была у младенца, а структурно предметно оформленный мир, вещи приобретают известное значение» (Выготский, 1984, с. 361). Пусковым моментом становится образ мира, который частично уже сформировал амодальные ядерные структуры. Схема меняется: образ мира—психика—деятельность—объективный мир—образ мира.

Этот процесс созвучен высказыванию С. Л. Рубинштейна: «Таково само бытие в его становлении и разрушении, включающее человека как сущее, осознающее мир и самого себя и потому способное изменить бытие, бесконечно выйти за его пределы. Таков человек как часть бытия, как единичное существо, сохраняющее свою единичность и поднимающееся до всеобщности» (Рубинштейн, 2003, с. 405). В общем виде динамическая организация всех процессов взаимодействия соответствует принципу единства сознания и деятельности: «Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство» (Рубинштейн, 2000, с. 17).

Человек как *целое* вырастает из его отношения к миру: бытие человека как бытие «все более высокого плана, все большего внутреннего богатства» возникает «из бесконечно многообразного и глубокого отношения человека к миру и другим людям» (Рубинштейн, 2003, с. 405). Темное поле на изображении символа Тайцзы — это то, что называют «миром образов», светлая точка — «образом мира» (Смирнов, 1981).

Однако «мир для человека» не ограничен только лишь образом мира. Есть еще и бессознательные компоненты, которые имеют статус объективных. К ним относятся продукты коллективного

бессознательного — архетипические структуры. Роль этих структур в формировании осознаваемой картины мира, их единство с объективным миром и индивидуальной психикой показал К. Юнг в работе «Синхрония». Он проводит мысль о том, что процессы, происходящие в мире, «отражают аналогичные процессы в уме индивида» (Юнг, 2010, с. 45), которые уравниваются в бессознательном соответствующими архетипами. В зависимости от того, интегрируются индивидом эти символы в сознание или нет, осуществляется его влияние на объективный мир, т. е. описывается процесс, аналогичный «западному» типу.

К. Юнг описывает механизм этого взаимодействия на примере событий Первой мировой войны в «западном» ключе: события, связанные с войной, вызвали реакцию в сфере коллективного бессознательного, что нашло отражение в индивидуальной символике, связанной с насилием и жестокостью. «Когда подобные символы проявляются у большого числа индивидов и остаются для них необъяснимыми, они притягивают таких индивидов друг к другу словно магнитом, и так формируется толпа. Лидер для нее вскоре найдется — личность, имеющая наименьшую сопротивляемость, наименьшее чувство ответственности и, по причине своих низменных склонностей, наибольшую волю к власти. Он даст волю тому, что вот-вот готово взорваться, и толпа последует за ним, подобно неудержимой снежной лавине» (там же, с. 44).

Взгляды Юнга полностью разделял крупнейший физик XX в., лауреатом Нобелевской премии, одним из создателей квантовой механики Вольфганг Паули. На протяжении длительного периода времени (26 лет) он переписывался с К. Юнгом и обсуждал проблемы коллективного бессознательного. Объектом пристального внимания Паули была психофизическая проблема, поиски «моста», соединяющего чувственное восприятие с логическими понятиями. Особое значение он придавал архетипам познания и явлениям синхронистичности, изучавшимся Юнгом. Паули полагал, что процесс понимания мира человеком начинается в сфере бессознательного, на этой ступени «вместо ясных и четких понятий на первый план выступают образы, насыщенные ярким эмоциональным содержанием, которые не мыслятся, а созерцаются наглядно и непосредственно. Поскольку эти образы являются «выражением предчувствуемой, но еще непознанной сущности», их в соответствии с введенным К. Г. Юнгом определением символа можно назвать символическими. В этом мире символических образов архетипы действуют как упорядочивающие операторы и формирующие фак-

торы и одновременно исполняют роль того самого искомого моста между чувственным восприятием и идеями» (Паули, 1975, с. 138).

Исходя из этого, можно предположить, что процесс отражения и конструирования мира человеком начинается с формирования в сфере бессознательного некоего прото-образа или пред-образа мира, имеющего в своей основе архетипические структуры.

Таким образом, рассмотрение отдельной сущности (целостности) с позиции теории холона, проявляющего одновременно и свойства *целого*, и свойства *части*, может прояснить диалектическое единство разных аспектов этой сущности. Так, например, две формы профессиональной активности педагога – педагогическая деятельность и педагогическое общение, рассматриваемые в статье С. Д. Смирнова как взаимозависимые, но не сводимые друг к другу, по сути являются двумя сторонами одного и того же холона. Педагогическая деятельность – проявление холона как *части*, педагогическое общение – как *целого*. Вместе они «образуют синкретическое единство, не позволяющее выделить тот или иной компонент в чистом виде» (Смирнов, 2011, с. 17).

Или возьмем высказывание А. Н. Леонтьева о приоритете деятельности в формировании сознания ребенка. Он пишет: «Положение Л. С. Выготского о том, что сознание есть продукт речевого общения ребенка в условиях его деятельности по отношению к окружающей его вещной действительности, необходимо обернуть: сознание ребенка есть продукт его человеческой деятельности по отношению к объективной действительности, совершающейся в условиях языка, в условиях речевого общения» (Леонтьев, 1998, с. 122). На самом деле оба эти утверждения верны: если рассматривать сознание как *холон*, то одно из них характеризует его как *часть* (положение А. Н. Леонтьева), другое – как *целое* (положение Л. С. Выготского). Положение Л. С. Выготского само по себе представляет только одну сторону целостного процесса – внутреннюю, оно необходимо должно было быть дополнено еще и второй, внешней. Приоритет деятельности в формировании сознания ребенка необходим для анализа сознания со стороны явленного (освоение действий), приоритет речевого общения – со стороны скрытого (освоение языка), поэтому в зависимости от задачи анализа может рассматриваться либо одна, либо другая позиция (принцип дополнительности Бора).

В современной методологии множество различных теорий с внешней стороны выглядит как мозаика (проявление *части*), с внутренней стороны – у них должен существовать единый архетип (*це-*

лое). В. Паули считал, что только логикой нельзя обосновать и соединить теории — должна быть сеть (Паули, 1975). Если мы будем «сшивать» множество психологических теорий не только по причинно-следственным основаниям, но и по подобию (по принципу «бутстрэпа» Джеффри Чью), то, проявляя деятельность в объективном мире, мы придем к пониманию сущности психологической науки вообще, ее «архетипу».

Диалектический потенциал понятия «холон» применительно к психологической проблематике

Холон всегда представляет собой *целостность*, но проявляется то одной, то другой стороной: то как *часть*, то как *целое*. Выступая наружу как *часть* (явленное, внешнее, дискретное), он содержит в себе и *целое* (скрытое, внутреннее, процессуальное); выступая как *целое*, он содержит в себе и свойства *части*. Эта модель объясняет и «ожерелье Индры», и «монады Лейбница», где каждая знает все про каждую, потому что в каждой все они включены как *часть*, и во всех монадах присутствует каждая как *целое*. Отдельная бусинка, в которой отражаются все другие, — это ее *целое* (она вмещает всех других), а отражение отдельной бусинки во всех других — это проявление ее как *части* (ее вмещают другие).

Прежде чем назвать основные свойства и функции *части* и *целого* в холоне, отметим, что обе части дихотомии *часть—целое* являются противоположными, но несимметричными и требуют наличия контекста, в рамках которого будет проявляться та или иная сторона. Такого рода противоположности мы будем называть «холархическими». Здесь необходимо некоторое пояснение относительно указанных свойств противоположностей и их места среди противоположностей других видов.

В науке принято различать логические и диалектические противоположности. Их основное различие — в совместимости или несовместимости «полюсов» противоположностей. Однако, как заметил Г. В. Акопов, целый ряд дихотомий не вполне оппозиционны и «не подпадают под определение формально-логической или диалектической классики» (Акопов, 2009, с. 131), поэтому мы предлагаем разбить все противоположности на 4 класса, добавив дополнительно критерий наличия или отсутствия контекста («наблюдателя»). Действительно, каждый из этих видов, в свою очередь, может зависеть или не зависеть от контекста («наблюдателя»). По этим критериям мы имеем 4 вида противоположностей (таблица 1):

Таблица 1
Классификация противоположностей

Противоположности	Совместимость «полюсов»	Наличие контекста «наблюдателя»
Логические внеконтекстные	–	–
Логические контекстные	–	+
Диалектические внеконтекстные	+	–
Диалектические контекстные (холархические)	+	+

Логические внеконтекстные противоположности симметричны, качественно однородны и не требуют присутствия контекста. Они не могут существовать одновременно в одном и том же объекте, например, притяжение—отталкивание, прямая—кривая, контактное—дистантное, непрерывное—разрывное.

Логические контекстные противоположности обладают теми же свойствами, но зависят от «наблюдателя» (субъекта или объекта). Для иллюстрации приведем строки А. Н. Леонтьева, где он цитирует слова Энгельса: «Что является светом и что — несветом, зависит от того, ночное это животное или дневное» (Леонтьев, 1983, с. 259). Примерами могут являться противоположности одновременность—разновременность, рассеянность—сосредоточенность.

Диалектические внеконтекстные — несимметричны, качественно различны, не требуют присутствия контекста. Но у них есть совместимость, возможно их диалектическое единство, они могут существовать одновременно у одного и того же объекта, например, свобода—необходимость; рациональное—эмпирическое.

Диалектические контекстные (холархические) имеют те же свойства, что и внеконтекстные, но они связаны с присутствием «наблюдателя» и определенными условиями, в которых возможно их проявление. Этот вид противоположностей соотносится с одним из ключевых современных принципов изучения сложных систем — принципом дополнительности Бора, согласно которому один и тот же объект может иметь взаимоисключающие свойства в зависимости от условий эксперимента, в частности, наблюдения (например, электрон проявляет свойства или волны, или частицы).

Холархические противоположности, соответствующие свойствам и функциям *части—целого* в холоне, представлены в таблице примеров холархических бинарных оппозиций (таблица 2).

Таблица 2

Примеры холархических бинарных оппозиций

ХОЛОН (ЦЕЛОСТНОСТЬ)	
ЦЕЛОЕ	ЧАСТЬ
имплицитное	явленное
процесс	структура
достаточные условия познания	необходимые условия познания
внешнее действует через внутреннее	внутреннее действует через внешнее
непрерывное	дискретное
творчество	креативность
утверждение истинных ценностей	отвержение ложных ценностей
обеспечение точности познания	обеспечение полноты познания
поддержание стабильности	поддержание устойчивости
замысел	воплощение
причина	повод
сюжет	фабула
смысл	значение
анализ через синтез	синтез через анализ

В качестве иллюстрации приведем описание О. К. Тихомировым функций рассудка и разума как двух форм мыслительной деятельности, отражающих холономные отношения: рассудок связан с эмпирическим обобщением, индуктивным подходом, имеет широкое поле применения, особенно там, где еще не выработан категориальный подход, нет модели мира, а разум — «с более глубоким, более обоснованным отношением к действительности» (цит. по: Знаков, 2013, с. 144). Тогда в едином холоне мыслительной деятельности рассудок — это *часть*, разум — *целое*.

Отметим, что не только принцип дополнительности Бора — все четыре принципа сложности современного знания отвечают этим оппозициям: «непротиворечивость—полнота» в принципе неполноты Геделя, «осмысленность—точность» в принципе несовместимости Заде, «расплывчатость—четкость» в принципе неопределенности Гейзенберга.

Формы эволюции любого холона зависят от того, какой его аспект (часть/целое) становится фигурой, а какой — фоном, поэтому рас-

смотрение многих, казалось бы, противоречивых психологических понятий с позиции *часть/целое*, интегрирует их в единую непротиворечивую картину. Перефразируя слова шахматиста и мыслителя Эм. Ласкера, можно сказать, что развитие холона как части направлено на отвержение ложных ценностей, а как целого – на утверждение истинных.

Известно, что А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн при рассмотрении природы психического придерживались разных позиций. А. Н. Леонтьев в качестве «фигуры» выделял структуру (деятельности, образа), он шел от структуры – к процессу, а С. Л. Рубинштейн считал «фигурой» процесс, и шел от процесса – к структуре (процесс кристаллизуется в структуре, которая подчинена процессу).

Рассмотрим эту кажущуюся дихотомию с позиции соотношения части и целого в холоне. Психическое как структура – это свойство психического (холона) проявлять себя как *часть*. Психическое как процесс – свойство холона проявлять себя как уникальное саморазвивающееся *целое*. На начальных этапах эволюции, как правило, доминирует структура, на более поздних – преимущественно доминирует процесс. Первое использует анализ как основной метод познания, второе – синтез. Таким образом, обе позиции, рассматриваемые отдельно, являются неполными, частичными истинами, а взятые вместе они представляют более глубокую истину – целостность психического.

Формулировка концепции детерминизма психического, как известно, тоже является предметом разногласий в школах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. Принцип «внутреннее действует через внешнее» (и этим себя изменяет) наиболее точно объясняет и полностью описывает социальную детерминацию психики, развитие человека как члена общества (холон как *часть*). Принцип «внешнее действует через внутреннее» (и этим изменяет внешнее) акцентирует собственную, внутреннюю детерминацию психики – саморазвитие человека через творческую деятельность (холон как *целое*).

Оба принципа, отражая приоритет либо внешнего, либо внутреннего в рассмотрении причинности, представляют общее интегрированное поле детерминации психического как целостного развивающегося холона и не являются противоречивыми, поскольку проявляются в разных контекстах: первый – при рассмотрении человека преимущественно как субъекта общественной (коллективной) деятельности, второй – преимущественно как субъекта творческой самодеятельности.

Точно так же с позиции соотношения части и целого в холона можно рассматривать структуру психологического знания, используя два взаимно дополняющих подхода: «синтез через анализ» и предложенный С. Л. Рубинштейном «анализ через синтез». Первый, когда целое рассматривается в контексте частей, больше характерен для неклассической психологии. Второй — исторически более поздний — позволяет рассматривать отдельные части в контексте целого без разрушения его эмерджентных свойств. Только оба подхода, взятые вместе, позволяют получить целостное представление о природе психологического знания.

В качестве другого примера можно привести решение вопроса о соотношении между понятиями «значение» и «смысл», которые, по мнению А. В. Брушлинского, в теории А. Н. Леонтьева «неправомерно отрываются друг от друга» (Брушлинский, 1982, с. 35). На самом деле вопрос о «неправомерном отрыве» снимается, если эти понятия рассматривать в контексте развития холона как *части/целого*. Согласно принципу дополнительности, значение образуется в ходе развития холона как *части*, смысл — холона как индивидуального *целого*. С этой точки зрения не вполне корректно рассуждать о том, какое из них богаче. Значение обеспечивает полноту, а смысл — точность, поскольку образуется при погружении значения в конкретный контекст, поэтому значение есть необходимое условие познания, а смысл — достаточное.

Таким образом, переход рассуждений на более высокий обобщающий уровень, способный интегрировать кажущиеся противоречивые теории и точки зрения, упирается, в сущности, в интегрирование бинарных оппозиций по основанию «*часть—целое*» как свойств особой целостности (холона), проявляющихся в зависимости от ракурса рассмотрения и условий проявления данного свойства. Тогда эти оппозиции как свойства холона одновременно быть и *частью*, и *целым* выступают в виде неявных оснований интегрирующей теории.

Холон проявляет себя и в онтологии, и в гносеологии сходным образом. К примеру, творчество, проявляясь с внешней стороны (как *часть*), выступает в форме креативности, проявляясь как *целое* — предстает в виде творческости. Творчество (как *холон*) развивается в форме движения от креативности — к творческости (от *части* — к *целому*). Как творческость не может возникнуть без креативности, так и в создании методов исследования творчества тест дивергентного мышления Ф. Вильямса на завершение рисунков не мог быть создан раньше аналогичного теста П. Торренса.

Понятие научной парадигмы также может быть рассмотрено в качестве примера холона. Т. Кун объяснил этот холон со стороны *части*, явленного, М. Полани — со стороны *целого*, скрытого. Холон всегда сначала развивается преимущественно как *часть*, но с какого-то момента неизбежно начинает выявляться его имплицитная, неявная составляющая — *целое*. Эксплицируясь, оно становится явным и снова становится *частью*, но уже новой парадигмы. Этот процесс продолжается бесконечно. Такая многоуровневость эволюционного развития парадигмы хорошо соотносится с известным общеметодологическим принципом неполноты Геделя.

Итак, понятие *холон* с методологической точки зрения является достаточно продуктивным для интегрирования различных областей психологии. Свойства и функции *целого* и *части* соответствуют диалектическим контекстным (холархическим) противоположностям. Рассмотрение объекта исследования с позиции теории холона, проявляющего одновременно и свойства *целого* и свойства *части*, может прояснить диалектическое единство разных аспектов этого объекта.

Заключение

Реалии современного мира, отличающиеся многообразием, неопределенностью и противоречивостью взглядов, мнений, суждений, создают для психологического знания все новые и новые контексты, требующие анализа, методологической рефлексии и активности всего психологического сообщества в определении путей развития психологии.

Методологические публикации последних десятилетий показывают, что сейчас в современной российской психологии вступают во взаимодействие друг с другом, часто находясь в оппозиции, представители неклассической, постнеклассической рациональности и интегративизма. Поиск и осмысление оснований для интеграции психологических теорий и практик становятся все более интенсивными, и их спектр охватывает уже достаточно большой диапазон, включая как простые объединения, так и сложные многомерные системы, а область интеграции начинает выходить за пределы психологической науки.

От разногласия постмодернизма мы постепенно переходим к полилогу. Об интеграции, по-видимому, говорить пока еще рано, но то, что исследователи уже начали слышать друг друга, говорит о том, что перспективы интеграции психологического знания

перестали казаться фантастическими. В поле психологического знания посредством личностных смыслов каждого исследователя, экстериоризируемых в методологических публикациях, постепенно формируется, можно сказать, «коллективный» образ мира, функциональная роль которого – в интеграции, регуляции и прогнозировании деятельности психологов в условиях разнообразия и неопределенности.

Литература

- Александров Ю. А.* О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 155–158.
- Акопов Г. В.* Классическая и/или неклассическая психология сознания // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 130–136.
- Асмолов А. Г.* Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3–11.
- Асмолов А. Г.* Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 5–9.
- Асмолов А. Г.* То ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Асмолов А. Г., Бурменская Г. В., Володарская И. А., Карabanова О. А., Салмина Н. Г.* Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 16–23.
- Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
- Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989.
- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Василюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2007.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2011.
- Выготский Л. С.* Детская психология // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.

- Гомперц У. Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси. М.: Синдбад, 2017.
- Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2015.
- Данилова В. Л. Проблема субъекта психологического познания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 77–84.
- Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Двойнин А. М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 45–54.
- Зеленкова Т. В. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–308.
- Зеленкова Т. В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 32–62.
- Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Эвристическая ценность постнеклассических моделей в психосоматике // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 14–26.
- Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
- Знаков В. В. Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 135–146.
- Казанский А. Б. Модели организационно замкнутых систем и контуры развития новых подходов в области искусственного интеллекта и когнитивной науки. 2009. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm> (дата обращения: 21.07.2017).
- Карицкий И. Н. Теретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.—Челябинск: Социум, 2002.
- Карицкий И. Н. Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 105–118.
- Кестлер А. Дух в машине // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 93–122.

- Климов Е. А.* Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1992. № 3. С. 3–12.
- Кричевец А. Н.* Внутренние условия развития и психофизическая проблема // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3–18.
- Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Леонтьев А. Н.* Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–124.
- Леонтьев Д. А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
- Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
- Мироненко И. А.* К теоретическим проблемам общей психологии // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 145–148.
- Мироненко И. А.* Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 105–111.
- Мироненко И. А.* О предмете психологии // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 130–141.
- Мясоед П. А.* О психологическом знании и познании, или что мы хотим от психологии? // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 139–145.
- Никольская А. В.* Теория отражения vs конструктивизм // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 66–77.
- Паули В.* Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера // Физические очерки. Сборник статей. М.: Наука, 1975. С. 137–175.
- Петренко В. Ф.* Перспективы развития психологической школы Выготского—Леонтьева—Лурии в контексте проблематики психосемантики бессознательного // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 54–67.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петухов В. В.* Проблема осмысленного действия (по решению творческих задач) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 235–262.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

- Смирнов С. Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Смирнов С. Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1981. № 2. С. 15–29.
- Смирнов С. Д.* Общепсихологическая теория деятельности: перспективы и ограничения (к 90-летию со дня рождения А. Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 94–101.
- Смирнов С. Д.* Педагогическая деятельность и педагогическое общение // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2011. № 3. С. 5–17.
- Смирнов С. Д.* Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 73–84.
- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
- Соколова Е. Е.* Апология системного монизма // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 15–25.
- Соколова Е. Е.* Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129–140.
- Соколова Е. Е.* Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 138–146.
- Столочич Л. Н.* О системном плюрализме в философии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 46–57.
- Уилбер К.* Интегральная психология. М.: АСТ и др., 2004.
- Уилбер К.* Очи познания: плоть, разум, созерцание. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Улановский А. М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27–36.
- Философский энциклопедический словарь / Сост. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Чуприкова Н. И.* Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 104–118.
- Чуприкова Н. И.* Психофизиологическая проблема и разработка теории мозговой организации высших психических процессов человека в трудах Е. И. Бойко и его школы // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 68–84.

Интегративные тенденции в развитии психологии

- Юнг К. Г.* Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ, 2010.
- Юревич А. В.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 147–152.
- Юревич А. В.* Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 49–62.
- Юревич А. В.* Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 3–17.
- Юревич А. В.* Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 32–45.
- Юревич А. В.* Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 3. С. 76–89.
- Юревич А. В.* Перспективы парадигмального синтеза. 2008. № 1. С. 3–15.
- Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996.
- Koestler A.* The Ghost in the Machine. London: Hutchinson, 1967.
- Wilber K.* A Working Synthesis of Transactional Analysis and Gestalt Therapy // Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 1978. V. 15. № 1. P. 196–212.

Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии

Т. В. Корнилова

Изменение представлений о причинности в психологии было связано как с освоением философского и методологического знания, так и с необходимостью разрешения противоречий, осознаваемых в ходе развития психологических исследований. В данной работе не освещаются споры о понимании детерминизма, целевой регуляции деятельности и прочих исторически важных этапов в построении представлений о психологической регуляции или саморегуляции. Затронут менее рефлекслируемый в литературе аспект — возможных изменений в построении психологического объяснения, базирующегося на тех или иных представлениях о психологических законах и логике в рамках разных типов теоретико-эмпирических исследований и в контекстах необходимого освоения новых вызовов психологии со стороны нарастания сложности и неопределенности мира, в котором живет человек (Асмолов, 2015; Смирнов и др., 2016), а также вызовов возможностям его мышления, которое должно выходить за рамки традиционно понятых форм организации выводов и прогнозирования возможного.

В методологическом наследии, достоящемся психологам в области философского и общенаучного знания, есть и свои тупики, и еще мало опробованные тропы. К последним можно отнести, в частности, психологические разработки на базе изменения понимания причинности в работах М. К. Мамардашвили (см.: Корнилова, Смирнов, 2011). Его идеи о системной детерминации с постулированием множественности причинности, понятые в соответствии с учением Маркса о «превращенных формах», принципиально новое понимание континуума бытия — сознания и артефактов в качестве «органов действия» как действительное развитие «марксова мышления» уже поминаются психологами при обсуждении неклассической стадии развития науки, но еще далеки от конкретизации новых форм причинного вывода в рамках самих пси-

хологических исследований. Более того, понимание К. Марксом причинности вновь и вновь «вчитывают» (выражение В. П. Зинченко) в старые схемы диамата, как бы не видя всех тех новых поворотов в понимании каузальности, рациональности, объективности, которые именно с Маркса и начались (что и обосновал в своих работах М. К. Мамардашвили).

Конечно, это свобода в самоопределении ученого – выбор того, какие истоки видеть в качестве методологически необходимых для построения современного психологического исследования, т. е. решающего выделенные актуальные проблемы и противоречия. Но было бы странно видеть новые пути, только оглядываясь назад и не заглядывая вперед.

В этом аспекте довольно наивными выглядят призывы некоторых историков психологии к освоению наследия мыслителей прошлого в понимании причинности, например, Б. Спинозы. Кто-то настаивал на том, что он «спинозист». Кто-то другой вообще не касался проблемы понимания этим философом субстанции и ее сущности, имманентной причины или внешней, первых и конечных причин и т. д., строя психологическое понимание и объяснение на других методологических основах. Все особенности того детерминизма, которые были представлены в этом воззрении либо уже вошли в канву построения психологического вывода, либо отброшены как метафизика, не предполагающая возможностей включения в методологию науки. И, учитывая пройденный психологией путь дифференциации изучаемой реальности, выделения в ней множественности слоев (с разным причинным становлением), проблем и предметов изучения, стоит взглянуть на перспективы изменений в понимании причинного вывода. В том числе в тех направлениях его осмысления, которые разрабатываются не психологами, а людьми, раскрывающими новые представления как на проблему детерминизма, так и на построение научного вывода. К таким примерам я отнесла бы, во-первых, концепцию Н. Талеба как действительно новое понимание детерминации в XXI в. Во-вторых, идею *каузального инкрементализма*.

Немного истории:

каузальность и психологические реконструкции

Наука Нового времени определила классический вариант идеала рациональности и развитие понимания причинности в смене детерминизма от механистического до биологического. На этой клас-

сической стадии было введено понятия *воздействующей* причины и тех условий *причинного вывода*, которые стали рассматриваться в качестве инеобходимых для установления *единственного* причинно-следственного отношения. Наряду с этим произошло разведение причин как причинно-действующих *условий* и причин на уровне *закона*. Важно, что такое понимание причинности не входило в «причины» в классификации Аристотеля: *causamaterialis*, *causaformalis*, *causafinalis*, *causaefficientis* («то, ради чего...»), поэтому всегда странно выглядят обоснования выводов в тех современных исследованиях, в построение которых уже включено понимание причины в рамках науки Нового времени (классической стадии), апеллирующих (вдруг) к Аристотелю.

Экспериментальный метод выступил основным путем организации теоретико-эмпирического исследования, построенного в соответствии с нормативами научного мышления, реализующими логику *гипотетико-дедуктивного* вывода относительно изучаемой *причинно-следственной* зависимости. Опустим противопоставление мнений о роли звена *гипотез* в развитии научного познания: 1) отрицание их роли как зыбкого звена, от которого следует отказаться (В. Дильтей) и 2) понимание развития методов научного познания как способов проверки гипотез — как основного пути развития науки (и сформулированного в *критическом рационализме* К. Поппера требовании к логике выводов на основе учета принципов верификации и фальсификации). Последнее столетие развития науки — в том числе и психологии — продемонстрировало правомерность именно второго пути.

Другой вопрос — почему стадии развития науки стали сменяться и осмысливаться именно в предположении об изменениях причинности: сначала как переход к *неклассическому идеалу рациональности* в критериях введенного М. К. Мамардашвили конструкта (Мамардашвили, 1984), неклассической стадии (в обобщении идей о стадийности, в частности, В. Степиными) и далее к постнеклассической? Следует отметить при этом, что речь идет именно о *стадиях развития науки*, включающих соотношения разных теорий и взглядов, а не о динамике изменения авторских взглядов в рамках конкретной концепции. Хотя именно в психологии первым вариантом неклассической психологии Д. Б. Элькониним была названа конкретная концепция — культурно-историческая психология Л. С. Выготского, но это правомерно именно благодаря отвечающему критериям «неклассики» соотношению нового способа организации исследования в культурно-исторической

психологии при переходе к идее опосредствования и построения выводов. Предпринимавшиеся в дальнейшем попытки развернуть вспять (во временной перспективе) оценки тех или иных концепций как «неклассических» во многом связаны с «самостийной» подменной заданных в понятии неклассического идеала рациональности критериев, в частности, принципов неопределенности и дополненности (Завершнева, 2001).

К ранее сказанному в других работах мы сейчас добавили бы, что основанием этой подмены выступило также смешение представлений о возможности *психологических реконструкций* (как основного пути психологических объяснений) изучаемой реальности и отсутствии должного *контроля за выводами*, включающего не только соотнесение типа проверяемых гипотез и организации исследования (критерий объективности, введенный Б. Тепловым), но и рефлекссию соотнесений осуществляемых выводов с *образом мира* исследователя (со стремлением, например, К. Левина, к «галилеевскому мышлению», реализующему именно классический идеал рациональности, но приписываемый в ряде работ – неизвестно, на каком основании – неклассической стадии в психологии).

В психологии причинные объяснения включаются в *реконструкции психологической реальности* – обсуждение закономерностей применительно к психологическим процессам, явлениям и формам их регуляции, которые сами по себе не доступны наблюдению, но могут мысленно воссоздаваться по наблюдаемым, т. е. фиксируемым показателям. Именно подход К. Поппера к возможности на основе гипотетико-дедуктивного метода построения объяснения ненаблюдаемых процессов и поставленная проблема невозможности Наблюдателя с большой буквы (Зинченко, Мамардашвили, 1977) наиболее соответствовала тому пути развития психологии, который вел не к радикальному конструктивизму, а к пониманию, что психологические законы *устанавливаются* (а не раскрываются как объективно и независимо от субъекта познания существующие, что предполагалось в рамках диамата). Итак, *психологические реконструкции* – это психологические объяснения, которые не только базируются на разных теориях и по-разному строятся при разных методах организации исследования, но и позволяют содержательно интерпретировать эмпирические закономерности, включая разные представления о причинности. И вот тут закономерно возникают расхождения именно в методологическом понимании причинности.

С.Л. Рубинштейн расширяет понимание причин до круговой причинности и причины процессуальной. А. Н. Леонтьев преодолевает постулат непосредственности в психологическом объяснении, изменяя последовательность предполагаемой детерминации психического через триаду «деятельность – образ – деятельность». В последующем опора на развитие таких общенаучных принципов как принцип неопределенности (Корнилова, 2010), принцип системности и принцип развития (Принцип развития, 2016) в мире психологических теорий приводит и к изменениям в понимании принципа детерминизма.

От противопоставления детерминизма индетерминизму происходит переход к таким представлениям об активности человека и о саморегуляции, которые предполагают *личностное самоопределение* и *динамические регулятивные системы* (в противовес поиску жестких регулятивных контуров) (Корнилова, 2011, 2016а, б; и др.). Развитие идей культурно-деятельностного подхода и конкретно-психологических системных представлений приводит к пониманию *множественности* причинности, если речь идет о познании и личности, и отказу от одноуровневых и односложных объяснений (при развитии многоуровневых построений).

Одна причина не может быть положена в основу анализа личностных структур: дихотомии «внешнее (действует) через внутреннее» или «внутреннее – через внешнее» (отличие подходов С.Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева) не могут сводить психологический анализ к одному виду или модусу причин. Для развития психологических теорий, конкретизирующих те или иные методологические предпосылки в подходах к личности, необходимым звеном становится понимание *плюралистичности* психологических объяснений.

Так, Л. Я. Дорфман в обосновании своей концепции мета-индивидуального мира ссылается, в частности, на взгляды В. А. Петровского «о личности как мультисубъектной общности, содержащей в себе интраиндивидные, интериндивидные и метаиндивидные ипостаси человека» (2016, с. 119) и делает следующий шаг – предположение о том, что за каждым системообразующим фактором следует предполагать «собственный (парциальный) психологический квазикаузальный процесс».

Необходимость изменения методологии причинных объяснений в общенаучном плане находит поддержку в становлении методологии *каузального инкрементализма*, еще не обсуждавшегося в отечественной методологической литературе.

Каузальный инкрементализм и каузальный плюрализм

Первоначальную разработку понятия *инкрементализм* относят к работам 1960-х годов профессора Йельского университета Ч. Линблома, который предложил любое сложное решение подразделять на ряд шагов, чтобы, выполняя эти маленькие задачи, приблизиться к реконструкции выводов об исходной сложной проблеме. Речь первоначально шла об организационных решениях, решениях администратора, менеджера. Однако в последующем это понятие стало осмысливаться в методологии науки, будучи связанным с идеей причинного вывода и его особенностями в рамках наук о поведении. И от понятия логического инкрементализма исследователи, работающие в области методологии построения научного знания, перешли к понятию каузального инкрементализма.

Для психологов эта проблематика интересна тем, что в нашей науке уже осмыслены как недостаточность старых схем детерминизма в понимании психологической регуляции активно и осознанно действующего субъекта, так и необходимость построения новых путей психологического объяснения, учитывая завоевания стадильности развития наук и изменений в понимании причинности.

В самой психологии стали складываться концепции, для которых пути психологического объяснения в традиционных схемах причинного вывода уже не соответствуют «классическим» методам и подходам к выделяемому предмету, описанию и объяснению психологических закономерностей.

Аргументы против причинного вывода, каким он был сформирован на стадии классической науки, в общенаучной методологии вызвали сомнение в целостности причинности как объяснительного принципа.

Понятие *инкрементализма* возникло на пути описания шагов принятия решения, что предполагало разделение общей проблемы на ряд частных. Оно включило представления о том, что: 1) разные причинно-следственные связи следуют из разных шагов; 2) поэтапный причинный вывод согласуется с *каузальным плюрализмом* (но последний не является необходимым).

В методологии психологии сходной предпосылкой можно считать указанное изменение понимания системной причинности в подходе М. К. Мамардашвили.

Но приведем и противоположную методологию – антиинкрементализма:

Антиинкрементализм (АИ) предполагает, что причинный вывод совершается в пределах одного шага. Процесс включает сбор

актуальной информации и выведение заключения без промежуточных шагов. Допускается, что в последующем может быть изменен вывод о причинно-следственной связи.

Антиинкрементализм, согласно Маркусу (Markus, 2013), американскому методологу, совместим с тем фактом, что большая часть социальных наук занимается изучением одного и того же феномена. Он пишет, что обычно такое исследование включает в анализ и обобщение данных, полученных в эмпирическом исследовании как выведение заключений без каких-либо промежуточных выводов (промежуточных с точки зрения выделения ряда разноуровневых причин, относящихся к разным шагам в построении умозаключений). Вне зависимости от того, интерпретирует ли ученый результаты первого исследования о наличии каузальной зависимости или же он охватывает результаты метаанализа (множества исследований), вывод о каузальной зависимости обычно не сводится к серии выводов, где каждый строится на основе другого. Это более прямой путь организации обобщений, чем путь психологических реконструкций, которые включали бы предположения о разных причинных основаниях общего вывода на базе промежуточных каузальных выводов (как этапов общей интерпретационной схемы).

Такой прямой интерпретационный путь характерен, на наш взгляд, как и на взгляд других коллег (Bell, Staines, 1981), занимающихся проблемами контроля за выводом в психологических исследованиях, для психоанализа З. Фрейда. Сложность предложенных им метафорических причинных интерпретаций не включает разных объяснительных принципов.

Согласно идее инкрементализма, разные причинно-следственные связи могут устанавливаться на разных шагах применительно к поэтапной регуляции процессов. Поэтапный причинный вывод может быть согласован с каузальным плюрализмом и антиплюрализмом. Однако антиплюрализм подразумевает больше ограничений для возможной конфигурации последовательных выводов. Кит Маркус в специальной статье (Markus, 2014) обосновал, почему поэтапный причинный вывод предпочтительнее в науках о поведении: он означает жизнеспособную и потенциально плодотворную альтернативу подходам, ограниченным единственным причинным отношением. Каузальный инкрементализм, принятый в качестве методологической основы, позволяет интегрировать противоречащие объяснения причинного вывода, предлагаемые в литературе по методологии. Важным оказывается при этом разведение поня-

тий светского инкрементализма и собственно каузального инкрементализма.

Светский инкрементализм означает, что причинный вывод может включать в себя серию шагов, каждый из которых содержит некаузальный вывод, поддерживающий отдельные предпосылки, необходимые для дальнейшего обоснования причинного вывода по отношению к одной-единственной причинно-следственной связи.

В отличие от этого *каузальный инкрементализм* предполагает, что причинный вывод может содержать в себе последовательность шагов, из которых как минимум два включают выводы о разных причинно-следственных связях.

Маркус считает, что в настоящий момент методология наук о поведении больше соответствует букве и духу — особенно последнему — *светского инкрементализма*, а не каузального. Допуская пошаговые решения, авторы обычно упускают *каузальный инкрементализм*. Они апеллируют к различным типам каузальных связей, а не просто двум признакам одной связи (например, два эффекта одной и той же причины).

Таким образом, *инкрементальные каузальные выводы* предполагают средства структурирования гетерогенности причинных связей внутри последовательных ступеней вывода. Идея же *гетерогенности* причин для предмета психологического исследования поддерживает положение о *методологическом плюрализме* в психологии, на чем мы останавливаться не будем, поскольку разработке этой темы было уделено достаточное внимание в последние пятнадцать лет методологических споров в отечественной психологии (Смирнов, 2005; Юревич, 2006; Корнилова, Смирнов, 2011; и др.).

Подходы «проспективной теории» и концепция «антихрупкости»

Обратимся теперь к новому пониманию детерминации событий в мире, для которого точкой отсчета стала именно психологическая теория — проспективная теория Д. Канемана и А. Тверски. Не опираясь прямо на концепцию вероятностного детерминизма, пришедшую в психологию после публикации работ математика Лапласа, психологи стали предполагать вероятностные закономерности в построении психологических выводов. Названные же авторы «проспективной теории», когнитивные психологи пошли дальше — сделали предметом изучения психологическую представленность вероятностных событий. Они описали несоответствия субъективных оценок вероятностей (и основанных на них выборов человека) реальным («базовым» частотам) и стали использовать понятие *эвристик* как «ловушек ума», которые ведут человека к неверным

решениям. Важное для Канемана понятие *усилия* было включено в анализ стратегий принятия решений следующим образом. Использование *эвристик* позволяет субъекту уменьшать прикладываемые усилия, что может привести к ошибкам решений. Ими описаны эвристики *доступности*, *репрезентативности* и ряд других. Что важно в интересующем нас сейчас контексте — это их понимание, что человек живет в вероятностном мире, где более важным становится ориентировка на вероятностные характеристики разных событий (исходов), чем определение причины отдельного события. Победно шествуя в ранге ведущих когнитивных теорий последнюю треть XX в., эта теория вместе с тем стала точкой отсчета для противоположной концепции в понимании вероятностной ориентировке человека в мере — концепции Н. Талеба, выделившего проблему *непредсказуемости* в условиях неопределенного мира, осмысление которой предполагает изменение *образа мира* исследователя.

Насим Талеб написал книги «Черный лебедь: под знаком непредсказуемости» (2013) и «Антихрупкость: вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности» (2014), которые перевернули представления о соотношении вероятностного и причинного объяснения в мире событий и построении умозаключений.

Книги Н. Талеба, с одной стороны, включили множество популярных изложений отдельных психологических экспериментов и воззрений Д. Канемана, а, с другой стороны, были нацелены на то, чтобы показать, что вероятностные характеристики наступления событий, оценка рисков их наступления (в силу внешних факторов или связанных с действиями самого человека) нужно связывать с отказом от того понимания субъективных вероятностей, которые утвердились в психологии на основе принятия схем индуктивного вывода, с другой *неопределенностью*, чем та, на которую ориентировались до сих пор (в ее вероятностных оценках). У Канемана закономерности восприятия вероятностей и принятия решений в условиях неопределенности действуют на территории Среднестана (согласно метафоре Талеба) — тех условий, где выявляются статистические закономерности, где представлены обычные и, значит, предсказуемые события, с которыми человек знаком по опыту (индивидуальному или надындивидуальному, заданному системой доступных знаний).

Мир неопределенности, в котором человек начинает жить — это мир Крайнестана, где не действуют обычно выявляемые статистические закономерности, но — главное — где прогноз невозможно строить на основе опыта (поскольку прогнозы не только направ-

лены в будущее, но и на события, которые вообще еще не происходили). Это требует переосмысления и причинности, и психологического понимания вероятности.

Именно редкие, немислимые, экстремальные события имеют наиболее существенное значение в жизни человека и общества. Предсказать их трудно, поскольку они не вытекают из предшествующих. Их нельзя вывести как причинные следствия предшествующих и известных (причин, событий и их вероятностей). Более того, накапливаемый опыт, казалось бы, свидетельствует в пользу того, что, как говорится, «завтра будет так же, как вчера». Выйти за рамки ограничений полученного опыта, взять иной — более широкий и более глубокий — ракурс рассмотрения закономерностей, рассматривать неопределенность как необходимое условие развития неведомых новых событий — в этом заключается психологический пафос книги человека, который не был профессиональным психологом, но решил стать ученым и вышел на публичные дискуссии с Д. Канеманом.

Вот как Н. Талеб популяризовал основную идею книги «Черный лебедь» в одной из дискуссий с Д. Канеманом. Эти встречи известны как программы «LIVE из Нью-Йоркской публичной библиотеки»; их можно найти в Интернете¹. В книге есть пример про индюшку, которую каждый день кормит мясник. Каждый день уверенность индюшки статистически увеличивается и подтверждает индюшке, «индюшачьему статистическому департаменту», управлению делами индюшки, что мясник любит индюшек. И это продолжается долгое время. В ноябре есть один день, когда очень не выгодно быть индюшкой, это День благодарения минус 2 дня. Происходит то, что будет большим сюрпризом для индюшки, а не Черным лебедем (базовое понятие, обозначающее любую роковую неожиданность) для мясника. Весь смысл этой истории — объяснить проблему Черного лебедя, как возможность закономерного наступления событий, которые в мире, а точнее, в его субъективном восприятии, еще не происходили, но вполне закономерно произойдут. Основная идея — не выводить причинность индуктивно и связывать ее именно со известными событиями (давайте не будем индюшками, и это метафорический смысл книги «Черный лебедь»).

Вот как сам Талеб в начале встречи, которая состоялась 5 февраля 2013 г. говорит о своем переходе к методологическому осмыс-

1 http://www.nypl.org/audiovideo/live-nypl-nassim-taleb-daniel-kahneman/LIVEIrving_1.29Transcript (дата обращения: 20.08.2017).

лению мира неопределенности: «Позвольте мне представить идею антихрупкости следующим объяснением. Я был трейдером до того, как познакомился с Дэнни (Д. Канеманом). Мы встретились в 2002–2003 гг., и эта встреча многое для меня изменила. Я решил стать ученым, да, сразу же после встречи с ним, да, полноценным ученым. Мне понадобилось 2 года, чтобы стать ученым и, конечно, у меня была книга, которую необходимо было откорректировать». Далее он рассказывает о своем профессиональном опыте: трейдеры «классифицируют все в две группы: то, для чего непостоянство хорошо, и то, для чего непостоянство плохо. Есть сделки, которым подходит непостоянство, а есть такие, для которых непостоянство и вариативность просто противопоказаны. Они могут называть это длинной или короткой гаммой. Вот чем я занимался. Когда я вступил в мир ученых, то понял, что в нем нет названия для тех вещей (понятий), для которых непостоянство — это хорошо. Прочный — это не то. Понятия устойчивы, их можно адаптировать, они могут быть подвижными, жизнеспособными, легко приспосабливающимися. Все это не является противопоставлением хрупкости, не эквивалент для тех явлений, для которых непостоянство — это хорошо. Я пришел к выводу, что вещи с коротким непостоянством являются хрупкими, например, стакан (в случае землетрясения он не улучшит своих качеств; оно ему противопоказано).

Таким образом, я пришел к выводу, что «хрупкость» — это категория объекта, и это не противопоставление понятию «прочный». Противоположность хрупкости — это совсем другая категория. Если я отправляю посылку по почте с надписью «хрупкое», вы переводите на русский или другой язык, что с посылкой надо обращаться осторожно. Противоположным нельзя назвать случай с посылкой, на которой ничего не написано. Противоположным будет то, на чем вы напишите: обращаться неосторожно. Для этой категории нет названия, поэтому я назвал ее антихрупкость. Антихрупкость — это то, что получает выгоду из непостоянства (волатильности), вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности. Многие не понимают этого. Когда мы ищем что-то, нам нужна устойчивость. Это не то же самое. Если вам нужна устойчивость, то вы не то ищите. Я решил создать классификацию, эта книга о классификации понятий по трем категориям: хрупкий, прочный, антихрупкий».

Далее он развил идею, что *неопределенность* вредит хрупкости, но она только на руку *антихрупкости*. Пример — готовность к неопределенности предпринимателей. Неопределенность любят авантюристы — она открывает им новые возможности. И есть сис-

темы, которые получает выгоду от беспорядочности; но для этого у них есть какие-то определенные свойства. И эти свойства не могут быть осмыслены в обыденных схемах детерминистского (каузального) мышления. Но они могут быть осмыслены в принципиально новом понимании закономерностей, например, в предположении о динамической неопределенности как условии их проявления и становления. Увеличение сложности или величины «объекта» увеличивает его хрупкость. Децентрализация делает «объект» менее хрупким, менее подверженным опасностям (ошибок, уничтожения и т.д.). И это демонстрируется им на примерах политических и экономических событий.

Тексты книги и выступлений свидетельствует о том, что, рассматривая риски в физическом (землетрясение), экономическом (финансы) или социальном (война) планах, автор «Антихрупкости» на самом деле соединяет методологический и психологический аспекты понимания риска. Он по-своему интерпретирует, полагаясь на свой богатый жизненный опыт (война в Ливане, от которой вынуждена была бежать его высокопоставленная семья), профессиональный опыт экономиста и трейдера, идею *возможного в мышлении* (об аспекте прогнозирования см.: Корнилова, 1994).

Итак, нельзя (согласно Талебу) связывать причины наступления будущих событий с наблюдаемыми событиями. Необходимо расширять горизонты мышления и мыслить немислимое, непредсказуемое. Если это получится, то увеличится ориентировка (как сказали бы психологи), и возрастет «антихрупкость» ситуации.

Для психолога исследовательскими проблемами при таком подходе остаются вопросы о том, отличаются ли (и каким образом, если отличаются) *прогностические возможности* лиц с различием в личностных свойствах, какие из этих свойств коррелируют с эффективностью прогностической активности человека. До сих пор эти вопросы рассматривались преимущественно по отношению к тем условиям вероятностного прогнозирования, которые явно относятся к закономерностям Крайнестана; а всемирное признание когнитивной теории Тверского-Канемана вообще, казалось бы, закрывало путь размышлений о личностной регуляции вынесения суждений. Вместе с тем, если учитывать положения каузального инкрементализма, то можно предполагать «ступенчатую» регуляцию принятия решений в условиях неопределенности — в одних аспектах опосредствующие процессы могут интерпретироваться в объяснительных схемах «проспективной теории». Но на других «этажах»

многоуровневой регуляции принятия решений можно ожидать выдвигания на ведущую роль других психологических процессов — личностного опосредствования.

Личностная регуляция прогностической активности

В психологии именно по отношению к условиям неопределенности стало складываться понимание разной роли различного типа личностных свойств в регуляции решений и действий человека (Корнилова, 2016а). В отличие от устойчивых личностных черт, охватываемых факторами Большой пятерки и пр., была выделена группа свойств, отражающих динамическое *отношение к неопределенности*, возможности совладания с неопределенностью как личностной саморегуляции (Корнилова, 2011).

Для фиксации такого отношения было разработано специальное понятие — *толерантности к неопределенности*. Оно характеризует устойчивость человека к условиям неопределенности, изменчивости, противоречивой информации. С ним связано и понятие *готовности к риску* — как способности принимать условия неопределенности, умения принимать решения и действовать в ситуациях неполной информированности, отсутствия контроля над ситуацией, т. е. в условиях неопределенности и риска. Под этими свойствами понимаются не столько диспозициональные характеристики познавательной и личностной сферы человека, сколько отражающие его *потенциальные возможности отвечать вызовам неопределенности*.

Талейб говорил не о них (как психологических понятиях). Но на самом деле его более общие рассуждения о риске в обществе и экономике, о его восприятии человеком и об ограничениях статистического взгляда на закономерности в области неопределенности — несомненно относятся к психологии риска.

Разработка проблемы предвидения и прогностической активности с позиций концепции *образа мира* как составляющей теории деятельности А. Н. Леонтьева позволила иным образом, чем в когнитивной парадигме, рассмотреть взаимосвязи, в частности, *толерантности к неопределенности* и решения *прогностических задач* (Смирнов, 2016; Смирнов и др., 2016). Принятие решений стало той областью психологических исследований, в которой утвердилось представление о необходимом взаимодействии когнитивной и эмоциональной, рациональной и интуитивной подготовки прогнозов и выборов в условиях неопределенности (Чумакова, 2013; Корнилова, 2016б; Hastie, Dawes, 2010; и др.). При этом введенное нами понима-

ние динамических регулятивных систем – ДРС – можно рассматривать как пример изменения в понимании *психологической причинности*. При этом речь идет не о характеристиках среды или условий неопределенности как Среднестана или Крайнестана, а о становлении иерархий психологических процессов, обеспечивающих человеку действия, решения или выборы в условиях неопределенности.

Признание *множественности многоуровневости* психологических процессов, опосредствующих выбор, как психологической реальности, стоящей за ДРС, предполагает:

- динамическую иерархизацию процессов «здесь и сейчас» для каждого состоявшегося случая (действия, решения, выбора);
- учет субъектных переменных (взаимодействий с другими типами переменных) как личностных, так и интеллектуальных;
- выявление связей показателей стратегий с интеллектуальными и личностными переменными, которые могут давать разные «профили» причинных связей;

Построение экспериментальных моделей, репрезентирующих взаимосвязи этих процессов в единой функциональной регуляции принятия решений и действий человека, происходило по разным направлениям (Корнилова, 2016а; Chumakova, Kornilov, 2013; и др.). Оно демонстрирует конкретизацию *принципа неопределенности* (в заданном М. К. Мамардашвили критерии неклассической рациональности), идеи *единства интеллекта и аффекта* (в понимании Л. С. Выготского) и обоснование *динамической парадигмы* в психологии, что позволяет судить о разноуровневых процессах принятия неопределенности как об основе процессов самоопределения и прогнозирования возможного.

Представления о личностной регуляции прогностической активности должны учитывать, что межиндивидуальные различия в *толерантности к неопределенности*¹ могут быть связаны с функ-

1 Готовность и способность человека действовать при необходимости прогнозирования развития ситуаций в условиях неопределенности, при возможности множественности суждений, неточности, неполноте и фрагментарности, вероятности, неструктурированности, дефиците информации, ее изменчивости, несовместимости и противоречивости, непонятности в психологии охватывается понятием толерантности к неопределенности. Этот термин, введенный Э. Френкель-Брунстик, в последние годы рассмотрен в новых контекстах, конкретизирующих направленность прогнозов в прошлое или в будущее, фокусирование неопределенности как неясности и двусмысленности или невозможности прогноза и т. д. (Furnham, Marks, 2013).

ционированием в гипотетических ДРС специфических образов мира, условно реконструируемых для толерантных и интолерантных к неопределенности личностей (Смирнов, 2016). Если и относить образ мира к когнитивным структурам, то лишь в предположении о личностной обусловленности становления этих структур. Личностная составляющая (сопричастность возможным изменениям мира или мыслимым возможностям своего Я) также должна включаться в образ мира, который направляет генерацию идущих навстречу миру познавательных гипотез. Итак, образ ситуации не только строится как результат функционирования познавательных процессов, но и регулируется сформированными на основании образа мира предвосхищениями, личностным принятием неопределенности этого мира как условия возможности самореализации в нем. Тем самым человек как личность со всеми его индивидуально-личностными свойствами включается в регуляцию этих процессов.

Литература

- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.03.2017).
- Дорфман Л. Я.* Каузальный плюрализм и холизм в концепции мета-индивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 1. С. 115–153.
- Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Завершнева Е. Ю.* Принципы неопределенности и дополнительности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2001. № 1. С. 67–77; 2002. № 1. С. 75–80.
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Об объективном методе в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
- Канеман Д.* Думай медленно..., решай быстро. Пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
- Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 22.04.2017).

- Корнилова Т. В.* Риск и мышление // Психологический журнал. 1994. Т. 14. № 4. С. 20–32.
- Корнилова Т. В.* Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.—М.: Нестор-История, 2011. С. 142–162.
- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016а.
- Корнилова Т. В.* Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 3. С. 113–124.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011; 2016.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Смирнов С. Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Смирнов С. Д.* Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 5–13.
- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
- Степаносова О. В., Корнилова Т. В.* Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 60–68.
- Талей Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Ко-Либри, 2014.
- Талей Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Ко-Либри, 2013.
- Чумакова М. А.* Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 119–125.
- Юревич А. В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Bell Ph., Staines Ph.* Reasoning and argument in psychology. L.—Boston—Henly: Rontledge and Kegan Paul, 1981.
- Chumakova M. A., Kornilov S. A.* Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. V. 6. № 4. P. 94–108.

- Hastie R. K., Dawes R. M.* Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. 2nd ed. Sage Publication, 2010.
- Furnham A., Marks J.* Tolerance of ambiguity: A review of the Recent literature // *Psychology*. 2013. V. 4. № 9. P. 717–728.
- Markus K. A.* An incremental approach to causal inference in the behavioral sciences // *Synthese*. 2013. V. 191. P. 2089–2113. doi: 10.1007/s11229-013-0386-x.

Социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии

В. А. Янчук

Наиболее фундаментальным вопросом, требующим коллегиального ответа, является вопрос о возможности (или невозможности) обретения психологическим знанием статуса универсального. Именно этот вопрос с завидным постоянством ставится в серьезных зарубежных изданиях не менее серьезными авторами. Свою лепту в нахождение возможного ответа вношу и я в виде социокультурно-индетерминистской метатеории интеграции психологического знания, разрабатываемой мной на протяжении ряда последних лет (Янчук, 2015, 2016; Yanchuk, 2016).

В силу недостаточной осведомленности русскоязычного читателя в дебатах на обозначенную тему, имеющих место в зарубежной психологии, я дам их развернутую характеристику, обратившись к публикациям авторов, наиболее активно участвующих в дискуссиях. Во второй же части статьи я предлагаю свое видение проблемной области и путей ее решения.

По существу, современное психологическое знание представляет «головокружительный массив несовместимых теорий, моделей, методов, а иногда и философий» (Yanchuk, Slife, 2000, p. 235–236), что мешает прогрессу и авторитетности дисциплины. Более того, отмечают авторы, проблема коренится в истоках психологии и пропитана философскими основаниями, на которых покоятся те или иные традиции или парадигмы. Есть мнение, что фрагментарность и парадигмальная разрозненность психологического знания является причиной его перманентного кризиса и требует нахождения путей и механизмов разрешения (Goertzen, 2010).

Такого рода поиски особенно актуализировались к концу XX в. в связи с укреплением позиций постмодернистской культурно-научной традиции, провозглашающей торжество многообразия как ресурса выхода из модернистского тупика в развитии познания (см.: Янчук, 2009). В любом учебнике по психологии, теориям личности,

возрастной и др. психологиям начали появляться конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science», «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (Healy, 2012; Teo, 2010).

Это обстоятельство, как и попытки поиска ответов на вопросы: «почему существует много психологий? и почему они не объединяются в единственно верную и всеохватывающую?» – предопределило основную цель данной статьи. Она заключается в предложении конструктивных решений, направленных на интеграцию усилий психологов, представляющих различные парадигмы, традиции и подходы, в нахождении ресурсов развития психологической науки и практики и углублении понимания психологической феноменологии.

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является нахождение его причинных и методологических оснований, а также проверенной временем целесообразности. Причем сложность решения данной задачи обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах: следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в антагонизме между «естественнонаучным» и «гуманитарным» знанием, количественными и качественными, статистическими и клиническими методами исследования и т. п.

Все основания, по которым можно занять какую-то методологическую позицию, в конечном счете оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик. И как бы ни пытались различные претенденты на обоснование «чистоты научного знания» аргументировать критерии «объективного знания», все они сталкиваются с многочисленными контраргументами оппонентов, стреляющих в их «ахиллесову пята»: неизбежную авторскую субъективность,

обусловленную собственными предпочтениями, индивидуальным либо коллективным опытом конкретного научного сообщества, занявшего в силу разных причин, в частности идеологических, политических, главенствующую позицию в конкретной области знания в данное время.

Но меняется время, меняется и мировоззрение, в том числе и научное, что было показано Т. Куном в анализе развития науки на примере научных революций. Научное мировоззрение меняется, в частности и революционно, радикально трансформируя, казалось бы, незыблемые постулаты.

Сегодня в психологическом знании все больше и больше формируется представление о нем в контексте знания плюралистического по своей природе (Янчук, 2011; Bohman, 1998; Redding, 2001; Eronen, 2009; Gergen, 2009; Goertzen, 2010; Mendelowitz, Kim, 2010; Smythe, McKenzie, 2010; Watanabe, 2010; Lazard, Capdevila, Roberts, 2011; Healy, 2012; Yanchuk, 2014). Причем, как отмечает Б.Л. Патерсон, «целью теоретического плюрализма является не создание единственной теории, объясняющей все аспекты и атрибуты феномена, а скорее, интеграция и организация альтернативных теоретических перспектив для разработки более широкой перспективы по сравнению с той, которую может предоставить одна обобщающая теория» (Paterson, 2008, p. 633). Тем не менее, продолжает автор, несмотря на существование в большинстве областей исследований ряда теорий, имеющих собственный понятийный аппарат, языки основоположения, они не содержат критического сравнения, теоретической интеграции и синтеза, результатом чего является туманность и неопределенность» (там же).

По мнению многих авторов (Янчук, 2000, 2011; Redding, 2001; Gergen, 2009; Watanabe, 2010; Smythe, McKenzie, 2010; Lazard, Capdevila, Roberts, 2011; Healy, 2012), продуктивность теоретического плюрализма выражается в способствовании теоретическому развитию, расширению горизонтов видения и прояснения сути проблемного поля, что, в свою очередь, ведет к его осознанию исследователем и мотивации на поиск процессов междисциплинарного исследования.

Метанаучные основания плюрализма в психологии стали предметом исследования Т. Уотанабе (Watanabe, 2010). Автор анализирует эпистемологический и методологический уровни метапарадигмы психологического знания. В качестве своеобразных ракурсов анализа он выделяет две пары дихотомий: внутренняя или перспектива первого лица/внешняя или перспектива третьего лица, относя-

щиеся к эпистемологическому аспекту и перспективы объяснения/понимания, относимые к методологическому уровню

Существующий спектр психологического знания он помещает в двухмерный континуум, представленный на рисунке 1.

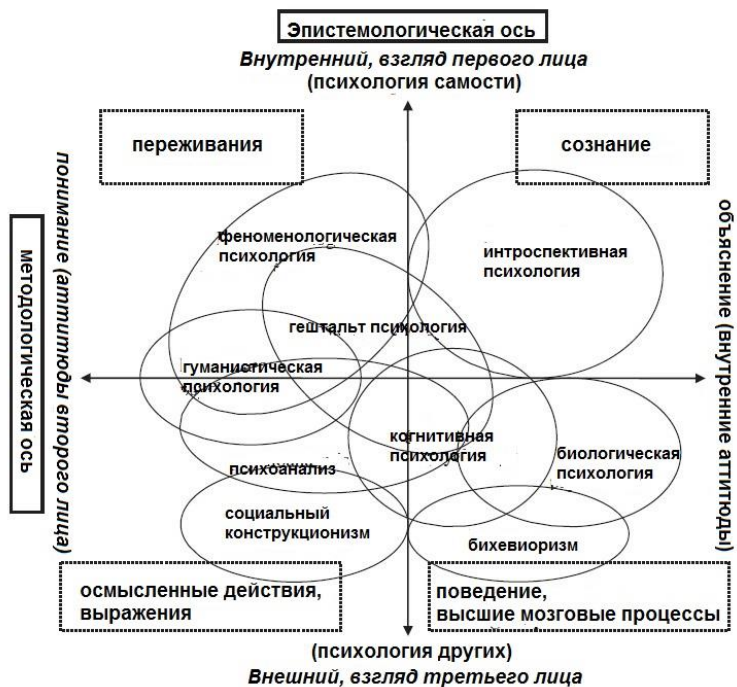

Рис. 1. Исторические тенденции в психологии иллюстрируются в двухмерном пространстве, включающем две оси координат: эпистемологическая ось и методологическая ось. Как представлено описаниями, заключенными в скобки, первая ось имплицитно онтологическая, а вторая имплицитно эпистемологическая (Watanabe, 2010, p. 257)

Для сравнения автор ссылается на семь базовых дихотомий или «антиномий», выделенных С. Л. Дроб (Drob, 2003): а) детерминизм/свобода воли, б) объективизм/конструктивизм, в) атомизм/холизм, г) публичные/частные критерии, д) индивидуализм/коллективизм, е) фактуализм/герменевтика, и г) познанное/непознанное, частичнокорреспондирующих с его собственными. В завершение проведенного анализа автор делает вывод о том, что «унифика-

ция психологии не только затруднительна, но и бессмысленна, так как плюральность психологических парадигм обусловлена эпистемологическим, методологическим и метапсихологическим уровнями метапарадигмы (там же, р. 260–261). Это и представляет, с его точки зрения, метанаучное основание плюрализма в психологии.

С. Л. Дроб, осуществивший сравнительный анализ различных школ и направлений в психологии на протяжении истории ее становления и развития, обосновывает ее мультиперспективный характер, констатируя: «Психология не отдельная область науки, а множественная. Тем не менее тот факт, что мы имеем ряд относительно отличающихся психологических наук, не говорит о том, что у нас есть ряд относительно отличающихся предметов, к которым они применяются. Психологий может быть много, но психика остается единственной» (Drob, 2003, р. 115).

Анализируя плюрализм современного психологического знания, П. Хили отмечает невозможность редуцирования психологической феноменологии «к единственному субстрату... полностью соответствующему любому единичному уровню или измерению, включая нейрофизиологический, и вместо этого защищать необходимость существования нескольких и нередуцируемых уровней. Признание относительной автономии (и взаимодополняемости) биоса, физикоса, социуса и логоса, а также идентификация уровней или рассматриваемых измерений представляет внутренне связанный с обсуждаемым самостоятельный вопрос (Rychlak, 1993), ценный образец дифференциации различных уровней, учитывающих современные инновационные идеи (Smythe, McKenzie, 2010, р. 229) в области взаимоотношений физического, биологического, переживаемого и социального» (Healy, 2012, р. 272).

Проблеме унификации подходов к психологии был посвящен специальный номер журнала «Review of General Psychology» за 2013 г., собравший представительную группу авторов, предложивших свое видение возможных решений проблемы (Anderson, 2013; Clegg, 2013; Heft, 2013; Henriques, 2013; Hutto, 2013; Mayer, Allen, 2013; Petocz, Mackey, 2013; Slife, Christensen, 2013; Tonneau, 2013). К этим статьям можно добавить и ряд других, заслуживающих не меньшего внимания (Goertzen, 2010; Yanchar, Slife, 2000; Stam, 2015; Sternberg, Grigorenko, 2001; Walsh-Bowers, 2010; Marsh, Boag, 2014; Green, 2015; Lamiell, 2014).

Обосновывая невозможность редуцирования психологической феноменологии к одноуровневому основанию, Д. Бем с соавт. делают следующий вывод: «Переживаемое или ментальное не может

быть редуцировано или проигнорировано в пользу нейрофизиологического, так как последнее обладает такими свойствами как интенциональность и целенаправленность, которые не могут быть адекватно описаны в понятиях последнего, даже при условии полного принятия и поддержки представления о зависимости мышления и мозга» (Vem, 2001; Vem, Looren de Jong, 2006).

На эпистемологическом уровне соответствующие различия зависят от различий (что многообразно описывалось) перспективы третьего лица в противоположность перспективе первого лица, объяснительного в противоположность эмпирическому подходу, естественно-научной в противоположность гуманитарной научной ориентации. На методологическом уровне они концентрируются на различиях между количественно/экспериментальными качественно/описательными подходами, а на онтологическом уровне – на различиях между «естественной» и «человеческой» природами (Martin, Sugarman, 2001), «метафизикой вещей» (Williams, 1990) и метафизикой людей (Richardson, 2000; Martin, 2010).

В то время как редуccionисты приоритизируют одну из этих ориентаций (обычно перспективу третьего лица, количественную и естественно-научную) как обладающую исключительными преимуществами над другой, плюралисты защищают другую точку зрения, приспособленную к различным измерениям нашей ментальной жизни, обе перспективы (каждая включает значимое внутреннее многообразие) нуждаются во всестороннем исследовании и понимании нашего комплексного, многогранного функционирования, ментального и переживаемого, так же как нейрофизиологического и поведенческого. Более того, так как преимущества одного подхода могут скорректировать ограничения другого, эти подходы можно рассматривать как потенциально взаимодополняющие (Ruchlak, 1993; Sternberg, Grigorenko, 2001; Smythe, McKenzie, 2010). Следует подчеркнуть, что такой тип взаимодополняемости не является простой прагматической эклектикой (Yanchar, Williams, 2006).

О невозможности становления психологии унифицированным знанием говорит и К. Д. Грин в статье «Почему психология не является унифицированной и возможно никогда не будет таковой?» (Green, 2015). Автор начинает свой анализ с довольно пессимистичной констатации того, что психология в своем нынешнем состоянии не обладает интеллектуальной целостностью, позволяющей сформулировать ряд взаимосвязанных принципов, способных определить и объяснить ее феноменологию как строго подчиняющуюся этим принципам» (Green, 2015, p. 207). Принципы унификации,

как отмечает автор, если бы они были, требуют, как минимум, относительно стабильного ряда общих представлений (и объектов), обеспечивающих их функционирование. Но психология остается настолько пластичной, что очень сложно рассмотреть принципы, позволяющие строго очертить их значение, которое меняется со времени переиздания одного и того же учебника (Green, 2015, p. 212).

Для унификации любого, в том числе психологического знания, требуется наличие теории, структурированной по типу математики или формальных языков, строго описывающих феномены, кажущиеся разнородными. Основания использования формального языка троичны.

Первое. Формальный язык может соединять различные области, отличающиеся по их конкретному содержанию, но обладающими сходными основополагающими структурными свойствами.

Второе. Именно в формальных языках появляется возможность предсказания и может быть достигнут тип объяснения, основывающийся на предсказании.

Наконец, формальные языки обладают способностью давать короткий импульс к нахождению общего, препятствующий утопанию в порочной бесконечности (и часто бессмысленной), проявляющихся в априорных дискуссиях о том, какую идеологию следует предпочесть — поведенческую, эволюционную, гуманистическую и т. п.

В качестве возможного решения проблемы междисциплинарной интеграции в изучении психологической феноменологии П. Хили (Healy, 2012) предлагает диалогико-герменевтический подход, определяющий следующие условия междисциплинарного диалога: исследовательскую открытость; равноправное партнерство; взаимопонимание и потенциально трансформативное обучение; критическую интересубъективность и подотчетность (Healy, 2012, p. 275–278).

Ряд авторов идут еще дальше, представляя идею диалектического плюрализма (Johnson, Onwuegbuzie, Tucker, Icenogle, 2014). Они предлагают следующие основоположения диалектического плюрализма: а) необходимость рассмотрения разнообразных перспективы и источников данных, могущих расходиться во взглядах и противоречить друг другу; б) ни одна из перспектив не является совершенной или исчерпывающей в понимании значимости; в) каждая перспектива полезна для рассмотрения, видение ее полезности является величайшим благом; г) наличие различных перспективы побуждает к творчеству, изменениям и дает более полезное целое; е) с множественными перспективами надо обращаться диалек-

тически, диалогически, герменевтически и эмпирически (Johnson, Onwuegbuzie, Tucker, Icenogle, 2014, p. 558).

Сформулирована идея рефлексивного методологического плюрализма (Pora, Guillermin, 2017). С точки зрения авторов, именно «рефлексивность может способствовать созданию значимых и проблемно специфических способов комбинирования методов для различных дисциплинарных областей, типов экспертизы и практик» (Pora, Guillermin, 2017, p. 19). Методологический плюрализм, фокусируясь на путях методологического плюралистического выбора, опирается на эпистемологический, онтологический и аксиологический фундамент, что позволяет «комбинировать количественный и качественный подходы, различные методы сбора данных (например, опрос, наблюдение, анализ документов), организацию исследования (изучение случая, эксперимент, продольных и поперечных срезов) и парадигм (например, неопозитивистская, интерпретативистская, прагматистская)» (там же).

Наконец, наиболее серьезные аргументы предъявляются представителями культурно-исторического подхода, утверждающими, что психология никогда не будет унифицирована подобно физике и биологии в силу внутренне присущей ей связанности с исторически обусловленными культурными практиками (Тео, 2010; Walsh-Bowers, 2010).

Т. Тео делает вывод о том, что плюрализм является априорным условием психологии и первым шагом на пути к ее интеграции (Тео, 2010, p. 235).

С его точки зрения, «плюрализм является априорным условием рассмотрения описаний мыслительной активности, если они интерпретируются, — основываясь на положении о том, что психологические объекты и события относятся к культурно-историческому типу как культурно центрированные и историко центрированные... Если признать культуроцентризм необходимой и универсальной характеристикой психологии, то отражение человеческой субъективности конституируется и фильтруется посредством призмы и горизонтов культуры. Как только люди начинают рассуждать о собственной ментальной жизни или умственной компетентности, появляется множество идей, вплетенных в практики и традиции» (там же, p. 236).

С исторической и культурной точки зрения плюрализм в психологии выражается в признании существования различных описаний, отражающих человеческий опыт, так как этот опыт определяется контекстуализированными практиками и традициями,

посвященными вопросам смысла жизни, жизни после смерти, начала и конца мира, моральных последствий поведения и т. п., когда он применяется к вопросам духовности. На самом деле плюрализм является априорным условием психологии, если мы понимаем его в отношении различных культурных и исторических подходов к человеческой психической жизни, априорно как к чему-то культурно и исторически необходимому и неизбежному и психологии как к общему описанию человеческой психической жизни и отражению человеческой субъективности (там же, р. 237).

Проблема психологии заключается в том, что некоторые психологические понятия открываются, другие конструируются, а некоторые изобретаются, основываясь на характеристиках объектов или событий. При этом под открываемостью понимается, что понятия конструируются на основании характеристик объектов и событий (конечно, остается вопрос о том, кто принимает решение о характеристиках объекта?); под конструируемостью понимается, что понятия разрабатываются на основании культурно-исторической субъективности человеческого бытия, имеющем внешние референты; а изобретаемость означает, что понятия создаются на основании чего-то не существовавшего до создания понятия. Понятие плюрализма изменяется в связи с этим статусом следующим образом: то, что открыто, имеет очень отдаленное отношение к плюрализму, нечто сконструированное имеет среднее отношение к плюрализму, а нечто изобретенное имеет высокое отношение к плюрализму (там же, р. 238).

Таким образом, прежде чем двигаться к интеграции, необходимо признать, что психологические объекты и феномены могут изучаться, пониматься, обсуждаться объясняться и т. п. с позиций различных перспектив и что невозможно интегрировать эти перспективы. Более того, если мы найдем две перспективы в восприятии, одну физиологическую и одну феноменологическую, и если мы не знаем, как эти перспективы интегрировать, мы должны признать, что эти перспективы существуют. Проблема психологии заключается в том, что физиологический психолог не признает того, что феноменолог изучает проблему, не относящуюся к физиологии (и наоборот). Основная же проблема заключается в том, что «психологи не делают первого шага навстречу друг другу» (там же, р. 241).

Как подчеркивает автор, «отвержение понятий культурно-исторического рода и приоритизация исключительности физиологической науки о мозге не является решением проблемы. Это будет означать конец психологии (т. е. описания психической жизни

и субъективности); и, как показывает прошлое, антиплюралистические, исключаяющие программы (например, бихевиоризм) обречены на неудачу» (там же).

Проблематична и попытка сведения всех понятий культурно-исторического типа к понятиям естественно-научного толка. Потребность в унификации психологии коренится в отнесении психологии к естественным наукам физического типа (или сегодня – биологического типа), которая признается подавляющим большинством, если не всеми представителями психологической области знания. Т. Тео подчеркивает, «что психология в силу специфики собственного предмета никогда не сможет достичь статуса естественных наук в принципе, а попытки разработки психологии как естественной науки приведет к уходу от большинства психологических вопросов» (там же, р. 242).

Другая имплицитная попытка психологии к нахождению оснований интеграции связана не с понятийным уровнем, а уровнем методов исследования посредством статистико-экспериментальной методологии. Несмотря на то, что статистическое направление распространено во всем мире, вполне очевидно, что оно не сможет привести к интеграции в силу неспособности решения онтологических вопросов. Наиболее серьезный удар по доминирующему в современном психологическом знании статистико-эмпирическому направлению нанесли опубликованные в авторитетнейшем журнале «Science» в августе 2015 г. результаты масштабного изучения воспроизводимости 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех известных психологических журналах. Экспертная оценка, проведенная группой из 270 исследователей, показала, что лишь 39% из них могут трактоваться как относительно однозначные, да и то с существенными оговорками. В качестве подслащивающей пилюли делается косвенный вывод об удовлетворенности проверяющими процессом, но отнюдь не результатами (Bohannon, 2015, р. 910). Этот вывод сопровождается публикацией исчерпывающего описания использованных методов и процедур, сопровождаемого открытой базой данных, с которой может познакомиться любой заинтересованный читатель (там же, р. 943).

Столь болезненное обвинение не могло не вызвать реакции со стороны психологического сообщества. Одной из первых это сделала главный редактор журнала «Перспективы психологической науки», издаваемого всемирной Ассоциацией психологической науки, Б. Спеллман, охарактеризовавшая сложившуюся ситуацию

не иначе как Революция 2.0 (Spellman, 2015, p. 886). Определяя специфику этой революции, она отмечает, что это не научная революция, требующая радикальных перемен фундаментальных оснований, которых в истории науки было немало, а революция, подобная политической. В качестве ее предпосылок перечисляются многочисленные неудачи в повторении исследований (низкая верифицируемость), многочисленные вопросы в отношении исследовательской практики (повторение общеизвестного, предоставление не всех переменных и т. п.), стандартная статистика (возрастающая неудовлетворенность в проверке значимости нулевой гипотезы), проблемы с открытостью исследовательских данных (невозможность получения данных для последующей перепроверки и мета-анализа), мошенничество (случай с Diederik Stapel, у которого обнаружены подтасовки данных во всех его 50 научных публикациях) и др.

Следует заметить, что статистическо-эмпирицистский подход начинает дозвонять и в отечественных исследованиях, свидетельством чему является простое обращение к статьям, опубликованным в психологической научной периодике. Многие авторы даже не задумываются об эпистемологических основаниях исследования, ограничиваясь простой констатацией результатов, по существу, не привносящих ничего нового в углубление понимания психологической феноменологии, а тем более в перспективы развития психологического знания.

Представленная характеристика современного состояния психологического знания, характеризующегося как плюралистическое, при всей обоснованности аргументации, приводившейся цитированными авторами, ставит вопрос о нахождении оснований для интеграции психологического знания в условиях констатируемого и существующего многообразия. Вопрос для меня не новый и свое авторское видение ответа на него я изложил в своей докторской монографии «Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход» (Янчук, 2000). С удовлетворением констатирую, что обозначенное в монографии проблемное поле резонировало со временем, а к предложенным решениям мировое психологическое сообщество только подходит.

В рамках интегративно-эkleктического подхода решение такого рода задачи предполагает наличие иного типа логики — диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие,

а как взаимодополняющие. Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие в области углубления понимания психологической феноменологии.

В рамках подхода обосновывалась необходимость постижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе — продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

Развитие интегративно-эклектического подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность по своей сути, реализующиеся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;
- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Существует единственный способ избегания парадигмально-специфического фокусирования в психологическом теоретизировании — поиск более интегративных описаний эмпирического феномена в других парадигмах (Ranganath, Spellman, Joy-Gaba, 2010). Узкая концентрация на одной парадигме в теоретическом анализе и исследовании может наносить весьма существенный ущерб развитию науки. Предсказательные и объяснительные возможности теории должны расширяться посредством обращения к возможностям других исследовательских парадигм, так как проверка теоретических предположений в других системах парадигмальных координат позволяет найти дополнительные основания для подтверждения верности полученных результатов и продемонстрировать универсальность и внешнюю валидность предлагаемой теории (Meiser, 2011, p. 183–184). Во многом резонирующие с описанными выше условия межпарадигмального диалога предлагает П. Хили: 1) интегративная открытость; 2) равноправное партнерство; 3) взаимопонимание и потенциальная трансформирующая обучаемость; 4) критическая интерсубъективность и ответственность (Healy, 2012, p. 275–278). Другие авторы призывают к разработке всеохватывающих совместных подходов к изучению общих психологических феноменов на основаниях, «порождающих инсайты, недоступные с позиции какой-либо единственной методологии» (Sternberg, Grigorenko, 2001, p. 1072) как единственно возможный путь диалогическо-

го предложения, делая вывод о необходимости совместных исследований, проводимых на предложенных основаниях.

Реализация социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентирования на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятия заинтересованным и квалифицированным читателем) (Franklin, 1982).

В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов, примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация – интегративная эклектика путем триангуляции (Янчук, 2000, р. 321–331). Реализуя идеи диалога по отношению к методам исследования, предлагаются диалогические методологии, завоевывающие все большую популярность в последние годы. Примером этому является альтернативный демократический подход, предложенный К. Р. Хау и обозначенный им как интерпретативизм смешанных методов (Howe, 1988). Данный подход изменяет роль количественных методов исследования, придавая им вспомогательную роль. Интерпретативизм смешанных методов провозглашает понимание личности в ее собственных понятиях. Он вовлекает заинтересованные стороны посредством принципов включения и диалога. Принцип включения представляет демократическое измерение, обеспечение, насколько это возможно, прослушивание всех участвующих голосов. Принцип диалога устанавливает необходимость вовлечения всех заинтересованных сторон и предоставление им возможности обсуждения того, почему что-то происходит и что должно происходить. Совместный критический диалог предполагает привнесение экспертного знания в рассмотрение ситуации и посредством этого достижение возможности выхода за пределы данного за счет объединения профессиональных возможностей исследователя и доступа к реальности информанта.

Идеи социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода получили свое развитие в рамках метатеории диалогической интердетерминации психологической феноменологии как ме-

тапринципа интеграции психологического знания (Янчук, 2015, 2016; Yanchuk, 2014, 2016).

В рамках метатеории разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Пространство «личность—окружение—активность» скорее отражает внешнее описание, не претендующее на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства «биологическое—психическое—социальное—культурно обусловленное» расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И не учет последней приводит к биологизаторству, сводящему многообразие проявлений психического к детерминированию различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся в сенсационных «открытиях» генов криминальности, супружеской неверности и т. п. Подобные редукции представляют собой не только вульгарное упрощение, рассчитанное на несведущую аудиторию, но и социальную опасность для тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же биопсихосоциального подхода, становящегося все более популярным, даже в такой консервативной области знания, как медицина, свидетельствует о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Я акцентирую внимание не на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, а именно на аспекте взаимной обусловленности и взаимодетерминации. Тем более в уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех связанных с ним элементах. Причем происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, пере-

осмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными, и взаимообуславливающими друг друга, и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровне, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего, связанного с осмыслением пространства. Значение находится не «внутри», не «вовне»: оно находится «между» (Mininni, 2010, р. 24–25). Созидание и управление значениями являются процессами, организующими взаимодействие, в том числе и разнокачественных сфер психического. Именно во взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса, обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние со-существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию разнокачественных сущностей, не обретающих нового интегрированного качества, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его бахтинском понимании (Бахтин, 2002). Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов, подобно формированию значений, и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия, одновременно, сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, определенном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, в обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо

как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» (Бахтин, 1986, с. 383).

В процессе диалогической интердетерминации формируется та самая intersубъективность, определяющая достижение, в том числе и межкультурного взаимопонимания. «Intersубъективный подход основывается на трех предпосылках: (а) индивиды оценивают и формируют представления об intersубъективной реальности в их социокультурных контекстах, и некоторые из этих представлений отличаются от принятых личностных ценностей и убеждений; (б) индивиды действуют в соответствии с собственными представлениями об intersубъективной реальности — иногда значительно чаще, чем они действуют в соответствии с собственными ценностями и убеждениями; (с) индивиды непреднамеренно подкрепляют и сохраняют intersубъективную реальность в своих представлениях и действиях (вне зависимости от того, валидны они или нет)» (Chiu, Gelfand, Yamagishi, Shteynberg, Wan, 2010, p. 483).

Intersубъективный подход включает взаимодействие факторов личности и окружения все в том же контексте культуры. Он констатирует, что культура существует на множественных уровнях, представляя процесс коллективного со-строительства консенсуса членами культурного сообщества в целях управления экологией. Intersубъективный подход рассматривает культурную обусловленность поведения как «целенаправленное поведение, заданное стратегическим использованием культурно предписываемых скриптов (закодированных в intersубъективном знании культуры) в среде людей, осведомленных о различных ограничениях и возможностях локального окружения для достижения значимых целей (например, эпистемических, идентичности и коммуникативных целей)» (там же, p. 487). Благодаря адаптивной природе культурно обусловленного поведения в случае возникновения средовых изменений соответственно меняется и оно. Таким образом, формирование intersубъективности выполняет эпистемическую, коммуникативную функции, а также функцию формирования идентичности.

Следует подчеркнуть, что парадигмы представляют собой нечто большее, чем эпистемологические, онтологические и аксиологические основоположения. Они являются продуктами «напряжений и конфликтов, простирающихся за пределы универсума на состояния бюрократии, групп давления, больших корпораций и групп» (Nespor, 2006, p. 123). Они представляют нечто большее, чем «несоизмеримые и отграниченные позиции... они конститу-

ированы отношениями... и распространяются или изменяются не только тогда, когда авторы изменяют идеи, но и когда объединяющие оппонентов... ситуации и события... меняются» (там же). В этом глубочайшем по смыслу пассаже подчеркивается крайне важная мысль о парадигмальной заданности или фреймированности сознаний представителей различных традиций, школ и подходов, выражающейся в специфической интерпретации изучаемой феноменологии, зашоренности по отношению к альтернативным видениям и объяснениям в силу, как это ни парадоксально, своей человечности. Можно обладать сверхзнанием, рефлексировать, абстрагироваться, но нельзя вырваться из рамок своей бытийности, истории, предпочтений и антипатий... Людям свойственно верить в единственную правду жизни, и люди часто теряются при столкновении с правдами разными. Но людям свойственна и способность договариваться, убеждать и переубеждаться. Переубедиться можно, лишь приняв и признав другого и услышав его голос. Сделав это, мы обогащаемся опытом и мыслями другого, расширяя собственные горизонты видения, а наилучшим средством для этого выступает диалог.

Завершая обсуждение проблематики межпарадигмального диалога, приведу высказывание одного из крупнейших специалистов в области методологии исследования Нормана Денцина: «Мы нуждаемся в моральном и методологическом сообществе, утверждающем и способствующем парадигмальному и методологическому многообразию» (Denzin, 2010, p. 425).

Литература

- Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского // М. Бахтин. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари, 2002.
- Бахтин М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986.
- Янчук В.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Янчук В.* Прогресс в углублении понимании психологической феноменологии социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива. Современные парадигмы психологической науки / Под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 253–268.

- Янчук В. А.* Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // *Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 136–157.
- Янчук В.* К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // *От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов*. Т. 1. М.: Когито-Центр, 2015. С. 136–138.
- Янчук В. Л. С.* Выготский и культурный переворот в психологии. // *Психологический Vademesum: Витебщина Л. С. Выготского: сборник научных статей* / Под ред. С. Л. Богомаза, В. А. Каратерзи. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2016а. С. 21–33.
- Янчук В.* Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса // *Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях* / Под ред. В. С. Белгородского. Ч. 1. М.: ФГБЩУ ВО «МГУДТ», 2016б. С. 317–324.
- Anderson N.* Unified psychology based on three laws of information integration // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 125–132.
- Bem S.* The explanatory autonomy of psychology: why a mind is not a brain. *Theory & Psychology*. 2001. V. 11 (6). P. 785.
- Bem S., Looren de Jong H.* Theoretical issues in psychology: An introduction (2nd ed.). L.: Sage, 2006.
- Bohannon J.* Many psychological papers fail replication test // *Science*. 2015. V. 349 (6251). P. 910–911.
- Bohman J.* Theories, practices and pluralism. *Philosophy of the Social Sciences*. 1998. V. 29 (4). P. 459–480.
- Chiu C.-Y., Gelfand M. J., Yamagishi T., Shteynberg G., Wan C.* Intersubjective Culture: The Role of Intersubjective Perceptions in Cross-Cultural Research // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. V. 5 (4). P. 482–493.
- Clegg J.* The fragmented object: Building disciplinary coherence through a contextual unit of analysis // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 151–155.
- Denzin N.* Moments, Mixed Methods, and Paradigm Dialogs // *Qualitative Inquiry*. 2010. V. 16 (6). P. 419–427.
- Drob S. L.* Fragmentation in contemporary psychology: a dialectical solution // *Journal of Humanistic Psychology*. 2003. V. 43. P. 102–123.

- Eronen M.* Reductionist Challenges to Explanatory Pluralism: Comment on McCauley // *Philosophical Psychology*. 2009. V. 22 (5). P. 637–646.
- Franklin C.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston: Little, Brown and Company, 1982.
- Gergen K.* Pragmatics and Pluralism in Explaining Human Action // *Behavior and Philosophy*. 2009. V. 37. P. 127–133.
- Goertzen J.* Dialectical pluralism: a theoretical conceptualization of pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 201–209.
- Green C.* Why Psychology Isn't Unified, and Probably Never Will Be // *Review of General Psychology*. 2015. V. 19 (3). P. 207–214.
- Healy P.* Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutic-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // *New Ideas in Psychology*. 2012. V. 30. P. 271–280.
- Heft H.* An ecological approach to psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 162–167.
- Henriques S.* Evolving from methodological to conceptual unification // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 168–173.
- Howe K.* Against the quantitative-qualitative incompatibility thesis or dogmas die hard // *Educational Researcher*. 1988. V. 17 (8). P. 10–16.
- Hutto D.* Psychology unified: From folk psychology to radical enactivism // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 174–178.
- Johnson R. B., Onwuegbuzie A. J., Tucker S., Icenogle M. L.* Conducting mixed methods research using dialectical pluralism and social psychological strategies // *The Oxford handbook of qualitative research*. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 557–577.
- Lamiell J.* Toward a critically personalistic general psychology in consideration of its unifying // *Review of General Psychology*. 2014. V. 18 (1). P. 1–6.
- Lazard L., Capdevila R., Roberts A.* Methodological Pluralism in Theory and in Practice: The Case for Q in the Community // *Qualitative Research in Psychology*. 2011. V. 8 (2). P. 140–150.
- Marsh T., Boag S.* Unifying psychology: Shared ontology and the continuum of practical assumptions // *Review of General Psychology*. 2014. V. 17 (2). P. 45–59.
- Martin J.* The psychology of personhood // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 219–226.
- Martin J., Sugarman J.* Interpreting human kinds: beginnings of a hermeneutic psychology // *Theory & Psychology*. 2001. V. 11 (2). P. 193–207.
- Mayer J. D., Allen J. L.* A personality framework for the unification of psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 196–202.

- Meiser T.* Much Pain, Little Gain? Paradigm-Specific Models and Methods in Experimental Psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. V. 6 (2). P. 183–191.
- Mendelowitz E., Kim C. Y.* William James and the Spirit of Complexity: A Pluralistic Reverie // *Journal of Humanistic Psychology*. 2010. V. 50 (4). P. 459–470.
- Mininni G.* The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*. 2010. V. 44 (1). P. 23–29.
- Nespor J.* Methodological inquiry: The uses and spaces of paradigm proliferation // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. V. 19. P. 115–128.
- Paterson B.* Pluralism // *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. L.: Sage Publications, 2008. P. 633–637.
- Petocz A., Mackey N.* Unifying psychology through situational realism // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 216–223.
- Popa F., Guillermin M.* Reflexive methodological pluralism: the case of environmental valuation // *Journal of Mixed Methods Research*. 2017. V. 11 (1). P. 19–35.
- Ranganath K. A., Spellman B. A., Joy-Gaba J. A.* Cognitive ‘category-based induction’ research and social ‘persuasion’ research are each about what makes arguments believable: A tale of two literatures // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. V. 5. P. 115–122.
- Redding R.* Sociopolitical Diversity in Psychology: The Case for Pluralism // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (3). P. 205–215.
- Richardson F.* Overcoming fragmentation in psychology a hermeneutic approach // *Journal of Mind and Behavior*. 2000. V. 21 (3). P. 289–304.
- Rychlak J.* A suggested principle of complementarity for psychology // *American Psychologist*. 1993. V. 48 (9). P. 933–942.
- Slife B. D., Christensen T. R.* Hermeneutic realism: Toward a truly meaningful psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 230–236.
- Smythe W. E., McKenzie S. A.* A vision of dialogical pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 227–234.
- Spellman B.* A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. V. 10 (6). P. 886–899.
- Stam H.* Indeterminate functionalism and possessive individualism // G. B. Sullivan et al. (Eds). *Dialogue and debate in the making of theoretical psychology*. Toronto: Captus Press, 2015. P. 385–392.
- Sternberg R. J., Grigorenko E. L.* Unified psychology // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (12). P. 1069–1079.

- Teo T.* Ontology and scientific explanation: pluralism as an a priori condition of psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 235–243.
- Tonneau F.* Neorealism: Unifying cognition and environment // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 237–242.
- Walsh-Bowers R.* Some social-historical issues underlying psychology's fragmentation // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 244–252.
- Watanabe T.* Metascientific foundations for pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28. P. 253–262.
- Williams R.* The metaphysics of things and discourse about them // J. E. Faulconer, R. Williams (Eds). *Reconsidering psychology*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1990. P. 136–150.
- Yanchuk S. C., Slife B. D.* Putting it all together: toward a hermeneutic unity of psychology // *Journal of Mind and Behavior*. 2000. V. 21 (3). P. 315–326.
- Yanchuk S. C., Williams D. D.* Reconsidering the compatibility thesis and eclecticism: five proposed guidelines for method use // *Educational Researcher*. 2006. V. 35. P. 3–12.
- Yanchuk V.* Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening // *Open Journal of Social Sciences*. 2014. V. 2. P. 178–191.
- Yanchuk V.* Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // *International Journal of Psychology*. 2016. V. 51. Issue Supplement. P. 438–439.

Раздел III

СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЯ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ ПСИХОЛОГИИ

Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки¹

И. А. Мироненко

Психологическая наука на всем протяжении своей истории обращалась к проблеме личности – *социализированного индивида*, у которого в силу его причастности к культуре уже «нет «природы» – простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его место – между этими двумя полюсами» (Кассирер, 1988, с. 20).

Представляется неслучайным, что выделению психологии в отдельную область научного знания в конце в. предшествовало возникновение нового типа отношений между индивидом и социумом. Ускорение исторического процесса к середине в. достигло уровня, когда быстрота радикальных изменений в культуре стала соразмерной смене поколений, что породило проблему «отцов и детей». Дети не хотели больше следовать примеру родителей, так как к жизни в их мире опыт родителей был уже непосредственно не применим. Культура, устройство общества впервые предстали как нечто подверженное переменам, временное и условное, и стал возможным сам вопрос об отношении личности, «социального индивида» – как относительно самостоятельного деятеля – к этим переменам, к социуму, сложилось представление о личности как о субъекте и объекте культурно-исторического процесса. Важной проблемой психологии стала проблема сочетания в человеческой природе природного (общечеловеческого) и социального (культурно обусловленного) (о современных представлениях см.: Новое в науках о человеке..., 2015; и др.).

Однако до Первой мировой войны еще доминировало представление о том, что социум (культура) является чем-то хотя и изменяющимся исторически, но, несомненно, более стабильным, чем индивидуальная психика. Дюркгейм доказывал, что именно он является носителем той системы понятий, усвоение которой инди-

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 17-06-50086.

видом только и придает его изменчивой психической жизни характер устойчивого человеческого разума. Обосновывая зависимость психической организации человека от социума, Э. Дюркгейм доказывал, что в основе всех категорий, которыми оперирует человеческое мышление, лежит единая общественная практика, объединяющая всех членов какой-либо социальной общности: «...если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя... Если же какой-нибудь ум открыто нарушает общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим» (цит. по: История психологии, 1992, с. 279–280). Категории, которыми оперирует человеческое мышление, Дюркгейм называет «ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории» (там же, с. 282).

Проблема культурных различий (встречи человека с чуждой ему культурной реальностью) долгое время представлялась возможной лишь в контексте рассмотрения экзотических стран и отдаленных от западной цивилизации народов.

Первая мировая война перевернула привычный европейцам мир. Социальные потрясения и антагонистические противоречия, охватившие мир после ее начала, открыли новый план проблемы личности. Отношения индивида и социума приобрели иной характер. Смена биологических поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, о справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как относиться к тем или иным явлениям. Проблема соотношения природного и культурно обусловленного в человеческой психике обрела новое измерение. В результате проблема противоречивых отношений индивида, культуры и общества стала «нervом» психологических исследований и теорий XX в. Это касается как теоретических школ, так и практической психологии (Мироненко, 2005, 2015).

Психологические теории XX в. обращены к анализу бытия человека в изменяющемся мире. Однако они все еще зиждутся на вере в то, что в изменяющемся мире человек остается самим собой. XXI в. породил проблемы утраты человеком как социальным индивидом определенности своей социокультурной идентичности, своей самости.

Сегодня все еще говорят, что мы живем в эпоху перемен. Однако представляется, что слово «перемена» уже не отражает сущность происходящего. «Перемена» предполагает переход из одного относительно устойчивого состояния в другое. Между тем, мир современного человека все больше превращается в непрерывный поток изменений, бытие человека в нем приобрело совершенно новый характер, что не может не повлечь за собой изменения и самого субъекта (см., например: Личность и бытие..., 2008; Проблемы субъектов..., 2007).

В глобальном мире человек существует уже не в контексте, рамках и координатах какой-либо определенной культуры. Личность расслаивается и множится в многомерном и многополюсном культурном пространстве, на пересечении культурных контекстов — в ситуации, когда нужно непрерывно и по-новому определяться с ответами на вопросы: во что я верю? Каким нормам следую? Кто я? (см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Виртуализация общества, в последние десятилетия XX в. лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, — это еще одна радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего, технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей разделяемой реальности, а между выдуманными, изображаемыми героями, т. е. становится *знаком* реального в ситуации утраты самой реальности (см.: Нестик, Журавлев, 2016а, б).

В процессе виртуализации традиционно понимаемая основа человеческого сознания как единства общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в процесс которой каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, и в процессе которой совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои

реальные потребности (Леонтьев, 1972). Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом здесь имеют очевидную зону пересечения в реальности же — коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческим смыслам человеческой культуры, языка, — единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле Мамардашвили говорит о «фундаментальной двоичности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»¹) человеческого искания истины, человеческой культуры, человеческой жизни. В разрушении единой ткани общественного бытия и сознания, в замещении «агоры» одиночеством в виртуальном мире он видит угрозу человечеству: «В зазеркалье..., где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти «сознательные» акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в «сознании», лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Веришь в совершающееся или не веришь — не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» (Мамардашвили, 1992, с. 119).

Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания — чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью². Рушатся традиционные

- 1 «Для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» (Мамардашвили, 1992, с. 119).
- 2 Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица» и подобные, следовавшие за ним.

представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на представлениях об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение и формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н. э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению, и – как следствие – собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и тендирует к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека, в фокусе которых – вопрос о самоопределении и самодетерминации личности, лишившейся возможности ответить себе на вопрос «Кто я?» путем простого и непосредственного наблюдения за себе подобными («человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку») (Маркс, 1955, с. 55).

Радикальные изменения человеческого бытия последних двух десятилетий остаются недооцененными в психологическом дискурсе, хотя социологами и социальными психологами активно обсуждаются (Динамика..., 1996; Журавлев, 2006; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.). В дискуссиях социологов современный социум представляется как «открытая, нелинейная и находящаяся в непрерывном движении» система (Adkins, Lury, 2009, p. 16), где социальные процессы в высокой степени непредсказуемы и подвижны (Castro, Lafuente, 2007, p. 185). В этих условиях вопрос «Как устроено общество?», на который искали ответ классические социологические теории, уже не может быть поставлен, так как его постановка предполагает аксиоматическое представление о том, что некое общество (как устойчивая система социальных

отношений, взаимодействий и структур) *существует*. В современных условиях перед социологом стоит задача не выявить, по каким законам общество существует и развивается, но признать, что общества в его прежнем понимании больше не существует, и сфокусироваться на зарождающейся новой социальной реальности (подробнее см.: Доверие и недоверие..., 2013; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Таким образом, главной задачей становится «уловить и описать сущность современного социума в его неопределенности» (Castro, Lafuente, 2007, p. 185). Современный период, важнейшей характеристикой которого является глобализация, социологи называют временем «второй эпохи модерна», когда ученому необходимы «космополитический взгляд и способность принять инакость другого» (Beck, 2000; Beck, Sznaider, 2006), противопоставляемая «ложному универсализму» (Bhambra, 2007, p. 155). В профессиональном сообществе социологов активно обсуждается предположение о несоответствии предлагаемой теориями XX в. научной картины мира современной реальности, об игнорировании или недооценке ими радикальности изменений, произошедших в социуме за последние десятилетия.

В дискуссиях психологов идеи текучести социальной реальности современной эпохи на сегодняшний день не нашли достаточно отражения. Редко поднимаются вопросы утраты соответствия теоретических моделей современной действительности. Причина этого в том, что в нашем профессиональном сообществе все еще доминирует, осознанно или имплицитно, установка на исследование «вечной» природы человека, вера в то, что существуют некие постоянные общечеловеческие качества (например, ценности), и эти качества лишь поверхностно изменяются, в зависимости от внешних (в том числе, социальных) факторов. Сегодня данный постулат необходимо подвергнуть сомнению.

Не настала ли пора вслед за социологами понять, что социальная природа человека за последние десятилетия претерпела столь же радикальные изменения, сколь и социум, в котором он существует, и отказаться от устоявшихся теоретических схем, не соответствующих современной реальности?

Психологические теории XX в. обращены к анализу *существования* человека в мире, к анализу *проявляемых им свойств*. Вопрос о его *сущности* не ставился в них, в рамках относительно изолированного развития школ он полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической

науки высвечивает то, что *сущее, существование* которого описывают концепции школ, совсем не обязательно одно и то же в разных теориях. Сегодня основной вопрос, на который должна ответить психология, основная проблема современной психологии: что есть это *сущее*? Что есть человек?

Проблема личности как антропологическая становится главной проблемой современного этапа развития мировой психологии. Вопрос не является абсолютно новым (нет ничего нового под солнцем), еще Сократ вопрошал: «Кто я?». На стене храма Аполлона в Дельфах была надпись: «Познай самого себя». Так или иначе, но все философские и религиозные системы предлагают свои ответы, однако сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно философское значение, но жизненно важен для человечества. Он носится в воздухе современного мира (см. также: Ушаков, Журавлев, 2015; Журавлев и др., 2017; и др.).

Задачи, которые стоят перед психологией на нынешнем этапе ее развития, особенности современного развития культуры и цивилизации определяют происходящий переход от моноцентрической структуры психологической науки с доминированием западного мейнстрима к структуре полицентрической (Moghaddam, 1987; Danziger, 1994; Rose, 2008; Marsella, 2012). Как неоднократно было отмечено в литературе (Danziger 1994; Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012), мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Становится очевидным то, что теории западно-центрической традиции, доминировавшие в XX в., не являются универсальными, а отражают лишь частный случай человеческой природы, будучи созданными в контексте лишь одной отдельно взятой культуры, и не самой многочисленной: они созданы людьми этой культуры и говорят о людях этой культуры (Yang, 2000; Kim et al., 2006; Berry, 2013; Marsella, 2013). Их применимость и адекватность в контексте других культур подвергается сомнению, и в плане возможности разработки проблемы личности как антропологической этот подход тем более не кажется перспективным (см.: Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Явно или неявно, но психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о его сущности и предназначении. Происходящая интеграция психологического знания выявляет, что тео-

ретические модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются. Это заставляет задаться вопросом: как соотносятся данные теоретические модели? Дополняют ли они друг друга или, может быть, взаимно исключают? Без обращения к этому вопросу невозможен диалог теорий в сети глобальной науки. В свете этого особую важность приобретает такое качество теорий, как заложенный в них потенциал неоднородности, вариативности и изменчивости результирующих прогнозов, — иными словами, *диалектический* характер предлагаемых теоретических моделей.

В этом смысле велик потенциал включения в мировую науку российской психологии, которая остается сегодня недостаточно интегрированной, в то время как именно здесь имеется существенный задел в разработке антропологической проблемы.

Для понимания подхода к проблеме сущности человеческой личности, который лежит в основе отечественных психологических теорий, особое значение имеют две философские традиции, влияние которых на развитие отечественной психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский отмечают с самого начала развития психологической науки в России (Петровский, Ярошевский, 1996). У истоков первой из них стоял Николай Чернышевский, второй — Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции постановки проблемы личности в психологии, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления ее природы.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит «русский путь в науке о поведении» — от Сеченова до Павлова и Ухтомского и далее к марксистской советской психологии с ее естественно-научным деятельностным подходом. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Л. Франка и др., — религиозно-философское направление, казалось, навсегда исчезнувшее в России после 1922 г. и знаменательным образом возродившееся в постсоветский период.

Интересно, что представители обеих философских традиций начали свой самостоятельный путь с отталкивания от традиции противоположной. Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский учился в духовной академии. Напротив, Соловьев начал творческий путь в качестве студента-естественника, а в дальнейшем стал слушателем лекций Юркевича и подал прошение об отчислении его с физико-математического факультета.

В отношении марксистской антропологии, служившей философским основанием для развития психологии в советский период, сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов: как привычного на протяжении 70 лет советской власти восхваления, так и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в 1990-е годы.

В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественно-научна. Весь мир и человек как его часть имеют естественное историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет. Человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как полностью социальное существо. Теория Маркса социоцентрична, все специфически человеческие качества выводятся не из неизменных родовых общечеловеческих свойств, но однозначно определяются устройством общества в определенный исторический период, общественными отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной за то, что ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития человека. Сущность человека, по Марксу, в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма и ставит его в один ряд с такими мыслителями, как Спиноза, Гёте, Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

Русская религиозно-философская традиция в плане постановки проблемы личности человека имеет, как часто отмечалось в литературе, такую общую особенность: в отличие от западной философии, человек не выступает здесь в качестве воплощения индивидуализма. Он всегда понимается как некая «соборность в иерархии бытия». С одной стороны, говорится о целостности и уникальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу. В центре внимания здесь осмысление предназначения человека, перед которым выдвигаются определенные нравственные императивы, поступки которого соразмеряются с общечеловеческими целями.

Представляется чрезвычайно важным то, что становление психологической науки в России происходило в ситуации острой полемики и постоянного заинтересованного диалога между двумя этими направлениями — естественно-научным и духовно-философским. Это изначально придало диалектический характер постановке проблемы личности в российской психологии, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3). Такой постоянно — если не эксплицитно, то имплицитно — присутствующий контрапункт препятствовал односторонней, «уплощенной» и внутренне непротиворечивой трактовке сущности личности, что не позволило в дальнейшем снизить в развитии естественно-научной советской психологии напряжение поставленной сверхзадачи монистического материалистического объяснения явлений духовной жизни личности, духовного начала в ней. Благодаря этому стало возможным и быстрое возрождение православной духовно-философской психологии в постсоветской России, после семидесяти лет декларируемого атеизма и воинствующего материализма.

Теоретическая модель человека, имплицитно и эксплицитно заложенная в основание российской традиции, едва ли не единственная в научной психологии, куда вписывается та *свобода* человека от законов природы, о которой столько писали философы от Платона до Кассирера и много позже (Mironenko, Sorokin, 2015).

Важнейшей особенностью и задачей современного развития психологического знания является становление нового типа функционирования мировой науки — *глобальной науки*, которая с необходимостью возникает в условиях глобального мира. Науки, глобальной как по своему объекту, так и по субъекту порождения научного знания (Marsella, 2012; Bergu, 2013; Vessuri, 2015; Sorokin, 2016). Становление глобальной психологической науки встречает новые вызовы и открывает новые перспективы для развития психологических школ и направлений как в сфере психологической практики, так и в отношении академической науки (см.: Журавлев, Нестик, 2016; и др.).

В условиях становления глобальной науки интеграция психологического знания предъявляет особые требования к «локальным» традициям и школам, не входящим сегодня в сложившийся западно-центрический мейнстрим психологии, и требует от них особых усилий. Прежде всего, необходимым условием интеграции является работа, направленная на преодоление языковых барьеров

(как по части языка в целом, так и в отношении используемой понятийной системы) и на вхождение в проблемный контекст глобальной науки.

Для российской психологии языковая проблема представляет большую трудность. Она предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, — максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, — в понятийную систему мейнстрима (Мироненко, 2012а, б, 2015; Mironenko, 2013а, б, 2014). Решение этой проблемы предполагает осуществление специальной герменевтики. Нужно объяснить западным коллегам суть наших теорий понятно и на их профессиональном языке (что и по-русски сделать непросто).

В этой связи хочу еще раз отметить важность вопроса о неясности, связанной с понятием субъекта, — одним из центральных в российской научной традиции (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008; Субъектный подход в психологии, 2009; и др.), — неясности, существующей относительно соотношения данного понятия и понятия «личность» (Мироненко, 2010). При том, что научным сообществом уже затрачены значительные усилия на методологическую проработку каждого из понятий, вопрос об их соотношении по-прежнему остается остро дискуссионным (Моросанова, Аронова, 2007), что затрудняет коммуникацию ученых и порождает сложности в понимании научных текстов. Внесение ясности в вопрос соотношения данных понятий представляется остро актуальным сегодня в контексте происходящей интеграции российской психологии в мировую науку (отметим, что именно на проблеме личности сфокусированы сегодня усилия ученых, см., напр.: Психологические исследования личности..., 2007, 2016; и др.).

Если понятие личности является вполне интернациональным, то понятие субъекта употребляется лишь в российской психологии и на сегодняшний день может считаться непереводаемым. Нередко встречаются случаи его перевода на английский язык как *subject*, однако это приводит к существенной деформации смыслового содержания переводимого текста. *Subject* — это человек или предмет, который подвергается анализу или воздействию. Не деятель, но тот, над кем (или над чем) производится действие. Представляется целесообразным использовать при переводе текстов написание «*sub'ekt*», чтобы обозначить принадлежность используемого термина российской теоретической традиции, а не общенаучному контексту, привычному для англоязычного читателя.

Задача полноценной интеграции российской психологии в мировую науку — не в качестве «развивающейся» провинции, но в качестве одной из великих школ, сложившихся в XX в. — сегодня требует осуществления определенной герменевтики по отношению к отечественной теории и методологии, целенаправленных усилий, направленных на то, чтобы вписать эту методологию в понятийный и теоретический контекст интернациональной науки. И здесь необходимо обратиться к задаче содержательной интерпретации понятия «субъект», корневого для российской психологии.

Рубинштейн, который ввел в российскую науку данное понятие, как известно, не разграничивал в своих работах содержание понятий «субъект», «личность», «человек». Быть личностью и быть субъектом для него — имманентные свойства, человеку присущие. Рубинштейн говорит о человеке как о субъекте, подчеркивая иницирующий, самодетерминированный характер человеческой деятельности, и говорит о человеке как о личности, подчеркивая его социальность. Развитие субъектного подхода в российской психологии, однако, потребовало уточнения вопроса о соотношении данных понятий. К этому вопросу обращались едва ли не все российские методологи, в том числе такие, как К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова. Представляется, что исчерпывающий обзор мнений дается в монографии В. И. Моросановой и Е. А. Ароновой (Моросанова, Аронова, 2007), поэтому ограничимся здесь общим выводом о том, что в литературе нет единства в отношении двух следующих моментов: 1) в какой мере и как перекрываются содержания данных понятий: существует широкий диапазон мнений от полного поглощения одного из понятий другим до попыток полностью развести их содержание; 2) как соотносятся данные понятия по уровню: обоим понятиям приписывается «высокий» уровень в структуре психики, однако часты попытки поставить одно над другим, в частности, представить одно как высший уровень другого. Эти вопросы решаются по-разному как в общетеоретическом плане, так и на уровне конкретно-психологических интерпретаций содержания понятий.

Существенным фактором, препятствующим, на наш взгляд, нахождению консенсуса в вопросе о соотношении понятий «субъект» и «личность», является следующее: в литературе нет не только единства, но и ясности в отношении того, в каком контексте предполагается определить и развести эти сущности. В то же время любое понятие существует и может быть понято и соотнесено с дру-

гим только в контексте некоторой определенной системы понятий. Постановка вопроса о соотношении данных понятий в литературе предполагает, что каждое из них обозначает некоторую подсистему в психической организации человека. Но та или иная подсистема не может быть понята и соотнесена с другой подсистемой иначе как в контексте целостной системы, в которую обе включены. Поэтому, как нам кажется, решение вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» с необходимостью требует определения целостной теоретической модели психической организации человека, на основании и в структуре которой они только и могут быть соотнесены.

В научной литературе уже имеется подобный пример решения задачи соотнесения понятий «субъект» и «личность» – это концепция Б. Г. Ананьева (Ананьев, 1969). В качестве исходной порождающей категории Ананьев вслед за Рубинштейном использует понятие «человек». «Человек» – для психологической науки категория не предметного, а объектного толка. Эта категория непосредственно относит нас к реальности, которую психологическая наука объясняет и описывает. Понятия же «субъект» и «личность» относятся к предметной сфере психологии, они разработаны психологической наукой и воплощают в себе не только (и, возможно, не столько) объективную реальность, но и теоретические модели, логику и аппарат самой науки. В условиях современного методологического плюрализма при попытке соотнесения этих понятий мы оказываемся в своего рода «зеркальном коридоре», в ситуации бесконечного умножения рефлексивных построений, выхода из которой нет. Категория же «человек» выводит нас из «зазеркалья» в реальность и обеспечивает возможность сопоставления теории не с другой теорией, а с жизнью, возвращает опору и возможность эмпирической проверки теории (см. также: Новое в науках о человеке..., 2015).

Концепция Ананьева начинается с построения *целостной модели* индивидуально-психического развития человека (подробнее см.: Головей и др., 2017), в которую вписываются, наряду с другими, категории субъекта и личности и в пространстве которой эти категории оказываются возможным четко соотнести между собой (Кольцова, Журавлев, 2008).

Развитие человека выступает здесь в трех подчеркнуто разведенных планах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций *индивида*;

- становления деятельности и истории развития человека как *субъекта* труда, познания и общения;
- жизненного пути человека – истории *личности*.

Понятие «*индивид*» Ананьев использует для обозначения человека в системе его связей с природой. Индивид – человек как продукт биологической эволюции, как представитель вида *Homo sapiens*, как естественный индивид с присущей ему генетической программой и диапазоном фенотипической изменчивости.

Ананьев выделяет два класса первичных индивидных свойств: возрастно-половые и индивидуально-типические. К ним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии/асимметрии парных рецепторов и эффекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет вторичные индивидные свойства: динамику психофизиологических функций и структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидных свойств представлена в темпераменте и задатках.

Основная форма развития индивидных свойств – онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества, так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Понятие «*личность*», четко и узко здесь определяемое, относится к человеку в системе его отношений с обществом. Личность – человек как субъект и объект культурно-исторического процесса.

Следует при этом отметить, что понятие «личность» Ананьев (подобно Рубинштейну) использовал и в более традиционной трактовке: как обобщающее понятие по отношению ко всем характеристикам и свойствам человека – индивидуальным, личностным и субъектным, что часто приводит к затруднениям в понимании его текстов.

Исходным моментом формирования структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе, т. е. особенности ее экономического, правового, политического положения, и статус общности (группы, субкультуры), в которой складывается

и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы общественных функций – ролей, целей и ценностных ориентаций.

Первичные личностные свойства – статус, роли и ценностные ориентации – складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериоризируются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются вторичные: мотивация и структура общественного поведения.

Высшая интеграция личностных свойств – характер человека и его склонности. Основная форма развития личности – жизненный путь человека, его социальная биография.

В отличие от большинства отечественных психологов, Ананьев рассматривает социальную детерминацию личности не абстрактно, а с уже сформировавшихся к тому времени (теория была разработана им в 60-е годы XX в.) социологических позиций. Именно поэтому он, определяя, подобно многим, личность как общественного индивида, конкретизирует это определение через социальные ситуации ее развития: статус, образ жизни, роли и др.

В качестве *субъекта* человек предстает как активный деятель, как производительная сила общества, как субъект труда, общения, познания. Исходными характеристиками человека в этой сфере, в понимании Ананьева, являются сознание (как отражение объективной действительности) и деятельность (как преобразование действительности). Человек как субъект характеризуется не только собственными психическими и психофизиологическими свойствами, но и знаниями, умениями, а также техническими средствами труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) – способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств – история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения (подробнее см.: Личность профессионала..., 2013; и др.).

Процесс человеческого развития, согласно теории Ананьева, построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе, начал, относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую индивидуальную программу, социально определяемую программу развития

личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания.

Индивидуальность в концепции Ананьева не сводится к индивидуальным различиям, которые, как известно, имеют место с самого начала жизни и проявляются в отношении всех отдельных функций и их комплексов; это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Ананьев называет индивидуальностью *целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния его натурального и культурного развития*. Индивидуальность придает личности свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенциалов человека. К проявлениям индивидуальности относятся *самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности*.

Ананьев рассматривал соотношение и взаимодействие субъекта и личности в контексте целостной теоретической модели человеческого развития, в качестве своей неотъемлемой части включающей и развитие индивидуальных «субстратных» свойств. В русле его концепции представлен ясный и определенный ответ на вопрос о том, как соотносятся содержания понятий «субъект» и «личность». *На уровне общетеоретическом* личность порождается и существует в контексте отношений человека и социума, в контексте культуры, субъект же существует в пространстве цивилизации, в его основе орудийная производительная деятельность. (Интересно, что в теории Ананьева уже ясно прослеживается разведение культуры и цивилизации, о котором культурологи заговорят лишь в конце XX столетия.) *На уровне конкретно научных представлений* описана система свойств, соотносимых с личностью и с субъектом (см. выше).

Можно ли, однако, рассчитывать, что данный вариант ответа на вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» будет принят современным психологическим сообществом? На это не приходится возлагать надежд. Различия в содержании понятий «индивид», «личность», «субъект» в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения их значений, при этом содержание понятий «субъект» и «личность» явно расходится с традицией, установившейся в современной российской психологии. Прежде всего обращает на себя внимание то, что свойства, в максимальной степени интересующие современных исследователей, приписываемые как субъекту, так и личности, которые как раз и пытаются сегодня ученые «поделить» между субъектом и личностью — саморегуляция, самосознание и др., — в трактовке Ананьева оказываются

вынесенными за пределы как личности, так и субъекта. Эти свойства оказываются здесь результатом интеграции субъекта и личности в процессе индивидуального развития.

Однако методологическая основательность концепции Ананьева, ее логическая стройность и эмпирическая доказательность заслуживают внимания в контексте современных дискуссий о соотношении понятий «субъект» и «личность». На наш взгляд, вывод, который можно сделать, рассматривая теоретическую модель, разработанную Ананьевым, в свете современных дискуссий в отечественной и мировой науке, заключается в необходимости изменить ставшую традиционной постановку задачи соотношения наших понятий.

Исторически сложилось так, что понятие «субъект» и понятие «личность» в современном научном языке обозначает целостную человеческую психическую организацию. Поэтому следует отказаться от попыток рассматривать субъект и личность как подсистемы некоторого целого, от попыток «разделить» между субъектом и личностью психические и другие свойства. Это две стороны человеческой психики, неразрывно слитые: личность непременно обладает субъектностью, а субъектность — атрибут личности.

Исторически сложилось также, что в мировой науке общепотребимым для обозначения целостной человеческой психической организации является понятие «личность», понятие же «субъект» не имеет распространения. В этой связи обращает на себя внимание и более узкое содержательное наполнение понятия «личность» в российской психологии, — возможно, как раз по причине укоренившегося здесь понятия «субъект», занявшего часть семантического пространства, в западной психологии занимаемого «личностью». Это различие в содержании понятий существенно затрудняет интеграцию отечественной теории в контекст мировой науки. Представляется поэтому целесообразным в вопросе о соотношении наших понятий сегодня перейти к представлению о *субъектности личности*, о *субъектном подходе к личности*, суть которого в понимании личности как активной, самодетерминирующей сущности.

Языковая проблема существует, ее решение требует существенных усилий от нашего профессионального сообщества, но работать над ней необходимо для полноценной интеграции российской психологии в сеть глобальной науки.

В то же время формирование глобальной науки открывает новые перспективы для «локальных» школ, к которым сегодня можно отнести российскую школу. Становится очевидным, что формирование науки, востребованной в условиях глобального мира,

невозможно без полноценной интеграции «локальных» научных традиций и относительно обособленных систем социально-гуманитарного знания (Bhambra, 2007; Outhwaite, 2009; Robinson, 1998; Rosa, 2014; Vessuri, 2015; и др.). «Локальные» школы обладают качествами, которые необходимы для нового витка в развитии мировой науки. Во-первых, школы, не принадлежащие к мейнстриму, не обременены «однополюсным» восприятием психологической науки (Mironenko, 2017), обладают способностью видеть диалектические противоречия в ее развитии. Во-вторых, эти школы обладают потенциалом инновационных, отличных от известных в мейнстриме, теорий и методов, которые могут быть высоко востребованы в новых условиях. Таким потенциалом обладает и российская школа.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1969.
- Васильюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ—Смысл, 2003.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлев А. Л. Динамика социальной психологии личности в изменяющемся российском обществе // Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Комкнига, 2006. С. 85–95.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: Проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский гос. ун-т, 2016. С. 12–17.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Менталитет, общество и психосоциальный человек // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
- История психологии. Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

- Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Мамардашвили М. К.* Сознание и цивилизация // М. К. Мамардашвили. Как я понимаю философию: Доклады, статьи, философские заметки / Сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1992. С. 107–121.
- Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 88–94.
- Мироненко И. А.* Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 149–155.
- Мироненко И. А.* Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012а. № 3. С. 44–50.
- Мироненко И. А.* О мотивах и проблемах интеграции российской психологии в мейнстрим // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012б. № 3. С. 5–16.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 6. С. 5–14.

- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии: В 2 т. Т. 1–2. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-центр, 2007.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. И. М. Городецкая / Отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году: В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Ленанд, 2015. С. 211–220.
- Adkins L., Lury L.* What is the empirical // *European Journal of Social Theory*. V. 12. P. 5–20.
- Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // *British Journal of Sociology*. V. 51 (1). P. 79–105.
- Beck U., Sznaider N.* Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: A research agenda // *British Journal of Sociology*. V. 57 (1). P. 1–23.
- Berry J.* Global psychology // *South African Journal of Psychology*. V. 43 (4). P. 391–401.
- Bhambra G.* Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination. Oxford: Berg., 2007.

- Castro J., Lafuente E.* Westernization in the Mirror: On the Cultural Reception of Western Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. V. 41 (1). P. 106–113.
- Danziger K.* Does the history of psychology have a future? Theory and Psychology. 1994. V. 4. P. 467–484.
- Kim U., Yang K. S., Hwang K.-K.* (Eds). Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. N. Y.: Springer, 2006.
- Marsella A.* Psychology and Globalization: Understanding a Complex Relationship // Journal of Social Issues. 2012. V. 68 (3). P. 454–472.
- Marsella A. J.* All psychologies are indigenous psychologies: Reflections on psychology in a global era. 2013. URL: apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx (дата обращения: 08.12.2017).
- Mironenko I. A.* Concerning interpretations of activity theory // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2013a. V. 47 (3). P. 376–393.
- Mironenko I. A.* Contemporary Russian psychology in the context of international science // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013b. V. 86. P. 156–161.
- Mironenko I. A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7 (2). P. 4–13.
- Mironenko I. A.* History for the «polycentric» psychological science: an “outsider’s” case // Centrality of history for theory construction in psychology. Annals of Theoretical Psychology. 2017. V. 14. P. 111–121.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Culture in Psychology: Perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. V. 4. P. 35–45.
- Moghaddam F. M.* Psychology in the Three Worlds: As Reflected by the Crisis in Social Psychology and the Move Toward Indigenous Third-World Psychology // American Psychologist. 1987. V. 42 (10).
- Outhwaite W.* Canon formation in late 20th-century British sociology // Sociology. 2009. V. 43 (6). P. 1029–1045.
- Robinson W. I.* Beyond nation-state paradigms: Globalization, sociology and the challenge of transnational studies // Sociological Forum. 1998. V. 13 (4). P. 561–594.
- Rosa M. C.* Theories of the South: Limits and perspectives of an emergent movement in social sciences // Current Sociology. 2014. V. 62 (6). P. 851–867.
- Rose N.* Psychology as a social science // Subjectivity. 2008. V. 23. P. 1–17.
- Sorokin P. S.* “Global sociology” in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // Current Sociology. 2016. V. 64 (1). P. 41–59.

И. А. Мироненко

Vessuri H. Global social science discourse: A Southern perspective on the world // *Current Sociology*. 2015. V. 63 (2). P. 297–313.

Yang K.-S. Monocultural and cross-cultural indigenous approaches: The royal road to the development of a balanced global psychology // *Asian Journal of Social Psychology*. 2000. V. 3. P. 241–263.

Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности¹

Н. Е. Харламенкова

Становление психологии как науки стало возможным не только благодаря развитию экспериментального метода и разработке принципов проверки каузальных гипотез (принципов верификации/фальсификации и их применения для проверки психологических гипотез), но и вследствие интенсивного развития теоретического метода, возможности использования в психологии исследовательских процедур, с помощью которых «формируется мир научной теории» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 55).

Психологическое знание, как и любое другое научное знание, должно соответствовать критериям истинности, универсальности, объективности; как результат научного познания оно может и должно быть логически обосновано. Знание используют для *описания*, *объяснения* и *предсказания* изучаемых явлений, в том числе и психических; представленное в символической форме знание передается от одного человека к другому и в большинстве случаев не требует дополнительной проверки на истинность.

Цель статьи – анализ проблемы теоретического знания и его формирования с помощью познавательной процедуры «обоснование», а также изучение формирования теоретического знания в истории и на современном этапе развития психологии личности.

Эмпирическое и теоретическое знание. Объекты теоретического знания и проблема их существования

Традиционно выделяют теоретический и эмпирический уровни научного исследования (Швырев, 1978); различают знание, полученное в ходе организации собственно эмпирической проверки

¹ Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0004.

гипотез, — *эмпирическое знание*, и полученное в процессе построения теоретических моделей, концептуальных систем и др. — *теоретическое знание*.

Для психологии актуальной остается проблема построения *научной теории*, верифицированной эмпирическим путем, а также проблема создания новой теории как следствия получения уникальных эмпирических данных. Замечено, что «при рассмотрении науки, стоящей на достаточно высокой ступени развития, «тайна» постоянной эволюции ее двух основных элементов — теории и эмпирии, — а следовательно, и науки в целом оказывается заключенной в непрерывном взаимообмене информацией, происходящем между этими двумя элементами. Притом движение от теории к эмпирии оказывается столь же законосообразным, «естественным» и непрерывным, что и движение от эмпирии к теории» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 57).

Серьезным вопросом, который обычно возникает при обсуждении особенностей *теоретического знания*, является *проблема существования* (именно существования!) объектов, о которых получено это знание. Более конкретно она формулируется так: включает ли в себя теоретическое знание только знание о мире наблюдаемых явлений и процессов или это еще и знание о принципиально ненаблюдаемых предметах и феноменах? Если, как утверждает Б. С. Грязнов, придерживаться наивно-реалистического взгляда на теоретическое знание, то большая часть понятий и научных утверждений останется за границами знания, поскольку найти для них «непосредственного референта в материальной действительности» (Грязнов, 1982, с. 21) так и не удастся.

Для психологии вопрос о существовании объектов, которым соответствует теоретическое знание, также вполне актуален, поскольку, несмотря на, казалось бы, очевидность и наблюдаемость психических явлений в реальной жизни, говорить о прямом их соответствии теоретическим утверждениям было бы так же неверно, как неверно считать, что математики и физики «готовы отождествлять мир теоретических объектов с миром наблюдаемых вещей и процессов в эксперименте» (Грязнов, 1982, с. 19). Такое мнение действительно спорно, ведь теоретические законы могут включать в себя и обобщенное представление об эмпирических свойствах мира, и высказывания о свойствах мышления, а также о языке как универсальной знаковой системе (В. Гейзенберг), используя которую, мы пытаемся понять, объяснить и предсказать явления природы и общества (там же, с. 20).

Специфика психологического знания в отношении проблемы *существования объектов* теоретических рассуждений вполне очевидна и состоит в том, что не все психические феномены могут быть выявлены посредством наблюдения (таковым является, например, мотивация). Кроме того, многие из них неосознаваемы и проявляются косвенно, в виде изменений в функционировании других психических процессов (например, психическая травма обнаруживается в нарушении памяти, внимания, в изменении эмоциональных реакций и др.). Особый статус имеют так называемые латентные характеристики. Это не всегда бессознательные психические феномены, но такие свойства, которые по разным причинам актуализируются редко, однако выступают ресурсом функционирования человека в настоящем и основой его развития в будущем. Речь идет о «латентно-протекающей деятельности» (Анцыферова, 2004), о «латентных, нерелевантных свойствах» ситуации (Критская, Мелешко, 2015). По мнению Анцыферовой, такие субдоминантные деятельности выполняют важную роль в процессе психического развития личности и ее интеграции. «Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удастся вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер» (Анцыферова, 2004, с. 198).

Все перечисленные нами психические феномены, неявно обнаруживающие себя при наблюдении и самонаблюдении, но при этом реально существующие, характеризуют специфику прежде всего *эмпирического знания* в психологии, которое необходимым образом становится основой *теоретического знания*.

Говоря об особенностях психологического знания, Л. М. Веккер отмечает, что именно в процессе познания *психической реальности* происходит причудливое соединение поверхностного любопытства и склонности к строго логическому обоснованию выявленных зависимостей, актуального практического интереса и потребности в абстрагировании от отдельных случаев, примеров, иллюстраций (Веккер, 1998). Разные феномены и факты как основа теоретического обобщения при построении той или иной теории, а также различия в способах этого обобщения часто приводят к порождению большого количества теоретических концепций, к их несогласованности и дробности. «Опыт истории и логика развития науки

ясно свидетельствуют о том, что такого рода обилие концепций является серьезным индикатором недостаточной теоретической зрелости» (там же, с. 8).

Следует согласиться с тем, что разрастание теоретических моделей, объясняющих один и тот же психический процесс, скорее всего, свидетельствует о функциональных ограничениях теоретического метода и скудности теоретических приемов и процедур, используемых для обоснования полученных эмпирических данных. Тем не менее, существование различных точек зрения вполне допустимо, как допустимо использование разных познавательных приемов для доказательства, объяснения, интерпретации изучаемого объекта с целью получения о нем истинного знания.

Разумно в связи с этим вернуться к работам Б. С. Грязнова, который также утверждал, что формирование знания об объекте всегда предполагает зависимость этого знания от активности субъекта, которым является ученый, от его научной позиции, предпочитаемых методов, условий фальсификации гипотезы. Автор пишет, что «объект теоретического исследования не может быть дан исследователю в качестве предмета созерцания, а всегда представляет собой продукт нашей деятельности, поскольку решение проблемы существования каждый раз в конечном итоге сводится к анализу генезиса объекта и способов его введения в мир теоретического знания» (Грязнов, 1982, с. 25).

Процедуры объяснения и научного предвидения в психологии

О каких же исследовательских процедурах идет речь, когда обсуждается вопрос о введении объекта в мир теоретического знания? Прежде всего, это процедура *обоснования*, которая «представляет собой главное средство формирования теоретического мира» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 60) и включает в себя разнообразные операции познавательного, нравственного и эстетического сознания – определение, объяснение, доказательство, интерпретацию и др., которые являются ее разновидностями (Никитин, 1970, 1981, 1988). «В области морального сознания оно (обоснование. – *Н. Х.*) представлено такой операцией, как оправдание (осуждение), а в области собственно познавательной деятельности – операциями интерпретации, подтверждения номологической импликации (вообще – условного суждения), предсказания, объяснения, доказательства и др.» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 75).

Обоснование как универсальная процедура сознания позволяет с помощью одного идеального объекта, называемого *основанием*, сообщить другому объекту — *обосновываемому* — те или иные характеристики первого (Никитин, 1981). Благодаря процедуре обоснования происходит включение нового объекта в систему знания, упорядочивание и связывание множества идеальных объектов, т. е. в целом формирование и реконструкция теоретического знания. Существование разных видов обоснования характеризует многообразие процедур формирования теоретического знания, которые определяются историей и логикой развития представлений о данном объекте в науке, а также научной позицией самого ученого, принципами его исследовательского подхода к анализу явлений мира, его собственной историей изучения данного объекта, задачами планирования исследования этого объекта в будущем. Виды обоснования определяются типами объектов — теми, которые предполагается обосновать (*обосновываемое*) и теми, с помощью которых происходит обоснование (*основание*). В качестве видов обоснования можно выделить эмпирическое и теоретическое обоснование простых и сложных объектов (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973), универсализирующее и конкретизирующее обоснования. Последние два, например, различаются направлением и характером обоснования: *универсализирующее обоснование* — подведение уникального объекта под некоторый универсальный класс идеальных объектов; *конкретизирующее обоснование* — наделение универсального объекта конкретными характеристиками, например, сопоставление универсального положения с фактами, эмпирическими данными и др. Иными словами, «в универсализирующем обосновании идеальный объект — обосновываемое — получает в результате процедуры атрибут универсальности (необходимости)..., в конкретизирующем обосновании он получает атрибут конкретности (предметности)» (Никитин, 1981, с. 77).

Важнейшей исследовательской процедурой является *предвидение*, без которого объяснение и обоснование не являются достаточными познавательными приемами, необходимыми для оценки правдоподобности и истинности теоретического знания. Объяснение, понимание, в целом — обоснование различных феноменов являются основой для предвидения; однако и само предвидение становится некоторым фундаментом для обоснования теоретических и эмпирических данных (Никитина, 1975; Никитина, Никитин, 1994). Предвидение — необходимый атрибут научного исследования, в котором специфика научного познания раскрывается в его прин-

ципиальной непрерывности: в постановке новой проблемы и формулировке новых гипотез, определяющим для которых является как эмпирическое, так и теоретическое знание, полученное «здесь и теперь», но которое, благодаря особой способности исследователя к антиципации, находит свое продолжение в будущем. Непрерывность исследования, обусловленная единством обоснования и предвидения, устанавливается не случайно, а благодаря активности самого исследователя, который как субъект познания со всей очевидностью демонстрирует в этом познавательном процессе континуальность, антиципацию и субъектность собственного психического развития (Сергиенко, 2012, 2016; Журавлев, Сергиенко, 2016).

Не следует забывать и о том, что предвидение является не только составляющей познавательной деятельности исследователя, но и одним из критериев истинности знания, поскольку позволяет подтвердить его достоверность воспроизводством выявленной зависимости в настоящем и предсказать повторяемость этой зависимости в будущем. «Таким образом, предвидение в известном смысле замыкает этап теоретической деятельности, вбирая в себя в снятом виде результаты всех предшествующих исследований... практическая ценность длительного процесса научного исследования находит концентрированное выражение в предвидении, в способности строить обоснованные прогнозы» (Никитина, 1975, с. 133).

Рассуждения о необходимости серьезного рассмотрения проблемы объяснения и обоснования в психологии небезосновательны и, по существу, затрагивают главный для любой науки вопрос о возможности создания общей методологии науки, о допустимости формулировки теоретических законов, а также о вероятной предсказуемости на их основе конкретных явлений (Юревич, 2000, 2005; Мазиллов, 2006а, 2007; Теория и методология..., 2007; Знаков, 2016). В истории развития психологии объяснение психических явлений было одной из важнейших целей и задач познавательной деятельности ученого, причем, по мнению А. Н. Ждан, развитие взглядов на объяснение было сопряжено со все большим интересом исследователей разных эпох к «своеобразию психического, все большей адекватности объяснения природы психического, раскрытию всей полноты его разнообразных свойств и отношений с миром» (Ждан, 2008, с. 26).

Объяснение психического через психическое, как утверждает А. В. Юревич, ссылаясь на работы авторитетных ученых, для многих исследователей является основополагающим принципом научного поиска, которым они руководствуются при интерпретации и тол-

ковании полученных эмпирических фактов (Юревич, 2006, 2008). При этом собственно психологическое объяснение часто «препятствует восхождению на уровень общих законов» и в лучшем случае реализуется в виде подведения конкретного случая под общий знаменатель какого-либо класса явлений путем его деиндивидуализации. Таким образом, пишет Юревич, при объяснении полученных данных «индивидуальное деиндивидуализируется, вариативное превращается в (относительно) инвариантное, единичные явления переводятся в разряд классов явлений», а затем предлагается «объяснение этих явлений как принадлежащих к определенному классу» (там же, с. 80). Сравнивая принципы объяснения в естественных и гуманитарных науках, автор тонко подмечает, что «настоящие науки (естественные. — *Н. Х.*) начинаются там, где социальная наука останавливается: физика и химия начинаются объяснением эмпирических обобщений в терминах теоретических законов и связанных с ними теорий, в то время как большее, что могут сделать представители социальных наук, за исключением, возможно, экономистов, это вывести эмпирические законы из более общих законов того же плана» (с. 79). В данном смысле сведение принципа объяснения полученных психологических фактов к одной типичной объяснительной модели не позволяет этой познавательной процедуре выполнить свои функции — сделать явления понятными, включить их в систему знания, сделать предсказуемыми и т. д. Подлинно научное объяснение в психологии, согласно Юревичу, может быть только «редукционистским», т. е. предполагающим переход на другой уровень объяснения и принятие идеи многоуровневых объяснений, проникающих на разные уровни причинности (с. 87).

Другой точки зрения на психологическое объяснение придерживается В. А. Мазиллов. Не отвергая идеи о психологическом объяснении как познавательной процедуре, предполагающей выход за границы психологического знания, Мазиллов придерживается собственного мнения на возможность объяснения психических явлений с помощью языка других наук. Автор пишет, что «представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично», а вот так называемое «наведение мостов» между естественно-научной и гуманитарной парадигмами, конечно, необходимо, но не за счет редукции психического к непсихическому, а путем разработки «максимально широкого понимания предмета психологии» (Мазиллов, 2006б, с. 65). По мнению данного автора, проблема объяснения в психологии может быть адекватно решена, если

эта познавательная процедура будет рассматриваться не отдельно от научно-исследовательской деятельности, но анализироваться как ее необходимая и важнейшая часть, т. е. в более широком контексте. «Задать такой контекст может схема соотношения *теории* и *метода* (курсив мой. — Н. Х.) в психологии» (там же, с. 68). Так, применение к полученным данным процедуры интерпретации результатов показывает, что исследователь остается в рамках основного вопроса, который им был поставлен ранее. В этом случае «базовая категория и интерпретирующая категория совпадают» (с. 70). В том случае, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой, можно считать, что исследователь обращается к процедуре объяснения в собственном смысле этого слова. Так, например, интерпретация данных, полученных исходя из категории «структура», может осуществляться с помощью другой категории — «процесс».

Немаловажным, с точки зрения В. А. Мазилова, является обсуждение проблемы объяснения в соотношении с вопросом о *предмете* психологии. Рассматривая психическое как объективно существующую реальность, исследователь закономерным образом обращается к объяснению психического именно через психическое, расширяя и специфицируя эту область знания относительно других наук. Современный этап развития психологии, как считает автор, характеризуется множественностью теоретических позиций относительно разных психических явлений, что не исключает разнообразия и сосуществования видов объяснения, но, наоборот, допускает возможность обращения к ним при обосновании теоретических или эмпирических данных. Проблема разнообразия теоретических позиций во многом согласуется с «многомерностью мира человека» вообще, с разными ипостасями его существования и, соответственно, с разными типами социального знания. Так, согласно подходу В. В. Знакова, мир человека состоит по крайней мере из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной; соответственно, типы понимания этих реальностей и виды социального знания о каждой из них следует различать (Знаков, 2012, 2013, 2016). В этом смысле такие типы понимания, как понимание-знание, понимание-интерпретация и понимание-постижение, соответствуя каждой из названных областей мира человека, имеют нечто общее с процедурой понимания вообще, с одной стороны, конкретизируя представление о понимании, а с другой — показывая многомерность и сложность природы понимания человеком своего бытия. «Понимая множество... конкретных

событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того, чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую сторону общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций» (Знаков, 2016, с. 21).

Приведенное исследование еще раз доказывает, что вариативность одной и той же познавательной процедуры не может считаться явным критерием слабости теории, но свидетельствует об особенностях научного знания и о специфике данного этапа развития конкретной науки. Для психологии верны оба тезиса: во-первых, наличие индивидуального разнообразия при изучении какого-либо психического феномена, и, во-вторых, признание современной психологией необходимости изучения индивидуально-психологических различий между людьми, принятие ориентиров на изучение уникальности путей развития психики (Сергиенко, 2011, 2012, 2016; Журавлев, Сергиенко, 2016; Принцип развития..., 2016).

Указанным особенностям развития современной психологии (о других его характеристиках см.: Методология комплексного человекознания..., 2008; Взаимоотношения..., 2015; Ушаков, Журавлев, 2016; и др.) соответствует допустимое многообразие типов объяснения данных, а также варианты прогнозирования развития теоретического знания и его применения на практике. Рассматривая объяснение, предсказание, интерпретацию и др. как отдельные операции познавательной деятельности человека, которые в своей совокупности представляют познавательную *процедуру обоснования* как метода построения теоретического мира, Е. П. Никитин полагал, что через обоснование мы не только лучше понимаем изучаемый объект, но и систематизируем общее предметное поле, формируем то знание, которое не всегда непосредственно соотносится с наблюдаемым объектом или явлением, но воссоздается благодаря синтезу конкретизирующего и универсализирующего обоснований. Для психологии это очень важный момент, поскольку некоторые особенности психической реальности могут быть обнаружены преимущественно через процедуру обоснования различных случаев (уникалий) и отнесения их к классу однородных объектов на основе построения универсального теоретического знания. «Участвуя в универсализирующих обоснованиях, они (универсалии. — *Н. Х.*) сообщают обосновываемым идеальным объектам (уникалиям. — *Н. Х.*) атрибуты универсальной значимости, субъективной необходимости и т. п.» (Никитин, 1981, с. 46). Конкретная процедура объ-

яснения факта означает, что он подчиняется определенному закону или системе законов, при этом внося в это универсальное положение определенную долю фактуальности.

К обоснованию как главному средству формирования теоретического мира, а также его отдельным операциям — определению, доказательству, объяснению, интерпретации, предсказанию и др. — обращаются специалисты разных наук (см.: Современные направления..., 2003; и др.). Особую значимость эта познавательная процедура имеет там, где формулировка универсальных положений осуществляется на основе обобщения индивидуальных случаев, т. е. там, где превалирует идиографический метод. В этом смысле гуманитарное направление в психологии и, в частности, *психология личности*, представляют собой особые сферы познавательной деятельности исследователя, в которых формирование эмпирического и теоретического знания основывается на традиции использования идиографических и морфогеничных процедур (Г. Оллпорт), способствующих выявлению уникального в личности (см., напр.: Психологические исследования личности..., 2016). Тенденция исследовать личность с позиции оценки ее уникальности ставит ключевой вопрос о путях и способах формирования универсального знания в гуманитарном направлении психологической науки.

Подходы к формированию теоретического знания в современной психологии личности

Для психологии проблема ориентации на уникальное/универсальное знание была актуальна всегда, однако наиболее острый момент в ее обсуждении пришелся на конец первой — начало второй трети XX в. Во многом это произошло благодаря работам Гордона Оллпорта, для которого решение данной проблемы было сформулировано в виде основного положения разработанной им оригинальной теории личности. Оллпорт полагал, что его теорию черт можно рассматривать как «конкретно приложимую» к бесконечному разнообразию форм личностного существования и в то же время как достаточно абстрактную, основанную на общепсихологических закономерностях. При этом он утверждал, что исследователь-психолог пользуется и номотетическим, и идиографическим методами. «Чтобы уравновесить преобладающий *номотетический (nomothetic)* подход, который состоит в поиске общих законов, Оллпорт предлагал взять на вооружение методы, позволяющие исследовать

мотивационное и стилистическое поведение в отдельном, конкретном случае» (Фрейджер, Фейдимен, 2006, с. 678).

Утверждая в 1930-е годы, что психология — наука, для которой характерно использование как номотетического, так и идиографического метода, Оллпорт лишь приступает к рассмотрению принципов перехода между уникальным, особенным знанием, с одной стороны, и универсальным, общим — с другой, по существу оставляя в стороне вопрос о способах введения объекта в мир теоретического знания (Б. С. Грязнов).

С нашей точки зрения, анализируя подходы к формированию теоретического знания в истории психологии личности и на современном уровне исследований, можно выделить три направления теоретизирования: 1) подведение уникального — прежде всего эмпирического — знания под *универсальное понятие* с помощью процедуры *описания* данных; 2) обобщение уникальных данных путем разработки различных типологий личности с их последующим *объяснением* и подведением под *универсальные положения*; 3) *обоснование* идеальных объектов с помощью *системы универсальных положений* о личности на основе разработки теории и *предсказание* на ее основе как уникального (фактического) знания, так и универсального (теоретического). Безусловно, существуют и другие подходы к формированию теоретического знания, но мы остановимся только на этих трех.

Рассмотрим выделенные направления подробнее.

Описание как процедура подведения уникальных данных под универсальное понятие

Процедура *описания* уникальных данных является одним из наиболее распространенных приемов, используемых как в истории психологии личности, так и на современном уровне ее развития. Описывая данные, исследователь использует научные термины, понятия, соответствующие определенной теории. Описание — это «подведение фрагментов чувственного материала под универсалии, т. е. универсализирующее обоснование первых вторыми» (Никитин, 1981, с. 101). При описании *основанием* процедуры обоснования чаще всего выступает именно *универсальное понятие*, а не универсальное положение или система последних. Подведение единичного феномена, факта под понятие, т. е. понятийное обозначение наблюдаемого явления, события и др. позволяет совершить процедуру обобщения исходных данных уже на этом уровне теоретизирования.

В психологии личности такая процедура формирования теоретического знания является распространенной. Она состоит в том, что исследователь проводит анализ эмпирических данных, используя специальный научный язык, т. е. принятые в данной области знания научные термины, которые, как известно, в отличие от обычного языка, характеризуются самоидентифицируемостью, однозначностью, эмоционально-экспрессивной нейтральностью (там же, с. 101). При отсутствии в науке понятий, которые можно было бы использовать для обозначения новых эмпирических фактов, на начальном этапе исследования допустимо использовать язык эмпирической науки либо метафорический язык с последующим универсализирующим обоснованием наблюдаемых явлений на языке теории (см., например: Психологическое здоровье личности..., 2014).

Не менее распространенной формой теоретизирования является сопоставление собственных данных с данными других исследователей, что, по существу, представляет из себя процедуру подведения их под универсальное понятие, принятое в науке и используемое разными авторами. Процедура описания может быть направлена и на характеристику закономерностей, установленных в эмпирическом исследовании, однако уровень обобщения в этом случае будет невысоким.

Основой обобщения данных с помощью процедуры описания часто выступает создание *типологии* личности. Однако на этом уровне теоретизирования типология личности может иметь сугубо эмпирико-статистический характер и при отсутствии объяснения и обоснования выделенных типов с помощью специального научного языка выполняет инструментальную функцию сокращения большого количества данных до нескольких наиболее крупных единиц – факторов, коррелирующих с первичными переменными. Статистическая процедура факторизации данных также является одной из распространенных стратегий, применяемых в психологии личности для перехода на более высокий уровень обобщения. Несмотря на полезность таких статистических расчетов, исследователь не всегда может использовать их для построения теоретических выводов. «Выявление статистических закономерностей регулируется определенными правилами, но эти зависимости сами требуют содержательных интерпретаций, не предполагают следования условиям причинного вывода и содержательно не характеризуют ту область эмпирии, оценке которой служат» (Корнилова, 2005, с. 161). Даже для перехода на уровень универсальных понятий, а уж тем более универсальных положений, требуется «прорыв в обобщении» (там же, с. 160).

Объяснение как процедура подведения разработанной типологии личности под универсальное положение

Следующим подходом к формированию теоретического знания в истории психологии личности и в современных исследованиях является создание типологии личности, которая с помощью познавательной процедуры *объяснения* может быть подведена под более общее теоретическое основание — *универсальное положение*. В этом случае типология может быть сконструирована с помощью исходно выбранных критериев и представлена в виде теоретической гипотезы, а затем верифицирована на истинность. Также типология может быть получена эмпирическим путем, но, в отличие от обсуждаемого выше случая описания, объясняется с помощью специального научного языка, т. е. представлена не столько как статистическая модель типов личности, сколько как содержательная классификация, в основе которой лежат определенные психологические закономерности. Эти закономерности представляют собой универсальные положения, которые, в отличие от универсального понятия, являются сложными идеальными объектами, суждениями, высказываниями о законах материального мира. Более широкое, но допустимое толкование универсального положения позволяет обозначать «не только отдельные целостные вещи или их свойства, связи, отношения и т. п., но и их возможности, вероятности, обязанности, права и т. п.» (Никитин, 1981, с. 37).

В психологии личности потребность в создании типологии возникла в связи с решением принципиально важного для этой области психологического знания вопроса о научности исследований, которые в ней проводятся. Как пишет К. А. Абульханова-Славская, проблема типологии «есть своеобразный пробный камень зрелости психологической теории личности, диалектичности ее методологии» (Абульханова-Славская, 1983, с. 14).

Действительно, история создания типологий личности во многом связана с преодолением разрыва между общим и особенным, типичным и индивидуальным. Проблема типологизации личности и ее нерешенности, по мнению Абульхановой-Славской, состоит в создании статичных классификаций, построенных по разным, часто случайным и частичным, основаниям. Ссылаясь на работы С. Л. Рубинштейна, автор отмечает, что «в основу построения типологии должен быть положен принцип анализа личности через ее жизнедеятельность, через способ ее жизни» (там же, с. 18), оценку уровня активности и меры субъектности. Используя ряд объясни-

тельных принципов, необходимых для построения и обоснования типологии, Абульханова-Славская показывает, что только при таком подходе к изучению личности можно представить проблему индивидуальности как типологическую, «как проблему индивидуально-типологических различий», и тем самым сформулировать универсальные положения относительно «активности, развития и интегративности личности».

Раскрывая содержание типологического подхода через его связь с принципом развития (Анцыферова, 1990), с изучением функционирования личности в жизнедеятельности (Абульханова-Славская, 1990), с экономическими изменениями в российском обществе (Журавлев, Журавлева, 2006), авторы одновременно осуществляют теоретический анализ этой проблемы в психологии, показывая, каким образом может быть решен вопрос о соотношении индивидуального и типичного, эмпирического и теоретического знания.

Правда, отношение к типологическому подходу в психологии оставалось и остается неоднозначным. Так, В. Д. Небылицын в книге «Основные свойства нервной системы человека», характеризуя главные принципы подхода к изучению свойств нервной системы, достаточно скептически оценил проблему определения типов нервной системы и резонно отметил следующее: «Классификация «типов высшей нервной деятельности», созданная на основе учения о свойствах и как бы в развитие этого учения, явилась на самом деле, как показал опыт применения этой классификации в физиологии и психологии, очевидным шагом назад по сравнению с оригинальной и в высшей степени плодотворной идеей об основных свойствах нервной системы» (Небылицын, 1966, с. 7–8). Ссылаясь на мнение Б. М. Теплова, который считал, что стремление свести все варианты сочетания свойств нервной системы к четырем типам — не совсем удачная идея, Небылицын утверждает, что более плодотворным является детальное изучение свойств нервной системы, которые выделены в качестве оснований классификации. Научный смысл выделения типов нервной системы, типов темперамента ему представлялся малопонятным.

Сравнивая типологию свойств нервной системы с типологией личности, Абульханова-Славская подчеркивает, что такая «закрытая» типологизация не может быть применима для исследования высших уровней организации психического. Для построения личности должна быть разработана «открытая», прогрессивная типология, в которой отсутствует полный набор заранее установленных

признаков. При этом делается важный для настоящей работы вывод о том, что «построение типологии при исследовании личности не цель, при достижении которой создается классификация людей, а средство выявления многообразия личностных конструкторов» (Абульханова-Славская, 1990, с. 22).

Конструирование типологий личности — один из подходов к формированию теоретического знания в психологии личности. Сама по себе типология не имеет особого значения для формулировки более общих научных высказываний, однако при определенных условиях, которые частично обсуждались выше, может, с одной стороны, включать в себя фактологический материал, иметь прямую связь с реальностью и с разнообразием личностных характеристик, а с другой — путем подведения под универсальное положение быть основой для формирования теоретического знания. Тем не менее, типология, как было отмечено выше, не позволяет осуществить систематизацию теоретического знания, выявить психологические механизмы и построить теоретическую модель изучаемой части реальности.

Обоснование и предсказание идеальных объектов с помощью системы универсальных положений о личности

Наиболее сложным типом универсалий, по мнению Е. П. Никитина, являются *системы универсальных положений*, которые в познавательной сфере представляют собой *теории*; универсальные положения, из которых состоит теория, являются *законами* науки (Никитин, 1981, с. 39). Универсальные положения теории представляют собой иерархическую систему, в которой отдельные положения, как правило, связаны как внутриуровневыми, так и межуровневыми отношениями.

Теории, как известно, проверяются на истинность путем операционализации теоретических конструкторов в виде изменяемых и измеряемых переменных. Верификация/фальсификация эмпирических (в том числе экспериментальных) гипотез через процедуры доказательства, интерпретации, объяснения и предсказания и др., которая не обязательно должна происходить в одном ограниченном во времени эмпирическом исследовании, является основой для построения теории при условии *обоснования* полученных эмпирических зависимостей.

Теории могут включать в себя разные по уровню обобщения универсальные положения; они могут состоять из отдельных тео-

ретических высказываний, часто несистематизированных и не обоснованных с точки зрения их связанности. Такое положение дел наблюдается в тех областях знания, где представление об объекте исследования находится в самом начале его изучения. Этот вывод правомерен по отношению к психологии личности начала XX в., когда собственно теоретические воззрения о личности только начинали формироваться.

Р. Фрейджер и Дж. Фейдимен пишут, что многие известные ученые, разработавшие свою собственную теорию личности, были убеждены в том, что именно их опыт и теория, построенная на основе этого опыта, являются истиной в последней инстанции, т. е. системой универсальных положений, под которые можно подвести все множество проявлений личности и закономерным образом обосновать их. На самом деле, как указывают авторы, каждая теория личности имеет определенное отношение к любому человеку, и именно в этом состоит ее ценность.

Тем не менее, именно такая установка в отношении разрабатываемой авторской теории, т. е. стремление исследователя сделать главные положения своей концепции как можно более универсальными, иерархически связанными и верифицируемыми, обязывает ученого к тому, чтобы отстаиваемая им позиция действительно могла бы быть названа теорией. Эта установка определяет направление научного поиска и выбор познавательных операций – объяснения и предсказания, – которые наряду с другими операциями включены в общую познавательную процедуру обоснования. Объяснительная и предсказательная сила теории неразделимы: благодаря операции объяснения эмпирические факты и зависимости включаются в систему универсальных положений данной теории, а благодаря операции предсказания устанавливается факт вероятного наступления тех или иных событий, входящих в предметное поле теории в будущем. Отсутствие у теории потенциала предсказания событий подвергает сомнению ее научную ценность и значимость (см. также: Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Все высказанные соображения имеют прямое отношение к психологической теории личности, в том числе и утверждение о том, что теория представляет идеальный объект в его целостности, иерархичности и внутренней связанности и с ее помощью можно объяснить любые индивидуальные проявления человека как личности. «К психологии личности обычно относят прежде всего совокупность психических свойств человека (особенно свойств характера и способностей), взаимосвязанных, взаимообусловленных и нахо-

дящихся друг к другу в отношении определенной субординации» (Рубинштейн, 1959, с. 125).

В отличие от «открытой» типологии личности, которая описывает разные идеальные объекты на уровне теоретического знания, теория строится в отношении одного идеального объекта, непосредственные и разнообразные референты которого можно найти в реальной действительности. Обращения исследователя к типологии бывает недостаточно для объяснения промежуточных типов личности, тогда как теория конструируется для объяснения всего многообразия явлений данной предметной области знания.

В истории психологии личности пути формирования теоретического знания были разнообразны. На рубеже XIX—XX вв. и вплоть до 50—70 годов XX в. появляется значительное количество теорий, ставших хорошо известными в научной психологии (теории З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, К. Левина, Г. Оллпорта, К. Роджерса, А. Маслоу и др.). Многие из этих концепций создавались на примере анализа отдельных случаев и до сих пор считаются качественными теориями.

Развитие психометрики и психодиагностики кардинальным образом повлияло на формирование теоретического знания: современный исследователь в худшем случае предпочитает оставаться на уровне анализа эмпирических результатов, в лучшем — пытается их обсудить. Такой контраст между более ранними исследованиями в области психологии личности и более поздними постепенно устраняется тем, что на современном уровне развития психологического знания появляется интерес к разработке теоретико-эмпирических моделей личности или ее отдельных особенностей, значительное внимание уделяется формулировке общих принципов исследования.

В этом нам видится явный прогресс в развитии психологического знания на современном этапе развития науки. Он состоит в том, что процедура проведения исследования в области психологии личности становится более полной, поскольку в нее включается ранее отсутствовавшая часть планирования эмпирического исследования — создание теоретико-эмпирической модели личности и формулировка как теоретической, так и эмпирических гипотез. Устранение разрыва между наблюдением за единичными случаями и конструированием системы универсальных положений (т. е. собственно теории) сделало возможным постепенное восхождение от абстрактного к конкретному и обратно, тем более что разработка теоретико-эмпирической модели вполне согласо-

ется с мнением о допустимости понятия «эмпирический закон». «В „эмпирических“ науках законы высшего уровня обычно называются „принципами“, низшего — „эмпирическими законами“, которые «по всем своим существенным характеристикам: составу, структуре, генезису, функциям в познании — сходны с „теоретическими законами“» (Никитин, 1981, с. 40).

Конструирование теоретико-эмпирической модели, которая включает в себя основные теоретические конструкты, представленные в виде эмпирических переменных, — существенный прорыв в развитии теоретического знания в психологии личности. Он открывает путь не только к описанию полученных данных, но и к их объяснению и в целом — к обоснованию. В отличие от типологии, интерес к которой постепенно начинает снижаться, создание эмпирической модели предполагает обоснование входящих в нее компонентов, связей между ними, и является закономерным этапом в переходе к формулировке универсальных положений теории личности.

Заключение

Формирование теоретического знания в психологии личности осуществляется с помощью универсальных познавательных операций и процедур. В современной психологии для подведения эмпирического факта под универсальное положение чаще всего используется процедура *описания* этого факта. В этом случае уровень теоретического обобщения оказывается невысоким, соответственно, формулировка такого положения не всегда принимает характер закономерности, но чаще всего представляет собой констатацию факта и, как следствие, — подведение этого факта под универсальное понятие.

Обращение к познавательной операции *объяснения* предполагает установление связи между переменными и обоснование полученных зависимостей в виде закономерностей или законов. В психологии личности определенным уровнем обобщения обладают эмпирические законы. По сравнению с процедурой описания, к объяснению психологических фактов и зависимостей прибегают реже. Несмотря на это, объяснение является предметом широких дискуссий, которые проводятся в современной психологии, что свидетельствует об актуальной потребности ученых в обращении именно к этой познавательной операции для презентации своих данных на более высоком, теоретическом уровне знания. Дискуссионность обсуждаемого вопроса доказывает, насколько решение

проблемы объяснения важно для психологии в настоящий момент и, одновременно, насколько ее понимание и возможности применения еще не до конца осмыслены.

Научное *обоснование* рассматривается нами как познавательная процедура, которая используется для формирования системы теоретических положений, т. е. собственно теории. Для психологии в целом и для психологии личности в частности создание научной теории является непростой задачей. Рассматривая историю формирования теоретического знания в психологии личности, мы отметили неравномерность этого процесса; показали, что наличие существенного разрыва между описанием отдельных случаев и абстрактными теоретическими положениями создавало серьезные проблемы, главная из которых состояла в невозможности решить методологическую задачу объединения единичного и общего знания, идиографического и номотетического методов исследования. Позднее интерес ученых к формулированию универсальных положений был перенесен на обсуждение способов получения эмпирических фактов; проблема интерпретации данных в виде их простого описания стала ведущей, а потребность в обобщении и систематизации результатов удовлетворялась созданием различных типологий личности.

Современный этап в развитии психологии личности характеризуется осознанием необходимости преодоления разрыва между уникальным и универсальным знанием, особенным и типичным за счет постановки и достижения цели конструирования *теоретико-эмпирической модели* изучаемого объекта, которая связывает между собой разные по своей универсальности представления о предмете исследования. Переход от теоретико-эмпирической модели к теории требует овладения исследователем познавательной процедурой обоснования и ее отдельными операциями — доказательством, интерпретацией, объяснением, предсказанием и др. Только такая последовательность в обосновании теоретического знания в психологии личности может способствовать установлению связи между универсальными положениями теории и их материальными референтами, а самое главное — объяснению тех конструктов, которые не имеют очевидных референтов предметного мира, ведь для любого теоретического знания важно и то, и другое.

Проблема существования объекта теоретического знания и поиска его материальных референтов стала актуальной для развития естественных наук в прошлом столетии; эта же проблема возникла и перед учеными естественно-научного и социогуманитарного

направлений в психологии, в которых прямая связь теоретических положений с материальными объектами (чувствами, поведением и др.) стала подвергаться серьезной критике.

Это значит, что развитие психологии в целом и психологии личности в частности происходит соразмерно развитию современной естественной и гуманитарной науки и обсуждению общих методологических вопросов, которые в том числе касаются формирования теоретического знания и его соответствия бытию природы и человека. Актуальность этого вопроса для всей науки подтверждается следующими словами: «Развитие науки в XX в. привело к осознанию того, что объект теоретического знания не обязан быть аналогом пространственно-временным образом локализованной вещи эмпирически существующего и данного нам в эмпирической деятельности мира. Реально такие объекты в теории существовали и раньше, но это обстоятельство не осознавалось» (Грязнов, 1982, с. 49–50). Осмысление этой особенности познавательной деятельности ученого-естествоиспытателя и ученого-гуманитария открывает большие возможности для объяснения и обоснования эмпирического и теоретического знания в современной науке.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.
- Абульханова-Славская К. А.* Особенности типологического подхода и метода исследования личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. С. 18–25.
- Анциферова Л. И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 61–77.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Грязнов Б. С.* Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982.

- Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П.* Теория и ее объект. М.: Наука, 1973.
- Ждан А. Н.* Проблема объяснения в психологии: исторический аспект // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. № 1. С. 22–27.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А.* Психологическая типология ориентаций личности на экономические ценности // *Организаторские способности в логике ментального управления социальными группами и организациями: Материалы международного симпозиума*. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2006. С. 113–116.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Генезис принципа развития в современной психологии (Вместо предисловия) // *Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–30.
- Знаков В. В.* Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
- Знаков В. В.* Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6 (31). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы в психологии в начале XXI века // *Психологический журнал*. 2006а. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Мазилев В. А.* К проблеме объяснения в психологии // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2006б. Вып. 2 (12). С. 9–19.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки на современном этапе: проблемы и перспективы // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2007. Т. 4. № 2. С. 3–21.
- Методология комплексного человекознания и современная психология* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Небылицын В. Д.* Основные свойства нервной системы человека. М.: Просвещение, 1966.
- Никитин Е. П.* Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
- Никитин Е. П.* Природа обоснования. М.: Наука, 1981.

- Никитин Е. П.* Открытие и обоснование. М.: Мысль, 1988.
- Никитина А. Г.* Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1975.
- Никитина А. Г., Никитин Е. П.* Функции научного исследования // *Философия и методология науки: В 2 ч. Ч. 1.* М.: SvR-Аргус, 1994. С. 130–154.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // *Психологический журнал.* 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // *Психологические исследования.* 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.12.2017).
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // *Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–115.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Пути и принципы теоретико-экспериментальной психологии и практики // *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 18–69.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Социальная психология знания как новая отрасль (вместо введения) // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков,

Описание, объяснение и обоснование теоретического знания

Т. А. Нестик, А. Н. Поддьяков, А. В. Юревич. Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–15.

Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.

Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.

Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–45.

Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.

Юревич А. В. Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 74–87.

Исследования коллективного бессознательного как одно из перспективных направлений развития психологии¹

В. Ф. Петренко

Медленно и не слишком уверенно методология отечественной психологии разворачивается навстречу идеям постнеклассической методологии (Степин, Лекторский, Касавин, Микешина) и психологии конструктивизма (Келли, Асмолов, Петренко). В научном дискурсе психологии еще присутствуют понятия «объективной действительности» (или «того, что есть на самом деле»). Но возникают и значимые подвижки в методологии познания. В книге «Человек и мир» С. Л. Рубинштейна (к сожалению, опубликованной только спустя полвека после его ухода из жизни), взамен этому понятию Сергей Леонидович использовал понятие «мир» как мир человеческого бытия, мир человеческого страдания. В работах его последователей (А. В. Брушлинского, К. С. Абульхановой-Славской и др.), посвященных проблеме субъекта в психологической науке, убедительно показана невозможность вывести за рамки познания самого субъекта познания при конструировании образа реальности, в которую он включен. В школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, хотя и отдавая дань стагнирующей идеологии, использовался термин ленинской «теории отражения». Акцент на активную роль сознания в конструировании образа мира сблизил позиции этих школ, так как «культурно-историческая теория» Л. С. Выготского и понятие «личностного смысла» А. Н. Леонтьева неизбежно вносят релятивистскую позицию субъекта в конструируемый им образ мира.

Жанр данной статьи может быть обозначен как научная публицистика и по своему характеру является не слишком популярным в российской психологической науке. Публицистика, в том числе и научная, основывается на личной позиции автора, его пристрастиях и убеждениях, и не всегда может быть доказуема. Но она ба-

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РНФ, грант № 17-18-01610.

зируется на личном опыте и интуиции исследователя и «забегает вперед», рассуждая о завтрашнем дне науки, о возможных вариантах ее развития.

К сожалению, научно-гипотетические построения довольно редко встречаются в современной психологии. Так, по мнению А. В. Юревича (Юревич, 2005), три четверти отечественных публикаций посвящены установлению корреляционных связей (пусть и даже в рамках новомодного структурного моделирования) чего-то с чем-то. Психологическая природа человека, в силу присущей науке аналитической декомпозиции, оказывается расщепленной на множество областей, где каждый исследователь успешно разрабатывает свою «делянку», которые становятся все более дробными и мелкими. Если мы раскроем психологический словарь под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко (Большой психологический словарь, 2003), например, на проблематике «память», то найдем словарные статьи о таких ее видах, как двигательная и образная память, словесно-логическая, наглядно-образная, память феноменальная, память эпизодическая, память эхоическая, обонятельная, музыкальная, слуховая, тактильная, вкусовая, эмоциональная память, зрительно-двигательная, зрительно произвольная и непроизвольная память, сенсорная, иконическая, память буферная, оперативная, кратковременная и долговременная, наконец, память души и автобиографическая память. Уверен, что я не воспроизвел все рубрики видов памяти. И хотя память — один из важнейших аспектов целостной психики, такую дробную дифференциацию можно найти и применительно к теориям внимания, мотивации, личности и т. п. При этом я несколько не умаляю значения углубленных и детализованных исследований психики, но постоянно сталкиваюсь с запросами экономистов, социологов, историков, которым для решения своих задач нужна модель целостного человека, обладающего определенной картиной мира и системой ценностей, имеющего желания и влечения, способного принимать решения и строить планы на будущее. Построение такого целостного образа человека невозможно путем детализованного изучения его отдельных функций. Тут не проведешь научно безупречный эксперимент, и возможно только строить целостные гипотетические модели (как это делается в философии), адекватность которых может быть проверена только со временем и посредством множества косвенных подтверждений в различных сферах жизнедеятельности.

Другой важный аспект психологической науки, требующий гипотетических построений, связан с тем, что многие события в жиз-

ни человека, подчас самые важные, имеют «одноразовый» характер. Единожды человек рождается и умирает. Большинство экстрасенсорных и мистических переживаний являются единичными феноменами *case study*. Именно их невозпроизводимость и невозможность статистического подтверждения делает их изгоями в строгой научной фактологии. Большинство психологов (и не только психологов), боясь потерять свое научное реноме, предпочитают просто не замечать нетривиальные феномены или не выносить их в свет для публичного обсуждения. Прикроюсь авторитетом выдающихся психологов. Например, в проведенном недавно журналом «Вопросы философии» «круглом столе», посвященном творчеству В. П. Зинченко, один из питомцев школы А. Н. Леонтьева, вхожий в его семейный круг, А. Г. Асмолов, неожиданно поделился воспоминаниями Алексея Николаевича о пережитом им выходе сознания из тела, случившимся с ним при перебоях в полете самолета. Об этом случае Алексей Николаевич, естественно, в советское время, пропитанное идеологией материализма и борьбой с идеализмом, никогда не рассказывал в широком кругу. Но, по словам Асмолова, это событие привело А. Н. Леонтьева к отсутствию страха смерти. Множество ярких примеров необычных состояний сознания при космических полетах приводит летчик-космонавт С. В. Кричевский (Кричевский, 1996, 2012). Богатый феноменологический материал *case study* дают как экстремальные поведенческие ситуации, так и ситуации глубокой медитации (см.: Петренко, Кучеренко 2008). Исследования *case study* требуют разработки особой психологической методологии анализа единичных случаев, а также критериев достоверности уникальных разовых событий.

На мой взгляд, сейчас происходит смещение акцентов в познании с ориентации на «открытия» на ориентацию в интерпретации. Само понятие «открытие» основано на метафоре поиска чего-то уже существующего в мире. Христофор Колумб искал путь в Индию, а открыл Америку. Открытие, например, феномена «радиоактивности» или «сверхтекучести» — чрезвычайно редкие события. Самый известный и внесший, пожалуй, наибольший вклад в психологию и гуманитарную культуру психолог Зигмунд (Шломо — его еврейское имя, см.: Турецкий, 2006) Фрейд не открывал Америк, а описывал хорошо известные людям реальности секса, сновидений, работы памяти и человеческих отношений, давая им новые оригинальные интерпретации и толкования. Так и анализ единичных случаев — *case study* — требует их рассмотрения в более широких контекстах существования человека, где сами единичные

события трактуются как следствия функционирования более обобщенных и более высокого трансцендентального уровня моделей. Такие модели имеют множество гипотетических следствий, и верифицировать редкое событие становится возможным через верификацию всей целостной модели, подтверждение которой возможно через подтверждение ее иных, не относящихся прямо к case study, следствий.

Наконец, третьим аспектом психологической науки, необходимо требующим гипотетических построений и элемента фантазии, является прогнозирование развития человека, социума, цивилизации. Пётр Яковлевич Гальперин (Гальперин, 1976) упрекал современную психологию за то, что она исследует то, что есть на данный момент, и не пытается построить варианты развития. Созданная им теория поэтапного формирования была направлена на развитие и конструирование интеллекта учащегося, т. е. на построение того, чего нет в наличии на данный момент времени. В отличие от естественных наук, где ученый создает модели реальности и исходя из этих моделей конструирует новый технологический мир, гуманитарная наука (к которой естественным образом относится и психология) призвана не только анализировать настоящее состояние человека и общества, но и порождать новые смыслы, новые ценности и мотивы, задавая тем самым вектор развития человека и общества. В социологии существует понятие «самореализующихся прогнозов». И здесь, таким образом, неизбежно возникает задача гипотетического прогнозирования, которое невозможно без творческой фантазии.

Современная психология сосредоточила свои исследования в основном на психофизиологии, психологии личности или социальной психологии, ограничивая их миром человеческого бытия. Раздвигают эти рамки работы в области экологической психологии и зоопсихологии, рассматривающие психику в контексте биологической эволюции. Исследований психики в контексте глобальной космической эволюции исчезающе мало. Отчасти этот вектор представлен гуманитарно-антропологическими направлениями «философии жизни» в работах западных мыслителей, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, У. Джеймс, Г. Риккерт.

Мировая наука, оплодотворенная идеями «русского космизма» Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. Ф. Одоевского, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, развивала идеи трансформации человеческой цивилизации в контексте космической эволюции. В совре-

менной науке эта проблематика представлена в исследованиях Big History Д. Кристиана, Универсального эволюционизма И. С. Шкловского и Н. Н. Моисеева, мегаистории А. П. Назаретяна.

Глобальные модели присутствуют в работах таких родоначальников системного анализа, как Л. фон Берталанфи, В. И. Вернадский и А. А. Богданов. Естественно, такое интегральное мировоззрение требует и глобальной творческой фантазии. Так, например, идею Циолковского о переходе в будущем человечества в лучистую форму невозможно ни эмпирически проверить, ни теоретически доказать. Но подобные глобальные идеи открывают веер потенциальных возможностей развития, без целеобразующей функции которых корабль человеческой цивилизации не имеет направленности. О генералах, ориентированных только на опыт прошлого, говорят как о готовящихся к прошедшим войнам. Ученый, ориентированный только на принципы сегодняшней науки, обречен на догматизм и стагнацию своего творчества.

Великий физик Нильс Бор однажды заявил молодому коллеге на одном из научных семинаров: «Ваше теория, несомненно, безумная, но достаточно ли она безумна, чтобы быть верной?». Не забудем в этом контексте идею о самореализующихся прогнозах, когда самая безумная фантазия может оказаться руководством к действию.

После такого самооправдания собственной активности по осмыслению мало разработанной тематики, не слишком удовлетворяющей современным критериям научности, перейдем к собственно описанию неких феноменов на уровне личностного и коллективного бессознательного. Эти проявления затрагивают феномены различных психологических областей, но видятся мной взаимосвязанными. Начнем с проблематики обучения.

Мейнстрим западного стиля обучения представляется как передача знаний учащимся, где учитель только транслятор некоторых объективных данных и теорий. Появилось даже представление об обучении как об оказании «педагогических услуг». Методологически такой стиль базируется на представлении о передаче объективных, не зависимых от педагога, истин. Тем не менее, некоторый паллиатив такому подходу представляет теория личностного знания М. Полани (Полани, 1985). Личностное начало мировоззрения наиболее явственно высвечивается в патопсихологии и психотерапии (Зейгарник, 1986; Соколова, Николаева, 1995), в этнопсихологии (Мухина, 2001; Назаретян, 2014), но в целом плохо представлено в педагогике и психологии.

Условно, восточный стиль обучения — например, в буддизме — подразумевает глубоко личностные отношения ученика и учителя. Ученик может довольно долго выполнять хозяйственную работу, прислуживать учителю. Важно, что в таком общении происходит идентификация как с личностью непосредственного учителя, так и со всем коленом передачи знания и, особенно, с основателем учения. Как писал Н. А. Бердяев, невозможно изучить философию как некое позитивное знание. Например, нельзя изучить философию Гегеля, но можно научиться мыслить по-гегелевски. Мышление связано не только с рациональными, осознанными человеком понятиями, но и с индивидуальным (З. Фрейд) и коллективным (К. Юнг) бессознательным. И как по мелькнувшему в конце коридора плащу приятеля можно опознать его целостный образ, так и по пришедшим в «голову» ассоциации или образу сновидения можно актуализовать широкую семантическую область индивидуального или коллективного бессознательного, согласно голографической модели памяти К. Прибрама (Прибрам, 1975), когда ничтожный элемент голограммы (полученной наложением двух интерферирующих лазерных потоков) позволяет восстановить целостный образ, запечатленный в ней. Но целостный образ, восстановленный по малой части голограммы, будет гораздо меньшей интенсивности. Требуется лазерная подсветка достаточной интенсивности. Аналогично в разработанной сотрудником лаборатории «Психосемантика» В. В. Кучеренко психотехнике сенсомоторного психосинтеза, близкой к эриксоновскому гипнозу, из долговременной памяти человека, используя энергетику трансового состояния, можно извлечь практически неограниченное число воспоминаний. Например, в какую одежду он был одет в свои три годика, или что приготовила на обед его мама в день его рождения. Так, В. В. Кучеренко неоднократно получал благодарности от прокуратуры и следственного отдела РФ за помощь в актуализации памяти свидетелей происшествий. Например, он погружал во все более глубокий транс водителя грузовика, который вроде бы несколько месяцев тому назад наблюдал, как из машины, подъехавшей к лесу, вышли девушки в сопровождении мужчин. Позднее трупы девушек были найдены в лесу, и шофер стал, таким образом, свидетелем предыстории преступления. Детали этого случайного наблюдения он, естественно, не помнил. Но под воздействием гипнотизера, погружаясь во все более глубокий транс, он смог увидеть, как в замедленной съемке, медленно подъезжающую упомянутую машину и даже рассмотреть цифры номера, попавшие в его поле зрения.

По ним и удалось найти преступников. Как полагал А. Р. Лурия (Лурия, 1979, 2007), человек помнит практически все, с чем он сталкивался в своей жизни. Проблема заключается только в том, как извлечь эту информацию.

Тут следует сделать еще одну оговорку. Формулу для вычисления количества информации в случае различных вероятностей событий предложил К. Шеннон в 1948 г. Количество информации определяется по формуле:

$$I = - \sum_{i=1}^N P_i \cdot \log_2 P_i,$$

где I – количество информации; N – количество возможных событий; P_i – вероятность i -го события.

Эта формула работает только для целостности, доступной разложению на простой алфавит и декомпозицию, в первую очередь для вербального текста. Но как оценить информативность целостного образа? Ведь она зависит от внутренних эталонов субъекта восприятия.

Напомним исследование, описанное О. К. Тихомировым (1975) и заключавшееся в тахистоскопическом предъявлении шахматной позиции. Опытный гроссмейстер не мог вспомнить конкретное расположение фигур на шахматной доске, но уверенно сказал, что позиция – скажем, белых фигур – была выигрышной. Иначе говоря, опознание целостных образов зависит от внутренних эталонов респондента, и более опытный шахматист оперирует целостными образами, нуждаясь для принятия решения в формально меньшем количестве информации. Вслед за Л. С. Выготским мы развиваем положение о том, что человеческое сознание работает с дискретной, предметной (в основном кодированной языковыми значениями) информацией. Психология восприятия целостных образов нуждается в разработке, назовем условно (за неимением соответствующего термина), субъективной теории информации, где информативность предъявленного образа будет зависеть от обобщенности присущих субъекту целостных эталонов. Предъявление объекта, с которым субъект никогда не имел дело, даст нулевую информацию, как в тех примерах, когда индейцы не «видели» кораблей Колумба, приплывших в Америку и стоящих на рейде. Я интерпретирую этот феномен как то, что индейцы видели корабли, но не осознавали этого. В наших экспериментах запрет в гипнозе на какое-либо значение приводил к тому, что у испытуемого выпадал из поля восприятия целый класс объектов, семантически

связанных с «запрещенным» значением (см.: Петренко Кучеренко, 2008). Сходный пример находит Ю. М. Лотман, анализируя роман «Война и мир» Л. Н. Толстого: «...вместе с отходящей французской армией погибает Платон Каратаев. Пьер Безухов, вместе с ним совершающий этот трудный поход, перестает замечать своего друга. Даже момент, когда французский солдат убивает Платона Каратаева, Пьер видит/не видит — происходит расслоение психологического и физиологического зрения» (Лотман, 2000, с. 14). Как следует из этого примера, блокировка значений, ведущих к осознанию воспринятого, может быть обусловлена не только гипнотическим внушением, но и сильным аффективным переживанием.

Теория информации имеет дело с доступной сознанию предметной информацией, описываемой в пространстве Декарта, или, в более обобщенной форме, в псевдоевклидовом пространстве Минковского, предложенном в качестве геометрической интерпретации пространства-времени специальной теории относительности. Адекватной формой описания целостных состояний коллективно-бессознательного является гильбертово пространство (см.: Петренко, Супрун, 2013, 2014, 2015, 2016). Отношение сознания и бессознательно поэтически гениально выразил А. Блок в стихотворении «Художник» (Блок, 1960, с. 145–146), а обратил внимание на это почти научно-психологическое описание перехода мысленной интенции в слово Ю. М. Лотман (Лотман, 2000).

*В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнуть мою скуку смертельную,
Легкий, доселе не слышанный звон.*

*Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.*

<...>

*Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.*

*И наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом проклятие:
Творческий разум осилил — убил.*

*И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.*

Проблема соотношения бессознательного и сознания представит как отношение свободы, целостного состояния незаданности и многомерности бессознательного и четкой выверенности значений слов в рамках категориальных структур (клетки) применительно к сознанию.

Но не будем умалять роль сознания в явлении творчества миру. Процесс недоосознания, не доокольцевания птицы творчества выразил другой гений русской поэзии Осип Манделштам: «Но я забыл, что я хочу сказать, / И мысль бесплотная в чертог теней вернется».

Проблему приема и передачи целостных состояний на уровне бессознательного поставил еще Анри Бергсон (Бергсон, 1998) в своей гениальной книге «Творческая эволюция», где описал, как оса-наездник безошибочным уколом парализует гусеницу. Бергсон предположил, что оса безошибочно находит ганглии гусеницы не в результате научения (как позднее бихевиористы описывали формирование навыка путем «проб и ошибок»), а непосредственно ощущает ганглии гусеницы как бы в себе, средствами собственной психики. Такой механизм познания Анри Бергсон назвал творческой интуицией и полагал, что он присущ всем живым существам, поскольку они имеют общих генетических предков.

В современной психологии понятие интуиции имеет несколько иной смысл, связанный с выходом за рамки стереотипного мышления (см.: Пономарев, 1976). Предложенная же Бергсоном трактовка интуиции осталась практически не разработанной. Тем не менее, она явно присутствует в ситуации гипнотических сеансов.

Позволю себе еще один раз упомянуть случай гипно-терапевтического лечения, больной нервной анорексией и булимией (см.: Петренко, Кучеренко, 2008).

Пациентка Д. в молодости училась в балетной школе и, оставаясь изящной и стройной, имела, тем не менее, претензии к своей фигуре. Как выяснилось в ходе гипнотического сеанса, в далекой молодости пациентка Д. пережила психическую травму. Ее, тогда еще молодую девушку (почти девочку), застал ее партнер по балету за поеданием пирожных, которые им были строго запрещены. Партнер, которому в процессе танца надо было поднимать партнершу, назвал ее жирной коровой и дал подзатыльник. В результате этого происшествия молодая девушка пережила жестокий стресс, про-

явившийся, в частности, в невозможности получить удовольствие и насыщение от пищи (булимия). Желая снять последствия булимии у имеющей явный социальный запрет на насыщение, В. А. Кучеренко вводил пациентку в гипнозе в иные социальные ситуации, отличные от обычной жизни, в которых бы не действовали социальные запреты на получение удовольствия от пищи. Он то погружал ее в ситуацию римского пира, то в ситуацию русского барского застолья. Но все время находились какие-нибудь обстоятельства, не позволявшие пациентке вкушать удовольствие от пищи. Для невротика является типичным домыслить ситуацию в сновидениях или в гипнотическом видении так, что ситуация приводила бы к привычному неуспеху. Например, в воображении, катаясь на лыжах, он непременно врежется в дерево; будучи погружен в образ могучего животного, он непременно увидит себя с большой лапой или проплешинами на шкуре. В нашем случае, будучи помещенной в ситуацию охоты первобытного племени, завалившего мамонта, наша пациентка опять испытала неудачу. Кусок дымящейся, поджаренной на костре сочной «мамонтятины» у нее грубо отобрал внезапно появившийся амбал в звериной шкуре, и ей осталось только жалобно скулить от незаслуженной обиды. Пережить радость насыщения пациентке удалось только тогда, когда Кучеренко поместил ее в тело доисторического животного — птеродактиля. Она пережила ощущение радости свободного полета и чувство хищника, контролирующего свою территорию. Спланировав на своих перепончатых крыльях на какую-то гигантскую лягушку, она разорвала ее и впервые насытилась ее дымящейся плотью. Социальный тормоз был снят пребыванием в теле животного, лишённого человеческих норм и запретов, и пациентка наконец-то насладилась удовольствием вкушения пищи. С этого случая она пошла на поправку.

Но нас в данном случае интересует не психотерапия, а другой аспект исследования: откуда в психике современного человека содержится опыт ископаемого животного? Видимо, человек помнит не только свое личное бессознательное, не только коллективное бессознательное своего рода и вида, но и бессознательное предыдущих ступеней его эволюционного прошлого. Российский ученый Б. М. Величковский, известный специалист в области когнитивной психологии, многие годы возглавлявший Институт психологии Дрезденского университета и являющийся экспертом Комиссии Европейского Союза в области новых зарождающихся наук и технологий (New and Emerging Sciences and Technologies), менее всего ассоциирующийся с восторженным дилетантизмом, пишет: «На ранних

этапах эволюционного развития превалировал тот или иной тип внимания. Наиболее примитивной формой считается амбиентное (пространственное) внимание, которое, как известно из палеоневрологии, впервые возникло у древнейших рептилий, динозавров, и связано с локализацией объектов в пространстве. <...> Напрашивается вывод, что в организме человека есть потенциал восприятия, заложенный еще на заре эволюции» (Величковский, 2003, с. 89).

Не менее шокирующий опыт знания, полученный через какие-то иные источники, отличные от индивидуального обучения, дает гипнотическая практика. В разработанной Кучеренко программе лечения алкоголизма у пациентов вызывали не только страх перед употреблением алкоголя, но и давали множество положительных переживаний, чтобы поднять самооценку человека (Петренко, Кучеренко, Вяльба, 2006). Пациенты «летали в космос», «купались в волнах эфира» и т. п. Один из них сообщил, что, когда они «летали» в звездном небе, его удивил образ очень точечных, но ярких звезд. Действительно, при отсутствии земной атмосферы и, соответственно, воздушной дифракции звезды не воспринимаются такими несколько размытыми, как с позиции с Земли. Знать то, как они выглядят из космоса, наши пациенты вряд ли могли, хотя и не исключено, что они могли слышать это в какой-нибудь научно-популярной передаче. Но если данный факт исключается, то такие единичные случаи свидетельствуют о возможности получения знания с позиции, которую человек в своей жизни никогда не испытывал. Не этот ли феномен работает, когда никогда не сидевший в тюрьме Александр Галич в своих стихах предельно точно описывает безысходный трагизм переживаний заключенного или никогда не воевавший Владимир Высоцкий погружает слушателя своих военных песен в предельно уплотненную и готовую к взрыву эмоциональную атмосферу? Не присутствует ли в упомянутых феноменах единый механизм извлечения опыта из коллективного бессознательного?

Но вернемся к буддийской форме обучения «личностному знанию» через идентификацию с личностью учителя. В отечественной психологии сходный феномен влияния личности учителя на успехи ученика изучался В. А. Петровским (Петровский, 1985, 1992). В этих исследованиях учащиеся должны были решать задачи или сдавать экзамены, в которых оценивалась их успешность. При этом варьировались условия их экзаменования. В одном случае в комнате, где проводилось обследование, на стене висел портрет популярного у школьников педагога. В другом варианте в той же комнате висел

портрет «нелюбимого» учителя. Обе выборки учащихся — как попавшие в ситуацию с любимым, так и с нелюбимым учителем — были подобраны уравновешенными по уровню подготовки. Попавшие в ситуацию с ненавязчиво висевшим на стене портретом «любимого учителя» оказались гораздо более успешными, чем такие же школьники в ситуации с «нелюбимым». Петровский назвал этот феномен влияния образа значимого другого на успешность творческой деятельности феноменом «отраженной субъектности».

Результаты этого эксперимента могут иметь и более широкую сферу приложения. Следуя им, должны давать положительный эффект (и не только в образовании) портреты и фотографии значимых для нас людей, иконы святых. У меня дома висит репродукция любимой мной картины И. Н. Крамского «Христос в пустыне», где погруженный в глубокие раздумья Христос выступает философом, осмысляющим и принимающим на себя всю трагедию бытия. Эта картина является для меня камертоном, настраивающим на работу с духом и поднимающим сознание на высоты трансцендентального.

Но возникает вопрос: а только ли образы значимых других, с которыми мы имели счастье (или несчастье) встретиться в своей жизненной судьбе, могут оказывать влияние на наше состояние? Другая моя любимая картина — «Демон сидящий» М. А. Врубеля — изображает существо, имеющее литературный прототип в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» («Печальный демон, дух изгнания, / Витал над грешной землей...») или А. С. Пушкина («Дух отрицания, дух сомнения»), вообще не имеет денотата (в терминах У. О. Куайна) или референта (в терминах Ч. Огдена и А. А. Ричардса), но несет важный «личностный смысл» в подростковом возрасте, в период прохождения этапа самоутверждения и отрицания, примеривания к образу одинокой и непонятой «байронической личности». Важно то, что и созданные воображением персонажи или иные сущности, не имеющие материального воплощения («Рукописи не горят»), тем не менее, могут влиять на наше эмоциональное и духовное состояние. Образы значимых для нас людей, живописные портреты, литературные персонажи, с которыми мы хоть раз в жизни соприкоснулись, навсегда остаются в личностном, а то и в коллективном бессознательном. Согласно теоретической модели голографической памяти К. Прибрама (Прибрам, 1975), нейропсихологическим работам А. Р. Лурии (Лурия, 2003), сенсомоторным психологическим практикам В. В. Кучеренко, человек помнит практически все, с чем он сталкивался в жизни, и проблема только в том, чтобы извлечь эту информацию из бессознательного.

Извлечение информации из индивидуального или коллективного бессознательного имеет еще одну шокирующую специфику. Бессознательное, согласно развиваемому нами представлению (см.: Петренко, Супрун, 1995), в отличие от предметности сознания, не имеет пространственно-временных координат и описывается в гильбертовом пространстве, в отличие от пространства Минковского, специфического для сознания. Гильбертово пространство конституируется бесконечно мерными гармониками, имеющими волновую природу. Категории пространства и времени к ним и, соответственно, к гильбертову пространству неприменимы. Напомним, что еще Эммануил Кант рассматривал категории пространства и времени не как базовые онтологические характеристики бытия, а как «интуиции сознания», при том, что в классической философии интенциональность сознания, т. е. направленность его на предметность мира, рассматривается как важнейшая характеристика сознания. Предметность, в свою очередь, при категоризации предполагает временную и пространственную отнесенность. Для бессознательного же нет ни времени, ни пространства. В совместном творчестве психолога К. Юнга и физика Э. В. Паули в начале прошлого века проводилась идея об общности квантового мира и коллективного бессознательного и звучало предположение о том, что феномен синхронии, описанный Юнгом, имеет аналог в квантовой физике (Юнг, 1997; Линдорф, 2013; Pauli, Jung, 1955).

В ряде наших публикаций (Петренко, Супрун, 2013, 2014, 2015) обсуждается присущий квантовой физике феномен ЭПР, названный так по имени ученых, его сформулировавших (Эйнштейн, Подольский, Розен). Этот феномен был описан в дискуссии Альберта Эйнштейна и Нильса Бора как то, «чего быть не может», но последующие исследования подтвердили его существование. Суть его в следующем. Для того чтобы описывать объект до его восприятия и осознания субъектом результата измерения (согласно Гейзенбергу (Гейзенберг, 1989), квантовые характеристики элементарных частиц не существуют до процесса их измерения и возникают в ходе его), объект описывается как суперпозиция возможных состояний. Распад объекта приводит к образованию как минимум двух объектов с «перепутанными» (взаимосвязанными) состояниями, поскольку законы сохранения действуют таким образом, что сохраняется некая суммарная константа. Например, если распадается элементарная частица с измеренным нулевым спином, то образовавшиеся в ходе распада две частицы также должны иметь суммарный нулевой спин. Стоит наблюдателю по отношению к одной из частиц

произвольно выбрать конкретное направление и измерить вдоль него спин этой частицы, то «мгновенно» ему будет известен и противоположный по знаку спин его «близнеца» по прошедшему распаду, независимо от расстояния между ними. Сверхсветовые скорости передачи «информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний (Боумейстер и др., 2002). Эксперименты А. Аспекта (Aspect et al., 1982) и Дж. Белла (Bell, 1964) эмпирически подтвердили существование этого феномена «нелокальности» бытия квантового мира.

Все это позволило З. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной... Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем» (Пенроуз, 2003, с. 464). Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е. Н. Соколов (Соколов, 2010) был солидарен с идеей С. Хамерофф и Р. Пенроуза (Hameroff, Penrose, 1996) о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющих человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер.

Идея нелокальности бытия и феномен квантовой сцепленности (перепутанности) позволяет выдвинуть еще одну фундаментальную гипотезу. Как известно, история нашей Вселенной насчитывает порядка 13 миллиардов лет с начала так называемого Большого Взрыва, который представлял собой эволюцию материи и ее расширение из бесконечно малого объема. Солнечная система и сама наша Земля возникла порядка 6 миллиардов лет назад, и Солнце является вторичной звездой, возникшей в ходе космической эволюции. Первичные, более древние звезды, выгорая, коллапсируют и в результате внутренней гравитации сжимаются до чудовищной плотности при сверхвысоких температурах. Далее они взрываются, образуя так называемые Сверхновые. При этом возникают тяжелые элементы, которых нет на Солнце, — там только гелий и водород. В нашем же организме присутствуют металлы и иные тяжелые элементы, образовавшиеся при взрыве Сверхновых, которые были

доставлены в Солнечную систему метеорами и метеоритами. Перефразируя высказывание Тиля Уленшпигеля из романа Шарля де Костера, можно сказать, что «в нашем сердце стучит пепел погасших звезд».

Современная астрономия среди миллиардов звездных систем обнаружила уже сотни звездных систем, подобных Солнечной, на которых предположительно присутствует вода, необходимая для жизни биологически подобных земным живых существ. Кстати, по теории панспермии сама жизнь (в ее простейших формах) на Землю занесена из космоса и далее уже эволюционировала в земных условиях. Понятно, что временная фора в тысячелетия (мгновения по космическим масштабам) приводит к колоссальным различиям в развитии цивилизаций. (Если только они не самоуничтожаются на определенных стадиях развития, что может являться одной из объяснительных причин Великого звездного молчания Вселенной, по аналогии с героем романа Джека Лондона «Мартин Иден», утратившим мотивацию жить при реализации своих желаний. Как говорили древние: «Любовь и голод правят миром». А что будет мотивировать Человечество жить при удовлетворении базовых потребностей?)

Поиски собратьев по разуму посредством анализа возможных сигналов из космоса, на мой взгляд, являются экстраполяцией сегодняшней земной технологии на возможности опередивших нас в космической эволюции гипотетических разумных цивилизаций. Установление контакта (если он уже не существует на уровне, доступном человеческой психике) скорее может осуществиться по средству глубокой медитации или практики иных измененных состояний сознания. Ведь принципы нелокальности бытия и феномены ЭПР, демонстрирующие отсутствие категорий пространства и времени для квантовой физики, и психологические феномены синхронии, несводимые к отношениям детерминизма, демонстрирующие некие иные формы связности, открывают пусть гипотетическую, но потенциально возможную форму передачи даже не «информации» (в ее шенноновском варианте, связанной с декомпозицией целостного текста) и даже не «передачи» (требуется иное понятие), а некий синхронический мгновенный резонанс состояний, одной из форм которых являются психические состояния живых существ.

Подводя итог статьи, можно сделать несколько предварительных заключений.

Перспективной линией развития психологии является движение в сторону личностного и коллективного бессознательного, к кото-

рым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, включающих, как следствие, реализацию уникальных единичных случаев (case study).

Человеческое сознание имеет пространственно-временной, опосредованный системой значений (не только вербальных, но перцептивных эталонов) характер. Коллективное бессознательное имеет отличную от сознания природу (вне форм пространства и времени) и описывается на языке гильбертовых пространств. Имеется прямая аналогия методологии квантовой физики (включая такие феномены, как ЭПР, нелокальность бытия и его системная связность) и методологии бессознательного (включая феномены синхроничности, телепатии и предвидения).

Человечество (а значит, и психология как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации¹, включающей выход на «сингулярность» Р. Курцвейла или «вертикаль Снукса—Панова» (см.: Назаретян, 2014), связанные с переходом от чисто Земной эволюции к Космической, возможно, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

Литература

- Асмолов А. Г.* У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1997. № 7. С. 24–39.
- Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. А. Флеровой. М.: Канон-пресс—Кучково поле, 1998.
- Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.—Л., 1960.
- Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Величковский Б. М.* Успехи когнитивных наук: Технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. Scientific American. 2003б. № 12. С. 87–93.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Гейзенберг В.* Физика и философия: Часть и целое. М.: Наука, 1989.
- Зейгарник Б. В.* Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Кричевский С. В.* Необычные фантастические сновидения-состояния космонавтов в полетах на околоземной орбите: новый космический феномен // Сознание и физическая реальность. 1996. № 4 (1). С. 66–69.

1 См., напр.: Стратегическое общественное движение «Россия 2045» (www.2045.ru/articles/2987.html).

- Кричевский С. В.* Аэрокосмическая деятельность: Междисциплинарный анализ. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В.* Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
- Линдорф Д.* Юнг и Паули. М.: Касталия, 2013.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии: Учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2003.
- Мухина В. С.* Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4. С. 114–127.
- Назаретян А. П.* Нелинейное будущее: Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2014.
- Пенроуз Р.* Тени разума: В поисках науки о сознании. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
- Петренко В. Ф., Кучеренко В. В.* Медитация как форма непосредственного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83–101.
- Петренко В. Ф., Кучеренко В. В.* Судьба как цитата, жизнь как нарратив // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. С. 101–105.
- Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Вяльба А. П.* Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16–27.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69–87.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Человек в предметном и ментальном мире: Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2013. Т. 2. С. 62–82.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного – постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76–90.

- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношения человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2015. Т. 9. № 1. С. 99–123.
- Петренко В. Ф., Супун А. П.* Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 5–14.
- Петровский В. А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–30.
- Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности // Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Прибрам К.* Языки мозга / Под ред. и с предисл. А. Р. Лурии. М.: Прогресс, 1975.
- Соколов Е. Н.* Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ, 2010.
- Соколова Е. Т., Николаева В. В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR–Аргус, 1995.
- Тихомиров О. К.* Психологические исследования творческой деятельности. М.: Наука, 1975.
- Турецкий М. И.* Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 113–127.
- Юнг К. Г.* Синхронистичность: Сборник. М.–Киев: Рефлбук–Ваклер, 1997.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Aspect A., Grangier P., Roger G.* Experimental realization Einstein–Podolsky–Rosen–Bohm Gedankenexperiment: A new violation of Bell sinequalities // Physical Review Letters. 1982. V. 49. P. 1.
- Bell J. S.* On the Einstein–Podolsky–Rosen Paradox // Physics. 1964. V. 1. P. 3.
- Petrenko V. F., Suprun A. P.* Methodology of psychosemantics in the context of philosophy of postnonclassical rationality and quantum physics // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2015. V. 85 (5). P. 434–442.
- Hameroff S., Penrose R.* Orchestrated Objective Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: The “Orch OR” Model for Consciousness, 1996.
- Pauli W., Jung C. G.* The interpretation of nature and the psyche. N. Y.: Bollingen Series LI–Pantheon Books, 1955.

Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества

И. Н. Семенов

Введение

Обсуждение важной для прогресса психологии проблематики современного состояния и перспектив развития психологического знания целесообразно вести посредством изучения динамики его форм в процессе становления какой-либо области переднего края науки. Прогресс научного познания во многом выражается в поступательном развитии форм знания. Этим объясняется эпистемический интерес к изучению строения и эволюции форм знания в современной психологии. Наглядным примером тому служит генерация и взаимодействие форм знания в такой бурно развивающейся области человекознания, как формирующаяся на рубеже XX–XXI вв. рефлексивная гуманитаристика, в том числе рефлексивная психология, персонология, акмеология, педагогика творчества.

В соответствии с вышесказанным, вначале мы обсудим основные логико-методологические подходы к анализу соотношения форм и содержания научного знания применительно к психологии. Далее на фоне экспликации историко-научных предпосылок становления рефлексивной психологии проанализируем ее концептуальные основания и методологические средства теоретико-экспериментального изучения рефлексивных механизмов продуктивного мышления и креативной личности во взаимодействии с акмеологией, персонологией, педагогикой в целях разработки рефлетехнологий развития творчества и их внедрения в социальную практику модернизации образования и управления в современных социокультурных условиях. В заключение эпистемически выстроим и методологически обоснуем типологию форм психологического знания, верифицируемую на иллюстративном материале рефлексивной психологии творчества.

Историко-научные предпосылки эпистемического анализа форм психологического знания

Отправным пунктом изучения проблематики методологического строения и практического использования психологического знания служит кантовская антиномия формы и содержания. В 1960-е годы в отечественной философии эта антиномия была, например, конструктивно разыграна, во-первых, на материале категориального анализа научного мышления (Мамардашвили, 1968), в том числе с позиций зарождавшейся в Московском методологическом кружке (ММК) содержательно-генетической логики в оппозиции к традиционной логике – формальной и математической (А. А. Зиновьев). Во-вторых, эта антиномия прорабатывалась в методологическом варианте участниками ММК (Н. Г. Алексеев, В. М. Розин, В. Н. Садовский, В. С. Швырев и др.) во главе с его основателем Г. П. Щедровицким (Щедровицкий, Алексеев, Костеловский, 1960). Для развития – но и в отличие от – этих классических работ мы обратимся к использованию категориальной антиномии «форма – содержание» применительно к логико-методологическому анализу психологического знания с позиций постнеклассической рефлексивной психологии творчества (Семенов, 1982, 1990а, 1992, 2009б, 2010, 2013б), где изучаются рефлексивные формы научного мышления (Семенов, 1972, 2015а; Семенов, Степанов, 1983) в человекознании.

Это инновационное направление современного человекознания (Семенов, 1990а, 2015в) начало создаваться нами на рубеже 1960–1970-х годов на перекрестке взаимодействия научных школ Г. П. Щедровицкого, Н. Г. Алексеева, Э. Г. Юдина в методологии, А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского в истории и науковедении, П. Я. Гальперина и Я. А. Пономарева в психологии, а ныне в XXI в. развивается в контексте взаимодействия школ А. А. Деркача и А. А. Бодалева в акмеологии, В. А. Петровского и Е. Б. Старовойтенко в персонологии, Н. Ф. Талызиной, А. М. Матюшкина, В. Д. Шадрикова в педагогической психологии и педагогике (см. подробнее: Семенов, 2014). С учетом достижений этих научных школ, нами – в плане изучения содержания эвристической мыслительной деятельности – разрабатывались и экспериментально верифицировались в конце XX в. методы категориально-нормативного анализа творческого мышления на материале формирования решения задач «на соображение» (Семенов, 1977, 1979, 1982). Это послужило методологическим базисом для системно-психологического исследования рефлексивной регуляции творческого мышления и принятия

решений (Семенов, 1990а, 2014). Результаты данных системных исследований эпистемологически фиксировались в соответствующих формах психологического знания (Семенов, 1982, 2000). Другим современным прецедентом изучения в начале XXI в. содержания мыслительной деятельности явилась системно-психологическая разработка (Костюков, Семенов, 2014) ориентировочной основы для формирования – в русле концепции ориентировки П. Я. Гальперина (Семенов, 2017) – у студентов и начинающих врачей различных форм медицинских знаний и компетенций для психолого-педагогического обеспечения модернизации их профессионального образования системно-развивающими методами.

Категориальное содержание психологического знания задается онтологией психического (Семенов, 2009в), реализуемой на практике предметной совокупностью разнообразных профессиональных деятельностей современного психолога, а функциональные формы этого знания определяются местом психологии (как ядра человекознания) в системе наук и характером ее междисциплинарного взаимодействия с такими их основными типами, как науки естественные, технические, социальные, гуманитарные. Это ядерное место психологии в системе наук было определено Б. М. Кедровым и поддержано Ж. Пиаже в его пленарной вечерней лекции на 18-м психологическом конгрессе, состоявшемся в 1966 г. в Москве (мне довелось тогда в МГУ слушать и обсуждать этот доклад Ж. Пиаже вместе с Г. П. Щедровицким с логико-философских позиций его социотехнической теории деятельности, так как я был в то время участником его логико-методологического кружка). Несмотря на прогресс психологии (Журавлев, Марцинковская, Юревич, 2009; Семенов, 2009б), это введенное Б. М. Кедровым в 1960-е годы методологическое различие взаимодействия психологии со смежными науками в целом справедливо донныне, поскольку указанные типы наук задают основные методологические ориентации (Алексеев, Семенов, 1978), присущие современному знанию, в том числе в рефлексивной психологии творчества (Семенов, Степанов, 1990).

Изучая философские корни психологии, С. Л. Рубинштейн в 1959 г. эксплицировал теоретические принципы и наметил пути развития классической психологии середины XX в. (см. о нем: Семенов, 2013а, с. 21–29; Semenov, 1989). Применительно к современной психологии рубежа XX–XXI вв. ее теоретические основы обобщили А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский (Петровский, Ярошевский, 1998), – прежде всего в виде базовых категорий психологической науки. Они разрабатывались в советской психоло-

гии с позиций марксистской философии с учетом прогресса психологического знания (Журавлев, Марцинковская, Юревич, 2009; Семенов, 2009б).

Обсуждая в конце XX в. теоретико-методологические проблемы развития психологической науки и следуя ее естественно-научной ориентации, заложенной Г. И. Челпановым, Б. Г. Ананьевым, А. Р. Лурией и Б. М. Тепловым, Б. Ф. Ломов организовал в ИП АН СССР изучение структуры психологического познания (Пономарев, 1983), его принципов и законов (Ломов, 1984) на базе системной методологии построения современного человекознания (П. К. Анохин, Л. М. Веккер, В. П. Кузьмин, В. Н. Пушкин, В. Н. Садовский, И. Т. Фролов, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин) с учетом достижений общей психологии (Ломов, Филиппова, 1990) и ее специальных областей, в том числе дифференциальной и рефлексивной психологии творчества (Пономарев, Семенов, Степанов, 1988, 1990). Поскольку рефлексивно-психологическая проблематика творчества разрабатывается ныне в основном в нашей научной школе (Семенов, 1990а, 1992, 2000, 2010, 2013б, 2014), то обратимся к обобщению ее достижений в изучении рефлексивности творческого мышления и креативной личности — как к той разноплановой эмпирии, на науковедческом материале которой будут иллюстрироваться методологические положения об эксплицируемых эпистемологических формах современного психологического знания.

Актуальность изучения рефлексивной психологии творчества в современном человекознании

В современных научных школах и направлениях психологии творчества исследуются различные аспекты развития способностей человека, продуктивности мышления, креативности личности, рефлексивности, индивидуальности и т. п. Важность психологического изучения рефлексии подчеркивали как классики человекознания (Б. Г. Ананьев, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Г. П. Щедровицкий, М. Г. Ярошевский и др.), так и современные исследователи фундаментальных проблем психологической науки (Н. Г. Алексеев, В. В. Давыдов, А. В. Карпов, И. С. Ладенко, В. Е. Лепский, В. А. Лефевр, В. А. Петровский, А. Н. Подъяков, В. И. Слободчиков, Е. Б. Старовойтенко, Д. В. Ушаков, В. Д. Шадриков, А. В. Юревич и др.).

Актуальность этих исследований мышления, рефлексии, творчества определяется тем, что конструктивное осуществление со-

циальных преобразований общества и внедрение инноваций в социальную практику предполагает ассимиляцию форм знания и научных достижений в области изучения психологии, персонологии, конфликтологии, акмеологии и педагогики творчества в целях конструктивной организации инновационной деятельности в сфере науки, техники, экономики, управления, образования. Рассмотрим психологические проблемы научного изучения и рефлексивного развития продуктивного мышления и креативности личности на материале такого интенсивно развивающегося инновационного направления в современном человекознании, как постнеклассическая рефлексивно-гуманитарная психология творчества (Семенов, 1990а, 1992, 2010, 2012).

Один из таких подходов в современной психологии мышления и творчества связан с разработкой системно-деятельностных представлений о ментальности и рефлексии в качестве методологических средств психологического изучения организации творческого мышления (Семенов, 1976, 1982, 2014). Согласно нашей концепции, процесс мышления осуществляется на взаимодействующих уровнях (операциональном, предметном, рефлексивном, личностном, коммуникативном), которые являются компонентами структуры мыслительной деятельности. Ее системообразующим фактором является рефлексия, которая доминирует в этой структуре по отношению к другим уровням, регулируя их сбалансированное взаимодействие.

Ведущая роль рефлексии в психологическом механизме творческого мышления проявляется также в ее интенсификации перед инсайтом. Концептуальное обобщение результатов подобных исследований привело к выделению рефлексии — как самостоятельной, но мало изученной в середине XX в. психологической реальности — в качестве специфического предмета (отличного от мышления и сознания) изучения, нуждающегося в специальном теоретико-экспериментальном исследовании и его историко-методологическом обосновании. Конструктивность взаимосвязи истории и методологии как предпосылка эффективности теоретико-экспериментальных исследований подчеркивается в современной психологической науке рядом ее теоретиков (К. А. Абульханова, Н. Г. Алексеев, А. Н. Ждан, А. В. Журавлев, В. П. Зинченко, В. А. Кольцова, Б. Ф. Ломов, Я. А. Пономарев, А. В. Юревич, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский и др.), поскольку эта связь является важным рефлексивным фактором генерации и регуляции научного творчества.

Историко-научные предпосылки рефлексивной психологии

Обоснование построения рефлексивной психологии потребовало разработки его методологических средств, а также соответствующих историко-научных изысканий по экспликации философских корней научно-психологического изучения рефлексии и фиксации его результатов в различных эпистемологических формах психологического знания. В связи с этим мы обратились к анализу классических трудов по философии, методологии и психологии рефлексии, ассимиляция идей которых составляет онтологический базис изучения рефлексивности психики человека как субъекта саморазвития и деятельности, мышления и творчества, личности и индивидуальности, а также социальных взаимодействий (Семенов, 2009в).

В связи с этим нами был проведен ряд историко-научных исследований: согласно советам П. Я. Гальперина, Я. А. Пономарева, М. Г. Ярошевского, — по изучению логики развития психологии продуктивного мышления (Семенов, 1971); согласно советам Н. Г. Алексеева, Г. П. Щедровицкого и Э. Г. Юдина — по системно-деятельностному анализу достижений Вюрцбургской школы и гештальтизма (Семенов, 1972, 1976), согласно советам К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского — по характеристике воззрений С. Л. Рубинштейна на рефлексия (Seменов, 1989). Все это послужило существенным историко-научным обоснованием для разработки концептуально-методологических средств психологического изучения рефлексии и прообразом реконструкции логики развития системно-деятельностной методологии (Семенов, 1982, 2014) и рефлексивной психологии мышления (Семенов, 1990а, 2000, 2013б), а также способствовало привлечению внимания исследователей переднего края науки к проблематике рефлексии (Семенов, 1972, 1973; Семенов, Степанов, 1983) как к малоизученной — в середине XX в. — психологической реальности.

С учетом активизации моего интереса к рефлексии директор ИП АН СССР А. В. Брушлинский заказал мне для «Психологического журнала» развернутую концептуально-аналитическую рецензию (Семенов, 1989б) на капитальный труд немецкого психолога Вольфгарта Маттеуса (Matthaus, 1988) о советской психологии мышления. На фоне науковедческого анализа ее эволюции, В. Маттеус презентировал и обобщил достижения основных научных школ советской психологии мышления: Б. Г. Анаьньева и Л. М. Веккера, Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина и В. В. Давыдова, С. Л. Рубинштейна и Л. И. Анцыферовой, К. А. Абульха-

новой и А. В. Брушлинского, А. М. Матюшкина и В. Н. Пушкина, Н. Г. Алексеева и Г. П. Щедровицкого, Б. Ф. Ломова и В. Д. Шадрикова, Я. А. Пономарева и Д. Н. Богоявленской, О. К. Тихомирова и М. Г. Ярошевского, и др. (Matthaus, 1988, р. 342–386, 444–451; и др.). При этом, в частности, были также проанализированы наши системно-психологические эксперименты с рефлексивным мышлением, его структурно-уровневая модель и системно-функциональные методы ее верификации как концептуально-методические основания для психолого-педагогического формирования способов решения творческих задач (Семенов, 1977, 1979; Ладенко, Семенов, Степанов, 1990).

В современной науке достижения рефлексивной психологии творческого мышления вызывают интерес не только у В. Маттеуса, но также у ряда отечественных ученых (К. А. Абульханова, Н. Г. Алексеев, И. А. Васильев, А. А. Деркач, И. В. Дубровина, В. П. Зинченко, А. В. Карпов, В. Е. Лепский, Н. И. Непомнящая, А. Н. Поддьяков, Я. А. Пономарев, В. М. Розин, Э. В. Сайко, В. Ф. Спиридонов, О. К. Тихомиров, Д. В. Ушаков, В. Д. Шадриков, В. С. Швырев, Э. Г. Юдин, А. В. Юревич и др.). Охарактеризуем подробнее логику развития фундаментальных и прикладных исследований продуктивного мышления и креативной личности с концептуально-методологических позиций рефлексивной психологии, персонологии, акмеологии, педагогики творчества.

Рефлексивная психология в контексте проблематики творчества

Творчество, созидание инноваций в социальной практике и оригинальных произведений науки и искусства, является чрезвычайно востребованным в современном социуме и современной культуре. Эффективность использования продуктов творческой деятельности на практике во многом определяется результатами научно-психологического изучения закономерностей генерирования инноваций и их прикладного освоения. В современной психологии творчество изучается в различных аспектах. Они конструктивно разработаны в ряде фундаментальных концепций: сознания и личности К. А. Абульхановой, одаренности и креативности Д. Б. Богоявленской, когнитивного стиля и способностей Г. А. Берулавы, акмеологии и профессионализма А. А. Деркача, творения и развития Я. А. Пономарева, культурных и психологических функций творческого мышления Е. Б. Старовойтенко, одаренности и практического мышления Б. М. Теплова, эвристики и компьютеризации мысли-

тельной деятельности О. К. Тихомирова, способностей в структуре ментального развития и внутренней жизни человека В. Д. Шадрикова, психосоциальности творческой деятельности в науке и организациях М. Г. Ярошевского и др.

Наряду с этим, сравнительно недавно стали изучаться нами с коллегами (В. Г. Аникина, И. М. Войтик, Г. И. Давыдова, В. К. Зарецкий, М. И. Найденев, П. А. Оржековский, А. В. Советов, С. Ю. Степанов, А. Б. Холмогорова и др.) рефлексивный и акмеологический аспекты творчества в концепциях: рефлексивной организации продуктивного мышления, игрорефлексивности развития творческого потенциала личности, а также формирования профессионально-творческой культуры и организации рефлексивной практики психоконсалтинга, развития рефлексивной компетентности и рефлексивной акмеологии творческой индивидуальности. Развитие корпуса теоретических, экспериментальных и прикладных исследований привело в конце XX в. к образованию таких новых – собственно, рефлексивных – областей человекознания, как рефлексивная психология, рефлексивная акмеология, рефлексивная персонология и рефлексивная педагогика, тесно взаимодействующих в изучении и развитии творчества. Рассмотрим кратко концептуалистику, экспериментатику, психотехнологии развития творчества и опыт их использования в социальной практике образования и управления на основе достижений рефлексивно-гуманитарной психологии.

Теоретические основы рефлексивной психологии творчества

С точки зрения развиваемой нами научной школы рефлексивной психологии (Семенов, 1992, 2010, 2012), процесс творческого мышления разворачивается в проблемно-конфликтных ситуациях, связанных с противоречиями не только объективно-содержательного, но и субъектно-смыслового характера. Тем самым пробы и ошибки, познавательные барьеры, инсайты и другие феномены творческого мышления определяются единством интеллектуально-познавательных, личностно-рефлексивных, коммуникативно-социокультурных моментов мыслительного поиска. Решая творческую задачу, субъект не только разрешает ее проблемность, но и борется с возникшими в процессе поиска предметными сложностями, содержательными противоречиями, внутриличностными и межличностными конфликтами, преодоление которых требует мобилизации усилий, что переживается личностью в случае продуктивного успеха как вдохновение и творческое открытие.

Согласно рефлексивно-психологической концепции (Семенов, 1976, 1982), сложная организованность творческого мышления проявляется в его дифференциации на различные функциональные уровни: 1) коммуникативно-кооперативный; 2) личностно-рефлексивный; 3) интеллектуально-рефлексивный; 4) предметно-содержательный; 5) операционально-содержательный. В своей совокупности эти уровни образуют систему структурных компонентов когнитивной организации продуктивного мышления. При этом рефлексия как системообразующий фактор творческого мышления обеспечивает не только его смысловую организацию и рефлексивную саморегуляцию, но и самореализацию и саморазвитие личности в конкретных условиях микроразвития мышления в процессе разрешения проблемно-конфликтной ситуации поиска ответа на вопрос задачи. Если нахождение решения является прямым (очевидным, явным) результатом указанного микроразвития мышления и его субъекта в процессе познавательного поиска, то его скрытым результатом (побочным, отдаленным) является саморазвитие личности в той мере, в какой проявляемые ею при этом самомотивация и самоорганизация нуждаются в рефлексии, осмыслении как открытое и добытое субъектом индивидуальное достояние своего личного экзистенциально-мыслительного опыта, определяющее потребность в самосовершенствовании человеком своего Я. Подробнее разработанные нами теоретические основы рефлексивной психологии творчества представлены и обоснованы в ряде трудов (Семенов, 1990, 2000, 2013б, 2014), явившихся как методологической базой экспериментальных исследований рефлексии, так и концептуальным обобщением их результатов.

Экспериментатика рефлексивной психологии творческого мышления

В целях экспериментального изучения продуктивности и рефлексивности мышления нами были разработаны реализующие эту концепцию методы: нормативно-деятельностного анализа типологии творческих задач, категориально-нормативного анализа способов их решения, структурно-функционального анализа творческого поиска на материале такой эмпирии, как процесс дискурсивного мышления при решении задач «на сообразительность» (Семенов, 1973, 1977, 1982). С помощью этих методов экспериментально было установлено, что, во-первых, рефлексия доминирует в структуре мышления, обеспечивая его самоорганизацию, во-вторых, она

интенсифицируется перед инсайтом, обеспечивая продуктивность творческого мышления, в-третьих, в зависимости от характера микроразвития мышления, раскрывшиеся у субъекта качества мыслительного процесса закрепляются в виде свойств личности вплоть до формирования креативно-рефлексивных способностей (Семенов, 1976, 1990а). (Отметим, что в современной психологии начала XXI в. рефлексивные способности стали интенсивно исследоваться в научных школах Н. Г. Алексева, А. В. Карпова, Н. И. Непомнящей, И. Н. Семенова, С. Ю. Степанова, В. Д. Шадрикова.)

Если в случае поиска решения задачи микроразвитие представляет собой функционалгенез психических процессов (т. е. проявление, возникновение и динамику осуществления в данной ситуации поиска), а при неоднократном решении серии подобных задач – актуалгенез (т. е. формирование и активизацию соответствующих качеств мышления и личности), то при систематическом обращении к творческим задачам в течение длительного времени их постоянное решение начинает выступать определенным фактором онтогенеза (т. е. становления и развития) умственных и творческих способностей. При этом результатом рефлексии, переосмысления проблемно-конфликтной ситуации является не только смысловое обеспечение интеллектуально-познавательного процесса путем его рефлексивной регуляции, но и кристаллизация итогов самомобилизации и самоорганизации в виде специфических личностных содержаний, а именно – вновь возникших в проблемно-конфликтной ситуации, но довольно устойчивых образов целостного Я.

Результаты ряда экспериментов (осуществленных нами совместно с В. Г. Аникиной, И. М. Войтик, Г. И. Давыдовой, М. Ю. Двоглазовой, В. К. Зарецким, Н. Б. Ковалевой, С. В. Кузнецовым, О. И. Лаптевой, А. В. Лосевым, М. И. Найденовым, К. С. Серегиним, А. В. Советовым, С. Ю. Степановым, А. Б. Холмогоровой и др.) по изучению особенностей актуалгенеза, патогенеза и активизации рефлексивных механизмов творческого мышления, позволили провести формирование его приемов именно через культивирование всех открытых нами (Семенов, 1992, 2000) типов рефлексии – интеллектуальной, личностной, диалогической, коммуникативной, кооперативной, экзистенциальной, культуральной, духовной – как механизмов, обеспечивающих переосмысление содержательных и логических противоречий, внутриличностных и межличностных конфликтов, возникающих в процессе мыслительного поиска при индивидуальном, парном и групповом решении нестандартных задач «на соображение». Тем самым была показана конструк-

тивная возможность актуалгенеза интеллектуальных и личностных качеств как своеобразных точек роста способностей в проблемно-конфликтных ситуациях и развитии в них самосознания личности путем рефлексивной перестройки ею образов своего Я.

Обобщение и концептуализация этой экспериментатики позволила нам со С. Ю. Степановым теоретически построить так называемую «кристаллическую» модель (Пономарев, Семенов, Степанов, 1990) развития творческого мышления и личности в проблемно-конфликтных ситуациях и экспериментально верифицировать ее применительно к изучению рефлексивной компетентности как в групповом творчестве (Растянников, Степанов, Ушаков, 2001), так и в инновационном управлении (Деркач, Семенов, Степанов, 1998) для развития рефлексивной культуры личности.

Модификация этой концептуальной модели обеспечила психолого-акмеологическое изучение и развитие как рефлексивно-творческой культуры современных управленцев (Деркач, Семенов, Степанов, 1998), а также диагностику и формирование экзистенциальной рефлексии личности и ее рефлексивно-творческого потенциала (Алюшина, Репецкий, Семенов, 2000; Семенов, 2009а).

Еще одно направление рефлексивной психологии и акмеологии связано с изучением и активизацией самооценки учащихся, а также их личностного и профессионального самоопределения на основе рефлексивно-экзистенциальной модели личности (Давыдова, Семенов, 2006). С этой целью были также ассимилированы и модифицированы (Алюшина, Репецкий, Семенов, 2000) методические средства психологии смысла Д. А. Леонтьева, оригинальное развитие которых позволило провести диагностику и активизацию посредством игрорефлексии (Семенов, 1989а) самоопределения школьников и студентов, успешных управленцев в сравнении с неуспешными менеджерами.

В дальнейшем на основе разработанных нами рефлексивно-идеографических методов было проведено специальное акмеолого-психологическое исследование (Балаева, Семенов, 2004) продуктивности и рефлексивной обусловленности индивидуального творчества выдающегося отечественного ученого-психофизиолога и философа-акмеолога начала XX в. Н. Я. Пэрны. Он являлся автором оригинальной – по сути, психолого-акмеологической – концепции ритмического развития научного и художественного творчества. Тем самым был совершен переход от экспериментально-лабораторного исследования механизмов рефлексивной самоорганизации творческого мышления (Семенов, 1976, 1990а) к рефлексивно-идео-

графическому изучению индивидуальности ученого-творца (Деркач, Семенов, Балаева, 2005). В перспективе это открывает новые горизонты гуманитарно-психологического изучения и развития творчества как органичного и целостного социокультурного феномена, а также создает конструктивные предпосылки для рефлексивно-акмеологического развития разработанных нами ранее инновационно-педагогических рефлетехнологий (Байер и др., 1997) развития творчества в социальной практике управления (Бершацкий, Семенов, 2003; Семенов, 2016) и образования.

Рефлексивная типология психолого-педагогических воздействий на развитие творчества

В определенном смысле педагогика являет собой сферу социальной практики, призванной, приобщая человека к современному уровню культуры, обеспечить ее прогрессивное развитие в результате раскрытия индивидуального творческого потенциала личности. Эта сложнейшая, диалектически противоречивая задача — приобщения к традициям и одновременного их инновационного преодоления посредством развития творчества — решается в инновационном образовании (Семенов, 2013) путем различных психолого-педагогических воздействий на учащихся. В зависимости от характера этих воздействий педагогика дифференцируется нами на активизирующую, регулирующую, проектирующую и корректирующую развитие творчества.

В последнем случае корректирующая педагогика подходит к развитию творчества, основываясь на коррекции ситуативно обнаружившихся у субъекта творчества сбоев в процессах его самосознания, деятельности, поведения, общения. Причем каждый из этих процессов рассматривается как уже сложившаяся характерная черта личности, выражающая ее индивидуальный стиль.

В отличие от ситуативной коррекции, регулятивная педагогика обеспечивает слежение и контроль за текущим состоянием учащихся и процессами творческого развития, а также осуществляет управление ими как бы сверху, исходя из общего наблюдения, и откликается директивными воздействиями, существенно регламентирующими условия творчества (например, инструкциями и мероприятиями по развитию в школах балетного и технического творчества учащихся).

В противоположность такому массовидному социопедагогическому подходу к творчеству в целях «следающего» управления креативным процессом, проективная педагогика стремится определить

программу развития творчества, воздействуя как на его изначальное раскрытие, так и на постоянное совершенствование, например, в условиях спецшкол (физико-математических, изобразительного искусства и т. п.), где одаренные дети обучаются по специальным программам развития их способностей.

Однако, пожалуй, наиболее трудными практическими задачами педагогики являются пробуждение в человеке его творческих возможностей, формирование субъектности его Я как созидающего начала в целях развития рефлексивно-креативного потенциала и активизация творческих усилий личности. Поэтому воздействия активизирующей педагогики творчества направлены на развитие учащегося как бы изнутри, на активизацию творчества в его процессуальности, что и служит выражением универсальности и всеобщности творчества как одной из наиболее развитых форм человеческого бытия. Именно на активизацию творчества фактически направлены все психолого-педагогические методы, развивающие его индивидуальные и групповые формы, а именно – различного рода психо-, акме- и социотренинги игрорефлексивки и психотехнологии рефлепрактики.

Обозначенная типология рефлексивной педагогики творчества строилась нами на основе того или иного характера психолого-педагогических воздействий. В зависимости же от объекта воздействия современная педагогика культивирует такие формы, как «аутопедагогика», «диалого-педагогика», «полилого-педагогика», «группо-педагогика», «социо-педагогика», «культур-педагогика», «компьютер-педагогика» и «информ-педагогика».

С учетом проведенной нами рефлексивно-психологической дифференциации различных типов психолого-педагогических воздействий на творчество, рассмотрим практику применения рефлексивной психологии в психолого-педагогических и психолого-акмеологических исследованиях развития творческих возможностей учащихся (детей и взрослых) в среднем, высшем, дополнительном и последипломном профессиональном образовании, а также в современном управлении.

Прикладное использование рефлексивной психологии творчества в образовании и управлении

Рассмотренные философско-методологические основы, теоретические принципы рефлексивного подхода к творчеству, концептуально-психологические модели его рефлексивных механизмов,

психолого-педагогические технологии развития креативности позволили разработать методические средства обеспечения саморегуляции творческого мышления, самоорганизации инновационно-профессиональной деятельности, активизации личностного роста ее субъектов и оптимизации их продуктивных взаимодействий при совместном принятии решений. Эти конструктивные принципы, модели, средства и технологии рефлексивной психологии, персонологии, акмеологии и педагогики творчества были эффективно реализованы в социальной практике современного образования и управления (Болховитина, Семенов, 2002; Абульханова и др., 2006; Семенов, 2013б, 2016).

Так, на основе модели рефлексивной регуляции мышления (Семенов, 1976) и ее дидактической модификации П. А. Оржековским в его докторской диссертации были изучены механизмы решения творческих задач по химии, разработаны рефлексивно-дидактические принципы обучения школьным предметам, реализованные в практике среднего образования, и построены экспериментальные учебники и пособия по химии, в структуру которых включены рефлексивно-диалогические компоненты. Эти достижения рефлексивно-деятельностной педагогики представлены и обобщены в специальной работе (Оржековский, Семенов, 2011, с. 135–145).

Исходя из психолого-педагогической модификации этой же модели, нами с С. В. Дмитриевым и С. В. Кузнецовым были разработаны рефлексивно-психологические и психосемантические принципы оптимизации решения двигательнo-творческих задач и построены рефлексивно-дидактические методы модернизации обучения школьников и студентов-физкультурников. С учетом этого нами с А. И. Анохиным и В. В. Каштановым разработаны рефлексивно-организационные психотехнологии управления развитием системы среднего специального военно-профессионального и спортивно-технического образования юношества в системе ДОСААФ-РОСТО.

На основе этой же модели нами (с Н. Г. Алексеевым, В. К. Зарецким, Н. Б. Ковалевой) велось рефлексивно-психологическое изучение механизмов продуктивности принятия решения и построение методических средств его оптимизации (с А. В. Лосевым, А. В. Советовым, С. Ю. Степановым) в практике управления персоналом — как в частном секторе, так и в системе государственной службы, а также в бизнес-образовании.

На базе построенной нами с С. Ю. Степановым «кристаллической модели» рефлексивно-инновационного развития мышления и лич-

ности в проблемно-конфликтных ситуациях (Пономарев, Семенов, Степанов, 1990) велось изучение экзистенциально-рефлексивных особенностей творческого мышления (Аникина, Коваль, Семенов, 2000) и развития рефлексивной компетентности при групповом решении творческих проблем, а также (с И. В. Байер, Г. Н. Бершацким, В. М. Дюковым, О. А. Полищук) строились и применялись на практике рефлетехнологии ее развития у управленцев в системе госслужбы, бизнес-консалтинга и бизнес-образования (Лосев, Семенов, 1994; Васютин, Семенов, 2000; Семенов, 2016).

Исходя из психолого-педагогической модификации указанных концептуальных моделей, нами (с В. Г. Аникиной, Л. В. Григоровской, В. К. Зарецким, А. В. Лосевым, С. Ю. Степановым) велось изучение рефлексивных механизмов продуктивного мышления и формирования способов решения творческих задач, а также (с Т. Г. Болдиной, Г. И. Давыдовой, Д. А. Кузнецовой, И. А. Савенковой) развитие креативности личности различных категорий учащихся (школьников, студентов, слушателей). При этом строились рефлетехнологии активизации их творческих возможностей в условиях дополнительно-досугового и дополнительно-профессионального образования, а также происходили проектирование и организация (с И. В. Байер, Г. Н. Бершацким, Р. Н. Васютиным, Н. Б. Ковалевой, Л. А. Найденовой, М. И. Найденовым, С. Ю. Степановым и др.) деловых и организационных игр, проводимых средствами игрорефлексии (Семенов, 1989а) и рефлепрактики, что способствовало развитию человеческого капитала. Онтогенетической предпосылкой его формирования является исследование связи рефлексивного и понятийного мышления в процессе когнитивного развития субъекта.

Исследование связи рефлексии и понятийного мышления в когнитивном развитии субъекта

Изучаемое в научной школе А. В. Брушлинского с позиций субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский) когнитивное развитие исследуется в разных аспектах: от системно-перцептивного (В. А. Барабанщиков) и континуально-генетического (В. В. Знаков) до морально-нравственного (М. И. Воловикова) и системно-субъектного (Д. Н. Завалишина, Е. А. Сергиенко). Наряду с этим, важным аспектом когнитивного развития субъекта является формирование его мышления и рефлексии. Роль интеллектуальных процессов (мышления, воображения, понимания, рефлексии) в умственном и творческом

развитии человека всесторонне исследовалась А. В. Брушлинским и его последователями (В. В. Знаков, В. В. Селиванов, Е. А. Сергиенко и др.). Поэтому остановимся на теоретико-экспериментальном исследовании роли взаимодействия рефлексии и мышления в когнитивном развитии субъекта.

Проведенный анализ трудов основоположника субъектного подхода С. Л. Рубинштейна показал (Semenov, 1989), что он придавал важное значение рефлексии для продуктивности процесса мышления (видя ее роль в освобождении субъекта от «поглощенности жизнедеятельностью») и онтологически рассматривал ее в более широком, чем интеллектуальный план деятельности, субъектно-личностном контексте бытия человека в мире. При этом С. Л. Рубинштейн трактовал рефлексию как «нравственные чувства» субъекта, осуществляющего предметную деятельность в обществе и свое собственно человеческое бытие в мире. На изучение морально-нравственной проблематики мышления и самосознания личности с позиций психологии субъекта были направлены труды К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. В. Знакова и др. В связи с этим интерес представляет изучение такого важного аспекта когнитивного развития субъекта, как взаимодействие понятийного мышления и рефлексии на материале моральных рассуждений в проблемно-конфликтных ситуациях.

Важная роль рефлексии в когнитивном развитии отмечалась рядом психологов (Д. Дьюи, А. Бузман, Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. В. Давыдов, Я. А. Пономарев, В. Д. Шадриков и др.). Как когнитивный механизм, рефлексия изучалась в различных видах мышления: наглядно-действенном (Н. Д. Гордеева, В. П. Зинченко, С. В. Дмитриев, С. В. Кузнецов, И. Н. Семенов), вербально-логическом (Н. Г. Алексеев, И. Н. Семенов, В. И. Слободчиков), логико-игровом (В. А. Лефевр, В. Е. Лепский), шахматно-игровом (Н. Г. Алексеев, Б. А. Злотник), учебно-понятийном (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин), теоретическом (В. В. Давыдов, А. З. Зак), творческом (В. К. Зарецкий, Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов), оперативном – как при принятии решений (В. К. Зарецкий, А. В. Карпов, И. Н. Семенов), так и при развитии способностей (Г. А. Берулава, А. В. Карпов, Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, Д. В. Ушаков, В. Д. Шадриков). Поскольку здесь затрагивались в основном формально-операциональные аспекты понятийного мышления (формально-логические, логико-математические, лингво-семантические, комбинаторно-игровые), то на этом проработанном фоне необходимо акцентировать изучение его содержа-

тельных аспектов (категориального, предметного) и динамических моментов (мотивационных, смысловых). При этом мы исходили из модификации нами с К. С. Серегиним – применительно к понятийному мышлению – структурно-уровневой концепции мыслительности (Семенов, 1976), по которой ее ведущие, смысловые уровни (коммуникативный, личностный, рефлексивный) регулируют ведомые, содержательные уровни (предметный, операциональный). Экспериментальная верификация этой концепции с позиций субъектно-деятельностного подхода показала, что рефлексия является системообразующим фактором продуктивной организации процесса мышления, обеспечивая преодоление проб и ошибок, перестройку неадекватных предметных представлений, исправление неправильных действий и их коррекцию на основе переосмысления личностной позиции субъекта и инсайтной антиципации верного решения проблемной ситуации.

Теоретическая модификация ряда положений этой концепции привела к структурной дифференциации природного, социального и культурного планов содержания мышления при определении понятий и оперировании ими, а также к адекватному – для изучения рефлексивности понятийного мышления – различению таких видов рефлексии, как логическая (категоризирующая), методологическая (познавательная), психологическая (личностная). С учетом современной психологии смысла (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, В. В. Знаков, Д. А. Леонтьев, И. Н. Семенов, В. Э. Чудновский и др.), результатом указанной модификации является дифференциация формально-структурного и динамически-смыслового аспектов рефлексивности понятийного мышления.

В структуре рефлексии понятие выступает в качестве переходного звена, выполняющего функцию коммутации между различными сторонами скрытой в нем в обобщенном виде реальности и субъектом рефлексии. Развитие понятий в мышлении субъекта меняет характер опосредствования его рефлексии, самоотношения, самокатегоризации и самопонимания. Движение рефлексии в «пирамиде понятий» (т. е. в семантическом пространстве переплетения эмпирических и надэмпирических связей между различными сторонами бытия) значительно расширяет систему отношений человека к миру и самому себе. Именно развитие понятий помогает субъекту посмотреть на свою жизнь с собственно культурных позиций (социальности, предметности, нравственности). За счет усвоения понятий происходит подлинная социализация самосознания субъекта: понятие выступает здесь в качестве носителя обществен-

но-исторического опыта отношения к действительности. Овладение субъекта понятием — значит его приобщение к определенному опыту, а рефлексия этого — механизм саморазвития субъекта.

В целях общепсихологического исследования взаимодействия рефлексии и мышления — как важного аспекта когнитивного онтогенеза — необходимо выделить возрастной период ментального онтогенеза, который был бы сензитивным для развития их взаимодействия и релевантным для изучения роли рефлексии в формировании понятийного мышления субъекта. Проведенные К. С. Серёгиным пилотажные исследования показали, что рефлексия начинает проявляться в мышлении у младших школьников и наиболее развита в школьные годы у старшеклассников (т. е. в младшем юношеском возрасте). В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что наиболее сензитивным периодом для становления взаимодействия рефлексии с понятийным мышлением является подростковый возраст. Для проверки этой гипотезы экспериментально исследовалось взаимодействие понятийного мышления и рефлексии у подростков.

Понятийное мышление экспериментально изучалось нами с К. С. Серёгиным методами определения понятий и ассоциативного эксперимента, а личностная рефлексия подростка — методами «пределных смыслов» (Д. А. Леонтьев) и «моральных дилемм» (Л. Колберг) с последующей обработкой данных по схеме содержательно-смыслового анализа решения проблемно-конфликтных ситуаций (Аникина, Коваль, Семенов, 2001). Согласно указанной схеме, в этом процессе дифференцируется два плана мышления: предметно-операциональный и рефлексивно-личностный. Моральные дилеммы как показатель личностной рефлексии были выбраны исходя из понимания: 1) рефлексии как осмысления, осознания причин и оснований собственных поступков (шире — объективации деятельности ее субъектом), и 2) личности как субъекта ответственного решения значимой проблемно-конфликтной ситуации на основании общепринятых культурных норм (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. В. Петухов, И. Н. Семенов, В. В. Столин).

Оказалось, что в рамках социальной ситуации развития ребенка, внутри его деятельности с социально порожденными предметами и общения с социализированными взрослыми, сначала формируется рефлексия в мышлении (когда внутренний мир становится доступен наблюдению, а затем и контролю) и лишь затем — на основании этого нового типа «мышления с рефлексией» — преобразуется вся психическая сфера подростка. Поэтому подростку становятся доступны и сложные формы теоретической деятельности,

благодаря чему перед ним по-новому раскрывается богатство среды и культуры, приходящее в мышление ребенка «через ворота научных понятий» (Л. С. Выготский). Сначала ребенок отделяет себя от мира вещей, затем сопоставляет себя с другими (но всегда конкретными людьми) и лишь потом — благодаря рефлексии — начинает соотносить себя со всем общественным опытом человечества, что самым принципиальным образом изменяет его самосознание как субъекта культуры. Таким образом, осознание причин и оснований собственной деятельности, осмысление жизни в целом, процесс самокатегоризации человека в общественно выработанных и исторически сложившихся нормах и категориях на базе рефлексивного мышления в понятиях и представляет собой личностную рефлексию. В результате экспериментов выяснилось, что чем выше уровень развития понятийного мышления, тем устойчивее личностная позиция в проблемно-конфликтной ситуации при смене ситуативного контекста от личностного к безличностному, тем меньшее влияние оказывает на ее решение введение моральной категории и тем чаще моральная категория — как опосредующий решение фактор — вводится в решение самостоятельно.

Итак, между уровнем развития понятийного мышления и личностной рефлексией существует взаимозависимость, что подтверждает нашу гипотезу. Чем выше оказывается развитие понятий, тем нагляднее проявляется иерархия мотивационно-смысловой сферы личности, тем чаще при решении проблемно-личностной ситуации в качестве мотивировки поступков используются нравственные категории и тем устойчивее становится позиция субъекта при переходе от личностного контекста к безличностному. Объяснить это можно, исходя из понимания процесса личностного развития как процесса не только опосредованного социальным взаимодействием, но и детерминированного культурой. Именно освоение человеком культуры через понятия и нормы деятельности дает ему общественно выработанные рычаги управления своим поведением и те основания, на которых становится возможным — благодаря рефлексии — построение сложной системы целостной человеческой личности.

Наши другие онтогенетические исследования были посвящены изучению рефлексии в студенческом возрасте (Двоеглазова, Семенов, 2007) и в процессе профессионального развития при формировании рефлексивной культуры (Деркач, Семенов, Степанов, 1998). Адекватное интеллектуальное развитие личности, ее самовосприятие и самоосознание (Семенов, 2015б), а также успешная

профессиональная самореализация (Ковшуро, Семенов, 2005) в современных социоэкономических условиях осуществляются в контексте формирования человеческого капитала (Семенов, 2009а) современного социума.

Формирование человеческого капитала как инновационная стратегия модернизации непрерывного профессионального образования

В этом социокультурном контексте показателен доскональный анализ Ричардом Флоридом творческого капитала США конца XX в. Он считает, что новый творческий класс – это 38 миллионов американцев, число которых существенно выросло за последние 15 лет, а их общий прирост составил 20 миллионов. Причем эти люди являются основным источником цивилизационного капитала и конкурентного преимущества США в современном мире. В связи с этим стратегическое значение приобретает психологическое изучение и развитие творческого потенциала современного профессионала (в том числе в сфере культуры и искусства, науки и техники, бизнеса и управления) как важной составляющей человеческого капитала на основе построения теоретических моделей и разработки реализующих их исследовательских методов и практикоориентированных психотехнологий.

Разработанная нами психолого-педагогическая модель развития рефлексивно-творческого потенциала человека (Семенов, 2009а) онтологически акцентирует одновременность развития такой сложной самоорганизующейся поликультурной аутосистемы, как человек. Индивидуальность человека раскрывается в нескольких соотнесенных друг с другом измерениях его бытия, т. е. в виде системы нескольких факторов его развития: эмоционально-когнитивного, мотивационно-волевого, субъектно-деятельностного, рефлексивно-индивидуального, личностно-ролевого, профессионально-статусного, инновационно-творческого и экзистенциально-духовного. Учет этих основных аспектов развития человека как целостной личности и творческой индивидуальности необходим для построения конструктивной стратегии поликультурного профессионального образования в социально-экономическом и информационно-компьютеризированном пространстве, а также для рефлексивно-педагогического обеспечения реализации этой стратегии в современных глобализирующихся (в том числе кризисных) условиях.

При разработке рефлексивно-психологической модели развития человеческого капитала в качестве базовых нами выделяются физиологически-возрастной, социально-образовательный и профессионально-карьерный векторы развития человека как капитала. Эти три выделенные объективные тенденции естественного роста человека создают возможности для самостоятельного (и в этом смысле субъектного) осуществления им векторов собственного развития, производных от волевой и творческой активности Я человека, который суверенно и рефлексивно самоопределяется, свободно и творчески самовыражается в общественной и личной жизни, а главное — ответственно самореализуется посредством собственных целенаправленных продуктивных систематических аутоусилий в профессиональной деятельности и социально-экономическом поведении. Взаимодействие объективных векторов роста человека и субъектных векторов его развития обеспечивается рефлексивным вектором, который является системообразующим фактором в психолого-экономической модели человека как социально-продуктивного капитала общества. Ибо рефлексия — как размышление, самопознание, самоанализ, переосмысление и перестройка субъектом содержания своего сознания — обеспечивает оптимальное взаимодействие и взаимосогласование всех остальных векторов объективного роста и субъектного развития человека как инновационного капитала современного социума.

Представленная концептуальная модель была апробирована в ряде экспериментально-психологических исследований субъектно-образующей роли рефлексии в успешности управленцев, их профессионального и карьерного роста, продуктивности профессионально-творческой деятельности, рефлексивности принятия решений и рефлексивной компетентности менеджеров. Эти психолого-акмеологические исследования послужили научной базой для разработки рефлексивно-педагогического проектирования развития творчества учащихся в образовании (Алексеев, Семенов, Швырев, 1997; Оржековский, Семенов, 2011; Семенов, 2013). При прикладной реализации рефлексивно-психологического подхода в профессиональном образовании важен учет различных аспектов подготовки кадров и совершенствования их квалификации. Среди этих аспектов в качестве основных нами выделяются следующие: возрастной, образовательный, профессиональный, креативный, рефлексивный.

В целом, возрастной аспект направлен на диагностику биологических (эволюционно-геномных и психогенетических) задатков

и психофизиологических способностей человека на различных ступенях его возрастного развития средствами педологии (прикладной биосоциальной междисциплинарной науки, комплексно изучающей детей, подростков и юношей на предпрофессиональной стадии их развития), акмеологии (комплексно изучающей взрослых учащихся, получающих профессиональное образование, а также взрослых специалистов на профессиональной стадии их развития) и геронтологии (комплексно изучающей лиц преклонного возраста, в том числе ветеранов труда, а также работающих и неработающих пенсионеров на стадии их постпрофессионального развития).

Образовательный аспект нацелен на диагностику и развитие базовых знаний и конкретных умений в системе общего, профессионального, дополнительного непрерывного личностно ориентированного образования, которое проектируется и управляется на принципах его патриотизма, поликультурности, политехничности, экономичности, интеллектуализации, компьютеризации, гуманизации, индивидуализации, инновационности и креативизации развития личности учащихся в образовательных системах.

Профессиональный аспект связан с реализацией субъектом полученных в результате его образования знаний и компетенций в процессе социально нормированной трудовой деятельности, направленной на решение профессиональных задач, в результате чего и обеспечивается рост человеческого капитала при соответствующем рентабельном менеджменте данной государственной или частной организации, интегрированной в систему рыночных социально-экономических отношений.

Креативный аспект определяет затрачиваемые усилия и успешность их реализации путем выяснения уровня профессионализма обучаемого персонала, продуктивности рефлексивно-творческого потенциала его совершенствования до степени профессионального мастерства и оценки социально-экономической значимости как отдельных инноваций (полученных в результате творческой деятельности), так и капитализации человека-профессионала в целом.

Рефлексивный аспект связан с переосмыслением содержаний сознания субъекта и с самосознанием его личности как саморазвивающегося индивидуального Я, а также с пониманием партнеров по коммуникации и кооперации в процессе коллективно-распределенной деятельности. Этот аспект является системообразующим

фактором, обеспечивающим оптимальное взаимодействие выделенных социально-биологических и психолого-акмеологических аспектов профессионализации, саморазвития, самосовершенствования, креативизации человека и, в конечном счете, его социализации и капитализации. Социокультурные условия для этого создаются в процессах общения, образования и профессиональной деятельности.

В этом контексте важное значение приобретает формирование профессионального менталитета субъектов управления, в особенности – обеспечивающих его модернизацию. Профессиональный менталитет можно трактовать как компонент профессионального сознания, выражающий систему ценностных ориентаций и профессионального самоопределения личности в социальном, правовом, политическом, историческом и профессиональном пространствах. Структура профессионального самоопределения характеризуется взаимодействием образующих его уровней: акмеологического, предметного, технологического, рефлексивного, коммуникативного, информационного, психологического. Выделенные нами различные аспекты развития человека как капитала с позиций рефлексивной психологии и акмеологии необходимо учитывать при формировании профессионального менталитета субъектов управления в различных сферах социальной практики (от экономики и госслужбы до науки и образования) в целях научного обеспечения их модернизации в эпоху глобализации и компьютеризации социума, в том числе посредством развития креативной личности в непрерывном образовании.

Приносимая работником работодателю прибыль не только определяется экономическими условиями трудовой деятельности, но и во многом зависит от интеллектуально-личностных качеств ее субъектов, в особенности – от их профессионально-знаниевых компетенций и рефлексивно-творческого потенциала как компонентов человеческого капитала. Именно творческий потенциал специалистов – вкупе с профессиональными компетенциями – может реально обеспечить инновационное развитие общества, основанного на знаниях.

Прецедентами конструктивного формирования знаниевых компетенций (Костюков, Семенов, 2010) в современном образовании являются, во-первых, разработка технологий формирования биологических и междисциплинарных знаний и умений в процессе вузовского обучения будущих врачей при его психолого-педагогическом и рефлексивно-акмеологическом обеспечении систем-

но-развивающими методами (Костюков, Семенов, 2010). Во-вторых, аналогично построенные с учетом роли рефлексии в мышлении в научно-педагогической школе П. А. Оржековского рефлетехнологии развития творчества учащихся при рефлексивно-педагогическом обучении их химии по оригинальным учебникам для среднего образования, что потребовало разработки соответствующих методик и учебных пособий (Оржековский, Семенов, 2011, с. 135–145). В-третьих, совместное с Т. Г. Болдиной многолетнее исследование и проектирование – с позиций рефлексивной психологии творчества и рефлексивной педагогики (там же, с. 270–279) – ежегодных научных конференций школьников, что создало необходимые условия для формирования у них различных компонентов человеческого капитала. В-четвертых, конструктивный синтез всех этих моделей и принципов позволил – на акмеологической основе (Абульханова, Деркач, Семенов, 2006) изучить и оптимизировать (с И. В. Байер, И. М. Войтик, В. М. Дюковым, О. Д. Ковшуро, С. Ю. Степановым) способы карьерной самореализации личности профессионалов в системе госслужбы (Ковшуро, Семенов, 2005) и бизнеса (Семенов, 2016) посредством активизации их рефлексивно-творческого потенциала и развития рефлексивно-профессиональной культуры (Деркач, Семенов, Степанов, 1998), в том числе в последипломном образовании как способе активизации человеческого капитала.

Таким образом, рефлексивно-психологическое изучение (как номотетическое – рефлексивных механизмов продуктивного мышления, так и идеографическое – индивидуально-рефлексивных свойств креативных личностей) фундаментальных закономерностей творчества оказалось плодотворным для развития познавательной активности, творческих возможностей и личностного роста учащихся среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, а также управленцев и госслужащих – участников рефлетренингов и игрорефлексии, проводившихся в целях развития рефлексивной культуры и оптимизации принятия управленческих решений в современных социально-экономических условиях. С этих концептуально-методологических позиций в нашей научной школе ведутся экспериментальные и прикладные исследования роли рефлексии в оптимизации продуктивного мышления, в формировании креативной личности, в инновационном развитии организаций, а также в рефлексивно-психологическом обеспечении модернизации образования и управления как условий развития человеческого капитала.

Взаимодействие фундаментальных исследований и прикладных разработок в научной школе рефлексивной психологии творчества

Участниками научной школы рефлексивной психологии и педагогики творчества (Семенов, 1992, 2010) осуществляется ряд фундаментальных исследований и прикладных разработок. В этой школе защищено 7 докторских диссертаций (Г. И. Давыдова, Л. И. Мишик, М. И. Найденев, Л. А. Найденева, П. А. Оржековский, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов) и свыше 40 кандидатских – по общей, инженерной, социальной, возрастной, педагогической психологии, а также акмеологии и педагогике развития. Часть из них органично вошла в научно-методический комплекс психолого-акмеологических исследований инновационного коллектива кафедры акмеологии РАНХиГС (О. С. Анисимов, С. А. Анисимов, А. К. Маркова, Р. Л. Кричевский, В. В. Петрусинский, И. Н. Семенов, Ю. В. Снягин, С. И. Съедин, Е. А. Яблокова), который под руководством А. А. Деркача был удостоен в 2000 г. Премии Президента РФ в области образования.

Научную школу рефлексивной психологии, персонологии, акмеологии и педагогики творчества ныне составляет множество направлений фундаментальных исследований и прикладных разработок, конструктивное взаимодействие которых эвристически оплодотворяет друг друга.

В области рефлексивно-психологической экспериментатики ведется в различных направлениях изучение роли рефлексии в творческом и практическом мышлении, а также в когнитивном развитии субъекта.

Так, в теоретическом плане общей психологии анализируется роль рефлексии в различных психических процессах: восприятия и самовосприятия (И. Н. Семенов), мышления и творчества (Е. П. Варламова, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов), общения и переживания (А. А. Бухарова, И. В. Палагина, И. Н. Семенов), смыслообразования и целеобразования (А. Н. Алюшина, Ю. А. Репецкий, И. Н. Семенов).

В плане экспериментальной психологии исследуется рефлексивность решения творческих и практических задач в различных видах профессиональной деятельности: спортсменов и военнослужащих (С. В. Дмитриев, С. В. Кузнецов), проектировщиков, инженеров-конструкторов, эргономистов, дизайнеров (А. В. Советов), маркетологов (М. М. Коваль, Н. В. Рыбников) и менеджеров быстро-

развивающихся организаций (Р. Н. Васютин, А. В. Лосев), госслужащих и управленцев (И. М. Войтик, О. Д. Ковшуро, Ю. А. Репецкий), педагогов (Г. И. Давыдова, В. М. Дюков, О. И. Лаптева), а также ученых естественников и гуманитариев (В. Г. Аникина, А. В. Балаева), писателей и поэтов (Семенов, Трemasов, 1998).

В плане педагогической психологии и акмеологии изучаются возрастные особенности когнитивного развития дошкольников (В. М. Дюков) и учащихся средней и высшей школы (М. Ю. Двоглазова, К. С. Серегин), рефлексивности мышления и личности учащихся школьников (Т. Г. Болдина, Г. И. Давыдова) и студентов (М. Ю. Двоглазова, И. А. Савенкова). При этом разрабатываются рефлетехнологии, развивающие рефлексивную компетентность и рефлексивную культуру как школьников (Т. Г. Болдина, Д. А. Кузнецова) и студентов (Г. И. Давыдова, Н. Н. Костюков, О. И. Лаптева), так и взрослых учащихся и профессионалов госслужащих (И. В. Байер, Л. А. Найденова, М. И. Найденов, О. А. Полищук, С. Ю. Степанов).

В теоретическом плане истории психологии изучаются институциональный, персонологический и концептуальный аспекты эволюции в России психологической науки (А. В. Балаева, И. Н. Семенов). При этом в эпистемологическом плане эксплицируются и обобщаются философско-методологические аспекты развития психологического познания как рефлексивно-продуктивного научного творчества (В. Г. Аникина, С. С. Орлов, И. Н. Семенов) и образно-эстетического художественного творчества (Е. П. Варламова, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, А. Н. Трemasов).

В прагматическом плане под нашим руководством проектируются и экспериментально апробируются процессы модернизации инновационного непрерывного образования на всех его основных ступенях: дошкольного (с В. М. Дюковым), школьного (с Т. Г. Болдиной, Г. И. Давыдовой, П. А. Оржековским), дополнительно-досугового (с О. А. Донином, С. В. Ивановым, Д. А. Кузнецовой), спортивно-технического (с А. И. Анохиным, С. В. Дмитриевым, С. В. Кузнецовым), вузовского (Н. Н. Костюковым, О. И. Лаптевой, Л. И. Мищик), последипломного (с И. М. Войтик, О. Д. Ковшуро) и дополнительного профессионального (с Р. Н. Васютиным, О. А. Полищук, С. Ю. Степановым и др.). Научно-методическую базу этой модернизации составил ряд подготовленных (с позиций рефлексивной психологии, персонологии, акмеологии, педагогики) в нашей научной школе: рефлетехнологий, учебных пособий, образовательных и рефлетренинговых программ (В. Г. Аникина, И. В. Байер, Г. Н. Бершацкий, Е. П. Варламова, Р. Н. Васютин, И. М. Войтик, Г. И. Давы-

дова, В. М. Дюков, О. Д. Ковшуро, Н. Н. Костюков, О. И. Лаптева, П. А. Оржековский, О. И. Полищук, Г. Ф. Похмелкина, И. Н. Семенов, А. В. Советов, С. Ю. Степанов, А. Н. Сухоруков и др.), а также рефлексивно-коррекционных, психотерапевтических, реабилитационных рефлетехнологий (Г. И. Давыдова, И. Н. Семенов, С. А. Смирнов) в контексте рефлексивно-психологического обеспечения безопасности, здоровья учащихся в инклюзивном образовании (В. М. Дюков, И. Н. Семенов и др.) и лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией (С. А. Смирнов, В. В. Кордубан).

Все это в практическом плане позволило, в частности, организовать под нашим руководством Ресурсный центр для педагогов Южного округа г. Москвы на базе столичной гимназии № 1526 (директор – член-корреспондент АПСН Т. Г. Болдина, научный руководитель – академик РАЕ И. Н. Семенов). Ее педагогический коллектив был в 2007 г. удостоен Диплома Министерства образования и науки РФ в качестве победителя Конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы Приоритетного национального проекта «Образование». Большинство психолого-педагогических исследований, проведенных в рамках этого инновационного проекта, было обобщено в международной коллективной монографии по непрерывному образованию. Тем самым Премией Президента РФ и Дипломом Минобразования и науки РФ была отмечена научная инновационность и практическая эффективность рефлексивно-психологического обеспечения гуманизации образования и модернизации управления в современной социальной практике. Это свидетельствует об эффективности развиваемых в современной рефлексивной психологии форм психологического знания. В целом взаимодействие исследовательской и практической психологии изучения и освоения рефлексивности творчества представлено нами в специальной обобщающей работе (Журавлев, Семенов, Юревич и др., 2015, с. 416–464).

Рассмотрев развитие рефлексивной психологии творчества в аспекте становления и взаимодействия ее эпистемологических форм, в целях характеристики современного состояния этой инновационной области человекознания необходимо эксплицировать возникшие в ней формы психологического знания, дабы построить их типологию как сложившийся фон, по отношению к которому в перспективе будут развиваться инновационные способы познания психики и фиксирующие его достижения новые формы психологического познания.

Типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества

Типологизация современных форм психологического знания может осуществляться по различным основаниям. Наиболее содержательными формами научного знания служат формулировки принципов его построения и применения на основе открытых законов и установленных закономерностей. В противоположность этому наиболее формальный полюс составляют различные знаковые формы математического (в виде формул и графиков) и технического (в виде чертежей и блок-схем) кодирования результатов квалиметрических измерений (Лосев, Семенов, 1994) параметров психологической реальности, изученной в результате научно-исследовательской деятельности. Функции обоих полюсов присущи принятой в науковедении дифференциации эшелонов научных публикаций, которую можно представить в виде следующей пирамиды научных текстов, показывающих различные формально-содержательные способы презентации психологического знания.

Основанием этой пирамиды служат тезисные дискурсы с анализом историко-научного задела, формулированием идейного замысла и проектированием предстоящего исследования, а также с обозначением как подходов к его проведению, так и полученных промежуточных данных. Методической ступенью являются дискурсы с обозначением и историко-научным обоснованием избираемых подходов к постановке и организации проводимого исследования, а также с творческой разработкой оригинальных методов в случае его проведения на переднем крае науки. Следующей ступенью этой пирамиды служат дискурсы с текстовым описанием в статьях дизайна и методик проводимого исследования, а также концептуальной модели и значимых для теории его результатов с их содержательной интерпретацией. Над этим надстраивается методологическая квалификация и концептуальное обсуждение полученных результатов, а также их историко-научное обоснование и встраивание в современную науку. Прикладной ступенью является разработка текстов с описанием технологий и рекомендаций по возможному применению полученных в результате проведенного исследования знаний в социальной практике. Трансляционную ступень образуют учебные пособия и учебники, которые в дидактической форме обобщают интегрированные в современную науку достижения психологического познания в качестве выдержавших конкуренцию знаний и вошедших в историю данной научной дис-

циплины или человекознания в целом. Вершину пирамиды составляют образованные в результате транснаучной рефлексии достижений психологии и их философского синтеза – эпистемически обобщенные формы психологического знания, имеющие общекультурное значение (как, например, теории З. Фрейда, К. Г. Юнга, Ж. Пиаже, К. Роджерса, И. П. Павлова, Б. М. Теплова, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, В. П. Зинченко, В. А. Лефевра и др.).

Представленная типология дискурсивно-текстовых форм психологического знания обладает не только формальными, но и содержательными функциями в структуре исследовательской деятельности и в трансляции ее обобщенных результатов в качестве научных достижений. Ибо, поскольку тексты генерируются учеными посредством их творческой деятельности, то в публикации ее результатов презентировано ее предметное содержание, которое фиксируется в номинативной форме тематического названия публикуемого научного дискурса и далее раскрывается в текстовой форме содержательного описания проведенного исследования и рефлексии значения его итогов для прогресса психологического познания. Разумеется, этот прогресс зависит также от социокультурного контекста развития научного познания и от коммуникативных систем общения ученых и их корпоративных связей, что изучается социальной психологией науки (Юревич, 2001).

Проиллюстрируем эту пирамиду научных текстов – как дискурсивных форм рефлексивно-психологического знания – системой дискурсов, которые сначала генерировались и публиковались нами в 1970–1980-е годы в процессе теоретико-экспериментального изучения рефлексивности творческого мышления. Затем обобщение и обоснование результатов этого изучения привело в 1990-е годы к созданию научной школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества (Семенов, 1990а, 1992) как одного из фундаментально-прикладных направлений современного человекознания, которое бурно развивается в нашей стране в 2000–2010-е годы.

При этом исходные историко-научные предпосылки изучения нами творческого мышления были представлены в рекомендованных к изданию А. Н. Леонтьевым и Э. Г. Юдиным наших энциклопедических дискурсах, посвященных персонологическому и теоретическому анализу традиций классической психологии и обобщению их фундаментальных достижений (Семенов, 1970, 1972, 1973).

Первоначальный замысел системно-психологического изучения творческого мышления в направлении экспериментального моделирования интеллектуально-личностных аспектов научной

деятельности был обоснован в рекомендованных к печати М. Г. Ярошевским тезисах IV Всесоюзного съезда Общества психологов (Семенов, 1971).

Обоснование структурно-уровневого подхода к изучению творческого мышления личности и описание разработанной нами методики эмпирического исследования дискурсивного решения задач «на соображение» охарактеризованы в статье (Семенов, 1973) общепсихологического сборника, посвященного его редактором А. В. Петровским исследованию личности в психологическом эксперименте.

Построенные нами методы системно-психологического изучения дискурсивного мышления, концептуальная модель мыслительной деятельности и промежуточные результаты ее экспериментальной верификации были отражены в статье (Семенов, 1976) методологического сборника, подготовленного известным философом и системным методологом Э. Г. Юдиным под редакцией В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, В. М. Мунипова (см. о них историко-персонологические дискурсы: Семенов, 2014). Вскоре эта статья была издана в США (Seменов, 1978). Переход к прикладному изучению рефлексивности мышления в контексте инженерно-психологической проблематики принятия решения в оперативной деятельности (Алексеев, Зарецкий, Семенов, 1971) и психолого-педагогической проблемы формирования способов решения творческих задач был осуществлен в соответствующих статьях (Семенов, 1977, 1979), опубликованных в университетских сборниках под редакцией А. Н. Леонтьева и И. П. Калошиной.

Методологическая квалификация и концептуальная интерпретация полученных фундаментальных закономерностей структурно-уровневой организации мыслительной деятельности и ее рефлексивно-смысловой регуляции, а также результаты их экспериментальной верификации были представлены в нашей кандидатской диссертации (Семенов, 1980) и ряде статей, опубликованных в методологическом ежегоднике Института системных исследований АН СССР «Системные исследования. Методологические проблемы» (Семенов, 1982), «Психологическом журнале» (Семенов, 1989), в «Вопросах психологии» (Семенов, Степанов, 1983), в коллективной монографии под редакцией Я. А. Пономарева (см.: Алексеев, 1983), а также в материалах Советско-финского симпозиума по психологии творчества (Seменов, 1986).

В прикладном плане использование в социальной практике открытых нами закономерностей рефлексивной организации твор-

ческого мышления велось в четырех направлениях. Во-первых, были разработаны методические средства психолого-педагогической диагностики рефлексивности творческого мышления и практического интеллекта, а также формирования способов решения творческих задач и развития продуктивного мышления и творческих возможностей учащихся (Семенов, Степанов, 1984). Во-вторых, эти средства были модифицированы применительно к диагностике шахматного мышления и развитию творчества шахматистов олимпийского резерва (Алексеев, 1983, 1990; Алексеев, Семенов, Степанов, 1996), что получило поддержку гроссмейстеров и чемпионов мира (В. Алаторцев, А. Карпов, В. Смыслов и др.). В-третьих, были разработаны принципы и рекомендации по оптимизации оперативного мышления и профессиональной деятельности в контексте инженерной психологии и эргономики, в том числе изданных по линии СЭВ (Бошев, Алексеев, Семенов и др., 1983) под редакцией В. М. Мунипова, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. В-четвертых, на основе теоретико-экспериментального исследования рефлексивности профессионального мышления управленцев в контексте акмеологии (Алюшина, Репецкий, Семенов, 1998; Лосев, Семенов, 1998) были разработаны принципы и рекомендации диагностики и развития рефлекокомпетенций и рефлексивной культуры госслужащих (Деркач, Семенов, Степанов, 1998).

В дидактическом плане все эти результаты фундаментально-прикладных исследований психологии и акмеологии диагностики и развития рефлексивности творческого мышления и креативной личности были обобщены в ряде учебно-методических пособий (Васютин, Семенов, 2000; Войтик, Семенов, 2001; Аникина, Коваль, Семенов, 2002; Дюков, Семенов, 2008; Лаптева, Семенов, Куликова, 2011; Семенов, 2013б) и учебников (Абульханова, Деркач, Семенов, 2010), в том числе изданных в Германии (Шуляк, Дюков, Семенов, 2014).

Стратегическое развитие профессиональной деятельности коллектива ученых в рамках общей исследовательской программы изучения рефлексивности мышления и личности на единой теоретико-методологической основе привело на рубеже XX–XXI вв. к формированию инновационной научной школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества (Семенов, 1992, 2010). Достижения этой школы обобщены в комплексе индивидуальных (Семенов, 1990а, 2000, 2013б, 2014) и коллективных монографий (Болховитина, Семенов, 2000; Оржековский, Семенов, 2011; и др.), а также указанных выше учебных пособий. Социокультур-

ная необходимость методологического обоснования достижений этой школы потребовала изучения ее историко-научных предпосылок. Это привело не только к дифференциации этапов становления рефлексивной психологии и экспликации логики ее развития, но также к разработке трансдисциплинарной этимологии понятия рефлексии (Семенов, 2013а) и системной типологии историко-научных текстов в психологии.

Заключение: тенденции и перспективы развития эпистемологических форм психологического знания

Дальнейшее развитие и взаимодействие на рубеже XX–XXI вв. исследовательского и практического вариантов рефлексивной психологии творчества (Журавлев, Семенов, Юревич, 2015, с. 416–464) привело к появлению еще одной – рефлексивно-тренинговой – типологии форм практикоориентированного психологического познания инноваций и творчества. Сутью этой типологии является дифференциация психолого-технологических форм организации и трансляции рефлексивно-психологического знания: от диагностико-формирующих процедур развития творческого мышления через рефлексивно-тренинговые и рефлексивно-психотерапевтические психотехнологии развития личности до рефлексивно-персоналогических и рефлексивно-педагогических способов экзистенциально-психологической поддержки жизни человека и кризисной личности в современном противоречивом социуме.

В методологическом плане прогресс познания человека и его психики во многом будет зависеть от того, насколько удастся теоретически и методически обеспечить конструктивное взаимодействие между адекватными в гуманитаристике идеографическими методами и релевантными в естественно-научной парадигматике номотетическими средствами психологического познания. Ибо к получаемым, например, в психотерапии идеографическим формам знания весьма сложно применить номотетические стандарты измерения относительно феноменологии психических процессов, проявляющихся в психотерапевтической практике. Перспективу здесь может составить концептуально-методологическая разработка принципа дополнительности. В этом отношении, на наш взгляд, конструктивен прецедент реализации этого принципа на переднем крае психологической науки при изучении одновременного взаимодействия деятельностного и рефлексивного подходов в процессе исследования феноменологии творчества (Семенов, 2013б).

Еще одна перспектива развития форм психологического познания связана с переходом от междисциплинарных к трансдисциплинарным исследованиям в современном человекознании. Так, конец XX в. ознаменовался в психологии переходом от монопредметных исследований – например, рефлексивности как осознанности интеллектуального поиска решения задач (Алексеев, 1983, 1990) – к междисциплинарной трактовке рефлексии как смыслового регулятива творческого мышления, изучаемого в психолого-педагогическом и психолого-акмеологическом аспектах (Семенов, 1992, 2015а). В отличие от этой междисциплинарности, начало нынешнего века ознаменовалось переходом к трансдисциплинарным исследованиям рефлексии как интегративного метасистемного психического процесса (Дж. Флейвелл, Д. Дорнер, Н. Г. Алексеев, А. В. Карпов, В. Е. Лепский, В. А. Лефевр, И. Н. Семенов, Г. П. Щедровицкий), изучение которого предполагает одновременное использование в полисистемном исследовании методов нескольких взаимодействующих в нем различных дисциплин.

Так, изучая развитие в Серебряном веке русской культуры творческой индивидуальности выдающегося, но недооцененного ученого-энциклопедиста начала XX в. Н. Я. Пэрны, мы оказались перед необходимостью параллельной реконструкции: во-первых, эпохи Серебряного века русской культуры, во-вторых, онтогенеза креативной личности Н. Я. Пэрны, в-третьих, предметно неоднородного содержания его энциклопедической научной деятельности (в философии, естествознании, искусствоведении, человекознании), в-четвертых, энциклопедизма его инновационно-научного мышления, в-пятых, гениальных проявлений его уникальной творческой индивидуальности в российской науке и культуре (Балаева, Семенов, 2004). Таким образом, это изучение (Деркач, Семенов, Балаева, 2005) рефлексивности творчества ученого-энциклопедиста (Семенов, Ссорин, 2013) явилось прецедентом параллельного взаимодействия философии, культурологии, науковедения, психологии, акмеологии, персонологии в едином трансдисциплинарном исследовании, обобщение результатов которого потребовало разработки нетривиальных форм современного психологического знания.

В качестве других прецедентов трансдисциплинарной рефлексии нами изучалось также научное творчество других ученых-энциклопедистов: философов В. А. Лефевра и В. М. Розина, методологов Н. Г. Алексеева и Г. П. Щедровицкого, психологов Л. С. Выготского, В. П. Зинченко, Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, Г. И. Челпанова и М. Г. Ярошевского, а также художественное творчество писате-

лей М. М. Зощенко, Ф. И. Тютчева и У. Шекспира (Семенов, Тремасов, 1998). Такого рода трансдисциплинарное рефлексивно-психологическое исследование ставит сложнейшую методологическую проблему объединения – в перспективе развития человекознания – разнородных по своему происхождению (в естествознании, гуманитаристике, техникзнании, искусствознании) полипредметных трактовок рефлексии в онтологически единое и эпистемологически интегративное целое полифункционально взаимодействующих форм психологического знания.

В условиях кибернетизации и интернетизации современного научно-технического прогресса перспективной тенденцией развития психологического познания является компьютерная форматизация результирующих его достижения форм научного знания. Эти перспективы наметились еще на заре компьютерной эры в конце XX в. и сразу же стали реализовываться посредством методологических средств рефлексивной квалиметрии (Субетто, 1994; Лосев, Семенов, 1995), в том числе в области программно-математического обеспечения (Ссорин и др., 1985) экспериментального изучения рефлексивных механизмов мышления при решении творческих задач (Семенов, 1990а; Semenov, 1985). Ныне же в начале XXI в. прогресс нейронауки и компьютерного моделирования психических процессов предъявляет перспективные требования к эпистемологическим формам психологического знания. Таким образом, фундаментальная проблема соотношения его номотетических и идеографических форм нуждается на новом витке научно-технического прогресса в перспективной разработке концептуально-методологических средств психолого-герменевтических способов содержательной интерпретации информационно-параметрического знания в психологии. При этом, согласно методологическому принципу дополнительности (Семенов, 2015в), перспективны также собственно рефлексивные формы психологического знания, которые характеризуются интроспективным инкорпорированием рефлексии (Семенов, 2015б) в систему отношений психолога с клиентами в процессе их рефлексоконсультирования, проведения с ними рефлетренингов личностного и профессионального роста, сеансов рефлекспсихотерапии и сессий экзистенциальной саморефлексии.

Литература

Акмеология: Учебник / Под ред. А. А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2006.

- Алексеев Н. Г.* Использование психологических моделей мышления в изучении и диагностике шахматного творчества // Исследование проблем психологии творчества / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1983. С. 133–154.
- Алексеев Н. Г.* Шахматы и развитие мышления // Н. Г. Алексеев, А. Е. Карпов, В. В. Смыслов и др. Шахматы: наука, опыт, мастерство / Под ред. Б. А. Злотника. М.: Высшая школа, 1990. С. 41–53.
- Алексеев Н. Г., Зарецкий В. К., Семенов И. Н.* Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения / Под ред. И. С. Ладеко. Новосибирск: НГУ, 1991.
- Алексеев Н. Г., Семенов И. Н.* К методологической разработке общих схем взаимодействия наук различных типов // Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук в свете решений XXV съезда КПСС. М.—Обнинск: ИФ АН СССР, 1978. С. 320–324.
- Алексеев Н. Г., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* и др. Мысли о мыслях: В 3 т. Т. 1. Рефлексивное мышление и творчество. Ч. 2. Проблемы рефлексии в решении творческих задач / Под ред. И. С. Ладенко, В. В. Давыдова, И. Н. Семенова и др. Новосибирск: НИ-ИПК—Экор, 1996.
- Алексеев Н. Г., Семенов И. Н., Швырев В. С.* Философия образования // Высшее образование в России. 1997. № 3. С. 88–94.
- Алюшина Н. А., Репецкий Ю. А., Семенов И. Н.* Психодиагностика и развитие рефлексивности профессионального самоопределения успешных управленцев. М.—Сочи: ИРПТиГО—ИЭПиС, 2000.
- Аникина В. Г., Коваль Н. А., Семенов И. Н.* Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2001.
- Байер И. В., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* и др. Психолого-педагогические технологии развития профессионального мастерства кадров управления / Под ред. Э. А. Манушина, А. А. Деркача. М.: РАГС, 1997.
- Балаева А. В., Семенов И. Н.* Рефлексивно-акмеологический подход к изучению научно-профессионального творчества // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования / Под ред. А. В. Карпова, И. Н. Семенова и др. М.—Ярославль: ЯрГУ—РПО, 2004. С. 100–110.
- Бершацкий Г. Н., Семенов И. Н.* Концептуальные модели интуиции и рефлексии в структуре творческого мышления и их апробирование в управлении // Рефлексивно-организационные

проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении / Под ред. И. Н. Семенова, Т. Г. Болдиной. М.: ИРПТиГО, 2003.

Бошев П., Зинченко В. П., Семенов И. Н и др. Теоретические основы эргономики // Эргономика: Принципы и рекомендации: Методическое руководство / Под ред. В. М. Мунипова, Н. Г. Алексеева, В. П. Зинченко и др. М.: ВНИИТЭ—СЭВ, 1981. С. 7—38.

Васютин Р. Н., Семенов И. Н. Игрорефлексика профессионального роста менеджеров в рефлексивном видеотренинге. М.—Со-чи: ИРПТиГО, 2000.

Войтик И. М., Семенов И. Н. Оценка и развитие рефлексивного мышления: Учебное пособие. Новосибирск: СибРАГС, 2001.

Гуманистические тенденции развития образования взрослых в России и США // Под ред. М. В. Кларина, И. Н. Семенова. М.: РАО, 1994.

Давыдова Г. И., Семенов И. Н. Рефлексивно-диалогическая психотерапия: экзистенциальная модель развития личности // Мир психологии. 2006. № 4. С. 110—118.

Двоглазова М. Ю., Семенов И. Н. Развитие личностной рефлексии в студенческом возрасте. Мурманск: МГПУ, 2007.

Деркач А. А., Семенов И. Н., Балаева А. В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

Деркач А. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998.

Дубровина И. В. Рец. на кн.: И. Н. Семенов. Рефлексивная психология инновационного образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2014. № 6. С. 74—81.

Дюков В. М., Семенов И. Н. Гуманизация дошкольного образования. М.: ТЦ «Сфера», 2008.

Журавлев А. Л., Семенов И. Н., Юревич А. В. и др. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 416—465.

Ковшуро О. Д., Семенов И. Н. Исследование рефлексивности самореализации личности в сфере государственной службы. Брянск—Орёл: Изд-во ОРАГС, 2005.

Костюков Н. Н., Семенов И. Н. Теоретические проблемы формирования знаниевых компетенций в инновационном профессиональном образовании // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 5. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 634—639.

- Ладенко И. С., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии. Новосибирск: ИИФФ АН СССР, 1990.
- Лаптева О. И., Семенов И. Н., Куликова С. Г.* Рефлексивно-организационная психология: Учебно-методич. пособие. Новосибирск: НГАУ, 2011.
- Ломов Б. Ф.* Теоретические и методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Лосев А. В., Семенов И. Н.* Методологические проблемы оценки качества подготовки менеджеров в профессиональном бизнес-образовании // Квалиметрия человека и образования: методология и практика. Вып. 4. М., 1995.
- Лосев А. В., Семенов И. Н.* Экспериментально-психологическое исследование и формирование рефлексивности социально-профессионального мышления менеджеров быстроразвивающихся организаций // Проблема эксперимента в психологии / Под ред. А. А. Деркача, Р. Л. Кричевского. М.: РАГС. 1998. С. 79–121.
- Макурова А. В.* Развитие И. Н. Семеновым рефлексивной психологии: от исследований мышления к формированию научной школы (обзор по материалам книги В. Маттеуса (Nettingen, 1988)) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 1–2. С. 22–56.
- Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления. М., 1968.
- Оржековский П. А., Семенов И. Н.* Роль рефлексивной психологии в формировании творческого опыта учащихся и разработке инновационных учебников по химии // Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования / Под ред. И. Н. Семенова, Т. Г. Болдиной. Ногинск: Аналитика Родис, 2011. С. 135–145.
- Орлов С. С., Семенов И. Н.* Оценка творческого потенциала научных коллективов (психологическая рефлексика) // Человек в мире интеллектуальных систем / Под ред. И. С. Ладенко, И. Н. Семенова и др. Новосибирск: ИФиП СО АН СССР, 1991. С. 184–194.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* и др. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная: Коллективная монография / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1990.

- Похмелькина Г. Ф., Семенов И. Н.* Рефлетехнологии медиации в современной зарубежной практической психологии и конфликтологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 121–138.
- Проблемы рефлексивной психологии, акмеологии, политологии и педагогики социального развития и профессионального образования / Под ред. Т. С. Болховитиной, И. Н. Семенова. Брянск: БФ ОРАГС, 2002.
- Психолого-педагогические аспекты творчества и рефлексии: Материалы научно-практической конференции «Педагогика и творчество»: В 5 т. Т. 4 / Под ред. Я. А. Пономарева, И. Н. Семенова, С. Ю. Степанова. М.: Философское общество, 1988.
- Растянников А. В., Степанов С. Ю., Ушаков Д. В.* Развитие рефлексивной компетентности в групповом творчестве. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Репецкий Ю. А., Семенов И. Н., Сидорова А. Ю.* Рефлексия смысла жизни и личностного самоопределения в контексте рефлексивно-инновационного тренинга // Мир психологии. 2001. № 2. С. 177–186.
- Семенов И. Н.* Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович. Вюрцбургская школа. Гениальность. Душа. Желание. Индивидуальность. Кюльпе Освальд // Большая советская энциклопедия. М.: СЭ, 1970–1973. Т. 5. С. 601–602; Т. 6. С. 241–242; Т. 9; Т. 10. С. 188.
- Семенов И. Н.* Опыт экспериментального моделирования интеллектуально-личностных аспектов творческой деятельности // Материалы IV Съезда психологов СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Семенов И. Н.* Методика исследования поведения личности в группе при коллективном решении творческих задач // Личность в психологическом эксперименте / Под ред. А. В. Петровского. М.: МГПИ, 1973. С. 94–115.
- Семенов И. Н.* Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10 / Под ред. В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, Э. Г. Юдина. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148–188.
- Семенов И. Н.* К нормативному анализу познавательной деятельности при решении творческих задач // Психологические исследования. Вып. 7 / Под ред. А. Н. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. С. 40–49.

- Семенов И. Н.* Об одном приеме формирования решения творческих задач // Управление познавательной деятельностью студентов / Под ред. И. П. Калошиной и др. Саранск: Морд. гос. ун-т, 1979. С. 45–52.
- Семенов И. Н.* Методологические проблемы системного исследования организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1982. М.: Наука, 1982. С. 301–319.
- Семенов И. Н.* Проблемы технологии развития рефлексии в игровой практике интеллектуально-коммуникационных систем // Формы представления знаний и творческое мышление. Ч. II. Представление знаний в конкретных областях / Под ред. И. С. Ладенко, И. Н. Семенова и др. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1989а. С. 61–64.
- Семенов И. Н.* Современная советская психология мышления: панорама фундаментальных достижений // Психологический журнал. 1989б. Т. 7. № 6. С. 160–162.
- Семенов И. Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач: Монография. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1990а.
- Семенов И. Н.* и др. Рефлексивные процессы и творчество: Материалы всесоюзной научно-практической конференции: В 2 ч. / Под ред. И. С. Ладенко, И. Н. Семенова и др. Новосибирск, 1990б.
- Семенов И. Н.* Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и научные школы в СССР (1951–1991). Ч. 1 / Под ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1992. С. 35–56.
- Семенов И. Н.* Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.—Воронеж: МПСИ—НПО «Модэк», 2000.
- Семенов И. Н.* Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и глобализация. Т. 2 / Под ред. Е. Г. Ясина. М.: ИД ВШЭ, 2009а. С. 434–441.
- Семенов И. Н.* Системно-методологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б. С. 210–236.
- Семенов И. Н.* Индивидуальность в диалоге с собой: Экзистенциально-рефлексивный подход к индивидуальности // Психоло-

- гия индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 2009в. С. 285—331.
- Семенов И. Н.* Рефлексивно-гуманитарная психология и педагогика творчества // Российские научные школы. Т. 3. М.: Изд-во Российской академии естествознания, 2010. С. 317—332.
- Семенов И. Н.* Методологические проблемы и средства развития постнеклассической психологии рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. Международный научно-практический междисциплинарный журнал. 2012. № 1—2. С. 97—100
- Семенов И. Н.* Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках // Психология. Журнал ВШЭ. 2013а. № 2. С. 24—45.
- Семенов И. Н.* Рефлексивная психология инновационного образования. М. 2013б.
- Семенов И. Н.* Системоделятельная методология и рефлексивная психология мышления: Монография. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2014.
- Семенов И. Н.* Рефлексивно-научоведческий обзор человекознания: от истории психологии через ее теорию к персонологии и энциклопедизму (К 100-летию М. Г. Ярошевского) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015а. № 4—5. С. 64—109.
- Семенов И. Н.* Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции житнетворчества индивидуальности // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015б. С. 335—374.
- Семенов И. Н.* Принцип дополнительности изучения деятельности и рефлексии как методологическая перспектива психологии будущего // Психология третьего тысячелетия. Дубна: Международный институт природы, общества и человека «Дубна», 2015в. С. 361—364.
- Семенов И. Н.* Проблемы рефлексивной психологии бизнеса быстроразвивающихся организаций // Бизнес-психология в международной перспективе: Международная коллективная монография / Отв. ред. Н. Л. Иванова. М.: Университетская книга, 2016. С. 252—280.
- Семенов И. Н.* Персонологическая рефлексия житнетворчества П. Я. Гальперина и его психолого-педагогической и историко-методологической деятельности в Московском университе-

- те (к 115-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2017. № 2. С. 3–28.
- Семенов И. Н., Скорин Ю. А.* Энциклопедизм: вчера, сегодня, завтра // Психология: Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012. № 5–6. С. 7–46.
- Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Типы и функции рефлексии в научном мышлении // Проблемы рефлексии в научном познании: Межвузовский сборник. Куйбышев: КГУ, 1983. С. 76–81.
- Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Типы методологических ориентаций в психологии творчества и рефлексии // Наука – о человеке / Под ред. Б. Ф. Ломова, Е. В. Филипповой. М.: Наука, 1990.
- Семенов И. Н., Тремасов А. Н.* Рефлексивно-поэтический тренинг как способ развития творческого потенциала в преподавании практической психологии // Практическая подготовка психологов в системе высшего образования. М.: МОСУ, 1998. С. 260–265.
- Скорин Ю. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Расчет структурных характеристик дискурсивного мышления в решении творческих задач // Алгоритмы и программы: Информационный бюллетень. Гос. Фонд алгоритмов и программ СССР. М.: ВНИИЦ, 1985. Т. 6 (69). С. 39–40.
- Субетто А. И.* Рефлексивная квалиметрия и рефлексосистемогенетика // Квалиметрия человека и образования: методология и практика. Вып. 3. Ч. 1–2. М.: ИЦКПС, 1994. С. 118–138.
- Тюльпанова О., Селютина Г., Семенов И.* Методологические основания инновационной работы: Монография. Саарбрюккен: Lambert, 2013.
- Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г., Костеловский В. А.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований // Доклады АПН СССР (Сообщения I–IV). 1960. № 1–2. 1961. № 4–5.
- Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб.: РХГИ, 2001.
- Matthaus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Verlag fur Psychologie. Gotingen, Toronto, Zurich. 1988.
- Semionov I. N.* An ampirical psychological study of though processes in creative problem-solving from the perspective of the theory of activity // Soviet Psychology. 1978. V. 16 (4). P. 3–46.
- Semionov I. N.* Creative role of reflection in the self-development of personality // Proceeding of the First Finnish-Soviet simposium on creativity / Eds Y. A. Ponomarev, P. Saarrinen. Helsinki, 1985. P. 23–30.

Эпистемологическая типология форм научного знания

Semenov I. N. The Psychology of reflexion in the scientific work of S. L. Rubinshtein // The Psychology Journal. 1989. № 4.

Semenov I. N. Milestones and logic of formation of reflexive psychology at then of XX–XXI centuries // Psychology. Historical-critical Reviews and Curant Researches. 2013. V. 3–4. P. 52–75.

Психологическое знание в деятельности руководителя: гуманистический аспект

А. А. Грачев

Проблема представленности психологического знания в деятельности руководителя традиционно рассматривалась в контексте использования психологии в профессиональной подготовке (см., напр.: Современные проблемы..., 2002 Психология управления..., 2010; Психология, управление..., 2016). В связи с этим ставилась задача поиска практических приложений психологии в профессиональной деятельности руководителя. В начале этого пути (так же, как и в начале развития прикладной психологии) пытались перенести структуру психологического знания (а эта структура была сформирована на языке академической психологии) в системы обучения руководителей. В соответствии с этим, руководителей пытались учить развивать память (свою и подчиненных), удерживать внимание, учитывать эмоциональное состояние и т. п.

С развитием прикладных отраслей психологии изменилось и содержание психологического знания, адресованного руководителю. Особенную роль в этом отношении сыграли психология труда, организационная психология и, конечно же, психология управления, в которой психологическое знание изначально ориентировано на принятие управленческих решений. При таком подходе исходным является *управленческое решение*, которое требует определенного психологического обеспечения, в том числе и в форме использования соответствующих решению знаний.

Проблема использования психологического знания при принятии управленческих решений связана с ответами на следующие вопросы: а) форма существования и использования знания; б) цель использования и содержание знания; в) источник и способ получения знания.

Ответы на эти вопросы можно искать на трех основных уровнях — организационном, групповом и индивидуальном. Данные

уровни, особенно организационный и групповой, были проанализированы в специальной работе (Нестик, Журавлев, 2016).

Дальнейшая конкретизация проблемы представленности психологического знания в деятельности руководителя будет касаться в основном *индивидуального* уровня анализа. При этом главное внимание будет обращено на вопросы о формах существования и использования знания, цели использования и содержания знания (см. также: Нестик, Журавлев, 2012; и др.).

И еще несколько замечаний. В деятельности современного руководителя особенно важен гуманистический аспект психологического знания, представляющий, в первую очередь, интересы человека (прежде всего — подчиненного). В этом случае руководитель, используя психологическое знание, помогает подчиненному реализовать его жизненные интересы, в идеале — весь их спектр. При этом важно различать понятия «гуманитарный» и «гуманистический», имея в виду то, что первое — это знание о человеке, а второе предполагает использование знания в интересах партнера по социальному взаимодействию (см. подробнее: Купрейченко, Журавлев, 2009; и др.).

Знание в деятельности руководителя можно рассматривать как когнитивный ресурс принятия управленческих решений. В этом контексте представленность психологического знания в управленческом решении имеет смысл рассматривать на более общем уровне — как включенность знания в решение задач (Ушаков, 2011). В этом случае общие закономерности, связанные с решением задач разного типа, будут применимы к управленческим решениям. А. Л. Журавлев, имея в виду этот аспект, использует понятие управленческих задач, понимая их как «различного рода результаты, которые должны быть получены социальной системой в данных конкретных условиях для удовлетворения определенных объективно существующих потребностей этой социальной системы или каких-то других систем» (Журавлев, 2004, с. 73).

С позиции формы наиболее общее определение управленческой задачи будет представлять собой задачу перевода объекта из реального состояния в заданное (получение заданного результата). В этом случае руководитель использует имеющиеся у него знания для создания адекватных представлений: а) о реальном и идеальном состоянии объекта, б) о способах перевода объекта из реального в идеальное состояние (построение программы преобразования), в) о способах промежуточного и итогового контроля.

В этой связи определение *управленческого знания* может быть следующим: *это информация, специальным образом организованная для ее хранения и последующего использования руководителем при решении управленческих задач.*

Психологическое знание в деятельности руководителя формируется не только в ходе специально организованного обучения, но и как результат жизненного опыта, вследствие чего оно в значительной степени представляет собой имплицитное знание и соответствующим образом включено в принятие решений. В этой связи управленческое знание – знание *индивидуализированное*, что обусловлено как разным опытом руководителей, так и их индивидуальными особенностями, определяющими индивидуальный стиль использования знаний (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2016; и др.).

Детерминация знания имеет два источника: а) потребность в познании, и в этом случае конечный результат – познание объекта; б) прагматический, т. е. использование знания для решения задач, находящихся вне сферы познания (в случае руководителя – для решения управленческих задач).

Формы существования профессионального знания и использования его руководителем

Пожалуй, наиболее общее понятие, характеризующее когнитивную основу жизнедеятельности работника, – профессиональная картина мира, выступающая компонентом картины (образа) мира, непосредственно связанной с системой жизненных смыслов, ценностных ориентаций человека.

Несмотря на общепризнанную значимость понятия «картина мира», оно сложно операционализируется. Поэтому сначала сформируем несколько общих положений, дающих основания для операционализации понятий, связанных с когнитивной основой регуляции поведения человека (Грачев, 2008):

1. Человек нуждается в информации, обеспечивающей его жизнедеятельность. Эта информация представлена в виде совокупности *терминальных образов*, порожденной системообразующими факторами – жизненными ориентациями человека.
2. Построение терминальных образов определяется: а) содержанием получаемой человеком информации, имеющей для него значимость, б) правилами построения терминального образа, определяемыми культурой, присвоенной человеком.

3. Образы, обеспечивающие верхний уровень регуляции жизнедеятельности и непосредственно связанные с жизненными ориентациями человека, в своей совокупности составляют *философию жизни*.
4. Образ, обеспечивающий регуляцию поведения в ситуации жизнедеятельности, представляет собой *концепцию данной ситуации*. Образ, обеспечивающий регуляцию поведения в среде жизнедеятельности, представляет собой *концепцию данной среды*. Представления человека о себе и о значимом Другом составляют *Я-концепцию* и *концепцию Другого*.

Профессиональная картина мира — это понятие более конкретного уровня, которое можно понимать как *систему знаний, ориентированную на решение совокупности профессиональных задач*. Понятие используется главным образом в психологии труда и имеет операциональный смысл, прежде всего в контексте определения списка задач, описывающего профессиональное поле работника.

В профессиональной картине мира можно выделить *три значимые составляющие*: а) совокупность представлений работника об основных ценностях, принципах профессиональной деятельности и способах их реализации (трудовая этика, или, имея в виду обоснованные выше положения, — *трудовая философия* как проявление образа *идеального*); б) представления работника о *реальных* организации, среде, ситуациях и других работниках; в) составляющая, обеспечивающая *презентацию* этой картины для референтных Других (работников, родных, знакомых, руководителей, подчиненных и т. д.).

Профессиональная картина мира руководителя имеет две основные презентации — «*моя картина мира*» и «*картина мира моего подчиненного*». Именно вторая презентация существенна для принятия гуманистических решений руководителем (см. также: Купрейченко, Журавлев, 2009; и др.).

В приложении к руководителю наряду с понятием профессиональной картины мира используется понятие *индивидуальной управленческой концепции* (Китов, 1974). Т. С. Кабаченко в результате анализа немногочисленных работ, выполненных в этой области, представляет ее как компонент образа мира профессионала, связывая с представлением об операциональной составляющей деятельности руководителя, и вводит в управленческую концепцию такую существенную характеристику, как *представление руководителя о критериях эффективности его деятельности* (Кабаченко, 1997).

Эти критерии эффективности связаны с решением руководителем двух групп профессиональных задач — *производственных*, составляющих содержание управления производством, и *гуманистических*, составляющих содержание социального управления. Понятно, что психологическое знание используется руководителем преимущественно для решения гуманистических задач (о других примерах группирования функций руководителя см.: Журавлев, 1978; Служба социального развития..., 1989; и др.).

Таким образом, гуманистическая составляющая управленческой концепции руководителя содержит в себе его представления: а) о работнике, его жизненных интересах и соответствующих критериях эффективности управления; б) об организации в целом с позиции жизненных интересов персонала, в) об организационной среде, организационных ситуациях, г) об общей совокупности социальных проблем и способах их решения.

Проработка этих аспектов управленческой концепции позволяет сформировать у руководителя концепцию, оптимальную для принятия гуманистических решений. Особую роль в данном отношении играет понятие терминального образа (Грачев, 2008, 2013).

Терминальный образ можно понимать как *предельный образ, связанный с конечными* (терминальными, в терминологии М. Рокича) *жизненными ценностями*. Это понятие необходимо отдифференцировать от понятия «социальное представление», которое в современной психологии нашло широкое распространение. Различие между ними состоит в том, что данные понятия — разноуровневые: терминальный образ существует на индивидуальном уровне, а социальное представление — на групповом.

Понятие «терминальный образ» имеет не только теоретическую значимость, но и явный методический смысл, который заключается, в первую очередь, в том, что эти образы могут прорабатываться — актуализироваться (в частности, диагностироваться) и формироваться — по определенным критериям, т. е. знание руководителем терминальных образов своих подчиненных значимо в плане принятия гуманистических решений. В этой связи может быть полезен анализ характеристик и особенностей терминальных образов с точки зрения использования их в методическом аспекте, имея в виду то, что *характеристики* различают эти образы по количественным параметрам, а *особенности* описывают терминальные образы с позиции содержания и функций.

Характеристики терминальных образов

В значительной степени характеристики терминальных образов в их прикладном смысле можно обнаружить как количественные характеристики образов, включенных в регуляцию профессиональной деятельности человека-оператора — как совокупность значимых характеристик объекта управления и среды, представленной на средствах отображения информации и адресованной человеку-оператору (Основы инженерной психологии, 1977; Стрелков, 2001; Человек..., 2007).

В соответствии с этим к информационной модели предъявляются следующие требования:

- *достаточной полноты* (модель должна содержать в себе определенное количество параметров, необходимых оператору для принятия решения; обычно это самые значимые параметры);
- *адекватности* (модель должна содержать в себе характеристики, отражающие существенные свойства объекта, в результате чего она дает оператору объективное представление об объекте);
- *оперативности* (модель должна позволять оператору принять решение достаточно быстро — в то время, которое отведено для принятия решения);
- *простоты и доступности* (информационная модель должна прочитываться оператором после минимальной подготовки, в идеале даже необученный человек, воспринимающий модель, способен создать достаточно объективное, полное и оперативное представление об объекте управления).

Информационная модель, представленная на средствах отображения информации и воспринятая оператором, формирует *оперативный образ* объекта управления, который, в свою очередь, определяет управляющие воздействия.

С учетом этого можно обосновать следующие параметры характеристики терминальных образов, включенных в социальное управление организацией (Грачев, 2013): адекватность, полнота и непротиворечивость, относительная стабильность и устойчивость.

Проблема *адекватности образа* на теоретическом уровне не нашла однозначного решения, несмотря на очевидность положения о том, что образы адекватно отражают мир. На прикладном же уровне можно предложить три основания для определения адекватности терминальных образов с учетом модели жизненных ориентаций

(Грачев, 2008): дефицитарное, самореализационное и трансцендентное. С использованием дефицитарных оснований (см. ниже) организация рассматривается с точки зрения полезности для работника, поэтому терминальные образы (организации, среды, ситуации, работника) будут адекватны настолько, насколько они будут полезны ему. С этим связана и соответствующая проработка данных образов как у рядовых работников, так и у руководителей, что приводит к повышению полезности организации для работников по дефицитарным критериям и в целом эффективности управления руководителя по модели Х (Макгрегор, 1995). Самореализационное основание проявляется в том, что работник рассматривает организацию как «часть себя», поэтому чем больше в образе представлены условия для самореализации, тем выше адекватность образа по этому основанию, учет которого способствует повышению эффективности по модели Y (там же). Наконец, трансцендентное основание таково: чем больше субъект трансформируется в объекте, «уподобляясь» и «отдаваясь» ему, тем выше адекватность по данному основанию. На феноменальном уровне это преданность организации в образной форме. Данное основание соответствует модели управления Z (Оучи, 1984). Нетрудно догадаться, что все эти критерии адекватности реализуются в поведении работника в разных жизненных ситуациях и, соответственно, правомерной будет некоторая интегральная позиция.

Следующий параметр характеристики терминальных образов — *полнота и непротиворечивость*. Понятно, что образы организационных ситуаций, среды, самого себя, Другого, содержащиеся в профессиональной картине мира работника, не обладают абсолютной полнотой: действительно, объект можно изучать бесконечно, а человек, принимающий решение, обычно довольствуется *приемлемой* для него степенью полноты образа, достаточной, с его точки зрения, для принятия того или иного решения. Проблема непротиворечивости в психологии связывается, с одной стороны, с построением непротиворечивой картины мира, а с другой — со способностью рассматривать объекты в разных системах координат (с точки зрения другого человека, с позиций разных культур и т. п.), так что один и тот же объект может быть представлен по-разному, будучи включенным в разные системы отношений. Частично в организационной психологии эта проблема рассматривается в понятиях организационной (корпоративной, деловой, управленческой и т. п.) культуры как принятие неопределенности, чему посвящено много публикаций (Национальная программа..., 1997; Россий-

ская деловая культура..., 1998; Шейн, 2002; Культура и поведение..., 2008; и др.).

Наконец, проблема *относительной стабильности, устойчивости образов* (проблема стереотипов) связана с тем, что, будучи однажды сформирован, образ как бы сопротивляется изменениям, и тем больше, чем эффективнее было поведение, построенное на его основе. Такой «консерватизм» образа (привычное представление о самом себе, других людях, ситуации и т. п.), с одной стороны, позволяет избежать затрат на его формирование и проверку, но с другой – в некоторых ситуациях приводит к несоответствию сложившихся образов реальной ситуации.

Особенности терминальных образов

Выделим главные особенности терминальных образов.

Во-первых, данные образы *зависят от жизненных ориентаций работника*, представляя из себя их проявление в когнитивной форме. (С этим связано понимание некоторыми психологами ценностей как предельных, конечных целей, представленных в форме образов конечных результатов.) Поэтому работник выделяет в организации то, что может ему обеспечить соответствующую жизненную ориентацию, и пытается реализовать эти представления в своем поведении.

Во-вторых, терминальные образы *обладают регулирующей функцией*. Работник формирует образы: а) идеального (себя, Другого, ситуации, среды); б) реального (что дано в настоящее время); в) возможностей, которые ему даны для преобразования реального в идеальное; г) собственных действий, позволяющих осуществить преобразование; д) того, что получится в результате преобразования. Особое значение при этом имеет формирование образа *идеального* (среды, ситуации, себя, Другого).

В-третьих, можно считать обоснованным то, что эти образы *формируются* не только с опорой на доминирующую жизненную ориентацию, но и *под влиянием организационной культуры* конкретной организации (см., например: Культура и поведение в организации..., 2008; и др.). Э. Шейн, предлагая концепцию организационной культуры, отводит ведущую роль уровню *базовых представлений*; эту систему представлений Шейн предлагает называть ментальной картой, когнитивной картой мира (Шейн, 2002). В соответствии с положениями, обоснованными выше, основные категории базовых представлений – образы реальных и идеальных

организации, среды, ситуаций, работников. Актуализируя и формируя эти образы, руководитель тем самым формирует организационную культуру. При этом образы идеального лежат в основе организационной философии.

В определенной мере человек творит терминальные образы по законам искусства: он проигрывает, представляет свою собственную жизнь (как в целом, так и в конкретных ситуациях) в форме определенных картин, сюжетов, сценариев (Рубинштейн, 1973; Гоффман, 1984; Андреева, 1997; Берн, 1998; Шихирев, 1999). Имея в виду основные категории терминальных образов, можно предположить, что им соответствуют три категории произведений драматического и изобразительного искусства: портрет (образ типичного и идеального Я и Другого (работника)), тематическая картина (образ организации и организационной среды) и драматическое произведение (образ организационной ситуации жизнедеятельности). Несмотря на то, что каждый из образов относительно самостоятелен, последний (образ ситуации) синтезирует в себе два первых. И не случайно в драматическом искусстве большое значение придается портретной характеристике персонажей и построению мизансцен. Очевидно и методическое приложение данной особенности — разработка обучающих программ, в частности, тренинговых, построенных по драматическому принципу и принципу кейсов.

В гуманистическом аспекте работы руководителя можно представить некоторые общие формы его взаимодействия с подчиненными, направленные на получение и использование знания:

- анализ представлений работника о его основных жизненных ценностях с использованием модели жизненных ориентаций;
- изучение содержания и степени полноты образов типовых ситуаций, организационной среды и Я-концепции работника и в случае необходимости — коррекция соответствующих образов (раскрытие не увиденных до сих пор возможностей ситуаций, среды, собственных возможностей подчиненного, повышение адекватности Я-концепции);
- обеспечение работника непротиворечивой информацией по значимым для него компонентам среды и ситуаций жизнедеятельности, Я-концепции;
- построение образов типичного и идеального члена организации, организационной философии, организационная диагностика (сравнение реального и идеального состояния организации) по критериям жизненных интересов персонала);

- построение программы организационных изменений (организационного развития, включая внедрение) по критериям жизненных интересов персонала.

Формирование и коррекция терминальных образов, включенных в профессиональную картину мира работника и управленческую концепцию руководителя, выступает специальной задачей *управления знаниями* (о новом научном направлении см.: Нестик, Журавлев, 2012; и др.) Сами по себе терминальные образы не содержат в себе управленческих задач, выступая лишь формой существования гуманитарного знания (знания о человеке), которое может использоваться для постановки и решения задач.

Решение управленческих задач непосредственно связано с двумя формами использования управленческого знания – технологией и сценарием.

Технология представляет собой способ преобразования реального в идеальное (решения задачи) на основе алгоритма (предписанного порядка действий) и включает в себя: а) характеристику эталонного и реального состояния объекта, а также методы, позволяющие получить соответствующую информацию, б) программу, направленную на преобразование реального состояния объекта, а также методы преобразования, в) методы реализации программы преобразования, г) методы оценки промежуточных и конечных результатов.

Выделяется класс задач, для которого оптимален технологический подход, – это *технические задачи*. В соответствии с этим, в психологии можно встретить обоснование соответствующего вида мышления, ориентированного на решение технических задач, – *технического мышления* (в несколько ином аспекте используют понятие «технический интеллект»). Такой вид мышления является основным при подготовке специалистов технического профиля. Такое образование имеет подавляющее большинство отечественных руководителей. В соответствии с этим, у руководителя есть стремление каждую управленческую задачу решать как техническую, представляя подчиненных своеобразными орудиями труда.

Технологический подход в наше время используется не только в технической и естественно-научной областях, но и в других сферах (к примеру, в педагогике и социологии), где он имеет определенную эффективность, поскольку связан с построением формализованных моделей, имеющих явно выраженный научный смысл,

прежде всего в плане естественно-научной традиции фундаментальной науки.

Технологический подход в работе руководителя основан на представлении о критериях эффективности управления, соответствующем этим критериям идеальном состоянии объекта и способах преобразования. Гуманистическая составляющая деятельности руководителя, представленная преимущественно в знаниях психологического содержания, в данном случае будет состоять в том, что он обеспечит *рационализацию жизни подчиненных* по критериям их жизненных интересов.

Сценарий лежит в основе сценарного подхода, используемого, в первую очередь, для моделирования слабоформализованных, открытых задач, не имеющих однозначного решения. Эти задачи, пожалуй, составляют основную совокупность задач, встающих перед человеком в процессе жизни. Способность решать их лежит в основе социального и эмоционального интеллекта. В науке же такие задачи предполагают использование гуманитарного подхода.

Сценарий характеризуется тем, что его основу составляет *сюжет*, задаваемый определенной *темой*; сюжет разворачивается в определенных *сценах* (иногда говорят о картинах) и заканчивается определенным *финалом*. Можно утверждать, что человек как в житейских ситуациях, так и в профессиональной жизни постоянно проектирует и проигрывает сценарии, выступающие в этом процессе фрагментом будущего.

При построении и проигрывании сценария человек может играть несколько *ролей*:

- автор (определяет тему и пишет жизненный сюжет),
- режиссер (готовит сюжет к реализации),
- актер (проигрывает сюжет),
- зритель (воспринимает и интерпретирует сюжет),
- критик (проводит анализ и оценивает пьесу).

Эти роли, как правило, реализуются в процессе социального взаимодействия, — в частности, взаимодействия руководителя. Понятно, что решение таких задач составляет значительную часть деятельности руководителя и требует соответствующей подготовки. Именно такая подготовка руководителя в наше время особенно востребована (деловые игры, кейсы, тренинги) и требует концептуального и методического обеспечения, основанного на психологическом знании. А в практике управления руководитель может обеспечить удовлетворение жизненных интересов подчиненных

на основе *театрализации их жизни*, основу которой будут составлять спектакли со счастливым финалом.

Итак, руководитель, как и профессионал вообще, может решать управленческие задачи, используя две основные формы реализации своих знаний – технологию и сценарий. Понятно, что в реальной жизни руководитель использует каждую из этих форм в зависимости от ситуации, однако прошлый опыт и индивидуально-психологические особенности руководителя могут обусловить доминирование одной из форм, представляя руководителя либо «технарем», либо «гуманитарием». А поскольку ориентация руководителя на интересы подчиненных (гуманистическая ориентация) предполагает решение слабоформализованных задач, гуманистическая составляющая деятельности руководителя рассчитана на использование преимущественно сценарного подхода.

Таким образом, опыт, приобретенный руководителем в процессе профессиональной деятельности, реализуется в некоторой системе профессиональных знаний, обеспечивающих решение определенных задач. Эти задачи и, соответственно, знания образуют некоторую систему, поскольку задачи а) типизируются и б) иерархизируются. При этом выделяются некоторые повторяющиеся особенности, предполагающие использование общих алгоритмов или сценариев.

Наличие у человека знаний, обеспечивающих решение определенной задачи и/или класса задач, можно назвать *компетенцией*, а способность использовать компетенцию – *компетентностью* (Грачев, 2007). О роли «профессиональной компетентности» в структуре личности руководителя писал А. Л. Журавлев (Журавлев, 1982 и др.). На связь компетентности с решением задач обращает внимание Д. В. Ушаков (2011). В этой связи можно говорить о некотором наборе профессиональных компетенций и компетентностей, составляющих общую *управленческую компетентность*, в которую, в частности, будут входить способности строить технологии и сценарии. Эта общая компетентность зависит от полноты и адекватности набора технологий и сценариев, которыми владеет руководитель и от сформированных у руководителя профессионально важных качеств.

В общую компетентность входит и гуманистическая компетентность руководителя, т. е. способность решать гуманистические задачи, способствуя тем самым удовлетворению жизненных интересов подчиненных. В соответствии с этим, на следующем этапе анализа целесообразно рассмотреть класс задач, для решения которых актуальна гуманистическая составляющая знаний руководителя.

Цели и задачи получения и использования гуманистических знаний в деятельности руководителя

Поскольку психологическое знание обеспечивает принятие руководителем решений, его содержание помогает достижению основных целей управления. Наиболее общие ориентации и соответствующие им цели руководителя представлены в известной управленческой матрице Блейка и Моутона, которые считают, что руководители ориентированы на интересы а) производства и б) подчиненных (Блейк, Моутон, 1990). В связи с этим на организационном уровне данные ориентации представлены как управление *производством* и *социальное* управление (подробнее см.: Журавлев, 1978; Служба социального развития..., 1989; Грачев, 2008; и др.).

В аспекте *управления производством* основные критерии эффективности связаны с производственной эффективностью, а психологическое знание представлено в первую очередь знанием руководителем профессионально важных качеств своих подчиненных и компетенциями, обеспечивающими его успешное деловое взаимодействие по вертикали и горизонтали.

Социальное управление как управление по критериям жизненных интересов персонала (Грачев, 2008) предполагает знание руководителем этих интересов, иными словами, владение определенной *рабочей моделью жизненных интересов*, позволяющей принимать социальные решения. В современных моделях управления представление о жизненных интересах подчиненных, реализованное в управленческих решениях, часто понимается, с одной стороны, как элемент *видения* руководителя, а с другой – как основание для формирования *управленческих компетенций*. Более того, можно встретить обоснованную для эффективных организаций модель руководства-служения, в которой ядром руководства выступает служение руководителя своим подчиненным (Бланшар, 2007; Greenleaf, 2002). Для руководителя, использующего такую модель, характерны управление на основе удовлетворения потребностей других людей, создание условий для постоянного роста подчиненных, помощь окружающим, способность к концептуальному мышлению и видению будущего, коммуникативные способности (Greenleaf, 2002). Близкую по характеристикам модель трансформационного лидерства обосновал и Б. Басс (Bass, 1985).

Для определения более полного набора требований к психологическому знанию, обеспечивающему конкретизацию критериев эффективности социального управления, имеет смысл обратиться

ся к модели жизненных ориентаций работника, реализующихся в организации (Грачев, 1999). Три жизненные ориентации (дефицитарная, ориентация на самореализацию и духовная), имеющие свои основания в работах Фрейда, Фромма, Франкла, Маслоу, реализуются в определенных ожиданиях работника от организации: удовлетворения своих физиологических потребностей; безопасности; принятия со стороны группы; признания значимых лиц; возможностей влиять на происходящее и принимать влияние; реализации потенциалов — духовного, коммуникативного, практического; реализации идеалов, связанных с духовными ценностями.

Каждая из этих позиций представляет собой задачу социального управления, предполагающую для своего решения определен-

Таблица 1

Гуманистические компетентности руководителя

Задача	Компетентность
Помощь руководителя подчиненным в удовлетворении их физиологических потребностей	Способность произвести первичную оценку и оптимизацию психофизиологического состояния (своего и подчиненного), организовать производственную среду по критериям физиологического здоровья
Обеспечение безопасности подчиненных	Способность оценить и организовать производственную среду по критериям безопасности, оценить и оптимизировать тревожность подчиненного
Помощь руководителя подчиненным в их принятии со стороны рабочей группы	Способность оценить и организовать благоприятные взаимоотношения
Обеспечение признания подчиненных со стороны значимых лиц	Способность адекватно оценивать подчиненных, определять референтных лиц, организовать действенную систему оценки труда
Обеспечение возможностей для подчиненных влиять на происходящее и принимать влияние	Способность оценивать ориентацию подчиненных на влияние, делегировать полномочия, помогать подчиненным, организовать систему самоуправления
Создание условий для реализации потенциалов подчиненных — духовных, коммуникативных, практических	Способность организовать условия для реализации потенциала работников
Создание условий для реализации идеалов, связанных с духовными ценностями подчиненных	Способность организовать условия для реализации духовных ценностей работников

ную компетенцию и компетентность как способность ее использовать. На мотивационное ядро компетентности профессионала обращает особое внимание Дж. Равен (Равен, 2002).

В соответствии с этим, руководитель должен знать особенности проявления жизненных ориентаций подчиненных, возможности реализации этих ориентаций и, наконец, представлять себе жизненные ориентации каждого подчиненного. Эти знания можно считать ядром *социальной компетентности руководителя*.

В одном из наших исследований руководители среднего звена горно-обогатительного комбината должны были предсказать ответы подчиненных на значимые для них вопросы по поводу нарушений трудовой дисциплины и наказаний за них. Руководители значимо разделились на две группы по времени выполнения этого задания. Оказалось, что руководители, затратившие значимо большее время на задание, давали более дифференцированные ответы, предполагающие индивидуальные различия подчиненных, и, по экспертной оценке вышестоящих руководителей, были более успешны в своей работе.

Таким образом, гуманитарный аспект знания руководителем своего подчиненного заключается, в первую очередь, в знании его жизненных интересов и возможностей эти интересы реализовать.

Знания, обеспечивающие *удовлетворение физиологических потребностей* подчиненных, предполагают способность руководителя провести первичную оценку состояния работника, общую оптимизацию состояния (своего и подчиненного), организовать условия труда, обеспечивающие соответствие санитарно-гигиеническим требованиям, минимальную травматичность условий работы и оборудования, оптимальность режимов труда и отдыха, наличие условий для отдыха.

Индивидуальный подход руководителя к подчиненному в данной области проявится в адекватном представлении руководителя о физиологическом здоровье и типичном психофизиологическом состоянии своего подчиненного и о возможностях оптимизировать его состояние.

Ориентация работника на безопасность проявляется в его стремлении к достаточной определенности и отсутствию угроз в процессе труда. В соответствии с этим, руководитель должен иметь информацию об условиях, обеспечивающих достижение данных результатов. С учетом результатов исследований в области психологии труда и организационной психологии, это: а) достаточная простота производственных заданий, четкая постановка целей, определен-

ность должностных обязанностей и непротиворечивость требований со стороны руководителей; б) посильность требований, предъявляемых к работнику руководителями; в) предсказуемость оценки и поведения руководителя; г) отсутствие угрозы (со стороны руководителя, товарищей, подчиненных, производственной ситуации).

Индивидуальный подход руководителя к подчиненному в области безопасности будет основан на адекватном представлении руководителя о тревожности конкретного подчиненного и значимых для него угрозах и о возможностях оптимизировать эту тревожность и снять угрозы. Способность использовать эту информацию для принятия управленческих решений и составляет компетентность руководителя в области безопасности.

Ориентация работника на принятие проявляется в его стремлении к выраженному взаимодействию и доброжелательным отношениям. В этой связи от руководителя требуется знание того, как организовать это взаимодействие подчиненных преимущественно в форме сотрудничества как по горизонтали, так и по вертикали (и деловое, и межличностное), создать условия для принятия работника как руководителями, так и товарищами по работе, организовать благоприятные отношения между работниками.

Индивидуально-психологические особенности работника, актуализирующие его ориентацию на принятие, — это *коммуникативные характеристики личности*. Знание руководителем данных характеристик своих подчиненных и способов их использования для оптимизации лежит в основе решения им коммуникативных задач (см. также: Журавлев, 1983; и др.).

Ориентация работника на признание основана на его стремлении получать высокую оценку со стороны значимых лиц. В этой связи руководителю важно знать правила оценивания, связанные с регулярностью, справедливостью, модальностью оценки, и организационные условия, реализующие эти правила.

Индивидуальный подход к подчиненному в этом отношении основан на знании руководителем референтных для работника лиц (в частности, о своей значимости для работника в этом отношении), на знании самооценки и уровня притязаний работника, что будет являться условием для организации признания успехов работника в организации.

Ориентация работника на влияние, не содержащаяся в списке потребностей А. Маслоу, но обоснованная Д. Макклелландом и В. Шутцем, проявляется в его стремлении принимать самостоятельные решения (оказывать влияние) и обращаться за помощью

(принять влияние). Знания руководителя в этой области основаны на его представлении о допустимом для подчиненных уровне самостоятельности в принятии решений, способах развития организаторских способностей и способности подчиняться, о соответствующей области участия подчиненных в управлении.

Индивидуальный подход к подчиненному в области влияния основан на знании руководителем, во-первых, степени выраженности ориентации подчиненного на влияние, его доминантности-подчиненности и локуса контроля, во-вторых — условий для включения работника в принятие решений.

Ориентация работника на самореализацию представлена в его «чистом» стремлении реализовать свои потенциалы — когнитивный, коммуникативный, практический. Для решения этой задачи руководитель должен иметь объективное представление об уровне профессионального, когнитивного, коммуникативного развития своих подчиненных в целом и об оптимальных условиях реализации этих потенциалов (интересная работа, сложные, но посильные производственные задания, дружеское общение).

Духовная ориентация работника предполагает его стремление к самосовершенствованию в системе координат духовных ценностей, к помощи своим коллегам, руководителям и подчиненным, и проявляется в чувстве долга по отношению к организации, другим работникам, социуму в целом, самому себе. В этом аспекте знания руководителя основаны на его способностях: а) определить философию организации (подразделения); б) показать подчиненным смысл их труда, помочь выполнять социально значимую работу, актуализировать чувство долга; в) помочь подчиненным совершенствоваться в процессе выполнения работы; г) определить систему собственных жизненных ценностей и смысл своей собственной деятельности; д) определить программу самосовершенствования в процессе своей деятельности; е) быть для подчиненных примером в реализации духовной составляющей труда.

Представленные требования к знаниям руководителя могут быть реализованы в конкретных технологиях работы, включенных в систему социального управления организацией, и в систему обучения руководителей.

Представленный набор гуманистических управленческих задач является типовым: в идеале он должен содержаться в деятельности каждого руководителя. На практике же эти задачи имеют разную значимость в зависимости от ориентаций персонала конкретной организации, что в высокой степени находит свое отра-

жение в организационной культуре. В этой связи целесообразно определение не только задачи и способов ее решения, но и *иерархии управленческих задач* по их значимости. С этой целью может использоваться процедура определения портретов типичного и идеального работников.

В нашем исследовании, направленном на определение мотивационных характеристик типичного и идеального работников, участвовали работники организаций разного типа (179 рабочих, 163 служащих и 72 руководителя). Для определения мотивационных характеристик использовалась шкала, оценивающая выраженность *характеристик типичного (идеального) работника*, разработанная на основе трехкомпонентной модели жизненных ориентаций (Грачев, 2008, 2010) и апробированная на выборке из 393 человек (рабочие и служащие).

Статистический анализ показал, что мотивационные профили типичного работника у рабочих и служащих практически не различаются, поэтому результаты будут представлены для всей выборки работников в целом (см. таблицу 2).

Видно, что представления руководителей и рядовых работников о мотивационных характеристиках типичного работника близки (коэффициент ранговой корреляции между этими представлениями составил 0,9). И те, и другие в качестве основных мотивационных характеристик выделяют *дефицитарные* – заинтересованность в удовлетворении своих материальных потребностей, желание

Таблица 2

Наиболее выраженные мотивационные характеристики типичного работника (возрастание ранга – в порядке убывания значимости)

Мотивационные характеристики	Работники	Руководители
Заинтересованность в удовлетворении материальных потребностей	1	1
Желание выполнять простую, хорошо организованную, безопасную работу	2	2
Стремление к благоприятному положению в коллективе	3	4
Стремление к признанию, высокой оценке со стороны значимых людей	4	3
Стремление оказывать бескорыстную помощь товарищам по работе	5	5

выполнять простую, хорошо организованную, безопасную работу, стремление к благоприятному положению в коллективе, стремление к признанию, высокой оценке со стороны значимых людей. Лишь одну характеристику – стремление оказывать бескорыстную помощь товарищам по работе – можно отнести к *духовным*.

Характеристики типичного работника определяют *поле актуальных управленческих задач*, которые выступают составляющей социального управления. Поэтому, в соответствии с значимостью этих мотивационных характеристик, может быть организована информационная поддержка деятельности руководителей (это относится в первую очередь к руководителям низового и среднего звена) как в системе их обучения, так и в обеспечении социального управления (Грачев, 2016).

Мотивационные характеристики идеального работника (см. таблицу 3) задают *поле перспективных управленческих задач*, которые определяют направление организационного развития.

В мотивационных профилях *идеального* работника наряду с двумя дефицитарными характеристиками (заинтересованность в удовлетворении материальных потребностей и стремление к благоприятному положению в коллективе) представлены *самореализационные* и *духовные* характеристики, которые занимают основное место

Таблица 3

Наиболее выраженные мотивационные характеристики идеального работника (возрастание ранга – в порядке убывания значимости)

Мотивационные характеристики	Рядовые работники	Руководители
Заинтересованность в удовлетворении материальных потребностей	7,5	7
Стремление выложиться полностью во время работы	1	3,5
Стремление к благоприятному положению в коллективе	2,5	1,5
Переживание чувства долга и высокой моральной ответственности по отношению к работе	5	5
Стремление к признанию, высокой оценке со стороны значимых людей	7,5	1,5
Захваченность работой	2,5	6
Стремление оказывать бескорыстную помощь товарищам по работе	4	3,5

в профилях. Такой мотивационный профиль в значительной степени соответствует моделям трансформационного лидерства и лидерства-служения, которые обсуждались выше.

Обращает на себя внимание то, что представления об идеальном работнике у рядовых работников и руководителей различаются больше, чем представления о типичном работнике: рядовые работники большую значимость придают самореализационным характеристикам (стремлению полностью реализовать свой потенциал в работе), в то время как руководители большее внимание уделяют стремлению получать высокую оценку со стороны значимых лиц (скорее всего, руководителей). То есть руководители видят идеального работника более простым – безусловно отдающим себя работе и при этом ориентированным на оценку начальника.

Психологический портрет идеального работника целесообразно использовать не только в процессе обучения руководителей и определении реальных управленческих задач, но и в процессе разработки организационной философии.

Важно заметить, что портреты типичного и идеального работников могут различаться в разных организациях, что будет зависеть от специфики организационной культуры. (Обсуждение этой проблемы выступает отдельной специальной задачей.)

Таким образом, психологическое знание помогает руководителю обеспечить: а) управление производством (преимущественно – знание о профессионально важных качествах и трудовой мотивации подчиненных), б) социальное управление (преимущественно – знание о жизненных ориентациях подчиненных, имеющее гуманистический характер). Основную роль при этом будет играть психологическое знание, обеспечивающее социальное управление. Это знание особенно востребовано при использовании модели управления человеческими ресурсами.

Психологическое знание включено в управленческую концепцию руководителя, в свою очередь выступающую компонентом его профессиональной картины мира. Особое место в гуманистической составляющей этой концепции занимают представления руководителя о терминальных образах своих подчиненных – их представления о реальных и идеальных организации, организационной среде, типичных ситуациях, о себе и сотрудниках. Проработка этих терминальных образов с учетом их особенностей и характеристик позволяет повысить эффективность принятия гуманистических решений.

Данные решения позволяют работнику реализовать три основные жизненные ориентации – дефицитарную, ориентацию на самореализацию и духовную, а руководителю – использовать соответствующие им компетентности, включенные в решение соответствующих управленческих задач (актуальных и перспективных) в форме технологий и сценариев.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Общ. ред. М. С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988.
- Бланшар К. Лидерство: к вершинам успеха. СПб.: Питер, 2007.
- Блейк Р., Моутон Д. Научные методы управления. Киев: Наукова думка, 1990.
- Гоффман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Грачев А. А. Жизненные ориентации как детерминанты жизнедеятельности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Грачев А. А. Профессиональная компетентность практического психолога в сфере образования: организационный подход // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2 (11). С. 42–50.
- Грачев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.
- Грачев А. А. Психологическое проектирование развития производственной организации // Психология менеджмента: Практикум / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. С. 207–221.
- Грачев А. А. Терминальный образ в психологическом проектировании организации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 235–243.
- Грачев А. А. Прикладная социальная психология в деятельности психологической службы промышленного предприятия советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор») // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 122–143.

- Журавлев А. Л.* Функциональная организация деятельности руководителя производственного коллектива // Психологические аспекты человеческой деятельности. Инженерная психология и психология труда. М.: ИУНХ, 1978. С. 51–62.
- Журавлев А. Л.* Об изучении личности руководителя производственного коллектива // Проблемы психологии личности: Советско-финский симпозиум. М.: Наука. 1982. С. 74–82.
- Журавлев А. Л.* Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления знаниями: состояние и перспективные направления исследований // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 293–314.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Управление знаниями в современных организациях и сообществах // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, А. Н. Поддьяков, А. В. Юревич. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 275–323.
- Кабаченко Т. С.* Психология управления: В 2 ч. М.: Российское педагогическое агентство, 1997.
- Китов А. И.* Психология хозяйственного управления. М.: Профиздат, 1984.
- Культура и поведение в организации: российский опыт / Отв. ред. С. П. Дырин, А. Л. Журавлев, Т. О. Соломанидина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Понимание гуманизации управленческих отношений и возможности ее развития в организации // Человек—наука—гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова: Сб. статей / Ред.-сост. Г. Л. Белкина. М.: Наука, 2009. С. 518–533.
- Макгрегор Д.* Человеческий фактор и производство // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 146–151.
- Национальная программа «Российская деловая культура». М., 1997.
- Основы инженерной психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Высшая школа, 1977.

- Оучи У. Г. Методы организации производства: японский и американский подходы. М.: Экономика, 1984.
- Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Л. Журавлева и др. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Тверь: ТвГУ, 2016.
- Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия, 2001.
- Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Человек: анатомия, физиология, психология: Энциклопедический иллюстрированный словарь / Под ред. А. С. Батуева, Е. П. Ильина, Л. В. Соколовой. СПб.: Питер, 2007.
- Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»—«КСП+»—Академический проект, 1999.
- Bass B. M. Leadership and performance beyond expectations. NY: Free Press, 1985.
- Greenleaf R. Servant leadership: a journey into the nature of legitimate power and greatness. N. Y.: Paulist Press, 2002.

Знания в структуре психологической готовности личности к предпринимательской деятельности

Д. А. Китова

Введение

Переход к рыночной экономике, начатый в России в первой половине 1990-х годов, привел к развитию новых форм собственности и отношений, к которым основная масса россиян была не готовой, так как социальный опыт жизнедеятельности, сложившийся в годы советской власти, оказался непригодным для выживания в условиях рыночных отношений. Особенно остро проявила себя проблема психологической неготовности: люди, в свое время адаптировавшиеся к жестко ограниченным правам собственности, к стесненным материальным условиям жизни, утратили потребность в проявлении хозяйственной инициативы, необходимой для повышения личного благосостояния. Тем не менее государство и предприятия переложили бремя материального обеспечения на плечи самих граждан, отказавшись от предоставления каких-либо существенных материальных гарантий трудоспособным лицам. В связи с этим возникла острая необходимость перестройки психологии людей и ее адаптации к новым условиям хозяйствования.

Наиболее продуктивным с экономической точки зрения способом адаптации личности к рыночным отношениям является предпринимательская деятельность (подробнее об адаптации к профессиональной деятельности см.: Психология адаптации..., 2007; Бодров, Дикая, Журавлев, 2012; Дикая, Журавлев, Занковский, 2016; и др.).

Изучение отношения различных категорий молодежи к труду показывает, что в ее сознании произошла коренная переориентация от предпочтений нематериальных ценностей к материальным. Согласно исследованию С. И. Асбаровой, для 65,3% молодежи в возрасте до 24 лет большая зарплата является решающим фактором при выборе места работы (Асбарова, 2003, с. 157). Соответственно, это актуализирует проблему подготовки молодежи к успешной эко-

номической самореализации, в том числе и посредством предпринимательской деятельности.

Развитие предпринимательства способно коренным образом расширить производство многих потребительских товаров и услуг с использованием местных источников сырья, противостоять монополизации рынка, решить проблему занятости, а также способствовать научно-техническому прогрессу во всех видах производства. Оказывая непосредственное воздействие на формирование «среднего класса», малые и средние предприятия являются важнейшим фактором политической стабильности и социально-экономического развития общества.

Психологические аспекты предпринимательской деятельности

«Предпринимательство, бизнес – инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, организаций и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя (бизнесмена)» (Современный экономический словарь, 2001, с. 300). Из такого определения ясно, что предпринимательство – сложная социально-экономическая реальность и в ее исследовании задействован целый ряд отраслей знаний – экономика, право, социология, психология и др. Пытаясь разграничить экономический и психологический подходы в оценке предпринимательства, К. Веспер отмечал, что для экономиста предприниматель – это тот, кто берет ресурсы, труд, материалы и другие активы и соединяет их в комбинации, увеличивающие их первоначальную стоимость; для психолога – это человек, который находится под влиянием определенных потребностей: что-то получить или чего-то достичь, экспериментировать и добиваться цели или, возможно, избежать подчинения власти других (Веспер, 1980, с. 2).

По мнению лауреата Нобелевской премии Ф. Хайека, предпринимательство – это не особая форма социально-экономической деятельности, а скорее характеристика *поведения* человека. Оно неразрывно связано с его свободой, исключает его подчинение воле других людей и должно быть сообразовано с законами гражданского общества. Цель предпринимательства – поиск и исследование новых экономических возможностей (Хайек, 2000).

В ранних исследованиях психологии предпринимательства наибольшую актуальность представляли выявление специфического психологического портрета предпринимателя, поиск устойчивых комбинаций личностных черт и деловых качеств, позволяющих прогнозировать предпринимательский потенциал и успешность деятельности (см., например: Журавлев, Позняков, 1993, 1995; Психология предпринимательской деятельности..., 1995; и др.).

Общепризнанная зависимость эффективности предпринимательской деятельности от психологических переменных создает предпосылки к тому, что в качестве отличительного признака предпринимательства иногда рассматривается особый психологический (предпринимательский) тип личности. Известны многочисленные попытки создать типологический профиль успешного предпринимателя. Наиболее часто среди его характерных особенностей называют инициативность, энергичность, склонность к риску на среднем уровне, чувствительность, креативность, независимость, способность к решению проблем, потребность в достижении, уверенность в контроле над собственной судьбой, развитое воображение, склонность к лидерству, упорный труд и др.

Предполагалось, что создание *типового психологического портрета успешного предпринимателя* теоретически позволит безошибочно диагностировать и выявлять потенциальных предпринимателей в различных возрастных и профессиональных группах людей. Предполагалось также, что, используя психолого-диагностические процедуры, можно гарантированно определить эффективность действующего или будущего предпринимателя. Однако эмпирические исследования доказали, что реальное решение проблемы посредством данного подхода не столь однозначно. Во-первых, практика показала, что успеха в деятельности достигают не только те предприниматели, личностные особенности которых близки к типовому психологическому портрету, но и те, чей психологический профиль весьма далек от идеального. Выяснилось, что люди с низкими предпринимательскими способностями также могут достигать высокой эффективности в предпринимательской деятельности. Во-вторых, наличие личностных черт, совпадающих с личностным профилем успешного предпринимателя, не выступает гарантией наличия у субъекта потребности заниматься предпринимательской деятельностью, интереса к предпринимательству. В-третьих, обладая совокупностью личностных качеств успешного предпринимателя, человек мо-

жет неплохо зарекомендовать себя и в профессиональной карьере наемного работника, особенно в тех профессиях, где требуются активность, инициативность и креативность (например, в управлении, научной деятельности, других творческих профессиях).

В оценке успешности предпринимательской деятельности можно исходить и из оценки *объективных результатов деятельности* предпринимателя. Объективным результатом предпринимательской деятельности, реализующей потенциальные ресурсы личности (способности), является получаемый субъектом деятельности доход. С этой позиции, личность в экономическом измерении представляет собой потенциальную стоимость ее субъективных возможностей, проявляющихся в профессиональной деятельности, измеряемую в рублях за единицу времени.

Если оценивать личность по экономической схеме «затраты—выпуск», то предприимчивость обнаруживает себя внешне в достижениях успеха с минимальными затратами ресурсов — временных, трудовых, материальных и финансовых. При таком подходе считается, что общим для всех предпринимателей является единственное свойство — предприимчивость.

В современной отечественной психологии предпринимательство часто рассматривается в рамках традиционного *деятельностного подхода*, с позиций которого ведутся поиски признаков, общих для разных видов профессиональной деятельности, и отличительных, специфических именно для предпринимательства. Известно, что психологическая структура предпринимательской деятельности аналогична структуре любой другой деятельности человека как субъекта социально-экономического взаимодействия. Соответственно, в нее включают цель, мотив, анализ информации, планирование, принятие решений, средства достижения цели, профессиональные действия, результат, оценку и коррекцию результатов (А. В. Батаршев, Ю. П. Ветров, А. И. Китов, И. В. Роман, А. В. Филиппов).

Одним из основных среди структурных составляющих успешности предпринимательской деятельности человека является фактор *психологической готовности к ней*. Определение и ранжирование условий личностной успешности предпринимателя превращает их в управляемые психологические переменные, с помощью которых возможно формирование психологической готовности к успешной предпринимательской деятельности в сфере малого бизнеса.

Психологическая готовность к деятельности как предмет психологического исследования

В числе структурных составляющих психической деятельности человека одним из основных является фактор психологической готовности. Обращение к проблемам психологической готовности к деятельности всегда значимо в случаях, когда идет речь об использовании психологических возможностей человека в необычных, нестандартных, новых ситуациях.

Неудивительно, что впервые наиболее остро необходимость формирования психологической готовности к деятельности осознали и стали целенаправленно развивать военные, для которых эта проблема является чрезвычайно актуальной: высокая психологическая готовность к бою всегда сопутствовала успехам в боевых действиях, а недостаточная готовность влекла за собой поражение и массовую гибель людей.

Профессиональные психологи обратились к этой проблеме лишь в XX веке. Первые исследования психологической готовности к бою провели известные советские психологи Б. М. Теплов и А. И. Китов (Теплов, 1943; Китов, 1972). Основная идея формирования психологической готовности, отмечает Китов, состоит в том, чтобы создать психологическую модель боя, при которой можно, «не ведя реального боя, используя определенную систему вспомогательных средств, дать почувствовать личному составу суровое состояние боя. Важно здесь не столько создать внешнюю картину боевых действий, сколько добиться «максимального приближения переживаний воинов к тому, что им предстоит испытать в настоящем бою» (Китов, 1972, с. 123). Подобного рода психологическое моделирование в целях формирования готовности к предстоящей деятельности осуществляется повсеместно, во всех сферах социальной практики, где предполагаемая деятельность предъявляет к личности особые требования, которым она заведомо не отвечает: в спорте, в авиации и космонавтике, на подводном флоте и т. д.

В психологии также разрабатываются различные проблемы психологической готовности личности: психологическая готовность к деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. Д. Парыгин), психологическая подготовка к школе (Н. И. Гуткина), психологическая готовность детей к творчеству (Л. М. Сидорова), психологическая готовность к материнству (С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева, Н. И. Ганошенко), психологическая готовность к созданию семьи (С. В. Ковалев); психологическая готовность к материальному са-

мообеспечению (Д. А. Китова). Каждый из авторов дает свое определение психологической готовности, в зависимости от специфики изучаемого явления.

По мнению Б. Д. Парыгина, психологическая готовность личности к деятельности является необходимым условием не только для ее начала, но и для эффективного завершения. Она может рассматриваться в качестве характеристики *меры настроенности человека* на активное *включение* и на наиболее полную *отдачу* в ней в соответствии с ее смыслом и характером. Не менее значимой составляющей психологической готовности к участию в самоуправлении является способность к *эффективной* деятельности, т. е. к такой активности, которая приводит к разрешению ряда реальных социально-экономических проблем данной территории. Именно эта составляющая психологической готовности и является самой главной для оценки ее состояния.

За основу в исследовании нами принято определение психологической готовности к трудовой деятельности. Исследуя данный вид готовности, В. Н. Дружинин дает такое определение: «психологическая готовность – психическое состояние, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта труда на выполнение конкретной деятельности» (Дружинин, 2009). Определяя условия формирования психологической готовности к трудовой деятельности, автор отмечает, что данный процесс представляет собой последовательность взаимосвязанных процедур и действий:

- осознание своих потребностей, требований общества, коллектива или поставленной другими людьми задачи;
- осознание целей выполнения задач, решение которых приводит к удовлетворению потребностей или выполнению поставленной задачи;
- осмысление и оценка условий, в которых будут протекать предстоящие события, актуализация опыта, связанного с решением задач и выполнением требований подобного рода;
- определение наиболее рациональных и возможных способов решения задач или выполнения требований;
- прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата;
- мобилизация сил в соответствии с условиями и задачей, самовнушение веры в успешное достижение цели.

Будучи *целостным образованием*, психологическая готовность включает в себя мотивационные, познавательные, эмоциональные и волевые компоненты, учет которых является необходимым условием достижения успешной предпринимательской деятельности.

Если исходить из деятельностной концепции предпринимательства, то предпринимательскую деятельность можно представить как активное взаимодействие человека с окружающей действительностью, в ходе которого личность выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности, т. е. в основе предпринимательской деятельности, как и любой другой, лежит определенная потребность.

Первым импульсом, который «напоминает» о начале актуализации потребности личности, является нужда и ее осознание. По своей сущности она обнаруживает себя в форме психического состояния беспокойства, неудовлетворенности, дефицита, «сбоя» в жизнедеятельности, отвлекающего внимание от того, чем занят человек в этот момент времени.

Нужда как слагаемое потребности по мере «наполнения» социальным содержанием из окружающей среды образует идеальное ядро будущей деятельности, включающее в себя: *знания и умения личности, ориентированные на удовлетворение данной потребности, привычный, сложившийся в опыте уровень притязаний, а также основные слагаемые будущей деятельности — цель, мотивы, способы действий*. Сформировавшееся идеальное ядро деятельности затем развертывается в реальную деятельность. В результате выстраивается полная структура деятельности следующего вида: *нужда—притязания—знания и умения—представление о ситуации в целом—решение действовать—цель—мотив—способы действий—результат деятельности—коррекция нужды—удовлетворение нужды—завершение деятельности*.

Какого же рода знания необходимы предпринимателю для успешной реализации его деятельности?

Знание как психологическая категория

Дело в том, что само понятие «знание» не имеет в науке общепризнанного определения. Здесь выявляется парадоксальная вещь: вся система образования строится на фундаменте, который состоит из «кирпичей-знаний», о сущности которых у «строителей» нет единого мнения.

Парадокс этот обнаруживается и в самом русском языке. Так, в словаре С. И. Ожегова приводятся два значения данного слова. Первое — «постижение действительности сознанием; наука». При этом «постичь и постигнуть» трактуется как «понять, уразуметь» (Ожегов, Шведова, 1997, с. 45). Отсюда можно заключить, что «постижение» и «понимание» — категории одного и того же смысла. Тогда «постижение действительности» оказывается «пониманием действительности», т. е. процессом психического отражения действительности, но никак не результатом. Не менее спорна завершающая часть определения, согласно которой действительность постигается сознанием. Под сознанием подразумевается «мысль, чувство, ясное понимание», а знание — «постижение действительности»; здесь проблема окончательно запутывается и поиск четкого ответа на вопрос, что такое знание, теряет перспективы своего завершения.

Второе значение слова «знание» — «совокупность сведений, познаний в какой-либо области». Это, как представляется, точнее презентурует слово, хотя остается еще понять, что такое «сведения», которому словарь дает следующее определение — «знание, представление о чем-нибудь», т. е. круг замкнулся: знание — это «сведения», а «сведение» — это знание.

Конечно, нельзя ожидать от словаря русского языка точного толкования научных понятий. Однако хорошо известно, что Курт Левин, один из признанных мастеров психологического анализа, часто шел от обычного, житейского употребления термина к его превращению в подлинное научное понятие. Так он поступил в свое время с общеупотребительными в обиходном языке словами типа «намерение», «фрустрация», «научение», «подростковый возраст», «сопротивление изменению», «конфликт» (Левин, 2000а, в). И он оказался прав: этот путь в науке может стать продуктивным. Именно поэтому мы и дальше будем обращаться к широко распространенным и нечетко определенным терминам, анализ которых, как мы надеемся, поможет построить если и не подлинно научное понятие, то хотя бы сформировать рабочие понятия, доступные операциональному измерению.

Пока что из сделанного выше анализа по материалам словаря С. И. Ожегова ясно, что понятие «знание» четкого определения не имеет. Обратимся к научным изданиям по этой проблеме. В психологическом словаре под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского слово «знание» отсутствует вообще, почему — трудно понять (Краткий психологический словарь, 1985). Не указано «знание» и в словаре-справочнике В. Г. Крысько (Крысько, 2004).

Есть это слово в словаре, изданном в 2003 г. под общей редакцией Ю. Л. Неймера. «Знание, — сказано в этом издании, — результат познавательной деятельности человека. Знание выступает в виде усвоенных понятий, законов, принципов, а также зафиксированных образов, явлений и предметов» (Неймер, 1990, с. 143). Здесь же дается классификация знаний: по степени обобщенности (эмпирические, частичного обобщения, теоретические, отражающие закономерные связи и отношения, существующие в действительности); по степени достоверности (научные и житейские); по глубине освоения (осмысленные и формально усвоенные). Подчеркивается, что большая роль в освоении знаний принадлежит самому учащемуся, его самостоятельной работе.

Более строгую трактовку понятия «знание» дает известный российский психолог В. П. Зинченко. «Знание, — пишет он, — это трудноопределяемое понятие. Его нередко смешивают с опытом, пониманием, информацией. Наряду с этим сплошь и рядом смешиваются подлинное понимание, эрудированность и информированность. В обыденном сознании грани между ними все больше размываются, как и грани между знанием и информацией. Тем не менее, такие грани существуют» (Зинченко, 2002, с. 36). Существует точка зрения, согласно которой «знание» определить невозможно, так как это первичное понятие. С этим согласен и В. П. Зинченко: «Каковы бы ни были источники происхождения, — считает он, — знание о мире, о человеке, о себе имеется у каждого, и оно существенно отличается от научного знания даже тогда, когда принадлежит ученому. Это знание живого о живом, т. е. живое знание» (там же, с. 37).

Понятие «живое знание» впервые ввел в употребление российский философ С. Л. Франк в одноименной книге, которая вышла в свет в Берлине в 1923 г. Оно может включать в свой состав и научное знание в качестве встроенного в него естественного компонента, но оно никогда не тождественно научному знанию, по крайней мере, по эмоциональной окрашенности:

- живое знание всегда лично насыщено умом, чувствами и волей человека, а научное — бесстрастно после того, как оно покинуло «творческую кухню» ученого, открывшего это знание;
- оно осмыслено, «переработано» умом данного человека, а потому несет в себе отпечаток особенностей его интеллекта;
- оно носит в себе и отпечаток воли человека, ибо может быть доведено до глубины возможного, доступного познания, либо быть недодуманным, «неряшливо» оформленным (Франк, 1995).

Обобщая ряд исследований, Зинченко приводит, ссылаясь в том числе и на других авторов, основные характеристики живого знания:

- это знание до знания, предзнаковая форма знания, мироощущение, неконцептуализованные образы мира, бессознательные обобщения и умозаключения, память и привычки, житейские понятия неизвестного нам происхождения и др. формы существования этой психологической реальности; словом, это «неясное знание» (М. Полани).
- это знание как таковое, существующее в институционализированных образовательных системах, в науке;
- это знание о знании, т. е. о том, что я знаю.

В свою очередь, Я. А. Коменский рассматривал «незнание как недостаток/отсутствие знания в душе». Это может быть незнание своего незнания, что, по мнению Я. А. Коменского, является собой источник безрассудства, дерзости, самонадеянности, и знание о незнании («Я знаю то, что ничего не знаю»), которое, по Коменскому, представляет собой источник жажды знаний, мудрости и иногда может свидетельствовать о знании больше, чем само знание.

В целом, как полагает В. П. Зинченко, главное достоинство живого знания (и незнания) состоит в том, что человек узнает себя в нем, оно не выступает в качестве чуждой (отчужденной, как это имеет место в случае научного знания) для него реальности или силы.

Знание, конечно, имеет свое собственное самостоятельное значение, но оно может быть компонентом других образовательных реальностей, например, *компетентности*, формирование которой применительно к будущей специальности студента является центральной задачей любого вуза. Но компетентность не сводится только к обладанию знаниями, она непременно включает в себя возможность их практического применения (Стернберг, 2002). Компетентность формируется, конечно, на основе знаний, но при условии, если человек практически применяет эти знания, приобретает опыт их использования в качестве руководства к действиям. Только тогда академический интеллект, почти всецело построенный на знаниях и творческом оперировании ими, обретает черты практического интеллекта, на котором базируется компетентность и в основе которой все же лежат знания.

Как видим, понятие «знание» все еще будоражит творческое воображение ученых, но к общему согласию о его сущности они не приходят. Одни отказываются давать его определение, как это делают упомянутые выше авторы психологического словаря, дру-

гие пытаются определить, третьи считают, что это понятие не поддается определению как первичное понятие всей образовательной системы. Повышенный интерес исследователей к данному понятию вполне объясним: современное общество пытается строить экономику, политику, образование и культуру в целом, включая и технические системы, именно на знаниях.

В этих условиях зародилась новая научно-практическая отрасль – *инженерия знаний*: комплексная область информационной технологии, цель которой – подготовка знаний к обработке на компьютерах. Исходя из этих соображений, группа крупных японских специалистов (С. Осуга, Х. Судзуки, Х. Кобаяси, Т. Китихаси, Ю. Саэки, Ю. Танака, С. Арикава, Т. Синохара, Т. Мияхара, М. Харагути) подготовили десятитомную серию инженерии знаний, которая посвящена методике приобретения знаний и обучения с позиций построения экспертных систем и баз знаний. Они рассмотрели и психологические аспекты знаний, связанные с их извлечением из воспринимаемых объектов, и ряд других актуальных проблем.

«Чтобы инженерия знаний утвердилась как одно из научных направлений, необходимо дать строгое определение, что такое знание», – пишут в предисловии к книге ее редакторы С. Осуга и Ю. Саэки. Возможности компьютеров ограничены, и они могут обрабатывать лишь некоторую часть необходимой пользователю информации. «Для того чтобы компьютеры могли обрабатывать информацию на более высоком уровне, – считают они, – необходимо поднять до соответствующего уровня форму предоставления информации». Такая информация (вся или некоторая ее часть) «будет иметь настолько общую форму представления, что ее можно будет назвать знаниями. Проблема, возникающая здесь, настолько своеобразна и сложна, что пришло время подготовки специалистов принципиально новой формации – инженеров по знаниям», – пишут японские специалисты (Осуга и др., 1990, с. 243).

Все сказанное выше подтверждает чрезвычайную сложность проблем, связанных со знанием как с разновидностью реальности и носящих *междисциплинарный* характер. Поэтому для целей нашего исследования необходимо дать хотя бы рабочее определение этой реальности.

Знание мы будем рассматривать как продукт (результат) психического отражения человеком отдельных атрибутов (или фрагментов, свойств и т. п.) воспринимаемого объективного (внешнего и внутреннего) мира, как идеальную форму представленности объективной действи-

тельности (или ее фрагментов) в психике человека. Словом, знание, если прибегнуть к терминологии К. Левина, есть феномен психологического поля личности, т. е. ее видения мира, системы представлений о нем (Левин, 2000в).

Оригинальные идеи о сущности знания высказал в свое время русский поэт Андрей Белый в книге «О смысле познания». «Соединять слово «знание» со словом «научность» нельзя. Слова «знание» и «наука» инородны по корню. «Наука» предполагает прежде, «знания» результат «научения»» (Белый, 1991, с. 6). Не будем вдаваться в полемику с поэтом, но сам факт его острого интереса к теме лишней раз подчеркивает, что термин (слово, понятие) «знание» обозначает весьма сложное явление, трактуемое по-разному разными авторами.

Предпринимательские знания и умения

Принципиальное отличие системы знаний и умений предпринимателя от системы знаний и умений выпускника вуза заключается в том, что традиционный тип информации, получаемой в учебных заведениях, добыт другими людьми (учеными) и препарирован для удобства понимания педагогами. Преподавательские знания, конечно, имеют такую же основу. Но главное отличие состоит в том, что бизнесмен добывает нужные ему знания из самой жизни, из социальной практики – собственной и других людей – чиновников государства, конкурентов, смежников, снабженцев, сбытовиков, специалистов и т. д. Знания, получаемые таким образом, носят название «неявных знаний», в смысле не выявленных ранее, добываемых «здесь-и-сейчас» и конкретным предпринимателем. Неявные знания, содержащиеся в историях успешно работающих людей, связаны с теми уроками, какие были ими извлечены в процессе выполнения соответствующих ролей (Стернберг, 2002, с. 206). Но предпринимателю мало добыть «неявное знание», конкретизирующее его традиционное образование, ему следует преобразовать его в «живое знание», которое пригодно для внедрения в собственную предпринимательскую практику. При этом ему надо помнить, что никто из окружающих его людей (кроме, может быть, самых близких, коих не может быть много) не станет – более того, не захочет, если даже может – в условиях рынка просто так отдавать свои знания, уже пригодные для употребления по прямому назначению.

Некоторые представления о характере специфически предпринимательских знаний и умений дают приводимые ниже позиции.

- Понимание сущности предпринимательства, почерпнутое не только из книг и опыта других людей, но главным образом из собственной хозяйственной практики.
- Умение давать повседневным фактам, событиям, людям взвешенные оценки в первую очередь с целью определения их возможного влияния на свой бизнес.
- Умение находить оригинальные решения повседневных хозяйственных задач и по возможности сохранять их в тайне от конкурентов как можно более длительное время.
- Умение объективно оценивать новые идеи, от кого бы они ни исходили, с разных позиций: насколько они могут помочь или нанести ущерб делу, откуда они исходят и каковы намерения их автора, нельзя ли преобразовать эту идею, чтобы смягчить или снять ее негативные последствия или обратить их в свою пользу.
- Знания и умения, требуемые для создания нового дела (юридические, экономические, технические, психологические, просто житейские из собственного опыта и опыта других людей).
- Знания и умения, необходимые для объективной, непредвзятой оценки самого себя, своих возможностей, результатов своей деятельности.
- Знания и умения, необходимые для оценки внешних условий (экономических, юридических, психологических), в которых приходится вести предпринимательскую деятельность.
- Знания и умения, необходимые для успешного делового взаимодействия со всеми участниками хозяйственной деятельности.
- Знания и умения, достаточные для того, чтобы получать и удерживать в своей собственности все, что законно приобретено.

При этом следует учитывать, что предпринимательская деятельность не поддается алгоритмизации и стандартизации, а потому буквальное копирование успешной деятельности одного предпринимателя не обеспечивает гарантированного успеха другому. Из этого следует, что научить в образовательном учреждении успешной предпринимательской деятельности не представляется возможным, а следует говорить лишь о *формировании психологической готовности* к ней.

Будучи целостным образованием, психологическая готовность к предпринимательской деятельности станет успешной, если программа ее формирования интегрирует в себя теоретические знания и практические умения.

Формирование психологической готовности к предпринимательской деятельности

Чтобы стимулировать процесс осмысления студентом своего будущего, нами были разработаны и применялись различные типы ориентировочных основ действий (по П. Я. Гальперину) в форме учебно-исследовательских работ. В каждой из них представлена система следующих друг за другом заданий, выполнение которых помогает студентам, используя *свои знания*, формировать у себя психологическую готовность к предпринимательской деятельности в заданных внутренних (личностных) и внешних (средовых) условиях.

После предварительного инструктирования и изучения рекомендуемой литературы студент самостоятельно исследует предложенную ему проблему и находит решение. При этом он опирается на методическое пособие, где изложена система взаимосвязанных письменных заданий, успешное выполнение которых шаг за шагом приближает его к оптимальному решению обозначенной проблемы. В ходе проективно-исследовательской работы студент описывает конкретную ситуацию (проблему), возникшую в его практической деятельности, затем осуществляет ее анализ и предлагает рекомендации по ее разрешению или преодолению.

В состав методик формирования и оценки психологической готовности к предпринимательской деятельности, разработанных нами, входят три учебно-исследовательские работы (УИР).

УИР 1 («Целевая ориентация личности») предназначена для выявления и уточнения системы целей, которые личность ставит перед собой на будущее, и выделения из этой системы группы целей, связанных с предпринимательской деятельностью, остальные же подгруппы целей в этой работе не рассматриваются.

УИР 2 («Личностный профиль бизнес-карьеры») включает систему учебных заданий, выполнение которых диагностирует психологическую готовность личности к предпринимательской деятельности как способу профессиональной деятельности.

УИР 3 («Личностный профиль управления временем») позволяет рассмотреть фактор времени во всех основных способах предпринимательской деятельности и выявляет психологическую готовность к управлению временем в организации предпринимательской деятельности.

По каждой из этих трех УИР студенты делали письменный отчет, который представляет собой основной документ, отражающий уровень психологической готовности личности к предпри-

нимательской деятельности, о чем позволял судить экспертный анализ отчетов.

Письменный отчет студентов анализировался нами по ряду признаков, важнейшими из которых являются:

- полнота выполнения всех заданий, содержащихся в УИР;
- логическая обоснованность хода осмысления заданий и результатов их выполнения;
- присутствие стройного и непротиворечивого соотношения структурных компонентов предпринимательской деятельности по ходу осмысления заданий (цель—способы—действия—ожидаемый результат);
- наличие неточностей, противоречий, искажений (Китова, 2005).

Процесс формирования психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности с использованием данного метода представляет собой имитацию реального события, сочетающую в себе достаточно адекватное отражение реальной действительности, минимальные материальные и временные затраты, а также вариантность обучения. Сущность метода состоит в том, что учебный материал подается студентам в виде проблемы, а знания приобретаются в результате активной и творческой исследовательской работы. Данный метод предполагает включенность в обсуждение деловой ситуации как студентов, так и преподавателя (по возможности экспертов и практиков).

Учебно-исследовательская работа в научной литературе рассматривается как развивающая система «акмеологических приемов технологии сотрудничества, сотворчества, создания и защиты собственных проектов с опорой на акмеологию успеха и сотворчества» (Князева, 2001, с. 140). «Наиболее результативный способ активизации мыслительной деятельности обучающихся, побуждения их к самовыражению собственных суждений, связанных с освоением новой информации, с развитием профессиональных умений, — это организация непосредственной учебно-исследовательской деятельности самих обучающихся — на занятиях и вне их» (там же).

Данная форма учебных занятий выполняет целый ряд психолого-педагогических функций. Рассмотрим главные из них подробнее.

Во-первых, *диагностическая функция*. Каждая работа содержала текстуально предъявляемые задания численностью от 5—6 до 27. Общее их число составляло 73 задания. Это позволило получить о каждом участнике исследования довольно обширную информацию, позволяющую достаточно аргументировано оценить его

индивидуальную концепцию предпринимательства, которую он собирается реализовать в будущем. Обобщение этих материалов выявило существенные групповые различия по профессиональным и гендерным критериям.

Во-вторых, эти работы выполняли и *функцию самопознания*. Они позволили самим испытуемым осознать и оценить меры собственной психологической готовности к предпринимательской деятельности.

Еще одна важная функция — *функция придания усваиваемым знаниям личностного смысла*. Система знаний, приобретаемых студентами, обычно характеризуется двумя взаимосвязанными уровнями обобщения, которые получили, соответственно, названия теоретических и прикладных. Учебно-исследовательская работа образует еще один, более низкий, уровень знаний — это знания, имеющие личностный смысл, знания, остро необходимые данной личности, внутренне ею принятые как свои собственные и уверенно используемые для обустройства своей личной жизни, для поиска способов удовлетворения основных потребностей. Они органически входят в структуру обыденного сознания личности и со временем преобразуются в убеждения, происхождение которых уходит из памяти, вследствие чего эти знания кажутся собственным изобретением. Конечно, все знания имеют определенное значение для человека. Но только те из них, которые претерпевают отмеченные выше изменения, становятся подлинным руководством в психической регуляции повседневной жизни и деятельности личности. Это тот уровень, который Зинченко обозначает термином «живое знание» (Зинченко, 2002, с. 44).

Учебно-исследовательская работа способствует приобретению обучающимися нового знания, о существовании которого они раньше не ведали, т. е. выполняет *функцию выявления знания о незнании*. Незнание, вообще говоря, естественное состояние человека, которое устраняется по мере его роста и развития как активного участника образовательного процесса. Однако абсолютно полного знания о природе, обществе и человеке ни у кого быть не может. Но незнание незнанию рознь. Одно дело — незнание своего незнания, которое, как заметил еще Коменский, есть источник безрассудства, дерзости, самонадеянности. Знание же о незнании — напротив, мощная побудительная сила, источник жажды знания, начало мудрости (Коменский, 1987, с. 471). «Термин «незнание» мы обычно употребляем, имея в виду при этом некоторую отрицательную пустоту, — пишет М. К. Мамардашвили, — но когда речь идет о знании как об испытании или пути, то незнание есть особого рода реаль-

ность, а не отсутствие знания. Это какая-то сила» (Мамардашвили, 1995, с. 449). Некоторые психологи утверждают даже, будто знание о незнании иногда может свидетельствовать о знании больше, чем само незнание. Об этом говорят и материалы нашего исследования. Так, ряд студентов, выполнявших учебно-исследовательские работы, в своих отчетах пишут: «Вы завели нас туда, куда мы никогда и не заглядывали»; «Я не знал, что так трудно и поучительно заглядывать в себя и свое будущее».

Следующая важная функция УИР – *персонализация среды обитания* личности. Обычно человек склонен противопоставлять себя всему внешнему, не исходящему от него лично, существующему объективно, независимо от него. Выполняя учебно-исследовательскую работу, требующую определения своего отношения к внешней среде и ее мысленного приспособления к удовлетворению собственных потребностей, личность вынуждена проецировать свои субъективные ресурсы на компоненты среды. Это своего рода процесс персонализации объектов среды, своеобразное их виртуальное освоение и присвоение, идеальная форма функционирования реального процесса материального самообеспечения. Процесс персонализации как бы оживляет внешнюю среду, вводит ее во внутренний мир, благодаря чему становится возможным ее преобразование и приспособление к удовлетворению потребностей личности. Мысленные схемы предпринимательской деятельности, порождаемые выполнением учебно-исследовательских работ в аудиториях, могут затем переноситься на реальные жизненные ситуации и облегчить выработку программ действий по удовлетворению потребностей личности.

Программирующая функция УИР проявляется в том, что испытуемый, выполняющий систему взаимосвязанных заданий по осмыслению проблемы своего материального самообеспечения, тем самым вырабатывает собственный алгоритм деятельности, следуя которому, можно добиться желаемого социального статуса и материального достатка.

Все выше рассмотренные функции учебно-исследовательских работ придают им *тренинговый характер*. В процессе последовательного выполнения студентами 73 учебных заданий шаг за шагом накапливается мысленный опыт предпринимательской деятельности, оптимальной для каждого из них, формируется психологическая готовность личности к этому виду деятельности.

Эмпирический анализ результатов УИР позволил структурировать и обобщить совокупность *основных факторов* психологи-

ческой готовности студентов к предпринимательской деятельности в современных условиях (подробнее см.: Китова, Ханова, 2014). В частности, удалось выделить:

- особенности ценностно-целевых ориентаций, которые характеризует доминирование личных интересов над коллективными и общественными (76,8%), а также преобладание краткосрочных, оперативных целей над среднесрочными и стратегическими (49,7%);
- некорректность в субъектно-деятельностных смысловых структурах предпринимательской деятельности, к которым относятся: нарушение структурной логики предпринимательской деятельности (37,6%); искаженность представлений о способах (12,7%), средствах (27,6%) и временном континууме (69,8%) достижения экономического благополучия;
- степень осознанности отношений к действительности: преобладание внешнего локуса контроля у 73,2% и неосознанного негативного отношения к экономической успешности у 69,7% студентов.

Анализ диагностической концепции студенческой предприимчивости позволил сформулировать следующие теоретические выводы.

1. В представлениях студентов о предпринимательской деятельности, которые являются *продуктом их мыслительной деятельности*, отражающим предельно свернутую картину мира, находят психическое отражение значимые для личности факторы: актуальное состояние жизненной ситуации; желаемое (будущее) состояние ситуации; способы преобразования настоящей ситуации в желаемое будущее.
2. Система представлений (знаний) студентов о предпринимательской деятельности как многокомпонентное психологическое образование выполняет ряд функций:
 - детерминирует направление социальной активности личности при поиске способов экономической самореализации (векторная функция);
 - определяет выбор технологий и способов, направленных на удовлетворение социально-экономических потребностей личности (инструментальная функция);
 - объединяет все многообразие социально-экономических ожиданий и действий личности в единую цепь (системообразующая функция);

- отслеживает ценностную дифференциацию и согласованность элементов внешних и внутренних условий бытия личности (избирательная функция);
 - объединяет внутренние и внешние условия бытия личности с позиции создания и развития предпринимательской деятельности (конъюнктивная функция);
 - создает проект жизненного выбора и предпринимательской деятельности личности (программирующая функция).
3. Как социальный институт общества и личностно значимая ценность, предпринимательская деятельность занимает ведущую позицию в структуре социально-экономических представлений студентов, однако структура представлений о предпринимательской деятельности является уникальной и зависит от специальности и курса обучения, удовлетворенности материальным положением, социального статуса родителей.
- Эти особенности проявляются в их представлениях по следующим позициям:
- мотивы создания собственного бизнеса;
 - условия успешности предпринимательской деятельности;
 - ожидание предполагаемых социально-экономических выгод и потерь в процессе предпринимательской деятельности;
 - ожидаемые доходы и расходы предпринимательской деятельности;
 - распределение социально-экономических функций в процессе предпринимательской деятельности;
 - наиболее ценные качества бизнес-партнера;
 - продолжительность бизнес-карьеры;
 - особенности предпринимательской социализации личности в современных социально-экономических условиях развития общества.
4. Ядро представлений (знаний) студентов об успешности предпринимательской деятельности образовано несколькими детерминантами: личностными, социальными и экономическими (материальными). Личностная значимость данных представлений в значительной степени зависит от гендерных особенностей студентов и находится в разных иерархических соотношениях.
5. Представления студентов о предпринимательской деятельности характеризуются некоторыми противоречиями и искажениями, которые определяются:

- недостаточным объемом психологических знаний и умений, необходимых для познания и реальной оценки успешности предпринимательской деятельности (47,5%);
 - наличием противоречий в представлениях о ценностях и смысле предпринимательской деятельности (39,8%);
 - отсутствием адекватных представлений (знаний) об условиях социально-экономической успешности предпринимательской деятельности (73,4%).
6. Представления студентов о предпринимательской деятельности содержат в себе как позитивные, так и отрицательные когнитивные компоненты. К *позитивным* можно отнести:
- адекватные представления студентов об основных способах получения предпринимательского дохода;
 - понимание преимуществ предпринимательской деятельности в достижении материального благополучия;
 - ориентированность студентов на обеспечение материального достатка, соответствующего уровню притязаний личности;
 - намерение сочетать несколько источников при получении доходов, не ограничиваясь каким-либо одним.

К *отрицательным* компонентам можно отнести:

- резкий отрыв от реальности при определении планируемых сумм доходов в сторону ожидания необоснованно высоких доходов, не свойственных основной массе реальных предпринимателей;
- короткие временные параметры для достижения экономического пика предпринимательской деятельности (42,3%);
- наличие криминально окрашенных предпринимательских намерений (13,7%);
- инвестиции в предпринимательскую деятельность, планируемые студентами, плохо сбалансированы у 69% студентов: в частности, обслуживание оперативных целей предпринимательской деятельности, амортизационные расходы и оплата услуг персонала не воспринимаются как значимые, поэтому суммы, выделяемые на них в структуре планируемых доходов, невелики;
- наиболее значительные расходы планируются на расширение бизнеса (47,9%), представительские расходы самого предпринимателя (59,1%) и досуг (48,3%).

Полученные выводы позволяют заключить, что представления студентов как показатель уровня их психологической готовности

к предпринимательской деятельности диагностируют отсутствие у них целостной, многоуровневой системы адекватных представлений, или «живых знаний», о внутренних и внешних детерминантах успешной предпринимательской деятельности в условиях современного общества.

Типы когнитивно-психологической готовности к предпринимательской деятельности

Детальный анализ эмпирических результатов исследования позволил выделить и классифицировать шесть уровней когнитивно-психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности.

Низшим уровнем выступает такой, при котором в представлениях личности не существует более или менее ясной совокупности объектов, средств и процессов предпринимательской деятельности, пригодных для удовлетворения собственных экономических потребностей.

Следующим (*фрагментарным или эпизодическим*) уровнем психологической готовности выступает такой, при котором в экономические представления студента вплетены фрагментарные данные о специфических особенностях экономического производства, распределения и обмена экономических благ (услуг), а также социально-экономических отношениях, возникающих в современном обществе.

Третий (*пространственный*) уровень психологической готовности студента к предпринимательской деятельности включает в себя осознание экономического пространства (т. е. пространственные представления об окружающем его экономическом мире — субъектах, объектах и процессах экономической деятельности частных лиц, предприятий и государства), которые позволяют ему более или менее адекватно ориентироваться относительно предпринимательства и его социально-экономической среды.

Четвертый (*динамический*) уровень психологической готовности позволяет студенту улавливать последовательность внешних экономических явлений и процессов (понимание человеком ситуативных, текущих и исторических процессов и явлений, происходящих в экономической сфере человека, общества и государства), благодаря чему вырабатывается осознание динамических и циклических процессов в развитии экономических процессов.

Пятый (*субъектный*) уровень психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности выражен через осознание себя субъектом экономической деятельности, который может выступать источником познания и преобразования экономической действительности, проявлять инициативу, принимать и реализовывать собственные решения, оценивать последствия своего поведения и самоизменяться. При этом уровне психологической готовности в сферу экономических представлений личности могут быть введены следующие ряды представлений, которые формируют экономическое сознание личности: нравственные, религиозные, правовые и социальные представления о функционировании предпринимательства, призванные удовлетворить потребности самого человека и общества в материальных и духовных благах.

Наконец, высшим (*творческим*) уровнем психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности выступает такое состояние внутреннего мира, когда студент способен анализировать экономические ситуации с учетом происходящих в обществе социально-экономических процессов и создавать собственные ситуации успешной реализации предпринимательских намерений, готов к преодолению соответствующих шаблонов и стереотипов.

Заключение

Современное образование, выстраиваясь на гуманистической платформе, должно быть ориентировано на подготовку молодых людей, способных самостоятельно действовать и принимать решения в динамично изменяющихся условиях, которые заведомо не могут быть спрогнозированы.

Однако сегодня очевиден тот факт, что само по себе получение образования и определенной профессии не решают проблемы успешной профессиональной деятельности. В частности, многочисленными исследованиями убедительно доказано, что не существует прямой связи между школьным (вузовским) образованием и предпринимательскими успехами. Предпринимателю необходимы контекстные знания из социальной практики, пригодные для внедрения в его личную практику.

По своей психологической сущности предпринимательство является разновидностью повседневной деятельности предприимчивых людей, вырастающей до уровня смысла и образа жизни человека. При этом следует учитывать, что данный вид деятельности не поддается алгоритмизации и стандартизации, а потому буквально

ное копирование успешной деятельности одного предпринимателя не обеспечивает гарантированного успеха другому. Из этого следует, что научить в образовательном учреждении успешной предпринимательской деятельности не представляется возможным, однако можно сформировать психологическую готовность к ней.

Будучи целостным образованием, психологическая готовность включает в себя мотивационные, познавательные, эмоциональные и волевые компоненты, учет которых является необходимым условием достижения эффективной успешной предпринимательской деятельности.

Знание, входя в структуру психологической готовности личности к предпринимательской деятельности, до сих пор не получило четкого определения. Мы будем рассматривать его как продукт (результат) психического отражения человеком отдельных атрибутов воспринимаемого объективного мира, идеальную форму представленности объективной действительности (или ее фрагментов) в психике человека. Знание есть психологический феномен видения мира, компонент системы представлений о нем.

Можно утверждать, что для того чтобы начать реально действовать в задуманном направлении, нужно добиться мысленного представления всей картины будущей ситуации, связанной с предпринимательскими намерениями. Подобное внутренне «видение» ситуации является тем главным психологическим условием, которое необходимо для успешного старта предпринимательской деятельности.

Детальный анализ эмпирических результатов исследования позволил выделить и классифицировать шесть уровней когнитивно-психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности: низший, фрагментарный или эпизодический, пространственный, динамический, субъектный, творческий (высший).

Формирование психологической готовности личности к предпринимательской деятельности есть психологически обоснованный и поддерживаемый педагогический процесс порождения психического новообразования, в котором отражается факт мобилизованности соответствующих ресурсов личности.

Психологическая готовность к деятельности аккумулирует в себе необходимые энергетические ресурсы для последующего действия. В качестве такого тренинга нами использовались учебно-исследовательские работы, которые могут выполнять целый ряд исследовательских функций, в числе которых: диагностическая, самопознания, придания знаниям личностного смысла, выявления знания о незнании, персонализации среды. УИР в соответствии

с предполагаемым алгоритмом выполнения как бы программирует социальную активность личности, вооружает ее определенным алгоритмом действий по решению сходных задач жизнедеятельности. Уровень и качество выработанного алгоритма предстоящей деятельности и являются факторами психологической готовности личности к предпринимательской деятельности.

В ходе выполнения УИР изменяется не только представления человека о себе и своем месте в мире, изменяются и его представления об окружающем мире, который осознается по образу и подобию измененной личности.

Литература

- Асбарова С. И.* Динамика профессиональных ориентиров выпускников Новолакской гимназии // Проблемы самореализации современных школьников: поиски и пути решения: Материалы Республиканской научно-практической конференции, Махачкала: ДГУ, 2003. С. 156–160.
- Белый А.* О смысле познания. Петроград: Эпоха, 1922.
- Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л.* Психологическая адаптация к предпринимательской деятельности: основные направления и перспективы современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 11–32.
- Веспер К.* Новые рискованные стратегии. N.J.: Englewood Cliffs, 1980.
- Дикая Л. Г., Журавлев А. Л., Занковский А. Н.* Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 7–48.
- Дружинин В. Н.* Психология: Учебник для экономических вузов. СПб.: Питер, 2000.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социально-психологические трудности развития малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Зинченко В. П.* Живое Знание: Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Часть I. Самара, 1998.

- Китов А. И.* Психологическая модель боя. М.: Воениздат, 1972.
- Китова Д. А.* Личностный профиль бизнес-карьеры: Учебно-метод. пособие для студентов вузов. Черкесск: Изд-во КЧГТА, 2005.
- Китова Д. А., Ханова З. Г.* Психологические особенности представлений студентов о предпринимательской деятельности // Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Спутник+, 2015. С. 23–29.
- Князева Н. Г.* Учебно-исследовательская деятельность студентов колледжа как средство активизации социального партнерства: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2014.
- Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
- Крысько В. Г.* Социальная психология: Словарь-справочник. Минск: Изд-во Харвест, 2004
- Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000а.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000б.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000в.
- Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл. 2001.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Осуга С.* Обработка знаний. М.: Мир, 1989
- Осуга С., Судзуки Х., Кобаяси Х., Китихаси Т., Саэки Ю., Танака Ю., Арикава С., Синохара Т., Мияхара Т., Харагути М.* Обработка знаний. М.: Мир, 1989.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: Учебное пособие. СПб.: СПб-ГУП, 2003.
- Психологический словарь / Автор-сост. В. Н. Копулина, М. Н. Смирнов, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова; Под общ. ред. Ю. Л. Неймера. Ростов-н/Д.: Феникс, 2003.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология предпринимательской деятельности (развитие российского предпринимательства в начале 1990-х годов) / Отв. ред. В. А. Бодров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
- Стернберг Р.* Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.
- Теплов Б. М.* Ум полководца. М.: Академия педагогических наук, 1943.
- Франк С. Л.* Живое знание. Берлин: Обелиск, 1923.
- Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Анализ интеллектуальных сетей как способ саморефлексии психологической науки

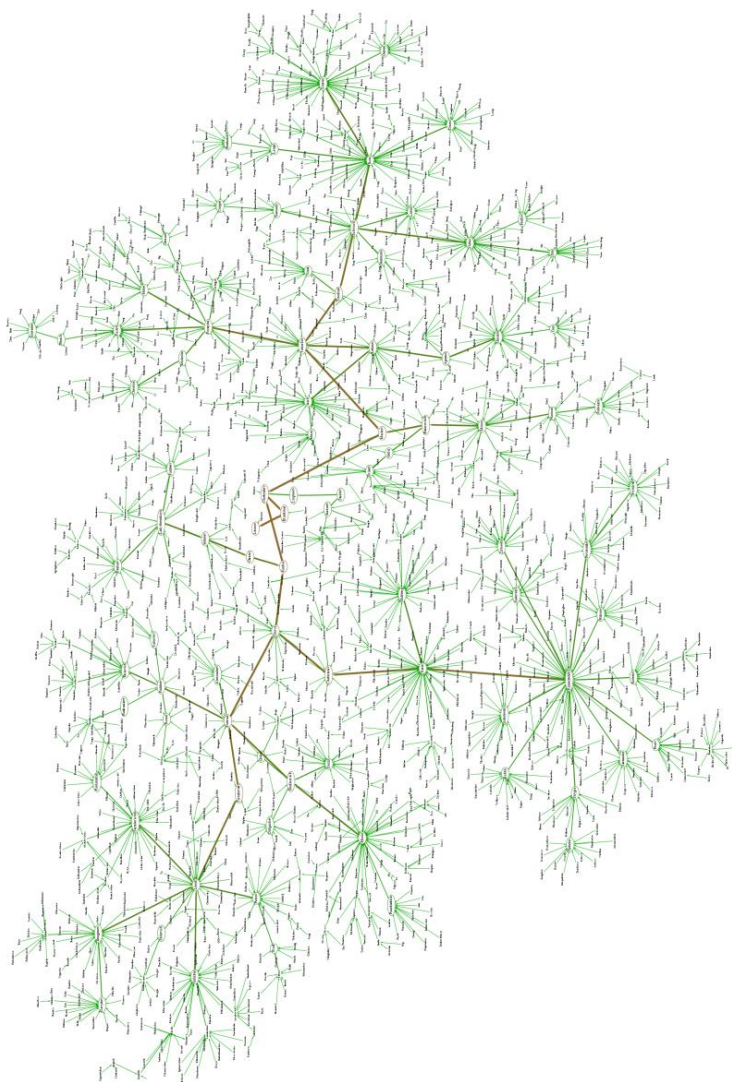
Н. С. Полева

Перечитывая работу Р. Коллинза «Социология философий», трудно не увлечься идеей о возможности применения социологического метода анализа интеллектуальных сетей к развитию психологического знания. Возможно, идея уже «витаает» в пространстве. В марте в сообществе Фэйсбука «Методология и история психологии» прошла дискуссия по поводу необходимости визуализации интеллектуальных сетей психологов. Зачем и с какой целью приниматься за эту трудоемкую работу? Следует отметить, что помимо созданных Коллинзом сетевых карт, представленных в его книге, на сегодняшний день сетевые карты, позволяющие наблюдать динамику развития идей и определять ключевые фигуры, создаются для самых разнообразных интеллектуальных и творческих сообществ (см. рисунки 1–2).

Для саморефлексии психологии применение сетевых карт и анализа психологических сетей представляется интересным в контексте как ретроспективного взгляда на развитие психологического знания, так и рефлексии его современного состояния.

Настоящая статья — попытка экстраполяции положений теории Р. Коллинза на развитие психологического знания, применения его маркооптики как варианта методологического анализа социальной методологии психологии, как системы взаимосвязанных когнитивных и социальных ориентиров научного познания, который разработан в отечественной науке (Юревич, 2005, с. 15, 2008, с. 43–44).

Один из основных постулатов теории Коллинза гласит, что непосредственное социальное влияние на развитие знания (в нашем случае — психологического знания) оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами. После построения сетевой схемы психологов (которой пока нет, насколько мне известно) следующим шагом является погружение «внутри» сети — содержательный анализ идей, которые выдвигаются фракциями (группами) психологов

The 60 largest sets in the Mathematical Sciences Project. Total 2170 mathematical terms. Arrows point from a mathematical term to higher categories. Top 100 mathematical terms with the most "in-degree" are colored. Data prepared in March 2008. Produced by Yufan Hu, CS&CE, Shanghai Laboratory.

Рис. 1. Пример одного из вариантов сетевой карты математиков

(чем определяется положение современных ученых в сети «вертикальных» цепочек идей предшественников и «горизонтальных» связей — аргументаций союзников и соперников), что можно отнести к когнитивной составляющей методологического анализа и в терминах теории М. Г. Ярошевского представлено в понятиях «категориальный анализ», «оппонентный круг» и др. (Ярошевский, 1995).

Второе направление — анализ внешних условий функционирования интеллектуальных сетей психологов. В теории отечественной социологии психологии это исследование двух метауровней научной деятельности — макросоциума и группы, — которые определяют развитие психологического знания (Юревич, 2001, с. 14–15). В данном контексте важно показать всю сложность совокупного влияния компонентов социального поля на интеллектуальное производство. Необходимо соотнесение трех уровней анализа: меняющихся материальных основ интеллектуальной жизни, сетей, связывающих между собой ученых, и внутренней динамики интеллектуальных сетей как основы конструирования новых идей (Коллинз, 2002, с. 36).

Материальные основы интеллектуальной жизни

Можно констатировать, что существует *«душаговая социальная причинность интеллектуального производства»*: изменения в материальных условиях интеллектуальной жизни (политические, экономические) влекут за собой изменения и реорганизацию организационной основы интеллектуальных сетей и, как следствие, оказывают влияние на развитие или стагнацию научного творчества. Возможным примером может служить всплеск культурного производства и интеллектуального творчества (включая развитие психологического знания) в России начала XX в., который является результатом реорганизации интеллектуальных сетей в конце XIX—начале XX вв. под влиянием изменений в общественно-политической жизни страны.

Произошла ли подобная реорганизация сетевой структуры отечественных психологов на рубеже XX—XXI вв., которая могла бы стать источником продуцирования новых идей и теорий? Однозначно можно сказать, что патерналистская модель существования отечественной науки и ее зависимость от государственного финансирования сохранились, хотя идеологическое давление и контроль остались в прошлом. Применительно к современному состоянию отечественной психологической науки можно констатировать ее

прежнюю финансовую зависимость от государства и продолжающуюся нескончаемую модернизацию. Даст ли со временем установка на развитие академической науки в вузах (по аналогии с западными университетами) какие-то осязаемые результаты? Можно ли рассматривать эту модернизацию как пока еще не завершенное изменение институциональной (организационной) основы развития психологического знания? Ответов на эти вопросы в настоящее время нет.

Обращает на себя внимание, что гуманитарные и общественные науки, включая психологию, не в приоритете внимания государственного финансирования, основные потоки которого направлены на развитие прикладных технологических областей. Психология, как и другие области гуманитарного знания, находится в роли «падчерицы». Даже не сравнивая денежные эквиваленты финансирования исследований различных областей науки, достаточно вспомнить «реорганизацию» РГНФ и сокращение практически в два раза программы фундаментальных исследований.

Судя по новостным лентам и содержанию печатных и электронных СМИ, создается впечатление, что первенство развития психологического знания в современной России институционально принадлежит не двум психологическим НИИ, не МГУ, а НИУ ВШЭ, которой, согласно рейтингу университетов, проведенному АЦ «Эксперт», принадлежит первое место в предметных областях общественных (куда относятся и психологические науки) и гуманитарных наук (Толмачев, Кузнецов, 2016, с. 58–67).

О тенденциях в изменении материальной и организационной структуры отечественной науки, включая психологию, можно судить по результатам статистики (Индикаторы науки..., 2017). Сухие цифры статистики фиксируют две значимые тенденции — это сокращение финансирования и рост результативности (увеличение потока отечественных научных публикаций в международных журналах). После короткого периода динамичного роста бюджетных расходов на науку их падение носит радикальный характер и продолжится в 2017 г. Показатели финансирования российской науки неуклонно стремятся к очень низкой точке своего исторического минимума десятилетней давности. Можно отметить также сокращение числа НИИ и количественное увеличение вузов, занимающихся научными исследованиями (там же, с. 24).

Одной из новостей апреля 2017 г. стало заявление директора Научометрического центра НИУ ВШЭ И. А. Стерлигова на Мос-

ковском международном салоне образования о том, что университеты обогнали Российскую академию наук по числу публикаций в ведущих мировых журналах, что, по его мнению, явилось результатом не только введения рейтингов, но и концентрации ресурсов в рамках проекта 5–100, и показателем сдвига фокуса исследований с академических институтов РАН на вузы. Закономерно возникает вопрос о качестве проводимых исследований и публикаций. В частности, специалисты АЦ «Эксперт» отмечают, что около трети (!) участников их рейтинга используют сомнительные модели (показатель качества роста), выдавая аномально высокий уровень самоцитирования либо цитирования своих коллег по университету и/или публикуя исследования в очень ограниченном числе журналов. В их числе нет общепризнанных лидеров, таких как МГУ, однако замечены несколько университетов из программы 5–100. По оценке авторов, это существенная проблема, так как в погоне за объемами теряется качество, что может привести к удару по репутации. Эта «болезнь роста» уже привела к попаданию России в «антилидеры» по количеству публикаций в недобросовестных журналах («список Белла»), вместе с Индией и Китаем. Сравнение российских вузов по используемому в рейтинге показателю самоцитирования с университетами стран БРИКС демонстрирует, что по данному показателю Россия уверенно лидирует даже по сравнению с китайскими и индийскими университетами. По мнению специалистов «Эксперта», их рейтинг позволил отчасти очистить научные результаты университетов от последствий этой «болезни роста», однако картина полностью прояснится лишь после того, как будет устранен другой фундаментальный фактор — низкая включенность национальных научных журналов в международные индексы (Толмачев, Кузнецов, 2016, с. 67).

Избегая однозначных выводов, можно зафиксировать тенденцию к изменениям материально-организационной структуры отечественной науки, включая психологическое знание. Изменения материально-организационных условий жизни интеллектуальной сети приводят к ее вынужденной реорганизации. При отсутствии материальной поддержки организационных структур возможно уничтожение или значительное ослабление отдельных ветвей психологических сетей. Вместе с тем поддержка других организационных структур может привести к появлению новых ветвей и фракций, внутри которых будут оформляться новые теории и научные позиции. Приведет ли «модернизация» и перенос научных исследований из академических институтов в вузы к ожидаемому рас-

цвету психологического знания? Положение дел в настоящее время не внушает оптимизма по этому поводу.

Во-первых, интеллектуальное творчество продуцируется внутри сети, протяженной во времени, что обеспечивает накопление и передачу творческой энергии и культурного капитала через связи и личные контакты «учитель—ученик». Неотъемлемой же чертой современного состояния науки, согласно статистике, является отток молодежи из науки. Несмотря на оптимистичные заявления Минобрнауки об увеличении доли молодых ученых до 43%, стабильная многолетняя тенденция с 1995 г. свидетельствует о неуклонном спаде количества ученых, занятых научными исследованиями (Индикаторы науки..., 2017, с. 31–62). По словам директора Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Л. М. Гохберга, этот процесс складывался из нескольких потоков. Существенная часть молодежи в науке не задерживается, и многие уходят, достигнув определенного профессионального уровня. Не удалось также и создать стимулы для удержания в науке ученых среднего поколения. Если судить по демографическим распределениям, то это провальная группа. Данный провал начался в середине 90-х годов и так и сохраняется, но если молодежь будет закрепляться в науке, то он постепенно исчезнет. Существующий приток молодежи в науку, скорее всего, не позволит компенсировать масштабы оттока за прошедший период, так что общее сальдо отрицательное (Киселева, 2017). Отмеченные тенденции содержат в себе угрозу сохранению культурного капитала и продолжению интеллектуальных межпоколенческих цепочек «учитель—ученик». Возникает опасение, что передавать накопленные знания и развивать на их основе новые идеи будет некому.

Вторая угроза парадоксальным образом связана именно с усилением вузов. Интеллектуальная стагнация, о которой мы поговорим позже, во всех своих формах представляет собой опасную сторону расширения и децентрализации университетского мира. Инфляционная волна подготовки интеллектуалов порождает инфляционную волну объема производимой ими научной продукции, и сегодня мы буквально погребены под валом научных публикаций. «Темные века» в истории мысли связаны не обязательно с материальным упадком, но могут возникать и во времена материального изобилия. Это связано с «перепроизводством» интеллектуалов и, как следствие, с инфляцией, падением уровня интеллектуальной продукции.

Не менее важным негативным фактором становится и децентрализация пространства интеллектуального внимания. Одна из главных угроз развития психологического знания предположительно может быть связана с утратой существующими сетевыми структурами единого фокуса внимания, в результате чего психология может остаться и с материальными институтами, и с большим количеством интеллектуалов, но погрузиться в схоластическую рутину.

К вопросу об изоляционизме

Патриотические настроения последних лет и новые установки в отношении представления о путях развития отечественной науки нашли свое отражение в том числе и в идеях о развитии самобытной российской психологической науки, наиболее радикальные из которых отрицают необходимость ее интеграции в мировой мейнстрим (см.: Юревич, 2009, с. 88).

Нельзя не согласиться с утверждениями о том, что превознесение уникальности и незыблемости конфигурации собственной культуры является консервативным этноцентризмом. Социологические принципы образования и динамики идей являются одинаковыми для всех. Однако невозможно отрицать и существование особых языков или, по выражению Г. Г. Шпета, «тембров» науки, так как в разные исторические периоды и в разных странах принципиально общие «ингредиенты» интеллектуального творчества складываются в неповторимые конфигурации (см.: Шпет, 2005; Марцинковская, 2015; Розов, 2002).

Сторонникам изоляционистского пути развития отечественной психологии, которые связывают ее наиболее выдающиеся достижения (теория Выготского—Лурии) с периодом «железного занавеса», рискну возразить. Хотелось бы напомнить, что эта теория формировалась в период 1920—1930-х годов, когда отечественная психология развивалась в русле мейнстрима мировой психологии (одно из свидетельств тому — широкие контакты отечественных ученых с зарубежными коллегами). Возможно, корректнее было бы рассматривать эту теорию не как результат изоляционизма отечественной науки, а как пример успешного синтеза идей, пример усвоения «экспорта идей» и их переработки на основе традиций и особенностей отечественного гуманитарного знания. Можно сказать, что Выготскому посчастливилось «снять сливки» признания той работы, которая в значительной части была выполнена до него и рядом с ним — в вертикальных и горизонтальных сетях, нака-

пливающих культурный капитал (П. Жане, Ж. Пиаже, К. Маркс, Г. Шпет, А. Потебня, М. Бахтин и т. д.). Хотя, конечно, нельзя отрицать важности для ученого быть способным формировать новые «гештальты», переструктурируя исходные положения уже имеющихся идей, как это удалось осуществить в своих теориях Платону и Аристотелю, Декарту и Лейбницу, Фрейдю и Олпорту и т. д.

Обращаясь к проблеме изоляционизма как предполагаемого способа развития самобытной национальной психологической науки, невозможно обойти вниманием роль заимствований в развитии психологического знания. В такой ситуации возврат к творческому продуцированию идей становится возможен лишь в результате смены трех—четырех поколений ученых после заимствования. Когда наибольшую известность и популярность в научном сообществе получают пересказчики чужих текстов и теорий, заимствованный культурный капитал начинает вытеснять создание собственно интеллектуального производства. В отсутствии конкуренции со стороны собственных концепций такие «импортеры идей» становятся псевдотворцами. Господство заимствований в пространстве интеллектуального внимания оказывает негативное воздействие на творчество. Все это можно было бы отнести к весомым аргументам в защиту идеи изоляции отечественной психологии от мирового мейнстрима. Но в большей степени влияние заимствования идей и переводов иностранной литературы зависит от социальной ситуации развития науки в конкретной стране. При отсутствии собственных развитых научных школ и ориентации на более развитые и богатые традициями научные школы заимствование может стать серьезным препятствием к развитию нового в науке. Но необходимо подчеркнуть, что таким препятствием может стать и заимствование идей, разработанных в прошлом и в данной стране. На наш взгляд, любое заимствование, как и любое безоговорочное преклонение перед авторитетами, является препятствием, а не стимулом для развития науки. Фактически об этом же говорилось и в ставших уже классическими работах К. Поппера, И. Лакатоса и П. Фейерабенда, доказывавших важность свободной конкуренции идей, предположений и опровержений при развитии теорий.

При высоком творческом потенциале научных школ свободное обсуждение, их критика, подтверждение и опровержение приводят к формированию научных сетей, в рамках которых и проходят дискуссии. При таких условиях заимствования включаются в оппонентный круг (Ярошевский, 1995) ученых и могут привести к появлению новых теорий, перестраивающих интеллектуальное

пространство национальной науки. В этом случае другая точка зрения, найденный другими материал стимулирует поиски ученых в данном направлении, становясь импульсом для открытия нового. Об этом же писал и Коллинз, подчеркивая, что факторами, способствующими развитию интеллектуального творчества, является быстрое освоение заимствованных идей, их синтез с национальной традицией и превращение в собственный культурный капитал. В ситуации вторжения в новую сеть экспортеры идей могут сами становиться творцами (Коллинз, 2002, с. 593).

Одним из главных факторов, стимулирующих творчество, становится именно «экспорт идей», который способствует дальнейшему развитию науки, что нереально в условиях изоляции. Поэтому можно предположить, что сформировавшиеся тенденции к увеличению показателей результативности отечественной науки, в том числе и психологических наук, по публикациям ученых, индексируемых в SCOPUS и Web of Science, о которых говорилось выше, позволяют говорить об осторожном оптимизме по поводу творческого потенциала отечественных психологов (Индикаторы науки..., 2017, с. 198–208).

Вариант изолироваться и закрыться от влияний мировой психологии как-то слабо представляется даже умозрительно. Запрет же на использование зарубежных источников всегда преодолим, как мы знаем из отечественной истории развития философии и психологии в России, начиная с XVII в. Чем сильнее были запреты, тем сильнее была тяга к «запретному плоду» и тем большую сакральность для отечественной науки и общественной мысли приобретали запрещенные имена и теории (Розов, 2002, с. 26–27).

«Гибридная» наука

Прилагательное «гибридный» стало популярным в оценке происходящих в современной России социально-политических процессов. Очень адекватен этот термин и по отношению к психологии как гибридной науке, которая родилась в недрах философии и рефлексивируется профессиональным сообществом как философская и одновременно естественно-научная дисциплина. Ну и самих психологов с этой точки зрения можно считать гибридами, которые вышли из философских сетей.

Гибридность психологии проявляется в различных уровнях создаваемых ею теорий, когда сохранившаяся общность методологической психологии с высоким уровнем рефлексивности философ-

ских сетей уживается с относительно более конкретным уровнем концепций психологов-естественников. Такая «гибридность» или, точнее, мультипарадигмальность, психологии явственно стала проявляться еще в период появления неклассической психологии, когда ученые вынуждены были признать невозможность для своей науки в полной мере использовать методы и методологию наук естественных. В неклассической психологии подчеркивалась и ограниченность логического анализа при интерпретации полученных данных, как и рационального их анализа, особенно при исследовании бессознательного. Ярким примером новых тенденций служит появление экзистенциального и гуманистического направлений в психологии, которые (и прежде всего экзистенциальное) в принципе подчеркивают невозможность использования в полной мере логики и принципа детерминации в психологии.

Достоинства количественных методов, как и способов математической обработки полученных результатов, сопоставлялись с достоинствами качественного анализа. При этом в неклассической психологии подчеркивалось, что для исследований, направленных на изучение мотивации, личности человека, только количественных методов недостаточно, а обобщенные результаты экспериментальных методик не универсальны и не отражают индивидуальности респондентов. Так в психологию были введены методики, нацеленные на анализ индивидуального опыта, рассказов или рисунков испытуемых, бесед с ними. Эти методики получили название нарративных. Появились и способы интерпретации и анализа полученных данных — контент-анализ, дискурс-анализ.

Пересечение и смешение разных линий и тенденций в развитии вместе с появлением междисциплинарных концепций, характерные для постмодерна в психологии, привели к появлению таких оппонентных кругов, которые мы в полной мере можем отождествлять с современными сетевыми сообществами. В этих сетях творчество концентрируется в группах интеллектуалов, а творческие результаты надстраиваются друг над другом в межпоколенных цепочках. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и более применима, чем предыдущие, но ни одна не представляет собой полное и окончательное описание явлений, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, что и приводит к уже упомянутой выше междисциплинарности. Существующие концепции задают основа-

ния для критики и для будущих исследований, которые приносят новые материалы, дополняемые новыми исследованиями и новыми поколениями ученых. Таким образом, интеллектуальная сеть растет и расширяется в разных направлениях.

Интеллектуальная деятельность и интеллектуальная конкуренция может задавать направленность на количественное приращение, во многом сходное с умножением учеными-текстологами их категорий, но состоящее теперь в накоплении фактов и в распределении их по рубрикам. Как в классифицировании, связанном с текстами, уровень абстракции в такого рода деятельности остается в целом постоянным и ученые (в том числе и психологи) не озабочены проблемами рефлексии и продвижения по возрастающим уровням абстракции. Значительная область психологического знания представлена именно такими теориями и концепциями умеренного уровня абстракции (Юревич, 2005, с. 139–144). По мнению Коллинза, подобные научные теории не составляют главного пути восхождения в последовательности абстракции – рефлексии (Коллинз, 2002, с. 1044). Но, анализируя развитие психологического знания, мы можем зафиксировать, что на современном этапе оно осуществляет свое развитие в основном благодаря инновациям, принадлежащим среднему теоретическому уровню, частным и конкретным концепциям, а не теориям высокого уровня абстракции, базовым психологическим «идеологиям» (парадигмам, подходам и т. д.) (Юревич, 2005, с. 139–144).

По мнению Коллинза, научные теории, которые являются ответом на запрос общества или отражением интересов социальных групп и классов (т. е. «внешними» по отношению к интеллектуальным сетям), не могут быть основным способом построения знания. Идеи обыденного социального дискурса принадлежат более низкому уровню абстракции, чем идеи, которые являются результатом внутренней динамики интеллектуальных сетей, поэтому «мирская» аудитория не может рассматриваться как главный и основной источник социального конструирования интеллектуального знания (Коллинз, 2002, с. 1035).

Вместе с тем именно философские сети дают творческий импульс развитию научных теорий. Повышая уровень абстракции-рефлексии, философия каждый раз разрабатывает аргументы, имеющие следствия самого широкого характера, устанавливает эпистемологические принципы, которые приобретают эмпирические компиляции в научных теориях, в том числе и психологических. Таким образом, появление и развитие новых психологических

теорий (идеологий) высокого уровня абстракции, возможно, будет зависеть от развития именно философских методологических оснований, которые продуцируются в пересечениях и наложениях философских и психологических сетей.

Творчество и стагнация

Периоды интенсивного развития научного знания сменяются периодами стагнации и/или кризиса. Какой период переживает современное психологическое знание?

Научное творчество является многослойным и длительным процессом, результаты которого иногда становятся окончательно ясны только в последующих за основателем школы исследованиях, поэтому проблема интеллектуальной стагнации является крайне важной для прогнозирования будущего науки. Исходя из этого, проблема стагнации, как и проблема творчества, требует выявления структурных условий, связанных с возможными изменениями интеллектуальной жизни сетей. Понятно, что условия, вызывающие стагнацию, будут диаметрально противоположны условиям, способствующим интеллектуальному подъему и развитию науки.

Для анализа состояния научного творчества целесообразно обратиться к классификации Коллинза. Он определяет творчество как энергию, которая накапливается, если процесс продолжается в течение нескольких поколений при наличии личных контактов внутри сети. Внешние условия будут определять, когда возникнет такая сетевая структура и как долго она будет существовать. Главными условиями творчества будут те, которые обеспечивают многообразные основы интеллектуального конфликта вокруг основного фокуса интеллектуального внимания:

- политические и социально-экономические факторы, которые осуществляют материальную поддержку автономного функционирования организаций, поддерживающих ученых-психологов (подъемы интеллектуального творчества связаны с периодами институциональных изменений);
- наличие сети психологических групп (фракций), интеллектуальное противостояние которых делит пространство интеллектуального внимания (оптимально для творчества – от трех до шести научных школ по закону малых чисел);
- наличие единого фокуса внимания противоборствующих группировок, так как творчество развивается благодаря энергии конфликта;

- открытость и связь отечественной психологии с мировой наукой: экспорт идей, интериоризация интеллектуальных заимствований в соответствии с традициями и достижениями, накопленными в отечественных сетях интеллектуалов и преобразование их в собственный культурный капитал или интеллектуальные орудия его производства.

Соответственно, творчество останавливается, когда:

- внешние условия уничтожают основы (материальные, организационные) существования множества фракций;
- нарушаются нижняя или верхняя границы количества конфликтующих сторон (закон малых чисел): внешние условия способствуют укреплению единственного учения или нарушается верхняя граница в результате образования слишком большого количества конфликтующих позиций;
- отсутствует единый фокус внимания, за который ведут борьбу оппозиционные группировки (нет оппозиций, конфликта — нет творчества);
- преобладает импорт идей.

Есть ли у нас основания говорить о наличии в современной психологии трех типов стагнаций, выделенных Коллинзом, и их сочетаний?

Стагнация типа А характеризуется Коллинзом как утрата культурного капитала. Идеи и теории могут быть забыты или утрачены современниками, когда более поздние поколения ученых оказываются не способными делать то, что их предшественники. Одним из видов утраты культурного капитала является его творческое переосмысление: уже созданная теория ограничивает интеллектуальную жизнь на длительное время и ее последователи заняты дальнейшей разработкой существующих положений, не утруждая себя инновациями. Творческое переосмысление является примером обмена между формами стагнации А и В.

Стагнация типа В возникает, когда идеи и теории современного поколения ученых, наоборот, затмеваются идеями и теориями их великих предшественников, и при этом нового творчества не возникает. Исторические периоды с такой формой стагнации не всегда принадлежат эпохам с низким уровнем культуры. Наоборот, интеллектуальное развитие может останавливаться на самом пике культуры, когда идеи, которые популярны в это время и которым обучают, объявляются лучшими из всего, что было достигнуто ранее. Ярким примером такого типа стагнации является эпоха Возрождения с ее преклонением перед античной классикой

(Коллинз, 2002, с. 656–657). Может быть стоит задаться вопросом: не является ли поклонение теориям Выготского и Леонтьева признаками стагнации типа В для современной отечественной психологии?

Стагнация типа С – технические уточнения, добавление комментариев и метакомментариев к совокупности текстов, технические тонкости, ставшие слишком утонченными, чтобы привлечь внимание интеллектуальных последователей, в результате чего творчество иссыкает, а ситуация начинает приближаться к стагнации типа А. Стагнация типа С может оказаться и видимостью стагнации. Интеллектуальная жизнь может развиваться, но сам ее процесс порождает отчуждение, отталкивая потенциальных последователей.

В оценке современной ситуации мы можем отметить неизбежное присутствие некоторой тенденции к схоластике, которая проявляется в почитании старых текстов и составлении комментариев к ним. Какие же из трех форм схоластики присущи современной науке? Несомненно, присутствует стагнация типа А – потеря культурного капитала как неспособность сегодняшних интеллектуалов конструктивно разрабатывать достижения предшественников на их уровне абстракции-рефлексии или более высоком. Одновременно существует и культ классики (стагнация В): гипертрофия исторического подхода, обилие комментариев и примечаний к теориям предшественников, когда написание интеллектуальной истории ценится выше, чем ее создание. В наличии и стагнация С в форме технической утонченности текстов. Доведенные до крайней степени уточнения, понятийные тонкости и внутригрупповые словари оказываются недоступны пониманию окружающих. Как и во времена Средневековья, современная изощренность интеллектуальной техники иногда предполагает высокие прозрения в соответствующих узких областях, но оказывается слишком утонченной, чтобы получить распространение за пределами своих фракций и обрести последователей. Таким образом, как и во времена христианского Средневековья, в современном интеллектуальном мире все три типа стагнации присутствуют и взаимодействуют.

Причины такого состояния кроются часто не в содержании и качестве современных идей, а в структуре интеллектуальных сообществ и их материальной основе. Как уже отмечалось, периоды интеллектуального спада не всегда следуют за материальным упадком, но могут появляться и в условиях материального благополучия. Главная причина – сверхизобилие и децентрализация интеллек-

туального производства (расширение институтов, популяционный взрыв специалистов с дипломами и объема научной продукции). Последние десятилетия мы наблюдаем громадное расширение культурного производства. Рост общего объема интеллектуальной продукции ведет к неуклонному падению возможности чисто интеллектуального вознаграждения автора в виде признания своих идей и их распространения-влияния. В таких обстоятельствах закономерно появление пессимизма и сомнений в собственной значимости в интеллектуальных сообществах.

Интеллектуальное творчество возникает из сочетания элементов, которые входили в состав прежних продуктов, созданных предшественниками. Ссылки, использованные автором в работе, являются примерным указанием на культурный капитал, который в ней был использован. Наиболее значительными интеллектуалами являются те, чьи статьи чаще цитируются, т. е. их идеи становятся «родителями» наибольшего числа «потомков». Такие теории и идеи создают возможность другим делать их собственные утверждения.

Но для самого интеллектуального сообщества великие истины наиболее важны, когда оно находится в режиме систематизации и комментаторства и обращено назад к собственному прошлому. Когда же сообщество ориентировано на инновации, великие истины и теории становятся скорее не столько преимуществом, сколько препятствием. Если теория уже создана, то для последующих поколений интеллектуалов почти ничего не остается: они могут быть учителями для внешнего мира, хранителями или комментаторами-интерпретаторами истины, но не первооткрывателями как таковыми. Сетевые межпоколенные цепочки строятся таким образом, что культурный капитал каждого опирается на свершения предшественников и позволяет продвигаться дальше.

В этой связи важно помнить, что парадигмы, разделяемые интеллектуальным сообществом, включают фундаментальные установки, в которых *уже содержатся или подразумеваются ответы на главные вопросы*. Поэтому работа, которую они оставляют для потомков, заключается лишь в добавлении деталей к тому, что уже в целом известно. Таким образом, культурный капитал, состоящий в полном овладении мощной парадигмой, не может быть наиболее ценным культурным капиталом для творчества и создания новых теорий.

Макрооптика Коллинза ориентирована на исторический подход, поэтому, согласно его теории, адекватная значимость той или иной теории может быть установлена только тогда, когда боль-

шая сеть, включающая несколько поколений ученых, развивает ее идеи и делает их фокусом внимания для противостоящих друг другу соперничающих теорий. Таким образом, оценка значимости современных психологических идей и теорий возможна, когда более поздние поколения в своих сетях будут использовать имена предшествовавших поколений мыслителей как символы своих идейных течений. Поэтому сегодня мы не в состоянии понять, кто из наших современников значителен, а какая теория будет рассматриваться во временной перспективе как третьестепенная или представляющая временный интерес, до тех пор, пока следующие два поколения ученых не разовьют программы, определяющие место идеям наших современников.

Вместо заключения

В современных условиях продолжающейся дифференциации научных дисциплин со своими исследовательскими областями реальности и представлениями об истинности возможно ли для философии, социологии, психологии и других гуманитарных и социальных исследований существование единой реальности и разделяемой истины? Постмодернизм, постулируя множественность и плюралистичность разных точек зрения, допускает комплементарность, когда множественные реальности и конкурирующие истины оказываются взаимодополняющими. Метафора множества слепцов, ощупывающих разные части одного и того же слона, кажется Коллинзу слишком статичной, поэтому он прибегает к сравнению разных фракций ученых, которые передвигаются своими тропами в одной и той же чаще. Но и это не гарантирует возможности, что их тропы когда-нибудь пересекутся и будет составлена единая карта (Коллинз, 2002, с. 1136).

Означает ли это, что в дальнейшем гуманитарные и социальные науки будут бесконечно разделяться на множественные реальности? По закону малых чисел, такая атомизация не может заходить слишком далеко. В каждом конкретном интеллектуальном сообществе закон малых чисел будет ограничивать количество позиций, находящихся в фокусе внимания интеллектуального пространства, что, впрочем, как отмечает Коллинз, не избавляет нас от той же полудюжины «герметически закупоренных» позиций в каждой специальности. Как отмечает А. В. Юревич, каждое из существующих в современной психологии направлений (бихевиаризм, психоанализ, когнитивизм, теория деятельности и т. д.) изучает собствен-

ную психологическую реальность, являясь неким взглядом на нее, наравне с другими теориями-взглядами. Методологические споры между оппозициями давно утихли, сменившись взаимным признанием наличия друг друга и мирным сосуществованием. Оппозиции как бы существуют, но и не конфликтуют. Между тем, интеллектуальное творчество движется именно оппозициями.

Перспективы развития, как подчеркивает большинство ученых, связаны с междисциплинарностью и трансдисциплинарностью современной науки. Тенденция «пересечения границ», построения новых сетей и расширения-модификации старых в последние годы усиливается, что доказывает верность прогноза на междисциплинарность и сетевую конструкцию научных сообществ. В то же время необходимо подчеркнуть и усиливающуюся в настоящее время тенденцию к смешению не только теорической и прикладной науки, но и научных и научно-популярных текстов (Взаимоотношения..., 2015). Это связано во многом и с тем, что у научно-популярных текстов более реальный шанс завоевать внимание, признание и даже финансирование для многих – в том числе и собственно научных – междисциплинарных исследований.

Чувство общей реальности выковывается там, где лоскутки интеллектуальной продукции сшиваются вместе кусочек за кусочком в полотно со множеством узоров-паттернов. Это не приводит к появлению единственного взгляда на реальность, который разделялся бы всеми интеллектуалами. Основанная на сочетаниях (комбинаторная) конструкция интеллектуальных тем не производит ни какой-либо главной общей концепции, ни ограничивающего каркаса относительно того, что исследователи считают предметом своего изучения. При всем этом такая конструкция ведет, по мнению Коллинза, не к бесконечно дробящимся индивидуальным реальностям, но к некой децентрированной сети перекрывающихся реальностей (Коллинз, 2002, с. 1138).

Таким образом, прогнозируемая Коллинзом тенденция к междисциплинарности, пересечению интеллектуальных сетей созвучна выдвигаемой в отечественной методологии идее об общей картине психологической науки по аналогии с сетью или неводом (Марцинковская, 2015, с. 45–47; Гусельцева, 2014, с. 63–65). Сетевой принцип организации и развития психологического знания представляется адекватным ответом на вызовы современности и возможным способом, позволяющим объединить разные психологические концепции и категории, встраивая их в целостную систему современного психологического знания.

Литература

- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Гусельцева М. С. Интеллектуальные традиции российской психологии: Культурно-аналитический подход. М.: Акрополь, 2014.
- Индикаторы науки: 2017: Статистический сборник / Войнилов Ю. Л., Городникова Н. В., Гохберг Л. М. и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- Киселева М. «Молодые исследователи в науке не задерживаются»: О статистике в науке // Индикатор: Информационно-сервисный портал. URL: https://indicator.ru/article/2017/04/21/inter-vyu-s-leonidom-gohbergom/?utm_source=fbsharing&utm_medium=social&utm_campaign=o-finansirovanii-nauki--startapah-i-prov (дата обращения: 17.12.2017).
- Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Марцинковская Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Розов Н. С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Р. Коллинз. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
- Толмачев Д., Кузнецов П. Рейтинг факультетов: Предметный рейтинг университетов России // Эксперт. 2016. № 23. С. 58–67.
- Шпет Г. Г. Философско-психологические труды / Отв. ред. Т. И. Артемьева, М. С. Гусельцева, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская. М.: Наука, 2005.
- Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Юревич А. В. Социология психологии // Методология и история психологии. 2008. № 1. С. 43–56.
- Юревич А. В. Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
- Ярошевский М. Г. Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995.

Раздел IV

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проблема микро- и макроуровней социального познания: настоящее и будущее¹

Д. А. Хорошилов

...Часы человечества и часы отдельной души.

В. Хлебников

Кто является субъектом социального познания?

Генезис социального — знаковая тема в истории гуманитарной мысли; по словам немецкого антрополога К. Вульфа, «его сложность создается избытком значения, которое не исчерпать одними толкованиями» (Вульф, 2009, с. 13). Отношение психики к ее социальным детерминантам — психосоциальная проблема — является инвариантной для классических и современных психологических теорий (Петровский, Ярошевский, 1998). Однако несмотря на важные эпистемологические «завоевания» социального в понимании и объяснении психического в рамках французской социологической школы Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, культурно-деятельностной психологии Л. С. Выготского, А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева, социального конструкционизма К. Гегена, главный вопрос о социальной детерминации познания остается открытым в психологии вплоть до настоящего момента. Теоретическим подспорьем в его обсуждении может стать социальная психология, где он концептуализуется через разграничение микро- и макроуровней социального познания.

Проблема соотношения микро- и макроуровней социального познания справедливо считается одной из ключевых в истории наук об обществе. Различие между ними состоит в том, что микроуровень описывает межличностные взаимодействия социальных акторов, а макроуровень обозначает социальные системы и институты

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

(Гидденс, 2005). Парадокс, который дискутируется из поколения в поколение, касается преобразований этих уровней: социальная структура детерминирует отношения между людьми, но при этом изменяется ими. Начиная с американской социологии (противостояния структурного функционализма и Чикагской школы) вплоть до наших дней «концептуально не удавалось свести в некую стройную теорию социально-структурные интерпретации социальных проблем и реалии повседневной жизни людей», — пишет В. А. Ядов (Ядов, 2009, с. 103). Дж. Ритцер, в свою очередь, предлагает диалектический подход к проблеме микро- и макроуровней, которые следует рассматривать в объективном и субъективном планах «материальных явлений» и «ментальных процессов» конструирования реальности (Ритцер, 2002).

«Субъективное» попадает в фокус социальной психологии. Удивительно, что тема микро- и макроуровней социального познания, столь излюбленная социологами, почти не звучала в отечественной социально-психологической литературе, кроме, пожалуй, ранних работ Г. М. Андреевой, где она занимала одно из первостепенных мест (Андреева, 1970). Чаше используется дихотомия «микropsихологии» — «макрopsихологии», обозначающая соответственно познавательные процессы и взаимодействия в малых группах — и состояние общества в целом (Макropsихология..., 2009; Юревич, 2014). Проблема их соотношения не снимается этим элегантным, на первый взгляд, разграничением.

По рассуждениям Г. М. Андреевой, субъектом познания социального мира является не только отдельный индивид, включенный во множество референтных групп, но и сама *группа*. Социальное познание трактуется как двойной процесс категоризации социальных явлений, опосредованный языком и эмоциями, — процесс конструирования образа социального мира, причем «образ» может не совпадать с «реальным миром», что является характерным для «эпохи перемен» (т. е. радикальных трансформаций общества и культуры) (Андреева, 2013). «Автором» (или «носителем») образа социального мира парадоксально выступает одновременно и индивидуальный, и коллективный субъект, для характеристики которого используются понятия *общественного сознания*, его разновидности — *массового сознания*, что с теоретической и эмпирической точек зрения обсуждается в работах Б. А. Грушина, классика отечественной социологии (Грушин, 2011).

Однако эпистемологический статус общественного сознания (при завидном успехе этого марксистского понятия не только в на-

уке, но и публицистике) оказывается весьма туманным. Общественное сознание фиксирует не сознание вне человека, а общее знание, сходное психическое содержание, складывающееся на основе множества субъективных значений, т. е. речь идет о типической характеристике социального (Поляков, 2004). По осторожному замечанию П. Штомпки, общество/группа — это не «мыслящий субъект», а понятие общественного сознания скорее символически указывает на разделяемые образцы мышления (консенсус), когда «для каждого отдельного члена группы особым и основным аргументом становится представление, что также думают и многие другие» (Штомпка, 2010, с. 308). В рамках феноменологической социологии А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана раскрывается интересубъективность распределения социального знания в коммуникациях, которое подвергается селекции, типификации и идеализации: предметом исследования для феноменолога становится социальный мир, с которым человек вступает в отношения, где *отношение — это и есть смысл* (Абельс, 1999).

Но не является ли включение общественного сознания в категориальный аппарат психологии номиналистическим «умножением сущностей»? Думается, что данное понятие при всех сложностях его фиксации акцентирует следующие принципиальные моменты: 1) соотношение общего и частного: инвариантных проблем общества, преломленных сквозь сознание образующих его членов; 2) признание единства индивидуального и коллективного субъектов познания; 3) поиск закономерностей познания социальных явлений, не сводимых, впрочем, к индивидуально-психологическим механизмам восприятия людьми друг друга. Именно поэтому различные авторы — социологи, психологи, философы — обращаются к идее субъекта. Остановимся на трех иллюстрациях ее эксплуатации: подходах Л. Флека, С.Л. Рубинштейна и Дж. Батлера.

Проблема коллективного субъекта как «носителя» общественного сознания была поставлена Л. Флеком (Флек, 1999): обсуждение познания имеет смысл при указании не на отдельного индивида, а на мыслительный коллектив, который обладает определенным стилем мышления и детерминирует мыслительную деятельность индивида (Порус, 2002). За атрибуцию мыслительному коллективу «сверхиндивидуального разума» с критикой Флека выступил Т. Кун, писавший, что неправомерно обращаться к «терминам, заимствованным из рассуждений об индивидах» (Кун, 1999, с. 20). Введение понятия «парадигмы» снимает произвольные ассоциации с индивидуальным субъектом познания.

Итак, в концепциях Флека и Куна проводится тезис о единстве индивидуальных и общественных форм познания (при необходимости выйти за терминологические пределы этих обозначений), который прочитывается также и в сочинениях С. Л. Рубинштейна. «Человеческое восприятие является обусловленной всем предшествующим историческим развитием человечества общественной формой познания» (Рубинштейн, 2005, с. 238–239). Что есть для Рубинштейна «общественная форма познания»? Аксиоматическое признание социальной детерминации познания? Или указание не на единственный субъект познания, а на коллективный субъект — некое всеобщее множество эмпирических Я? Коллективный субъект может рассматриваться как система отношений входящих в него индивидов, при этом не имеющая структуры индивидуально-личностного Я, а вот изменение индивидов, входящих в коллективный субъект, не означает изменение последнего (Лекторский, 2009).

Опираясь на размышления С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинский проводит важное различие между категориями социального и коллективного (общественного). Социальное является фундаментальной характеристикой субъекта и его психики, а общественное — это типологическая характеристика проявлений социальности (этнокультурных, гендерных, классовых и т. д.). В итоге социальное, общественное и индивидуальное соотносятся «как всеобщее, особенное и единичное» (Брушлинский, 2006, с. 506). Идеи А. В. Брушлинского о коллективном субъекте применительно к социальной психологии развиваются и сегодня в научной школе института психологии РАН.

Совершенно иной тип теоретизирования, снимающий различие индивидуального и коллективного, обнаруживается в перформативной теории субъекта М. Фуко и Дж. Батлер. Здесь уделяется внимание дискурсивным практикам осуществления власти в обществе и «надзора за собой», выступающим одновременно институциональными регуляторами поведения и технологиями производства идентичности, которые «генерируют параметры личности, т. е. «подгоняют» человека под абстрактные нормы, обуславливающие и стимулирующие жизнь, которую они то «включают», то «выключают» (Батлер, 2011). Триада «дискурс—власть—субъективность» становится серьезным основанием для критики и деконструкции «психологического» субъекта (*Homo Psychologicus*), думающего о себе в индивидуальных категориях «внутренней жизни».

Проблема субъекта социального познания является, по всей видимости, обратной стороной неразрешенных дискуссий о соотно-

шении микро- и макроуровней устройства общества. Кто познает социальный мир? Не отдельные акторы в составе «мыслительных коллективов», которые нельзя свести к индивидуальным когнитивным усилиям их членов. Сказанное поднимает вопрос о соотношении индивидуального и коллективного субъекта, точнее, о поиске научного языка, сумевшего бы зафиксировать и помыслить их единство. Не будет явным преувеличением сказать, что радикально различающиеся подходы Л. Флека, С.Л. Рубинштейна и Дж. Батлер утверждают в конечном счете единообразный субъект познания в общем стремлении выйти за пределы старинной антиномии индивидуального и коллективного (через введение понятий стиля мышления, общественного сознания или дискурсивного производства субъекта).

Таким образом, «коллективность» — это изначальная и внутренняя характеристика человека. Коллективный субъект фиксирует часть целого — положение группы в структуре общества, описываемое через некий тип знания и коммуникации; любые индивидуальные различия «превращаются в продукты типологизации, классификации и категоризации — коллективные артефакты» (Касавин, 2015, с. 16). Думается, что приведенные рассуждения близки к позиции Л. С. Выготского, согласно которой социальная психология (в авторском написании она уравнивается с «массовой») изучает «социальное содержание психических процессов и социальных форм поведения» в группах (Варшава, Выготский, 1931). В этом предметном определении схватывается интуиция генезиса социального через объединение присущих ему форм взаимодействий и индивидуальных психических процессов.

В перспективе социальной психологии категории для концептуализации субъекта познания, которые интегрировали бы разнорядковые уровни объяснения конкретных социальных явлений, от внутриличностного до идеологического (Doise, 1986), искались на путях борьбы с антропоморфизмом.

«Антропоморфизм» в объяснении социальных явлений

Антропоморфизм — форма познания, предполагающая перенос качеств человека на окружающий его мир (в дальнейшем будет говорить о социальном антропоморфизме, т. е. об уподоблении личности и общества). П.Л. Лавров рассуждает, что, поскольку выше себя человек не знает ничего, то «везде, где он видит или предполагает деятельность, он склонен неизбежно к предположению и че-

ловеческих страстей, и человеческих форм» (Лавров, 1989). Антропоморфизм — «идол рода» (Ф. Бэкон) — стоит у истоков мысли об обществе, космосе и богах, к этой идее в различные исторические времена обращались Ксенофан, И. Фихте, Э. Тейлор.

Мифологическая, т. е. донаучная, интуиция социального познания объясняет космос и общество (макрокосм) по аналогии с душой человека (микрокосм). Из мифологии этот завораживающий образ перекочевал в философские размышления нескольких столетий, а затем — в социальные науки Нового и Новейшего времени. Космос обладает свойством антропности, человекообразной ментальности, «попускающей» существование человека, что реализуется в символизме и единстве языка сновидений, то и дело «прорывающимся» не только в мифах древности, но и в литературе, показывает В. Н. Топоров в исследовании «странного», «дионисийского начала» в творчестве И. С. Тургенева (Топоров, 1998).

Человек склонен наделять окружающий мир свойствами собственного существа и рационально его объяснять. Когнитивная способность к обнаружению разума во всем, что нас окружает, является универсальной, позволяя «легко уловить проблеск человеческого разума почти по всем, что видит глаз, от погоды до компьютеров, автомобилей и богов» (Эпли, 2017, с. 135). Антропоморфизм является одной из ранних форм идентификации, с помощью которой ребенок познает неизвестный ему мир (Мухина, 2006). К. И. Чуковский пронизательно рассуждает, что книги с «одушевленными животными» «ориентируют его (ребенка. — Д. Х.) во вселенной, так как он при помощи антропоморфизма сам приходит к познанию реальных отношений» (Чуковский, 2003, с. 500).

Антропоморфизм роднит детское сознание с религиозно-мифологической мыслью. Человек «через себя» стремится познать опасные и неизвестные силы, управляющие его судьбой, «приблизить их» к собственному существу. Но антропологи считают, что дело не только в извечном страхе перед неопределенностью, ибо антропоморфизм (приписывание богам и духам разума) является следствием работы когнитивных систем, основанной на интуитивном понимании людей, которое намного богаче и сложнее, чем понимание механистических и биологических процессов (Буйе, 2017). Антропоморфизм является формой познания и собирания, делающей мир «соразмерным» возможностям человека (Титова, 2010).

В истории социальной мысли антропоморфизация общества — проведение аналогии между «индивидуальным» и «коллективным»

человеком — восходит к античности. Так, в учении о государстве Платона проводится сравнение между тремя сословиями идеального общества и способностями души. Впоследствии эта идея станет камнем преткновения в дискуссии, участники которой разделены тьмой столетий, — Аристотеля и Т. Гоббса. Если Аристотель считал, что государство существует от природы, а человек произведен от общества (человек вне общества — это невозможная абстракция), то Гоббс рассуждал иначе: естественное состояние людей — «война всех против всех», которая преодолевается в общественном договоре, олицетворяемом фигурой Левиафана, превосходящей силой все человеческое. «Множество людей выступает как единство, опознает единство своих деяний, когда это множество репрезентировано одним искусственным лицом» (Филиппов, 2016, с. 29). Означивание общества как единообразного коллективного лица станет одной из ключевых эвристик в истории социальной философии и психологии.

Тенденция к антропоморфизации социальных общностей, наделения социальных групп чертами индивидуальной личности, существовала со времен архаики и была активно выражена в XVIII–XIX вв. (Савельева, Полетаев, 2008). В истории социальной психологии использовались многочисленные метафоры коллективного субъекта: дух (М. Лазарус, Х. Штейнталь), душа народа (В. Вундт), коллективные представления (Э. Дюркгейм), общественное мнение (У. Липпман), групповое сознание (У. Макдугалл), коллективное бессознательное (К. Г. Юнг), ментальность (Л. Леви-Брюль, школа «Анналов»). Наиболее известная метафора, обозначающая одно из важнейших направлений исследований, — это коллективная память (М. Хальбвакс). По сути, антропоморфная метафора общества как коллективного субъекта познания, наделенного общественным сознанием, весьма удобна в методологическом отношении, ибо позволяет раскрыть сложность процесса построения картины мира, которая объединяет сознательные и бессознательные аспекты, не только описывает, но и порождает социальную реальность для человека (Петренко, 2009).

В социальной теории антропоморфизм выражается, конечно, не в «одушевлении» коллективного субъекта, а в осторожном проведении метафорического сходства между процессами индивидуальной и массовой психологии как эвристики, объясняющей единство микро- и макроуровней познания в реальной жизни. Общество и культура здесь не наделяются «коллективным разумом», антропоморфное уподобление индивидуального и коллективного стано-

вится вспомогательной формой научного исследования. Приведем два актуальных варианта такого подхода: 1) *когнитивный*, проецирующий когнитивные конструкторы на институциональные и культуральные структуры, и 2) *психоаналитический*, использующий язык клинической психологии для анализа общественного сознания.

В когнитивной нейронауке намечается возвращение от абстрактной компьютерной системы обработки информации обратно к человеку в обществе, т. е. пребывающему в непрерывном взаимодействии с другими людьми; социальное познание интерпретируются в ракурсах: а) процесса ментализации, результатом которого является построение «теории психического» другого человека, и б) социальной детерминации познавательных процессов (Фаликман, 2015). Эти направления исследований встречаются в клинической психологии и, с опорой на идеи М. Томаселло, Ч. Фернихоу, Л. С. Выготского, объединяются в модели расстройств аффективного спектра, интегрирующей макросоциальные, семейные, интерперсональные и индивидуально-личностные факторы (Холмогорова, 2016). Таким образом, социальное познание рассматривается в континууме отношений Я – Другой, и на основе интериоризации происходит развитие личности и ее отношений с миром, причем Другой может выступить в позиции репрезентанта общества в целом.

В социальных науках мало используются понятия ментализации и категоризации, а чаще говорится о *классификации* как свойстве не индивидуального сознания, а общества и социальных институций (в традиции Э. Дюркгейма и М. Мосса). Наследуя идеям Л. Флека о мыслительных коллективах, М. Дуглас утверждает, что у институтов нет сознания, но при этом они способны к классификации и «загоняют наше восприятие в формы, совместимые с санкционированными ими отношениями» (Дуглас, 2012, с. 111). Понятие когнитивной схемы ввиду возможности объяснить упорядоченность опыта, выраженного в субъективных репрезентациях, оказывается привлекательным для антропологов, идет ли речь о *коллективных схемах мышления* (Дескола, 2012) или *культуральных моделях*, т. е. интересубъективно разделяемых концептуальных темах, их взаимоотношениях (D»Andrade, 1987). Коллективные схемы и культуральные модели мышления устанавливают границы для типичных интерпретаций поведения и событий, т. е. маркируют идентификационные позиции, которые может занимать индивид («классификации самих себя»). Когнитивная аналогия раскрывает институциональный стиль мышления, предоставляемый индивидам.

Иной путь объединения микро- и макроуровней социального познания заключается в том, чтобы обратиться не к когнитивной аналогии мышления индивида и общества, а к клиническому языку объяснения социальных явлений (см., напр., у П. Штомпки — «патологии общественного сознания» (Штомпка, 2010)). В эпоху европейского модерна, когда зарождалась социальная психология, теоретизирование об общественных процессах опиралось на медицинские идеи внушения, заражения и подражания, заимствованные из традиции французской психиатрии. Впоследствии инструментом анализа общества стал психоанализ, который вышел «за пределы клиники», и сейчас он переживает Ренессанс под именем *психосоциального* подхода, апеллирующего к идеям Ж. Лакана.

Новая «психоаналитическая» социальная психология, усвоившая идеи марксизма, феминизма и постколониализма, предоставляет метафорический язык для интерпретации эмоциональных инвестиций в позиционирование в социальном порядке (Stainton-Rogers, 2011). Психоанализ оказывается адекватным для изучения социальных явлений, наследуя формуле З. Фрейда о том, что в душевной жизни всегда имманентно присутствует Другой (объект), поэтому «индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией» (Фрейд, 1998, с. 119).

В отечественной психологии психоанализ массового сознания опирается скорее не на Лакана, а на академические модификации психоанализа во французской и английской школах, что исторически оправдано, если вспомнить их вклад в становление психологии малых групп (Каэс, 2005). Используются понятия патологической личностной структуры для характеристики отношений субъекта и институций (Тхостов, 2009), расщепления, диффузии и регрессии — для анализа массового сознания российского общества (Соколова, 2010) или травмы коллективной памяти (Бурлакова, 2016). Однако насколько правомерен перенос такой «диагностики» из клиники на общество? Приходится признать, что речь вновь идет об индивидуализирующих метафорах социального познания.

Комментируя историко-философские дискуссии, С. Л. Франк обращает внимание на тот момент, что социальная психология принципиально отлична от индивидуальной, ибо она «познает явления «я» в его сращенности с «ты», в его жизни в первоединстве «мы». В этой связи возможна также психология самого «мы» как анализ душевных состояний, владеющих целой группой, многоединством людей, и совместно, как единство, переживаемых многими» (Франк, 1992, с. 68). Социальная психология изучает первичное

единство «разделенных сознаний», которое выходит за пределы психического, и общественное бытие подчиняется иным структурам, нежели психическая жизнь.

Читателям известно, что сложность определения предмета социальной психологии выразилась в двойственном определении общества как суммы (агрегата) индивидуальных взаимодействий и как субстанции, подчиняющейся специальным законам. Впоследствии это различие станет демаркационным для американской и европейской «национальных» традиций социальной психологии (Андреева, 2009). Последняя из них, «возродившись» из пепла мировых войн в теориях социальной идентичности и социальных представлений, апеллировала к именам К. Маркса и Э. Дюркгейма, которые в своих работах искали некие надындивидуальные субстанциональные основы устройства общества, ибо «социальная реальность должна отражаться в системе особых категорий, в максимальной степени избегающих указаний на индивидуально-психологические аспекты жизнедеятельности субъекта» (Найдыш, 2004, с. 265).

Поиск новых категорий, не сводимых к антропоморфной проекции индивидуально-психологических процессов на общество, которое следует объяснять из его собственных закономерностей, является характеристикой уже неклассической философии XX столетия, когда был поставлен вопрос о «преодолении человека» (Ф. Ницше). Отличительная черта как естественных, так и гуманитарных наук Новейшего времени – это стремление понять то, что человек не может и вообразить, «ибо происходящее событие несоизмеримо с тем, что мы можем на себе понять... оно не соизмеримо с моделями, в которых мы изображаем нашу собственную активность» (Мамардашвили, Пятигорский, 2009, с. 100), или, как незадолго до смерти односложно записал Л. Н. Толстой: «Сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознать». Одна из проблем современной психологии заключается в том, что она «практически не имеет языковых средств для обсуждения реальности творящихся изменений», и такая познавательная ситуация характеризуется серьезным обновлением ее теоретического аппарата (Гусельцева, 2015).

Радиальные социокультурные трансформации, детерминирующие развитие науки, которой никак не угнаться за «духом времени», требуют от нас отказаться от мышления об обществе «по аналогии» с индивидуально-психологическими категориями познания ввиду их условно-метафорического характера и найти новый язык,

позволяющий анализировать взаимодействие микро- и макроуровней познания, мыслимое «сложно» (Э. Морен), а не «по образу и подобию» человека. Здесь я позволю себе вольное отступление и обращусь к автоэтнографической манере письма: в последнее время мы часто обсуждаем с коллегами-психологами, что на собственных лекциях не покидает странное чувство недостаточности традиционных социально-психологических концепций и «ученых слов» для объяснения событий, происходящих в современном мире. М. Степанова также пишет: «Меня не оставляет ощущение, что сегодня... история и культура отказываются соучаствовать, их траектории оказываются противоположными», ибо язык культуры обращен в прошлое и чуждается дня завтрашнего, окутанного мраком неизвестности» (Степанова, 2016).

В трех «европейских» теориях социальной психологии (социальной идентичности, социальных представлений, дискурсивной психологии), которые сложились в 1970–1980-е годы и развиваются до настоящего момента, используются уже не индивидуализирующие метафоры «когниций» и «патологий», а вводятся новые самостоятельные объяснительные конструкторы в надежде преодолеть условное разделение индивидуального и коллективного в познании (Augoustinos et al., 2014). Обозначенные теории не проводят аналогий между микро- и макроуровнями социального познания, а стремятся раскрыть двойственность «взаимной» детерминации в континууме «общество как институциональная структура – межличностные взаимодействия и коммуникации».

Теория социальных представлений, по мнению С. Московичи, объединяет микро- и макроуровни социального познания в следующих отношениях: социальные представления «имеют безличный аспект, принадлежат всему миру; считаются представлением другого, принадлежат иным людям или группе; они суть личностные представления, эмоционально ощущаемые как принадлежность Эго» (Московичи, 2009, с. 363). В наиболее современном кембриджском руководстве по теории социальных представлений утверждается, что данная теория стремится раскрыть отношения между индивидом и обществом и взаимодействие микро- и макропроцессов конструирования реальности (Lopes, Gaskell, 2016). Иными словами, социальные представления объединяют социальный контекст (и характеризующие его изменения) и интерсубъективные представления, которые снимают неопределенность в познании пугающих и загадочных событий, превращая их в нечто узнаваемое и ясное.

Теория социальной идентичности А. Тэшфела претендовала на новое определение социальной психологии как дисциплины, изучающей «взаимодействие между социальным изменением и выбором» (Тэшфел, 1984, с. 243). Ее основное допущение заключается в том, что человек стремится поддерживать положительный образ Я, который формируется в социальном контексте межгрупповых отношений (с помощью когнитивных механизмов категоризации, сравнения и дифференциации ингруппы и аутгруппы). Главный объяснительный конструкт — социальная идентичность — рассматривает не положение личности в группе, а превращение группы в личность («создание психологической реальности из социальной») (Hogg, Abrams, 1999, p. 15).

Дискурсивная психология снимает вопрос о соотношении микро- и макроуровней социального познания через язык. «Личность в осмысленном взаимодействии с другими — это место встречи многих дискурсов» (Харре, 2007, с. 25). Дискурс и нарратив — понятия, заимствованные из лингвистики, которые характеризуют коммуникативные процессы, но при этом фиксируют политические, культурные и исторические рамки языковых практик, перформативных относительно психологических состояний. Д. С. Лихачев отмечает, что языковые категории (концепты) являются и способом общения, и концентратом культуры, которая воплощается в каждой отдельной личности (Лихачев, 1993).

Таким образом, категории социальной идентичности, социальных представлений и дискурса, задаваемые теориями «верхнего уровня» современной социальной психологии, преодолевают расхождение микро- и макроуровней социального познания, максимально отходя от антропоморфизма как формы мышления об обществе по аналогии с процессами индивидуальной психологии. В названных концепциях вводятся новые принципы анализа социальных явлений, отличные от когнитивных и психодинамических категорий, характеризующих индивидуальные процессы работы с социальной информацией.

По мысли В. В. Бибихина, в существовании человека нет ничего «антропоморфного». Он существует не для себя и не для другого, а для чистого присутствия в мире, допускающего быть в нем вещам «как они есть». Субъект познания — исторический способ человеческого подхода к миру, когда тот проблематизируется, т. е. становится «задевающей, вызывающей, дразнящей данностью». «Субъект познания вырос на незнании: на том, что человек не узнал себя в своем отношении к миру» (Бибихин, 2002, с. 241). Иными словами, от-

каз от антропоморфизма философски становится вслушиванием и впусканьем в себя мира.

Промежуточная, но не исчезающая приставка «социальности» к уже традиционным понятиям идентичности и представлений, или двойная трактовка дискурса как процесса и результата коммуникации, указывает на специфичность социального познания (человека в обществе), которое ввиду его эпистемологической сложности (ставшей очевидной после интеллектуальных революций XX в.) следует объяснять тавтологически из самого себя, а не по антропоморфной аналогии с абстрактным индивидуальным субъектом. Недаром знаменитая формула Аристотеля о человеке как о существе политическом предваряет учебник Э. Аронсона по социальной психологии (Аронсон, 2006).

Итак, аналогии между индивидуальным и коллективным субъектами при анализе общества следует считать метафорическими в том отношении, что они улавливают только сходство между различными классами познаваемых объектов, стимулируя семантический процесс научного-исследовательского поиска, приводящий к возникновению логических понятий. «Метафора постепенно стирается и в конце концов утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (значение слова)» (Арутюнова, 1990, с. 15). Следовательно, когнитивные и психоаналитические объяснения социального познания можно обозначить как метафорические, в то время как теоретические категории социальных представлений, социальной идентичности и дискурса претендуют на статус уже более строгих понятий, объединяющих микро- и макроуровни общества и раскрывающих его нередуцируемость к межличностным взаимодействиям.

Т. Д. Марцинковская справедливо пишет: «Социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого» (Марцинковская, 2016, с. 526). Надо сказать, что теории социальной психологии предоставляют в наше распоряжение понятийный аппарат для исследования двусторонних превращений и детерминаций микро- и макроуровней познания (социального бытия и личности как его знака). В методологических дискуссиях наших дней складывается новый язык социального познания — язык искусства, эстетики, который заставляет нас уйти от объяснений в категориях соотношения индивидуального и коллективного к принципиально иным горизонтам мышления о человеке в обществе.

В поисках нового языка: от антропоморфных аналогий — к эстетике?

В истории психологии имел место «лингвистический поворот» (1980—1990-е годы), который наиболее отчетливо проявился в эпистемологии *социального конструкционизма*. Сегодня становится возможным продолжение этого поворота с точки зрения обращения к «вторичному языку культуры» — искусству, занимающему почетное место в эстетической парадигме исследований (Марцинковская, 2014). Истоки эстетической парадигмы можно обнаружить у В. П. Зинченко и А. Г. Асмолова, а эстетические категории применяются в современной клинической (Балашова, 2015) и социальной психологии (Хорошилов, 2016).

По формуле Ф. Ницше, «только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности». Выделяются следующие допущения эстетической парадигмы в психологии: 1) использование художественных (эссеистических, поэтических) стилей академического письма, 2) историко-сравнительный анализ научно-психологических и художественных репрезентаций и объяснений социальных явлений, а также 3) заимствование эстетических категорий и принципов в психологическом объяснении («эстетический редукционизм»). К числу последних относятся категории *формы, стиля, хронотопа, мимесиса, перформанса*, которые суть ключи к генезису взаимообусловленности социального и субъективно-вне антропоморфной индивидуализации, исторически свойственной психологии.

Эстетическая парадигма предчувствуется в сравнительно недавнем исследовании бессознательного на междисциплинарных пересечениях венской школы искусствознания, психоанализа и нейронауки (Кандель, 2016). В культуре «серебряного века» считалось, что эстетизация науки приведет к теургическому преображению жизни, которая является предметом творчества сама по себе (Шахадат, 2017). По мысли И. Ф. Анненского, «первая задача поэта — выдумать себя». Эстетическая парадигма имеет все шансы стать не просто очередной «модой» — исследовательской «методологией», но и привести к зарождению альтернативных форм научного познания и социальных идентификаций (ср. с позицией современного художника как критика ценностей и агента социальных изменений).

Возвращаясь к проблеме микро- и макроуровней социального познания, следует сказать, что ее решение предполагает определение эпистемологического статуса субъекта социального познания, который не существует вне общества и культуры. Для указания

на единство индивидуального и коллективного субъекта социального познания традиционно используется конструкт общественного сознания, оборачивающийся антропоморфизмом в интерпретации социальных явлений. Тенденция к антропоморфизации общества сначала преодолевалась через когнитивные и психодинамические метафоры, затем — посредством категорий социальной идентичности, социальных представлений и дискурса в социальной психологии европейской традиции.

Одно из эпистемологических следствий развития социального конструкционизма — это эстетизация социального познания, что приводит к парадигмальному изменению его языка. Язык искусства, привносимый эстетической парадигмой в психологию будущего, снимает различие микро- и макроуровней познания в единстве его «объективной» формы и «субъективного» содержания — вне старинной условно-дихотомической терминологии индивидуального и коллективного субъекта. Ее преодоление является ответом на разломы XX столетия, когда, по словам Л. Я. Гинзбург, «истребляемый, испытываемый катастрофами человек не в силах верить в красоту и абсолютную ценность единичной души. Гораздо естественнее ему испытывать отвращение к этой голой душе и горькую и тшетную жажду очищения во всеобщем, в некоей искомой системе связей — в религии? В экзистенциальном самопроектировании? В новой гражданственности?» (Гинзбург, электронный ресурс). Кажется, психология стремилась к очищению «голой души» в собственных исследованиях, в поисках социального («всеобщего») на путях религии — в христианской психологии, проектирования пограничных ситуаций — в экзистенциальной психологии, борьбы за справедливость и равенство — в критической психологии. По всей видимости, сейчас наступает исторический момент обращения психологии к искусству.

Литература

- Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетей, 1999.
- Андреева Г. М.* К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
- Андреева Г. М.* Социальная психология сегодня: Поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Андреева Г. М.* Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.

- Аронсон Э. Общественное животное: Введение в социальную психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Балашова Е. Ю. Клиническая психология в поисках смысла пространственных и временных трансформаций: Синтез исследовательских парадигм // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1165-balashova42.html> (дата обращения: 22.12.2017).
- Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. Т. 2. № 76. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ba2.html> (дата обращения: 23.12.2017).
- Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Бурлакова Н. С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1241> (дата обращения: 22.12.2017).
- Варшава Б. Е., Выготский Л. С. Психологический словарь. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931.
- Вульф К. К генезису социального: Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005.
- Гинзбург Л. Я. Вокруг «Записок блокадного человека». Записи в дни блокады. Оцепенение. Отрезки блокадного дня. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/ginzvzr.htm> (дата обращения: 19.12.2017).
- Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Праксис, 2011.
- Гусельцева М. С. Психология и новые методологии: Эпистемология сложного // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1158> (дата обращения: 23.12.2017).
- Дескола Ф. По сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
- Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. 2012. № 4–5 (1). С. 188–217.
- Кандель Э. Век самопознания: Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. М.: АСТ–Corpus, 2016.

- Касавин И. Т.* Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 5–18.
- Каэс Р.* Теория психоанализа групп. М.: АСТ–Астрель, 2005.
- Кун Т.* Предисловие к английскому переводу // Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс–Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 19–21.
- Лавров П. Л.* О религии. М.: Мысль, 1989.
- Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2009.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 3–9.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
- Марцинковская Т. Д.* Галина Михайловна Андреева: Константа в транзитивном мире // Выдающиеся психологи Москвы. М.: МГППУ, 2016. С. 519–529.
- Марцинковская Т. Д.* Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. URL: <http://psystudy.ru/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37> (дата обращения: 21.12.2017).
- Московичи С.* Социальное представление: Исторический взгляд // Зарубежная социальная психология: Хрестоматия. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2009. С. 315–366.
- Мухина В. С.* Возрастная психология: Феноменология развития. М.: Академия, 2006.
- Найдыш В. М.* Философия мифологии: XIX–начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2009.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Поляков С. Э.* Мифы и реальность современной психологии. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
- Порус В. Н.* Рациональность, наука, культура. М., 2002.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 50–76.
- Соколова Е. Т. Утрата Я: Клиника или новая культурная норма // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 190–210.
- Степанова М. На пороге ненового времени // Colta. ru. 2016. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/13046> (дата обращения: 22.12.2017).
- Титова Т. А. Антропоморфизм как форма познания мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 1. С. 172–179.
- Топоров В. Н. Странный Тургенев: Четыре главы. М.: РГГУ, 1998.
- Тхостов А. Ш. Прологомены к социальной патопсихологии // Константа в неопределенном и меняющемся мире: Маленькая психологическая серенада к юбилею Г. М. Андреевой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2009. С. 180–197.
- Тэйфел А. Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М.: МГУ, 1984. С. 229–243.
- Фаликман М. В. Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015.
- Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 5–56.
- Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Преступная толпа. М.: ИП РАН; КСП+, 1998. С. 117–194.
- Харре Р. Философия сознания // Энциклопедический словарь по эпистемологии. М.: Альфа-М, 2011. С. 400–413.
- Холмогорова А. Б. Значение культурно-исторической теории развития психики Л. С. Выготского для разработки современных моделей социального познания и методов психотерапии // Культурно-историческая психология, 2016. № 3. С. 75–92.
- Хорошилов Д. А. Язык и эстетика в социальном познании // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 8. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48> (дата обращения: 21.12.2017).
- Чуковский К. И. Дневник: 1901–1929. М.: Олма-Пресс–Звездный мир, 2003.

Проблема микро- и макроуровней социального познания

- Шахадат Ш.* Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI—XX веков. М.: НЛЮ, 2017.
- Штомпка П.* Социология. М.: Логос, 2010.
- Эпли Н.* Язык интуиции: Как понять, что чувствуют, думают и хотят другие люди. М.: Азбука Бизнес—Азбука—Аттикус, 2017.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Augoustinos M., Walker I., Donaghue N.* Social cognition: An integrated introduction. L.: Sage, 2014.
- D»Andrade R.* A folk model of the mind // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 112—149.
- Doise W.* Levels of explanations in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Hogg M. A., Abrams D.* Social identifications: A social psychology of inter-group relations and group processes. L.—N. Y.: Routledge, 1999.
- Lopes C. A., Gaskell G.* Social representations and societal psychology // The Cambridge handbook of social representations. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 29—42.
- Stainton-Rogers W.* Social psychology. Maidenhead: Open University Press, 2011.

Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества: социально-психологический анализ¹

Т. А. Нестик

Ориентация научной политики развитых стран на «большие вызовы» – сложные и масштабные проблемы, угрозы и возможности, на которые невозможно ответить за счет одного лишь увеличения ресурсов – не только ставит задачу планирования приоритетных направлений исследований (Вызовы..., 2016), но и требует повышения долгосрочной ориентации научных сообществ. И если проблема выделения приоритетов научно-технологического развития получила достаточно широкое освещение в литературе, посвященной научной политике (см., например: Выявление..., 2016), то образ будущего и долгосрочная ориентация научных сообществ как социально-психологические феномены остаются практически не изученными (см. также: Прогресс психологии..., 2009; Новое в науках о человеке..., 2015; Журавлев, Нестик, Юревич, 2016; и др.).

Под коллективным образом будущего нами понимается совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых членами социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе (Нестик, 2014а). В содержании коллективного образа будущего можно выделить пять основных феноменов: во-первых, это коллективные цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, групповые ожидания, т. е. представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах; в-третьих, групповые мечты, т. е. представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; в-четвертых, коллективные страхи, т. е. разделяемые членами группы представления об угрозах для ин-

¹ Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

дивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации; и в-пятых, коллективные идеалы, т. е. представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации.

В кросс-культурных исследованиях под долгосрочной ориентацией принято понимать ориентацию на получение выгод в будущем, предполагающую настойчивость и упорство в настоящем (Hofstede, Bond, 1988; Spector, 2001). Под долгосрочной ориентацией научного сообщества мы понимаем готовность ученых планировать свои исследования на долгосрочную перспективу и обсуждать их связь с долгосрочными антропогенными и природными процессами, значимыми для общества. По-видимому, выраженность долгосрочной ориентации является одной из характеристик эпистемической культуры научного сообщества (Knorr-Cetina, 1999) или национальной научно-исследовательской культуры в целом (Коннов, 2014; Юревич, 2015).

Цель настоящей статьи – провести анализ глобальных изменений в управлении наукой, влияющих на представления ученых о будущем научных исследований; выделить психологические механизмы и основные группы факторов коллективного образа будущего и долгосрочной ориентации научных сообществ.

Глобальные изменения в научной политике и будущее науки

В отечественной социологии науки основное внимание исследователей было сосредоточено на текущих проблемах научного сообщества. Проблема же будущего науки затрагивалась в основном в связи с последствиями кризисных явлений в академических кругах, со сменой поколений ученых, с глобализацией науки, с переходом к сетевым формам научной работы, с необходимостью формирования социального заказа отечественной науке, с реформами в академической науке и имиджем ученого (Мирская, 1995; Юревич, 1999; Балабанов и др., 2003; Социальные науки..., 2005; Ефременко, 2005; Юревич, 2005; Мирская, 2005; Грановский, 2005; Оноприенко, 2007; Этнос науки, 2008; Наука в условиях глобализации, 2009; Дежина, Грэхем, 2009; Аблажей, 2010; Аллахвердян, Агамова, 2010; Юревич, Цапенко, 2010; Володарская, 2013; Юревич, 2013; Перспективы российской науки..., 2014; Аллахвердян, 2014; Лазар, 2015; Еремичева, 2015; Нестик, Журавлев, 2016; Володарская и др., 2017). Представления о будущем имеют важное значение для научного самоуправления (Коннов, 2008) и интеллектуальных движений

(Фурсов, 2011). Проблема прогнозирования будущего в социальной психологии науки поставлена в теоретическом плане, но эмпирически пока не изучалась (Юревич, Цапенко, 2010; Юревич, 2013).

Как показывают исследования в области социологии науки, представления о перспективных научных направлениях и критерии отбора исследовательских заявок в значительной мере определяются когнитивным стилем и дисциплинарной культурой, а также самопрезентацией, политическими факторами и групповыми интересами, которые влияют на оценку актуальности темы (Lamont, 2009; Vinck, 2010), ориентацией на те или иные нормы научной деятельности (The social psychology of science, 1994). Социально-психологические исследования указывают на важное значение взаимодополнительности разных когнитивных стилей («адапторов» и «новаторов»), наличия в ролевой структуре научных коллективов ролей «эрудита», «генератора» и «критика» (Юревич, 2013), «привратника» (Коннов, Харкевич, 2011). Можно предположить, что ролевая структура научных коллективов влияет на уровень их долгосрочной ориентации и на отношение к планированию исследований.

Будущее науки изучается в рамках научно-технологического прогнозирования и форсайтных исследований (Соколов, 2007; Meissner et al., 2013; и др.), в том числе с опорой на экспертные опросы (подробнее см.: Журавлев, Нестик, Юревич, 2016). Вместе с тем внимание исследователей в рамках данного направления сосредоточено на обеспечении достоверности прогноза, а не на социально-психологических особенностях представлений о будущем в среде российских ученых (см., например: Прогноз научно-технологического развития России, 2014). В европейской науке существуют коммуникативные пространства для обсуждения будущего науки (например, проходящие раз в два года форумы Euroscience, проект Horizon 2020, виртуальные форсайт-площадки Евросоюза и др.), в России же будущее науки как социального института обсуждается преимущественно на последних стадиях разработки посвященных науке стратегических документов по заказу Правительства РФ, Совета по науке и образованию Законодательного собрания РФ и др. Образ будущего науки конструируется и легитимируется в рамках относительно небольших и закрытых экспертных сообществ. Между тем лейтмотивом современных научных публикаций в области футурологии стал призыв к укреплению процессов коллективного диалога, осмысления и рефлексивности (Nelson, 2010; Treyer, 2011; Mack, 2013). Такого рода рефлексия и коллективное прогнозирование особенно востребованы сегодня, так как вместе со сменой тех-

нологических платформ происходит переопределение места социальных и гуманитарных наук в обществе (Emerging Trends..., 2009).

При обсуждении будущего науки эксперты опираются на оценку последствий глобальных трендов в управлении научными исследованиями, которые сегодня уже хорошо заметны. Это ориентация на «большие вызовы»; ускорение цикла НИОКР; обеспечение публичного доступа к результатам исследований (открытая наука); сокращение государственного финансирования исследований и разработок, «научное предпринимательство»; развитие гражданской науки (участие энтузиастов-любителей в серьезных исследованиях на основе краудсорсинга); совмещение образовательной и научной деятельности (гумбольдтовская модель университета). Растет число междисциплинарных исследований, стимулируется мобильность ученых, создаются исследовательские платформы Science 2.0, облегчающие кооперацию (Brown, Deletic, Wong, 2015; Noorden van, 2015).

Обсуждаются новые компетенции, необходимые исследователям: работа с большими данными; управление проектами; создание и развитие команды; понимание бизнеса и знания в области защиты интеллектуальных прав; востребованность так называемых «Т-компетенций» (коммуникативные навыки, кругозор и способность интерпретировать результаты исследований за пределами своей дисциплины) (OECD..., 2016; Вызовы..., 2016).

Происходит переход от больших исследовательских институтов к сетям небольших научных коллективов. От локальных мегапроектов, таких как CERN (Европейский Центр ядерных исследований), научное сообщество переходит к созданию сетевых консорциумов. Например, Human Genome Project представляет собой сеть из нескольких тысяч исследователей из 200 стран мира. Сеть Human Brain Project насчитывает 113 организаций-партнеров, 21 организацию-исполнителя из 24 стран.

Именно благодаря *сетевой организации* научных исследований и ускорению цикла НИОКР родилась традиция размещения результатов научных исследований в свободном доступе в качестве препринтов и баз данных, т.е. еще до того, как они будут опубликованы в журналах. Большое количество данных, требующих обработки в рамках Human Genome Project, побудило его участников к созданию крупнейших открытых ресурсов научных публикаций – PubMed и Public Library of Science (PLoSOne). Можно выделить несколько отличий возникающей модели «Открытая наука» (Наука 2.0) от модели традиционной организации исследований. В последней исследовательский процесс не публичен, результаты

направляются в журналы и в случае отбора рецензентами публикуются. В условиях «открытой науки» обмен данными происходит еще в процессе исследования, когда ученые свободно обмениваются идеями и результатами, публикуя их в социальных сетях. В традиционной модели научная литература спрятана от читателя за барьером платной подписки, тогда как на платформах Science 2.0 научные открытия распространяются мгновенно онлайн. В традиционной модели репутация обеспечивается импакт-фактором журнала, а в новой модели — числом цитирований и скачиваний. Раньше данные были скрыты до момента публикации журнала, сегодня же они открыты уже до официальной публикации. Раньше статьи были защищены правами издателей, зарабатывающих на читательской подписке, теперь издатели берут плату с авторов, при этом используются различные способы защиты — авторские права, Creative Commons 3.0 и др. Если 15 лет назад аннотации становились доступными только после публикации статей, то теперь описание методов, данных и основных результатов распространяется через блоги, социальные сети, wiki, видео и т. п. Расширяются возможности привлечения средств для исследований через краудфандинг, к оценке их результатов привлекается большее число экспертов, в качестве критерия все чаще используется социальная значимость исследования, а сама процедура экспертизы становится более прозрачной. Таким образом, открытая наука тесно связана с переходом к цифровым технологиям создания и распространения нового знания, а также с активным развитием сетей научных коллективов (Validation..., 2015).

Благодаря Интернету вещей и технологиям работы с большими данными складываются условия, когда эмпирические данные получаются еще до начала исследования. Наряду с традиционным подходом, когда исследование начинается с гипотезы и «большой теории», появляются исследования, которые начинаются «вслепую» с накопления огромных массивов данных и строятся на сочетании различных методологий, заимствованных из разных областей знания.

Создание платформ Science 2.0, бурное развитие онлайн-сервисов для научных исследований облегчают вовлечение в науку разного рода энтузиастов, предпринимателей и активистов общественных движений. Виртуальные лаборатории позволяют собирать в открытом доступе сырые данные на протяжении всего исследовательского цикла, в том числе результаты провалившихся экспериментов, которые никогда бы не были опубликованы в традиционных научных

журналах. Практически все этапы научного исследования обеспечены сегодня различными сетевыми решениями, позволяющими привлекать партнеров в исследование и обсуждать их результаты: открытые базы сырых данных (Datadryad.org, Figshare.com), виртуальные лаборатории (My experiment.org), площадки для привлечения добровольцев и инвесторов (Scistarter.com), базы препринтов и аннотаций (ArXiv.org, Openannotation.org), научные блоги и социальные сети (Researchgate.com, Mendeley.com, Academia.edu), альтернативные системы рейтингов (Altmetric.com).

Наметившийся в Европе и США переход управления научными исследованиями к модели, увязывающей ассигнования на науку с решением крупных социальных задач, происходит в условиях техногуманитарного дисбаланса, когда рост технологических возможностей человечества опережает процессы осмысления и формирования социальных норм использования новых технологий. С социально-психологической точки зрения это противоречие тесно связано с другим противоречием — между социальным пессимизмом, выражающимся в том числе в форме глобального кризиса доверия к социальным институтам, и технооптимизмом, т. е. убеждением в том, что технологии улучшат жизнь людей. Следствием этих противоречий становится скептическое отношение властных элит к фундаментальным исследованиям и гуманитарным наукам в сочетании с завышенными ожиданиями от прикладных технических решений.

Стратегия научно-технологического развития России до 2035 года, утвержденная Президентом РФ 1 декабря 2016 г., увязывает приоритеты финансирования науки с «большими вызовами» — совокупностью значимых проблем развития и обеспечения безопасности страны, международных и транснациональных процессов, объективно требующих реакции со стороны государства и научно-образовательного сообщества, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены исключительно за счет увеличения задействованных ресурсов. Казалось бы, это должно повысить долгосрочную ориентацию научных коллективов и чувствительность научного сообщества к актуальным общественным проблемам. Вместе с тем, как показывают социологические и социально-психологические исследования (Нестик, 2017), повышение долгосрочной ориентации невозможно при низком межгрупповом доверии, в данном случае между учеными, бизнесом и государством (см. также: Доверие и недоверие..., 2013; Психология, управление, бизнес..., 2016).

Представление о том, как описанные выше тенденции в управлении научными исследованиями могут повлиять на отдаленное будущее науки, дает проведенный при поддержке Евросоюза в 2013 г. международный форсайт «Будущее исследований и инноваций 2030» (Research..., 2014). В ходе структурированных мозговых штурмов эксперты из европейских стран, представляющие разные заинтересованные стороны научной политики (ученые, государственные чиновники, работники научных фондов, представители бизнеса), разработали несколько альтернативных сценариев развития мировой науки к 2030 году.

Согласно первому сценарию «Открытые исследовательские платформы», к 2030 г. исследователи объединятся для решения научных проблем в самоуправляемые глобальные виртуальные сообщества, открытые для других участников. Приоритетные направления исследований будут определяться самими сообществами, а их результаты будут публиковаться в открытом доступе.

Второй сценарий «Парламенты знаний» предполагает более активную роль гражданского общества в научной политике. Развитие механизмов электронной демократии и краудфандинга даст возможность рядовым гражданам и общественным организациям влиять на определение приоритетных направлений исследований. В дебатах за общественную поддержку будут конкурировать исследовательские консорциумы, гражданская наука и различные проекты «нетрадиционного», ненаучного знания.

Третий сценарий «Большие вызовы» предполагает концентрацию усилий исследователей на решении крупных общественно значимых задач. Приоритетными будут считаться исследования, направленные на решение масштабных региональных и глобальных проблем. С этой целью правительство и бизнес будут поддерживать создание инновационных сообществ, объединяющих академическую науку, университеты, компании и социальных предпринимателей.

В четвертом сценарии «Исследовательские цепочки создания стоимости» приоритеты научных исследований определяются конкуренцией крупных корпораций и национальных экономик. В организации науки будет широко использоваться передовой опыт управления бизнесом, подразделениями НИОКР и высокотехнологичными стартапами.

Наконец, пятый сценарий «Свободные исследователи» отводит основную роль в развитии науки отдельным ученым. В этой версии будущего престиж академических структур и традицион-

ных университетов падает, молодые ученые уходят из них для работы в собственных научных и образовательных сетевых проектах. Каждый сам определяет свои исследовательские приоритеты, преобладают ценности непрограммной, поисковой, «медленной науки».

На наш взгляд, к этим пяти сценариям, выделенным в рамках европейского форсайта, с учетом российского контекста можно добавить шестой – «Государственный протекционизм». При его реализации восстанавливается централизованная система организации российской науки, приоритетные направления исследований определяются стратегическими государственными интересами, в том числе заказами военно-промышленного комплекса и других ведомств.

В целом анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что представления о коллективном будущем изучались в основном на трудовых коллективах организаций, образ будущего крупных социальных групп и профессиональных (в особенности научных) сообществ изучен крайне недостаточно (Нестик, 2014а). Неизученными остаются особенности и психологические механизмы формирования коллективного образа будущего в социальной группе ученых (см., напр.: Журавлев, Нестик, 2011).

Механизмы формирования коллективного образа будущего и долгосрочной ориентации

Опираясь на исследования, проведенные при изучении различных социальных групп – трудовых коллективов организаций и управленческих команд, профессиональных ассоциаций, студенческих сообществ, этнических групп и др., – можно выделить несколько механизмов, влияющих на формирование коллективного образа будущего. Такими *механизмами* являются: 1) групповая рефлексия по поводу совместного будущего; 2) групповая идентификация на основе формируемого лидерами позитивного образа совместного будущего (лидерского видения); 3) коллективные тревожные состояния и защитные механизмы, запускаемые воспринимаемой угрозой существованию группы (Нестик, 2013, 2014б). Если групповая рефлексия повышает способность группы адаптироваться к меняющимся условиям, то групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию – повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Сформирован-

ное лидерами видение будущего мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно ослепляя его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексия, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: коллективная рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности и внутrigруппового доверия.

Коллективные тревожные состояния усиливают внимание членов группы к ближайшему будущему, однако снижают рефлексивность и способность прогнозировать отдаленное будущее. Нагнетание тревоги перед будущим, иногда сознательно используемое лидерами для мобилизации коллективных усилий, сокращает временную перспективу (Нестик, 2014), мышление становится более шаблонным (Kelly et al., 2001; Friedman, Foerster, 2005), снижается способность учитывать возможные действия других индивидуальных и групповых субъектов (Leder et al., 2015). Наши исследования показывают, что в российских организациях обсуждение коллективного будущего чаще вызывается тревогой в связи с уже произошедшими или возможными негативными изменениями, чем стабильностью или осознанием возможностей, причем это особенно характерно для образовательных и научных коллективов (Нестик, 2016в). Тревожные коллективные состояния, возникающие при воспринимаемой угрозе существованию своей группе, способны повышать ориентацию на ближайшее будущее. Вместе с тем, тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность ее членов по отношению друг к другу (Rhee, 2007). Как показало проведенное нами исследование российских руководителей (N=169), нагнетание тревоги используется, чтобы мобилизовать команду и обострить внимание коллектива к ближайшему будущему. В то же время алармизм запускает защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: групповая идентификация смещается на более позитивное совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно (Нестик, 2014б). Эти механизмы сопровождаются известным когнитивным эффектом рамки, который проявляется в том, что при негативной формулировке задачи («как избежать») повышается приверженность изначальной позиции, ориентация на сохранение достигнутого (Tversky, Kahneman, 1992).

При проведении российских форсайтов в области инновационно-технологического развития этот эффект проявляется в том, что экспертам оказывается трудно сформировать позитивный образ будущего: внимание смещается с возможностей на угрозы и поиск способов их избежать. Защита экспертами своей позитивной идентичности (корпоративной, профессиональной, национальной) провоцирует возникновение эффекта рамки, запускает эскалацию приверженности принятым когда-то решениям, привычным для экспертов концепциям. Данные защитные психологические эффекты при работе с будущим особенно характерны для научно-исследовательских и образовательных организаций, трудовые коллективы которых испытали за последние 20 лет существенное снижение социально-экономического статуса и престижа своей профессии. Однако эффект защиты позитивной идентичности может проявляться и в относительно благополучных профессиональных группах. Исследования в области социальной психологии рисков показывают, что при анализе возможного будущего эксперты склонны недооценивать вероятность и переоценивать отдаленность событий, которые угрожают положительной оценке своей группы, — например, их патриотическим чувствам, гордости за свою организацию, профессию, отрасль науки и т. п. (Joffe, 2003).

Можно выделить несколько групп факторов, влияющих на долгосрочную ориентацию научного сообщества: внутриличностные, межличностные, групповые, организационные, социетальные. На *внутриличностном* уровне анализа это особенности индивидуальной временной перспективы участников исследовательского коллектива (ориентация на будущее, ориентация на отложенное вознаграждение и др.), когнитивный стиль, а также социальная идентичность (множественность социальных категорий, с которыми себя идентифицирует ученый, гражданская и глобальная идентификация) и социальная вовлеченность (интенсивность контактов со СМИ, участие в международных конференциях и т. п.). На *межличностном* уровне анализа это число «слабых связей», степень разнородности сети профессиональных контактов и уровень межличностного доверия. На *групповом* уровне это ролевой состав исследовательского коллектива (наличие «эрудита», «генератора» и «критика», «привратника» и «визионера»), стиль лидерства, уровень групповой рефлексивности и психологической безопасности, групповая самоэффективность и групповые эмоциональные состояния, характеристики коллективной памяти. На *организа-*

ционном уровне это временной горизонт планирования и критериев оценки научной деятельности, продолжительность трудовых контрактов и грантовой поддержки, объем финансирования, участие организации в междисциплинарных и международных проектах, регулярность внутриорганизационных форм научной коммуникации, используемых для обсуждения перспективных направлений исследований. На *социетальном* уровне анализа можно выделить ряд макропсихологических и культурных факторов долгосрочной ориентации ученых как социальной группы: историческая память, уровень социального доверия в обществе, преобладающая в стране и мире эмоциональная оценка коллективного будущего, когнитивная сложность образа будущего в социальных представлениях, представления о способности человека влиять на будущее, политическая и экономическая ситуация в стране (см. также: Доверие и недоверие..., 2013; Макропсихология..., 2009).

По данным ВЦИОМ, индекс социального оптимизма на протяжении всей постсоветской эпохи оставался негативным. После подъема в 2014 г. до -4 он опускался в 2015 г. до -60 , к концу 2016 г. поднялся до -49 и к середине 2017 г. составил -35 . Иными словами, большинство ожидает, что самые тяжелые времена еще впереди¹. Экспертный опрос, проведенный ИС РАН и ИГ «ЦИРКОН» в июле–октябре 2015 г., свидетельствует о том, что среди российских политических и интеллектуальных элит также преобладает пессимистический образ будущего России (Задорин и др., 2016). Опубликованные А. А. Аузаном результаты опроса среди 124 членов Экспертного совета при Правительстве РФ, проведенного в 2014 г., указывают на то, что государственные решения принимаются у нас с горизонтом планирования от 1 до 3 лет, тогда как желательный горизонт составляет более 10 лет (Аузан, 2015).

По-видимому, краткосрочная ориентация российского общества связана с политическими и экономическими факторами. Согласно предположению исследователя экономической неопределенности Э. Барталона, опирающегося на идеи лауреата Нобелевской премии М. Алле, в период быстрого экономического роста, высокой инфляции и больших перемен ожидания формируются без опоры на прошлые события. Люди быстро принимают решения, а общество смотрит в будущее. В периоды же силь-

¹ По данным ВЦИОМ на май 2017 г.; источник: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidaniy (дата обращения: 15.09.2017).

ного замедления инфляции, дефляции, зстоя общество начинает все больше привязываться к прошлому (Barthalon, 2014; Буев, 2016). Эмпирические данные по 22 странам за 1965–1985 гг., полученные М. Бондом и Г. Хофстедом, дали основание утверждать, что между долгосрочной ориентацией и экономическим ростом существует прямая связь (Hofstede, Bond, 1988; Spector, 2001). Анализ больших данных (поисковые запросы в Google из 45 стран) показывает, что интерес к будущему прямо коррелирует с уровнем ВВП на душу населения. Так, в 2010 г. коэффициент корреляции между ориентацией на будущее у интернет-пользователей и ВВП составил 0,78 (Preis et al., 2012).

По данным проведенных нами исследований среди городской молодежи, большинство респондентов убеждены в прогнозируемости будущего, но считают его малоуправляемым. Так, например, более 52% полагают, что будущее России не зависит от их усилий. Эти данные хорошо согласуются с результатами других исследований, проведенных в последние годы российскими социологами. Так, например, по данным исследования 2012 г. Институтом социологии РАН лишь 45% россиян уверены в осуществимости того, о чем они мечтают (О чем мечтают россияне..., 2012, с. 140–141; Горшков, Тихонова, 2013). Будущее страны чаще обсуждается респондентами, чем коллективное прошлое. Только 25% приятно вспоминать прошлое своей страны, и лишь 15% обсуждают его в повседневных разговорах. При этом о будущем России приятно думать лишь 28% опрошенных, но довольно часто обсуждают его 49%. Таким образом, как в оценке прошлого, так и в оценке будущего преобладают негативные суждения, однако будущее обсуждается чаще, так как включено в планирование жизненного пути (Нестик, 2015). Преобладание негативных событий в исторической памяти россиян о недавнем прошлом подтверждается данными российских социологов (Петренко, 2011). Очевидно, коллективная память влияет и на представления о будущем (Емельянова, 2016).

Анализ культурно-исторических, нейробиологических и социально-психологических механизмов долгосрочной ориентации личности и группы показывает, что ключевую роль в ее формировании играет *социальная интеграция*: кооперация, доверие, расширение социальной сети и социальных категорий, с которыми себя идентифицирует личность («связывающий» социальный капитал), отчетливое лидерское видение будущего и постановка позитивных совместных целей, групповая рефлексия (Нестик, 2017).

Эмпирическое исследование образа будущего и долгосрочной ориентации в научном сообществе

Для изучения социальных представлений российских ученых о будущем российской науки и уточнения социально-психологических детерминант их отношения к планированию своих исследований Т. А. Нестик в 2016 г. провел анкетирование, участниками которого стало сообщество профессоров РАН. В числе опрошенных были представители всех отделений РАН (N=101; 81% — мужчины, 19% — женщины; возраст от 34 лет до 51 года). Использовались полная и сокращенная версии опросника, поэтому по различным шкалам число ответов колебалось от 60 до 101 человека.

Сообщество профессоров РАН представляет особый интерес для исследователей в связи с тем, что данная категория ученых призвана стать своего рода «лидерами изменений» в российской науке и «кадровым резервом» для формирования состава Российской академии наук. Для выявления их представлений о будущем науки использовались открытые вопросы с последующим контент-анализом, для измерения временной перспективы и отношения к будущему своей научной области — модифицированные методики «Временные аттитюды» Ж. Нюттена, проективный тест «Круги» Т. Коттла, «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна (Нестик, 2015).

Опираясь на результаты предшествующих исследований группового отношения к будущему (Нестик, 2014), в качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что индивидуальное планирование исследовательской деятельности и групповое обсуждение перспективных исследований имеют разную детерминацию.

Среди *вызовов*, на которые предстоит ответить российской науке в ближайшие 20 лет, респонденты чаще всего указывали на проблемы здравоохранения (33,3% ответов), угрозы продовольственной безопасности (28,2%), изменение климата (23,1%), экологическую катастрофу (20,5%), переход к новому технологическому укладу (20,5%), угрозы энергетической безопасности (20,5%), рост международной напряженности (15,4%) и др. В целом результаты исследования указывают на то, что российские ученые хорошо осведомлены о глобальных рисках, в предотвращении которых может участвовать наука.

Выделяя *факторы*, которые сильнее всего повлияют на развитие российской науки в ближайшие 20 лет, респонденты чаще все-

го отмечали объем финансирования (19,8% ответов), соотношение между фундаментальной и прикладной наукой (13,6%), престиж науки в обществе (11,1%), уровень бюрократии и формализма в управлении наукой (8,6%), степень открытости доступа к информации и результатам исследований (8,6%), уровень образования в стране и степень «омоложения» научных кадров (7,4%), соотношение между глобализацией и изоляционизмом в российской науке (7,4%) и др. Эти и другие результаты отражены в таблице 1, причем стоит отметить, что респонденты могли выбирать более одного варианта ответа.

Таблица 1

Факторы развития российской науки в ближайшие 20 лет
(результаты контент-анализа, N=60)

Основные факторы развития		% ответов	% респондентов
1	Уровень финансирования научных исследований, обеспеченности приборной базой и оплаты труда ученых	19,8	36,4
2	Соотношение между фундаментальной и прикладной наукой	13,6	25,0
3	Уровень престижа науки в обществе	11,1	20,5
4	Качество управления наукой, уровень бюрократии и формализма	8,6	15,9
5	Степень открытости доступа к информации и результатам исследований	8,6	15,9
6	Уровень образования в стране и степень «омоложения» научных кадров	7,4	13,6
7	Соотношение между глобализацией и изоляционизмом в российской науке	7,4	13,6
8	Степень благоприятности экономической ситуации в стране	4,9	9,1
9	Влияние «больших вызовов» на определение приоритетных направлений исследований	4,9	9,1
10	Востребованность научных исследований в производстве и сокращение циклов НИОКР	3,7	6,8
11	Рост значимости этических аспектов научных исследований	3,7	6,8
12	Политические факторы	2,5	4,5
13	Наличие отчетливого образа будущего российской науки	2,5	4,5

Части респондентов было предложено познакомиться с описанием шести альтернативных сценариев развития науки в России на перспективу до 2035 г. и оценить каждый из них по вероятности и по желательности для респондента по шкале от 1 (наименее желательный/вероятный) до 5 (наиболее желательный/вероятный). Результаты свидетельствуют о том, что в российском научном сообществе конкурируют несколько альтернативных образов желаемого будущего науки (см. таблицу 2; респонденты могли выбирать более одного варианта ответа).

Таблица 2

Сценарии развития российской науки в оценках профессоров РАН (N=60), представленные в порядке убывания желательности их реализации (баллы)

Сценарии развития российской науки до 2035 г.	Вероятность сценария	Желательность реализации сценария	% указавших данный сценарий как наиболее желательный
Государственный протекционизм	4,0	3,6	46%
Большие вызовы	3,3	3,6	39%
Открытые исследовательские платформы	2,5	3,3	37%
Исследовательские цепочки создания стоимости	2,6	2,7	15%
Свободные исследователи	2,1	2,1	12%
Парламенты знаний	1,6	2,0	10%

В ходе опроса респонденты могли предложить также собственные сценарии развития событий в российской науке на ближайшие 15 лет. Были получены 20 ответов на этот открытый вопрос, которые можно объединить в три основных варианта: ярко пессимистический, инерционный и умеренно оптимистический.

Пессимистические варианты будущего составляют 60% ответов, например:

«Полный развал отечественной науки: старшее поколение вымирает, молодое уезжает»; «Концентрация научных исследований в крупных институтах и университетах. При этом уровень исследований в большинстве институтов и вузов будет деградировать»; «Лучшие умы уезжают за рубеж, оставшиеся делают „местечковую“ науку а-ля

Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества

„карго-культ“. Государство следит, чтобы в этой науке было побольше патриотизма и духовных скреп»; «Интереса к научным исследованиям в России не проявляет ни бизнес, ни государство. Наука в России превращается в хобби для маргиналов. Все, кто хочет активно работать в науке, мигрируют в другие страны»; «Из-за снижения качества образования и отсутствия перспектив разумной зарплаты прекращается приток молодых кадров. Наукой становится возможным заниматься только за рубежом. Уникальные российские установки поддерживаются зарубежными вливаниями, на них работают зарубежные ученые» и т. п.

Инерционные сценарии будущего российской науки, описанные участниками, составляют 25% ответов и также носят ярко выраженный негативный характер, например:

«Все остается по-прежнему. Наука и образование поддерживаются государством в 100 раз меньше, чем необходимо. Бизнес относится к науке и образованию чисто потребительски, т. е. берет только то, что приносит немедленную прибыль. Фундаментальные исследования, за исключением единичных случаев, остаются глубоко провинциальной имитацией, на словах объявляемой „мировым уровнем“. Экономические механизмы развития науки не создаются или не запускаются».

Лишь 15% ответов содержат *оптимистические* варианты будущего:

«Сценарий „Качественная международная наука“. Основным критерием поддержки научных коллективов является их передовой международный уровень. Сценарий требует широкого введения международной экспертизы и создания в науке международного рынка труда, поэтому неприменим для отраслей, связанных с национальной безопасностью. Собственно говоря, единый сценарий для всей науки в любом случае является недопустимым упрощением».

Еще один пример негативного прогноза: «Не учтен такой сценарий. Вузы готовят хороших специалистов в области математики, физики, химии, биологии, географии, гуманитарных наук и т. п. по классическим учебным программам. На старших курсах студенты проходят стажировки у ученых — в вузах, НИИ и т. п. После окончания вуза поступают в аспирантуру, где проводят научные исследования под контролем научного руководителя. По результатам своих научных исследований публикуют статьи в ведущих мировых журналах, делают доклады на международных конференциях в России

и, по возможности, за рубежом. Результатом аспирантуры является защита диссертации, а не получение образования. Аспирантура выпускает не студента-переучку, а ученого-исследователя, умеющего проводить научную работу. Этот исследователь продолжает научную работу в институте или вузе, также преподает. Государство самостоятельно либо в консорциуме с другими странами финансирует крупные экспериментальные установки, экспедиции и т. п. Для финансирования этих мероприятий в алкогольные и табачные акцизы включается дополнительный налог на науку».

При этом лишь 49% респондентов позитивно оценивают будущее российских исследований в своей научной области, 39% высоко оценивают способность научного сообщества влиять на будущее своей науки, только 35% считают это будущее прогнозируемым. Корреляционный анализ показывает, что оценки значимости и предсказуемости будущего науки в России прямо связаны с протяженностью временной перспективы при мыслях о будущем России ($r=0,301$ при $p<0,05$ и $r=0,265$ при $p<0,05$)

Как видно из этих данных и приведенных выше примеров, образ будущего в научном сообществе формируется на основе явно негативной оценки настоящего. Исследователи неоднократно отмечали, что для российских ученых характерно переживание синдрома своей ненужности обществу, чувство превращения в людей второго сорта (Юревич, 2015). В подавляющем большинстве случаев образ будущего представляет собой утрированно пессимистическую версию развития событий. Во-первых, это подтверждает наше предположение о том, что образ будущего науки связан с отношением к будущему России: в условиях низкого доверия ученых к власти и бизнесу, а также социального пессимизма, характерного для российского общества в целом, образ будущего российской науки остается негативным. Во-вторых, можно предположить, что негативная оценка будущего науки выполняет психологическую функцию совладания с неопределенностью, в которой находится научное сообщество. Занижая планку своих ожиданий, ученые снижают уровень фрустрации, связанный с возможными негативными изменениями в системе управления наукой.

В среднем российские научные сообщества при обсуждении будущих исследований заглядывают на перспективу 5 лет. По экспертным оценкам респондентов, наиболее долгосрочно ориентированными оказались научные сообщества физического отделения, сельскохозяйственного (около 7 лет) и историко-филологическо-

го (около 5 лет), тогда как наиболее краткосрочно ориентированными являются научные сообщества отделения нанотехнологий и информационных технологий, а также отделения химии и наук о материалах (2 года). По-видимому, данные различия могут объясняться разной скоростью исследовательского цикла и временными характеристиками изучаемых процессов в соответствующих научных областях (Tang, 2008; Arbesman, 2012).

Как показал линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R^2=0,502$; $F=6,37$, $p=0,004$), оценка респондентами временного горизонта обсуждаемых в их научном сообществе перспективных исследований прямо зависит от скорости обновления знаний в научной области, от индивидуальной ориентации на долгосрочное планирование исследований, а также обратно зависит от желательности реализации сценария «Большие вызовы», предполагающего увязывание исследовательских приоритетов с масштабными общественными проблемами (см. таблицу 3). Можно предположить, что в долгосрочно ориентированных исследовательских сообществах научная политика, основанная на «больших вызовах», воспринимается как навязанное сверху ограничение возможностей для поиска перспективных научных проблем самими учеными.

Как оказалось, индивидуальная ориентация на долгосрочное планирование учеными тематики своих собственных исследований имеет другие предикторы ($R^2=0,675$; $F=5,54$, $p=0,003$): она прямо зависит от субъективной значимости будущего российских исследований в научной области респондента ($\beta=0,661$), от возраста ученого ($\beta=0,508$), от желательности реализации сценария «Большие вызовы» ($\beta=0,397$) и от протяженности временной перспективы при мыслях о будущем России ($\beta=0,566$). При этом она обратно зависит от субъективной предсказуемости будущего российских исследований в своей научной области ($\beta=-0,538$) и от частоты обсуждения перспективных исследований с коллегами ($\beta=-0,284$). Различия в детерминации протяженности временной перспективы на групповом и индивидуальном уровнях указывают, что «большие вызовы» будущего осознаются учеными, но их влияние на приоритеты исследований не становится предметом групповой рефлексии в научном сообществе. Регрессионный анализ показывает также ($R^2=0,695$; $F=15,21$; $p<0,001$), что респонденты оценивают будущее российских исследований в своей области тем более позитивно, чем больше вера в способность научного сообщества влиять на будущее своей науки в России ($\beta=0,622$), чем более отдаленное буду-

Таблица 3

Детерминанты оценки российскими учеными долгосрочной ориентации своего научного сообщества (коэффициенты линейной регрессии, N=101)

Зависимая переменная	Предикторы (β)			R^2
	Время, за которое устареет половина знаний в вашей научной области	На какой период времени вы сами обычно планируете тематику своих исследований	Желательность развития российской науки по сценарию «Большие вызовы»	
Временной горизонт обсуждения перспективных направлений исследований в своей области	-0,527**	0,497**	-0,351**	0,502

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 – доля дисперсии.

щее России пытаются представить себе ученые ($\beta=0,507$) и чем ниже скорость обновления знаний ($\beta=-0,319$). Очевидно, идентификация себя с российской наукой и российским обществом имеет для ученых большее значение при планировании ими своих исследований, чем при обсуждении ими перспективных направлений с коллегами (см. также: Национальная программа..., 1998; Российская деловая культура..., 1998).

Таким образом, основным фактором протяженности временной перспективы при обсуждении исследований в научных сообществах является внутренняя логика и скорость развития научного знания, а не ориентация ученых на социальный заказ и долгосрочные вызовы. По-видимому, обсуждение долгосрочных направлений развития научной области стимулируется изменением картины мира, появлением новых теорий, тогда как стабильные условия нормальной науки, накапливающей наблюдения, снижают ориентацию научного сообщества на будущее.

Заключение

Подводя итоги, можно выделить несколько *перспективных направлений* психологических исследований формирования образа будущего и долгосрочной ориентации научного сообщества.

Во-первых, требуется прояснить роль отношения к коллективному прошлому в формировании образа будущего науки. По-видимому, представления исследователей об истории развития своей научной области, в том числе о ее политическом и организационном контексте, могут быть основой для конструирования образа будущего науки.

Во-вторых, мало изучено влияние эффектов защиты позитивной идентичности на прогнозирование будущего науки. Данная проблема является особенно острой для российского экспертного сообщества, большинство представителей которого прошли через травмирующий опыт в 1990-е годы, связанный с падением экономического статуса и социального престижа ученых. При проведении российских корпоративных и отраслевых форсайтов этот эффект проявляется в том, что экспертам оказывается трудно сформировать позитивный образ будущего: внимание смещается с возможностей на угрозы и поиск способов их избежать. Защита экспертами своей позитивной идентичности (корпоративной, профессиональной, национальной) провоцирует возникновение эффекта рамки, запускает эскалацию приверженности принятым когда-то решениям, привычным для экспертов концепциям (Нестик, 2017).

В-третьих, малоизученным остается влияние характеристик социальной сети внешних контактов исследовательского коллектива на представления его участников о будущем своего научного направления и их отношение к планированию своей совместной научной деятельности. Влияние социальной сети на формирование долгосрочной ориентации научного сообщества может быть связано как с ее структурными характеристиками (например, степень разнородности, вовлеченность в контакты с представителями других научных отраслей и заказчиками прикладных исследований), так и с содержательными (например, уровень доверия к заинтересованным сторонам научной деятельности – от экспертов фондов и рецензентов научных журналов до администрации университетов и менеджеров компаний-заказчиков).

Наконец, особого внимания требует изучение связи между масштабом пространственно-временных категорий, которыми оперируют ученые в своих исследованиях, и долгосрочной ориентацией (например, можно ожидать существования различий в характеристиках индивидуальной и групповой временной перспективы в астрономии и палеонтологии, в физике элементарных частиц или прикладной социологии).

Литература

- Аблажей А. М.* Поколения в науке: опыт эмпирического анализа // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 2. С. 47–56.
- Аллахвердян А. Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М.: Когито-Центр, 2014.
- Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Научно-образовательное сообщество психологов: эмиграционные намерения ученых и студентов // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 2. С. 88–96.
- Аузан А. А.* Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. С. 229–241.
- Балабанов С. С., Бедный Б. И., Козлов Е. В., Максимов Г. А.* Многомерная типология аспирантов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 71–85.
- Бувев М.* Ориентация на прошлое // Ведомости. 2016. 04.09. № 4153.
- Володарская Е. А.* Социально-психологические особенности коммуникации в межгрупповом взаимодействии науки и общества // Человеческий капитал. 2013. № 9. С. 24–28.
- Володарская Е. А., Володарская И. А., Гасимов А. Ф.* Психологические стратегии построения имиджа отечественной науки. М.: АИМ, 2017.
- Вызовы научно-технологического и инновационного развития. Международный опыт. Выводы для России: Справка. М.: Фонд «ЦСР», 2016. URL: <http://sntr-rf.ru/materials/vyzovy-nauchno-tekhnologicheskogo-i-innovatsionnogo-razvitiya-mezhdunarodnuyu-opyt-vyvody-dlya-rossii> (дата обращения: 20.12.2017).
- Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход / Отв. ред.: И. Я. Кобринская, В. И. Тищенко. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Мечты россиян и реальность демокопии // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 7–26.
- Грановский Ю. В.* Что ожидает отечественных науковедов? // Наукосведение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновы, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 91–104.
- Дежина И., Грэхем Л.* Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Еремичева Г. В.* Проблемы инновационного развития академической и вузовской науки глазами участников этого процесса // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 40–47.
- Ефременко Д. В.* Производство научного знания и российское научное сообщество: социально-политические аспекты // Научное ведение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Алахвердяна, Н. Н. Семенович, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 202–222.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Приоритетные направления психологической науки и практики в 2030 г.: результаты экспертного опроса среди российских психологов // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 3 (79). С. 1–14.
- Задорин И. В., Мальцева Д. В., Петухов В. В.* Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 3 (137). С. 32–55.
- Коннов В. П.* Проблемы теории и практики самоуправления научного сообщества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
- Коннов В. И.* Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.
- Коннов В. И., Харкевич М. В.* Методологическое осмысление социокультурных особенностей экспертизы в российских научных фондах // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 250–260.
- Куракова Н. Г., Зинов В. Г., Цветкова Л. А., Ерёмченко О. А., Комарова А. В., Комаров В. М., Сорокина А. В., Павлов П. Н., Коцюбинский В. А.* Национальная научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России: Аналитический доклад. М.: ИД «Дело», 2014.
- Лазар М. Г.* Воздействие реформы высшего образования России на будущие кадры науки // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 47–56.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Наука в условиях глобализации: сборник статей / Под ред. А. Г. Алахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2009.
- Национальная программа «Российская деловая культура». М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Мирская Е. З.* Человек в науке // Социальная динамика современной науки / Отв. ред. В. Ж. Келле. М.: Наука, 1995. С. 21–38.
- Мирская Е. З.* Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Алахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 244–265.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... докт. психол. наук: М.: ИП РАН, 2015.
- Нестик Т. А.* Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 4. С. 16–60.
- Нестик Т. А.* Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 100–123.
- Нестик Т. А.* Корпоративный форсайт и его психологические ловушки // Бизнес-психология в международной перспективе. Отв. ред. С. Бентон, Н. Л. Иванова, В. А. Штроо. М.: Логос, 2016в. С. 320–342.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Онопrienко В. И.* Поколения в науке: взгляд социолога // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 75–85.
- О чем мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2012.
- Перспективы российской науки как социального и культурного

института: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 3–43.

- Петренко Е. С.* Стиль жизни и историческая память россиян о событиях 1985–1999 годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 73–80.
- Прогноз научно-технологического развития России: 2030 / Под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
- Прогресс в психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: Коллективная монография. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Соколов А. В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
- Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. М.: Академический проект, 2005.
- Фурсов К. С.* Теория интеллектуальных движений: истоки, объяснительные возможности и перспективы применения: Дис... канд. социол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
- Этос науки / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008.
- Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопросы философии. 1999. Т. 53. № 4. С. 11–23.
- Юревич А. В.* Расслоение российского научного сообщества аспекты // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Алахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 223–243.
- Юревич А. В.* Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Юревич А. В.* Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.
- Юревич А. В., Цапенко И. П.* Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Arbesman S.* The Half-life of facts: Why everything we know has an expiration date. NY: Penguin Group, 2012.
- Bartholon E.* Uncertainty, Expectations and Financial Instability: Reviving Allais's Lost Theory of Psychological Time. N. Y.: Columbia University Press, 2014.

- Brown R. R., Deletic A., Wong T. H. F.* Interdisciplinarity: How to catalyze collaboration // *Nature*. 2015. V. 525. P. 308–311.
- Emerging Trends in Socio-economic Sciences and Humanities in Europe The METRIS Report. A report by an expert group set up by the European Commission Expert / Ed. P. Holm. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. URL: http://www.net4society.eu/_media/metris-report.pdf.
- Joffe H.* Risk: From perception to social representation // *British Journal of Social Psychology*. 2003. V. 42. P. 55–73.
- Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Lamont M.* How professors think: Inside the curious world of academic judgement. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009.
- Mack T. C.* Foresight as Dialogue // *Futurist*. 2013. V. 47. № 2. P. 46–50.
- Meissner D., Gokhberg L., Sokolov A.* (Eds). Science, Technology and Innovation Policy for the Future: Potentials and Limits of Foresight Studies. Springer, Heidelberg–N. Y.–Dordrecht–L., 2013.
- Nelson R.* Extending foresight: The case for and nature of Foresight 2.0 // *Futures*. 2010. V. 42. P. 282–294.
- Noorden van R.* Interdisciplinary research by the numbers // *Nature*. 2015. V. 525. P. 306–307.
- OECD horizon scan of megatrends and technology trends in the context of future research policy. København: Danish Agency for Science, Technology and Innovation, 2016.
- Preis T., Moat H. S., Stanley H. E., Bishop S. R.* Quantifying the advantage of looking forward // *Scientific reports*. 2012. V. 2. № 350. doi: 10.1038/srep00350
- Research and innovation futures 2030: Exploring the future of research. Trends and drivers in doing and governing research. EC, Brussels, 2014.
- Rhee S.-E.* Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // *Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams* / Ed. by E. A. Mannix, M. A. Neale, C. P. Anderson. Oxford: Elsevier Ltd, 2007. V. 10. P. 65–95.
- Tang R.* Citation characteristics and intellectual acceptance of scholarly monographs // *College Research Libraries*. 2008. V. 69 (4). P. 356–369.
- The social psychology of science / W. R. Shadish, S. Fuller (Eds). N. Y.: Guilford Press, 1994.
- Treyer S.* Changing perspectives on foresight and strategy: from foresight project management to the management of change in collective strategic elaboration processes // *Foresight for Dynamic Organisations in*

Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества

Unstable Environments: A Search for New Frameworks / Eds S. Mendon B. Sapiro. L.—N. Y.: Taylor and Francis, 2011. P. 67–76.

Validation of the results of the public consultation on science 2.0: Science in transition. EC, Brussels, 2015. P. 1–38. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-report-science-20-public-consultation> (дата обращения: 25.12.2017).

Vinck D. The sociology of scientific work: The fundamental relationship between science and society Cheltenham, UK: Edward Elgar Pub., 2010.

Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов¹

М. С. Гусельцева

Наука и образы будущего

Наука, как и культура в целом, для своего прогрессивного развития нуждается в образах будущего. Однако несмотря на то, что прогнозирование играет весомую роль в современной науке, будучи посвящено анализу развития тех или иных процессов и тенденций, выявлению перспектив и очерчиванию контуров будущего, теоретические прогнозы по своей точности уступают даже метеорологическим, сбываясь с вероятностью менее 50%¹.

Прогностика, сформировавшаяся в последней четверти XX в. как специализирующееся на прогнозировании будущего исследовательское направление, ранее была известна под именем футурологии, включавшей не только научные прогнозы ученых, но и художественные предвидения. Способы прогнозирования будущего варьировали здесь от статистических экстраполяций и методов технологического предвидения (где наиболее распространенным до сих пор является дельфийский метод — Дельфи-опрос экспертного общества) до философских трактатов, литературных утопий и даже антиутопий (см.: Петров, 1991; Филатов, 2014)².

- 1 В конце прошлого века Ч. Уайз подсчитал, что из сделанных в 1890–1940-е годы полутора тысяч прогнозов «сбылись 44,4 % прогнозов экспертов и 33,6 % прогнозов писателей-фантастов» (см.: Филатов, 2014, с. 85). Еще более пессимистично к возможности заглянуть в будущее относился М. Хайдеггер, полагая, что «футурологии и экспертные прогнозы» практически всегда ошибочны (Хайдеггер, 2006, с. 29).
- 2 «Повышенный интерес антиутопия проявляет к исследованию психологии личности (в отличие от утопий, где персонажи описаны схематично и недостоверно, характер героев антиутопии тщательно проработан), природе должного и сакрального. Ее авторы все шире используют логику и методологию социального научного познания,

В начале XXI в. прогнозирование будущего не избежало влияния конструктивистского поворота: акценты сместились от предсказаний к конструированию реальности, возникли новые методологии и технологии приближения желанного будущего, среди них отметим *форсайт* (от *англ.* foresight – предвидение, взгляд в будущее, построение образов будущего)¹, включающий сканирование горизонтов (horizon scanning), осмысление (sense-making), разработку и реализацию позитивных сценариев (Харрис, 2002; Schultz, 2006; Slaughter, 2012). В это же время Р. Миллер ввел понятие «футурологической грамотности» (futures literacy), полагая, что, сформулировав «опережающие допущения» и выявив ведущие тренды, научное творчество способно не только описывать, но и создавать действенные и обладающие мотивирующей силой образы будущего (Miller, 2011). Форсайт определяют как последовательность процессов активного познания будущего: формирования образов среднесрочной и долгосрочной перспективы; систематическое сканирование горизонтов развития науки, экономики и общества; поиск консенсуса в принятии актуальных решений и мобилизация разносторонних усилий для их реализации. Разработчики форсайт-проектов, как правило, исходят из предположений, что, консолидировав экспертное сообщество, способное выработать согласованное представление о будущем, и наметив программу действий по его достижению («дорожную карту»), можно воплотить желаемое в действительное (Новые идентичности..., 2013). Следует отметить, что от прогнозирования (forecasting) форсайт отличается именно активными и согласованными действиями по приближению проектируемого будущего, а также процессуальностью, рекурсивностью, лабильностью и незавершенностью: будущее рукотворно, но не предопределено; будущее вариативно; его нельзя досконально предсказать, но следует быть к нему

систематизируют и концептуализируют громадное количество социально значимых данных и фактов, – отмечает В. И. Филатов» (Филатов, 2014, с. 85).

1 Термин «foresight» в 1902 г. ввел Г. Уэллс в лекции «Открытие будущего» в Королевском институте (Cagnin, 2014). Однако другие источники отсылают к выступлению Г. Уэллса на BBC в 1930 г., где он предложил создать должность профессора предвидения (см.: Серегина, Барышев, 2008). Писатель-фантаст был убежден в возможности предугадать будущее посредством научных методов. В серии очерков «Опыт пророчества» он описал состояние мира в 2000 г., включающее сексуальную революцию, массовое переселение из городов в пригороды, возникновение союза европейских государств (Cagnin, 2014).

готовым¹.

В качестве методологии прогнозирования будущего форсайт является общенаучным и трансдисциплинарным инструментом анализа, способным гибко использовать методы и аналитические стратегии, относящиеся к различным сферам знания, а именно — математические, статистические, социологические, гуманитарные. Предложенная Р. Поппером с коллегами модель ромба методов форсайта (Foresight Diamond) включает такие необходимые параметры прогнозирования будущего, как *экспертиза* (expertise-based methods), *креативность* (creativity-based methods), *взаимодействие* (interaction-based methods) и *доказательность* (evidence-based methods) (Popper, 2008). Опираясь на методы социогуманитарных наук и стимулируя креативность, форсайт помогает заглянуть как в краткосрочное, так и в долгосрочное будущее науки, спроектировать новые технологии, выявить приоритетные сферы общественного и экономического развития, определить перспективные области стратегических исследований и т. п. Фокусом форсайта (Foresight Focus) является та проблемно-предметная область, на которой сосредоточены основные усилия прогнозирования и проектирования ожидаемого будущего.

Трактовки форсайта простираются от сценарного прогнозирования и построения виртуальных моделей до его определения в качестве конструирования собственно психологических органов предвидения. Так, например, С. А. Смирнов усматривает в форсайте не столько возможности прогноза технических достижений, сколько формирование в человеке новой методологической оптики посредством особых антропологических практик: «Ставить надо видение и слышание. Ставить человеку надо умное зрение, причем в настоящем, здесь и теперь, с тем, чтобы он с умом отстраивал свою жизнь. И иное будущее само придет, оно уже в настоящем пребудет» (Смирнов, 2014, с. 14). В. П. Третьяк, обсуждая отличия Форсайта от псевдофорсайта (его имитаций), подчеркивает, что первый «может успешно формироваться лишь там, где имеются элементы развитого гражданского общества, поскольку предвидение есть продукт не только деятельности ученых, но и результат активного участия различных социальных слоев общества, прежде всего, активных граждан» (Третьяк, 2011, с. 27). Таким образом, форсайт — феномен постиндустриального (информационно-

¹ Сопоставление Форсайта с прогнозированием детально обсуждается в публикациях: (Серегина, Барышев, 2008; Третьяк, 2011).

го) общества, значимую роль в котором играет *коммуникативность* (коммуникативные практики и коммуникативная рациональность). В этом плане Форсайт является развивающей методологией, которая косвенным образом гуманизирует сообщество, побуждая его членов договариваться, находить общие решения и осуществлять продуктивные совместные действия.

Другая отличительная особенность форсайт-методологии – способность воспринимать «слабые сигналы» грядущих трансформаций, гибко реагировать на вызовы и изменения мира, учитывать его возрастающую сложность, транзитивность и разнообразие. «На смену нормативным и директивным установкам приходит иная модель, учитывающая сложность, многогранность и новизну» (Cagnin, 2014, р. 51). Иными словами, *методология форсайта требует определенного уровня развития науки (идеалов постнеклассической рациональности), поддерживающего ее социокультурного контекста (постиндустриального и информационного общества) и адекватного состояния умов (коммуникативной рациональности, способности критического мышления), а именно: готовности научного сообщества вступить в коммуникации, договариваться, осуществлять совместные действия, и, главное, быть открытыми к новому знанию, не укладывающуюся в уже сложившиеся субъективные, дисциплинарные или парадигмальные представления о мире.*

Основой для интегрированного прогнозирования выступает *сканирование горизонтов* (Schultz, 2006), понимаемое не просто как осмысленное созерцание, но и возможность, выбрав желаемое будущее, сознательно к нему устремиться. При этом Дж. Харрис отмечает, что наряду с конструированием привлекательных альтернатив, сканирование горизонтов способно также заранее настроить против этого будущего, «для предотвращения которого, при всей его нежелательности», не достаёт ни законодательных мер, ни рациональности (Харрис, 2002).

Открытость к форсайту – это способность к сложному и самообновляющемуся взгляду. В упомянутой выше публикации В. Шульц обращает внимание на культурные и методологические противоречия между сканированием горизонтов и более традиционными эмпирическими исследованиями (Schultz, 2006). Если последние ориентированы на достижение консенсуса в пределах одной дисциплинарной сферы и теоретической модели, то сканирование горизонтов охватывает противоречивые глобальные и трансдисциплинарные тенденции, а также позволяет улавливать латентные процессы (weak signals), которые остаются незамеченными или проигнориро-

ванными в свете доминирующих парадигм или устоявшихся экспертных позиций (ibid.). Здесь обнаруживается *методологическое противоречие* между жестким дисциплинарным каркасом классической науки и нарушающей границы трансдисциплинарностью, а также *культурные противоречия* между магистральными (лидирующими) и периферийными (маргинальными) образами реальности.

В свое время историком культуры И. Г. Яковенко были разработаны *понятия большой и малой культурной традиций*, которые, на наш взгляд, можно продуктивно использовать для анализа динамики общенаучных и социокультурных трендов, создающих сложный дизайн той или иной познавательной ситуации. «Видение культуры с точки зрения диалектики большой и малой традиций позволяет прозреть реалии, закрытые для восприятия пеленой привычных стереотипов, и продвигаться в понимании нашей собственной природы» (Яковенко, 2013, с. 91). И. Г. Яковенко показал, что за обозначенными культурными традициями стоят различные эпистемологические оптики, системы координат и картины мира: если большая традиция представляет доминирующую в обществе парадигму, то малая воплощена в маргинальных и оппонирующих официальной традиции линиях развития, а также в латентных течениях культуры. «Большая и малая традиции различаются не только идеологически, в содержательном отношении, но и по общекультурным, стилевым, психологическим характеристикам. Они апеллируют к разным сторонам человеческой личности и предполагают различающуюся базовую аудиторию» (там же, с. 59). Малые культурные традиции, как правило, развивают неформальные сообщества, интеллектуальные меньшинства, еретические и диссидентские движения, однако их конструктивная роль становится заметна при смене эпох и эпистемологических парадигм.

Обратившись к социально-психологическому анализу научного сообщества, можно заметить, что выявленные в нем предпочтения — сканирование горизонтов или опора на традиционные эмпирические методы в прогнозировании будущего — передают индивидуальные исследовательские стили ученых, характеристики которых отражены в подразделении на пресловутых «новаторов» и «классиков», или «лис» и «ежей»: так, Дж. Рингланд, ссылаясь на эссе И. Берлина, обращается к типологии психологических типов Архилоха: «Лис знает много секретов, а еж — один, но самый главный» (цит. по: Рингланд, 2013, с. 62). Данная метафора позволяет очертить принципиальное различие между интеллектуальными стилями ученых, одни из которых плавают в потоках теку-

чести, изменчивости и разнообразия мира, как в рыба в воде, тогда как другие, напротив, всеми силами стремятся упорядочить хаос в строгую систему знания.

Как правило, футурологи относятся к психологическому типу «лисы», которые считаются плохими исполнителями спущенных сверху задач, но успешны в роли исследователей новых областей и независимых экспертов. «Ежи» выстраивают перспективу событий в логике единой стержневой линии, тогда как «лисы» стараются связать в одно целое множество независимых факторов, смешивая их по принципу «ризомы». Таким образом, если «ежи» предпочитают жестко структурированную организационную культуру, то «лисы» стремятся действовать в противоречивой, сложной, неопределенной и хаотической среде, где они легко генерируют новые идеи. «Лисы» нацелены на самореализацию, они уверенно формируют и свободно выражают собственные позиции, готовы оспорить любое авторитетное мнение и предложить нестандартный подход. «Ежи», напротив, предпочитают справляться с небольшим кругом задач посредством стереотипных инструментов (Берлин, 2001; Рингланд, 2013).

Сканирование горизонтов – эвристика, направленная на интеллектуальное опережение, выявление инноваций в смежных науках, улавливание в информационном потоке так называемых слабых сигналов (weak signals). Оно опирается на глубинный анализ тематических текстов и специализированный профессиональный обзор, сопоставление экспертных оценок посредством проведения конференций или анкетирования, а также анализ блогов и вики-ресурсов (Рингланд, 2013; Schultz, 2006). Промежуточным же этапом между стратегическим прогнозированием и выбором приоритетного направления является *осмысление*, представляющее творческий синтез информации, собранной из максимально широкого круга источников и пропущенный через систему ценностей и установок исследователя (Рингланд, 2013; Slaughter, 2012). Адекватность прогноза опирается здесь на интерпретацию будущего с позиции «разнообразия и продуктивной дифференциации, а не фокуса на какой-либо доминирующей установке, традиции или точке зрения» (цит. по: Рингланд, 2013). Осмысление включает ряд этапов: изучение разнообразия взглядов на имеющуюся проблему; анализ ведущих тенденций и драйверов, а также латентных течений (weak signals); построение альтернативных сценариев развития событий; разработка вариативных стратегий; выбор приоритетов (Рингланд, 2013; Schultz, 2006).

Наиболее эффективным прогнозирование будущего оказывается при условии сочетания исследовательских стратегий, использующих сложные конфигурации методов. Во-первых, тренды, драйверы и возникающие на пути желанных изменений проблемы сканируются посредством анализа и сопоставления разных источников; ведущую роль здесь играют *неприятные новости*, — иными словами, приоритетны неподтвержденные гипотезы и информация, не укладывающаяся в ожидаемые представления о реальности. Во-вторых, для экстраполяций используется *триангуляция*, т. е. опора на количественные и качественные методы анализа. В-третьих, полученные результаты собираются в *сценарии альтернативных моделей развития*, каждый из которых включает в себя как оптимистические перспективы, так и угрозы. В-четвертых, возможности, ведущие к достижению наиболее желаемых результатов, встраиваются в *модель предпочтительного будущего*, что создает своего рода *виртуальный мост* к последнему. В-пятых, разрабатываются *стратегии реализации видения*, которые воплощают позитивные тенденции изменений, а также противодействуют негативному влиянию разных факторов либо смягчают его (Schultz, 2006).

Эволюция форсайт-методологии представляет ряд не отменяющих друг друга, а напластывающихся этапов: технологическое прогнозирование; практики эффективного взаимодействия и внедрение инновационных разработок в экономическом прогнозировании; системное прогнозирование, объединяющее науку, технологии, экономику и социокультурную сферу с позиции выявления глобальных проблем и анализа будущего с учетом фактора неопределенности. Многими авторами форсайт трактуется как эффективно работающий с неопределенностью «инструмент формирования будущего» (Серегина, Барышев, 2008, с. 10). Наряду с вышеназванными этапами, в разворачивании форсайта различают три стадии: *предфорсайт* (Pre-foresight Stage), *Форсайт* (Foresight Stage), *постфорсайт* (Post-foresight Stage) (Третьяк, 2011). Также существует два режима форсайт-исследования. В первом случае речь идет о совершенствовании и поиске оптимальных путей развития уже имеющейся системы, во втором — о ее принципиальной трансформации и нахождении эффективных способов перехода к новой парадигме (Cagnin, 2014).

Таким образом, структура форсайт-исследования включает ориентацию на будущее в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах; предполагает привлечение самых разных

сторонников данного проекта; сочетает опору на факты с субъективными экспертными оценками; использует мультидисциплинарность; опирается на коммуникации и скоординированные действия; развивает конструктивистские ориентации, нацеленные на позитивное изменение будущего. В качестве исследовательской практики форсайт есть синтез *квалификации, творчества и коммуникации* – способность выявить суть проблемы, установить закономерности на основе «прожилок на мраморе» (weak signals), организовать продуктивное взаимодействие «коллективного разума», учитывать «известные известные» (знания), «известные неизвестные» (мнения), «неизвестные известные» (догадки) и «неизвестные неизвестные» (умозаключения) факторы, применять воображение и визуализировать информацию, а также выходить за пределы интеллектуального сообщества, вступая в продуктивное взаимодействие с представителями бизнеса и власти (Cagnin, 2014). Тем самым форсайт позволяет «сбалансировать контекстный дизайн с качественными и количественными системными подходами; при этом неизвестность и неопределенность рассматриваются как источники новизны, стимулы к творчеству и импровизации» (ibid., p. 52).

Происходящее в наши дни проникновение аорсайт-методологии в психологию не только способно предложить новые методы решения старых проблем интеграции психологического знания, преодоления разрыва между теоретическими и прикладными исследованиями, но и способствует выработке коммуникативной рациональности, ведущей к солидарным социальным действиям, отстаивающим ценности глобального развития перед сиюминутными интересами корпораций, а также создает предпосылки методологического обновления психологии.

Прогнозирование будущего психологической науки: блеск или нищета?

Стремление заглянуть в будущее, как правило, обостряется на рубеже веков, что само по себе становится символическим актом, побуждающим как к осмыслению пройденного пути, так и к воображению грядущего, сканированию открывающихся горизонтов. Не избежала подобного соблазна и психологическая наука. Так, в первых двух номерах журнала «Вопросы психологии» за 2000 г. были опубликованы выступления участников круглого стола, организованного журналом для обсуждения темы «Психология XXI века: прооро-

чества и прогнозы» (Круглый стол..., 2000а, б)¹. Спустя без малого два десятилетия имеет смысл оценить, насколько осуществились эти предсказания, да и задуматься о том, что обеспечивает надежность такого рода прогнозов.

Предсказывая будущее на сто лет вперед, можно прослыть ясновидцем, тогда как предсказывая его на завтра, легко оказаться глупцом, как утверждал сатирик А. П. Шполянский (Дон-Аминадо, 1991). Иными словами, чем неопределеннее и долгосрочнее сделанный прогноз, тем больше у него шансов сбыться. «Прорицатели выражаются о деле общими фразами именно потому, что здесь менее всего возможна ошибка» (Аристотель, 1986, с. 135). Таким образом, практически беспроигрышно в цель попадают прогнозы, базирующиеся на *универсальных принципах*. Например, в эволюции психологического знания, опираясь на общие закономерности развития, мы выделяем *тенденции* (сменяющиеся векторы интеграции и дифференциации знания, сочетание их восходящих и нисходящих потоков), *циклы* (указывающие на ритмичность процессов, осцилляции, периодические колебания, выражаемые синусоидой) и *сдвиги* (принципиальные изменения логики развития, схематично описываемые, например, посредством моделей смены парадигм).

Помимо этого, надежность прогнозирования обеспечивается опорой на *принцип инерционности*, т. е. уже сформировавшиеся и устойчивые тренды, которые, по аналогии с дифференциацией исторического времени Ф. Броделя, мы можем назвать *долгосрочными тенденциями*. Выделение этих тенденций становится своего рода методологическим каркасом для прогнозирования будущего науки. Здесь же имеет место допущение, что субъективно наблюдаемые «сильные программы» и отчетливые тренды, не дошедшие до вершины воображаемой параболы (после чего наступает их естественный и неминуемый спад), содержат высокий потенциал дальнейшего восхождения.

Однако проблемой слишком общего и неопределенного прогноза является его неконкретность, расфокусированность («гора

1 Представления о перспективах развития психологической науки так или иначе периодически обсуждались и в других публикациях (см.: Юревич, 2008; Настоящее и будущее российской психологии..., 2012; Нестик, Журавлев, Юревич, 2016); также с 2017 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные представления российских психологов о будущем психологической науки» в журнале «Социальная и экономическая психология» публикуются интервью с ведущими как отечественными, так и зарубежными специалистами.

родила мышь»). В этой связи уместно вспомнить апорию ориентирующихся на недостижимый идеал естествознания гуманитарных наук (строгость знания vs безбрежность жизни): *чем выше достигаемая точность, тем ничтожнее результат* (Гинзбург, 2004; Кнабе, 2006)¹.

Тем не менее, чтобы выделить явные тенденции развития психологической науки, обратимся к прогнозам, которые, возможно, не оправдались в деталях, однако зафиксировали проблемы, представляющиеся психологам перспективными и значимыми.

Так, на упомянутом круглом столе А. А. Тюков предположил появление в горизонте ближайших десятилетий «нового психологизма», связанного с постановкой в центр психологического анализа целостного человека, а также усиление роли субъективных факторов в научном исследовании как таковом. Несмотря на тот факт, что о «новом психологизме» в наши дни, помимо эпизодических упоминаний в публикациях данного автора (Тюков, 2011), речь идет исключительно в контексте анализа произведения «Голод» К. Гамсуна (см.: Трыков, 2002), предсказание можно считать сбывшимся, если рассматривать его в более широком контексте, — иными словами, увидеть в нем *идею антропологизации науки, или антропологического поворота в психологии*. Учитывая же инерционность восходящих и набирающих силу социокультурных трендов, с высокой долей вероятности можно утверждать, что движение антропологического поворота станет развиваться в психологии и в дальнейшем.

В связи с этим следует отметить появившийся за пределами психологического знания «новый историзм» — интеллектуальное движение, отрефлексированное в литературоведении (см.: Эткин, 2001; Томэ, Шмид, Кауфманн, 2017; *The new historicism reader*, 1994). Основные черты данного эпистемологического тренда — *трансдисциплинарность* и *панорамное видение* исследуемой реальности. «Новый историзм — история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» (Эткин, 2001). Методология «нового историзма» подразумевает сочетание разных типов анализа: интертекстуаль-

1 «Направление, которое приобрели естественные науки со времен Галилея, поставило гуманитарные науки перед неприятной дилеммой: либо принять слабый научный статус, чтобы прийти к значительным результатам, либо принять сильный научный статус, чтобы прийти к результатам малозначительным» (Гинзбург, 2004, с. 225). Ср.: «Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становятся почти исключительными друг друга характеристиками» (Заде, 1974, с. 7).

ного, дискурсивного, биографического, где каждый из них размыкает соответственно границы текста, границы жанра и границы жизни. Подчеркнем, что такого рода эпистемологическая позиция компенсирует недостатки прогнозирования, основанного на общих закономерностях, посредством сензитивности к конкретике. Так, согласно А. М. Эткинду, если в марксизме, психоанализе, структурализме, в формальной школе, системном подходе частный материал служил лишь иллюстрациями универсальности метода, то «новый подход легализует прямые сопоставления между идеями автора и его жизнью, между теориями эпохи и его практиками» (там же). Таким образом, «новый историзм», будучи разновидностью смешанных методов и методологий, преодолевает эпистемологические разрывы объективного и субъективного, истории и теории науки, концептуализации и практики.

В ракурсе предсказаний, ориентирующихся на универсальные и инерционные тренды, отметим прогноз Д. И. Дубровского, размышлявшего об исчерпанности в эволюции психологического знания магистральных исследовательских линий и о практиках обнаружения новизны в пограничных областях науки. (О последнем как об общей тенденции развития научного знания в свое время немало писали М. М. Бахтин, Б. М. Кедров, В. Л. Рабинович и иные исследователи истории науки и культуры.) Д. И. Дубровский сформулировал свой прогноз следующим образом: «Именно в этих пограничных областях намечаются многообещающие перспективы развития психологического знания. Ядерная психология... пока не располагает серьезным эвристическим потенциалом, изрядно выработана психоаналитическая парадигма, весьма уныло выглядят в последние десятилетия исследования, проводимые под рубрикой так называемой теории деятельности (это, конечно, не теория в точном смысле слова, а концепция и парадигмальная установка, задающая один из необходимых планов исследования, но сама по себе не сулящая ныне стратегически значимых результатов)» (Круглый стол, 2000а, с. 13).

Начнем разбор данного прогноза с замечания о том, что конкретизация общего принципа исчерпанности магистральных путей культуры относительно выработанности психоаналитической парадигмы или возможностей модернизации деятельностного подхода может быть оспорена. Разумеется, сложно не согласиться, что ведущие психологические направления XX в. в наши дни уже не существуют в своих классических модификациях (как классические парадигмы), однако жизнеспособность психоанализа жи-

дятся на имплицитной эпистемологии латентности, так называемой «уликовой парадигме», что служит залогом сохраняющегося к нему интереса и востребованности (см.: Гинзбург, 2004). В этой связи зафиксировав следующую тенденцию: *в современности продолжают активную жизнь те психологические направления XX в., которые смогли модернизироваться вместе со сменявшейся эпохой, преодолеть герметичность собственного культурно-исторического времени и сделаться открытыми к новым социокультурным и эпистемологическим вызовам*. Что же касается потенциала развития деятельностного подхода, то и последний занимает довольно уверенные позиции в современной психологии, перестав быть теорией деятельности А. Н. Леонтьева или С. Л. Рубинштейна и тем самым утратив первородную чистоту, но воплотившись в ряд контекстуально трансформировавшихся и смешанных с иными подходами направлений: культурно-деятельностный, экзистенциально-деятельностный, системно-деятельностный и др. (Асмолов, 2003, 2014; Герт, 2013, 2014; Леонтьев, 2000; Engeström, 2009)¹.

Возвращаясь к вопросу о реалистичности прогнозов, отметим, что сюда следует отнести не только неопределенность формулировок, опору на общие закономерности и сильные тренды, но использование *принципа антиномии*, т. е. того факта, что противоположные тенденции, составляющие целостность единого процесса, развиваясь, способны усиливать друг друга. Так, например, У. Бек одним из первых показал, что в становлении идентичности современного человека глобализация и национализм суть единый процесс: чем сильнее движение общекультурной унификации, тем более выражено локальное своеобразие. В свою очередь, это позволило ему спрогнозировать возрастающие в наши дни риски социальных и этнических конфликтов (Бек, 2008).

Наряду с общим движением гуманизации и демократизации жизни в современном мире наблюдаются процессы дегуманизации и укрепления авторитаризма; рост цивилизации сопровождается вспышками варварства; космополитическое мировоззрение — расцветом национального самосознания (так, во Франции традиции государственной поддержки франкофонии успешно сочетаются с программами по развитию миноритарных языков (Довгаль, 2015)).

1 «Экзистенциальная перспектива обоснования деятельностного подхода позволяет концепциям А. Н. Леонтьева, Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева, С. Л. Рубинштейна обрести новые импульсы развития в направлении целостности и субъектности индивидуального бытия человека как события» (Герт, 2014, с. 36).

Если в методологическом плане анализа мы обсуждаем ситуацию трансдисциплинарности, распространения смешанных методов и методологий (Гусельцева, 2014, 2016), то в изучении социокультурных трансформаций речь идет о так называемых гибридных режимах и кентаврических образованиях (см.: Тощенко, 2015; Шулман, 2015). Наблюдающаяся в эволюции социогуманитарных наук динамика от центра к периферии, от макроанализа – к микроанализу, от тотальной истории – к микроистории отнюдь не означает отказа от глобальных обобщений. Символом новой парадигмы могла бы выступить мандала инь–ян (см.: Маслов, 2003), в которой то или иное явление не вытесняет свою противоположность, а, напротив, ее поддерживает и усиливает. Настроив нашу методологическую оптику таким образом, чтобы воспринимать не линейные движения, а смешанные тренды в их антиномичной полноте, мы обнаруживаем, что всякий декаданс сочетается с авангардом, а сфокусированное на латентных течениях наблюдение заката эпохи способно зафиксировать рождение новой. «Все то, что предыдущим поколением воспринималось под знаком „пост-“, в следующем своем историческом сдвиге оказывается „прото-“ – не завершением, а первым наброском, робким началом нового эона, нейрокосмической эры, инфо- и трансформационной среды», – подметил М. Н. Эпштейн (Эпштейн, 2001).

В современности мы наблюдаем множество такого рода процессов: уже упомянутая глобализация усиливает как космополитизм, так и национальную идентичность (этническое и национальное самосознание). Чем больше появляется в мире транснациональных организаций, тем ценнее оказывается локальное и региональное своеобразие: грузинская кухня и индийские ресторанчики существуют рядом с «Макдональдсами». Непосредственно же относящийся к психологии пример касается соотношения социализации и индивидуализации, а также универсального и уникального в развитии человека. В свете принципа антиномий, чем глубже человек осваивает универсальные ценности, тем сильнее он индивидуализируется и обретает творческое своеобразие (так или иначе эти тенденции были отмечены рядом мыслителей (см.: Н. А. Бердяев, М. М. Рубинштейн, В. А. Роменец). В свою очередь, чем ярче индивидуальность человека, тем лучше он социализируется в современном мире, понимая под социализированностью здесь не конформизм и не социальную адаптацию, а гармоничное вхождение в социокультурную среду с имеющимся багажом своеобразия, поиск и конструирование той микросреды, которая отвечает его склонностям и раскрывает

его таланты. (Показательным примером конструирования успешности жизненного пути интровертированного меньшинства в экстравертированном мире служит книга М. Лэйни «Преимущества интровертов» (см.: Лэйни, 2013).) Таким образом, человеку в этой эпистемологической модели не нужно переделывать свою природу (как предполагалось в концепциях социализации, ориентируясь на которые в прошлом веке переучивали левшей), а, напротив, именно благодаря особенностям своей природы он достигает социальной успешности.

В перспективе напряжения антиномий Е. Т. Соколова выделяет две тенденции в развитии психологии: одна из них – «продолжение секуляризации и прагматизации психологической науки на отдельные узкие прагматически ориентированные направления, и вторая, как реакция, – противостояние дегуманизации и деиндивидуации – в теоретических и эмпирических исследованиях, в обучении психологии» (Настоящее и будущее..., 2012, с. 29). Наблюдение же Б. С. Братуся, что «из средства объяснения, понимания, познания человека психология к концу века во многом стала активным и даже агрессивным орудием манипуляции человеком» (Круглый стол, 2000а, с. 17), сопровождается противоположным трендом, реализующим процессы гуманизации в психологии¹. Иными словами, принцип «и то, и это» работает в сложной реальности гораздо эффективнее, нежели логика «или/или». Так, Р. Мартин, развивая представления об *интеграционном мышлении, позволяющем удерживать в конструктивном напряжении две конфликтующие идеи*, делает эпиграфом своей книги высказывание Ф. С. Фицджеральда: «Наилучшей проверкой выдающегося разума является способность

1 Гуманизация – важный тренд развития современной психологии. Демонстрируя в контексте рационалистического подхода значимость гуманистических ориентаций психологии в сфере образования и культуры в целом, Г. А. Балл высказывал уверенность в неизбежности размывания границ между «гуманистическими» и «негуманистическими» психологическими направлениями. «В социокультурном плане такое размывание обусловливается возрастающей актуальностью гуманизации разных видов обращенной к человеку практики и их психологического обеспечения. В плане же содержания самой психологической... практики в пользу упомянутого размывания... (свидетельствует. – М. Г.) распространение тенденции приспособления используемых техник к особенностям и запросам конкретного клиента, нужды которого признаются приоритетными по отношению к концептуальной чистоте метода» (Балл, 2006, с. 372).

одновременно держать в уме две противоположные идеи и сохранять при этом способность к функционированию» (Мартин, 2016, с. 12).

Таким образом, *в современной эпистемологии имеет место движение от анализа дихотомий и поляризации крайностей к интеграционному мышлению, — в частности, к передающему целостность жизни принципу антиномий, где доминирование того или иного полюса отражает факт ограниченности методологической оптики* (образным выражением чего служат зрительные иллюзии, — например, «заяц» или «утка» Дж. Ястрова). «Заяц» или/и «утка», пост-или/и прото-, консервация или/и модернизация, архаика или/и модернизм — все эти тенденции так или иначе представлены в дизайне текущей реальности.

О важности рефлексивного отношения к настройкам методологической оптики, создающим избирательную картину реальности, свидетельствует следующий пример. Так, М. М. Бахтин «удивительным образом оказался одновременно предтечей структурализма (в анализе карнавала) и постструктурализма (в диалогическом изучении культуры) потому, что *изучал каждое явление тем методом, который ему больше подходил*. Бинарные противопоставления не стоит отменять, как это делают современные постструктуралисты, их надо изучать в тех случаях, когда они налицо (во время праздника). Сходным образом диалогический метод позволяет изучать те случаи, когда явление еще не установилось; больше того, именно его диалогическое описание позволяет выявить его как реалию» (Современные тенденции..., 2014, с. 13).

Обратив оптику принципа антиномий к эволюции психологического знания, мы видим, что *российская психология потенциально содержит в себе напряжения двух трендов — стремление как к обновлению, так и к бесконечной эксплуатации наследия ушедшего века*. Это, в свою очередь, находит отражение в прогнозах психологов, одни из которых полны эволюционного оптимизма (см.: Асмолов, 2015)¹,

1 Публикация А. Г. Асмолова сконцентрировала основные идеи в ярком заголовке «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» (Асмолов, 2015). Автор всячески подчеркивает принцип вмешательства в реальность как основной принцип неклассической и культурно-деятельностной психологии: «...психология сегодня пронизала полностью такую сферу практики, как образование, стала стержнем проектирования образования... Мы победили, изменили и мир образования России, и статус психологии в этом мире» (Круглый стол, 2000а, с. 11).

тогда как другие, подобно А. Ш. Тхостову, полагают, что «оторванность от мирового уровня, а часто и простое незнание с современными тенденциями развития психологии» является основанием для выделения проблемы провинциализма российской психологии в качестве долгосрочной (Настоящее и будущее..., 2012, с. 29). Изрядно пессимистичными выглядят прогнозы В. И. Овчаренко о том, что «влияние отечественной психологической традиции на развитие мировой психологии будет минимальным» (Круглый стол, 2000а, с. 28), и А. В. Карпова, который, базируясь исключительно на тренде стагнации, полагает, что «ничего особенного в психологической науке и практике в ближайшие 10 лет не произойдет», и «уж, тем более, не будет никаких революционных изменений» (там же, с. 23).

На этом фоне гораздо более конструктивной выглядит позиция Д. А. Хорошилова, продемонстрировавшего в статье памяти Г. А. Андреевой, что наилучший способ продлить жизнь классике – не мумифицировать интеллектуальное наследие, не впасть по его поводу в экзальтацию, а трансформировать классику в современность: обыгрывая, полемизируя, изменяя, опираясь, отталкиваясь и т. п. В этом случае возникает живое и рожающее искры творчества взаимодействие прошлого и настоящего (Хорошилов, 2016). Ярким примером подобного конструктивного обращения с классикой служит недавно вышедшая книга, посвященная реконструкции идей и комментированию записных книжек Л. С. Выготского (Записные книжки..., 2017).

Умеренно оптимистические прогнозы относительно развития отечественной науки принадлежат Г. В. Акопову, полагавшему, что в ближайшем будущем психологию ожидает «существенное обновление научного психологического знания и соответствующий адекватный пересмотр исторического психологического наследия» (Настоящее и будущее..., 2012, с. 9), а также В. М. Аллахвердову, ожидающему от российской психологии новых достижений в связи с тем, что ее стимулирует открытость к изменениям мировой науки (там же, с. 10). Напротив, М. М. Решетников обращает внимание на стагнацию российской психологии, где смена выводов не привела к ревизии содержания, а пресловутый разрыв теории и практики продолжает нарастать. Условиями позитивного прогноза развития науки являются «создание адекватного современности профессионального информационно-интеллектуального пространства и ориентация сообщества на критический пересмотр действующих теорий и концепций» (с. 25).

К антиномичности анализа трендов также следует отнести тот факт, что в 2000-м году А. В. Юревич ожидал появление в психологии нефеноменологической парадигмы, позволяющей «описывать психологическую реальность в терминах ее имманентных закономерностей, а не наших восприятий» (Круглый стол, 2000а, с. 23), в то время как В. П. Зинченко, напротив, возлагал надежды на развитие феноменологии и психологической герменевтики (Круглый стол, 2000б).

Помимо этого, В. П. Зинченко утверждал, что «психоанализ уже не станет элементом российской культуры» (там же, с. 32). Не ставя сейчас задачу опровержения данного дискуссионного тезиса, следует задуматься, в чем причина слабой укорененности психоаналитической традиции в российской психологии, почему такая не встретила здесь более мощного творческого и конгениального отклика? На наш взгляд, развитие этой традиции требовало гораздо большей саморефлексивности общества, т. е. того психологического ресурса, которого в отечественной культуре попросту не было. Социолог культуры Д. Б. Дондурей лаконично сформулировал эту особенность российской культуры следующим образом: «Она избегает достоверной информации о самой себе» (Дондурей, 2017).

Следует обратить внимание, что *в эволюции психологического знания значимую роль играют не только инновационные и инерционные, но и разной направленности латентные тренды*. Например, при трансформации советской психологии в российскую марксистская методология, будучи отвергнута значительной частью общества на риторическом уровне, тем не менее устойчиво сохранилась в качестве исследовательской практики и имплицитного стиля мышления российских научных школ. Так, В. М. Аллахвердов отмечает, что «марксистская идеология (зачастую под иными именами) проникает в тексты, в способ рассуждения, в постановку задач большинства психологов» (Настоящее и будущее..., 2012, с. 9).

Латентные интеллектуальные течения, инерционные тренды и связанная с ними преемственность познания зачастую игнорировались отечественной историей психологии, где, например, противостояние между материалистической советской психологией и наследием идеалистической, религиозной и философской психологии представлялось избыточно радикальным. Однако работы С. А. Богданчикова продемонстрировали, что дореволюционные традиции (в частности, исследовательская программа Г. И. Челпа-

нова), отвергаемые на риторическом уровне, тем не менее служили весомым фундаментом развития советских психологических школ (см: Богданчиков, 2013)¹.

Наряду с этим А. Ясницкий обратил внимание на тот факт, что практически все классики, составившие «золотой фонд» советской психологии, являлись представителями дореволюционной интеллигенции, получившими классическое гимназическое образование, и, следовательно, свободно владевшими основными европейскими языками. «Именно это поколение... сформировавшееся на классическом дореволюционном интеллектуальном и культурном наследии, активно и с энтузиазмом принявшее участие в большевистском проекте радикального переустройства общества», не только создавало советскую психологическую науку, но и занимало «ключевые административные позиции в советской научной иерархии» (Ясницкий, 2014, с. 12)². Следующие за ними поколения психологов получали образование уже в советских учебных заведениях, за редким исключением не знали иностранных языков и уже в силу этого находились в большей изоляции от развития мировой науки.

-
- 1 «Нисколько не принижая значение материалистических идей, на примере Г. И. Челпанова и его школы отчетливо видно, что субъективная («идеалистическая») психология внесла по крайней мере не меньший вклад в дальнейшее развитие отечественной психологии XX столетия, чем психология материалистическая, объективная» (Богданчиков, 2013, с. 378). «Большинство тех выдающихся отечественных ученых, кого мы с полным правом считаем творцами и ключевыми фигурами советской психологии (В. А. Артемов, П. П. Блонский, К. Н. Корнилов, С. В. Кравков, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов и др.), были воспитанниками школы Г. И. Челпанова. И в этом смысле мы можем считать ту психологию, которую до последних дней отстаивал Г. И. Челпанов, одним из наиболее важных источников формирования советской психологии как научного направления. Именно челпановская составляющая в последующие десятилетия не раз помогала советской психологии, несмотря ни на какие идеологические воздействия и примеси, оставаться наукой» (там же).
 - 2 Ж. Пиаже, проводивший «с этими научными деятелями... содержательные беседы» на французском языке, «был впечатлен их вполне европейской манерой общения и осведомленностью о ходе современных психологических исследований за пределами СССР. Тем разительнее контраст между «поколением 1890-х» и новой генерацией их учеников и аспирантов, советских психологов следующего поколения» (Ясницкий, 2014, с. 13).

Эпистемология латентности – трансдисциплинарное пространство знания, охватывающее социологию неочевидного, психологию бессознательных явлений, латентные движения в истории культуры, феноменологию невидимых реальностей в антропологии, «ошибки» и «аномалии» в методологии и истории науки – стремятся изучать и включить в анализ прошлого и будущего психологической науки неочевидные, игнорируемые и скрытые тенденции. *Эпистемология латентности обращает нас к тому, что как в повседневных коммуникациях, так и в анализе перспектив развития науки, важны не столько ведущие дискурсы, сколько лакуны, т. е. то, о чем умалчивается.* Таким образом, наиболее значимые тренды и движения нередко оказываются за фокусом исследовательского внимания. В когнитивистике подобная феноменология относится к разряду когнитивных искажений (предвзятость подтверждения, избирательность восприятия, эффект фрейминга и т. п.). В социологии и политологии данные проблемы обсуждаются в категориях «каскадов доступной информации», «информационного пузыря» и т. п. Эпистемология латентности обращается к рефлексивному и произвольному овладению методологической оптикой, фокусируясь на интерпретации реальности в перспективе ограничивающих парадигм или недостаточности терминологии и аналитического инструментария (см.: Гусельцева, 2014).

Большинство ошибок прогнозирования обусловлено предпочтением определенных источников и игнорированием неприятной или незначимой информации. Такие прогнозы опираются на видимые тренды, но не учитывают периферийные движения, скрытые и непредсказуемые факторы (в аллегорическом обозначении Н. Таалеба – «черных лебедей»). Так, в 1960-е годы в методологии социологии важную роль сыграло открытие «спирали молчания» – наблюдение о том, что люди, участвующие в социологических опросах, склонны соглашаться с мнением большинства, тогда как имеют другие мнения и, главное, руководствуются ими в повседневной жизни. Это открытие означало, что исследователь не может полагаться на собранные данные, формально объективные, но не отражающие скрытые слои реальности. Накапливающее же игнорирование такого рода признаков ведет к тому, что общая картина становится все более искаженной (Ноэль-Нойман, 1996).

Приведем еще один пример. До появления работ Н. С. Автономовой принято было считать, что во французском структурализме отсутствует проблема человека. Однако исследовательница доказала, что подобные суждения не принимают во внимание не только раз-

нообразии и сложности данной интеллектуальной традиции, но и ее латентное содержание. «На первый взгляд, структурализм проблеме человека отвергает по причине «смерти человека». На самом деле проблема человека здесь замаскирована. Речь шла о смерти человека эмпирического, человека желания. Разные авторы пытались понять то, что движет этим человеком желания. Поэтому П. Бурдьё исследовал структуры «габитуса», К. Леви-Стросс – структуры мифа, М. Фуко вскрывал институты надзора и наказания, Ж. Лакан – структуры языка, Р. Барт исследовал структуры письма, Ж. Делез и Ф. Гваттари писали о машинах бессознательного» (Новые идентичности..., 2013). Таким образом, неназванная и потому не замечаемая проблема человека служила интегрирующим (латентным) фоном для всех этих исследований, а чтобы это заметить, необходимо было изменить установки и угол зрения.

Методология латентных изменений, позволяющая проследить зарождающиеся тенденции посредством анализа «невидимых» (не попадающих в исследовательскую оптику) феноменов культуры, существенно обогащается опытом этнографических исследований. «Мы соприкасаемся с тем, что вот-вот может обрести статус традиции, но с равным успехом и исчезнуть, оставив лишь легкий (иногда досадный) след в памяти очевидца. Мы смотрим как бы в калейдоскоп, в котором узоры вечно меняются, но при должном терпении и внимании можно уловить определенную связь между их, казалось, независимыми и замысловатыми последовательностями» (Современные тенденции..., 2014, с. 13). Следует констатировать, что этнографический метод стал междисциплинарным и востребованным в социогуманитарных науках на рубеже XX–XIX вв., более того, появились связанные с ним новые исследовательские проекты – *этнография науки, этнография современности* и т. п. (см.: Панченко, 2012; Современные тенденции..., 2014), суть которых состоит в изучении тех феноменов, которые обычно остаются за скобками анализа.

Психология и методологические продвижения смежных наук

Наряду с методологией латентных изменений довольно информативным для прогнозирования будущего развития психологической науки является наблюдение за эволюцией и эпистемологическими поворотами в смежных областях знания. Так, в социогуманитарных науках широко обсуждается *проблема раздробленности знания*, а найденные способы ее решения в основном связаны с развитием

специализированных журналов. Познавательная ситуация в антропологии описывается как рост «все более локальных и частных исследовательских программ», которые, по мнению некоторых авторов, разрушают ее как целостную дисциплину. Сходные процессы наблюдаются и в археологии: множество «новых, но не сенсационных фактов, рост внимания к все более узким и частным реконструкциям, слабая зависимость между значимостью отдельных проблем и привлекаемыми для их изучения средствами» (Современные тенденции..., 2004, с. 30). Однако, в отличие от антропологии, результаты археологических исследований значительно легче поддаются обобщению. Ю. Е. Березкин отмечает, что ведущую роль в поддержании общего информационного поля играет *Journal of World Prehistory*, благодаря чему «все археологи в той или иной мере учитывают работы друг друга, поскольку все они в конечном счете заняты одной общей проблемой» (там же).

История науки свидетельствует, что прорывные направления нередко создавали интеллектуальные сообщества, собранные вокруг того или иного журнала (рождение французской исторической школы «Анналов» или движение новой культурной антропологии в кругу «Нового литературного обозрения» — см.: Прохорова, 2009). В этой связи определенные перспективы сделаться триггерами обновления есть у недавно возникших *электронных* журналов «Психологические исследования», «Социальная и экономическая психология» и др. В. С. Собкин, размышляя о будущей организации психологической науки, полагал, что «оформление научных школ...будет происходить не столько на институциональной основе (научные лаборатории, кафедры, центры, институты)», а вокруг периодических изданий (Круглый стол, 2000б, с. 15).

Одной из перманентных проблем психологии продолжает считаться разрыв академической науки и психологической практики. Интегрирующие перспективы здесь обсуждаются в свете движения, связанного с *практическим поворотом* (shift to practice), тренда, который в русскоязычном секторе науки представлен работами Ф. Е. Василюка, П. А. Мясоеда, А. А. Пузыря, Г. Ю. Фоменко, А. В. Юревича и др. (Василюк, 1996; Пузырей, 2005; Юревич, 2007; Фоменко, 2008; Мясоед, 2015). Отдельные продвижения в решении этой проблемы происходят в сферах профессиональной повседневности, психологического образования, а также посредством коммуникативной роли периодических изданий.

Так, Г. Ю. Фоменко полагает, что *интегративная парадигма*, преодолевающая противопоставление исследовательской и при-

кладной психологии, рождается в непосредственной профессиональной практике психолога, которая «с неизбежностью требует исследовательской деятельности» (Фоменко, 2008, с. 56). Рождению этой парадигмы способствуют четыре условия. Во-первых, необходима высокая квалификация специалистов, приходящих работать в практическую сферу, а, следовательно, полученное ими фундаментальное (а не по ускоренным программам) психологическое образование. Во-вторых, принципиальная децентрализация науки, «ведомственное перераспределение полномочий в решении научно-практических задач между центром и регионами» (Фоменко, 2008, с. 62). В-третьих, интеграции исследовательской и прикладной психологии способствует проблематизация специалистом своих профессиональных задач. В-четвертых, рождающая в этом процессе «рефлексивная методология практической психологии» побуждает рассматривать текущую профессиональную деятельность в интегративном научно-практическом горизонте (Фоменко, 2008). Фундаментальное образование прививает специалисту рефлексивную культуру. В случае же органичного совмещения работы психолога-практика с научными исследованиями расширение теоретического кругозора способствует решению профессиональных проблем, а конкретная психологическая помощь клиентам наполняет аналитический банк индивидуальных случаев. Таким образом, антиномия теоретической и практической деятельности порождает творческие задачи: с одной стороны, применение общих принципов к частным случаям; с другой, рефлексия вырастающих из уникальных эпизодов тенденций и закономерностей.

Наряду с этим культурные практики интеграции теоретического и прикладного знания вырабатываются в курсах изучения критического мышления и при попытках их внедрения в школы. В опыте выстраивания эффективной профессиональной деятельности приходит понимание, что «теория без практики и обучение практической работе в отрыве от научной теории равным образом не ведут к успеху» (Виллингэм, 2017). Навыки критического мышления позволяют балансировать в интеллектуальном напряжении между стремлением к целостности знания и его специализацией, где оттачивание профессионализма поддерживается его способностью к сканированию горизонтов.

Согласно А. В. Юревичу, примирение естественнонаучной и социогуманитарной парадигм в психологии произойдет посредством появления новой и способной их интегрировать *технологической парадигмы* (Юревич, 2007). А. В. Юревич указывает на необходи-

мость дифференциации между точными и естественными науками, полагая, что для реализации идеала научности психологии в большей степени подходит модель экономики, нежели естествознания, поскольку именно в этой науке *выявление тенденций более информативно, нежели количественные подсчеты*. Кроме того, некоторые психические феномены, которые трудно изучить в качестве единичных случаев, обретают осязаемое и, главное, внешнее измеримое выражение, проявляясь в статистических закономерностях (количество самоубийств, психических заболеваний и т. п.).

Критического пересмотра в свете проблемы интеграции психологического знания требуют и наши прогнозы. В начале 2000-х годов нами высказывались предположения о появлении ориентирующейся на принцип взаимосогласованности знания *постнеклассической психологии*, а также о перспективности в психологии *сетевых подходов* (сетевых плюрализма) и *постмодернистского дискурса* (Гусельцева, 2002, 2003). В дальнейшем в психологической науке было предложено немало трактовок и моделей постнеклассичности (см.: Мясоед, 2004; Теория и методология..., 2007; и др.). Более того, даже те подходы, которые не осмысливали себя в категориях постнеклассики, стремились к согласованию разных концепций в решении ситуативных и локальных задач, тем самым имплицитно реализуя идеал постнеклассической рациональности. В качестве примера отметим рაციогуманистический подход Г. Балла (см.: Балл, 2006). Сегодня же можно утверждать, что дело не в парадигмальной типологии, имеющей свойство онтологизировать реальность, а в саморазвивающейся антиномии интегративно-дифференцирующего тренда, нашедшего реализацию в самых разных подходах.

Сетевая методология в меньшей степени оказалась востребована в психологии, нежели в смежных областях знания (см.: Василькова, 2012; Мирошниченко, 2013), где внимание к ней приковано как в плане теоретического анализа, так и для решения вполне прикладных проблем (Шпара, 2009; Каукунова, 2011). Возражая же критикам сетевого принципа в психологии, указывающим на утопичность идеала взаимосогласованности знания, следует заметить, что задачей сетевого плюрализма не является соединять все психологические теории сразу (см.: Чеснокова, 2010). Это не только едва ли возможно, но, главное, совершенно не нужно. Сетевая методология не стремится выстроить «теорию всего», она применима для решения конкретных, локальных и ситуативных задач, где концептуальные конгломераты спонтанно возникают вокруг определенной проблемы, а, выполнив свои функции, легко распадаются

ся (ибо в отличие от иерархий сети не ригидны, а гибки, неустойчивы и летучи). Парадоксальные жизнестойкость и устойчивость эфемерных сетей — в их изменчивости, пластичности, текучести, неуловимости, в отсутствии централизма и во взаимозаменяемости звеньев. Подобно неутомимому ручейку, сетевая методология, встречая на своем пути преграды (или недостающие звенья), устремляется иным путем (обходясь тем или иным аналогом отсутствующего звена или же сотворив его по ходу дела). С эпистемологией латентности сетевой подход сближает *неочевидность творческого формообразования отсутствующей структуры*, лакуны, что позволяет строить устойчивые мосты в неизвестность.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на работающие модели «зашнуровывания» концепций в теоретической физике (бутстрэпный подход, см.: Капра, 2002) или интерпретацию различных теорий через тот или иной ведущий аналитический конструкт, произвольно отобранный для решения локальных задач — в гуманитаристике, механизм интеграции постоянно расширяющейся вселенной знаний все еще продолжает оставаться вызовом для современной науки.

Как наблюдение за эпистемологическими поворотами, происходящими в смежных областях знания, так и опора на внутреннюю логику развития психологии указывает на совершающийся на протяжении XX в. дрейф в сторону меж-, мульти- и трансдисциплинарности. С интегрирующей позиции принципа антиномий движение открытости дисциплинарных границ и стремление к внутренней согласованности психологического знания видятся взаимодополняющими. Согласно А. В. Брушлинскому, методологическому единству отечественной психологической науки способствует *разработка психологии субъекта*. С одной стороны, категория субъекта устремляет психологию в исследовательские поля других наук о человеке, с другой — тематически структурирует исследовательское пространство психологии. «Целостность человека как субъекта — это онтологическое основание для системности, интегральности всех его психических качеств» (Круглый стол, 2000б, с. 34). На сегодняшний день этот тренд в российской психологии реализован в субъектно-аналитическом и системно-субъектном подходах (см.: Сергиенко, 2011; Знаков, 2015). Е. А. Сергиенко также отмечала, что «категория субъекта играет и будет играть все большую роль в психологии, не умаляя, а развивая и дополняя категорию личности» (Настоящее и будущее..., 2012, с. 27). Одновременно «большое будущее в развитии психологии» Е. А. Сергиенко

усматривала «во взаимодействии и взаимопроникновении разных научных парадигм, что уже реально происходит в отечественной и зарубежной психологии» (там же). В дальнейшем эти идеи были развиты в ее статье «Межпарадигмальные мосты», где автор показывала, что коммуникация и сближение некогда оппонировавших друг другу психологических подходов обусловлены общей логикой развития науки, ее устремлением к междисциплинарности и мультипарадигмальности на постнеклассическом этапе развития (Сергиенко, 2016).

Л. А. Карпенко, предсказывая междисциплинарные продвижения психологии, отмечала ее вовлечение в интернет-технологии, изучение их воздействия на психику, а также популяризацию и широкое распространение психологических идей в массы (Круглый стол, 2000б). В. Ф. Петренко подчеркивал, что «в связи с увеличившейся продолжительностью жизни возрастет значимость геронтопсихологии» (Петренко, 2000б, с. 21), а психология превратится из описательной науки в конструктивистскую. Обсуждая будущее психологической науки, А. З. Шапиро предполагал, что экзистенциальные проблемы выйдут на передний план, в частности, актуальной и приоритетной станет тема семьи. «Значимость темы семьи для психологии XXI в. подчеркивается еще и тем обстоятельством, что семейно-психологические закономерности уже сейчас все больше применяются к анализу и психокоррекции других социальных систем – бизнес-структур, политических партий, государств» (там же). *Во всех этих прогнозах мы видим интегрирующую роль той или иной проблемы или категории, которая как фокусирует разные позиции внутри психологии, так и размыкает психологическое пространство для коммуникации с другими науками.* Информационная социализация детей и подростков и психология развития – сегодня едва ли не наиболее активно развивающиеся сферы отечественной психологии. Прогноз А. З. Шапиро также можно считать реализованным, рассматривая его в более широком контексте *разработки психологии повседневности*. Это рождающееся на наших глазах новое направление в отечественной психологии, проект которого представлен, например, одноименной группой в Фейсбуке¹. Однако закономерность его появления в российской психологии также можно было предсказать, исходя из наблюдений за развитием сходных интеллектуальных движений в смежных науках – социологии, истории, антропологии и др. (см.: Гусельцева, 2017).

1 <https://www.facebook.com/groups/617470718442025>.

Прогностическую роль изучения повседневности отмечает американская исследовательница А. Баркер в анализе книги С. Бойм «Commonplaces: Mythologies of everyday life in Russia», раскрывающей «как в поздний советский и постсоветский периоды в России смешались кич и искусство, высокая и низкая культура» (Современные тенденции..., 2014, с. 15), говорит, что если бы исследователи уделяли больше внимания «повседневным реалиям советской жизни» и неформальным пластам культуры, то имели бы возможность заметить «те небольшие трещинки, которые стали предвестниками крушения советского общества» (там же). Отметим, что в поле внимания здесь снова оказываются те феномены, на которые нацелена эпистемология латентности.

Мысль о том, что *психика познается в реконструкции ее истории* (генетический принцип, принцип историзма), для психологии не нова и сближает между собой такие разнообразные течения психологической мысли, как сравнительное, психоаналитическое, историко-генетическое или культурно-историческое. «Поведение человека в будущем лучше всего прогнозируется с помощью анализа его поведения в прошлом. Редко кому удастся стать лучше», — утверждает Р. Нисбетт (Нисбетт, 2017, с. 39). Однако эта позиция, поддерживаемая эмпирическим опытом и здравым смыслом, вступает в противоречие с мировоззренческим принципом экзистенциализма, согласно которому существование предшествует сущности, а человек способен изменить себя самым радикальным образом. Относительно же прогнозирования развития науки принцип историзма трансформируется в открытый вопрос: *насколько будущее психологии скрывается в ее прошлом?*

Знание истории (конкретного пути науки) и общесистемных закономерностей (общей логики науки, представления о смене парадигм), с одной стороны, является необходимым основанием, чтобы судить о том, как будет развиваться психологическая наука завтра, с другой — недостаточным. В эпоху постоянных изменений и трансформаций старые парадигмы олицетворяют «застывшие мысли» (Э. Морен), они сохраняют и передают законсервированные научные продукты следующим поколениям, но вместе с тем сложившиеся представления играют роль заброшенной на глаза повязки.

Так, знания, которые психология накапливала в XX в. относительно развития психики и личности подростка, зачастую перестают работать в изменившейся социокультурной реальности. А. Н. Поддьяков отмечает, что научные концепции, отражающие характерные черты своей эпохи и созданные в ответ на ее запрос,

время от времени необходимо критически пересматривать (Подъяков, 2015). Авторы книги «Мифы психологии» детально прослеживают, как по мере развития научного знания происходило развенчивание теорий, долгое время казавшихся незыблемыми (Сузуки, Воклер, 2016). Тем не менее привычные ходы мысли продолжают тиражироваться из работы в работу. Так, одной из иллюстраций служит афоризм Г. Эббингауза о том, что психология имеет долгое прошлое, но короткую историю. «С момента начала научных исследований в психологии, которая теперь всеми признана самостоятельной научной дисциплиной, друг друга сменили около пяти поколений исследователей. Однако слова Эббингауза продолжают встречаться в учебниках психологии, словно бы мы застыли в 1908 году!» (там же, с. 294).

В обрисованной отдельными мазками картине развития психологической науки уже проступили трещинки, намекающие на ее грядущие трансформации. Оптикой, позволяющей усилить и отрефлексировать эти едва заметные тенденции, становится наблюдение за авангардными движениями в культуре, философском дискурсе, литературном творчестве, искусстве.

Сканирование горизонтов: психология и проекты постсовременности

Латентное раздражение от устаревших парадигм является субъективным проявлением *принципа ритмичности* культурно-исторических процессов, описанных как чередование классицизма и романтизма в искусстве, борьба дионисийского и аполлонического начал в культуре (см.: Ницше, 1990), творческие циклы и т. п. Это движение маятника, хорошо знакомое по ходу истории, переводится в психологический дискурс весьма актуальным ныне словом «надоело» (Тришин, 2013).

В 1990-е годы в одной из публикаций В. П. Зинченко зафиксировал накопившуюся усталость от монизма¹. С этого момента, по всей видимости, следует вести отсчет постмодернистского периода в российской психологии, понимая под последним конец идеологии, утрату методологической жесткости, либерализацию, стирание границ, текучесть знания. Однако, опираясь на прин-

1 «Все устали от монизма, идущего то ли от проекта Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России, то ли от марксизма, то ли от православия» (Зинченко, 1993, с. 50).

цип ритмичности, нетрудно предвидеть, что научное сообщество в конце концов устанет от иррационализма (подобно тому, как ранее, пресытившись позитивизмом, оно устремилось за его пределы – по ту сторону рациональности), «и маятник начнет обратное движение» (Круглый стол, 2000а, с. 25). Сегодня в российском интеллектуальном пространстве формируется запрос на рациональность и доказательное знание при одновременном наводнении этого пространства не только гуманитарным (антропологический поворот), популярным (поп-психология) и иррациональным, но и откровенно мракобесным содержанием¹. В данном плане *постмодернизм не выполнил свою критическую работу*.

Б. Грант удачно охарактеризовал постмодернизм как «критическое движение, стремящееся осознать общий коллапс веры в глобальные решения человеческих проблем, а не... термин, который лишь некоторые рискуют использовать после огромного количества неряшливых исследований, выполненных под его знаменем» (Современные тенденции..., 2014, с. 39). Несмотря на определенные ожидания от постмодернистской волны (Гусельцева, 2002), постмодернизм больше критиковали, нежели использовали его возможности. Это побуждает напомнить о его достоинствах, оставшихся в отечественной психологии практически нереализованными².

- 1 Более того, отдельные психологи становятся авторами сомнительных экспертиз, подменяя научный дискурс откровенно религиозной пропагандой (резонансные дела Pussy Riot, блогера Р. Соколовского и др.). Можно по-разному относиться к героям упомянутых скандальных процессов, однако дискуссионность, критика, свобода мышления и автономная способность суждения (инакомыслие) остаются основополагающими принципами научного знания, отличающего его от разного рода культов и верований.
- 2 «Постмодернизмом называется определенный период, а также новый дискурс, особый тип рационализма, стиль, новая идея и философия. Этот стиль можно охарактеризовать как отказ от общепринятых положений, принятие плюрализма и децентрализации научных сообществ, источников знаний и языковых игр; внимание к различиям и разнообразию, а также стремление их усвоить; готовность без стыда и страха принимать тот или иной выбор в условиях свободы мнений; безграничные (бесконечные) возможности для интерпретации реальности; вместо использования привычных категорий времени и места – стремление понять реальность в ее целостности/автономности; борьба с идеей разделения человека на душу и тело и неприятие доминирования одной абсолютной реальности» (Базаргани, Ларсари, 2015). Целостное представление о постмодернизме, а также характе-

Постмодернизм способствовал процессам самосознания культуры и принес в социогуманитарные науки пафос ревизионистского обновления. В качестве интеллектуального стиля эпохи он осуществлял *стихийную трансдисциплинарную интеграцию знания* в ситуации информационного взрыва и расползания дисциплинарных границ. Критика постмодернизма в отечественной психологии, как правило, основывалась на ложных посылках и неглубоком (наивном, буквальном) его прочтении (см.: Чеснокова, 2010, 2012). Постмодернизм никогда не существовал как единое течение, а его концептуализации настолько противоречили друг другу, что в рассуждениях о нем как таковом критика зачастую промахивается, если не обращается к конкретной концепции. Так, бессмысленно спорить о том, «утрата Я» или ценность индивидуальности является особенностью постмодернизма. Конструкт «смерть субъекта» получает здесь самые разные трактовки и решает разные задачи. Его не только не следует прочитывать буквально, но иногда и навыворот: как усиление и проблематизацию субъективности. Не как отказ от уникальности человека, а как уважение к лишенному статусных покровов, несущему оригинальные идеи авторскому голосу. (Например, практика передачи на рецензирование анонимных статей в журналах, — «смерть автора», которая парадоксальным образом в идеале способствует его рождению.)

Также постмодернисты не призывали исключать логические доказательства и эмпирические методы из психологического инструментария, но «децентрировали» последний, лишая его статуса неуязвимого и тотального. Наряду с провокативностью постмодернизм принес в науку критический дискурс и принцип методологического сомнения, побуждая к ревизии практически всего накопленного к концу XX в. интеллектуального багажа.

Несмотря на отсутствие единой теории постмодернизма, мы можем выделить его общие методологические предпосылки. Так, одна из особенностей постмодернизма — это *толерантность*. Постмодернизм открыт любому опыту, лишен снобизма, полон мужества встретить лицом к лицу «идейных противников» или зайти на территорию «псевдонауки». Установки эклектизма и всеядности («Когда б вы знали, из какого сора...») сближают его с аналитикой повседневности и стимулируют другую черту — *креативность*. Третья особенность, нашедшая выражение в постмодернистской крити-

ристика отличий модернизма и постмодернизма приведены в данном удачном, на наш взгляд, реферативном обзоре.

ке, обозначена нами как *сверхрефлексивность* – сосредоточенность на многомерности, на возможных ходах мысли оппонента; способность заглянуть по ту сторону реальности, помыслить феномен отраженным в зеркалах играющих друг с другом контекстов, держать в напряжении ума две полярные позиции; понимание уязвимости конструируемого нами знания; контроль как над собственными ошибками когнитивного искажения, так и над недостатками человеческого разума и т. п. (Гусельцева, 2002, 2003).

Обсуждая выше основания надежности прогнозов, мы оставили напоследок *фактор непредсказуемости, проявляющийся в том, что вместо ожидаемого развития устойчивого тренда мы наблюдаем сдвиг или эпистемологический поворот*. В этой связи следует обратиться к осмыслению того, что в окружающем психологию интеллектуальном пространстве вдруг возникло множество концептуализаций *пост-постмодернизма* (данный термин мы используем как обобщающее название для всех течений, пришедших на смену постмодернизма).

Одним из первых запрос на интеллектуальное обновление выразил М. Н. Эпштейн, отразив ощущение поиска и предчувствие образов будущего в конструкте *протеизм*. «Умонастроение начала XXI в. я бы определил как „прото-“ (от гр. *protos* – первый, начальный, ранний, предварительный). Прото- – это смиренное осознание того, что мы живем в самом начале неизвестной цивилизации;...что все наши славные достижения – это только слабые прообразы, робкие начала того, чем чреваты инфо- и биотехнологии будущего» (Эпштейн, 2001). Удачно найденный термин передавал поле значений: оппонирование «пост-» – устремленность в неопределенное будущее, а не подведение итогов; неоформленное состояние становления, эскизность; антиномичность, сочетание эмбриональности и архаичности («мы – эмбрионы будущих цивилизаций, и одновременно мы – их древнейшие реликты»); принцип транзитивности, отсылающий к мифологической фигуре Протея; «подвижность и текучесть, аморфность и полиморфность» (там же).

Перформатизм (*performatism*) – концептуализация Р. Эшельмана, подчеркивающая проблемы сохранения идентичности в трансформирующейся реальности, разрыв значений и вещей, – усматривала ведущую черту новой эпохи в том, что на смену аргументации и доказательствам пришла презентация (Eshelman, 2001).

Трансмодернизм (*transmodernism, transmodern*) описывал сочетание модернизма и постмодернизма в перспективе сложнос-

ти идентичности, которой необходимо определиться относительно глобального мира.

Дигимодернизм (digimodernism) – это предложенное А. Кирби обозначение для новой эпохи, которое основывалось на осмыслении роли Интернета в радикально изменившемся состоянии мира и личности. А. Кирби показывал, что информационные технологии трансформируют деятельность и сознание человека, его субъективность, представления об авторе и читателе (стирание границ), о тексте (его эфемерность, нестабильность, изменчивость во времени, лаконичный формат, выраженный в твитах и sms), практики взаимодействия с текстом, активность зрителя, желающего воздействовать на произведение искусства, участвовать в конструировании реальности и т. п. (Supplanting the postmodern..., 2015).

Ключевой идеей *автомодернизма* (auto-modernity) стала антиномия автономии личности и автоматизации ее жизненного пространства (Samuels, 2008).

Гипермодернизм (hypermodernism) характеризует подвижное, гибкое и текучее общество, ускользающее от ранее известных принципов структурирования современности. Повседневность разворачивается здесь в напряжении привычек к гиперпотреблению и гедонизму и имплицитной тревоги, спровоцированной жизнью в лишенном традиций мире, в неопределенности будущего (Supplanting the postmodern..., 2015, p. 156–170).

Н. Буррио, французский философ, курирующий выставки актуального искусства, развивает концепцию *альтермодерна* (altermodern, altermodernisme, altermodernity, т. е. «другой модерн»), основная идея которой заключается в смешивании и эпистемологическом переводе¹ культурных ценностей, «перезагрузке» культуры. Проблему антиномий современности он обсуждает в категориях унификации и идентификации, где единообразие массового производства сочетается с самобытностью местного колорита. Н. Буррио полагает, что на вызовы современности невозможно дать глобальный ответ, но – множество ответов на конкретные ситуации («архипелаг локальных реакций»). Он показывает, что *на смену линейности приходит модель лабиринта*, а на место сомнения – решительность поступка, ведущего к чему-то иному. Он вводит понятие креолизация (creolisate), означающее тенденцию ко всеобщему смешению.

1 Термин «эпистемологический перевод» мы используем, чтобы подчеркнуть его отличие от лингвистического перевода, понимая под первым способ взаимодействия (коммуникации) одной концепции с другой, а также механизм концептуального синтеза.

Смещение и смещение – ключевые признаки новой эпохи. Н. Буррио пользуется также французским термином «радикант» (*radicant*), являющимся, несмотря на сходство звучания, противоположностью радикализму: принадлежность корням и одновременное движение вперед по принципу плюща. Автор подчеркивает значение темпоральности: если географическое пространство человечеством практически изведано, то время – нет. *Альтермодерн создает ситуации пограничья, в которых гетерогенность представляет собой множество соединенных темпоральностей.* Сетевой подход выступает имплицитной основой для практики современного искусства, где для реализации того или иного проекта создаются объединения людей, которые после решения поставленных задач снова рассеиваются, растекаются в иные проекты. Если ведущей фигурой в концептуализациях информационного общества был интеллеktуал, то Н. Буррио выводит на передний план художника, для которого существовать в современности – означает быть кочевником, перемещаться по разным культурным мирам. *Альтермодерн усиливает мобильность человека в пересечении разного рода границ и многослойность современного мира с его переплетениями и разнообразием пространственно-временных конфигураций* (*Altermodern...*, 2009; Bourriaud, 2009).

Отметим появление множества метафорических конструктов, ибо осмысление зарождающихся реальностей потребовало поиска новых терминов. Практически во всех подходах подчеркиваются: ситуативизм, антиномичность, сложность, мобильность, смещение и смешивание. Однако наиболее представительным оказался *метамодернизм*, рассматриваемый в качестве эпистемологии, возникшей в ответ на вызовы сложности, уникальности и разнообразия современного мира (Гусельцева, 2016). Первопроходцами в концептуализации метамодернизма выступили нидерландские философы Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер, утверждавшие, что метамодернизм – общекультурный стиль эпохи, который выразил решительность нового поколения интеллектуалов в преодолении кризиса современности (Vermeulen, van den Akker, 2010, 2015)¹.

Черты и феномены метамодернизма – виртуальность, интерактивность, дигитальность, кентавризмы или гибриды, глокализация (сочетание глобальности и локальности), гуманизация («ба-нальность добра»), «ценности самовыражения», повседневность,

1 Обратим внимание на выходящую книгу: *Metamodernism: Historicity, affect and depth after postmodernism* / Eds R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. L.–N. Y.: Rowman and Littlefield International, 2017.

ностальгизм, «мягкая сила», ценности доверия, согласия, солидарности — так или иначе по отдельности концептуализированы и описаны разными авторами. Однако как целостное мировоззрение эпохи их только предстоит осмыслить. «В метамодерне... кончается постмодернистское ощущение стабильности и перманентного прогресса. Мы движемся в направлении, которое нам до конца неизвестно, но которое ставит на карту очень многое — будь то экономические проблемы, или экологические катастрофы, или фашистские настроения во многих западных обществах и подъем правого популизма. <...> История вновь движется вперед, все находится в колебании, постоянном движении, расшатывании — все, что нам казалось знакомым и постоянным, все, чего мы достигли или создали» (Интервью..., 2017).

Метамодернизм уловил ощущение усталости от современности, общий запрос на перемены выразился в крайностях как правого популизма, так и в радикализации левых идей. При этом осмысление метамодернизма сразу же натолкнулось на методологическую проблему — отсутствие «внятных терминов... необходимых нарративных инструментов или дискурсивного навыка для описания того, каким мы хотим видеть свое будущее» (там же). Тем не менее метамодернистская эпистемология служит удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, принципа антиномий, эпистемологии сложности и латентности. Ведущей метамодернистской стратегией является сочетание продвижения и раскачивания («We must go forth and oscillate!» (Turner, 2011)). Подобно маятнику, метамодернизм балансирует между модернизмом и постмодернизмом, держа в творческом напряжении эти полярности. Хронотоп метамодернизма одновременно упорядочен и неупорядочен. Согласно Р. ван дер Аккеру, суть диалектики метамодернизма «в осцилляции, в непрекращающемся расшатывании и преодолении устойчивых позиций» (Интервью..., 2017).

Метамодернизм — интеллектуальная стратегия, превращающая «или/или» в *принцип «и/и»* (ср.: Мартин, 2016), где одновременность восприятия противоположностей достигается за счет раскачивания, челночного движения «туда и обратно». Не выбор того или иного полюса, а понимание пульсации мира, где напряжение антиномий есть норма жизни. В этой связи метамодернизм предлагает новый взгляд на взаимоотношения теории и практики в психологии, интеграции и дифференциации знания, естественнонаучных и гуманитарных ориентаций науки.

Принцип незавершенности обрисовывает перспективу бесконечности колебаний в процессе развития, однако каждый раз в результате творческого усилия появляется конкретный ситуативный продукт. Здесь усиливается берущий исток в постмодернизме тренд: «Происходит рост психологической дисциплины. Ослабление внешних нормативных ограничений... приводит к увеличению потребности в самодисциплине, используя внутренние механизмы и поиск соответствующих способов осуществления этой самодисциплины» (Базаргани, Ларсари, 2015). Дело в том, что одного колебания, вибрирования в напряжении противоположностей недостаточно, необходимо усилие активного преодоления их в творческом синтезе, вызывающее к субъекту. В напряжении этих осцилляций субъект должен породить нечто новое: *креативность, способность к синтезу разнородных идей становится требованием к компетентностям человека в описываемой метамодернизмом современности*. Если задачей постмодернизма было вырваться из тотальности дискурсов, окутывающих субъекта, то метамодернизм – это социализация в процессе преодоления колебаний и производстве собственного интеллектуального продукта.

Для психологии же модели модернизма, постмодернизма и постпостмодернизма в его разных репрезентациях (от протеизма до метамодернизма) являются инструментами анализа субъективности, аналитическими конструктами, показывающими, как каждый раз заново и по-разному может быть сконфигурирован видимый мир, а также вскрывающими археологические слои сознания современного и одновременно укорененного в многослойности исторических эпох человека.

Вместо заключения

Опорой модернизма была рациональность (посредством этого инструмента – классической рациональности – он производил логотцентризмы и универсальные дискурсы). Вплоть до XX в., принесшего разочарование в человеке, его сопровождали вера в прогресс, разум и порядок, социальный оптимизм. Постмодернизм в дальнейшей интеллектуальной эволюции явился отрезвляющей прививкой от тотальности произведенных модернизмом дискурсов. Он обращался к сомневающемуся разуму, поддерживал накал критичности. Он иронизировал и играл с классикой, интерпретируя ее в горизонтах современности. В отличие от постмодернизма метамодернизм стремится не переосмыслить, а *пережить* мир заново:

здесь возрастает роль виртуальности, эмоциональности, ностальгирования, сопереживаний, а теоретики осмысливают его в понятиях неоромантизма и неосентиментализма. Антиномия простоты и сложности находит выход как в осцилляции, так и в презентации. От постмодернизма метамодернизм наследует клиповое сознание. Постмодернизм упрекали в антиисторизме: тотальность различных дискурсов от разменял на гипертекстуальность. Метамодернизм чувствителен к культуре, глубоко укоренен в нее, осмысливает себя как культурное явление.

Постмодернизм возвел в доминанту принцип сомнения. В метамодернизме происходит возвращение к твердому выбору позиции и к действию (при одновременном сохранении понимания множества иных истин, позиций и правд). Если воспользоваться типологической метафорой И. С. Тургенева, то постмодернизм и метамодернизм соотносятся как Гамлет и Дон Кихот (Тургенев, 1980)¹.

Эволюция выделенных социокультурных и интеллектуальных движений подчиняется *принципу смещения и смешивания*, образуя сложную динамику (от линейности – к многомерности, гетерогенности и многослойности, от устойчивых трендов – к непредсказуемым сдвигам, от четких линий – к едва заметным и запутанным узорам). Это означает, что закономерности, установленные в пределах одной или даже нескольких аналитических перспектив, мы могли бы успешно экстраполировать в отсутствии иных тенденций, однако именно наличие последних, их взаимодействие и перемешивание создают неожиданные системные свойства, делая общую картину еще более разнообразной, противоречивой и зыбкой. Тем не менее продуктивным оказывается произвольное наложение нескольких панорам, в контексте которого *прогнозирование будущего психологической науки неизбежно должно учитывать общую динамику культуры и развитие смежных областей знания*.

В заключение сопоставим триаду модернизма, постмодернизма и метамодернизма с такими способами организации, коммуникации и производства знания, как междисциплинарность, мультидисциплинарность и трансдисциплинарность. *Междисциплинарность*

1 «Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи, и потому обвеян ее сияньем. Что же представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. <...> Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит: он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила; отсюда проистекает его ирония, противоположность энтузиазму Дон-Кихота» (Тургенев, 1980).

является феноменом зрелого модернизма и опирается на методологический монизм, здесь есть имплицитное допущение о заранее имеющемся правильном методе. *Мультидисциплинарность* базируется на диалогизме и методологическом плюрализме, необходимый метод конструируется в ходе непосредственного исследования. *Трансдисциплинарность* усиливает аспекты текучести познания и придерживается предпосылки, что нужный метод как отыскивается, так и модифицируется под влиянием изменяющейся ситуации. Таким образом, перед современным исследователем открывается широкий выбор познавательных практик, аналитических конструктов, методологий и стратегий. Что же касается будущего психологии, то с определенностью здесь можно утверждать лишь одно — *перемены неизбежны*.

Литература

- Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986.
- Асмолов А. Г.* Неодеятельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование // Мир психологии. 2003. № 2 (34). С. 155–158.
- Асмолов А. Г.* Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии // Мир психологии. 2014. № 3. С. 17–33.
- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109-asmolov40> (дата обращения: 22.12.2017).
- Базаргани Д. Т., Ларсари В. Н.* «Постмодернизм»: может ли современная ситуация быть описана термином «постмодерн»? Реферативный обзор постмодернизма и его критики в современных дидактических программах // Гефтер. 4.02.2015. URL: <http://gefeter.ru/archive/14194> (дата обращения: 20.12.2017).
- Балл Г. А.* Психология в радиогуманистической перспективе: Избранные работы. Киев: Основа, 2006.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Берлин И.* Еж и Лиса: Эссе о взглядах Толстого на историю // И. Берлин. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 184–269.
- Богданчиков С. А.* Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). М.: Директ-Медиа, 2013.

- Василькова В. В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 5 (58). С. 11–24.
- Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Виллингэм Д. Почему так сложно научить критическому мышлению // Newtonew.com. 2017. URL: <https://newtonew.com/school/critical-thinking-so-hard> (дата обращения: 18.12.2017).
- Герт В. А. Экзистенциальная перспектива деятельностного подхода в развитии субъектности человека // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2013. № 2. С. 4–12.
- Герт В. А. Деятельностный подход: этапы и перспективы развития // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 36–42.
- Гинзбург К. Мифы—эмблемы—приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
- Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119–131.
- Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Гусельцева М. С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html> (дата обращения: 17.12.2017).
- Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
- Гусельцева М. С. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1387-guseltseva51.html> (дата обращения: 18.12.2017).
- Довгаль Н. Д. Языковая политика во Франции // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 5. Ч. 1. URL: <http://human.snauka.ru/2015/05/11187> (дата обращения: 30.04.2017).
- Дондурей Д. Б. «Они идут и смотрят»: Как Д. Дондурей объяснял устройство российской культуры // Colta.ru. 2017. URL: <http://www.colta.ru/articles/cinema/14744> (дата обращения: 11.12.2017).
- Дон-Аминадо Парадоксы жизни: Стихотворения, воспоминания, афоризмы. М.: Обновление, 1991.

- Записные книжки Л. С. Выготского: Избранное / Под общ. ред. Е. Ю. Завершневой, Р. Ван дер Веера. М.: «Канон+»—РООИ «Реабилитация», 2017.
- Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решения // Математика сегодня / Сост. А. В. Шилейко. М.: Знание, 1974. С. 5–48.
- Зинченко В. П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1993. № 2. С. 41–50.
- Знаков В. В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1157-znakov42> (дата обращения: 21.12.2017).
- Интервью с Робинот ван ден Аккером // Metamodern: журнал о метамодернизме. 2017. Март. URL: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker> (дата обращения: 20.05.2017).
- Капра Ф. Дао физики. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.
- Каукенова Т. В. Потенциал сетевого подхода в анализе межэтнических конфликтов // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3. С. 70–78.
- Кнабе Г. С. Избранные труды: Теория и история культуры. СПб.: РОССПЭН, 2006.
- Круглый стол: Психология XXI века: пророчества и прогнозы // Вопросы психологии. 2000а. № 1. С. 3–35.
- Круглый стол: Психология XXI века: пророчества и прогнозы (окончание) // Вопросы психологии. 2000б. № 2. С. 3–41.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2000.
- Лэйни М. Преимущества интровертов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Мартин Р. Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры. М.: Юрайт, 2016.
- Маслов А. А. Инь и ян: хаос и порядок // А. А. Маслов. Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейа, 2003. С. 29–36.
- Мирошниченко И. В. Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Общество. Управление. 2013. № 3. С. 68–86. http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2013_3/2013_3_miroshnichenko.pdf (дата обращения: 05.12.2017).
- Мясоед П. А. Категория практики и методология психологии // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 106–115.

- Настоящее и будущее российской психологии: мнения ведущих специалистов // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 9–32.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 177–192. http://vestnik.yvspu.org/releases/2016_5/36.pdf (дата обращения: 05.12.2017).
- Нисбетт Р. Мозгоускорители: Как научиться эффективно мыслить, используя приемы из разных наук. М.: Альпина Паблишер, 2017.
- Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру // Ф. Ницше. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
- Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад / Под ред. С. А. Смирнова. Новосибирск: НГУЭУ, 2013.
- Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия—Весь мир, 1996.
- Панченко А. «Антропологический поворот» и «этнография науки» // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/pa12.html> (дата обращения: 19.12.2017).
- Петров В. М. Прогнозирование художественной культуры. М.: Наука, 1991.
- Поддьяков А. Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М.: Национальное образование, 2015.
- Прохорова И. Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9–16.
- Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психогогика. М.: Смысл, 2005.
- Рингланд Д. Будущее как неизведанное пространство: интеграция Форсайта в принятие стратегических решений. 2013. Т. 7. № 4. С. 60–69.
- Серегина С. Ф., Барышев И. А. Закономерно ли появление Форсайта? // Форсайт. 2008. № 2 (6). С. 4–12. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2010/12/31/1208181758/2-2008-2.pdf> (дата обращения: 03.12.2017).
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

- Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1306-sergienko48.html> (дата обращения: 20.12.2017).
- Смирнов С. А.* Аналитика и диагностика антропологических трендов // Человек.ru. 2014. №9. С. 13–47.
- Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2014. № 1. С. 6–101.
- Сузуки К., Воклер Ж.* О некоторых мифах в психологии: дети-волки, говорящие обезьяны и фантомные двойники. М.: Кучково поле, 2016.
- Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Третьяк В. П.* Форсайт в вопросах и ответах. М.: МГУТУ им. К. Г. Разумовского, 2011.
- Тришин В. Н.* Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. М.: Academia, 2010. С. 158–165.
- Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В.* Вторжение жизни: Теория как тайная автобиография. М.: ИД ВШЭ, 2017.
- Тощенко Ж. Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 1 (78). С. 23–50.
- Трыков В. П.* История зарубежной литературы рубежа XIX–XX вв.: Учебное пособие. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2002.
- Тургенев И. С.* Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0240.shtml (дата обращения: 21.12.2017).
- Тюков А. А.* Психология развития в комплексе современной антропологии // Системная психология и социология. 2011. № 3. URL: http://www.systempsychology.ru/journal/2011_3/50-tyukov-aa-psihologiya-razvitiya-v-komplekse-sovremennoy-antropologii.html (дата обращения: 03.12.2017).
- Филатов В. И.* Антиутопия как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 84–86.
- Фоменко Г. Ю.* Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3. С. 53–63. URL: http://chsu.kubsu.ru/archiv/2008_3/2008_3_fomenko.pdf (дата обращения: 03.12.2017).

- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: ИД «Территория будущего», 2006.
- Харрис Дж. Сканирование горизонта // Человек. 2002. № 3. URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/ecse/long_2.htm (дата обращения: 03.12.2017).
- Хорошилов Д. А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г. М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. 2016. № 3. С. 75–84.
- Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник МГПУ. 2012. № 1 (5). С. 95–106.
- Чеснокова М. Г. «В сетях» сетевого подхода // Материалы конференции 125 лет Московского психологического общества (Москва, 26–28 марта 2010 г.). М.: Макс-Пресс, 2010. С. 171–173.
- Шпара К. И. Использование сетевого подхода при описании социальных структур и процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. «Психология. Социология. Педагогика». 2009. № 3 (1). С. 26–31.
- Шульман Е. М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. М.: Издательские решения, 2015.
- Эпштейн М. Н. Dèbut de siècle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html> (дата обращения: 17.12.2017).
- Эткинд А. М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 17.12.2015).
- Юревич А. В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 3–17.
- Юревич А. В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 76–89. URL: <http://riep.ru/upload/iblock/fbc/fbcdcf7c59d69a6d01c0bd93cb2355c1.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).
- Яковенко И. Г. Мир через призму культуры. Культурология и социеведение. М.: Знание, 2013.
- Ясницкий А., Завершнева Е. Архетип советской психологии: От сталинизма 1930-х к «сталинистской науке» наших дней 2014. URL: http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/yasnitsky%20&%20zavershneva%20.%20stalinist%20archetype_draft.pdf (дата обращения: 17.05.2017).
- Altermodern: A conversation with Nicolas Bourriaud // Art in America. 2009. URL: <http://www.artinamericamagazine.com/news-features/interviews/altermodern-a-conversation-with-nicolas-bourriaud> (дата обращения: 24.12.2017).

- Bourriaud N.* Altermodern // Tate Triennial. 2009. URL: http://dnwilliams.com/altprod/readings/bourriaud_altermodernism.pdf (дата обращения: 24.12.2017).
- Cagnin C.* STI foresight in Brazil // Foresight-Russia. 2014. V. 8. № 2. P. 46–55.
- Engeström Y.* The future of activity theory: A rough draft // Learning and expanding with activity theory / Eds A. Sannino et al. Cambridge, 2009. P. 303–328.
- Eshelman R.* Performatism or the end of postmodernism // Anthropoetics: The electronic Journal of Generative Anthropology. Fall 2000 / Winter 2001. V. 6 (2). P. 1–17. URL: <http://xa.yimg.com/kq/groups/19978873/351370576/name/performatism,+or+the+end+of+postmodernism.pdf> (дата обращения: 21.12.2017).
- Miller R.* Futures literacy – embracing complexity and using the future // Ethos. 2011. № 10. P. 23–28. URL: https://www.researchgate.net/profile/riel_miller2/publication/272739756_futures_literacy_-_embracing_complexity_and_using_the_future/links/54ec87880cf28f3e65342d83.pdf (дата обращения: 03.12.2017).
- Popper R.* Foresight methodology // The handbook of technology foresight / Eds L. Georghiou, J. Cassingena, M. Keenan, I. Miles, R. Popper. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 44–88. URL: <https://rafaelpopper.wordpress.com/foresight-diamond> (дата обращения: 12.12.2017).
- Samuels R.* Auto-modernity after postmodernism: Autonomy and automation in culture, technology, and education // T. Digital Youth, Innovation and the Unexpected / Ed. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219–240.
- Slaughter R.* Sense-making, futures work and the global emergency // Foresight. 2012. V. 14. № 5. P. 418–431.
- Schultz W. L.* The cultural contradictions of managing change: using horizon scanning in an evidence based policy context // Foresight. 2006. V. 8 (4). P. 3–12. URL: https://www.researchgate.net/publication/244012680_The_cultural_contradictions_of_managing_change_Using_horizon_scanning_in_an_evidence-based_policy_context (дата обращения: 03.12.2017).
- Supplanting the postmodern: An anthology of writings on the arts and culture of the early 21st century / Eds D. Rudrum, N. Stavris. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2015.
- The new historicism reader / Eds H. A. Veaser. N. Y.: Routledge, 1994.
- Turner L.* Metamodernist // Manifesto. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org> (дата обращения: 21.12.2017).

М. С. Гусельцева

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. V. 2. P. 1–14. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

Vermeulen T., van den Akker R. Utopia, sort of: A case study in metamodernism // Studia Neophilologica. 2015. V. 87 (1). P. 55–67. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00393274.2014.981964?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 22.12.2017).

Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google)¹

К. Б. Зуев, Т. А. Нестик

Введение

В последние годы исследователи все чаще используют количественные показатели научной деятельности при анализе состояния психологической науки (Юревич, Юревич, 2016; Костригин, Калинин, 2017). Существуют примеры использования наукометрии в историко-психологических исследованиях (Колышкина, Олейник, 2002); в исследованиях влияния тех или иных ученых (Коннов, Юревич, 2014); в социальной психологии знаний (Журавлев, Ушаков, Нестик, Поддьяков, Юревич, 2016) и др. Кроме того, в последние годы в нашей стране стали появляться библиометрические исследования, нацеленные на сравнение российских и мировых трендов развития науки (см., напр.: Ерёмченко, Алиев, 2015). В первую очередь это связано с научно-организационными причинами: наукометрия стала инструментом, который напрямую влияет на финансирование научных организаций и отдельных научных сотрудников.

Между тем, библиометрический анализ позволяет не только оценить конкурентоспособность отечественных исследователей на мировой арене, но и выявлять тенденции развития науки. К сожалению, внимание исследователей по большей части сосредоточено на оценке представленности российской науки в зарубежных журналах, тогда как библиометрический анализ тематики исследований по отдельным дисциплинам остается редким. Восполнить этот пробел на примере психологии призвана данная статья. Опираясь на анализ публикаций, индексируемых в наукометрической базе *Web of Science core collection (WoS)*, мы предпринимаем попытку выделить наиболее активно развивающиеся направления и предметные области в мировой психологии.

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00675А.

Методика

Для корректного сравнения российской и мировой психологии было бы логично использовать отечественный наукометрический инструмент, расположенный на платформе elibrary.ru. Но, к сожалению, пока это не представляется возможным, поскольку принципы формирования российской базы на данный момент до конца не устоялись. Последняя реформа, разделившая весь массив публикаций на три отдельных, построенных иерархически, состоялась весной 2017 г. Кроме того, рубрикатор elibrary калькирован из Государственного рубрикатора научно-технической информации (ГР-НТИ) и в значительной мере устарел.

Для анализа нами была выбрана база WoS, которая представляется наиболее сбалансированной по параметрам качества публикаций и репрезентативности. Критерии отбора журналов здесь весьма строгие, «текучесть» журналов (т. е. включение и исключение из базы), по сравнению с другой популярной междисциплинарной базой Scopus, относительно невелика. Репрезентативность массива представленных в базе научных данных существенно возросла после включения в нее Emerging Science Citation Index (ESCI).

В базе нами был выбран массив публикаций по теме «психология» (в контекстном меню поисковой строки был выбран тип «topic», в саму поисковую строку введено слово «psychology»). Общее количество публикаций составило около 124 тысяч наименований. Были проанализированы: динамика количества публикаций по годам, тематика публикаций по двум рубрикаторам, основные типы публикаций, их региональный и языковой охват. При анализе отдельных предметных полей для поиска по базе использовались ключевые слова. В специальную таблицу заносились: общее количество публикаций, в заголовке, аннотации или ключевых словах которых присутствует искомое предметное поле, а также количество публикаций, вышедших в 1977, 2010 и 2016 гг. При анализе направлений составлялась аналогичная таблица с добавлением информации о наличии специализированного журнала в рамках данного направления и, в случае если журнал издается, с указанием его импакт-фактора.

Региональный охват публикаций изучался при помощи инструмента In Cites Essential Science Indicators. К сожалению, в данном сервисе отсутствует детальный рубрикатор: психология и психиатрия объединены в одну рубрику, для всех социальных наук также выделена только одна рубрика. Нами проводился анализ по рубрике «psychology/psychiatry».

Полученные данные сравнивались нами с результатами экспертного опроса, проведенного в 2016 г. специалистами Института психологии РАН (Журавлев, Нестик, Юревич, 2016). Результаты опроса позволили выявить представления российских психологов о наиболее актуальных и перспективных областях нашей науки, о соотношении науки и практики, о поиске единой теории или же мультипарадигмальности, о месте российской психологии в мировом научном пространстве.

Представленность российской психологической науки в базе WoS

Первый библиометрический показатель, проанализированный нами, – *регионы и языки публикаций*. Как и следовало ожидать, наиболее распространенным языком является английский. На нем написано 88% материалов. На втором месте оказался немецкий язык (4%). Третье место фактически разделяют русский, французский и испанский языки (1,9%).

Следует признать, что наукометрическая база Web of science является продуктом, разработанным в США и, хотя и позиционируется как международная, имеет определенный «крен» в сторону американских изданий. Тем не менее, вхождение русского языка в тройку лидеров, пусть и с большим отрывом от английского – международного научного языка, может служить объективным индикатором значимости российской психологии в мире. В 2016–2017 гг. значительное число российских журналов было подключено к новому индексу Emerging Sources Citation Index (ESCI), который в свою очередь вошел в ядро WoS. Это свидетельствует о признании роли русского языка в мировой науке. Также на базе elibrary был создан национальный индекс Russian Science Citation Index (RSCI), который вошел в WoS как национальная база (первой национальной базой WoS стала китайская).

В то же время данные о региональном охвате публикаций WoS свидетельствуют о крайне низкой представленности российских психологов в зарубежных журналах. Лидером по числу *публикаций* (напомним, что речь идет о рубрике «психология/психиатрия») являются США. В пятерку лидеров также входят (по мере убывания числа публикаций): Англия, Германия, Канада, Австралия. Десятку лидеров замыкает Китай, Россия находится на 34 месте между Индией и Мексикой. Наш отрыв по числу публикаций от США составляет примерно два порядка.

Не лучше дела обстоят и с *цитированием*. Пятерка лидеров практически та же: США, Англия, Канада, Германия, Нидерланды. Австралия находится на 6 месте. На десятом месте находится Швейцария, Китай на пятнадцатом. Российская Федерация занимает 47 строчку с количеством цитирований примерно в 50 раз меньшим, чем США.

Результаты свидетельствуют о том, что статьи российских психологов весьма слабо представлены в базе Web of science core collection, а те, что представлены, явно недостаточно цитируются. В этой связи можно согласиться с позицией А. М. Двойнина, который указывает на *коммуникационную изоляцию* отечественной психологии от зарубежной. Среди ее причин автор выделяет языковой барьер, специфику организации и функционирования отечественной науки, управленческую политику в области отечественной науки (Двойнин, 2015). К этому необходимо добавить сложность правил, выдвигаемых зарубежными журналами, в том числе требований к аппарату математической статистики, которым отечественные психологи не всегда владеют на нужном уровне. Отечественные авторы продолжают предпочитать публикации на русском языке, а редакционные коллегии журналов – совершенствовать требования к публикациям, стараясь довести их до мировых стандартов. Альтернативным путем могла бы стать подготовка рукописей для публикаций в иностранных журналах и включение российских психологов в международные редакционные коллегии. Этот путь требует, помимо собственно воли ученых, административной и финансовой поддержки, которую очень сложно получить в текущих социально-экономических условиях. Как следствие, на данный момент количество публикаций на иностранных языках, подготовленных учеными из России, крайне мало. Также относительно редки публикации, подготовленные в соавторстве с зарубежными коллегами. Часто приходится слышать возражение, что в современной науке, во-первых, остается влиятельным немецкий язык, а, во-вторых, становится все более и более значимым китайский. Отметим, что психологические публикации на китайском языке занимают пока восьмую строчку рейтинга и составляют всего две десятых процента. Бесспорно, международным средством научного общения сегодня является английский язык.

Коммуникационная изоляция российской психологии не только ограничивает потенциал российского психологического сообщества, но и обедняет идейное разнообразие самой мировой психологии, ее эвристические возможности. Одним из многочисленных дока-

зательств востребованности отечественной психологической традиции в мировой психологии может служить тот факт, что по итогам проведенного нами анализа динамики публикаций в журналах WoS за 2010–2016 гг. число статей, посвященных теории деятельности, возросло более чем в 12 раз (см. таблицу 2 в Приложении).

Вопрос о том, насколько необходимы российским психологам публикации в англоязычных журналах, часто связывается с вопросом о самобытности российской психологии, о соотношении национального и интернационального в науке. Дискуссия на эти темы не теряет своей актуальности (Новое в науках..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.) и велась в том числе на страницах «Психологического журнала». Как отмечают Б. Шефер и Б. Шлёдер, научное познание направлено на выявление универсальных закономерностей и, следовательно, должно иметь независимое международное значение, преодолевать коммуникативные барьеры (Шефер, Шлёдер, 2014). По мнению авторов, культурное своеобразие науки может сыграть свою продуктивную роль в процессе интернационализации только при одновременном дальнейшем развитии методов исследования с учетом международных стандартов. В. И. Коннов рассматривает национальное своеобразие науки через понятие научно-исследовательской культуры, в котором выделяет формальный и неформальный компоненты, ценности и практики научно-исследовательского сообщества и др. (Коннов, 2014).

Принципиально разные позиции по данному вопросу сформулированы Т. В. Корниловой (Корнилова, 2015) и А. В. Юревичем (Юревич, 2015). Корнилова рассматривает мировую психологическую науку как единое образование. Разница же в развитии национальных наук объясняется гетерохронностью исторического становления: «В своей универсальной составляющей наука интернациональна; при этом нельзя отрицать своеобразия теорий, включающих как компоненты личностного знания, так и принятие постановки проблем, оказавшихся ведущими в рамках «национальных» наук как исторически конкретных образований — с их предпочтениями в методологии, ценностных ориентациях, приверженности к определённым темам» (Корнилова, 2015, с. 91). В то же время исторически, социально-идеологически и культурно определяемая специфика научного знания, мировоззренческие установки психологов — все это не может изменить критерии научного знания, и научное сообщество в целом остается наднациональным (там же, с. 92).

Юревич, напротив, считает, что практически любая наука имеет национальные и культурные особенности: «Прояснить их соотношение (национального и интернационального. — К. З., Т. Н.) в научном познании можно, препарировав его наиболее простым и общепринятым в науковедении способом: во-первых, вычленив *объект* (изучаемая реальность), *продукт* (научное знание) и *процесс* познания, во-вторых, дифференцировав его *когнитивную* и *социальную* составляющие, в-третьих, проведя различие между *естественными* и *социогуманитарными* науками» (Юревич, 2015, с. 124). По мнению автора, национальные особенности пронизывают буквально все сферы науки. Поскольку возможны принципиально различные системы объяснения реальности (например, корпускулярная и квантовая теории), могут существовать и национальные науки. Иными словами, можно сформулировать принципиально различные виды знания об одной и той же реальности, и это создает пространство для возникновения национальных особенностей знания (там же, с. 126). Объекты наук о человеке и об обществе неизбежно оказываются окрашенными в национальные цвета. Юревич указывает на глубокую связь российского менталитета не только с предпочитаемыми учеными темами исследования, но и с конкретными методами, использующимися для изучения интернациональных объектов.

На наш взгляд, приведенные позиции исследователей дополняют друг друга. Действительно, в ходе развития мировой психологии происходит уточнение универсальных закономерностей, накопление знаний, соответствующих критериям воспроизводимости, верифицируемости/фальсифицируемости. Вместе с тем, появление новых психологических концепций, накопление научных данных, как и процесс их признания в научной среде, неразрывно связаны с ценностями и мировоззрением ученых. Разнообразие подходов, в том числе родившихся в рамках национальных психологических школ, создает «цветущую сложность», возможность межкультурного и межпарадигмального диалога, в котором рождаются новые направления исследований. В этом смысле востребованность отечественных подходов в мировой психологической науке зависит не столько от активного участия российских психологов в зарубежных конференциях или от числа их публикаций в зарубежных журналах, сколько от числа совместных исследовательских проектов.

Библиометрический анализ показывает, что российская психология стремится к формальным зарубежным образцам в правилах подготовки публикаций, которые, в свою очередь, фиксируют

правила построения экспериментов, обработки результатов и др. Об этом свидетельствует включение значительного количества российских психологических журналов в рейтинг ESCI. С другой стороны, на данный момент российские публикации, размещаемые в WoS core collection, мало цитируются. Так, импакт-фактор WoS одного из самых авторитетных научных изданий по психологии — «Психологического журнала» — приближается к нулю. Полученные данные полностью согласуются с результатами экспертного опроса российских психологов. Большинство опрошенных (52%) считают, что в будущем отечественная психологическая наука продолжит ориентироваться на зарубежные образцы, но отчасти сохранит свою самобытность (Журавлев, Нестик, Юревич, 2016, с. 49).

Если публикации, индексируемые в международных базах, будут оставаться основным критерием оценки деятельности учебных и организаций, можно ожидать постепенного роста их числа. Но уровень их цитирования будет зависеть от других факторов: качества публикаций, новизны идей, включенности российских ученых в международные проекты, посещения российскими учеными международных конференций, расширения международных грантовых программ, включения российских ученых в международные редколлегии и др. Представляется, что стимулирование одной лишь публикационной активности не может привести к росту влияния отечественной науки в мире.

Библиометрический анализ развития основных направлений психологии

Напомним, что российские психологи не прогнозируют роста приоритета психологии и наступления «Психозойской эры» (Журавлев и др., 2016, с. 46). Результаты экспертного опроса, проведенного специалистами Института психологии РАН, а также серия интервью с отечественными психологами (Нестик, 2017) указывает на то, что судьба психологии как самостоятельной науки вызывает сомнения в экспертном сообществе. Высказываются опасения, не растворится ли психология в науках о жизни, в анализе больших данных, в изучении искусственного интеллекта или в более традиционных педагогике и философии. Дискуссии о возможности превращения психологии в естественно-научную дисциплину под влиянием нейронаук ведутся и за рубежом (Schwartz et al., 2016).

С целью оценки вероятности таких рисков нами были отдельно проанализированы динамика количества публикаций по психоло-

гии, динамика публикаций по основным (в том числе междисциплинарным) направлениям психологии без привязки к тематическому рубрикатору и динамика количества публикаций по ряду предметных полей, которые признаются экспертами в качестве перспективных с позиции развития психологической науки.

По типу публикаций первую строчку ожидаемо занимают статьи (62% всех публикаций), на второй позиции находятся обзоры книг (15%), далее следуют тезисы и материалы конференций (9,6%), редакторские материалы (6%), обзоры (4,7%), главы из книг (3,5%), письма (0,9%), заметки (0,6%) и на последнем месте – книги (0,5%). Как известно, WoS создавалась Ю. Гарфилдом именно для анализа журнальных публикаций. Однако как в отечественной науке, так и в зарубежной авторские монографии являются важными индикаторами «перехода количества в качество»: появление монографий и сборников символизирует признание новых научных направлений и обозначает новые вехи в развитии уже сложившихся. Тенденция игнорировать монографию как вид публикации является неприемлемой, особенно для социогуманитарных наук (Зуев, 2016). Представители наукометрических баз в целом придерживаются такой же точки зрения, но трудности определения критериев для отбора монографий пока остаются неразрешенными.

Динамика количества публикаций по годам выглядит следующим образом. В 2016 г. было опубликовано 7985 работ. Если сравнивать с другими (в первую очередь техническими) областями науки, это немного. Но если сравнить с количеством психологических публикаций в другие годы, можно заметить некоторый рост. Так, в 2015 г. было опубликовано 7863 работы, что примерно соответствует уровню 2016 г. Значительный прирост был зафиксирован между 2014 и 2015 гг. и составил 1000 единиц. В 2011–2013 гг. количество публикаций оставалось на уровне примерно 6200 в год. Между 2007 и 2008 гг. количество публикаций также выросло примерно на 1000 единиц (3849 и 5876, соответственно). Отметим, что в 1997 г. количество публикаций было равно 2395. Кроме того, следует учитывать и значительное количество публикаций по психотерапии, которые не попадают в наукометрические базы. Еще 20 лет назад Ч. Райс писал, что практическая и научная психология фактически превратились в две различных, не пересекающихся области знания. Причем, в отличие от отечественной традиции, которая включает в практическую психологию в том числе методы тестирования, работы с организацией, деятельность в специальных условиях и многое другое, Райс под практической психологией подразумевает помо-

гающие методы воздействия, в первую очередь психотерапию (Rice, 1997). Указанный разрыв («схизис» в терминологии Ф. Е. Василюка) в данный момент в значительной мере сохраняется в нашей стране и в такой же значительной мере преодолен на Западе. Так, психотерапевтические практики проходят в США установленную Американской психологической ассоциацией процедуру стандартизации.

С одной стороны, на основании этих данных можно утверждать, что психология как научная дисциплина и социальный институт не переживает спада или стагнации, с другой — предположить, что значимость психологической проблематики в науках о человеке растет (см.: Методология комплексного человекознания..., 2008; Развитие психологии..., 2012; и др.), тогда как ее разработкой все чаще занимаются исследователи, ассоциированные с другими научными дисциплинами.

В частности, не все публикации, фактически посвященные психологической проблематике, имеют в своем заголовке и теме слово «психология». Американский исследователь Дж. Брей в качестве примера приводит науки о развитии, когнитивные науки, нейробиологию (Bray, 2010). И этот перечень далеко не полный. Подобное положение дел характерно не только для США. В 2017 г. Российский научный фонд поддержал исследования по нейронаукам, выполняемые физиками из Саратова. Никакого упоминания психологии в поддержанном проекте нет.

Еще одно направление, которое все ближе и ближе подходит к психологическим проблемам, — это медицина. Одними из самых распространенных заболеваний в мире, которые ведут к потере работоспособности, являются диабет, сердечные-сосудистые заболевания (в частности гипертония), депрессия. В медицинской среде растет понимание того, что все эти болезни в той или иной степени связаны с образом жизни человека. А образ жизни — это в том числе психологическая проблематика. И хотя психология здоровья занимает относительно небольшую нишу в общем числе публикаций (см. таблицу ниже), значительное количество фактически психологических публикаций делается в области медицины.

Преодоление разрыва между практической и научной психологией, а также утверждение психологического глоссария в нейронауках, науках о развитии и других областях могло бы значительно повысить формальный показатель числа психологических публикаций в библиометрических базах. Но нельзя исключать и другого сценария: «интервенция» со стороны экономической теории, наук о жизни, исследований искусственного интеллекта приведет

к вытеснению части традиционных психологических понятий новыми, пришедшими из естественных наук и математики. На возможность такого развития событий (о проблематизации междисциплинарности см.: Психология: современные направления..., 2003; Головей, Журавлев, 2017) косвенно указывает значительный перевес междисциплинарных исследований в рамках темы «Психология» по данным WoS. Сегодня их число составляет 26% – вчетверо больше, чем по любому другому направлению (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение числа публикаций по категориям Web of Science в рамках темы «Psychology»

Название категории	Процент от общего числа публикаций	Название категории	Процент от общего числа публикаций
Мультидисциплинарные исследования в области психологии	26	Философия	2,7
Прикладная психология	7	Междисциплинарные исследования в области социальных наук	2,5
Клиническая психология	6,9	Защита публичного здоровья	2,4
Социальная психология	6,7	Бизнес	2,3
Исследования в области образования	5,9	Нейронауки	2,3
Психология образования	4,7	Социология	1,9
Психиатрия	4,6	Науки о поведении	1,6
Экспериментальная психология	4,6	Исследования искусственного интеллекта	1,6
Менеджмент	3	Религия	1,6
Психология развития	2,7	Науки о спорте	1,6

Напомним, что в качестве основных приоритетных направлений российские психологи выделяют: когнитивную психологию; психологию личности и дифференциальную психологию; социальную, экономическую и организационную психологию; нейропсихологию; клиническую психологию (Журавлев, Нестик, Юревич, 2016). Сравним полученные результаты также и с теми точками

роста, которые выделил для психологической науки Джеймс Брей, бывший президент Американской психологической ассоциации. Он констатирует следующие зоны роста для психологической науки: трансляционная наука и исследования сравнительной эффективности, поведение и изменения климата, поведенческие аспекты генетических исследований, прикладная эргономика и психотехника (авиация, здоровье, компьютер «человек—машина»), психология как ядро дисциплин STEM¹, поведенческая экономика, когнитивные нейронауки, компьютерное моделирование, анализ данных, нелинейные методы (Bray, 2010, с. 263). При этом автор подчеркивает, что основным трендом современных междисциплинарных исследований является так называемая *большая наука* — масштабные проекты, в которых принимают участие специалисты из самых разных областей. Как можно заметить, отечественные эксперты склонны в целом выделять перспективы в рамках собственно психологии, в то время как эксперт из США максимально расширяет область применения психологического знания и подчеркивает его принципиальный междисциплинарный характер.

Действительно, результаты библиометрического анализа показывают, что междисциплинарные исследования лидируют в общем числе публикаций, однако же отечественные эксперты более точно выделяют наиболее влиятельные области, в том числе клиническую и социальную психологию. Удивительным представляется отсутствие в категориях WoS военной психологии и относительно небольшой процент публикаций по вопросам психологии здоровья. Именно на этих двух областях делают акцент в своих статьях Д. Брей и известный американский психолог М. Селигман с соавтором (Seligman, Fowler, 2011). Возможно, ученые, фактически занимающиеся психологическими исследованиями, не идентифицируют себя как психологи, обозначая свои работы как медицинские, военные, биологические и др.

Особый интерес представляют результаты анализа динамики публикаций по отдельным направлениям (см. таблицу 2 в Приложении). Сопоставление числа публикаций в 2010 и 2016 гг. показывает, что наибольший интерес исследователей вызывает проблематика, связанная с прикладными областями, — психопатология (прирост в 1,4 раза), психотерапия (прирост в 1,4 раза), психомет-

1 STEM (science, technology, engineering, mathematics) — термин, используемый для обозначения ключевых научных дисциплин (наука, технология, инженерия, математика).

рика (прирост в 2 раза). В число наиболее активно развивающихся входит позитивная психология (прирост в 2,6 раз), социальная психология (прирост в 1,6 раз), психология образования (прирост в 2,1 раза), нейропсихология и когнитивная психология. Как нам представляется, интерес к данным областям связан с изменениями, происходящими в современном турбулентном обществе, а также с появлением новых методов исследования. Бурный рост публикаций в области психометрики и психофизики может быть связан с ростом доступности технологий обработки больших данных, исследованиями юзабилити и нейромаркетингом. Востребованность психотерапии, коучинга, клинической, социальной психологии можно связать с ростом скорости социальных и технологических изменений, влекущих за собой повышение уровня неопределенности, напряженности внутриличностных, межличностных и межгрупповых конфликтов. В развитых странах мира отмечается рост числа психологических заболеваний, кризис доверия к социальным институтам, рост ксенофобии и популизма. Повышение продолжительности активной жизни, изменение карьерных траекторий, потребность в новых компетенциях и образовательных технологиях обуславливают востребованность психологии образования.

Определенное представление о востребованности той или иной дисциплины можно составить, опираясь на данные об интересе к соответствующим темам среди интернет-пользователей. По данным аналитического сервиса Google Adwords, с помощью которого мы сопоставили число англоязычных «психологических» поисковых запросов Google от пользователей по всем странам по состоянию на октябрь 2017 г., наиболее популярными являются запросы, связанные с психотерапией и психоанализом (по 110000 запросов в месяц), на втором месте — судебная психология (90500 поисковых запросов), на третьем месте — социальная психология и нейропсихология (по 60500 запросов), на четвертом — когнитивная психология и психология развития (по 49500 запросов). Наконец, пятое место разделяют психометрика, позитивная психология, психология образования, психология спорта и патопсихология (у всех по 40500 поисковых запросов в месяц). С небольшим отрывом от перечисленных нами направлений в число наиболее остро интересующих интернет-пользователей входят психологическое консультирование, психология здоровья, прикладной поведенческий анализ, гуманистическая психология и эволюционная психология (у всех примерно по 30 тыс. поисковых запросов). Полные данные о частоте поисковых запросов приведены в последнем столбце таблицы 2 Приложе-

Таблица 2

Динамика числа психологических публикаций
по некоторым ключевым словам в 2010–2016 гг. в базе WoS

Ключевые слова	1977 г.	2010 г.	2016 г.	Всего	Коэффициент роста
gamification	0	0	678	1796	678
big data	0	17	7250	20452	426,5
sentiment analysis	0	81	1039	3423	12,8
digital footprints	0	2	25	95	12,5
eyetracking	3	357	1348	8217	3,8
augmented reality	0	407	1398	9665	3,4
collective (group) emotions	0	7	21	97	3,0
network analysis	14	1260	3607	24105	2,9
social engineering	3	46	130	898	2,8
data-driven analysis	0	26	70	367	2,7
grand challenges	0	66	133	1117	2,0
artificial intelligence	21	1244	2399	28558	1,9
collective intelligence	0	102	179	1401	1,8
virtual reality	0	1433	2497	26242	1,7
neuroscience	3	1996	3452	34598	1,7
computational linguistics	2	74	126	1173	1,7
genetic engineering	17	496	786	11552	1,6
telepresence	0	87	136	1920	1,6
aging	809	11456	17624	241826	1,5
smart materials	0	251	372	4307	1,5
longevity	75	2490	3434	46343	1,4
cyberpsychology	0	6	8	59	1,3
brain sciences	1	18	24	279	1,3
genetics	357	8487	10174	159907	1,2
brain-to-computer interfaces	0	1	1	4	1,0
future of psychology	0	4	3	70	0,8

ния. Сопоставление результатов анализа публикаций в журналах WoS и поисковых интернет-запросов показывает схожую картину: наиболее популярными у исследователей и востребованными в обществе оказались отрасли практической психологии, а также социальная, когнитивная психология и нейронауки. Можно предположить, что именно эта все более тесно связанная триада направлений (социально-психологические, нейробиологические и когнитивные исследования) является тем самым мейнстримом, с развитием которого связаны изменения в тематике и подходах психологических исследований в других областях психологии — от психологии личности до психофизиологии. По-видимому, в ближайшие годы можно ожидать появления новых междисциплинарных направлений (подробнее см.: Китова, Журавлев, 2017; Нестик, Журавлев, 2016; и др.), ориентированных на социально-психологическую проблематику и широко использующих методы когнитивных и нейронаук. Примером может служить активно развивающееся направление исследований «социального мозга» на стыке нейробиологии и социальной психологии. Исследования в традиционных психологических дисциплинах будут приобретать все более социально-психологическую направленность.

Анализ базы WoS по ключевым словам показал справедливость оценок тех российских экспертов, которые указывали на интенсивное развитие психологии Интернета и цифровых технологий (см. таблицу 2). Действительно, между 2010 и 2016 гг. в научных журналах произошло резкое увеличение числа психологических публикаций, посвященных виртуальной реальности (в 1,7 раза), дополненной реальности (в 3,4 раза), искусственному интеллекту (в 1,9 раза), компьютерной лингвистике (в 1,7 раза), сетевому анализу (в 2,8 раза). Число исследований, выполненных с использованием айтрекинга, выросло в 3,8 раза. Вместе с тем предсказываемый экспертами всплеск психогенетических исследований пока не произошел: число публикаций, посвященных генетике и геномной инженерии в области психологии, хотя и велико, но за последние 6 лет выросло не так значительно (в 1,2 раза).

В связи с обсуждением роли цифровых технологий в психологии, которое уже ведется на страницах российских журналов (см., например, статьи: Меньшикова и др., 2015; Агадуллина, 2015; Нестик, Журавлев, 2016; Нестик, 2017), вызывает сильное удивление тот факт, что эксперты, опрошенные специалистами ИП РАН, даже не упомянули о последствиях прихода в психологию технологий работы с большими данными. Между тем именно в этой области

за последние 6 лет произошли наиболее кардинальные изменения: анализ публикаций WoS за 2010–2016 гг. показал, что число психологических исследований, посвященных цифровым следам личности, выросло в 12 раз, а посвященных big data — в 426 раз (с 17 публикаций в 2010 г. до 7250 публикаций в 2016 г.)! В России аналогичные исследования уже ведутся, хотя отставание в этой области от коллег из США очень велико. На наш взгляд, возможность прорыва в данной области связана не с психологической интерпретацией цифровых следов отдельных интернет-пользователей, а с разработкой социально-психологических моделей, позволяющих анализировать цифровые следы межличностного, группового и межгруппового взаимодействия.

Тот факт, что революция больших данных осталась не замеченной российскими академическими психологами, заставляет нас вернуться к обсуждению причин того, почему будущее психологии и те вызовы, на которые психологам предстоит ответить в ближайшие 10–20 лет, относительно редко обсуждаются в психологической среде. Как было замечено авторами экспертного опроса, проведенного ИП РАН (Журавлев и др., 2016), для российского психологического сообщества в целом остается нехарактерной ориентация на будущее. Но и анализ зарубежных журналов базы WoS показывает, что внимание к будущему психологии за последние годы существенно не увеличилось: число статей, посвященных большим вызовам, выросло в 2 раза, тогда как число статей, посвященных будущему самой психологии, стало меньше на 25%. По-видимому, рефлексия происходящих в психологии изменений и анализ возможных сценариев ее развития должна стимулироваться целенаправленно отечественными и зарубежными журналами. Так, например, журнал «Frontiers in Psychology» создал рубрику «Большие вызовы для психологии в XXI веке», в рамках которой в 2015–2017 гг. вышла целая серия публикаций. «Психологический журнал» РАН в 2017 г. открыл новую рубрику «Перспективы психологической науки».

Опираясь на проведенное исследование, можно сделать ряд *выводов*. Во-первых, незначительная представленность российских ученых в зарубежных журналах (47 место и всего 2 высокорейтинговые статьи) обедняет как отечественную, так и мировую психологию. Коммуникационную изоляцию отечественной психологии помогло бы преодолеть целенаправленное стимулирование участия российских ученых в международных исследовательских про-

ектах. Во-вторых, анализ публикаций указывает на интенсивный рост междисциплинарных исследований, а также на «интервенцию» со стороны наук о жизни и обработки больших данных, которые могут привести к размыванию границ психологии и ее постепенному превращению из гуманитарной в естественно-научную дисциплину. В-третьих, анализ динамики научных публикаций за последние 6 лет, а также поисковых запросов интернет-пользователей указывает на то, что в ближайшие годы можно ожидать появления новых направлений исследований, ориентированных на социально-психологическую проблематику, широко использующих методы когнитивных и нейронаук, а также опирающихся на изучение «цифровых следов» личности и группы.

Представленные в статье данные позволили выделить только общие тенденции. Для более детального изучения в будущем планируется провести анализ заголовков, ключевых слов, тематики журналов и др. Акцент будет сделан на месте отечественной психологии в мировой науке и на сопоставлении тематики отечественных и зарубежных исследований.

В заключение хотелось бы отметить ряд изменений в количественных показателях психологической науки, которых, по нашему мнению, можно ожидать под влиянием глобальных и национальных трендов. Во-первых, развитие открытой науки, использование краудсорсинга при организации исследований, а также все большая направленность финансирования науки на решение общественно значимых задач приведут к все более частому использованию количественных показателей, основанных на цитируемости научных публикаций в социальных сетях. Во-вторых, кризис низкой воспроизводимости результатов психологических исследований, а также политика журналов, направленная на повышение доступности «сырых» данных публикуемого исследования, приведут к тому, что в качестве одного из индикаторов востребованности исследования будет использоваться частота повторного использования данных, собранных исследователями. Наконец, дальнейшее развитие Интернета вещей, «облачных» технологий и «поточковой» аналитики создает все больше предпосылок для создания ситуации, когда эмпирические данные появляются раньше, чем гипотезы, а скорость исследовательского цикла сокращается. Это может привести к росту значимости опережающих показателей: препринты, а также публикация данных в социальных сетях для дальнейшего обсуждения будут рассматриваться как все более важные количественные индикаторы активности исследовательских групп.

Литература

- Агадуллина Е. Р.* Пользователи социальных сетей: современные исследования // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 36–46.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л.* Принцип целостности и междисциплинарные исследования // Ананьевские чтения – 2017: Перспективность психологической науки: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. А. Головей, А. В. Шаболтас. СПб: Айсинг, 2017. С. 97.
- Двойнин А. М.* Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.
- Еремченко О. А., Алиев В. О.* Сравнительный анализ исследовательских стратегий социальных наук России и мира // Экономика науки. 2015. № 1. С. 48–61.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зуев К. Б.* Культура научных публикаций в России и западных странах на примере психологии // Инициативы XXI века. 2016. № 3–4. С. 57–60.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 10–21.
- Колышкина А. В., Олейник Ю. Н.* Использование количественных методов в исследованиях тенденций развития современной психологии // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 288–298.
- Коннов В. И.* Социально-психологические основы национальной исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.
- Коннов В. И., Юревич М. А.* Тенденции цитирования в российских и зарубежных психологических журналах // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 42–51.

- Корнилова Т. В. Интернациональность психологии vs «национальные психологии» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91–99.
- Костригин А. А., Калинин И. В. К проблеме публикационной активности российских ученых в научных журналах (ко Дню российской науки) // Наука. Мысль. 2017. № 2. URL: enews.esrae.ru/53-700 (дата обращения: 14.12.2017).
- Меньшикова Г. Я., Зинченко Ю. П., Ковалев А. И., Шайгерова Л. А. Новые информационные технологии в социальных исследованиях: постнеклассическая парадигма // Национальный психологический журнал. 2015. № 3 (19). С. 1–10.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Нестик Т. А. Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2017. № 3. С. 6–15.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психологические факторы негативно-го отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Шефер Б., Шлёдер Б. Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 90–94.

- Юревич А. В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.
- Юревич А. В., Юревич М. А. Наукометрические показатели научной продуктивности и их форсирование в российском психологическом сообществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n46/1265-yurevich46> (дата обращения: 22.12.2017).
- Bray J. H. The future of psychology practice and science // *American Psychologist*. 2010. V. 65 (5). P. 355–369.
- Rice C. E. The scientist–practitioner split and the future of psychology // *American Psychologist*. 1997. V. 52 (11). P. 1173–1181.
- Seligman M. E. P., Fowler R. D. Comprehensive soldier fitness and the future of psychology // *American Psychologist*. 2011. V. 66 (1). P. 82–86.
- Schwartz S. J., Lilienfeld S. O., Meca A., Sauvign K. C. The role of neuroscience within psychology: A call for inclusiveness over exclusiveness // *American Psychologist*. 2016. V. 71 (1). P. 52–70.

Приложение

Таблица 1

Численность публикаций по психологии по отдельным странам (данные WoS за 2017 г.).

Страна	Число публикаций в WoS	Цитируемость	Средняя цитируемость одной публикации	Число наиболее цитируемых публикаций
1 США	173007	2565540	14,83	2443
2 Англия	41590	620175	14,91	722
3 Канада	28598	400960	14,02	387
4 Германия	30500	372904	12,23	326
5 Голландия	20623	322366	15,63	384
6 Австралия	23952	283754	11,85	286
7 Италия	11795	138604	11,75	150
8 Испания	14680	127038	8,65	117
9 Франция	11076	111702	10,09	112
10 Швейцария	7947	109723	13,81	128
11 Бельгия	7519	108219	14,39	139

Продолжение таблицы 1

Страна		Число публикаций в WoS	Цитируемость	Средняя цитируемость одной публикации	Число наиболее цитируемых публикаций
12	Швеция	6518	82333	12,63	90
13	Израиль	6854	81499	11,89	75
14	Шотландия	4988	72737	14,58	69
15	Китай	8671	64550	7,44	47
16	Япония	6887	57127	8,29	49
17	Норвегия	4758	55203	11,6	47
18	Бразилия	5424	48010	8,85	79
19	Дания	3616	47878	13,24	90
20	Финляндия	3637	47082	12,95	41
21	Новая Зеландия	3582	46236	12,91	54
22	Уэльс	3059	44133	14,43	49
23	Гонконг	3987	43282	10,86	32
24	Австрия	3291	36879	11,21	43
25	Южная Корея	4369	34346	7,86	22
26	Тайвань	4443	34261	7,71	19
27	Ирландия	2320	28923	12,47	36
28	Сингапур	2155	23651	10,97	24
29	Южная Африка	3270	22483	6,88	28
30	Турция	4567	21743	4,76	9
31	Португалия	2912	19960	6,85	16
32	Польша	2767	18537	6,7	18
33	Греция	1659	15988	9,64	11
34	Индия	1984	15919	8,02	17
35	Венгрия	1146	15205	13,27	23
36	Мексика	1683	14307	8,5	26
37	Северная Ирландия	919	9740	10,6	10
38	Колумбия	764	8498	11,12	17
39	Чили	1437	7736	5,38	5
40	Румыния	715	7359	10,29	17

Библиометрический анализ развития психологических исследований

Страна		Число публикаций в WoS	Цитируемость	Средняя цитируемость одной публикации	Число наиболее цитируемых публикаций
41	Аргентина	937	6962	7,43	6
42	Ливан	252	6919	27,46	16
43	Иран	1052	6493	6,17	3
44	Чешская Республика	1001	6267	6,26	4
45	Нигерия	461	6058	13,14	12
46	Эстония	438	5642	12,88	8
47	Россия	1709	5619	3,29	2
48	Хорватия	807	5586	6,92	3
49	Малайзия	795	4543	5,71	2
50	Исландия	371	4430	11,94	4
51	Словения	436	4064	9,32	6
52	Болгария	216	3909	18,1	8
53	Уганда	278	3332	11,99	3
54	Сербия	616	3180	5,16	3
55	Таиланд	455	3151	6,93	1
56	Саудовская Аравия	421	2731	6,49	8
57	Кипр	323	2578	7,98	3
58	Люксембург	291	2397	8,24	2
59	Кения	238	2388	10,03	4
60	Пакистан	290	2088	7,2	3
61	Украина	99	2014	20,34	4
62	Перу	241	1960	8,13	4
63	Литва	171	1800	10,53	1
64	Египет	235	1666	7,09	1
65	Филиппины	184	1556	8,46	0
66	Словакия	398	1491	3,75	1
67	Венесуэла	106	1224	11,55	1
68	Эфиопия	154	1167	7,58	2
69	ОАО	273	1101	4,03	0

Продолжение таблицы 1

Страна		Число публикаций в WoS	Цитируемость	Средняя цитируемость одной публикации	Число наиболее цитируемых публикаций
70	Тринидад и Тобаго	54	1056	19,56	1
70	Босния и Герцеговина	166	1056	6,36	0
72	Шри-Ланка	117	1024	8,75	1
73	Ирак	64	950	14,84	4
74	Индонезия	155	914	5,9	3
75	Коста-Рика	83	884	10,65	1
76	Танзания	113	807	7,14	0
77	Уругвай	79	780	9,87	1
78	Бангладеш	69	711	10,3	1
79	Вьетнам	120	650	5,42	0
80	Тунис	94	618	6,57	2
81	Замбия	66	557	8,44	0
82	Куба	72	548	7,61	0
83	Непал	67	545	8,13	1
84	Малави	54	535	9,91	0
85	Кувейт	103	534	5,18	0
86	Иордания	121	532	4,4	0
87	Беларусь	37	503	13,59	1
88	Гана	100	494	4,94	0
89	Макао	220	458	2,08	0
90	Парагвай	11	444	40,36	1
91	Зимбабве	69	437	6,33	0
92	Марокко	48	434	9,04	0
92	Грузия	77	434	5,64	0
94	Македония	45	421	9,36	0
95	Катар	107	396	3,7	0
96	Латвия	38	393	10,34	1
97	Ботсвана	53	324	6,11	0
98	Доминиканская Республика	20	293	14,65	0

Таблица 2

Динамика численности публикаций и число поисковых запросов в Интернете по отраслям психологии (по данным WoS и Google за 2017 г.).

Направление	Импакт-фактор журнала (при наличии) в 2016 г.	Число публикаций WoS 1977 г.	Число публикаций WoS 2010 г.	Число публикаций WoS 2016 г.	Число публикаций WoS всего	Разница между 2010 и 2016 гг. по числу публикаций	Количество поисковых запросов за 1 месяц в Google по всему миру в 2017 г.
Activity theory	нет	1	113	1429	1997	1316	6600
Psychopathology	1,604	100	2008	2815	42985	807	22200
Psychotherapy	2,573	428	2008	2781	50926	773	110000
Psychometrics	нет	2	292	578	5637	286	40500
Psychoanalysis	0,768	172	596	875	17684	279	110000
Positive psychology	2,327	0	162	421	2846	259	40500
Social psychology	2,159	125	352	558	8710	206	60500
Psychophysics	1,863	18	281	384	4388	103	9900
Educational psychology	3,459	30	73	154	1939	81	40500
Neuropsychology	3,286	19	585	649	12402	64	60500
Cognitive psychology	3,719	12	208	269	4067	61	49500
Psycho-oncology	3,095	0	40	99	1072	59	3600
Experimental psychology	1,829	14	57	114	1756	57	22200
Psycholinguistics	1,970	23	58	115	1459	57	12100

Продолжение таблицы 2

Направление	Импакт-фактор журнала (при наличии) в 2016 г.	Число публикаций WoS 1977 г.	Число публикаций WoS 2010 г.	Число публикаций WoS 2016 г.	Число публикаций WoS всего	Разница между 2010 и 2016 гг. по числу публикаций	Количество запросов за 1 месяц в Google по всему миру в 2017 г.
Health psychology	1,815	0	112	168	2263	56	27100
Developmental psychology	3,228	24	113	168	2733	55	49500
Personality psychology	нет	2	26	80	895	54	18100
Consumer psychology	3,385	0	68	118	908	50	5400
Sport psychology	0,610	1	79	120	1462	41	40500
Cultural psychology	нет	8	88	120	1545	32	4400
School psychology	3,000	12	71	103	1974	32	14800
Psychology of religion	0,897	12	14	41	588	27	2400
Psychophysiology	2,668	30	131	158	3394	27	5400
Political psychology	2,760	3	40	66	836	26	4400
Ecological psychology	1,227	2	23	45	465	22	880
Comparative psychology	2,268	4	17	36	528	19	2900
Forensic psychology	0,609	3	24	43	529	19	90500
Behavioral medicine	2,976	1	62	79	1718	17	2900
Applied Behavior Analysis	0,576	5	46	61	860	15	27100
Applied psychology	несколько журналов	9	22	35	830	13	8100

Направление	Импакт-фактор журнала (при наличии) в 2016 г.	Число публикаций WoS 1977 г.	Число публикаций WoS 2010 г.	Число публикаций WoS 2016 г.	Число публикаций WoS всего	Разница между 2010 и 2016 гг. по числу публикаций	Количество поисковых запросов за 1 месяц в Google по всему миру в 2017 г.
Music psychology	нет	2	6	17	135	11	5400
Critical psychology	нет	1	6	16	264	10	880
Industrial and organizational psychology	1,747	10	5	15	225	10	3600
Legal psychology	нет	2	2	12	119	10	1000
Discursive psychology	нет	0	43	52	545	9	720
Medical psychology	0,872	15	9	18	568	9	5400
Economic psychology	1,275	1	5	13	251	8	1300
Community psychology	2,108	14	44	51	1103	7	5400
Psychology of art	нет	0	3	10	126	7	4400
Distributed cognition	нет	0	52	58	785	6	1300
Behavioral genetics	нет	3	49	54	928	5	8100
Indigenous psychology	нет	0	4	9	119	5	480
Transpersonal psychology	нет	0	5	10	174	5	5400
Physiological psychology	нет	6	1	5	169	4	5400
Theoretical psychology	нет	0	4	7	155	3	320
Criminal psychology	нет	0	7	9	59	2	22200

Продолжение таблицы 2

Направление	Импакт-фактор журнала (при наличии) в 2016 г.	Число публикаций WoS 1977 г.	Число публикаций WoS 2010 г.	Число публикаций WoS 2016 г.	Число публикаций WoS всего	Разница между 2010 и 2016 гг. по числу публикаций	Количество запросов за 1 месяц в Google по всему миру в 2017 г.
Engineering psychology	нет	1	6	8	133	2	2900
Para psychology	0,107	30	10	12	735	2	22200
Performance psychology	1,930	0	7	9	49	2	22200
Police psychology	нет	0	0	2	30	2	1300
Abnormal psychology	5,722	7	12	13	396	1	40500
Anomalistic psychology	нет	0	0	1	15	1	390
Black psychology	1,660	0	0	1	29	1	1600
Clinical behavior analysis	нет	0	0	1	38	1	170
Cross-cultural psychology	1,657	8	33	34	597	1	3600
Differential psychology	нет	3	7	8	121	1	590
Peace psychology	нет	0	2	3	86	1	-
Social neuroscience	2,255	0	73	73	815	0	1900
Analytical psychology	0,071	12	30	29	503	-1	2400
Biological psychology	2,930	0	7	6	111	-1	22200
Occupational health psychology	2,679	0	10	9	127	-1	720

Библиометрический анализ развития психологических исследований

Направление	Импакт-фактор журнала (при наличии) в 2016 г.	Число публикаций WoS 1977 г.	Число публикаций WoS 2010 г.	Число публикаций WoS 2016 г.	Число публикаций WoS всего	Разница между 2010 и 2016 гг. по числу публикаций	Количество запросов за 1 месяц в Google по всему миру в 2017 г.
Psychohistory	0,086	18	4	3	291	-1	1900
Quantitative psychology	нет	0	3	2	44	-1	1300
Systems psychology	нет	0	1	0	11	-1	590
Cultural neuroscience	нет	0	18	16	143	-2	260
Psychonomics	нет	0	2	0	15	-2	1600
Biopsychology	нет	0	6	3	86	-3	12100
Military psychology	0,734	0	9	6	98	-3	4400
Humanistic psychology	0,689	10	27	23	430	-4	27100
Popular psychology	нет	0	7	2	57	-5	880
Mathematical psychology	1,377	2	10	4	193	-6	1000
Cognitive neuropsychology	1,146	0	22	15	518	-7	1300
Counseling psychology	2,516	15	90	83	1810	-7	33100
Investigative psychology	0,938	0	10	2	53	-8	1300
Evolutionary psychology	1,234	0	165	125	2561	-40	27100

Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе¹

Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Введение

Ускоряющиеся изменения в обществе и технологиях, происходящие в первые два десятилетия XXI в., а также нарастание глобальных природных и антропогенных рисков ставят новые задачи, требующие осмысления научным сообществом. В ближайшие 20 лет науке придется решать целый ряд важнейших проблем. Многие из этих *вызовов* носят социально-психологический характер: адаптация людей к глобальному изменению климата и угрозам продовольственной безопасности; рост социальной базы международного терроризма; конфликты, связанные с вынужденной массовой миграцией; социальные изменения, вызванные старением населения развитых стран; необходимость массового переобучения в связи с автоматизацией и умиранием традиционных профессий (Нестик, 2016).

В условиях быстрых технологических и социальных изменений растет *интерес ученых к будущему науки и конкретным научным направлениям*. Так, например, при поддержке Европейского союза в 2013–2014 гг. был проведен форсайт сценариев развития науки до 2030 г. (Research&Innovation Futures, 2030). В европейской науке существуют коммуникативные пространства для обсуждения будущего (например, проходящие раз в два года форумы Euroscience, проект Horizon 2020, виртуальные форсайт-площадки Евросоюза и др.). Япония, Франция, США, Германия, Англия, Китай, а теперь и Россия проводят регулярные общенациональные инновационно-технологические форсайты. Вместе с тем основное внимание в таких проектах уделяется развитию естественно-научного знания, тогда как будущее гуманитарных и социальных наук, осо-

1 Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

бенно психологии, обсуждается явно недостаточно (см.: Новое в науках о человеке..., 2015).

С одной стороны, глобальные изменения влекут за собой перемены в *научной политике*: ориентация финансирования науки на общественно значимые «большие вызовы», сокращение цикла НИОКР и трансляционные исследования, формирование открытой науки 2.0 и растущая доступность результатов исследований для обсуждения в обществе, возникновение гражданской науки на основе краудсорсинга, переход от крупных исследовательских институтов к сетевым, распределенным формам совместной научной деятельности. Под влиянием больших данных и интернета вещей меняются методы исследований.

С другой стороны, *проблематика исследований*, особенно в области общественных наук, в частности, социальной психологии, становится более ориентированной на процессы глобальных изменений, поведение людей в турбулентном, «текущем» обществе (см.: Психологические исследования глобальных процессов..., 2017; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017). Вместе со сменой технологических платформ происходит переопределение места социальных и гуманитарных наук в обществе, требующее осмысления и координации совместных действий. В России один из первых шагов в этом направлении был сделан социологическим сообществом в апреле 2017 г. на VII Грушинской социологической конференции, целиком посвященной будущему прикладной социологии. В марте 2017 г. была проведена форсайт-сессия, в ходе которой эксперты выделили тренды и сценарии развития социологии до 2030 г. (Индустриальная форсайт сессия, электронный ресурс).

В психологической среде дискуссия о глобальных вызовах обществу и будущем психологии только начинается. *Цель настоящей статьи* — представить анализ инициатив, которые предпринимались ранее российскими и зарубежными психологами для прогнозирования будущего своей науки, а также проанализировать последствия перехода к цифровому обществу для психологических исследований и практики.

Психология в 2030 г.: прогнозы экспертов

Несмотря на рост актуальности глобальных вызовов для теоретической и прикладной психологии и осознание психологами важности проблемы будущего (Bray, 2010; Benet-Martínez et al., 2015; Pavlović, 2015), можно отметить удивительно небольшое число про-

ектов и публикаций на эту тему. Рефлексия будущего в психологической науке связана в основном с традиционным выделением перспективных направлений исследований и библиометрическим анализом. Форсайты были признаны как инструмент, повышающий влияние прикладной психологии на правительственные решения (Manetti et al., 2010), но широкого распространения в психологической среде не получили (из личной беседы Т. А. Нестика с Т. М. Баптиста, Президентом Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA) на 15 Европейском психологическом конгрессе в Амстердаме, 11–14 июля 2017 г.).

Периодически долгосрочные перспективы развития обсуждаются на страницах журналов и в рамках профессиональных ассоциаций психологов. Так, например, журнал «Frontiers in Psychology» создал рубрику «Большие вызовы для психологии в XXI веке», в рамках которой в 2015–2017 гг. вышла серия публикаций (см., напр.: Boyatzis, 2015; Sörqvist, 2016). В 2017 г. «Психологический журнал» РАН ввел новую рубрику «Перспективы психологической науки» (см., например: Занковский, Журавлев, 2017). В 2008 г. Американская психологическая ассоциация (APA) определила большие вызовы для общества, на которые предстоит ответить психологам: старение населения, изменение климата, расслоение общества по уровню здоровья и качеству жизни (Society's Grand Challenges, 2008). На саммите APA в мае 2009 г. 150 экспертов в области психологии, экономики, медицины, бизнеса и политики разработали видение будущего прикладной психологии (Bray, 2010). Ассоциация психологических наук (APS) к своему 25-летию в 2013 г. опубликовала серию интервью о будущем (The Next 25 Years, 2013). На 16-й ежегодной конференции Общества персональной и социальной психологии (SPSP) в 2015 г. была организована пленарная секция, посвященная будущему психологии (Society for..., 2015).

Значительное место в литературе о будущем психологии давно занимает проблема унификации и поиска «большой теории», объединяющей психологическое знание (Sternberg, Grigorenko, 2001; Calhoun, 2004; Valsiner, 2007; Kazdin, 2008; Harry, 2010). К числу наиболее часто упоминаемых в публикациях и дискуссиях относятся такие *тенденции*, как объединение отраслей психологического знания вокруг наук о мозге, риск растворения психологии в науках о жизни, вульгаризация психологии и низкий авторитет психологов-исследователей в обществе, переход к «открытой науке» и борьба за повышение воспроизводимости результатов научных исследований, использование цифровых технологий в исследованиях

и психологической практике, растущая междисциплинарность, увеличение выборок и новые статистические методы (о современных тенденциях см. также: Принцип развития..., 2016; Прогресс психологии..., 2009).

Заслуживает внимания блиц-опрос ведущих психологов, проведенный в 2012 г. редакцией «Национального психологического журнала» незадолго до V Съезда Российского психологического общества. Опыт форсайт-сессии «Психология бизнеса – 2023», проведенной департаментом психологии НИУ ВШЭ в 2013 г., а также одного из первых в России форсайтов в области гуманитарных наук, организованного Форсайт-Центром НИУ ВШЭ в 2014 г., показывает, что наибольший результат обеспечивают не однократные экспертные оценки или разовые обсуждения, а постоянно действующие коммуникационные площадки и сообщества, ориентированные на поиск перспективных исследовательских направлений.

В рамках форсайта «Российская психология – 2030» Институт психологии РАН в 2015–2016 гг. провел опрос (N=50), направленный на выявление мнений специалистов о том, какими станут психологическая наука и практика в нашей стране и в мире к 2030 г. Его результаты достаточно подробно изложены на страницах периодических научных изданий (Журавлев и др., 2016; Нестик и др., 2016).

Сложность стоящих перед психологами практических проблем, а также внутренняя логика развития науки будут подталкивать исследователей к поиску своего рода «большой теории» в психологии (т. е. к проработке парадигмальных основ существующих направлений, выработке общей теории и методологии прикладной психологии, системным исследованиям практической работы психолога).

Цифровая революция и развитие психологии

Поскольку новые направления развития психологии зарубежные и отечественные эксперты связывают в первую очередь с цифровыми технологиями, целесообразно более внимательно проанализировать последствия *цифровой революции* для проведения исследований и оказания психологической помощи. Некоторые из этих последствий пока остаются за пределами внимания российских психологов.

Во-первых, вместе с распространением технологий Big Data и «интернета всего» изменятся *скорость, масштабы и методы сбора данных* в психологических исследованиях (Kosinski et al., 2016). Радикально изменится соотношение типов данных, выделенных Р. Кеттеллом: L-данных (объективных фактов о жизни и поведе-

нии) и Т-данных (результатов тестов) становится гораздо больше, чем Q-данных (опросников, основанных на самоотчетах респондентов) и О-данных (оценок человека другими знающими его людьми). Если сегодня под «цифровыми следами» личности понимаются преимущественно «клики мышкой» при пользовании интернетом, то в ближайшие 10 лет мы окажемся в условиях, когда не только наши перемещения в пространстве, но и многие наши слова и действия будут регистрироваться в сети. Иными словами, в мире интернета вещей и больших данных жизнь человека станет «цифровой», доступной для наблюдений и диагностики. Компьютерным программам сегодня достаточно информации всего о 70 лайках, сделанных человеком в Facebook, чтобы предсказывать его политические предпочтения, отношение к здоровью и алкоголю точнее, чем это делают его сослуживцы, а информация о 300 лайках позволяет делать это лучше, чем его жена или муж (Youyou et al., 2015). Семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях, а также обработка «цифровых следов», которые человек оставляет в реальном мире, соприкасаясь с сетью электронных устройств, не говоря уже о триангуляции его положения по системам GPS, – все это уже сегодня позволяет более точно оценивать некоторые психологические характеристики человека, чем с помощью стандартизированных психологических опросников (Lambiotte, Kosinski, 2014). В России психологическое профилирование пользователей социальных сетей ведется уже более 5 лет (см., например: Щебетенко, 2013), но по-настоящему масштабные проекты в этой области реализованы в англоязычном кластере интернета (вспомним нашу мевшую историю об участии Cambridge Analytica в избирательной кампании Д. Трампа и возможное использование психологического таргетирования сообщений в ходе Brexit).

Появление владельцев данных (интернет-гигантов, социальных сетей, банков и страховых компаний, платежных систем и т. п.), которые, возможно, «знают» нас лучше, чем мы сами, вызывают целый ряд этических и социальных проблем, которыми тоже придется заниматься психологам. С одной стороны, эти изменения расширяют возможности количественных методов проверки психологических гипотез. С другой стороны, эти процессы повышают востребованность качественных методов анализа и теоретического обоснования его результатов (Benet-Martínez et al., 2015).

Под влиянием больших данных психологическое знание становится все более *предиктивным*, ориентированным не на интерпретацию уже собранной информации, а на прогнозирование пси-

хологических процессов в режиме реального времени. Кроме того, все больше психологических явлений будет изучаться не в лаборатории, а в реальном контексте (см.: Психологические исследования глобальных рисков..., 2017; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017).

Более доступными становятся не только объективные данные о поведении людей, но и их самоотчеты, а также результаты прохождения тестов. Благодаря социальным сетям и инструментам краудсорсинга, таким как Механический турок компании Amazon, психологам стало легче собирать большие выборки (Crump et al., 2013). К давно открытым многолетним базам социологических опросов, таким как World Values Survey, International Social Survey, European Social Survey и Eurobarometer, добавляются новые, собственно психологические (напр., Journal of Open Psychology Data). Так, в Experience Project, социальной сети, существовавшей с 2007 по 2016 гг., содержатся 66 миллионов жизненных историй и описаний различных эмоциональных переживаний, составленных участниками. На сайте myPersonality.org собраны более 6 миллионов результатов тестов (в том числе 3,1 млн результатов по тесту Big 5) вместе с 4 миллионами личных страниц в Facebook. При этом использование больших данных не обязательно требует от психологов владения навыками программирования (Cheung, Jak, 2016).

Доступность психологических данных растет вместе с переходом психологии к модели «Открытая наука» (Wicherts, 2013). Все больше журналов требуют размещения в открытом доступе баз с сырыми данными, а такие, как «Cortex», «Attention Perception & Psychophysics», «AIMS Neuroscience» и «Experimental Psychology», даже предварительной публикации и одобрения дизайнера исследования до проведения эксперимента. С этой тенденцией связаны надежды на преодоление кризиса воспроизводимости результатов исследований в психологии, по разным оценкам не превышающей 30–39% (см., например: Replication Project; см. также дискуссии: Vaumeister, 2016; Motyl et al., 2017). Так, в 2017 г. журнал «Psychological Science» открыл новую рубрику, в которой будут размещены отчеты о воспроизведении исследований, публиковавшихся ранее на его страницах. Подобные инициативы в практике работы российских научных журналов по психологии пока нам неизвестны.

Во-вторых, психологическая практика будет меняться под влиянием трансформаций в *медицине*, где происходит персонализация на основе генетических данных, переход от лечения к превентивной диагностике и поддержанию здоровья, от очных встреч

с врачом к дистанционным консультациям 24/7. Как и в медицине, дальнейшая персонализация приведет к тому, что депрессия, тревожные расстройства, шизофрения и аутизм станут рассматриваться как широкие категории заболеваний, в рамках которых для каждого конкретного пациента будут определяться свои причины на молекулярно-генетическом уровне с учетом специфических жизненных условий и отношений с конкретными людьми (Nemko, 2016). Уже сегодня растет число дистанционных психологических услуг (Arnberg et al., 2014). Примером может служить интернет-портал Therachat, за 10 \$ в месяц позволяющий практикующим психологам давать консультации он-лайн и поддерживать непрерывный контакт с клиентами между встречами посредством домашних заданий, ведения дневников, мгновенных сообщений, записи всех чатов и последующего сентимент-анализа. По аналогии с медицинской удаленной диагностикой через носимые датчики часть показателей психологического состояния будет непрерывно считываться на основании айтрекинга, КГР и ЭКГ, автоматически сопоставляться с данными других пользователей и обобщаться в виде рекомендаций психолога-практика. Можно ожидать появления рынка психологических данных, аналогичного тому, который сложился сегодня в области медицины, где миллионы историй болезни загружаются в память программы-врача IBM Watson. Появляется возможность совмещать психологические исследования с массивами генетических данных, чем уже начали пользоваться психологи, например, при изучении болезни Альцгеймера (Beaton et al., 2016).

Несомненно, продолжится наметившееся в последние годы объединение социальной психологии и нейронаук. Мониторинг ЭЭГ, КГР и других биологических показателей одновременно у множества участников совместной деятельности позволит сделать шаг вперед в изучении «социального мозга» и психофизиологии коллективного субъекта.

В-третьих, в практической психологии будет все более широко использоваться *искусственный интеллект*. Сегодня это интернет-боты, но уже через несколько лет на рынке появятся более сложные самообучающиеся системы, вооруженные не только знаниями о закономерностях человеческого поведения, но и данными о нашем индивидуальном поведении. Компания психологов из Стэнфорда в 2017 г. уже вывела на рынок бота-психотерапевта¹, за 39 \$ в месяц отслеживающего эмоциональное состояние пользо-

1 <https://www.woebot.io>.

вателя и дающего психологические консультации (Fitzpatrick et al., 2017). Как показало исследование, проведенное с использованием бота-психолога Элли, разработанного в Калифорнийском университете при поддержке военного агентства DARPA, люди более склонны раскрываться в общении с программой, чем в беседе с реальным человеком, так как меньше опасаются оценки окружающих и меньше заботятся об управлении впечатлением (Lucas et al., 2014).

Вместе с распространением технологий *дополненной реальности* будет расширяться применение автоматизированных экспертных систем, подсказывающих пользователю то или иное направление действий с учетом оценки психологического состояния и намерений окружающих людей, информации о его собственном поведении и предпочтениях. По-видимому, опираясь на собираемые помощником данные о своем предшествующем поведении в аналогичных ситуациях, люди смогут более точно прогнозировать свои эмоции и поступки. Интегрированные с носимыми датчиками, экспертные системы открывают путь для разработки новых технологий в области ускоренного обучения и саморегуляции на основе биологической обратной связи.

Наряду с новыми возможностями для развития осознанности, социального интеллекта и метакогнитивных способностей персональные помощники, взаимодействующие с человеком через носимые устройства, будут менять поведение человека в направлении, запрограммированном создателями подобных сервисов. Вне зависимости от того, как будет регулироваться использование подобных технологий законодательством и нормами морали, психология, скорее всего, перестанет быть прежней: отныне при объяснении индивидуального и группового поведения психологам придется учитывать «поправки», заложенные машинными алгоритмами для компенсации или предотвращения различного рода эвристик, мотивационно-когнитивных искажений, социально-психологических эффектов. Изменится и психологическая помощь: психотерапевт и коуч должны будут рассматривать в совокупности человека и его цифровой мир, включая его персональных виртуальных помощников, различные виды искусственного интеллекта в трудовой и досуговой сферах, окружающие его «умные» вещи и т. п. Психотерапия будет невозможна без одновременного воздействия на цифровую среду клиента.

Применение *виртуальной реальности* уже сегодня существенно расширяет возможности для психологической практики, например, при работе со страхом авиаперелетов, агорафобией и раз-

личными видами посттравматического стрессового расстройства, которые требуют воспроизведения ситуации *in vivo* (Rivera et al., 2015). Технологии виртуальной реальности широко используются в обучении для моделирования будущего поведения в различных ситуациях. В дальнейшем можно ожидать появления психологических сервисов, предлагающих человеку путешествие в соответствии с различными сценариями его собственной жизни или жизни близких ему людей. По-видимому, онлайн-игры и виртуальная реальность будут широко использоваться при разработке групповых решений, диагностике совместимости и семейном консультировании. Появятся сетевые сообщества, участники которых «играют» в жизни друг друга с целью оказания психологической помощи или для развлечений.

Виртуальная реальность открывает дополнительные возможности для изучения групповых когнитивных процессов: групповых ментальных моделей, систем транзакционной памяти, групповой ситуационной осведомленности (Mohammed et al., 2010; Wildman et al., 2014). Можно ожидать появления автоматизированных систем разработки и принятия групповых решений, которые считывают психофизиологические и когнитивные показатели участников, управляют распределением ролей в группе и когнитивной нагрузкой, воздействуют на участников на основе обратной биологической связи. Решение таких задач потребует преодоления целого ряда теоретических и практических проблем. Например, предоставление членам группы мультимодальной биологической и поведенческой обратной связи в социально значимой ситуации может повысить объем необходимых когнитивных ресурсов, а не снизить его. Исследования использования виртуальной реальности при принятии групповых решений показывают, что увеличение модальностей восприятия (трехмерное изображение) в сочетании с внутригрупповым взаимодействием повышают когнитивную нагрузку и снижают эффективность групповых процессов (van der Land et al., 2013). Причем при решении операторами индивидуальных задач наблюдается обратный эффект: измеряемая с помощью ЭЭГ когнитивная нагрузка ниже в трехмерной виртуальной реальности, чем в двухмерной (Dan, Reimer, 2015). Иными словами, использование мультимодальной обратной связи на групповом уровне может приводить как к позитивным, так и к непредвиденным негативным эффектам, которые отсутствовали на индивидуальном уровне.

Другой потенциальной трудностью, связанной с использованием искусственного интеллекта в качестве фасилитатора групповых

обсуждений, может стать негативная реакция группы на внешнюю обратную связь. Системы автоматизированной обратной связи могут как повышать эффективность группового принятия решений, так и снижать его. Например, использование автоматизированной системы, модерлирующей групповую дискуссию на основе алгоритмов распознавания речи и визуализации групповой динамики, привело к противоречивым результатам: оно повышало эффективность изначально непродуктивных групп, однако те группы, которые с самого начала дискуссии эффективно обменивались информацией, при получении обратной связи снижали эффективность, так как внешние команды приводили к прерыванию обмена идеями (Tausczik, Pennebaker, 2013). В другом исследовании команды автоматизированного модератора приводили к преждевременному консенсусу членов группы, т. е. сокращали время принятия решений, но снижали их качество (Leshed, 2009). Таким образом, при разработке следующего поколения автоматизированных систем поддержки принятия групповых решений могут возникнуть трудности, которые потребуют серьезных социально-психологических исследований, более глубокого понимания групповой динамики, опосредованной техническими системами (см.: Журавлев, Занковский, 2017).

Использование искусственного интеллекта, программируемых «умных материалов» и технологий телеприсутствия позволит автоматически конфигурировать помещения, в которых находится человек или группа, с учетом личностных особенностей и психологических требований решаемой в данный момент задачи (от расположения и цвета стен до формы коммуникаций с людьми за пределами комнаты). Можно ожидать появления спроса на услуги очных или виртуальных психологов-консультантов, которые объединяют в себе дизайнера помещений, социального или семейного психолога и специалиста по инженерной психологии. Так, например, уже сегодня предпринимаются попытки проектировать архитектурные решения на основе результатов не только социально-психологических, но и нейропсихологических исследований (Conscious Cities, 2017). С внедрением «умных материалов» существенно возрастут возможности влияния на поведение горожан посредством непрерывного перепроектирования их непосредственной жизненной среды.

Развитие *интерфейсов «мозг-компьютер»* и «мозг-компьютер-мозг» (в рамках Национальной технологической инициативы они обсуждаются как «нейронет») неизбежно приведет к появлению новых

социально-психологических феноменов и процессов, не имеющих аналогов в традиционной психологии. Академическая психология столкнется с вызовом, который заставит социальных психологов объединить усилия с нейробиологами, психофизиологами, когнитивистами, клиническими и экзистенциальными психологами. С одной стороны, вместе с достижениями нейронаук и психофармакологии новые инструменты коммуникаций и психологического воздействия откроют дополнительные возможности для практической психологии. С другой стороны, они будут способствовать распространению различных форм самопомощи, подтолкнут пользователей к психологическим и социальным экспериментам с риском для своего и чужого психического здоровья.

Цифровая революция открывает не только путь к «психозойской эре» и духовному развитию человека, но и к новым формам психологических манипуляций, невиданным по охвату и глубине воздействия. В этих условиях чрезвычайно актуальным становится развитие рефлексии в самом психологическом сообществе, направленной на осмысление последствий глобальных изменений для психологической науки и российского общества.

Заключение

Проведенный выше анализ показывает, что российское психологическое сообщество нуждается в инициативах, направленных на формирование *долгосрочного образа будущего* психологической науки и позволяющих согласовывать представления о перспективных направлениях исследований. Во-первых, как в России, так и за рубежом формируется более отчетливый социальный заказ на психологические исследования, который нередко выражается в попытках определить приоритетные направления исследований «сверху» без участия самих ученых. Более ясное понимание особенностей формирования образа будущего в российской научной среде позволит эффективнее организовать процесс «стратегического диалога» между научными сообществами, инновационно-технологическими стартапами, властью и обществом. Во-вторых, растущая скорость технологических и социальных изменений, нарастающие глобальные риски обостряют необходимость восстановления техно-гуманитарного баланса, осмысления изменений с участием представителей естественных, социальных и гуманитарных наук. Это требует привлечения внимания научного психологического сообщества к глобальным технологическим трендам

и их последствиям для человека, общества и самой психологической науки. Наконец, реализация стратегии научно-технологического развития России требует формирования в научных коллективах стратегических программ развития, долгосрочного видения будущего, чувствительности к «слабым сигналам» приближающихся перемен.

Широкие возможности для разработки образа будущего российской психологии открывает *методология форсайта*. В широком смысле форсайт – это система мероприятий, организационных процессов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность организации или профессионального сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании анализа трендов и сценариев развития событий (Соколов, 2009; Rohrbeck, 2011). Методология форсайта опирается на несколько групп методов (Porper, 2008): 1) технологии, основанные на экспертизе участников (например, метод Дельфи, дорожные карты, критические технологии); 2) методы, задействующие креативность (например, «дикие карты», игровое моделирование); 3) методы, ориентированные на обеспечение доказательности (библиометрический и патентный анализ, семантический анализ и т. п.); 4) технологии, основанные на взаимодействии участников (мозговые штурмы, научные сессии, семинары по разработке сценариев, анализ заинтересованных сторон и т. п.).

Сформировавшаяся в 1990-е годы парадигма форсайта основана на трех *базовых принципах*. Во-первых, от метафоры будущего как неразведанной территории, которую нужно «нанести на карту», происходит переход к метафоре будущего как совместного творчества. Во-вторых, будущее многовариантно и постоянно меняется, поэтому работа с ним требует непрерывного сценарирования, разработки и выбора альтернатив. В-третьих, образ будущего создается через договоренности между заинтересованными сторонами, поэтому основная цель форсайта – создание сети экспертов и лиц, принимающих решения, которая будет объединена общим образом желаемого будущего, будет отслеживать изменения, оперативно реагировать на них и помогать участникам оказывать друг другу взаимную поддержку даже в непредвиденных ситуациях.

Групповая рефлексия является основным социально-психологическим механизмом форсайта как способности сообщества к прогнозированию и конструированию коллективного образа будущего (Нестик, 2014). Иными словами, форсайт как социально-психологический феномен есть не что иное, как групповая проспективная

рефлексивность (Журавлев, Нестик, 2012), «стратегический диалог» (Mask, 2013).

Таким образом, для развития «дальнозоркости» психологического сообщества необходим постоянный диалог: регулярные форсайт-сессии по междисциплинарным психологическим проблемам; специальные секции на конференциях, посвященные глобальным трендам и будущему психологии; соответствующие рубрики в психологических журналах; видеоинтервью известных психологов на тему вызовов будущего. Необходим также анализ передовых практик выявления перспективных научных направлений в российских научных коллективах.

Наконец успешный долгосрочный форсайт сопряжен и с решением ряда собственно *исследовательских задач*: уточнением механизмов обмена неявными знаниями и функций «знаний о будущем» в малых группах и профессиональных сообществах, выявлением социально-психологических факторов долгосрочной ориентации научных коллективов и сообществ, анализом социально-психологических механизмов коллективного прогнозирования.

Литература

- Журавлев А. Л., Занковский А. Н. Психология виртуальной организации: актуальные проблемы и направления перспективных исследований // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск—Ростов-н/Д., 2017. С. 52—57.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27—37.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юевич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45—64.
- Занковский А. Н., Журавлев А. Л. Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77—88.
- Индустриальная форсайт сессия. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=1027> (дата обращения: 19. 10.2017).
- Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3—13.

- Нестик Т. А.* Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 100–123.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Приоритетные направления психологической науки и практики в 2030 г.: результаты опроса среди российских психологов // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 3 (79). С. 1–14.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Соколов А. В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Щебетенко С. А.* Большая пятерка черт личности и активность пользователей в социальной сети «Вконтакте» // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2013. № 4. С. 73–83.
- Arnberg F. K., Linton S. J., Hulterantz M., Heintz E., Jonsson U.* Internet-delivered psychological treatments for mood and anxiety disorders: a systematic review of their efficacy, safety and cost-effectiveness // PLoS One. 2014. V. 9 (5). e98118. doi. org/10.1371/journal.pone.0098118.
- Baumeister R. F.* Charting the future of social psychology on stormy seas: Winners, losers and recommendations // Journal of Experimental Social Psychology. 2016. V. 66. P. 153–158. doi: 10.1016/j.jesp.2016.02.003.
- Beaton D., Dunlop J., Abdi H.* Alzheimer's Disease Neuroimaging Initiative. Partial least squares correspondence analysis: A framework to simultaneously analyze behavioral and genetic data // Psychological Methods. 2016. V. 21 (4). P. 621. URL: 651. http://dx.doi.org/10.1037/met0000053 (дата обращения: 15.08.2017).
- Benet-Martinez V., Donnellan M. B., Fleeson W., Fraley R. Ch., Gosling S. D., King L. A., Robins R. W., Fund D. C.* Six Visions for the Future of Personality Psychology // APA Handbook of Personality and Social Psycho-

- logy. V. 4. Personality Processes and Individual Differences / M. Mikulincer, P. R. Shaver (Editors-in-Chief). N. Y.: APA, 2015. P. 665–689. doi: 10.1037/14343-030.
- Boyatzis R. E.* Organizational psychology on the way to 2065: a challenge to scholars // *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. № 948. P. 1–2. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00948.
- Bray J. H.* The Future of Psychology Practice and Science // *American Psychologist*. 2010. V. 65. № 5. P. 355–369. doi: 10.1037/a0020273.
- Calhoun L.* The unification of psychology: A noble quest // *Journal of Clinical Psychology*. 2004. V. 60 (12). P. 1283–1289.
- Cheung M. W., Jak S.* Analyzing Big Data in Psychology: A Split/Analyze/ Meta-Analyze Approach // *Frontiers In Psychology*. 2016. V. 7. Article 738. P. 1–13. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00738.
- Conscious Cities: Bridging Neuroscience, Architecture and Technology. Anthology № 2 – publication of the 2017 Conscious Cities conference (London on 3rd of May, 2017) / Eds A. Fritz, I. Palti. L., 2017. URL: <http://www.ccities.org/publications/conscious-cities-bridging-neuroscience-architecture-technology>.
- Crump M. J. C., McDonnell J. V., Gureckis T. M.* Evaluating Amazon’s Mechanical Turk as a Tool for Experimental Behavioral Research // *PLoS ONE*. 2013. V. 8 (3): e57410. doi: 10.1371/journal.pone.0057410.
- Fitzpatrick K. K., Darcy A., Vierhile M.* Delivering Cognitive Behavior Therapy to Young Adults With Symptoms of Depression and Anxiety Using a Fully Automated Conversational Agent (Woebot): A Randomized Controlled Trial // *JMIR Mental Health*. 2017. V. 4 (2). e19. doi: 10.2196/mental.7785.
- Harr R.* Hybrid psychology: The marriage of discourse analysis with neuroscience // *Athenea Digital*. 2010. V. 18. P. 33–47.
- Investigating Variation in Replicability: A “Many Labs” Replication Project. URL: <https://osf.io/wx7ck> (дата обращения: 15.10.2017).
- Kazdin A.* Unity: Psychology’s immunity booster // *Monitor on Psychology*. 2008. V. 39 (3). P. 5.
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J.* Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // *Big Data in Psychology. Special issue of Psychological Methods*. 2016. V. 21. № 4. P. 493–506.
- Lambiotte R., Kosinski M.* Tracking the Digital Footprints of Personality // *Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE)*. 2014. V. 102. № 12. P. 1934–1939.
- Lucas G. M., Gratch J., King A., Morency L.-P.* It’s only a computer: Virtual humans increase willingness to disclose // *Computers in Human Behavior*. 2014. V. 37. P. 94–100. doi: 10.1016/j.chb.2014.04.043.

- Mack T. C.* Foresight as Dialogue // *Futurist*. 2013. V. 47. № 2. P. 46–50.
- Manetti M., Zunino A., Frattini L., Zini E.* Scenario planning, a tool for community psychology work with politicians: a case analysis // *Community, Work & Family*. 2010. V. 13 (1). P. 23–33.
- Motyl M., Demos A. P., Carsel T. S.* et al. The state of social and personality science: Rotten to the core, not so bad, getting better or getting worse? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. V. 113 (1). doi: 10.1037/pspa0000084.
- Pavlovi J.* Imagining Possible Futures: Scenarios for Constructivist Psychology // *Studies In Meaning*. 2015. V. 5. P. 221–245.
- Popper R.* Foresight Methodology // *Georghiou L., Harper J. C., Ceenan M., Miles I., Popper R.* The Handbook of Technology Foresight. Concepts and Practice. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2008. P. 44–88.
- Rivera R. M. B., Arbona C. B., García-Palacios A., Castellano S. Q., López J. B.* Treating Emotional Problems with Virtual and Augmented Reality // *The Handbook of the Psychology of Communication Technology*. Oxford: John Wiley & Sons, 2015. P. 548–566. doi: 10.1002/9781118426456.ch25.
- Rohrbeck R.* Corporate Foresight. Towards a Maturity Model for the Future Orientation of a Firm. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 2011.
- Society for Personality and Social Psychology – 2015 Annual Meeting. February 26–28, 2015. Long Beach Convention & Entertainment Center Long Beach, CA, 2015. P. 111–112.
- Society’s Grand Challenges: Insights from Psychological Science. American Psychological Association, 2008. URL: <http://www.apa.org/science/resources/grand-challenges.aspx> (дата обращения: 18.09.2017).
- Sörqvist P.* Grand Challenges in Environmental Psychology // *Frontiers in Psychology*. 2016. V. 7. № 583. P. 1–3. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00583.
- Sternberg R., Grigorenko E.* Unified psychology // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (12). P. 1069–1079.
- The Next 25 Years // Association for psychological science. December, 2013. URL: <https://www.psychologicalscience.org/observer/the-next-25-years> (дата обращения: 30.10.2017).
- Valsiner J.* Becoming integrative in science: Re-building contemporary psychology through interdisciplinary and international collaboration // *Integrative Psychological & Behavioral Science*. 2007. V. 41. P. 1–5.
- Wicherts J. M.* Science revolves around the data // *Journal of Open Psychology Data*. 2013. V. 1 (1), p. e1. doi: 10.5334/jopd.e1.
- Youyou W., Kosinski M., Stillwell D.* Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // *PNAS*. 2015. V. 112. № 4. P. 1036–1040.

Сведения об авторах

- Галкина Татьяна Владимировна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН
- Грачев Александр Алексеевич* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН
- Гусельцева Марина Сергеевна* – доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка ФГБНУ «Психологический институт РАО», главный научный сотрудник ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
- Журавлев Анатолий Лактионович* – академик РАН, доктор психологических наук, директор Института психологии РАН
- Зеленкова Татьяна Владимировна* – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и дефектологии Государственного гуманитарно-технологического университета, старший научный сотрудник ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России
- Знаков Виктор Владимирович* – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН
- Зуев Константин Борисович* – заведующий отделом по связям с общественностью Института психологии РАН
- Китова Джульетта Альбертовна* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН
- Кольцова Вера Александровна* – доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН
- Корнилова Татьяна Васильевна* – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
- Мазилев Владимир Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского

Сведения об авторах

Марцинковская Татьяна Давидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка Психологического института РАО, заместитель директора института психологии им. Л. С. Выготского РГГУ

Мироненко Ирина Анатольевна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

Патяева Екатерина Юрьевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Петренко Виктор Федорович – член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Полева Наталья Сергеевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка ФГБНУ «Психологический институт РАО»

Семенов Игорь Никитович – доктор психологических наук, профессор Департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования

Сергиенко Елена Алексеевна – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН

Смирнов Сергей Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Харламенкова Наталья Евгеньевна – доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН

Хорошилов Дмитрий Александрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Юревич Андрей Владиславович – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН

Янчук Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор Академии постдипломного образования (Беларусь)

Научное издание

Серия «Методология, история и теория психологии»

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Редактор – *Т. А. Сарыева, О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 20.12.17. Подписано в печать 03.01.18
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 44,75. Уч.-изд. л. 39,7
Тираж 250 экз. Заказ